

МЛАДШИЕ
СОВРЕМЕННОКИ
ШЕКСПИРА

Университетская
библиотека

Редакционная коллегия:

Л. Г. Андреев (председатель),
А. К. Авеличев, С. С. Дмитриев, Я. Н. Засурский,
А. Ч. Козаржевский, Ю. С. Кукушкин,
В. И. Кулешов, В. В. Кусков, А. И. Метченко,
П. А. Николаев, В. И. Семанов, А. А. Тахо-Годи

МЛАДШИЕ СОВРЕМЕННОКИ ШЕКСПИРА

И (Энгл)
М-72

Под редакцией А. А. Аникста

БИБЛИОТЕКА ИГИИ
Инд. № 2763 69

Издательство Московского университета
1986

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. Г. Елина*,
кандидат филологических наук *С. И. Еремина*.

Составители: А. Н. Горбунов и С. Э. Таск.

Младшие современники Шекспира. Под ред.
А. А. Аникста. М., Изд-во Моск. ун-та, 1986. 592 с.

В книгу включены пьесы английских драматургов
первой трети XVII века; представлены основные
жанры: трагедия, трагикомедия, комедия.

М $\frac{4700000000-051}{077(02)-86}$ 192-86

© Издательство Московского университета, 1986 г.

ДРАМАТУРГИЯ МЛАДШИХ СОВРЕМЕННОКОВ ШЕКСПИРА

В стихах, предпосланных первому собранию сочинений Шекспира, вышедшему в свет в 1623 году, знаменитый английский драматург Бен Джонсон сказал: «Он принадлежит не одному веку, но всем временам»¹. Слова эти, прозвучавшие через семь лет после смерти великого творца «Гамлета» и «Короля Лира», оказались пророческими. В истории театра нового времени не было и нет фигуры крупнее Шекспира.

Конечно, не следует думать, что все остальные писатели того времени были лишь блеклыми копиями великого драматурга и что их творения лишь занимают отведенное им место на книжной полке, уже давно не интересующих читателей и театральных зрителей. Пожалуй, ни один другой период в истории английского театра не может сравниться своими достижениями с эпохой конца XVI — первой половины XVII века. Достаточно назвать имена наиболее известных у нас Кристофера Марло или Бена Джонсона, чтобы представить себе масштабы творческого диапазона крупнейших художников того времени. А ведь рядом с ними жили и творили еще многие талантливейшие драматурги, чьи имена прочно вошли в историю литературы и театра.

Интересующий нас период в истории английской драмы длился около полувека — с конца 80-х годов XVI столетия вплоть до закрытия театров по настоянию пуритан в 1642 году. За это время английская драма прошла весьма сложный путь развития. Историки литературы и театра обычно выделяют три основных этапа: ранний, зрелый и поздний². Ранний (с конца 80-х годов XVI в. до начала XVII в.) был этапом становления английской драмы, когда в театр пришли такие драматурги, как Джон Лили (1553—1606), Джордж Пил (1557—1596), Роберт Грин (1558—1592), Томас Кид (1558—1594) и Кристофер Марло (1564—1593). В эти же годы пишет свои исторические хроники, комедии и ранние трагедии Уильям Шекспир (1564—1616). Второй, или зрелый, период (с начала XVII в. до

¹ Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. 1. М., 1953, с. 512.

² См., например: История западноевропейского театра, т. 1. М., 1956, с. 392—393.

начала 20-х годов) был временем наивысших достижений английского театра. Шекспир создает тогда свои великие трагедии и поздние трагикомедии, начинают свою деятельность Бен Джонсон (1573—1637), Джордж Чэпмен (1559—1634), Томас Хейвуд (1570—1641), Томас Деккер (1572—1626), Джон Марстон (1576—1634), Сирил Тернер (ок. 1575—1626), Джон Уэбстер (ок. 1575—1625?), Томас Мидлтон (1580—1627), Фрэнсис Бомонт (1584—1616) и Джон Флетчер (1579—1625). И, наконец, третий — поздний — этап (с начала 20-х годов до закрытия театров), характеризуемый обычно как период кризиса и постепенного упадка английской сцены, хотя некоторые из драматургов предыдущего периода еще продолжают тогда ставить свои пьесы и в театр приходят новые интересные авторы: Филип Мэссинджер (1583—1646), Джон Форд (1586—1639) и Джеймс Шерли (1596—1666).

Эта общепринятая периодизация создает, однако, несколько одностороннее представление о театре младших современников Шекспира. Для эволюции этого театра, на наш взгляд, характерны не только его постепенный упадок (замалчивать кризисные явления в драматургии 20—30-х годов было бы ошибкой), но и его качественная трансформация, постепенное перерождение, почти до неузнаваемости изменившее облик английской сцены к началу 40-х годов.

Внимательно взглядываясь в драматургию конца XVI — первой половины XVII века, поражаешься ее необычайному богатству и многообразию: идейно-философскому, жанровому и стилевому. Весьма знаменательно, что все попытки найти для этой драматургии единое определение, раскрывающее ее сущность, до сих пор остаются в той или иной мере неудовлетворительными. Название «театр Шекспира» неточно потому, что грандиозное творчество Шекспира, по сути, выходит за рамки хронологических эпох и литературных стилей, чего нельзя сказать о других драматургах. Старшие современники Шекспира, начавшие писать лет за десять до него и каждый по-своему подготовившие почву для его ранних драм, целиком остаются в пределах эпохи Возрождения. Младшие же его современники, шедшие своими путями и порой ходившие далеко в сторону от модели шекспировской драмы, во многом принадлежат уже искусству XVII века. Так что неверно называть весь театр этой эпохи театром Возрождения. Неверно также называть драматургию интересующего нас периода елизаветинской, как это делают некоторые английские критики или известный исследователь и переводчик И. А. Аксенов. Принятое в Англии деление драматургов на елизаветинских, яковитских и карлитских хотя в общих чертах и совпадает с тремя вышеназванными этапами развития английской драмы, но упускает из виду их общность и существующую между ними преемственность.

Английский театр конца XVI — первой половины XVII века можно, пожалуй, считать единой поэтической системой. Театр этот впитал в себя две основные традиции, существенно трансформировав их: учено-гуманистическую, опиравшуюся на античность, и народную, продолжавшую линию народной средневековой драматургии

(мистерий, моралите, интерлюдий и фарса) и фольклорной поэзии (в частности, баллад, песен, разнообразных легенд и народных поверий). На основе этих двух традиций английская драматургия создала особый синтез — поэтическую драму, имевшую народный характер, ярким примером чему служат пьесы Шекспира.

Театр в 90-е годы XVI века стал в Англии достоянием всей нации, и представители всех слоев общества, от влиятельного аристократа и недавно разбогатевшего буржуа, сидевших в дорогих ложах, до простолюдина, купавшего самые дешевые стоячие билеты в партере, с замиранием сердца следили за перипетиями судеб театральных героев. Отсюда прежде всего необычные широта и разнообразие этой драмы, необыкновенная свобода поэтической структуры самих пьес, отсюда и замечательное своеобразие стиха тогдашних драматургов, рассчитанного на слух весьма разношерстной публики, среди которой были тонкие знатоки, получившие образование в университете, и совсем неграмотные мастеровые.

И хотя в первые десятилетия XVII века в силу причин, о которых речь пойдет ниже, этот синтез был заметно нарушен, его влияние еще дает о себе знать и в 20-е годы, в период исподволь начавшегося кризиса, постепенного перерождения английской драмы накануне буржуазной революции.

В рамках данной статьи невозможно дать сколько-нибудь подробную и исчерпывающую характеристику всей английской драмы конца XVI — первой половины XVII века. Тем более что мы включили в наш сборник пьесы только младших современников Шекспира, писавших уже в XVII столетии. На этом времени мы вкратце и остановимся, наметив некоторые существенные тенденции развития драмы названного периода.

К началу XVII века в устроениях английского общества происходят важные перемены. Уже последние годы царствования Елизаветы были временем разочарования, которое лишь усилилось с воцарением короля Иакова I (1603). Героический энтузиазм, сплотивший весь английский народ на борьбу с испанцами и принесший ему победу (1588), казался делом далекого прошлого, «золотым мифом». Центробежные силы, возникшие в недрах английского общества в XVI веке, теперь начали все сильнее и сильнее заявлять о себе. Четыре первых десятилетия XVII века в Англии ознаменованы постоянно обострившимся антагонизмом между абсолютной монархией, опиравшейся на крупных феодалов и господствующую англиканскую церковь, и оппозицией, поддерживаемой не только буржуазией и так называемым новым дворянством, которое стало вести хозяйство по буржуазному образцу, но и широкими демократическими слоями общества. Причем этот антагонизм постепенно принял характер борьбы за религиозную свободу, движения, которое возглавили стойкие и фанатически непримиримые пуритане. И если решительное столкновение, приведшее к гражданской войне и революции, произошло лишь в середине XVII века, то сложные экономические и политические процессы, которые обусловили это столкновение, обозначились уже в первые годы царствования Иако-

ва I. Уже тогда бурное развитие капиталистического предпринимательства начало подрывать стабильность социального порядка. Размеры Лондона с 1500 по 1640 год увеличились чуть ли не в восемь раз. В то время как в столичном обществе появилось множество разного рода нуворишей, хозяйства крупных феодалов, их «дворянские гнезда» приходили в упадок. Как сообщают историки, к 1600 году около двух третей английских аристократов потеряли свои состояния³, крестьяне же в силу земельных спекуляций и огораживаний часто оставались без средств к существованию, их сгоняли с веками насиженных мест. Социальная структура английского общества, несколько десятилетий тому назад казавшаяся нерушимой, теперь зашаталась и начала перестраиваться.

Вполне понятно, что многие из тех, кого затронули эти перемены, без особой радости смотрели вперед. В стране росло недовольство, проникавшее в различные слои общества. Примером тому могут служить дворянский Пороховой заговор 1605 года, народное восстание против огораживаний 1607 года.

Вместе с елизаветинской Англией угасало и английское Возрождение, вступившее в полосу кризиса. К концу XVI века со всей очевидностью обнаружилась утопическая природа идеалов, которыми жила и питалась английская культура на протяжении целого столетия. Характерно, что К. Марло, воспевший титанический индивидуализм в своих ранних трагедиях «Тамерлан Великий» (первая часть — 1587) и «Трагическая история доктора Фауста» (1588—1589), уже в «Мальтийском еврее» (1592) показал обратную сторону этого индивидуализма. А шекспировский Гамлет с афористической точностью выразил горькое чувство крушения привычных ценностей, растерянность и беспокойство, охватившие английское общество, в знаменитых словах: «Распалась связь времен».

Как указывают исследователи⁴, таким умонастроениям во многом способствовали и открытия Коперника, который разрушил веками жившие птолемеевские геоцентрические представления о мироздании, и ставший необычайно популярным к концу XVI века скептицизм Монтезя, который подтачивал сами основы знакомой со школьной скамьи философии, и односторонне понятое политическое учение Макиавелли, которое английскому читателю XVI—XVII веков представлялось популярной хрестоматией политического цинизма и авантюризма, откровенным прикрытием хищнических appetitов, царивших в обществе. Наряду с этими континентальными веяниями большую роль играли и особенно близкие англичанам размышления Фрэнсиса Бэкона, окончательно отделившего экспериментальную науку от богословия и объявившего физику матерью всех наук, равно как и замечательные открытия Уильяма Гарвея, объяснившего законы кровообращения и заложившего основы современной физиологии.

³ Champion L. Tragic Patterns in Jacobean and Caroline Drama. Knoxville, 1977, p. 4.

⁴ См., в частности: Spenser T. Shakespeare and the Nature of Man. New York, 1965; Ornstein R. The Moral vision of Jacobean Tragedy. Madison, 1962.

Еще столь недавно казавшаяся незыблемой целостно-поэтическая картина мира теперь затрещала по всем швам. Новый же взгляд на мир, основанный на научных методах познания действительности, рождался медленно, порой мучительно. Целиком принадлежащий елизаветинской эпохе видный теолог — апологет англиканской церкви Ричард Хукер (ок. 1553—1600) — задавал в 90-е годы XVI века вопросы, имевшие только риторический характер. «Что, если бы природа на время нарушила свой порядок или совсем упразднила его, хотя бы и на миг, чтобы соблюсти свои же собственные законы... если бы каркас небесного свода, воздвигнутого над нашими головами, зашатался и разрушился... если бы луна сошла с проторенного пути, времена дня и года смешались в хаосе и беспорядке, ветры перестали дуть, облака давать дождь, земля лишилась бы небесного воздействия, ее плоды зачахли, подобно детям, тянущимся к иссохшей груди матери, которая не может облегчить их голод: что стало бы с самим человеком, которому сейчас все это подчинено? Разве мы не видим со всей ясностью, что подчинение законам природы является опорой всего мироздания?»⁵

Эта риторика неожиданно становится живой реальностью для героев шекспировского «Короля Лира» (1605), где Глостер констатирует уже свершившуюся катастрофу: «Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми... Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы»⁶.

Эти характерные для эпохи умонастроения нашли свое непосредственное выражение у многих крупнейших художников того времени. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую «Анатомию мира» (1611) лучшего поэта эпохи Джона Донна (1572—1631), где постаревший и пришедший в упадок мир представляется автору лишенным всяких связей и расщепленным на отдельные атомы, или «Историю мира» (1614) известного государственного деятеля, поэта и философа сэра Уолтера Ролея (1552—1618), написанную им в сырой темнице Тауэра и пестрящую высказываниями типа: «Приспосабливаясь к нынешним временам, мы считаем все законным. Небо — высоко, далеко и непостижимо»⁷.

Подобные настроения весьма сложным образом трансформировались в английской драме начала XVII века. Атмосфера сомнений и разочарований заставила английских драматургов уточнить свое отношение к миру и человеку; переосмыслить сложившиеся ценности и попытаться найти новые. Каждый из художников

⁵ The Portable Elizabethan Reader. New York, 1965, p. 138.

⁶ Шекспир У. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1963, с. 444.

⁷ The Age of Shakespeare. London, 1966, p. 99.

отвечал на волновавшие его вопросы по-своему, и эти ответы бывали не только различными, но иногда противоречили друг другу.

Лучшие пьесы этой поры отличаются общим для всех динамизмом. Здесь они продолжают традицию предыдущего периода, существенно меняя ее. По сравнению с Марло, Лили, Кидом, Грином и даже ранним Шекспиром для драматургов начала XVII века характерно гораздо более острое понимание зла как категории одновременно метафизической и социальной. Поэтому трагические конфликты их пьес намного глубже, а комическое лишено в них жизнеутверждающего пафоса, столь типичного, например, для Грина и раннего Шекспира.

Вместе с тем человеческая личность, увиденная в свете новых идей, соответствующих изменившемуся времени, внутренний мир героя по-прежнему были главным объектом драмы, и отсюда ее достаточно острый психологизм. При этом, однако, внимание художников было теперь обращено уже не только на отдельную личность, но и в гораздо большей мере, чем ранее, — на взаимоотношения человека и общества. Отсюда гораздо большая по сравнению с предыдущим периодом широта охвата действительности, большее внимание не только к героям, но и к окружающей их среде. Сама же эта общественная среда часто изображалась теперь в сатирическом, даже гротескном облике, что проявилось как в комедии, так и в трагедии.

О несходстве, иногда даже противоположности устремлений младших современников Шекспира ясно говорит и многообразие литературных стилей эпохи. И в самом деле, в первые два десятилетия XVII века в английской драме наряду с ренессансным стилем возникли также и тенденции, характерные для классицизма, маньеризма и барокко. Причем эти тенденции не только противостояли друг другу, но и взаимодействовали, подчас достаточно органично сочетаясь в творчестве отдельных авторов.

Первые два десятилетия XVII столетия в Англии — время расцвета маньеризма, черты которого легко найти в творчестве целого ряда крупных художников⁸. Само понятие маньеризма возникло в литературоведении сравнительно поздно, лишь в 20-е годы нашего века, и вопрос о его специфике и границах до сих пор вызывает оживленные споры как у нас, так и на Западе. Нам представляется, что правы те ученые, которые видят в маньеризме не особую эпоху, приходящую на смену Возрождению, но скорее один из стилей, возникающий в период его кризиса, противостоящий его эстетике и самостоятельно развивающийся в начале XVII века.

⁸ О маньеризме см.: Аникст А. А. Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы. — В кн.: Ренессанс, барокко, классицизм. М., 1966; Гращенков В. Н. Книга О. Бенеша и проблемы Северного Возрождения. — В кн.: Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973; Хлодовский Р. И. О Ренессансе, маньеризме и конце эпохи Возрождения. — В кн.: Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978, а также: Surber W. Four Stages of Renaissance Style. New York, 1956; Warkle F. Y. Versions of baroque. New Haven, 1972.

Острое ощущение кризиса — основа основ маньеризма. Любому читателю сложных, порой изощренно-темных стихов маньеристов, любому зрителю их гротескных, причудливо совмещающих трагическое и комическое пьес ясно, что мир этих художников не только лишен прочности и стабильности, но и близок к хаосу: По ощущению маньеристов, люди — это песчинки в мировом океане, хрупкий тростник, ветром колеблемый. Величавая монументальность ренессанса сменяется текучестью, игрой дисгармоническими контрастами и парадоксами. Искусство маньеристов гораздо более индивидуально и субъективно, для него характерны большая степень рефлексии, большой интеллектуализм, в чем-то большая острота зрения. Ренессансный идеал личности, гармоническое сочетание духовного и физического, возвышенного и земного теперь распадаются на две несовместимые половины — духовную и плотскую. Отсюда и два полюса этого искусства — обостренный спиритуализм, возвращающий к средневековому образу мышления, и несколько скептический гедонизм, временами переходящий в откровенный сенсуализм и граничащий с изощренной эротикой.

И в литературе, как и в изобразительном искусстве, маньеризм взаимодействовал с другими стилями, прежде всего ренессансом. Пожалуй, еще более существенна и очевидна связь маньеризма с барокко. Анализ английской поэзии, прозы и драматургии конца XVI — начала XVII века убеждает автора данных строк в справедливости мнения тех исследователей, которые не только сближают маньеризм с барочным искусством XVII века, но и видят в нем даже своеобразный ранний этап барокко, отличный от более позднего, собственно барочного, этапа, или, как его называют, высокого барокко⁹. Именно этой сложностью картины взаимодействия стилей, видимо, и объясняются разноречивые мнения исследователей по поводу отдельных писателей эпохи, причисляемых попеременно то к позднему ренессансу, то к маньеризму, то к барокко.

Что касается барочного стиля, то большинству исследователей уже ясно, что именно барокко стало главным стилем английской литературы XVII века и что именно с ним так или иначе связаны имена крупнейших поэтов и писателей этого столетия: позднего Донна, Херберта, Крэшо, Марвелла, Мильтона, Драйдена¹⁰, Бэньяна, не говоря уже о многих других менее значительных художниках.

Важно помнить, что барочный стиль возник как следствие тех же самых культурно-исторических процессов, которые породили маньеризм и которые продолжали свое развитие на протяжении всего XVII века, поэтому и грань между поздним маньеризмом и ранним барокко часто кажется зыбкой.

С течением десятилетий постепенно преобразался весь облик Европы. Менялась внешняя политика европейских стран, менялась

⁹ W a g n e F. Y. Versions of baroque.

¹⁰ В творчестве Мильтона и особенно Драйдена барочные черты сложным образом сочетались с классицистскими.

социальная динамика внутри общества. Бурно развивалась наука и натурфилософия. Резко росло влияние Реформации (пуританства в Англии), и даже веками казавшаяся незыблемой догматика католической церкви с началом Контрреформации трансформировалась на современный лад.

Люди постепенно начали приспосабливаться к новому для них миру. Взамен ренессансного антропоцентризма рождался особый барочный универсализм¹¹, стремление охватить мыслью вселенную и найти место человека в ее необъятных просторах. Человек мог по-прежнему ощущать себя песчинкой в мировом океане. Однако это ощущение вызывало у него теперь не только растерянность и отчаяние, но и парадоксальным образом гордость и оптимизм благодаря вновь обретенной вере в созидательную мощь мысли, способной сотворить чудо. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитые рассуждения Паскаля о ничтожестве и величии человека, которого французский философ назвал мыслящим тростником.

Барочные художники не менее остро, чем маньеристы, видели зло окружающего их мира. И для них характерны настойчивые размышления о страданиях, мученичестве и смерти. Иррациональные мотивы и тут играют важную роль. Но место скепсиса и разочарованности заняло теперь стремление преодолеть кризис, извлечь выводы из нового опыта, осмыслить высшую разумность миропорядка, включающего в себя как злое, так и доброе начало. Так из хаоса старых представлений рождался некий новый синтез, пытавшийся совместить противоречия.

Этот синтез определил собой и некоторые специфические черты барочной поэтики. Маньеристской зыбкости форм, усложненности мысли, ироническому скептицизму и холодноватой интеллектуальности барочные художники противопоставили особого рода уравновешенность, в крупных жанрах — монументальность, близкую к помпезности, картинную зрелищность, пышную риторику, экзальтацию чувств, повышенную театральность и декоративность. Особенно ярко эти черты проявили себя в изобразительном искусстве. Но с учетом специфики словесного рода творчества их можно обнаружить в литературе, прежде всего поэзии, где они видны при сопоставлении, например, барочных стихов Р. Крэшо с маньеристской лирикой Донна (некоторые его поздние произведения, однако, уже близки к барокко). Найти их можно также и в прозе и в драматургии.

Заметим, что конкретные черты поэтики разных художников могли и весьма резко отличаться друг от друга. Ведь по сравнению с ренессансом и маньеризмом барочному стилю присущи гораздо большие сложность и многообразие. Так, исследователи, учитывая различия в развитии стран южной и северной Европы, часто противопоставляют католическое и протестантское барокко. Пишут они и о близком к придворным кругам аристократическом и выражающем чаяния демократических масс так называемом низовом, или демократическом, крыльях барокко. И каждая из барочных тенденций

¹¹ См.: Н а л и в а й к о Д. С. Искусство: направления, течения, стили. Киев, 198

имела и свою особую поэтику. В английской литературе это наглядно видно при сопоставлении, скажем, творчества поэтов-«кавалеров» Саклинга и Ловлейса и симпатизировавшего Кромвелю Эндрю Марвелла.

И наконец, еще одно соображение общего порядка. В первые десятилетия XVII века менялась не только английская драматургия, менялся и сам театр. С конца 90-х годов XVI века в Лондоне наряду с общедоступными открытыми театрами типа знаменитого «Глобуса», где играла труппа Шекспира, после длительного перерыва возобновили свою деятельность и так называемые закрытые театры, в которых в отличие от открытых театров вместо взрослых актеров играли мальчишки, получившие специальное музыкальное образование в церковных хоровых капеллах. Количество мест в таких театрах было значительно меньшим, чем в театрах открытых, а билеты дороже. Соответственно и зрители их в основном принадлежали к более обеспеченным слоям населения, культурные запросы которых далеко не всегда совпадали с запросами демократического партера открытых театров. К концу первого десятилетия XVII века значение закрытых театров резко возросло, что было связано с культурно-социальным расслоением публики. Правда, поначалу закрытый театр «Блекфрайерс», который в 1608 году заняла труппа Шекспира, был лишь ее филиалом, и открытые театры еще долго конкурировали с закрытыми, но процесс культурной поляризации внутри английской драмы начался.

И закрытый и открытый театры имели каждый свой собственный репертуар, рассчитанный на свою публику, имели и своих драматургов. Для театров открытых писали не только популярные авторы типа Хейвуда и Деккера, которые хорошо изучили вкусы зрителей партера, но и сам Шекспир. Закрытые же театры, как правило, ставили пьесы, рассчитанные на избранную публику из среды интеллигенции. Такие пьесы сочиняли Джонсон, Чэпмен, Марстон, Мидлтон, Бомонт и Флетчер. Различие эстетики этих двух типов театров первым подробно описал американский ученый А. Харбедж в 50-е годы нашего века¹². Более поздние исследователи уточнили его концепцию, указав, что в первом десятилетии XVII века между закрытыми и открытыми театрами не было непроходимой стены. Эти театры часто ставили одни и те же пьесы, лишь незначительным образом изменяя их. Одни и те же драматурги могли писать для обоих театров. Так, например, Бен Джонсон, создавший «Вольпоне» в расчете на открытый театр, предназначил «Эписина» для театра закрытого. Но уже в 10-е годы такая «стена» возникла. И хотя демократические тенденции, трансформированные в духе Хейвуда и Деккера, продолжали существовать, как продолжали существовать и сами открытые театры, закрытых театров становилось все больше и больше. Чем дальше шло время, чем более неотвратимо приближались грозные

¹² H a r b a g e A. Shakespeare and the Rival Traditions. New York, 1952. См. также: The Revels History of Drama in English, 1576—1613. London, 1975, p. 98—99.

quantum sed ~~proscenium et scaenae frons~~ scaenae frons, scaenae frons, scaenae frons
 omni destinatum, in quo multi vesp. lauri, et scaenae frons
 magnitudine tanti, scaenae frons et scaenae frons; qui

события грядущей революции и братоубийственной гражданской войны, тем сильнее ощущалась и поляризация сил в английском обществе. Эта поляризация не могла не затронуть и культурной жизни страны, где пышная цивилизация «кавалеров», как называли тогда приверженцев короля, противостояла духовным исканиям более демократических слоев общества во главе с непримиримыми пуританами, наиболее радикальные из которых вообще отрицали порочную, по их мнению, светскую культуру.

Если в первом десятилетии XVII века избранное меньшинство (люди из среднего сословия, как правило, получившие университетское образование) в основном посещало спектакли закрытых театров, а открытые театры оставались искусством для демократического зрителя, причем и многие аристократы предпочитали незатейливые спектакли открытых театров, то во втором десятилетии ситуация стала меняться. Началась постепенная аристократизация английской сцены, резко усилившаяся в 20—30-е годы. Да иначе и быть не могло. Ведь пуританское общественное мнение, влияние которого росло из года в год, объявило театру войну не на жизнь, а на смерть и тем самым постепенно целиком отдало его в руки «кавалеров».

Обратимся теперь непосредственно к творчеству виднейших английских драматургов первых десятилетий XVII века и постараемся проследить, как развивались основные литературные стили и жанры этой эпохи.

Первые годы XVII столетия совпадают с началом зрелого этапа творчества Шекспира, когда он пишет свои великие трагедии: «Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605), «Макбет» (1605), «Антоний и Клеопатра» (1606), «Кориолан» (1607), «Тимон Афинский» (1607), а затем перед уходом из театра — романтические трагикомедии, лучшими среди которых были «Зимняя сказка» (1610) и «Буря» (1612).

Шекспир принадлежит к числу художников, которые не умещают в рамках привычных понятий. У него свои уникальные мерки, но и он, возвышаясь над стилями своей эпохи, тем не менее использовал их в своем творчестве, преображая их, как только он один и мог это сделать.

Вопрос об отношении Шекспира к трем главным стилям его эпохи (ренессанс, маньеризм и барокко) очень сложен и требует специального обстоятельного исследования. Позволим себе ограничиться лишь отдельными замечаниями.

Ренессансные корни Шекспира неоспоримы, весь начальный период его творчества (90-е годы XVI в.) целиком принадлежит ренессансу. Сложнее, на наш взгляд, обстоит дело со зрелым этапом творчества драматурга. Советские исследователи вслед за А. А. Смирновым называют этот период творчества Шекспира периодом «трагического гуманизма»¹³. Нам, однако, хочется подчеркнуть, что именно тогда в сложном, синтетическом творчестве драматурга возникает ряд черт, свойственных литературе XVII века.

¹³ См.: Смирнов А. А. Из истории западноевропейской литературы. М. — Л., 1965.

Они становятся особенно заметны при сопоставлении пьес Шекспира с пьесами его младших современников.

Маньеристские черты наиболее ярко проявились в «темных комедиях» Шекспира — «Конец — делу венец» (1603) и «Мера за меру» (1604), мрачный, неустойчивый мир которых разительно отличается от комедий, написанных драматургом в 90-е годы. Очень близко маньеризму и мироощущение «Троила и Крессиды» (1602), где спародированы идеалы воинской доблести и куртуазной любви, а прославленные герои гомеровского эпоса выведены в сниженно-сатирическом обличи.

Связь с барочным стилем наиболее полно проявила себя в поздних романтических трагикомедиях Шекспира. Ощущение кризиса духовных ценностей, характерное для великих трагедий, здесь во многом преодолевается за счет некой новой гармонии. Но это особая, чисто шекспировская гармония, лишь отдельными чертами схожая с барочным видением мира, которое знакомо нам по произведениям других английских драматургов, и прежде всего Бомонта и Флетчера.

Общим с Бомонтом и Флетчером в поздних пьесах Шекспира было особое эмоциональное настроение волшебной сказки, сглаживавшее противоречия, стиравшее грани между трагическими и комическими коллизиями. Однако Шекспир совершенно чужд развлекательности Бомонта и Флетчера, его мысль и теперь не менее остра, чем в недавно написанных трагедиях, а замечательный художественный синтез, достигнутый драматургом в этих пьесах, качественно отличен от идейно-поэтической установки его младших современников. Шекспировские романтические трагикомедии проникнуты особой, олько ему одному свойственной, почти экстатической радостью, орой в торжество добра, в рассеивающий тьму всепроникающий ст, который несет героям счастье. Подобное видение мира было икальным в английской драматургии 10-х годов XVII века.

Можно сказать, что шекспировский синтез неповторимо сочетал в себе самые разнообразные тенденции, характерные как для Ренессанса, так и для XVII века, сложным образом соединяя, перерабатывая, подчиняя их «трагическому гуманизму». Сам же «трагический гуманизм» Шекспира был органически связан не только с прошлым, венчая эволюцию литературы Возрождения, но и с будущим, с развивавшимся в новых условиях гуманизмом XVII века. Своим творчеством Шекспир как бы закладывал фундамент этого гуманизма, для которого также характерно понимание сложности и трагической противоречивости макрокосма, окружающего мира и общества и меньшей сложности и трагической противоречивости микрокосма, малого мира человека. Именно поэтому, несмотря на всю их внешнюю несхожесть, Джон Мильтон, венчающий развитие английской литературы XVII века, был неожиданно близок открывающему этот век Шекспиру. Недаром знаменитые, полные радостной надежды слова Миранды о «прекрасном новом мире», который ей предстояло узнать, покинув остров Просперо, как бы эхом отозвались в финале «Потерянного рая», в знаменитых рассуждениях о

«счастливой вине» Адама, взору которого открылась грандиозная панорама истории, ведущая человека к великим свершениям.

Этот новый гуманизм проявился и в английской драматургии XVII века, хотя форма его и отлична от шекспировской. Достаточно сослаться на пьесы Б. Джонсона, Чэпмена или Уэбстера. Важно помнить, что младшие современники Шекспира, как правило, не понимали масштаба его художественных открытий — тут нужна была дистанция времени — и шли вперед своими путями. При этом английские драматурги XVII века либо, подобно Джонсону, старались сознательно отталкиваться от шекспировской драмы в поисках собственной поэтики, либо воспринимали лишь отдельные элементы шекспировского синтеза, переосмысливая их на свой лад.

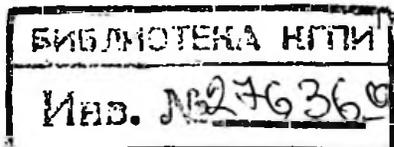
Из всех драматургов начала XVII века, пожалуй, ближе всего к традиции предшествующего периода стоит Джордж Чэпмен. И это закономерно. Чэпмен, один из образованнейших гуманистов елизаветинской поры, знаменитый поэт и переводчик Гомера, друг Марло и Ролея, пришел в театр уже сложившимся художником. Его драматургия, достаточно тесно связанная с Ренессансом, вобрала в себя многие тенденции, характерные для этой эпохи.

Свой путь в театре Чэпмен начал с создания веселых, богатых выдумкой комедий, опираясь при этом на опыт Лили, Грина и раннего Шекспира. Как и его предшественники, Чэпмен отдал дань ученой, гуманистической драме, что особенно явно сказалось в пьесе «Все в дураках» (1598—1599), где автор переработал Теренция, или в более поздней комедии «Вдовьи слезы» (1605), где использован сюжет, взятый из «Сатирикона» Петрония. Не менее близка была Чэпмену и другая важнейшая традиция его предшественников, называемая романтической, с ее поэтизацией свободных человеческих чувств, вниманием к любовной интриге и авантюрным элементом действия. Достаточно гармоничное сочетание обеих этих традиций, присущее почти всем комедиям драматурга, безусловно, сближало его с ранним Шекспиром.

Но Чэпмен был и талантливым экспериментатором, пролагавшим новые пути английского театра. Так, в «Веселье странного дня» (1597) он создал первый образец так называемой комедии «гуморов», опередив Джонсона, который вскоре обратился к этому жанру, а в «Церемониймейстере-дворянине» (1602) — один из первых образцов романтической трагикомедии. Известная английская исследовательница М. К. Брэдбрук, явно недооценивая самостоятельное значение комедий Чэпмена, сказала даже, что его главной заслугой как комедиографа было создание моделей для более одаренных драматургов¹⁴. Это, конечно, преувеличение, хотя действительно наиболее полно драматургический талант Чэпмена, его смелое новаторство раскрылись не в комедии, а в трагедии.

Уже первая трагедия Чэпмена «Бюсси д'Амбуа» (1604?), где драматург развивал традиции Марло, была в то же время по своей

¹⁴ Bradbrook M. C. The growth and structure of Elizabethan Comedy. London, 1955, p. 171.

сутью произведением новой эпохи. Вслед за Марло, автором «Парижской резни» (1593), рассказывавшей о страшном кровопролитии Варфоломеевской ночи, Чэпмен обратился к жанру исторической хроники, к событиям эпохи короля Генриха III. Есть здесь даже фигура герцога Гиза, главного злодея «Парижской резни». Но суть трагического конфликта трактуется автором по-своему.

Хотя образ бесстрашного воина Бюсси д'Амбуа и связан с ренессансной традицией титанического героя-индивидуалиста, протагонист Чэпмена не стремится ни к безраздельной власти Тамерлана, ни к абсолютному знанию Фауста. К началу действия трагедии война во Франции уже закончена, и в мирной обстановке при королевском дворе герой чувствует себя чужим, хотя его высоко ценит и удостоивает своей дружбой сам Генрих III. Все свое внимание автор уделяет столкновению Бюсси, личности сильной и героической, живущей старыми идеалами доблести, бескомпромиссного прямодушия и отваги, с современным обществом, где царят интриги и произвол. Конфликт этот осложнен и внутренней борьбой героя, побежденного неожиданно нахлынувшей на него страстью. Бюсси вынужден прибегнуть к притворству, идя все же на компромисс со своей совестью, что и предрешает его гибель, которую он встречает, однако, с мужеством и достоинством стоика:

Обращение автора «Бюсси д'Амбуа» к философии римских стоиков, Марка Аврелия, Эпиктета и в особенности Сенеки, учивших преодолевать страсти силой разума, обретая внутренний покой и отрешенность, было типичным симптомом безвременья начала XVII века. При этом стоицизм у Чэпмена часто принимал характерную для его эпохи форму неостоицизма, вбирая в себя элементы христианской доктрины и неоплатонизма, что особенно заметно в поздних трагедиях драматурга. Однако, по мнению исследователей, только Чэпмену могла прийти мысль соединить в «Бюсси д'Амбуа» титаническую личность в духе Марло с «цельным человеком» в духе Сенеки¹⁵.

В «Заговоре и трагедии Шарля, герцога Бирона» (1608) Чэпмен снова обратился к недавним событиям во Франции, рассказав о судьбе герцога Бирона, вступившего в заговор против короля Генриха IV. Бирон — тоже сильная личность в традиции раннего Марло. Однако вслед за Марло, автором «Мальтийского еврея» и «Парижской резни», и — в еще большей мере — подобно Шекспиру, драматург показал обратную сторону титанизма, который становился в трагедии преступным индивидуализмом.

Современные критики указали на известное сходство Бирона с шекспировским Кориоланом¹⁶. Действительно, оба героя — отважные полководцы, наделенные авторами неукротимостью нрава, запальчивостью и неумением здраво оценить свои поступки. Индивидуализм губит их обоих, но Кориолан — личность благородная и героическая, сохраняющая цельность на протяжении всей пьесы и

¹⁵ Ornstein R. Op. cit., p. 53.

¹⁶ Ray G. Critical Introduction to Chapman's «The Conspiracy and Tragedy of Charles, Duke of Byron». New York, 1979.

удостаивающаяся трагического апофеоза в ее финале, Бирон же — слабее и ограниченнее. Главной задачей Чэпмена было показать постепенное моральное падение Бирона, ведущее к его позорной казни на эшафоте. И здесь трагедия ближе к «Макбету», чем к «Кориолану», хотя Бирон — фигура гораздо меньшего масштаба и его зло скорее проявляет себя в преступных намерениях, чем в реальных действиях. Современникам он, наверное, напоминал знаменитого фаворита королевы Елизаветы лорда Эссекса, сложившего голову на плахе.

За «Бироном» последовали трагедии «Мечь за Бюсси д'Амбуа» (1610—1611), «Трагедия Шабо, адмирала Франции» (1612—1613) и «Цезарь и Помпей» (1613?), где Чэпмен на новом материале развивал уже знакомые его зрителям идеи, изображая конфликт героя-стойка с враждебным ему обществом. Постепенно в творчестве драматурга наметился спад. Его герои-стойки переходили из пьесы в пьесу и делались все более идеальными. Постоянно резонерствуя, они превращались в рупор идей автора, а сценическое изображение конфликта тонуло в риторике. Последние трагедии Чэпмена — это произведения скорее поэта, сочиняющего для избранного круга читателей, чем драматурга. Маньеристские тенденции, проявившиеся в изображении придворного общества в ранних трагедиях Чэпмена, теперь усиливаются. В то же самое время неосточическая философия, сблизаясь в пространных монологах адмирала Шабо с пассивной резиньяцией, окрашивается барочными тонами. Недаром и соавтором Чэпмена в эти годы становится юный Джеймс Шерли, чьи собственные трагедии 20—30-х годов носили ярко выраженный барочный характер. Во всяком случае, черты исподволь начинающегося кризиса английского театра, его постепенной перестройки уже дают о себе знать в этих пьесах Чэпмена.

Самым крупным из всех младших современников Шекспира исследователи считают Бена Джонсона. Его драматургия была явлением чрезвычайно самобытным, открывавшим новые пути развития английской драмы. С самого начала Джонсон ощущал себя реформатором сцены. Шекспировскому театру поэтического синтеза Джонсон противопоставил собственные идеи о природе драматического искусства, высказанные им в предисловиях к своим пьесам и в специальных заметках. Отталкиваясь от воззрений известного поэта и романиста елизаветинской поры Филипа Сидни (1554—1586), сформулированных в трактате «Защита поэзии» (опубликован в 1595 г.), где эстетика Аристотеля трактовалась в неоплатоническом духе, Джонсон развивал теории, близкие к классицизму. Так, он критиковал современную английскую драму за ее «неправильность» с точки зрения классицистских норм и требовал от художников более точного следования природе на основе принципов бытового реализма. Спонтанности творчества он противопоставлял рациональное начало и подчеркивал морально-дидактическое назначение искусства. Знаменитая же теория «гуморов» Джонсона строится на выделении в характере героя одной особенной черты, нарушавшей гармонию личности и понимавшейся драматургом как слабость или

причуда его персонажа (сходно с «манией» мольеровских героев).

Подобные теории были важным новым словом в эстетике английского театра. Своим рационализмом они противостояли начинавшей складываться практике маньеризма и барокко. К суждениям Джонсона прислушивались и драматурги более младшего поколения, о чем весьма явно говорят их комедии.

И все же на основании теорий, высказанных Джонсоном, нельзя объявлять его последовательным классицистом. Более того, если взять, как принято, за эталон классицистского театра французский театр, то можно, пожалуй, сказать, что жестким требованиям классицизма не отвечало полностью творчество ни одного английского драматурга XVII века. Связи же Джонсона с елизаветинским поэтическим театром и его ренессансной основой оставались настолько сильны и жизненны, что творчество драматурга явно не укладывалось в рамки его теоретических выкладок. Добавим, что Джонсон, много писавший для закрытых театров, не избежал также и влияния маньеризма.

До нас дошли две трагедии Джонсона «Падение Сеяна» (1603) и «Заговор Катилины» (1611), сюжеты которых взяты из истории Древнего Рима. В критике издавна принято сопоставлять их с «римскими» трагедиями Шекспира. Исследователи при этом обычно указывали, что Рим Шекспира — во многом детище его воображения, что, опираясь на жизнеописания исторических личностей, великий драматург ставил и решал общечеловеческие проблемы. В своей реконструкции прошлого Джонсон, великолепный знаток античности, был гораздо более точен, часто почти буквально следуя источникам, будь то, скажем, «Анналы» Тацита или речи Цицерона.

Однако античное наследие Джонсон воспринимал творчески и всегда соотносил его с современностью. Замысел Джонсона в этих трагедиях в отличие от шекспировского был прежде всего сатирическим. Отсюда не только известная узость поля зрения драматурга, но и специфическая интенсивность его зрения. Сатира на театральные подмостках Англии начала XVII века была делом достаточно рискованным. Обилие ссылок на античные источники было необходимо Джонсону для того, чтобы оградить себя от возможных придирок, поскольку за Римом обеих трагедий можно было угадать контуры современного Лондона.

Конечно, «Сеян» или «Катилина» не поддаются однозначной политической расшифровке, и было бы ошибкой искать в бесславном падении временщика Сеяна прямую параллель с судьбой лорда Эссекса. Сходство Рима Джонсона с современной Англией можно скорее разглядеть в зловещей картине бездуховности и всеобщей коррупции, нарисованной воображением драматурга. Поэтому римское общество Джонсона оказывается сродни мальтийскому у Марло или французскому у Чэпмена. Однако взгляд Джонсона на мир значительно мрачнее, а его злодеи-макиавеллисты еще более циничны и преступны.

Если у героев трагедий Джонсона в соответствии с его теориями и есть какой-то «гумор», то это безграничное честолюбие. Отвратительный выскочка Сеян, идущий наверх через грязные преступления, гибнет в конце трагедии. Но, как ясно зрителям, зло здесь побеждается еще большим злом коварного императора Тиберия. Правда, в «Катилине» благородный Цицерон, еще живущий старыми патриархальными идеалами, успевает пресечь кровавый заговор Катилины и его приспешников. Но это лишь Пиррова победа, поскольку лукавый Цезарь остается безнаказанным и, притаившись, ждет своего часа.

Однако не будем забывать, что «Сеян» и «Катилина» — трагедии сатирические, допускающие и злой сарказм, и некое гротескное искажение. И неверно было бы считать пессимизм основной позицией их автора. Столь органичная таланту Джонсона ирония не раз дает о себе знать в его трагедиях. Недаром именно комические сцены обычно считаются в них наиболее удавшимися. Позиция драматурга здесь близка маньеризму с его мрачными представлениями о мире, погрязшем в пороках, сатирической направленностью мысли и обыгрыванием контрастов комического и трагического.

Джонсона часто называют отцом английской комедии. И действительно, его влияние определило дальнейшее развитие этого жанра на протяжении по крайней мере двух столетий вплоть до эпохи романтизма и косвенно давало о себе знать много позже в сатирической прозе Диккенса и Теккерея.

Елизаветинской романтической традиции, достигшей апогея в творчестве Шекспира 90-х годов XVI века, Бен Джонсон противопоставил свою комедию. Поэтизация свободного чувства не занимала драматурга, любовно-авантюрный элемент действия играл в его комедиях лишь незначительную роль, а взаимоотношения человека и общества трактовались с принципиально новых позиций. Уже в двух ранних пьесах Джонсона «У всякого свои причуды» (1598) и «Все без своих причуд» (1599) наметились характерные черты его комедий, где теория «гуморов», дававшая возможность автору вывести на суд зрителей галерею разнообразных характеров, была лишь фундаментом, на котором строилось здание жанра. Написавший обстоятельное исследование на эту тему, Б. Гиббонс определяет его как жанр «городской комедии», в которой преобладают сатирические мотивы, а действие, как правило, разворачивается в современном драматургу Лондоне. Городская комедия соединила традиции моралите, интермедий, римской и народной итальянской комедий со злободневным опытом елизаветинской сатиры в прозе и поэзии, создав оригинальный синтез¹⁷. Гиббонс, безусловно, прав. Согласно более привычному и общему суждению, Бен Джонсон является творцом комедии нравов, дававшей сатирическое обозрение жизни Лондона начала XVII века.

В зрелых комедиях Бена Джонсона «Вольпоне» (1605), «Эписин, или Молчаливая женщина» (1609), «Алхимик» (1610), «Варфоло-

¹⁷ Gibbons B. Jacobean City Comedy. A Study of Satiric Plays by Jonson, Marston and Middleton. Massachusetts, 1968.

меевская ярмарка» (1614) и «Черт выставлен ослом» (1616) идет та же жестокая война «всех против всех», что и в его трагедиях. Правда, столкновения персонажей кончаются здесь благополучно, но добро обычно уже не побеждает зло, как у елизаветинцев; скорее зло, запутавшись, наказывает само себя. Циничный же макиавеллизм в комическом облики выглядел тут еще более жизненно и правдиво. Снявшие римские тоги, герои драматурга казались взятыми из самой гущи жизни, и зрители, несмотря на гротескно-карикатурные преувеличения, узнавали в них самих себя. Сатирическая панорама английской жизни, представленная в комедиях Джонсона, отличалась крайней злободневностью. По словам Кольриджа, не было ни одной причуды лондонского быта, описанной мемуаристами эпохи, которую бы мы не нашли в пьесах Джонсона¹⁸. Важно, однако, помнить, что за всем этим драматург сумел необычайно точно разглядеть сложные социальные процессы, характерные для Англии того времени, и показать их нравственное воздействие на своих современников.

В своей первой зрелой комедии «Вольпоне» Джонсон обратился к теме власти денег, знакомой зрителям по «Мальтийскому еврею» Марло и «Венецианскому купцу» Шекспира. Хотя Вольпоне генетически близок аморальным Варавве и Шейлоку, мир комедии Джонсона сопоставим уже не столько с этими пьесами 90-х годов, сколько со вскоре появившимся «Тимоном Афинским», где изображен полный распад всех человеческих связей, место которых занял откровенно меркантильный расчет. Именно поэтому вначале безудержно щедрый и человеколюбивый Тимон, прозрев, превращался в озлобленного мизантропа и навсегда покидал общество людей. Но если прозрение трагического героя Шекспира стоило ему жизни, то совсем иначе складывается судьба комического героя Джонсона — итальянского вельможи Вольпоне. Неотделимый от сложившейся в обществе системы духовно-материальных отношений, он ловко использует эту систему в своих целях. Поняв, что блеск золота «затмевает солнце» и «подчиняет себе добродетель, честь и славу», Вольпоне притворился умирающим, чтобы выманить побольше денег и подарков от людей, надеявшихся стать его наследниками. Хитроумная интрига героя открывала перед зрителями сатирическую панораму нравов. Всем здесь правил голый чистоган, которому с легкостью приносились в жертву естественные человеческие чувства отца и сына, мужа и жены, а правосудие цинично оправдывало злодеев, наказывая невиновных. И лишь непредвиденный поворот действия приводил пьесу к благополучной развязке.

Обожествление золотого тельца, которому поклонялся Вольпоне, гротескно гиперболизировалось автором. Его герой был личностью по-своему титанической, ему было тесно в узких рамках комедии-фарса. Об этом явно свидетельствовал финал пьесы, где Вольпоне, отбросив притворство, обнажал свое истинное лицо. Так уже знакомая нам по трагедиям тех лет проблема обратной стороны

¹⁸ The Age of Shakespeare, p. 304.

возрожденческого титанизма зазвучала теперь и в комедии.

Фигуры, по своему масштабу равной Вольпоне, не было в других пьесах Джонсона, но их герои жили, по сути дела, в том же самом мире разгула индивидуалистических страстей, где золото сверкало ярче солнца. Нагляднее всего это ощущается в комедиях «Алхимик» и «Черт выставлен ослом». Прделки хитрых плутов Сатла, Фейса и Дол Коммон, персонажей «Алхимика», приводили в движение целый хоровод гротескно-карикатурных героев самого различного возраста и общественного положения, каждый из которых искал кратчайшего пути к благам мира сего. Их желания, ловко обыгрываемые тройкой плутов, образовывали своеобразный спектр эгоистических appetитов, простиравшихся от поисков духов-покровителей, подсказывающих, кто возьмет приз на скачках, до создания пресловутого «философского камня», превращающего низкие металлы в золото.

Более поздняя комедия Б. Джонсона «Черт выставлен ослом» представляла собой как бы вывернутое наизнанку, комически спародированное моралите, где традиционным фигурам беса — искусителя и порока — делать было уже нечего и они в отчаянии признавали свое поражение. Мелкий бес Паг, отпросившись из преисподней всего на один день в Лондон и претерпев великое множество невзгод от людей, превзошедших его своим плутовством, ускользал от позорной казни на виселице благодаря заступничеству сатаны. Легковерного же глупца провинциального сквайра Фицдупеля дурачили теперь не бесы, а люди, обыгрывая его слабости с чисто современными хитростью и коварством, с которыми не могли идти в сравнение наивно примитивные козни Пага. Люди же в конце пьесы и наставляли Фицдупеля на путь истинный, приводя его к покаянию и заставляя подчиниться своей благоразумной супруге. Сатирической злободневностью эта пьеса, пожалуй, даже превосходила другие комедии Джонсона, которым присуще более поэтически-обобщенное видение мира. Здесь драматург обратился к специфически конкретным явлениям общественной жизни, высмеяв, например, прожектерство, которое пышно расцвело в Англии тех лет. В эпоху правления Иакова в Лондоне появляются многочисленные «предприятия» сомнительного свойства, сулившие участникам быстрое обогащение и почести. Именно на эту удочку и поймал Фицдупеля неистово изобретательный Меерплут, обещая сделать доверчивого сквайра герцогом в самый кратчайший срок. Блестяще написанный образ Меерплута открывает известную традицию в английской литературе, предвосхитив знаменитого Микобера из «Давида Копперфильда» Диккенса¹⁹. Само же разоблачение прожектерства в комедии Джонсона готовило почву для едких сарказмов Свифта в третьей части «Путешествия Гулливера». Как и в трагедиях, в комедиях мироощущение Джонсона некоторыми чертами сближалось с маньеристским, отличаясь от него, однако, рационалистической трезвостью взгляда на мир, стремлением подражать природе и явными морализаторскими тенденциями.

¹⁹ Jonson B. A. Collection of critical essays. Prentice-Hall, 1963, p. 51.

Было и еще одно очень существенное отличие. Сатира в комедиях Джонсона органически сочеталась со стихией праздничного карнавального веселья, восходящего к народной смеховой культуре средневековья и Возрождения, описанной М. М. Бахтиным. Эта стихия пронизывала собой все зрелые комедии драматурга, где, по мнению А. Т. Парфенова, социально-бытовая сатира выступала даже как элемент праздничного фарсового спектакля²⁰. Особенно же ярко карнавальная стихия проявила себя в знаменитой «Варфоломеевской ярмарке», действие которой разворачивалось непосредственно в атмосфере праздничной ярмарочной суеты, особым образом оттенявшей фигуры комических плутов и глупцов. В пьесе нет главных героев, и различные сюжетные линии лишь условно связаны друг с другом; в центре же внимания драматурга стоял гротескный образ самой Варфоломеевской ярмарки как символа бурлящей и вечно возрождающейся жизни.

Традиции Ренессанса питали и творчество двух других драматургов начала XVII века — Томаса Хейвуда и Томаса Деккера. Их излюбленным жанром была не сатирическая комедия нравов в духе Джонсона, но популярная еще в 90-е годы романтическая комедия. Однако этот жанр в интерпретации Хейвуда и Деккера приобрел новые черты, существенно отличавшие их произведения от шекспировской романтической комедии. В поэтически цельном и гармоничном театре Шекспира в одной и той же пьесе на равных жили и афинские подмастерья, и герцог, и сказочные эльфы. У Хейвуда и Деккера такой симбиоз был бы невозможен, поскольку их пьесы, написанные для открытого театра XVII века, были рассчитаны на запрессы определенной части зрителей. Это были в основном теснившиеся в партере шумные лондонские подмастерья, а также их хозяева, мелкие буржуа и начинавшие постепенно сближаться с ними в идеологическом плане небогатые джентри. Они были рады увидеть на сцене людей, подобных себе. И для них нужно было и писать не так, как Шекспир, Джонсон или Чэпмен.

Поэтическое зрение Хейвуда и Деккера было, безусловно, отличным от авторов романтической комедии 90-х годов. Для них характерна особая любовь к быту, часто граничащая с некоторой сентиментальностью и сдобренная порой наивным морализаторством. Утрата широты горизонтов, характерной для их предшественников и современников, как бы компенсировалась у Хейвуда и Деккера явным усилением демократических тенденций в их творчестве.

Так, героями необычайно популярной в свое время комедии Хейвуда «Четыре лондонских подмастерья» (ок. 1600) были совершавшие фантастические подвиги в море и на суше портной, шерстобит, сапожник и приказчик, четверо сыновей герцога Бульонского, которые по воле отца обучались ремеслу в английской столице и прежде всего на свете ценили счастье быть лондонскими подмастерьями.

²⁰ См.: Парфенов А. Т. Гротескный реализм на рубеже нового времени. — В кн.: Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978, с. 196. Это замечание высказано в связи с «Алхимиком», но оно применимо и к другим зрелым комедиям Б. Джонсона.

ями. Героиня же «Красотки с Запада» (опубликована в 1631 г., хотя первая часть пьесы была поставлена много раньше) Бэсс Бриджес, которая совершала не менее удивительные подвиги, чем сыновья герцога Бульонского, и гордо отказывалась стать женой султана Марокко, была всего лишь простой дочерью разорившегося кожевника. Подобные настроения ощущались и в знаменитой трагедии Хейвуда «Женщина, убитая добротой» (1603), которую скорее можно было бы назвать бытовой драмой. Главный герой пьесы добродетельный сквайр Фрэнкфорд в отличие от героев многочисленных кровавых трагедий отказывался от жестокой мести за супружескую измену, а его неверная жена, воспитанная в тепличной аристократической атмосфере, Нэн Фрэнкфорд, умирала, не выдержав горьких мук совести. При этом автор явно противопоставлял ей вторую героиню пьесы, сильно идеализированную Сюзен Маунтфорд, девушку хотя и знатную, но познавшую тяжкую нужду, труд и унижения.

С искренней любовью была изображена жизнь простых ремесленников в тесно связанной со стихией народного карнавального веселья комедии Деккера «Праздник башмачника» (1599). Ее герой, знатный дворянин Роулэнд Леси, на время становился скромным башмачником, чтобы жениться на любимой им девушке из мещанской среды, которую отец не хотел выдавать замуж за аристократа, и сам король приходил в гости на обед к веселому и пышущему неуемной энергией хозяину Леси Симону Эйру — «истинному башмачнику и джентльмену благородного ремесла». В более поздних пьесах Деккера веселье пошло на убыль и постепенно усилились морализаторские тенденции. Особенно показательна в этом отношении его комедия «Добродетельная шлюха» (написана совместно с Мидлтоном, который помог Деккеру построить сюжет; первая часть — 1604—1605, вторая — спустя примерно 25 лет). В первой части комедии ее главная героиня куртизанка Белафронт, безнадежно влюбившись в графа Ипполито, навсегда порывала с прошлым. В финале пьесы все кончалось внешне наилучшим образом: раскаявшаяся Белафронт выходила замуж за соблазнившего ее беспечного кутилу Матео, а Ипполито женился на принцессе Инфеличе. Однако во второй части, действие которой разворачивалось несколько лет спустя, Белафронт и Ипполито словно менялись своими ролями. Теперь уже знатный граф безуспешно добивался любви добродетельной и верной мужу Белафронт. Вторая часть комедии свидетельствовала не только о существовании демократических, но и об усилении антиаристократических настроений автора и даже о некотором сближении его (как, впрочем, и Хейвуда под конец жизни) с пуританами²¹.

Известно, что пуритане объявили яростную войну театру, назвав его «рассадником разврата». Чем дальше, тем больше актерам и драматургам приходилось защищать любимое искусство, вплоть до сочинения памфлетов, что, в частности, и делал Хейвуд. Однако

²¹ См. об этом: А к с е н о в И. А. Елизаветинцы. М., 1938.

парадоксальным образом положительная программа Хейвуда и Деккера рядом черт перекликалась с пуританской этикой, декларировавшей идеалы трудолюбия, воздержания, трезвенности и скромности. Многочисленные проповедники-пуритане начала XVII века постоянно превозносили тихие радости здоровой семейной жизни и святость домашнего очага, яростно бичуя распущенность светских нравов²². Примерно то же, хотя и на свой лад, делали Хейвуд и Деккер, идеализировавшие быт мелких буржуа, которые в их пьесах противостояли аморальным аристократам своей неподкупной честностью и верностью старым патриархальным идеалам.

Хейвуда и Деккера не раз высмеивали английские драматурги иной ориентации, но эти насмешки не сумели повредить им в глазах зрителей. Даже столь блестящая пародия на «Четырех лондонских подмастерьев», как знаменитая комедия Бомонта «Рыцарь пламенеющего пестика» (1607), мало что изменила в создавшейся ситуации. Слишком много было у Хейвуда и Деккера сторонников среди тогдашней театральной публики. Сама традиция, развиваемая драматургами, сближаясь с некоторыми мотивами пуританской литературы ближайшего будущего, в еще большей степени оказывалась связана с отдаленным будущим, предвосхищая прозу Дефо и Ричардсона.

Обратимся теперь к творчеству драматургов-маньеристов начала XVII века. В английской драме маньеризм как сформировавшийся стиль возник в творчестве Джона Марстона. Его перу принадлежит первая английская трагедия с явно выраженными чертами маньеризма «Месть Антонио» (1599).

Пьеса Марстона написана в жанре так называемой кровавой трагедии; начало которому положил несколькими годами раньше Томас Кид, автор широко популярной «Испанской трагедии» (ок. 1585). К началу XVII века «кровавая» трагедия вошла в моду, и главным объектом ее изображения стало так называемое «итальянизированное» зло. Под влиянием односторонне понятой политической философии Макиавелли национальный характер итальянцев (а с ними зачастую отождествляли и враждебных Англии католиков-испанцев) ассоциировался зрителями со злобной хитростью, цинизмом, коварной мстительностью и прочими подобными свойствами.

Маньеристские, а вслед за ними и барочные драматурги XVII века обратились в своем творчестве именно к этому жанру, наполнив его, однако, новым содержанием. «Месть Антонио» Марстона еще достаточно тесно связана с «Испанской трагедией» Кида. (Было здесь и бросающееся в глаза сюжетное сходство с «Гамлетом», или, вернее, с «Пра-Гамлетом», не дошедшей до нас пьесой, которую переработал Шекспир. Как утверждают исследователи, «Пра-Гамлет» был написан тем же Кидом.) Герой трагедии Антонио должен отомстить Пьеро, дожу Венеции, за убийство своего отца герцога Генуи Андруджио. Возникавший перед ним призрак отца сообщал, что он отравлен Пьеро, который задумал жениться на матери Антонио.

²² Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981, с. 230.

Чтобы добиться своих целей, Антонио, как и Гамлет, тоже притворился сумасшедшим.

Вместе с тем Марстон не только вывел на сцене более яркую и полнокровную, чем у Кида, фигуру «итальянизированного» злодея, сочетавшего личные цели с политическими. Опираясь на свой предшествующий опыт поэта-сатирика, Марстон ввел в кровавую трагедию сатирические мотивы, тем самым существенно модифицировав традицию. Сам тон его стиха был много субъективнее, чем у его предшественников, а атмосфера разгула хищнических страстей — гораздо мрачнее и ближе к маньеристскому мировосприятию. Об этом, в частности, говорил неожиданный, в духе маньеризма, финал трагедии. Герои пьесы, колебавшиеся между неостойчивой философией непротivления и долгом мести, в конце концов осуществляли свои кровавые замыслы и тем приобщались ко злу окружающего их общества. Они не погибали в финале трагедии, но навсегда прощались с миром, который затопило зло, и удалялись в монастырь, чтобы там в уединении и молитве закончить жизнь.

Весьма большое влияние на развитие маньеристской драмы оказала также и трагикомедия Марстона «Недовольный» (опубликована в 1604 г., но поставлена впервые на несколько лет раньше). Герой пьесы — свергнутый с престола гнуззский герцог Альтафронте, — изменив внешность и присвоив себе новое имя Малеволе, вновь появляется у себя во дворце в качестве «недовольного», едкого обличителя нравов. Драматург соединил традиции сатирической городской комедии в духе Джонсона с традициями трагедии мести. Герцог Альтафронте, он же Малеволе, играл, по сути дела, две роли: он был и хитроумным мстителем, восстанавливавшим поправную справедливость, и желчным комментатором нравов, представлявшим публике «итальянизированное» зло мира. При этом сложность его характера объяснялась уже не столько сложностью психологических мотивировок его поступков, как у героев Шекспира, сколько различием ролей, которые ему приходилось играть, как бы меняя по ходу действия маски. Рождавшиеся таким образом маньеристская амбивалентность, игра контрастов были свойственны и всей трагикомедии в целом, где обличительные сатирические мотивы сочетались с веселой пародией и казавшаяся неразрешимо-трагической фабула разрешалась благополучно. Сам же двойственный образ мстителя-обличителя отныне прочно вошел в английскую драму эпохи.

Черты маньеризма характерны и для сатирической комедии нравов Марстона. Мир героев «Голландской куртизанки» (1605), считающейся его лучшей комедией, отличался крайней нестабильностью, причудливым взаимопроникновением добра и зла, исключавшим возможность однозначных моралистических выводов. Здесь, равно как и в решении основного конфликта пьесы, явно ощущалась полемика с первой частью «Добродетельной шлюхи» Деккера. Сам Марстон в прологе утверждал, что задачей комедии было показать различие между любовью куртизанки и жены. Но как жизненно и убедительно выглядела мастерски написанная фигура взбал-

мошной и своенравной куртизанки Франческины, которую Фривил, герой пьесы, бросал, ибо она была недостойна сделаться его женой, рядом с бесцветной невестой героя! Хотя Франческина, пытавшаяся отомстить своему неверному возлюбленному, в конце комедии была наказана, у зрителей оставалось впечатление маньеристской сложности природы любви героев: чувственное начало вопреки прописным истинам играло столь сильную роль, а в глубине сердца дремали разрушительные страсти.

Вслед за пьесами Марстона на английской сцене появились трагедии Сирила Тернера, где перед зрителями возник еще более гротескный мир. В начале «Трагедии мстителя» (1607)²³ ее главный герой Виндиче (по-итальянски — мститель, но он же обличитель нравов в духе Марстона) предстал перед публикой с черепом своей невесты, которую несколько лет тому назад отравил старый герцог за отказ стать его возлюбленной. По вине герцога умер в опале и благородный отец Виндиче. Чтобы наилучшим образом осуществить свою месть, Виндиче подвизался в роли сводника на службе у сына герцога развратного Луссуриозо.

Чем дальше разворачивалось действие пьесы, тем полнее зрители ощущали безысходно-мрачную атмосферу всеобщего порока и зла, пропитавшую весь двор старого герцога. И трагедия героя-мстителя в том и состояла, что, с радостным упоением осуществляя свою месть, он полностью терял нравственную дистанцию обличителя пороков и сам становился частью окружавшей его аморальной среды. «Трагедия мстителя» безусловно связана с эстетикой Б. Джонсона²⁴. Действительно, Тернер наделил почти каждого героя трагедии значащим именем, олицетворявшим какую-либо черту его характера, его «гумор». Однако не менее важно, на наш взгляд, указать на общую обоим драматургам традицию средневековых моралите, куда уходили корни их творчества²⁵. Ведь почти каждый персонаж «Трагедии мстителя» воплощал какой-либо нравственный порок, двигавший его поступками. Маньеристски усложненный, избыточный побочными линиями сюжет сталкивал всех героев, к концу пьесы истреблявших друг друга. У зрителей в самом деле могло возникнуть впечатление, что все действующие лица трагедии кружатся в причудливом танце смерти, заполняя сцену все новыми и новыми трупами. Под занавес, из бахвальства выболтав свою тайну, погибал и сам герой-мститель, которого новый властелин казнил из опасений, как бы Виндиче не навредил ему в будущем.

Безусловно, за всей этой сложностью интриги чувствовалась твердая рука автора, уверенно распутывавшего сюжетные нити, ощущалась его жесткая позиция сатирика-моралиста. Комедия-фарс и

²³ Споры об авторстве «Трагедии мстителя» до сих пор ведутся среди ученых. Некоторые из них, основываясь на сопоставлении текстов, пытаются доказать, что трагедию написал не Тернер, а Мидлтон. Сторонники авторства Тернера предполагают скорее его влияние на Мидлтона и указывают на разительное отличие мрачной атмосферы пьесы от ранних иронично-скептических комедий Мидлтона. См.: Schmitt a n S. Cyril Tourneur. Boston, 1978.

²⁴ Ornstein R. Op. cit., p. 112.

²⁵ Ayres P. I. Tourneur. The Revenger's Tragedy. London, 1977.

мрачная трагедия мести, эти, казалось бы, два противоположных полюса, в духе маньеризма, постоянно играющего контрастами, все время сталкивались в пьесе, неразрывно сплетаясь во многих ее сценах. В душном мире двора герцога, где люди живут по законам джунглей, не зная никаких духовных идеалов, тем не менее действует некая «Высшая Ироническая Справедливость»²⁶, воздающая каждому по его заслугам и его же собственными средствами. Тернер далек от нигилизма своих героев. Для него истинное добро связано со старыми патриархальными ценностями, которым нет места при дворе герцога, но которые существуют где-то за сценой, создавая должную моральную перспективу.

Вторая пьеса Тернера «Трагедия атеиста» (1611) в художественном отношении уступает «Трагедии мстителя». Здесь уже нет былой цельности, а назидательно-дидактические пассажи местами кажутся слишком прямолинейными. Но сгущенная атмосфера зла, в которой живут и действуют герои, здесь все та же. Как ясно из заглавия, герой трагедии д'Амвиль, подобно Фаусту Марло, исповедует атеизм. Однако герой Тернера не ставит перед собой титанических задач Фауста, и абсолютное знание не влечет его. Д'Амвиль скорее вульгарный макиавеллист, рвущийся к деньгам и власти. Его атеизм сводится к примитивному обожествлению природы в духе шекспировского Эдмонда из «Короля Лира» и к не менее беззащитному, чем у Эдмонда, аморализму²⁷. Д'Амвилю противостоит Шарлемон, благородный герой-стоик, написанный не без влияния Чэпмена. Хотя д'Амвиль убивает отца Шарлемона, разлучает его с невестой и отправляет в тюрьму, Шарлемон отказывается от мести, предоставляя ее «царю царей». И в финале трагедии д'Амвиль, желая собственными руками казнить Шарлемона, случайно наносит себе смертельную рану. Ироническая Справедливость в мире, лишенном справедливости, и в этой трагедии Тернера решает судьбы героя.

В пьесах Джона Уэбстера картина всепоглощающего зла, которое пропитало мир, изображена еще более мрачными красками, чем у Тернера. Хотя трагедии Уэбстера в наши дни ставятся на английской сцене чаще, чем трагедии других младших современников Шекспира, о его месте в истории английской драмы до сих пор идут споры. Еще в конце прошлого века Бернард Шоу, ниспровергавший Шекспира во имя реализма ибсеновской драмы, ниспроверг и Уэбстера. Саркастичный Шоу назвал Уэбстера «лауреатом мадам Тюссо», сравнив тем самым маньеристские ужасы его трагедий с пресловутой камерой пыток в лондонском Музее восковых фигур мадам Тюссо²⁸. И в наше время некоторые исследователи²⁹ утверждают, что упадок английской драмы начался именно с трагедий Уэбстера. Другая же

²⁶ Tomlinson T. B. A Study of Elizabethan and Jacobean Tragedy. London, 1964, p. 111.

²⁷ См. об этом: Bradbrook M. C. Themes and Conventions of Elizabethan Tragedy. London, 1935.

²⁸ Шоу Б. О драме и театре. М., 1963, с. 444.

²⁹ The Age of Shakespeare, p. 349; Tomlinson T. B. Op. cit.

группа критиков³⁰, считает Уэбстера вторым после Шекспира поэтическим гением английского театра XVII века. Второе мнение ближе к истине. Уэбстер действительно обладал незаурядным поэтическим дарованием, особенно ярко раскрывшимся в его лучших трагедиях «Белый дьявол» (1612) и «Герцогиня Мальфи» (1612—1614), хотя кризисно-маньеристские черты в его творчестве никак нельзя преуменьшать.

Тема, ставшая в начале XVII века уже достаточно привычной на английской сцене, — обратная сторона возрожденческого титанизма, приобретает у Уэбстера оттенок гротескной гиперболизации, причем степень ее заметна даже по сравнению с «Трагедией мстителя». Хотя сатира — важнейший компонент пьес Уэбстера, для него не характерна тернеровская холодновато-отрешенная ирония; при всей своей поэтической условности «Белый дьявол» и «Герцогиня Мальфи» гораздо реалистичнее «Трагедии мстителя».

Герои Уэбстера — личности необычайно сильные, наделенные неукротимым темпераментом и могучими страстями. Они сеют разрушение и смерть, от которых, как кажется, нет спасения. Уэбстера увлекали критические ситуации, момент столкновения характеров, неизбежно ведущий к кровавой катастрофе, в изображении которого драматург действительно часто не скупился на ужасы. Но сами эти ужасы являлись своеобразной сценической метафорой зла, принявшего поистине сатанинские размеры. Главным же для автора было поведение его героев, оказывавшихся лицом к лицу с этим злом и либо поддававшихся ему, либо силою своего духа побеждавших его.

В отличие от большинства своих предшественников Уэбстер в центр обеих своих трагедий поставил женские характеры, вокруг которых разворачиваются бурные события сюжета. В первой трагедии — это Виттория Коромбона, пылкая красавица, становящаяся после убийства ее мужа Камилло и отравления жены герцога Брачиано герцогиней Брачиано. Хотя Виттория была соучастницей этих преступлений, которые Брачиано совершал из безумной любви к ней, в конце пьесы зрители не могли не восхищаться ее находчивостью и отвагой в критических ситуациях, ее безусловным мужеством. Однако, как нам представляется, никакой двусмысленности в авторском отношении к героине, сочетавшей в себе весьма противоречивые свойства, здесь все же не было³¹. Задача Уэбстера в том и состояла, чтобы показать, что в уродливом, раздираемом безудержными страстями мире зло не всегда однозначно и легко различимо. Об этом же говорит и само название пьесы — «белым дьяволом» тогда именовали замаскированное, облеченное в прекрасную форму, а потому и более опасное зло.

Внутренне цельная героиня второй трагедии Уэбстера была своеобразным антиподом Виттории. Борясь за любовь и семейное счастье, герцогиня Мальфи становилась жертвой мести своих братьев, кото-

³⁰ Gunby D. C. Introduction to «John Webster, Three Plays». London, 1972, p. 9.

³¹ В такой двусмысленности отношения к героине Уэбстера упрекнула еще в 30-е годы М. К. Брэдбрук. См.: Bradbrook M. C. Themes and Conventions of Elizabethan Tragedy.

рые преследовали ее за неравный брак с человеком, стоявшим ниже ее на общественной лестнице. И в этой пьесе Уэбстера добро не могло противостоять натиску неукротимого сатанинского зла. Однако, умирая, герцогиня не сдавалась, она сохраняла присутствие духа перед лицом изощренных пыток и казни и тем самым одерживала безусловную моральную победу над своими гонителями. И такая победа была явлением весьма редким для английской драмы середины 10-х годов XVII века, ибо смерть делала герцогиню личностью поистине героической, хотя героизм этот проявлялся скорее в мужественной стойкости, в благородном величии души, чем в активном действии.

Не менее мрачен и мир третьей известной пьесы Уэбстера «Всемя тяжбам тяжба» (1620?), написанной, правда, уже в жанре трагикомедии. И здесь царил разгул хищнических страстей, а сатирические мотивы звучали не менее сильно, чем в трагедиях Уэбстера. Во всяком случае, гротескно-пародийные сцены суда в трагикомедии были вполне под стать аналогичным сценам «Белого дьявола». Главные герои пьесы — циничный хищник-макиавеллист Ромелио, готовый на любое коварство для достижения своих целей, и его одержимая любовной страстью мать Леонора, — безусловно, сродни мастерски написанным характерам трагедий Уэбстера. Вместе с тем в пьесе усилились религиозно-мистические настроения, уже давшие о себе знать в «Герцогине Мальфи». Именно они и предрешили необходимую в трагикомедии благополучную развязку сюжета: Ромелио осознал тщетность своих эгоистических устремлений, и добродетельный брак венчал сюжет. Такая развязка сюжета, равно как и само обращение Уэбстера к жанру трагикомедии, сближала пьесу с эстетикой Бомонта и Флетчера, оказавшей мощное влияние на развитие английской драмы в 20—30-е годы.

Последним крупным драматургом, близким к маньеризму, был Томас Мидлтон. Его драматургическое наследие достаточно велико и весьма многообразно: он сочинял романтические и сатирические комедии, трагедии мести, трагикомедии в духе Бомонта и Флетчера и пьесы для представлений, организуемых лорд-мэром Лондона; писал самостоятельно и в соавторстве со многими другими своими современниками. Не все и не всегда удавалось Мидлтону. Однако его ранние сатирические комедии и более поздние кровавые трагедии сыграли важную роль в истории английского театра XVII века.

Сатирические комедии Мидлтона продолжали традиции Джонсона, по-своему трансформируя их. И в пьесах Мидлтона тоже кипела война «всех против всех», ловкие плуты из низов общества рвались наверх, к деньгам и почестям, а глупцы-дворяне с легкостью давали обманывать себя, теряя земли и состояния. Согласно требованиям жанра драматург вывел на сцену целую галерею лондонских адвокатов, лавочников, юных франтов и старых ростовщиков, различного рода обманщиков, сводников и куртизанок, чьи портреты отличались острым гротескным правдоподобием. Забавные приключения этих героев, не раз попадавших в чисто фарсовые ситуации, достав-

ляли зрителям много веселых минут. Однако смех Мидлтона существенно отличался от смеха Джонсона. В пьесах Мидлтона связь с праздничной стихией карнавального веселья была гораздо слабее, чем у автора «Варфоломеевской ярмарки», и носила иной характер. Смех в комедиях Мидлтона в гораздо большей мере, чем у Джонсона, подчинен несколько скептическому взгляду на мир. Моралистическую позицию, характерную для Джонсона, у Мидлтона перевешивает отрешенная ирония. И в его комедиях зло обычно бывало наказано, хотя бы и в результате случайного стечения обстоятельств. Но здесь уже не было философской глубины мысли Джонсона, проблематика явно сузилась, внутренний мир героев, их психология меньше интересовали Мидлтона, а потому внешнее действие, стремительно развивающаяся интрига приобрели в его пьесах гораздо большее значение, хотя она все же не стала самодовлеющей, как у некоторых барочных авторов 20—30-х годов.

Атмосфера веселых трюков, ловких обманов господствовала в ранней комедии Мидлтона «Безумный мир, господа!» (ок. 1604), причем безумие театрального мира пьесы было не столько гротескно-страшным, сколько забавно-ироническим. Главный герой — промотавшийся франт Глупли, постоянно переодеваясь и словно меняя маски — характерный маньеристский прием, знакомый по «Трагедии мстителя», — безнаказанно дурачил своего богатого краснорядного дядю, пока, наконец, его хитрости не обернулись против него самого же и, приняв девицу легкого поведения, которая была на содержании у его дяди, за богатую наследницу, он не женился на ней. Во второй сюжетной линии молодой Кайус Грешен с помощью все той же девицы легкого поведения ловко обманывал маниакально ревнивого горожанина, буквально под самым его носом соблазняя его жену. В дальнейшем, однако, Кайусу Грешену неожиданно являлся бес в облике его возлюбленной, и, поняв греховность своего поступка, он каялся в содеянном зле и заставлял покаяться и свою возлюбленную.

За этим следовал новый иронический поворот действия. Случайно услышав клятву своей супруги, ее обманутый муж, не подозревая о прошлом, называет Грешена своим лучшим другом и приглашает его к себе в дом. Таким образом, сатирико-реалистическая картина нравов, написанная не без влияния Джонсона, сочеталась в «Безумном мире...» с иронически-маньеристским отношением автора к героям как к забавным марионеткам, чьи переживания не стоит принимать слишком близко к сердцу. Недаром и сам Глупли, узнав, кто его жена, с легкостью смирился со своей участью — что же, мол, поделаешь, судьба перехитрила хитреца.

В следующих комедиях Мидлтона сатирические мотивы усилились, и взгляд драматурга на мир стал более мрачным. В написанной вскоре после «Безумного мира...» пьесе «Как провести старика» (между 1604—1606) Мидлтон обратился к поднятой Джонсоном теме власти денег, рассказав о судьбе Уитгуда, молодого человека, разоренного ростовщицеством своего дяди Пекуниуса Лукра (от англ. *lustre* «денежная прибыль»). Уитгуд ловко поправил свои дела,

выдав куртизанку за свою богатую невесту. При этом ему удалось провести не только кредиторов и дядю, снова взявшего его под свое покровительство, но и другого старого ростовщика, Хорда (от англ. Hoard «копить»), злейшего врага его дяди, который в запальчивости оплатил долги молодого человека и женился на куртизанке, надеясь завладеть ее несуществующим состоянием. И в этой комедии моральная позиция автора была достаточно четкой, судьба вновь отомстила хитрецам. Однако фигуры этих обманутых хитрецов Лукра и Хорда приняли в пьесе явно гротескный характер, герои превратились в маньяков, ослепленных своей алчностью, а авторская ирония несла в себе теперь гораздо большую долю желчи.

Глупо просчитавшись, зло наказывало самое себя и в следующей комедии Мидлтона «Осенняя судебная сессия» (ок. 1605), написанной не без влияния «Вольпоне» Джонсона. Герой комедии Квомодо, как и Вольпоне, был одержим страстью к стяжательству. Он ловко разорял доверчивого молодого сквайра Изи, приехавшего в Лондон из провинции. Притворившись мертвым, как и Вольпоне в конце пьесы, Квомодо неожиданно для себя проигрывал, теряя жену и состояние. Однако фигура Квомодо не приобрела в комедии титанических размеров Вольпоне. Взгляд Мидлтона на мир и здесь был иронически-отрешенным взглядом кукольника, движущего марионетками.

Лучшая комедия Мидлтона «Невинная девушка из Чипсайда» (1611—1613) открывала взору зрителей весьма широкую сатирическую панораму нравов современного Лондона. В этой пьесе Мидлтон вступил в полемику с Хейвудом и Деккером, которые в своих популярных комедиях давали идеализированную картину жизни честных, скромных и трудолюбивых мелких буржуа. Взяв сюжет, некоторыми чертами напомилавший «Праздник башмачника», Мидлтон гротескно снизил его. Родители героини, простой горожанки Моль, мешали ей выйти замуж за любимого ею молодого джентльмена Тачвуда вовсе не потому, что он был слишком благороден для нее, но потому, что у них был, как им казалось, более подходящий жених, сэр Уолтер Хорхаунд, превосходивший Тачвуда знатностью и богатством. Пародируя возвышенную риторику Хейвуда и Деккера, автор ставил своих юных героев в разного рода фарсовые ситуации. Гротескно снижены были в пьесе не только образы алчных и тщеславных родителей Моль, но и другие персонажи из буржуазной среды. Особенно досталось от Мидлтона лицемерным и вульгарным пуританам (их карикатурные фигуры имели, впрочем, в английской комедии довольно богатую предысторию, восходящую к гораздо более сложной и многоплановой личности Мальволио из «Двенадцатой ночи» Шекспира). Не пощадил Мидлтон и аристократов; среди персонажей особенно выделяется разорившийся развратник сэр Уолтер Хорхаунд, желавший поправить свои дела выгодной женитьбой. В финале комедии все кончалось как будто бы благополучно: герои венчались, а сэр Уолтер попадал в долговую тюрьму. Однако другой герой комедии циничный горожанин Олуит, долгие годы живший на деньги сэра Уолтера и потворствовавший его связи с

собственной женой, не только не получал по заслугам, но, узнав, что его покровитель разорился, выгонял его из дома и начинал вместе с женой строить планы о том, как они будут жить, сдавая внаем дом, роскошно обставленный сэром Уолтером. Таким образом, самый отвратительный из всех сатирических героев пьесы преуспевал, ибо он был плоть от плоти лондонской среды и, не стесняясь в средствах, мог найти выход из любых обстоятельств. Ирония Мидлтона начала приобретать пессимистическую окраску; характерную для его трагедий, написанных несколько лет спустя.

Знаменитые трагедии Мидлтона «Женщины, берегитесь женщин» (1621) и «Оборотень» (1622, написана в соавторстве с У. Роули) были поставлены, когда в театре уже сильны стали барочные веяния, восходящие к творчеству Бомонта и Флетчера. Тем не менее Мидлтон достаточно прочно связан с предшествующей маньеристской традицией, а его взгляд на мир во многом близок Тернеру и Уэбстеру. Как и у этих драматургов, в трагедиях Мидлтона сюжетом тоже движут эгоистические страсти героев. Сатирическое начало выражено не менее откровенно, в чем драматургу помог накопленный им опыт создания комедий. Но смех Мидлтона был, пожалуй, мрачнее, а общее настроение его трагедий еще пессимистичнее, чем у Тернера и Уэбстера. Здесь не было ни тернеровской «Высшей Иронической Справедливости», ни духовного мужества герцогини Мальфи, сумевшей одержать моральную победу и своей смертью восстановить погрязшие идеалы добра. Позиция Мидлтона оставалась достаточно твердой и бескомпромиссной, но драматургу было свойственно еще меньше иллюзий, чем Тернеру и Уэбстеру. Зло в его трагедиях выглядело еще более могущественно, а герои оказались мельче и ближе к обыденной жизни.

Тема нравственного падения, деградации личности — главная в обеих трагедиях Мидлтона. С замечательным психологическим мастерством драматург сумел показать в трагедии «Женщины, берегитесь женщин», как погибает любовь юных героев Бианки и Леантио при первом же столкновении с обществом, цинично попиравшим добродетель. Бианка и Леантио, подобно героям шекспировских романтических комедий, смело добивавшиеся права на личное счастье, с неожиданной легкостью принимали моральные нормы этого общества. Зло, словно дремавшее в них дотеле, сразу начинало свою разрушительную работу. Обыгрывая маньеристские контрасты, Мидлтон ввел в трагедию черты сатирической комедии нравов, местами граничащей с фарсом. И здесь, как и в комедиях, власть денег играла далеко не последнюю роль. Бедный купец Леантио, похитивший Бианку из отчего дома, не мог должным образом содержать свою привыкшую к роскоши аристократку-жену. Попав в ловушку опытной придворной сводни Ливии и сразу же словно переродившись, Бианка становилась капризной и властной любовницей могущественного герцога Флоренции, и ее чувство к стареющему герцогу сложным образом совмещало в себе любовь с гордыней. Леантио же быстро надламывался и не только принимал подачки от герцога, но и деньги от Ливии, которая брала его к себе на содер-

жание. В конечном счете юные супруги оказывались под стать друг другу, хотя Леантио и был личностью более слабой. Как и в своих комедиях, Мидлтон вывел в этой трагедии целый ряд блестяще написанных характеров аморальных придворных, злые козни которых оборачивались против них самих. И финальная катастрофа, где во время исполнения пьесы-маски смерть настигала главных героев, причудливо-фантастическим образом распутывала сложную интригу пьесы.

События второй трагедии Мидлтона «Оборотень» разворачиваются в Испании. Возможно, что автор выбрал Испанию как место действия пьесы не только потому, что «итальянизированное» зло в представлении английских зрителей ассоциировалось и с этой католической страной. В «Оборотне» была и своеобразная переключка с современной Мидлтону испанской драмой чести, где честь трактовалась как символ личной и общественной доблести. Герои «Оборотня» тоже много рассуждали о чести, но отношение к ней автора маньеристски двойственно. Не отрицая высокоидеального смысла этого понятия, без чего не было бы самой трагедии, Мидлтон в то же время иронически снижал его всем ходом своей пьесы.

Героиня «Оборотня», воспитанная в духе самых строгих правил Беатриса-Джоанна, которую отец просватал за Алонсо де Пиракуо, случайно встретилась с другим молодым дворянином Альсемеро. Молодые люди с первого взгляда влюбились друг в друга. Согласно дочернему долгу, Беатриса не могла послушаться отца, уже назначившего день венчания, но она не могла и совладать с нахлынувшей страстью. Слепо поддавшись чувству и бездумно поправ идеал чести, Беатриса вступила на путь нравственной деградации, которая в «Оборотне» принимала еще более зловещую форму, чем в предыдущей трагедии Мидлтона. Героиня обращалась за помощью к влюбленному в нее Де Флоресу, бедному дворянину на посылках, который до тех пор вызывал у нее непреодолимое отвращение. В отличие от слабой и постоянно терявшейся Беатрисы отталкивающе безобразный Де Флорес оказывался натурой смелой и целеустремленной. Предательски убив Алонсо, он требовал в качестве награды любви героини. Беатриса сдавалась и в дальнейшем попадала в полную зависимость от Де Флореса, который помогал ей обмануть Альсемеро, ставшего ее мужем после исчезновения жениха. Незаметно ее прежнее отвращение к Де Флоресу превращалось в любовь, что, согласно замыслу автора, было последней ступенью нравственного падения героини. Кровавое возмездие в конце трагедии лишь логически завершало этот процесс. Так зловещий мир пьесы сатирически обнажал неприглядную реальность идеальных представлений о чести и куртуазной любви.

Снижению персонажей способствовал их более мелкий, чем в обычной кровавой трагедии, масштаб. Действие пьесы было отдалено от двора, в ней не появлялись ни короли, ни герцоги, действующие лица «Оборотня» напоминали скорее героев бытовой драмы³².

³² Barker R. H. *Thomas Middleton*, New York, 1958, p. 121.

трагические события «Оборотня» пародировались второй сюжетной линией пьесы, разворачивавшейся в приюте для умалишенных, куда, притворившись безумными, проникали двое молодых людей в надежде добиться любви Изабеллы, молоденькой жены доктора, содержателя приюта. Их отношения в комическом виде отражали отношения главных героев с той разницей, что Изабелле удавалось сберечь свою честь. Один из молодых людей, Антонио, надев платье сумасшедшего, до неузнаваемости менял свой облик. Слово «оборотень» (т. е. существо, меняющее свой вид) в равной мере относилось к обеим сюжетным линиям³³. Но если Антонио менял свою внешность, то с Беатрисой происходила разительная внутренняя перемена. Сама же гротескная атмосфера приюта для умалишенных, обитатели которого выкрикивали бессвязные фразы, подчеркивала маньеристскую зыбкость мира трагедии в целом, где обычная жизнь была отделена от жизни приюта лишь призрачной чертой.

Так случилось, что английский театр первых десятилетий XVII века не дал миру барочных художников, сопоставимых по масштабу дарования с поздним Джоном Донном в поэзии или Робертом Бэртоном (1576—1640), автором прославленной «Анатомии меланхолии» (1621), в прозе. Очевидно, здесь сказался исподволь начавшийся кризис театра. Однако с эстетикой барокко тесно связаны последние крупные драматурги тех лет, хотя и уступавшие своим предшественникам; но все же внесшие существенный вклад в развитие английской драматургии предреволюционной эпохи.

Впервые барочные черты проявили себя в искусстве Бомонта и Флетчера. Когда говорят об их творчестве, имеют в виду пьесы, написанные ими совместно, пьесы, созданные каждым из них отдельно, и пьесы, написанные Флетчером в соавторстве с другими драматургами, и прежде всего с Филипом Мэсинджером. Все эти произведения были предназначены специально для закрытых театров с учетом вкусов более узкой, образованной части публики. Бомонт и Флетчер, как никто другой из драматургов после Шекспира, знали законы сцены и умели увлечь публику если не философской глубиной мысли, то по крайней мере необычайно броским сюжетом, стремительностью и неожиданными поворотами действия, многочисленными и разнообразными сценическими эффектами, т. е. специфической театральностью своих пьес. По всей видимости, именно это объясняет ту необыкновенную популярность у зрителей, которой в свое время пользовались их произведения и которая, как это ни странно, далеко превосходила тогда популярность Шекспира и Б. Джонсона. Так, например, с 1616 по 1642 год знаменитая лондонская королевская труппа сыграла 170 различных пьес, из которых 47 принадлежали Бомонту и Флетчеру и только 16 — Шекспиру и 9 — Б. Джонсону³⁴.

Думается, что негативная оценка творчества Бомонта и Флетчера, которая характерна для большинства английских критиков,

³³ Bradbrook M. C. Themes and Conventions of Elizabethan Tragedy.

³⁴ The Age of Shakespeare, p. 430.

начиная с Кольриджа и вплоть до наших дней, несколько несправедлива. Пьесы Бомонта и Флетчера не следует судить по тем же меркам, что и пьесы Шекспира, Б. Джонсона или даже Тернера, Уэбстера и Мидлтона. Ведь Бомонт и Флетчер ставили перед собой иные задачи. Острота поднятых проблем и интенсивность чувств, характерные для драматургии начала XVII века, в их пьесах сглажены. Главным жанром их драматургии стала введенная ими в моду трагикомедия, которая не была уже больше контрастным сочетанием трагического и комического, как у маньеристов, но представляла собой качественно новый сплав, некую золотую середину между высоким и низким жанрами, со своим особым эмоциональным настроением. У. Эллис-Фермор назвала его настроением волшебной сказки, создающим призрачную атмосферу залитых лунным светом изящных оперных декораций, неожиданно обретших реальность и ставших частью самой жизни³⁵. Настроение это пропитало собой также трагедии и комедии обоих драматургов, тем самым отличая их от трагедий и комедий их предшественников и современников. Общее романтическое настроение у Бомонта и Флетчера часто затушевывало границы между жанрами, и лишь непредвиденные повороты сюжета, приводившие либо к кровавой катастрофе, либо к счастливой развязке, отличали трагикомедию от трагедии. Ставшая уже традиционной трагедия мести приобрела у Бомонта и Флетчера мелодраматическую окраску, а романтическая комедия — авантурный характер. Сказанное вовсе не означает, что драматургия Бомонта и Флетчера вообще не ставила никаких серьезных проблем. Была здесь и достаточно смелая по тем временам социальная критика, например в известной «Трагедии девушки» (1611), где обличались пороки двора и даже изображался недостойный государь, которого карала рука мстительницы. Был здесь и своеобразный аристократический гуманизм, выразившийся в защите чести в условиях монархического произвола, о чем подробно писал А. А. Аникст во вступительной статье к двухтомнику Бомонта и Флетчера³⁶. Однако кризис идеалов Ренессанса преодолевался в их творчестве на достаточно узкой основе социально-этического кодекса «кавалеров», для которого характерны защита дворянской доблести и аристократическое вольнодумство, несколько фривольный гедонизм, противостоявший аскетическим идеалам пуританства. Это в конечном счете и объясняло весьма значительное сужение кругозора обоих драматургов. Сама же эстетика «кавалеров», складывавшаяся в эти годы и в дальнейшем оказавшая большое влияние на развитие английской литературы XVII века, была уже типично барочным явлением.

И все же, строго говоря, чрезвычайно обширное и многообразное творчество Бомонта и Флетчера еще стоит как бы на грани стилей, совмещая в себе барочные и маньеристские черты. В их пьесах есть известная зыбкость мироощущения, субъективизм и рафинированность, свойственные маньеризму. Но есть в творчестве

³⁵ Ellis-Fermor U. The Jacobean Drama. London, 1959, p. 201.

³⁶ Бомонт и Флетчер. Пьесы, т. I. М., 1965, с. 29—31.

драматургов и снимающее противоречия романтическое настроение сказки, и яркая зрелищность, намеренно подчеркнутая театральность, и экзальтация чувств, сближающие их пьесы с барочным искусством. Во всяком случае, можно со всей определенностью сказать, что Бомонт и Флетчер открыли для английского театра тот путь, по которому в последующие десятилетия пошла барочная драма.

Влияние эстетики барокко, окончательно утвердившейся в 20-е годы, легко обнаружить в творчестве Филипа Мэссинджера, довольно долго сотрудничавшего с Флетчером. Особенно явно оно в религиозных драмах Мэссинджера типа «Девы мученицы» (1620, в соавторстве с Деккером), где рядом с героями — ранними христианами времен Диоклетианова гонения — действовали добрые и злые духи, принявшие людское обличье, а ревностные язычники благодаря броским поворотам сюжета неожиданно превращались в мучеников христианской веры. Сама же религиозная тематика, обращение к которой должно было будоражить эмоции зрителей, трактовалась в подчеркнуто театральном плане, далеком от утонченного спиритуализма маньеристов. Налет мелодраматичности, характерной для этой группы пьес, присущ и трагедиям мести Мэссинджера типа «Герцога Миланского» (1623) или знаменитого «Римского актера» (1626), прославившегося смелым по тем временам обличением тирании и стойкой защитой театра, теснимого тогда с двух сторон: буржуазно-пуританским общественным мнением и правительственной цензурой.

Важно, однако, помнить, что Мэссинджер не только развивал традиции Бомонта и Флетчера, но учился и у Бена Джонсона. Влияние последнего, мало заметное в религиозных драмах или «Герцоге Миланском», отчетливо видно в «Римском актере»: Оно сказывается в ярко выраженной морализаторской тенденции трагедии, во внимании к идеалам разума и, наконец, в рассуждениях героя пьесы о подражании жизни, к которому должно стремиться искусство. Чуждые барочному пафосу, подобные взгляды были близки эстетике классицизма.

Сочетание барочных и классицистских черт характерно и для комедий Мэссинджера, где он вслед за Мидлтоном также развивал традиции Б. Джонсона, дав сатирическую картину английских нравов 20—30-х годов. Как и его предшественники, Мэссинджер высмеивал лицемерие, честолюбие и стяжательство героев из буржуазной среды. Однако по сравнению с Мидлтоном процесс постепенной трансформации жанра городской комедии пошел в его пьесах много дальше.

В этом отношении интересно сопоставить раннюю пьесу Мидлтона «Как провести старика» с лучшей комедией Мэссинджера «Новый способ платить старые долги» (ок. 1625). Поданная в джонсоновском ключе тема власти денег главная в обеих пьесах, а их сюжеты очень близки друг другу. Знаменательно, что фигура сэра Джайлса Оверрича, главного злодея в комедии Мэссинджера, была во много раз полнокровнее и жизненнее обоих сатирически карика-

турных старых ростовщиков Мидлтона. Черты двух этих персонажей сконцентрированы у Мэссинджера в одном и раскрыты с незаурядным мастерством. Силой эгоистических страстей, маниакальной одержимостью честолюбивых устремлений сэра Джайлс должен был напомнить зрителям Вольпоне. Но это уже был Вольпоне 20-х годов, барочный злодей, не выдерживающий гибели своих планов и театрально сходящий с ума в финале комедии. В соответствии с менявшимися вкусами публики мидлтоновская куртизанка, выдававшая себя за богатую наследницу, стала у Мэссинджера богатой и благородной вдовой, которая из альтруистических соображений соглашалась сыграть роль невесты Фрэнка Велборна, разорившегося племянника сэра Джайлса. И выходила она замуж в конце пьесы за не менее благородного и достойного, чем она сама, — знатного лорда Ловела. Велборн же отправлялся за границу, чтобы там в военных сражениях искупить грехи своей неразумной молодости. Интрига пьесы развивалась, пожалуй, еще более стремительно, чем у Мидлтона, а авторская ироническая отрешенность заменялась морализаторством³⁷. Так эстетика «кавалеров» стала постепенно проникать и в английскую сатирическую комедию 20—30-х годов.

Последним крупным трагедиографом кануна революции XVII века был Джон Ф о р д, которого известный эссеист-романтик Чарлз Лэм причислил к высшему разряду поэтов³⁸. В своих трагедиях Форд в основном следовал традиции Бомонта и Флетчера, не расширяя, но лишь известным образом углубляя ее. Зрение Форда было достаточно ограничено и вместе с тем необычайно зорко, что позволяло драматургу передавать тончайшие нюансы чувств. По сравнению с бурлящей событиями трагедией начала XVII века пьесы Форда иногда кажутся малоподвижными, хотя в них и использованы мелодраматические эффекты кровавого жанра, который драматург целиком подчинил барочной поэтике.

Форд хорошо знал творчество своих знаменитых предшественников и учился у них. Особенно близок ему был, по-видимому, Шекспир, реминисценциями из которого буквально пестрят его пьесы. Однако шекспировские ситуации полностью переосмыслены драматургом в духе его времени. Исследователи много писали о сюжетном сходстве трагедии Форда «Как жаль ее развратницей назвать» (опубликована в 1633 г.) с «Ромео и Джульеттой». Действительно, в пьесе Форда тоже рассказывается о любви двух юных существ, родившихся «под звездой злосчастной». Но как далека барочная экзальтация чувств Форда от ранней трагедии Шекспира, где, по меткому выражению Л. Е. Пинского, раскрыто «самоутверждение жизни в самой гибели, которую она в избытке сил и страсти стихийно влечет за собою»³⁹.

Здесь наглядно сказалась важная закономерность эволюции послешекспировской драмы. В ренессансной трагедии при всем ее

³⁷ Bradbrook M. C. The growth and Structure of Elizabethan Comedy, p. 157.

³⁸ Lamb C. Specimen of English Dramatic Poets, v. II. New York, 1848, p. 29.

³⁹ Пинский Л. Е. Шекспир. Основные начала драматургии. М., 1971, с. 122.

многообразии существовала некая устойчивая шкала ценностей, где, например, идеальная любовь противостояла грубой похоти; маньеристы нарушили это равновесие, сконцентрировав свое внимание на изображении порочного мира, где почти нет места высоким чувствам. Для барочных же драматургов это различие вовсе потеряло смысл. Они соединили возвышенное и земное, создав своеобразный культ страсти, где чувственное начало тесно переплелось с мистическим и подчинило его себе⁴⁰.

В пьесе Форда злой рок юных Джиованни и Аннабеллы в том, что их — родных брата и сестру — неодолимая сила соединяет в тайном любовном союзе. Драматург делает главный упор на изображении страсти влюбленных, которая своим накалом как бы поднимает героев над окружающим их бездуховным обществом, где вообще нет места любви, и одновременно носит болезненный характер, совмещая мистику с эротикой. Джиованни и Аннабелла, поддавшись страсти, в отличие от Ромео и Джульетты бросали вызов не феодальным условностям общества, но естественным нравственным нормам. Именно это и обусловило конечную деградацию их некогда обманчиво прекрасного чувства. Любовь Джиованни из поклонения к концу трагедии превращалась в маниакальный эгоизм, заставивший его поверить, что жизнь сестры составляет его собственность в буквальном смысле этого слова⁴¹. Пьеса заканчивалась эффектным финалом. Убив Аннабеллу, которая вышла замуж, чтобы скрыть их связь, Джиованни появляется на сцене с наколотым на кинжал сердцем своей сестры.

Мотив экзальтированного чувства, правда в несколько иной форме, лежит в основе самой знаменитой трагедии Форда «Разбитое сердце» (также опубликована в 1633 г.). И героев этой трагедии спартанцев Пентею и Оргила тоже властно влечет «злосчастная звезда» любви, но в отличие от Джиованни и Аннабеллы они так и не соединяются друг с другом. Здесь отчетливо сказалось влияние трансформированного в духе барочной эстетики культа платонической любви, который был в те годы весьма популярен при королевском дворе. В «Разбитом сердце» трактовка этой темы приняла форму парадокса. Брат Пентеи спартанский военачальник Итеокл расторг помолвку сестры и выдал ее замуж за нелюбимого ею и фанатично ревнивого Бассания. Но союз любящих душ нерасторжим, и, выйдя замуж, Пентея чувствует себя «развратной шлюхой», которую подвергли насилию, и вместе с тем отказывается уступить страсти Оргила, сохраняя формальную верность Бассанию. Таким образом, личная честь и любовь в специфически узком понимании нравственного кодекса «кавалеров» сталкиваются в трагедии, определяя ее финальную катастрофу. С большой художественной силой Форд показал, как его герои, внешне почти ничем не проявляя своих эмоций, стоически несут бремя горестей. Но так не может продолжаться долго. Непосильная ноша надламывает Пентею, и она,

⁴⁰ Huebert R. John Ford. Baroque English Dramatist. Montreal—London, 1977, p. 46.

⁴¹ Ornstein R. Op. cit., p. 211.

подобно шекспировской Офелии, сходит с ума и умирает. Уже давно замысливший мечь, Оргил убивает ее брата, а потом и сам хладнокровно встречает смерть. В финале трагедии, не перенеся гибели любимого ею Итеокла, с разбитым сердцем умирает и стойкая принцесса Каланта, до конца сохранявшая присутствие духа.

В отличие от маньеристских трагедий в барочных трагедиях Форда комические сцены играют явно второстепенную роль, а сатирические мотивы почти отсутствуют. Все здесь подчинено единому эмоциональному настроению, а потому даже и смешной вначале маньяк Бассаний, подобно всем остальным героям «Разбитого сердца», под конец тоже становится, выражаясь словами, относящимися к Пентее, благородным «мучеником любви». Как и в барочной поэзии того времени, темы любви и смерти сплетаются здесь воедино, ибо смерть несет героям долгожданное освобождение от горестно-сладостных мук любви. Общее меланхолическое настроение особенно усиливается благодаря эмоциональной образности языка трагедии, где, по меткому выражению Л. Г. Салингара, воздух наполнен алтарным фимиамом и слезами любовного поклонения, трепетом мятущихся и кровоточащих сердец⁴².

Особое место в творчестве Форда занимает трагедия «Перкин Уорбек» (1634). Известный англо-американский поэт и критик Т. С. Элиот, в целом весьма враждебно относившийся к Форду, назвал ее одной из самых лучших исторических хроник эпохи⁴³. Элиот был, несомненно, прав. Однако, с блеском возродив этот уже непопулярный среди драматургов его поколения жанр, Форд и ему сумел придать характерную барочную окраску. Центральная фигура трагедии — самозванец Перкин Уорбек, выдававший себя за сына Эдуарда IV и претендовавший на английский престол. В соответствии с требованиями жанра действие пьесы охватывало множество событий и из Англии переносилось в Шотландию и Уэльс. Драматург с большим мастерством вел сюжетную интригу, сталкивая две группы действующих лиц — приверженцев английского короля Генриха VII и сторонников шотландского короля Иакова IV, поддерживавшего Уорбека, тем самым искусно воссоздавая исторический фон. Однако здесь уже не было колоритных шекспировских персонажей типа Фальстафа или Хотспера. Да и сам этот фон нужен был автору главным образом для раскрытия психологии героев — Перкина Уорбека и его жены леди Катерины, которую страстно влюбленный герой в духе барочной эстетики называл святой и «дивным ангелом». И здесь стойкость духа перед лицом невзгод снова выступала на первый план. Леди Катерина до конца оставалась верной мужу, не покидая его в несчастьях и морально поддерживая вплоть до самой казни. Сам же Перкин Уорбек, которого большинство источников представляло низким самозванцем, изображался автором с явной симпатией, а его страстная вера в свою миссию опять оборачивалась своеобразным парадоксом. Она была

⁴² The Age of Shakespeare, p. 438.

⁴³ Eliot T. S. Selected Essays. New York, 1964; p. 177.

настолько сильной, что почти убеждала зрителей в законности его притязаний, делая его фигуру сродни барочным мученикам за правое дело типа инфанта дона Фернандо из «Стойкого принца» Кальдерона.

Мотив игры, иллюзии — один из главных в пьесе, и в этом тоже была своя закономерность. Контраст между мнимым и сущим, еще столь недавно надрывавший души героев великих трагедий Шекспира и служивший объектом горьких размышлений маньеристов, теперь повернулся своей барочной гранью, окрасив собой мироощущение трагедии, где кажущееся и мнимое нераздельно слилось в единое целое.

Самый младший из крупных трагедиографов, Форд стоял в конце традиции, начатой Марло и Шекспиром, и его творчество логически замыкало собой эволюцию английской трагедии первых десятилетий XVII века. Однако пьесы Форда не знаменовали собой тупика, из которого не было выхода. Нам трудно согласиться, например, с мнением У. Эллис-Фермор, утверждавшей, что, максимально сузив проблематику своей драматургии и придав ей неповторимую лирическую интенсивность, Форд практически погасил замечательную традицию английской трагедии еще до закрытия театров парламентом⁴⁴. Трагедии Форда, столь сильно трансформировавшие замечательные достижения английской драмы начала XVII века, открывали и определенную перспективу. Лучший трагедиограф эпохи Реставрации Томас Отвей многому научился у автора «Разбитого сердца». В его знаменитой трагедии «Спасенная Венеция» (1682) легко обнаружить ту же экзальтацию страсти, а в героях разглядеть черты барочных мучеников.

Через Форда шла и другая линия преемственности, воплотившаяся позднее в «героической драме», создателем и теоретиком которой был Джон Драйден. Ведь типичная для этого жанра героика в духе «кавалеров», а также преобладание красочного занимательного сюжета над характерами, обязательный конфликт долга и чувства, культ платонической страсти и возвышенная риторика были уже характерны для барочной трагедии 20—30-х годов, эволюция которой логически подводила к эстетике театра эпохи Реставрации.

В направлении «героической драмы» в 20—30-е годы эволюционировала также и трагикомедия, почти нераздельно сливавшаяся на этом этапе с романтической комедией. Примером тому могут послужить не только трагикомедии Мэссинджера и Форда, но и комедии Хейвуда. Недаром Ф. Боас назвал вторую часть «Красотки с Запада» с ее головокружительными поворотами сюжета и бурными страстями прообразом «героической драмы»⁴⁵. А если вспомнить, что барочно-фантастические сцены со злыми и добрыми духами в «Деве мученице» Мэссинджера написал Деккер, то можно представить, в каком направлении развивалось в 20—30-е годы творчество этих популярных драматургов.

Сложной трансформацией отмечена в 30-е годы и городская сатирическая комедия, что отчетливо видно на примере Д ж е й м с а

⁴⁴ Ellis-Fermor U. Op. cit., p. 229.

⁴⁵ Boas F. S. An Introduction to Stuart Drama. London, 1946.

Шерли, считавшегося лучшим драматургом времен Карла I. Здесь прежде всего следует упомянуть знаменитую «Ветреницу» (1635), где Шерли в духе Мэссинджера сочетал классицистские тенденции с барочными, вплотную подведя традицию Б. Джонсона к театру эпохи Реставрации.

Знаменательно, что следы влияния «Ветреницы» отчетливо видны не только в «Жене из провинции» (1675) У. Уичерли, одной из самых дерзко-галантных и вместе с тем едко-сатирических комедий Реставрации, но и в знаменитой «Школе злословия» Р. Шеридана, появившейся уже в последней трети XVIII века. Заставив героиню «Ветреницы» леди Аретину, которой наскучил патриархальный быт провинции, приехать вместе с мужем в Лондон и столкнуться с тлетворными нравами столичного общества, Шерли первым использовал сатирические возможности сюжетной ситуации, к которой обратились вслед за ним Уичерли и Шеридан.

Для нас, однако, важно не столько сходство «Ветреницы» с «Женой из провинции» или «Школой злословия», сколько ее разительное отличие от пьес драматургов старшего поколения. Согласно канонам жанра бытовой сатирической комедии, установленным Беном Джонсоном, действие пьесы разворачивалось в английской столице. Но как непохож был Лондон Шерли на город, изображенный Б. Джонсоном, Марстоном, Мидлтоном и даже Мэссинджером! Это был Лондон «кавалеров», и сатирическая картина нравов, представленная в пьесе, затрагивала лишь высшие аристократические слои общества, а герои более низкого происхождения появлялись на сцене эпизодически и играли явно служебную роль.

Процесс постепенного сужения горизонтов английской драмы, начавшийся в творчестве Бомонта и Флетчера, достиг в пьесах Шерли своего апогея, радикально преобразив сам жанр комедии. «Старая добрая Англия», столь полнокровно жившая в творениях Шекспира и Джонсона, теперь уходила в прошлое, и мир героев Шерли был совершенно иным, гораздо более тесным, но имевшим и принципиально новые комические потенции. Драматург весьма точно передал дух бездумного веселья, безрассудной погони за наслаждениями, охвативший придворное общество в самый канун революции. Нарисованные им типы глуповатых светских шеголей, острых на язык кокеток, вельмож, ищущих галантных приключений, казались выхваченными из самой жизни. Недаром они заложили традицию, развитую вскоре Дж. Этериджем, первым крупным комедиографом эпохи Реставрации. Тем не менее Шерли все же не до конца порвал с прошлым. Об этом говорил финал комедии, где леди Аретина, поняв свои заблуждения, мирилась с мужем и собиралась вернуться обратно в свое загородное поместье, поближе «к земле» и традиционным патриархальным ценностям, противостоящим аморализму лондонского света. Такое противопоставление, в иной форме вновь возникшее у Шеридана, в драме эпохи Реставрации было бы невозможно.

Правда, в общем контексте «Ветреницы» финальное решение героини воспринималось как-то не слишком серьезно. За ним не

стояло твердой внутренней убежденности автора. Сомнения Шерли были закономерны. Тяжелые заботы волновали тогда англичан. В воздухе уже ощущалась стремительно близящаяся катастрофа гражданской войны, разделившей нацию на два враждебных лагеря.

2 сентября 1642 года парламент издал специальный указ о прекращении театрального дела в стране. В нем говорилось: «Ввиду того что общественные развлечения не согласуются с общественными бедствиями, а публичные сценические представления неуместны в период унижения, требующего печальной и благочестивой торжественности, Палаты лордов и общин нынешнего парламента настоящим приказывают и предписывают прекратить и воздержаться от публичных сценических представлений, пока продолжаются эти печальные обстоятельства и время унижения»⁴⁶. Театры были официально объявлены местом языческого идолопоклонства, театральные помещения закрыты, актерские труппы распущены, а непокорных лицедеев, потихоньку занимавшихся любимым делом, могли привлечь к суду как уголовных преступников. Так оборвалась эта, быть может, самая блестящая и яркая эпоха в истории английского театра. Но наследие, оставленное ею в столь щедром изобилии, до сих пор продолжает радовать все новые и новые поколения читателей и театральных зрителей, будить и волновать нашу мысль.

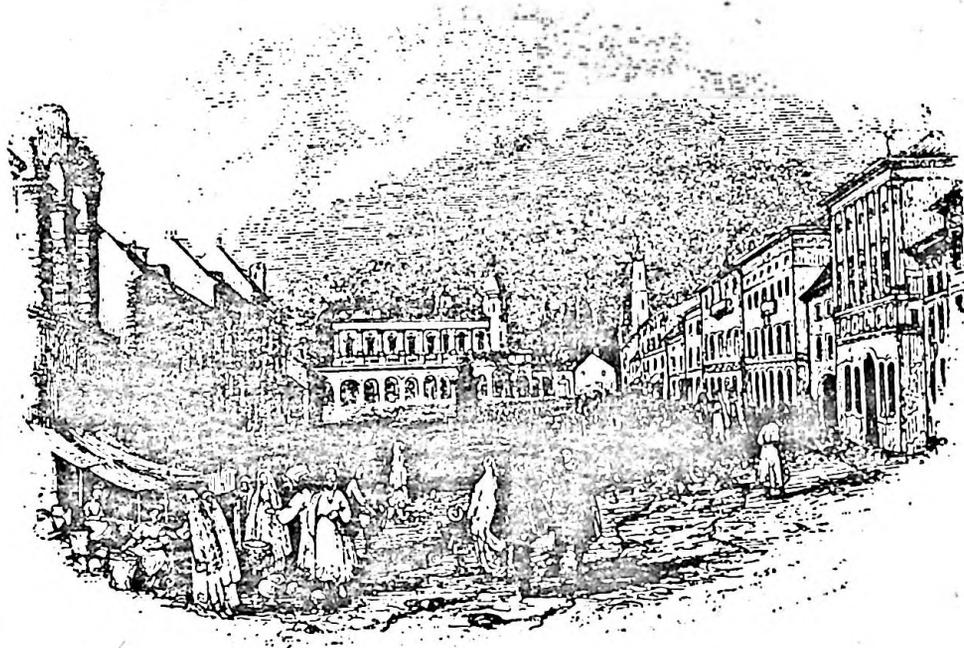
А. Н. Горбунов

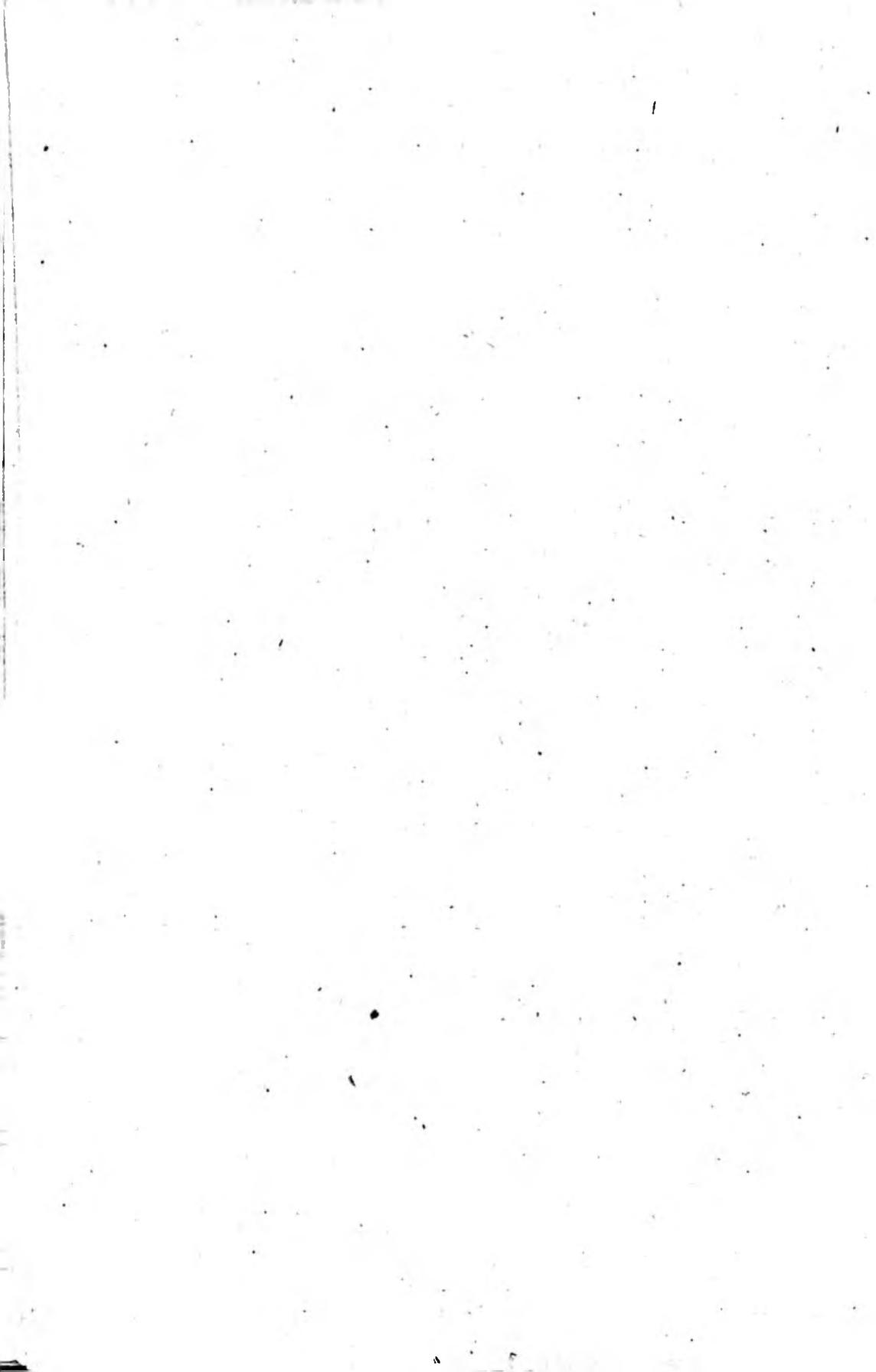
⁴⁶ Хрестоматия по истории западноевропейского театра, т. I. М., 1953, с. 553.

Сирил Тернер

ТРАГЕДИЯ МСТИТЕЛЯ

Трагедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герцог.

Луссурioзо, сын герцога.

Спурио, внебрачный сын герцога.

Амбициозо, старший сын герцогини.

Супервако, ее средний сын.

Юний, ее младший сын.

Виндиче (Пьято)
Ипполито (Карло) } братья, сыновья Грацианы.

Антонио } знатные вельможи.
Пьеро }

Дондоло, слуга Кастиццы.

Ненчо } приближенные Луссурioзо.
Сордидо }

Герцогиня.

Грациана.

Кастицца, ее дочь¹.

Вельможи, знатные синьоры, судьи, стражники,
слуги, судебные приставы.

Действие происходит в Италии², во дворце герцога и в окрестностях.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

Входит Виндиче с черепом в руках. В глубине сцены с факелами проходят герцог, герцогиня, Луссурриозо, Спурго и их свита.

Виндиче. Идут! Вон герцог, старый блудодей,
Его сынок, развратник и злодей,
Его бастард — эй, из чьего ты брюха? —
Его супруга, редкостная шлюха...
Да, все как на подбор. Безмозглый век!
От вождельеня все рехнулись словно.
Не ровный пламень, а пожар греховный
Бушует в них, грозя спалить вконец.
Взять герцога, ведь он живой мертвец.
А тот, чья кровь черней болотной жижи,
Все ближе к власти — ближе, ближе, ближе...
Не быть тому, печенкою клянусь,
Скорей от злобы желчью захлебнусь!³
(Обращаясь к черепу⁴.)
О тень моей отравленной любимой,
Скудельница печали, страшный лик,
То, что когда-то было совершенством,
Когда-то... в дни помолвки... Два алмаза
Там, где сейчас провалы, так блистали,
А эти безобразные черты
Так согревала жизнь своим дыханьем,
Что с яркими румянами поспорить
Могли бы эти щечки, покрасневшись,
И праведник (из тех, что согрешат
Семь раз на дню) так на нее смотрел,
Что хоть восьмую заповедь измысли!
Да за один воздушный поцелуй
Пустил бы сын на ветер все богатства,
Которые с таким добыл трудом,
Давая в рост, папаша-скопидом!
Будь проклят этот царственный вертеп!
Еще ты только-только расцветала,
Когда попалась на глаза плешивцу,
И он, подагрик, распалился так
От прелестей твоих и от упрямства,
Что вмиг, безумец, как-то позабыл
Про то, что он на дело не способен.
Но страшны старцы вспышками своими!
Лишь золото и похоть движут ими.
И стал наградой ей за гордость яд.
Месь, всех убийств разменная монета,
Трагедией расплатится за это.

Пришел мой день и час! Отныне мечь
В любую щель поможет мне пролезть.
Пускай пируют, разодеты в бархат,
И пьяно ржут, и тискают девиц!
В костер веселья вашего подброшу
Я сушняка — на славу разгорится.
Вы только с виду — этакий колосс:
Рок свалит тех, кого он сам вознес.

Входит его брат Ипполито.

Ипполито. Что, все скорбишь над этой маской?
Виндиче. Здравствуй.

Что скажешь, брат? Чем нынче двор живет?

Ипполито. А чем всегда: шелками, серебром...

Виндиче. Сказал ты то, о чем я сам подумал.

А как там старая карга Удача,
Не вспоминала ли про нас на днях?
Ведь наше горе спит в одних ножнах.

Ипполито. Пожалуй, вспомнила.

Виндиче. А ты не шутишь?

Ну, не томи же.

Ипполито. Наберись терпенья.

Я герцогу служу...

Виндиче. То бишь Разврату.

И вот что удивительно — так долго!

Ипполито. Ты прав, меня бы вышибли давно,
Когда б не герцогиня; эта юбка
Надежней, чем спасательная шляпка.

Но ближе к делу:

Вчера сын герцога, его наследник,
Имел со мной приватный разговор;
Издалека он начал — то да се,
Мол, что да где, какие ходят слухи,
Короче, все прощупывал меня,
А я смекнул и мысли-то свои
На три замка и тоже — про погоду,
Про бабьи сплетни, — в общем, в тон ему.

И между делом он мне сообщает

Причину истинную нашей встречи:

Я должен тайно для него найти

Того, кто встарь был при дворе обижен,

Иль новой герцогинею унижен,

Кто так смертельно зол на вся и всех,

Что даже не считал бы грех за грех

И — помогал грешить напропалую.

Виндиче. Известный бабник. Этот, говорят,

Ни дамы, ни служанки не пропустит,

А скольких взял в любовницы себе!

Найдется ли уродина на свете,

Горбунья, прокаженная, хромая,
Которая могла бы охладить
Его альковный пыл? Да нет, едва ли.
Такой, коль станет невтерпеж ему,
В постель потащит даже Смерть саму.

Ипполито. Ты прав. Хотя его не видел сроду,
Насквозь ты эту видишь, брат, породу.

Виндиче. А коли так, друг друга мы пойдем.
Служить мерзавцу верою и правдой
Легко, ты только стань, как он, мерзавец.
Быть злым на всех и вся? Куда уж злей!

Ипполито. Да, подвернулся случай.

Виндине. Так за дело,
Раз нам Судьба впервые порадела!
А чтоб хороший был у нас улов,
Вцеплюсь ей в волосы без лишних слов.
Вот капюшон, он мне сослужит службу.

Входят Грациана и Кастицца.

Тсс, наша мать.

Ипполито. И младшая сестра.

Виндиче. Брат, женщина как будто создана,
Чтоб верить нашим плутням и обманам.
Так, может, и они обман невинный
Сейчас за чистую монету примут?

Грациана. Что, Карло, происходит при дворе?

Ипполито. Сын герцогини, Юний, обесчестил
Жену Антонио.

Грациана. Подумать только!

Кастицца. Над этой праведницей надругаться!
Будь он хоть трижды знатен, но теперь
Ждет смерть злодея, ты уж мне поверь.

Виндиче. Караешь ты по совести, сестрица.
Нет чтоб закону женщиной родиться!
Прощайте, мать, я должен вас покинуть.

Грациана. Как?

Виндиче. Уезжаю. Срочные дела.

Ипполито. Да, неотложные.

Грациана. Да что за спешка?

Виндиче. С тех пор, как мы отца похоронили,
Жизнь в тягость мне, и я спешу, спешу
В надежде свой конец скорей приблизить.

Грациана. Отец твой был достойнейший синьор.
С таким умом и так всегда нуждаться!

Виндиче. Все козни герцога.

Грациана. Ты прав.

Виндиче. Я знаю,

Его высокий дух изнемогал
Под пыткой каждодневных оскорблений:

Отец наш умер от душевных ран.
Грациана. О, да!
Виндиче. Ты — секретарь его ночей,
Кому и знать, как не тебе.
Грациана. Ну что ты!
Он мыслей мне своих не поверял.
Виндиче (в сторону). Ты мудрость проявил, отец, большую:
Удел жены — стряпня и поцелуи.
(Вслух.) Прощайте. Ты меня проводишь, брат?
Ипполито. Ну что ж, идем.
Виндиче. Я новой роли рад.

Уходят.

СЦЕНА 2
Входят старый герцог, за ним — Луссуриозо, Спурно, герцогиня, Амбициозо и Супервако; Юний входит в сопровождении судебных приставов; появляются судьи.

Герцог (герцогине).

Мы очень сожалеем, герцогиня,
Но ваш любимец, поступив так низко,
Нас пригвоздил к позорному столбу
И нашим злопыхателям дал повод
Чернить своих правителей при жизни,
А после смерти осквернять их прах.
Достаточно однажды оступиться,
И ты ославлен до скончания дней:
Сегодня в рот глядят вам умиленно,
А завтра будут каркать, как вороны.

Первый судья.

Вы совершенно правы, ваша светлость.
Зачем, чтоб после нашей смерти люди
Нас в эпитафиях превозносили
И поносили в сердце? Блеск придать
Нетрудно, но, как сказывали прежде:
«Великий грех не скрыть златой одежде».

Герцог.

Увы, увы. Судьба нас обрекла:
Мы — смертны все, бессмертна — лишь хула⁵.
Судите же его, он в вашей власти.
Как мне ни тяжело, молчать я буду.

Герцогиня (становясь на колени).

Милорд, молю, имейте снисхождение!
Ведь он, юнец, не ведал, что творил.
Мы оба в вашей власти, сын и мать,
Так обойдитесь, как с законным сыном,
С моей кровинкой, чтоб топор закона
На голову несчастного не пал.

Луссуриозо.

Пускай помилованье с ваших уст
Слетит, как ветерок. Грехи и женщин
Нам' следует прощать великодушно,
К тому ж, не гримируй они уродство,
Оно нас ужаснет, представ однажды
Во всем своем бесстыдстве.

Амбициозо.

Ваша честь,

Явите снисходительность и брата
Не раздавите тяжестью закона.

Спурио (в сторону).

Нашли, о ком просить. Да пусть он сдохнет!
Моя бы воля, — не жалея сил,
Я всех бы их тут заживо сгноил.

Герцогиня. Так вы не внемлете увещеваньям
Коленопреклоненной герцогини?
Вы забываете, что перед вами...

Первый судья.

Не сам ли герцог пожелал, чтоб мы
Насильника примерно наказали?
Что ж, слово обвиняемому. Сударь,
Вы знали, что насилие страшной
Прелюбодейства?

Юний.

Да, милорд.

Второй судья.

Тем паче,

Что нету женщины благочестивей
Жены Антонио. Так что же, сударь,
Могло толкнуть вас?..

й.

Похоть, ваша честь⁶.

А что толкает к женщине мужчину?

уриозо.

Шутник, не искушай свою судьбу,
Ведь занесен топор над головою,
И жизнь твоя висит на волоске.
Пускай ты сводный брат мне, но, любя,
Я заклинаю: не губи себя.

Юний.

Тебе я благодарен за участие,
Но, видно, от него немного проку.

Первый судья.

Ее святое имя, как крыло,
Над всей Италией простерло благодать.
Когда мы зло сегодня не осудим,
Проклятье мы заслужим на века.

Юний.

Ну, так кончайте. Выйди я на волю,
Вновь согрешу. Она — ворожея,
Не в силах я бороться с этой страстью.
И если красота ее сегодня
Вдруг обернется плахой для меня,

Я, живший от забавы до забавы,
Умру, смеясь над вашею расправой.

Первый судья.
Вы сами подписали приговор.

Герцогиня. О, не спешите и свой гнев умерьте!
Вы часто приговаривали к смерти,
Так пощадите хоть на этот раз!

Первый судья.
Закон суров, но справедлив.

Герцогиня. Закон
Не женщина, он мстить врагам не должен.

Спурио (*в сторону*).
Ну, вот кобель и отгулял свое.

Герцогиня (*в сторону*).
А герцог-то! Сидит, как изваянье.
Молчит как будто в рот воды набрал!

Первый судья.
Итак, на месте суд постановил...

Герцогиня. О боже!

Первый судья. Завтра поутру...

Герцогиня. Проклятье!

Первый судья.
Не злобствуйте.

Амбициозо. Зло — *ваше* ремесло.
Вы именем добра творите зло.

Первый судья.
Насильник будет...

Герцогиня. Выпущен на волю!

Первый судья.
Казнен на плахе...

Герцог. Стойте, ваша честь.

Спурио (*в сторону*).
Зачем вмешался он, не понимаю.

Герцог. Прервем до завтра наше заседание.
Преступника же заточить в тюрьму.
Эй, стража!

Амбициозо (*Юнию*). Не ропщи на злую долю.
Поможем мы — и будешь ты на воле.

Юний. Посмотрим. Дай-то бог. Одна надежда —
Родные братья.

Амбициозо. Так не вешай носа.

Юний уходит под стражей.

Спурио. «Прервем до завтра!» Завтра судьи станут
Мягки, как воск, от взяток и посулов.

Герцог. Мы кончили как будто? А сейчас
Прощайте. Ждет другое дело нас.

Уходят все, кроме герцогини.

Герцогиня. Быть герцогиней и сносить покорно
Любую блажь? Другая бы давно
Призвала сердобольных докторишек,
Чтоб до смерти больного залечить
И хвастаться богоугодным делом.
Другая бы для этой подлой твари
Собственноручно вырыла могилу.
Старик, а вроде малого дитяти:
Язык отнялся! Ведь одно словцо,
И мой любимец был бы на свободе,
И не его бы попирали закон,
А он — его и терние закона
В грязь втоптывал... Но негодяй — молчал!
Ты больше не супруг мне. Этой раной
Во мне ты вызвал приступ лихорадки.
Отныне жить я буду, как в бреду,
Пока тебя, мой враг, не изведу.

Входит Спурно.

А вот и тот, к кому я вождедею,
Хоть он бастард... Он должен быть моим!
Я забросала письмами тихоню
И драгоценностями, но он робок
И холодно учтив при каждой встрече,
Хоть на его мизинце перстенок,
Мой дар, сверкает, как немой упрек.

Спурно.

Уединенья ищет ваша светлость?
Я преданно целую ваши руки.

Герцогиня.

И только? А столкнись лицом к лицу,
Вы в страхе побежали бы к отцу?
О нет, мадам. *(Целует ее.)*

Спурно.
Герцогиня.

Какой сюрприз, однако!

Ах, этикет — ведь это предрассудок.
Завоевать, к примеру, герцогиню,
Пылающую страстью, не трудней,
Чем камеристку, но приличья, титул
И прочие условности смущают
Мужчин. Как вы относитесь ко мне?
С подобострастьем, ваша светлость, как
И надлежит...

Спурно.

Герцогиня.

Да нет, к моей любви?

Спурно.

Любви? Я это бы назвал иначе...
Ведь вы — супруга моего отца.

Герцогиня.

Отца ли? И вы знаете наверно,
Что вас зачал не кто иной, как герцог?

Спурно.

Не знаю. Прошрое мое темно.
И конюх герцога мог в темном месте
Меня зачать. Он, сказывают, был
Таким же высоченным, как хозяин:

Шутя в окно второго этажа
Заглядывал, при этом задевая
Навес макушкой, а скача в седле,
Пыль с вывесок на шляпу собирал,
Бил, как в литавры, в тазик брадобрея.
А как он гарцевал... на здешних девках!

Герцогиня.

Гарцуйте тоже.

Спурио.

Я плохой наездник.

Герцогиня.

Тем более с породистой начните,
Так выездка пойдет у вас быстрее!
А что до вашего происхождения,
Для всех отец ваш — герцог, безусловно,
И... тем трагичней положение ваше:
Вы в перстне герцога — фальшивый камень,
Хотя преемником могли бы стать,
Когда алмаз, угасшая звезда,
Вдруг выпал бы из своего гнезда.
Но вы для герцога — ничтожный раб.
И вы смирились с этим?

Спурио.

Никогда!

Герцогиня.

Родной отец давно смешал вас с грязью,
Так нет чтоб изощреннейшую месть
Исполнить и за все с ним рассчитаться!
Подумать только, с детских лет нести
Крест незаконнорожденного сына,
Быть злом во чреве, пугалом природы,
Отверженным для бога и для церкви,
Среди людей быть недочеловеком,
Всегда изгоем, всюду вне закона!

Спурио.

О небо, как его я ненавижу!

Герцогиня.

Не может ваша кровь не взбунтоваться.
Так что мешает — вы не евнух все же —
Взойти вам на родительское ложе?

Спурио (в сторону).

Давно уж я вынашиваю месть,
Теперь я всю ее обрушу сразу
И грех сочту за милую проказу.

Герцогиня.

Молчите? И все так же холодны?

Спурио.

Что б ни случилось, нет на мне вины.

Герцогиня.

А договор скрепить печатью надо.

(Целует его.)

Спурио.

Возврата нет. Врата отверзлись ада.

Герцогиня.

Уж ночью этой ты меня потешь.
Ну, герцог, мы твою украсим плешь!

Уходит.

Спурио.

Я — плод прелюбодеяния. Пусть же станет
Прелюбодеяние знаменем моим.
Как вы, должно быть, пировали! В глотку

Уже не лез кусок, и кто-то спал,
К себе бутылку нежно прижимая,
И заплетались языки и ноги
У знатных дам, багровых от вина,
Они вставали и, упав со смехом,
Бесстыдно заголялись на полу,
А те, что на ногах еще держались,
Мужчин тянули в угол... Не тогда ли,
В час свального греха и пьяных оргий,
Я был зачат, будь проклят этот час?!
Так прочь сомнения и страх излишний,
Мне эту месть внушает сам всевышний⁷!
Ты мужу мстишь, я буду мстить отцу
И сделаюсь любовником твоим,
Хотя в душе тебя я ненавижу,
Как ненавижу всех твоих щенков.
И братец мой, который так кичится
Своим законным якобы рождением
(Притом что мог быть, как и я, зачат
Какой-нибудь высокородной шлюхой),
Пускай пощады от меня не ждет.
А герцог пусть свой дар назад возьмет:
Кто украшал всю жизнь других рогами —
Те в рогоносцев превратятся сами.

Уходит.

СЦЕНА 3 Входят Ипполито и переодетый Виндиче.

Виндиче. А вдруг узнает кто-нибудь меня?

Ипполито. Узнать тебя довольно мудрено —
Ты, Виндиче, как заново родился.

Виндиче. Лишь деревенским стыд к лицу — придворным
Идет развязность. Свято чтит Развязность —
Царицу над царицами, богиню,
Вся эта расфуфыренная знать.
Лицо пусть будет белым, словно мрамор,
Пусть взгляд мой будет твердым, как алмаз,
Впредь от стыда я не зальюсь румянцем.
О нет, среди всеобщего бесстыдства
Меня не выдаст робость невзначай,
Которая когда-то украшала
Невинность⁸ больше, чем одежды. Нет,
Не в моде целомудрие сегодня,
В цене сегодня стоящая сводня.

Ипполито. Потихе, брат, ведь мы уже в покоях.

Входит Луссуриозо в сопровождении слуг.

Сын герцога! Скорее приготовься...

Виндиче. Не беспокойся, я давно готов.
(Отступает в нишу.)

Ипполито. Синьор...

Луссуриозо. Ипполито? Оставьте нас.

Слуги уходят.

Ипполито. Синьор, навел я справки, все разведаль,
Ища достойнейшего из достойных,
И вот, привел вам — мастер на все руки,
Дитя эпохи; будь моложе Время,
Я Временем самим его назвал бы:
Я не шучу — законченный пройдоха.

Луссуриозо.

Благодарю. Но слово — звук пустой,
А вес имеет только золотой. (Дает деньги.)

Ипполито. Коль он в руках у щедрого синьора.

Луссуриозо.

Теперь иди.

Ипполито уходит.

А ну-ка где ты там?

Давай знакомиться. Ну, ну, смелее.

Твою, приятель, руку.

Виндиче.

Вот она.

Вы в спальню проводить меня хотите?

Луссуриозо (в сторону).

Да, сразу видно, малый-то не промах!

Пожалуй, не мешает осадить,

Не то почует, шельма, слабину

И мной еще начнет вертеть.

(Виндиче.) Запомни,

Пока вдвоем мы, можешь зубоскалить,

Но при других попридержи язык.

Виндиче. Наглеть приватно? И на том спасибо.

Луссуриозо.

Скажи-ка, плут, а чем ты занимался?

Виндиче. Трудился костоправом.

Луссуриозо. Костоправом?

Виндиче. Ну, словом, сводней. Правил я костями,

Кладя их рядом.

Луссуриозо. Ты, я вижу, хват!

Давай со мной без всяких эквивоков.

Что, вел, как стряпчий, темные дела?

Виндиче. Вел, еще как! Я подписью скрепил

До тысячи, не меньше, договоров,

Когда собой девицы торговали;

Описывать поместья помогал,

Сады скупать почти что за бесценок

И делать так, что от земель обширных

Наследник горсть песочку получал,
Чтоб в дарственной присыпать им чернила.
Луссуриозо (в сторону).

Редчайший негодяй! Вот так удача.
Такого мне и надо.

(Виндиче.) А в загулах

Ты знаешь толк?

Виндиче.

Загул! Ночной дебош!

Плодят пропойцы будущих пропойц;
Домой приползши; пьяный муж влезает
В постель к невестке — не к жене законной;
С племянницей сожительствует дядя,
И братья делят жен... О, час разврата!
Нет ничего святого — все, что плохо
Лежит, — твое... Но кто, увидя утром
Благопристойного синьора, скажет,
Что он за фрукт? Как ни наметан глаз,
Он все же не всевидящее око.
Полночный час, что может быть порочней?
На нем лежит проклятия печать,
И нет покоя на земле, покуда
Есть средь двенадцати часов иуда.

Луссуриозо.

Пустое! Час разврата ни при чем,
Разврат — гнездится он во мне самом.
Быть падшим ангелом дано не многим!
Так вот, приятель, если ты и вправду
Такой ловкач и не болтун при этом,
Иди ко мне на службу. Будешь ты
Купаться в золоте, и толпы нищих
Потянутся к тебе за подаяньем.

Виндиче.

Болтун? Болезнью этой, слава богу,
Мать не сумела заразить меня.
И то, зачем нам распускать язык,
Ведь мы не бабы? Ночью им шепнешь
Какой секрет, а утром, смотришь, он
В ночном горшке...

Луссуриозо.

Ну, ладно, убедил.

Вот для начала. (Дает ему золото.)

Виндиче.

За такие деньги

Процентщик душу продал бы свою,
Когда б ее он дьяволу не продал.

Луссуриозо.

Так слушай же. Я сам не свой от страсти,
Ей нужен выход, не то я взорвусь.
Живет поблизости одна девица...
Как только не оплавился сургуч,
Скреплявший мои жаркие посланья!

Какие драгоценности дарил!
Она ж, дуреха — тоже мне, весталка! —
С гонцами отсылала все обратно.
Уперлась — и ни с места.

Виндиче. Чудеса!

Ужели есть такие в наше время?
Но если вас, синьор, так разобрало,
Женитесь вы на ней, и все дела.

Луссуриозо.

Ну нет! Она по крови, по богатству
Не ровня мне: кто я — и кто она...
Да и жене — хоть я не против брака —
Всегда любовниц предпочту, однако:
Люблю, признаться, я разгул ночной.
Нельзя же быть из ночи в ночь с одной!

Виндиче. Да вы философ.

Луссуриозо.

Чтобы лучше вникнул
Ты в эту философию, я сердце
Тебе открою. При твоих талантах
Да чтоб ее нам не уговорить!
Вскружи ей лестью голову, внуши ей,
Что нет греха страшней, чем добродетель,
Поскольку целомудрие с годами
В лежалый превращается товар.
Я б эту честь, которой все девицы
Кичатся, в оборот тотчас пускал:
Ну, чем не оборотный капитал?

Виндиче.

Оригинальный поворот, однако!
Кто эта дама? Тысячи уловок
Сумею я найти, чтоб дело сладить,
И если говорить и говорить
Придется до изнеможенья, знайте...

Луссуриозо.

Охотно верю и вознагражу.
Так вот, она единственная дочка
Одной вдовы, синьоры Грацианы.

Виндиче (в сторону).

Моя сестра, о боже!

Луссуриозо.

Что ты шепчешь?

Виндиче.

Слова, синьор, с которых я начну:
«О госпожа!» — на тысячи ладов.
Начну, пожалуй что, с ее заколки...

Луссуриозо.

Или с корсета...

Виндиче.

Нет, синьор, с корсета

Начнете вы.

Луссуриозо.

Ах, вот как? Тоже верно.
Ты, может быть, девицу эту знаешь?

Виндиче. Случалось видеть.
 Луссуриозо. Брат ее родной
 Тебя нашел мне.

Виндиче. То-то я гляжу,
 Лицо знакомое...

Луссуриозо. Будь осторожен
 И в сердце не пускай его, как дева
 В свой заповедник не пускает.

Виндиче. Ясно.
 Луссуриозо. Над простачком не грех и посмеяться.

Виндиче. Вы правы. Ха-ха-ха!
 Луссуриозо. Он сбился с ног,
 •Чтоб мне потрафить, и, смотри, потрафил:
 Отличного нашел мерзавц...

Виндиче. Меня.
 Луссуриозо. На собственную голову: в ловушку
 Помог мне заманить свою сестру.

Виндиче. Да, редкостный лопух!
 Луссуриозо. А что, забавно.

Виндиче. Синьор, я вижу, мастер забавляться.
 Вам мотыльков сажать бы на булавку.

Луссуриозо. Так-так... А если дочка ни в какую?
 Тогда переключишься на мамашу —
 Я завалю подарками ее.

Виндиче. Синьор, вы не с того конца беретесь:
 Судите сами, ну какая мать
 Вдруг согласится дочкой торговать?

уссуриозо. Да ты, приятель, плохо понимаешь
 Загадочную женскую породу.
 Большое дело — выгадать на дочке!
 Любая мать — на три четвертых баба
 И лишь на четверть — истинная мать.

Виндиче. Я этой арифметики не знал.
 Все дело, стало быть, в одной четвертой?

Луссуриозо. Вот видишь, как все просто. А теперь
 Клянись быть верным мне.

Виндиче. Клянусь.
 Луссуриозо. Нет, чертом
 Самим клянись!

Виндиче. Зачем мне чертыхаться?
 Луссуриозо. Ругательства — моя, признаться, слабость.

Виндиче. Ну, если так... Чтоб черт меня побрал!..

Луссуриозо.

Достаточно! Да, вот что, постарайся
Казаться всюду лучше, чем ты есть.

Виндиче.

Синьор, я понял вас и постараюсь.

Луссуриозо.

Эй, слуги, где вы там!

Уходит.

Виндиче.

О, что мне делать,
Зачем я добровольно выпил яд?
Что скажет брат, узнав, что с негодеем
Нам действовать отныне заодно?
Я клялся под удар сестру поставить!
Не лучше ль было ей поклясться в том,
Что подлецу не жить на этом свете?
Но... он мне подсказал коварный план:
Попробую-ка, защищенный маской,
Подвергнуть их обеих испытанию;
Ведь окажись другой на этом месте,
Уж он бы расстарался и, возможно,
Перестарался даже; что ж, надену,
Пока считают все, что я в отъезде,
Личину ревностного холуя
И родственные узы позабуду,
Пока не станет ясен мне ответ:
Тьма — так уж тьма, а если свет — так свет!

Уходит.

СЦЕНА 4

Входит, как потерянный, синьор Антонио, над женой которого надругался младший сын герцогини, и подводит Пьеро и Ипполито к ее бездыханному телу.

Антонио.

Смотрите же, повержено во прах
Прекрасное творение, синьоры;
Насилие его поколебало —
И вот оно в руинах. Страшно как!
Гляжу я — и глазам своим не верю.

Пьеро.

Сама невинность!

Антонио.

Женам всем пример.

Ипполито.

В ее присутствии у многих дам
И греховодников, обычно бледных,
Вдруг изменялся цвет лица...

Антонио.

Мертва!

Яд выпив, честь свела все счеты с жизнью,
Но и душа отстать не захотела⁹.

Пьеро.

Мы все скорбим.

Антонио.

Молитвенник, смотрите!

Как раньше не заметил я его?

Он был ее последним утешеньем,
Как и другая книга, что раскрыта
Ее рукою на таких словах:
Melius virtute mori, quam per dedecus vivere¹⁰.

Ипполито. В свою вы скорбь, синьор, нас посвятили,
Позвольте ж облегчить страданья ваши,
Приняв часть бремени на наши плечи.

Антонио. Немотствует язык, но скорбь безмерна —
Curae leves loquuntur, majores stupent¹¹.
Я с вами не могу не согласиться,
Послушайте — вот в нескольких словах
Весь ход моих неисчислимых бедствий.
Когда в ночи луной фальшивой факел
Зажегся, младший отпрыск герцогини
Со всей своей придворной камарильей,
Уже не зная, чем себя потешить,
Сокрыли лица мерзкие под маской
И в женские покои ворвались,
Где распавшему юнцу попалась —
Увы мне! — на глаза моя супруга,
Бежавшая страстей, как ныне — жизни,
О чем он, этот монстр, прекрасно знал;
И вот в разгар ночных увеселений
Под грохот музыки и крики слуг,
И пьяный хохот — все сошлось как будто,
Затем чтоб облегчить ему задачу, —
Тот, чье злодейское нутро не спрячешь
Ни за какими масками, унес —
Под улюлюканье — к себе бедняжку
И страсть свою звериную насытил!
А после этого уж легче ей
На месте было умереть, поверьте,
Чем жить ославленной до самой смерти.

полито. Она не просто честь свою спасла, —
Она ее до неба вознесла.

Пьеро. Какую кару понесет насильник?

Антонио. Да никакой. Опять отложат суд.

Пьеро. Дать выбраться сухому из воды!

Антонио. Ах, сударь, не забудьте, чей он сын.

К особой он принадлежит породе —
Таким суд открывает путь к свободе.

Ипполито. Так обнажите шпагу, честный воин!
(Извлекает шпагу.)

Пусть нас троих, синьоры, свяжет клятва,
Которую дает клинку клинок
Пред тем, как гнусный наказать порок.
Клянусь, во время слушания дела,
Коли судья окажется подкуплен

И пощадит змееныша, я шпагой
Проткну его — и тотчас выйдет дух,
Точней — душок.

Все.

Клянусь. Да будет так!

Антонио. Теперь мой гнев у вас в долгу, синьоры.

Ипполито. Нам остается пожалеть о том,
Что разрушитель редкостного храма
Не захлебнулся кровью на руинах.

Пьеро. Что до умершей, погребем ее
Со всеми почестями. Вы же, сударь,
Мужайтесь и терпением запаситесь:
Вынашивать мы будем нашу месть,
Пока не выпадет удобный случай.

Антонио. Да-да, вы правы. А пока что я
Безмерно счастлив от одной лишь мысли,
Что, невзирая на мои лета,
Жена осталась предо мной чиста.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входит Кастицца.

Кастицца. Легко ли девственницей оставаться,
Когда сомненья — все твое богатство,
Когда тебе в наследство достаются
Не земли и не дом, а только честь?
Но честь — бедна, бесчестье ж — деньги, слава:
Вот и грешат налево и направо.
Когда бы приносила честь доход,
Ад, верно, обнищал бы через год.

Входит Дондоло.

Что скажешь, Дондоло?

Дондоло. Мадонна, вас там кое-кто дожидается, весь, как гово-
рится, из плоти и крови, судя по бороде — мужчина, и у его языка
до вашего есть неотложное дело.

Кастицца. Какое дело?

Дондоло. Хочет блеснуть зубами в вашем присутствии.

Кастицца. О чем ты? Я тебя не понимаю.

Дондоло. Да переговорить он с вами хочет!

Кастицца. Вот полоумный! Так бы и сказал.

Не проще ли, чем кружева плести,
Все называть своими именами?

Дондоло. Уж куда проще! Только не могу же я мыслить и раз-
говаривать, как простой слуга!¹² Я как-никак управитель, так что и
держаться мне надо соответственно.

К а с т и ц ц а . Не лучше ль быть самим собой? Проси.

Дондоло уходит.

Вот бы от брата весточка какая!
Совсем недавно вроде бы уехал,
А я соскучилась. Пойду навстречу.

Входит переодетый Виндиче.

В и н д и ч е . Сударыня, позвольте мне дары
Сложить у ваших ног. А вот посланье.
(Протягивает ей письмо.)

К а с т и ц ц а . Благодарю вас, сударь. От кого?

В и н д и ч е . От верного и щедрого синьора.

К а с т и ц ц а . Кого же?

В и н д и ч е . Сына герцога.

К а с т и ц ц а . Спасибо!

(Дает ему оплеуху.)

Надеюсь, вы почувствовали руку,
Хоть я и хрупкого телосложения, —
Поверенный в распутстве заслужил
Награду, унесите ж на щеке
Знак моего особого презренья
К патрону вашему и передайте:
Кто имя запятнал свое давно,
Едва ль поставит на моем пятно.
Засим я остаюсь его врагом.

Уходит.

В и н д и ч е . Бесценная пощечина! Я счастлив
Подобным украшеньем щеголять.
Одна увесистая оплеуха —
И все мгновенно на своих местах!
Сомненья, прочь! Не на словах — на деле
Ты честью дорожишь, сестра, и, значит,
Еще милей ты сердцу моему.
Тебя посулы не смутят, я вижу,
Но раз уж дал я клятву сам себе,
Подвергну-ка и мать я испытанью,
Хотя она, я знаю наперед,
Для пения сирен свой слух замкнет.

Входит Грациана.

Вот и она. Надеюсь, не узнает.
Синьора, добрый день!

Г р а ц и а н а . День добрый, сударь!

В и н д и ч е . Наследник, наша гордость, заверяет
Вас в совершеннейшем своем почтенье.

Г р а ц и а н а. Я польщена вниманием такой
Сиятельной особы.

В и н д и ч е. Ну, еще бы!
Ведь что ни день, то ближе он к короне
И не сегодня-завтра будет герцог.
Тогда всем тем, кто нынче ублажает
Его любую прихоть, быть стократно
Вознагражденным.

Г р а ц и а н а. Честь превыше денег.

В и н д и ч е. Помилуйте, все можно так устроить,
Что не узнает ни одна душа.
Пустяк ведь...

Г р а ц и а н а. Тут я с вами не согласна.

В и н д и ч е. Надеюсь, согласитесь, если вы
Не враг своей единственной дочурке.
К ней повернулось колесо Фортуны:
Ведь тот, кто будет всемогущим завтра,
Когда отдаст наш герцог богу душу,
Желает страстно вашу дочь.

Г р а ц и а н а. Желает?

В и н д и ч е. Поймите: кто ему сейчас откажет,
Того он завтра силою возьмет.
Я вам, как друг, советую, синьора,
Благоразумной быть. Ведь вы бедны,
Как нынче многие, а бедность — это
Тяжелый крест. Зачем его нести,
Когда плывут к вам деньги сами в руки?
Мой вам совет, подальше отошлите
Слугу Кастиццы, этого мужлана.

Г р а ц и а н а. Вы что! Ни за какие блага мира

Я не отдам на поруганье дочь.

В и н д и ч е. Ну что ж, я вижу, тут слова бессильны,
Без ангелов¹³ не обойтись, как видно.
Не мыслим мы, имея к деньгам вкус,
Без ангелов с дьяволом союз.
Всегда так было и всегда так будет.
Но вы! Будь я таким же нищим, жалким
И отлученным от двора, а дочка
Подруг моих купайся в море славы,
Ужель такой момент я б упустил?
Как бы не так! Пусть дочь берут нахрапом!
За миг свиданья требую кольцо я,
За поцелуй — карету, за объятья —
Хороший дом, за прочее — поместья;
Я бы доил всех этих кавалеров
И жил себе, не ведая забот.
А вы! Ни сна, ни отдыха не зная,
Воспитывали дочь — приходит час,

Когда она должна, возвысить *вас*.
 Грациана. О, небо, нету сил сопротивляться!
 Виндиче (*в сторону*).
 Как? Нету сил? Не много же их было.
 Грациана (*в сторону*).
 У женщины любой хотя б одну
 Легко нащупать слабую струну:
 Едва коснулся бедности моей он,
 И мир в душе, как легкий дым, развеян.
 Виндиче (*в сторону*).
 Дальнейшая настойчивость опасна —
 Того гляди, поддастся. Знать пора бы:
 Сопротивляться не умеют бабы. —
 Ну что, сударыня, так по рукам?
 Пускай простой расчет вас утешает:
 Паденье дочки возвышает мать.
 Я полагаю, вы того же мненья?
 А коли так, отбросим ложный стыд —
 Легко грешить, когда весь мир грешит.
 Грациана. Да, много легче, тут вы правы.
 Виндиче (*в сторону*). Легче!
 (*Вслух.*) Вот на десерт вам сладкое.
 (*Показывает ей золото.*) И так,
 Меняем рай на ...?
 Грациана. Да! Ведь это ...
 Виндиче. Боже!
 Грациана. Ведь это даст мне все, чего желаю.
 Какая женщина — да будь она
 Хоть трижды матерью! — могла б смотреть
 На всё это богатство безучастно?
 Ах, совестно-то как... но... я согласна!
 Виндиче (*в сторону*).
 Будь проклят этот час! Я от стыда
 Готов лишиться зренья, чтоб отныне
 Себя не видеть, всех вокруг не видеть!..
 Грациана. Синьор...
 Виндиче. Да-да?
 Грациана. Вы просто златоуст!
 Виндиче. Да нет, вы просто редкостная... мать.
 Грациана. Поговорю с ней.
 Виндиче. Верю, не без пользы.
 Грациана. Не мать я буду, коль не уломаю.
 Виндиче (*в сторону*).
 Ты при любом исходе ей не мать.
 Грациана. Кастицца!

Входит Кастицца.

Кастицца. Да, синьора?
 Виндиче (*матери*). Вы, я вижу,

Решительны.

(В сторону.) Смотри, сестренка, в оба.

Такая мать, что устоять попробуй!

К а с т и ц ц а. Зачем, синьора, с этим негодяем
Вы говорите?

Г р а ц и а н а. Негодяем?

К а с т и ц ц а. Да.

Сын герцога прислал его, синьора,
Чтоб на бесчестный шаг меня толкнуть.

Г р а ц и а н а. Бесчестный шаг? Вот честная дуреха!
То, что мы делаем по доброй воле,
Не может быть бесчестным. Слушай больше
Пустые разговоры низкой черни,
Ничтожных, ограниченных людишек,
Далеких от возвышенных страстей!
На благородных нам равняться надо.
Нашла чем дорожить... Терять невинность —
Что может быть прекраснее на свете!

Но вам, девицам, не дано понять,
Что значит солнце знойное обнять.
Невинность — сад за мощною оградой¹⁴,

И с первого, кто в этот сад войдет,
Большую плату надо брать за вход.

К а с т и ц ц а. А тут сын герцога — какие деньги!
Сударыня, вы точно ль мать моя?
Конечно, нет. Но где она, скажите?
Ужель теперь одна я!

В и н д и ч е (в сторону). Прямо в точку.

Г р а ц и а н а. Стыдлива с ним, заносчива со мной...
Что, мать не узнаешь?

К а с т и ц ц а. Да вы ли это?

Так странно в наши дни все смещено,
Что мать признать довольно мудрено.

В и н д и ч е. Уж это точно, знаю по себе.

Г р а ц и а н а. Так по губам бесстыжим и дала бы!
Да ладно уж, на первый раз прошу.
Чем в куклы-то играть, играла б в игры,
Как все вокруг. Не то проходишь в девках,
И золото сквозь пальцы утечет.
Когда б купцы боялись выйти в море,
Товар бы сгнил и жизнь застыла вскоре.

К а с т и ц ц а. Красивыми словами не прикрыть
Дурные помыслы. Не вам, синьора,
На эти ухищрения пускаться.

В и н д и ч е (в сторону). По совести сказать — ни ей, ни мне,
Но должен я, увы, кривить душою.

(Вслух.)

Ах, синьорита, вы строги излишне.

Мать, вас любя, желает вам добра,
А вы: невинность! Побирушка — ваша
Невинность. Ну какая нынче дура
Невинность будет холить и лелеять,
Держа себя при этом в черном теле?
Таких теперь не сыщешь днем с огнем.
Сейчас девице, молодой да ранней,
Сам бог велел идти на содержанье.
Грех пренебречь вам случаем таким,
Да и грешить не с многими — с одним!
Зато потом вы будете в брильянтах,
Всех светских модниц наповал сражать
Своими туалетами.

Грациана. Ах, будь я
Чуть-чуть моложе, я б пошла на все!

Кастичца. И уронили б честь свою при этом.

Виндиче. Помилуйте! Вступая в связь такую,
Не только не уроните вы честь —
Возвысите, приобретая титул.
Не правда ли, синьора?

Грациана. Ну конечно!

Виндиче. А как чудесно во дворце! Представьте:

Сон до полудня, завтраки в постель,

А на обед — десяток перемен:

Такие блюда — пальчики оближешь!

Пиры ночные, музыка, забавы,

Вассалы с непокрытой головой,

Чьи шляпы дома на рогах повисли,

Балы, карета, мальчик на запятках...

Кастичца. Прочь! Прочь! Все это — дьявола соблазны.

Виндиче (в сторону).

Да, дьявола.

(Вслух.) Нет, герцогского сына...

Грациана. И будущего герцога! Не спорь

И дьявола не поминай напрасно.

Виндиче (в сторону).

Тем более что многие вокруг

Не меньшею гордыней одержимы.

(Вслух.) Сударыня, что зеркалу за дело

До вашей красоты? А ведь другие,

Дурнушки против вас, живут не тужат,

Земли отхватят столько, что ее

Сто лет пахать, а из лугов бескрайних

Миллон корсетов можно понашить.

А началось с чего? С того, что стали

Мыть руки деревенские мужланы,

Носить камзол и в графы выходить¹⁵.

С тех пор мы процветаем несказанно:

Когда-то земли мерили саженью,

А нынче в ход пошел складной аршин;
Леса повырубали, чтобы дамы
Могли подпюрки делать для причесок...
Жизнь бьет ключом, одна Невинность спит.
И вот вопрос — ответьте мне, синьора,
Не потому ль девиц почти уж нет,
Что девственностью даже на обед
Не заработать? Любо то, что модно,
А что свой век отжило, режет глаз.
Поверьте мне, сударыня, невинность
У нас упала здорово в цене:
Теряем брошку — и уже накладно,
Невинность потеряли — ну и ладно!
Святая правда.

Г р а ц и а н а.
К а с т и ц а.

Ложь! Вы оба лжете!
От ваших слов стыдом пылают уши
И все мое лицо горит огнем.
Бегите, мать, скорей от ведьмы.

Г р а ц и а н а.
К а с т и ц а.

Ведьмы?
Как, вы не видите ее? Наверно,
Она сидит в вас слишком глубоко.
Прочь, старая! Угодно было небу,
Чтоб порча, не сумев ко мне пристать,
Как бы в отместку поразила мать.

Уходит.

В и н д и ч е (в сторону).

О ангелы, вы видели все сами,
Теперь плещите радостно крылами!
Безмозглая гордячка! Недотрога!
Синьору передайте, что к нему
Она придет сама. Пойду за нею:
Две женщины столкнутся быстрее.

Г р а ц и а н а.

Уходит.

В и н д и ч е.

Пожалуй, так ему и передам.
О небо, до чего же вероломны
И подлы эти хрупкие созданья!
Нет, чтобы солнцу заживо спалить
Всю эту скверну! Как земля их носит?
Не будь на свете золота и женщин,
Проклятье не грозило б нам и ад
Стал мирной кухонькой без очага.
Вы, женщины, затем на свет явились,
Чтоб мы, безумцы, на крючок ловились.

Уходит.

СЦЕНА 2 Входят Луссуриозо и Ипполито.

Луссуриозо.

Ну, у тебя, скажу я, глаз наметан —
В душе читать умеешь, как по книге,
А это, брат, искусство! Кто есть кто?
Из двух сортов людей в конце концов
Мир состоит — глупцов и хитрецов.

Ипполито *(в сторону)*.

С тобой глупец он! За твоей спиною...

Луссуриозо.

Короче, я доволен. Этот малый,
Я вижу, с головой, такому палец
В рот не клади.

Ипполито.

О да, синьор, вы правы.

Ему дай палец — он отхватит руку.

(В сторону.)

Подлец! Игру затеял в кошки-мышки.

Входит переодетый Виндиче.

Луссуриозо.

Кого я вижу! Легок на помине.

Ипполито *(в сторону)*.

Хоть бы сейчас он отпустил меня!

Луссуриозо.

Оставь нас, ты свободен.

Ипполито *(в сторону)*.

Слава богу.

Теперь побудь за сводню ты, мой брат,
И действуй сам, на свой особый лад.

Уходит.

Луссуриозо.

Ну, вот мы и вдвоем. К чему свидетель,
К тому же брат ее? Ну, что молчишь?
Она уступит наконец?

Виндиче.

Ах, сударь...

Луссуриозо.

Надеюсь, подобрал ты к ней ключи?
Сказал, что в преисподней мягко стелят?
Что жестко спать в раю? Не взбеленилась?

Виндиче.

Нет, но стояла на своем.

Луссуриозо.

Проклятье!

Все прахом.

Виндиче.

Я, потратив меньше сил,

Весталку бы давно уговорил.
Сейчас невинность отдадут с приплатой,
За деньги же не только отдадутся —
Магометанство примут, если надо!
Потока красноречья моего

Хватило бы на то, чтоб опрокинуть
Супругу пуританина любого.
Но *этой* стойкости не занимать!
И дело было б швах, когда б не мать.

Луссуриозо.

Откуда в женщине такая стойкость?
Ты начал что-то говорить про мать...

Виндиче (в сторону).

Как быть? Смолчать, чтоб не тревожить рану,
Иль выдать ту, что родила меня?
Большого худа нет в таком навете,
Раз он уж не жилец на этом свете.
Синьор...

Луссуриозо (вздрагивая). А? Что?

Виндиче.

Вы давеча спросили...

Луссуриозо.

Ну-ну?

Виндиче.

У вас надежда есть.

Луссуриозо.

Какая?

Виндиче.

Поняв, что дочь не расположена
К прогулке в незнакомый край, в мамашу
Вонзил я позолоченные шпоры,
И та пойдет галопом хоть сейчас.

Луссуриозо.

Вот так история! Дочь — на дыбы,
А мать уже готова вскачь пуститься?

Виндиче.

Что вы хотите, сударь, — политес!
Вперед себя мы старших пропускаем.

Луссуриозо.

Ха-ха, неплохо. Есть надежда, значит?

Виндиче.

Еще бы нет! Достойная синьора
Так пропесочила родную дочку,
Что та язык от страха проглотила,
Стояла, как потухшая свеча;
Безжизненно-холодная, горели
Одни лишь щеки. Вскоре дочь ушла,
А раздосадованная мамаша
Велела передать, что дочь «к синьору
Придет сама».

Луссуриозо.

Вот это разговор!

Виндиче.

Последние слова ее, синьор,
Я помню хорошо: «Пойду за нею...

Луссуриозо.

Ай да мамаша, ай да молодец!

Виндиче.

... Две женщины столкнутся быстрее».

Луссуриозо.

Само собой. Им, женщинам, довольно
Минуты там, где тратим мы часы.

Виндиче. О да, синьор, две женщины способны
 Всего за час наворотить такого,
 Что нам потом не расхлебать за год.

Луссуриозо.
 Дам вольную теперь своим я чувствам!
 Ты, я гляжу, мастак в таких делах,
 Проси же чего хочешь, не стесняйся.
 Есть у тебя заветное желанье?

Виндиче. Заветное желанье, говорите?
 А вдруг я попрошу у вас такого,
 Чего вообще на белом свете нет?

Луссуриозо.
 Тогда ни с чем останешься.

Виндиче. Нет, сударь.
 Я думаю, как мне заполучить
 Синицу в руки вместе с журавлем.

Луссуриозо.
 Давай без околичностей, приятель.

Виндиче. Вот получить бы, сударь, все доходы
 От разных закулисных махинаций,
 А заодно все фижмовые юбки,
 Спадающие на пол по ночам...

Луссуриозо.
 Лакей-то наш большой оригинал!
 Разбогатеть надеешься на этом?

Виндиче. Как знать... Быть может, пустяка такого
 Для счастья полного и не хватает.

Луссуриозо.
 Сегодня ночью будешь ты моей!
 Дожить бы... Не волнуйся о награде,
 Со мной ты не останешься в накладе.
 Уходит.

иче. Я ваш слуга. Убить ударом в спину?
 Не стоит шпагу осквернять, сразу
 Его лицом к лицу, чтоб умер, глядя
 В глаза мне. Нет, не боги вы, а слизни,
 Раз я, холоп, могу лишить вас жизни.
 Ох, согрешил я, искушая мать.
 Продлит ли дни мои господь, увидев
 Мою провинность? Как бы мать теперь
 Сестру не совратила в свой черед.
 Ну что бы мне от герцогского сына
 Сокрыть всю правду, мерзостную правду?
 Давно уже так принято у всех
 Ложь во спасенье не считать за грех.
 Сам кашу заварил — сам расхлебаю,
 Но не видать Кастиццы негодяю.

Входит Ипполито.

Ипполито. Что нового? Как у тебя, не знаю,
А у меня есть новости.

Виндиче. Опять
Прелюбодейство?

Ипполито. Да еще какое!
Плешивый греховодник стал рогатым.
Виновник — его собственный бастард.

Виндиче. Бастард??

Ипполито. Он самый! Видели, как он
В одном исподнем крался к герцогине.
И нынче у нее он будет в срок.

Виндиче. А герцог спит, выходит, как сурок?
Гляди, бастард...

Входит Спурно со слугами.

Ипполито. Животное, ей-богу!

Виндиче. Наглец! Камзола даже не надел.
А прихлебатели уж тут как тут,
О чем-то шепчутся. Уйдем в сторонку.
Отходят.

Спурно. Ну да! А ты случайно не ошибся?
Слуга. О нет, синьор, об этом мне сказал
Напарник сына герцога во всех
Его безумствах. Он сказал, что ночью
Его патрон Кастицей овладеет -
Не без содействия ее мамыши.

Спурно. Вот это новость! погоди же, брат!
Как я стал жертвой рокового шага,
Так сгубит и тебя неверный шаг:
Когда ты утолишь свое желанье,
Я сделаю тебе кровопусканье.
Но мне пора! Мы прошмыгнем как мышь.

Уходят.

Виндиче. Поторопитесь вместе с герцогиней,
Чтобы пустить для пушей красоты
В рогах плешивца новые побеги.
Пусть траурная драпировка ночи,
Которая к утру пойдет по швам,
Грехи сокроет черной пеленою.
Угомонилось море в берегах,
Но штиль обманчив: та, что днем слыла
Предобродетельной, идет с торгов,
Другая гондольеру из окошка
Выбрасывает лестницу, а третья
Дверные петли смазывает жиром,
Чтоб не проснулся бдительный сосед.
Плодятся и плодятся рогоносцы,

И тот узор, что днем соткали сводни,
Прилаживают шлюхи по ночам.
Ипполито. Всех приласкал!
Виндиче. О нет, я слишком мягок
И снисходителен. Не то б любой
Сквозь землю от стыда мог провалиться,
Услышав все, что по ночам творится.
Ипполито. Пожалуй... Кто это сюда идет?

Входит Луссуриозо.

Виндиче. Сын герцога! Так поздно? Спрячься, брат.
Сейчас его поддену я.

Ипполито отходит.

Синьор?

Луссуриозо.
Ты, Пьято?¹⁶ А ведь я тебя ищу.
Пошли, я должен, наконец, отведать
Тот лакомый кусочек.

Виндиче (в сторону). Сто чертей!

Ипполито (в сторону).

Подлец!

Виндиче (в сторону).

Мне ничего не остается,
Как только придушить его на месте.

Луссуриозо.

Идем же.

Виндиче. Да, синьор... Иду, синьор...

Луссуриозо.

Идешь? Да ты не трогаешься с места!

Виндиче. Чуть не забыл, бастард...

Луссуриозо. Ну, что такое?

Виндиче. Сегодня ночью... в этот час... минуту...

Луссуриозо.

Что? Что?

Виндиче. Верхом на герцогине...

Луссуриозо. Дьявол!

Виндиче. Он вашего отца чело святое

Обезобразить хочет...

Луссуриозо. Ад крошечный!

Виндиче. Венцом позорным...

Луссуриозо. Мерзостная тварь!

Виндиче. Затем и совратил ее,

Луссуриозо. Ублюдок!

Виндиче. Он к ней тайком прокрадывался.

Луссуриозо. Вот как?

Виндиче. И призывал сообщников быть тише.

Луссуриозо. Сообщников? Я всех передую!

Виндиче. Поймайте их на месте преступления,
Луссуриозо.
Дверь в спальню я взломаю, если надо.

Луссуриозо и Виндиче уходят.

Ипполито. Как спичка вспыхнул! Этот порох может
Воспламенить вот так же и дворец.
Так пусть в огне, не знающем пощады,
Погибнет весь их род. Пойду за ним!

Уходит.

СЦЕНА 3 Герцог и герцогиня в постели. В спальню врывается
Луссуриозо, за ним Виндиче.

Луссуриозо.

Где эта мразь?

Виндиче. В объятьях герцогини.
Но тише, сударь, вы спугнете их.

Луссуриозо.

Плевать!

Виндиче. Да тише вы... Покуда в узел
Они завязаны, легко на шпагу
Их нанизать.

Луссуриозо.

Молчи! Сейчас заставлю
Я их глаза от ужаса раскрыться
И сам закрою их.
(Приближается к постели.)

Ублюдок! Шлюха!

Герцог.

На помощь! Стража!¹⁷

Герцогиня.

Во дворце измена!

Герцог.

Не убивай меня вот так, в постели!
На мне грехов — не счесть, дай мне неделю,
Нет, месяц в покаянье провести:
О, не лишай меня хотя бы света
В той жизни, уж не говоря об этой!

Луссуриозо.

О, я слепец!.. Прости, отец...

Герцог.

Простить?!

Ну нет, изменник вероломный, завтра
Отдам тебя на растерзанье судьям.
Пощады от меня не жди. Эй, люди!

Входят вельможи, сыновья герцогини, за ними Ипполито.

Первый вельможа.

Кто, ваша светлость, ваш покой нарушил?

Герцог.

Вот этот честолубец, мой преемник.
Чем дожидаться часа своего,

Проник злодей в мою опочивальню,
Чтоб здесь, в постели, низложить меня.

Второй вельможа.

Презрел он верность и сыновний долг!

Герцогиня. Назвать отца ублюдком, а меня —
Кем? Шлюхой! Как язык-то повернулся!

Амбициозо. Пожалуй, братец, это уже слишком.

Луссуриозо.

Я знаю сам, мне оправданья нет.

Жестоко надо мною посмеялись.

Виндиче (Ипполито).

Уйдем отсюда, брат, пока не поздно.

Я думаю, что этому сквернавцу

Сейчас наверняка не до сестры.

Ипполито. Не ждал, что он отца найдет в постели?

Виндиче. И в мыслях не было. Но коль так вышло,

Уж лучше б он покончил с ним тотчас,

От миссии такой избавив нас.

Виндиче и Ипполито уходят.

Герцог. Он жизнью мне, сударыня, заплатит.

Луссуриозо.

Где эта тварь? Подстроил мне ловушку

И в суতোлке скрылся с глаз долой?

Входит Спурно с сообщниками.

Спурно.

Нет, вы не слуги, вы лгуны, мерзавцы,

В глазах лакейство, а в душе обман!

Я вас, лжецов, кормить раз в сутки буду.

Первый слуга.

Синьор...

Спурно.

Молчать! Не то вам не дожить

До ужина.

Второй слуга.

Но...

Спурно.

Мой клинок простыл

От сырости в ножнах, а он на воле!

Первый слуга.

Он где-то здесь свидание назначил.

Спурно.

А вот и он! Никак взбесилось солнце

И вышло ночью? На ногах весь двор!

Как церемонятся с его особой!

Луссуриозо.

А, это ты, бастард. Ну что ж, тем лучше:

Скажу, что привело меня сюда.

Отец... синьор...

Герцог.

Эй, стража, увести.

Луссуриозо.

Мою вину загладить может...

Герцог. Что?!
 Загладить? В подземелье негодяя!
 Смерть не заставит долго ждать себя.

Спурно *(в сторону)*.
 И правильно, я думаю, поступит.

Луссурнозо.
 Вступитесь, братья, за меня. Моя
 Свобода — это ваше красноречье.

Амбициозо.
 Будь в нас уверен; как в себе самом.

Супервако. Мы будем умолять до хрипоты.
 Луссурнозо.
 В живых останусь — отблагодарю.

Уходит под стражей.

Амбициозо *(в сторону)*.
 Смерть отблагодарит меня щедрей.

Спурно *(в сторону)*.
 Пожалуй, прослежу, чтоб не сбежал.
 Когда же примет он свою кончину,
 Тотчас надену скорбную личину.

Спурно с сообщниками уходит.

Амбициозо *(Супервако)*.
 Сплести нам надо ненависть с любовью
 Так тонко, чтобы каждая мольба
 На деле оборачивалась ядом.
 Тут не словами надо брать, а взглядом.

Супервако *(Амбициозо)*.
 Начни, я постараюсь подыграть.

Герцог. Как может сын настолько обезуметь,
 Чтобы направить шпагу в грудь отцу?
 Не признает он ничего святого.

Амбициозо. Имейте снисхожденье...
 Герцог. Снисхожденье?

Амбициозо. Ах, ваша светлость, что тут говорить,
 Неслыханное, дикое коварство!
 Мы знаем, что ему прощенья нет.

Супервако. Не сын он — выродок!
 Амбициозо. И все ж, синьор,
 Вы шевелюру жесткую закона
 Пригладьте кроткою рукою.

Герцог. Нет!

Амбициозо. Что ж, воля ваша.
 Супервако. Да. И то сказать:
 Другой отец пришел в такую ярость,
 Что приказал бы выкормыша он
 Казнить на месте и не стал давать
 Ему отсрочки.

- Амбициозо. Да, синьор. Однако
Могли бы вы прославиться в веках,
Простив такое зло, какому раньше
Пошады не было.
- Герцог. Ты так считаешь?
- Амбициозо. Ну да, чтоб сын убить хотел отца!
Подобного не сыщешь подлеца.
- Супервако. К престолу при живом отце стремиться!
Такое только в страшном сне приснится.
Простите же его.
- Герцог (*в сторону*). Пооди пойми,
Что на уме у них? Сейчас узнаем.
- Амбициозо. Великодушны будьте...
- Герцог. Убедили!
Мой гнев от ваших просьб, как воск, растаял.
Луна его рассудок помутила.
Прошаю сына я.
- Супервако (*в сторону*). Перемудрили!
- Амбициозо. Синьор, так вы сменили гнев на милость?
Вы, верно, пошутили?
- Герцог. Он свободен!
- Супервако. Вина его огромна, ваша светлость,
Он на основу всех основ — на власть —
Подъял свой меч, за что достоин смерти.
- Герцог. Возможно, ты и прав, но вот печатка,
Чтоб дать понять тюремщику и судьям:
Пусть не спешат решать его судьбу.
- Амбициозо. Что ж, поспешим снять бремя с плеч его...
Коль вам так жалко сына своего.
- Братья уходят.
- о г. За их участием ненависть скрывалась,
Так видно тело сквозь льняную ткань.
Честолюбивы, как их мать, а это
Пресечь в зародыше необходимо.
Нельзя давать им волю. Что до сына —
Погорячился, я бываю крут,
А эти честолюбцы — тут как тут.
- Входят вельможи.
- Первый вельможа. Позвольте, ваша светлость...
- Герцог. Рад вас видеть.
(*Вошедшие преклоняют колена.*)
- Второй вельможа. Колена наши пусть у наших ног
Их силу прежнюю навек отнимут,
Когда синьор отеческий свой взор
Не обратит на несчастливца сына,

Не даст по доброте своей душевной
Томящемуся главного — свободы.

Герцог *(в сторону)*.

Как благороден этот их порыв!
(Вслух.)

Синьоры, мой приказ опередив,
Вы выхлопотали ему свободу.
Так поднимитесь: я прощаю сына.

Первый вельможа.

Благодарим, синьор, а он тем паче.

Уходят.

Герцог.

Казнить ли мне других за преступленья,
Когда я сам творю их без конца?
Бог с ним, прощу безумцу эту вспышку,
И мне, глядишь, мои грехи простятся.
Старик, а страсти... Помнится, когда-то
Без колебаний я губил невинных,
Отвергших домогания мои.
Мой возраст — не насмешка ли творца:
Старик, а кровь кипит, как у юнца!

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I Входят Амбициозо и Супервако.

Супервако. Возможно, это оскорбит твой слух,
Но я б хотел, чтоб умер он сегодня ж.
Ведь если попадет печатка в руки
Судейских, избежит он наказания:
То суд отложат, то не соберут
Присяжных или всех, глядишь, подкупят —
И самых честных деньги совращают.

Амбициозо. Увы!

Супервако. А посему не к судьям надо
Идти сейчас, а к приставам. Печатку
Мы им покажем; что же до отсрочки,
О ней мы невзначай сказать забудем,
И поутру его казнят.

Амбициозо. Прекрасно!

Тогда я герцог без пяти минут.

Супервако *(в сторону)*.

Как бы не так! Есть у меня булавка,
Чтобы проткнуть твой мочевой пузырь.

Амбициозо. Вот бы единым махом с ним покончить
И брата вызволить! Та, над которой
Он надругался, слышал я, мертва,
Так что недолго будет жить молва.

Супервако. Под нашу дудку всем плясать отныне,
Ведь как-никак мы дети герцогини.
Амбициозо. Ты прав. Не будем времени терять,
Я к приставу отправлюсь напрямую,
А ты пока столкнись с палачом.
Супервако. Столкнись быстро. можешь быть уверен.

Уходит.

Амбициозо. Прощайся же, наследник, с головой!
А свято место пусто не бывает:
Одна слетит, другая вырастает.

Уходит.

СЦЕНА 2 Входят вельможи и Луссурриозо, освобожденный из тюрьмы.

Луссурриозо.

Не знаю, как мне вас благодарить.
Свободен!

Первый вельможа.

Лишь свой долг мы выполняли

В надежде, что синьор нас не забудет.

Луссурриозо.

О нет, дай только герцогом мне стать.
Свобода! Вот нежнейшая красotka!
И как груба тюремная решетка.

Уходят.

СЦЕНА 3 Входят Амбициозо, Супервако и судебные приставы.

Амбициозо. Печатку герцога узнали вы?

Так вот, она предписывает вам
Немедля брата нашего казнить.

Весть эту горькую его врагам
Пристало бы нести, никак не братьям,
Но... что поделаешь.

Супервако. Как ни прискорбно,

Но — слово герцога для нас закон.

Первый пристав.

Как и для нас. Так что же, до рассвета?
Так скоро?

Амбициозо. Да. Таков печальный жребий.

Последней трапезе недолго длиться —
Палач уже готовит свой топор.

Второй пристав.

Уже?

Супервако. Уже. Судьба неумолима:

Те, кто скромны, скорее уязвимы.

Первый пристав.

Вы правы, сударь. Нам же остается
Без промедленья выполнить приказ,
Что мы и сделаем.

Амбициозо.

Вот чувство долга!

Все б относились к службе так, как вы.
Да, вот что, хорошо б без посторонних,
Зеваки могут, знаете, отвлечь
Его от покаянья, он сорвется
И во грехе умрет, душою черен.
Так вы уж, господа...

Первый пристав.

Не беспокойтесь.

Амбициозо.

Вот и прекрасно. Будет вам награда,
Когда мы власть возьмем.

Второй пристав.

Храни вас бог.

Супервако. Пусть знает он, что мы скорбим с ним вместе.

Первый пристав.

Все соблезнования, поверьте,
Передадим.

Уходят.

Амбициозо.

Вот дурни!

Супервако.

Преотлично.

Амбициозо.

Какой-то час — и голова его
С болванкой обнаружит вдруг родство.

Уходят.

СЦЕНА 4

Тюрьма. Входит Юний.

Юний.

Тюремщик!

Тюремщик.

Да, синьор?

Юний.

От братьев нет ли

Каких известий? Про меня забыли?

Тюремщик.

Тут давеча посланец приходил
И письмецо от них для вас оставил.
(Вручает ему письмо.)

Юний.

Клочок бумаги? Вот так утешенье!
Когда б они свое держали слово,
Уже б я на свободе был. Поди.

Тюремщик уходит.

Посмотрим, что вы мне сказать хотите.

(Читает.)

«Все обойдется, выше нос, малыш».

Так ротозея ободряет шлюха.

«Сидеть тебе недолго за решеткой».

Не тридцать лет, надеюсь, как банкроту!

«Есть хитрый трюк, чтоб вызволить тебя».
Плевать на трюк! Хитрите все, хитрите...
«В мгновенье ока. А пока будь весел».
Будь весел? Чтоб вам так же веселиться!
Ну и дела, торчать в тюрьме за то,
Что с женщиной потешился в постели!
Посмотрим, долго ль братья ждать себя
Заставят... Коли трюк такой уж хитрый,
Я, надо думать, здесь не задержусь.

Входит тюремщик.

Ну что, какие новости?

Тюремщик.

Плохие.

Юний. Меня от вас хотят убрать, синьор.

Тюремщик. Как, раб, и это плохо? Ай да братья!

Судите сами. Я же передать
Судебным приставам обязан вас.

Тюремщик уходит.

Юний. Судебным приставам? С какой же стати?

Входят судебные приставы.

Первый пристав.

Простите за вторжение, синьор,
Но именем закона — вот печатка
От герцога — вы приговорены.

Юний. Приговорен? Ах да, глядеть на ваши
Физиономии! Я угадал?

Второй пристав.

Шептали б лучше вы слова молитвы:
Вам жить осталось полчаса, не больше.
Ты лжешь!

Юний.

Третий пристав.

Он правду вам сказал, синьор.

Юний.

Он лжет. Отец мой, герцог, отложил
Разбор в суде, а братьев хитрый план
Меня спасет с минуты на минуту.

Первый пристав.

Какой там план! Как женщине бесплодной
Не понести, так вам живым не выйти.
А ваши братья сами объявили —
Со вздохами — приказ о вашей казни.
Мои родные братья??

Юний.

Второй пристав. Да, синьор.

Юний. Пришли сказать, что буду я казнен?
Не верю собственным ушам!

Третий пристав.

Пойдемте.

Юний. Вы брешете! Где мои братья, пес?
Они во лжи изобличат вас.

Первый пристав. Поздно.
Они уже, наверно, во дворце.
Синьор, приказ передавая этот,
Они скорбели всей душой, как братьям
И надлежит, но... герцог своего
Добился.

Юний. Что? Добился?!

Первый пристав. Ваши братья
Сказали напоследок, я запомнил:
«Пусть знает он, что мы скорбим с ним вместе».

Юний. Плевать хотел я! От их слез меня
Мутит, как от воды морской иного,
И выворачивает наизнанку.
Вот их письмо. Скорей себя сейчас
Я разорвал бы, чем его; взгляните,
Чернила высохнуть едва успели:
«Сидеть тебе недолго за решеткой».

Первый пристав. Все верно, вот мы и пришли за вами.

Юний. Лукавый Дунс¹⁸ такого б не измыслил!
«Есть хитрый трюк, чтоб вызволить тебя».

Второй пристав. Опять же верно. В картах есть известный
Трюк с четырьмя тузами. И пришло
За вами четверо.

Юний. Ну, шулера!

Первый пристав. Идемте же, палач уже заждался.
Взор обратите, сударь, к небесам.

Юний. Совет прекрасный, ничего не скажешь:
Я задираю голову повыше —
И тут же остаюсь без головы.
Вот это трюк!

Третий пристав. Идемте же, идемте.

Юний. Куда спешить, Фемидино отродье?
Хочу я душу облегчить, на братьев
Излив хулу.

Первый пристав. Нет. Вам и дня не хватит.

Юний. Пустить хотите кровь, не дожидаясь
Согласья звезд? Что ж, погулял я всласть
И жизнью заплачу за эту страсть.

Уходят.

СЦЕНА 5. Входят Виндиче и Ипполито.

Виндиче. Прекрасно, чудно, дивно, превосходно!
Ипполито. В чем дело?

Виндиче.

Я на радостях могу
Допрыгнуть до небес, тех, что в театре
Из парусины делают.

Ипполито.

Со мною

Ты радостью не хочешь поделиться?
Ведь мы клялись все говорить друг другу.

Виндиче.

Еще бы не клялись! Что ж, я готов
Тебе открыться. Престарелый герцог,
Решив, что мое сердце и язык
Из одного, конечно, материала,
Как и у прочих болтунов, — за деньги
Мне поручил свести его с красоткой
В укромном месте, где-нибудь в беседке,
Неведомой его дотошной свите,
Где б мог он, как его гуляки-предки,
Себя потешить. Знаю, говорю,
Такое место... И сегодня в полночь
Сюда его разнузданную светлость
Я приведу. А почему сюда?

Да потому, что в этом райском месте
Бастард назначил встречу герцогине,
И если рогоносец их увидит,
Он зрения от ярости лишится,
А там уж мы лишим злодея жизни.

Ипполито.

Ты в одиночку плел такой клубок,
А мне, родному брату, ни полслова!

Виндиче.

Мне радость мшенья голову вскружила.

Ипполито.

Ну, хорошо. А где твоя красотка?

Виндиче.

И снова кругом голова идет!
Хмелею, брат, от радостных предчувствий.
Есть, есть красотка! Тут я расстарался:
Какие губки! Как блестят глаза!
Сейчас я покажу ее тебе,
Вот только шляпу снять тебе придется.

Уходит.

Ипполито.

Кто клюнуть мог на этого плюгавца?
Да что, кто крутит с челядью его, /
Пропустит ли его-то самого?!
Чем проще нравы, тем ценней простушки:
То на людях гордячку соблазнять,
А тут втихую согрешишь раз пять.
Идет! Как ни обидно, но придется
Снять шляпу перед герцогской подстилкой.

Входит Виндиче с черепом своей возлюбленной, покрытым
головным убором.

Виндиче. Синьора, его светлость скоро будут.
Вам стыдно? Что вы, право! Ведь какая
Цена: три платья бархатных! Бойтесь
Огласки? Ну какой пеленый страх!
Вы бойтесь разминуться с ним впотьмах.
Я вам лицо открою, вы не против?
(Обнажает череп.)

Ипполито. О боже правый! Это еще что?

Виндиче. Не ожидал? Синьора, коль захочет,
В таком наряде черта обморочит.
Ну чем, скажи, не лакомый кусочек
Для этого гурмана? Старику
И кость сойдет... Смотри, какие глазки!
Тут сам король и тот лишился б чувств.
А челюсть падающая! О боже,
Да на нее нельзя смотреть без дрожи!
Любой пропойца, будь хоть трижды пьян,
Забыл бы тут, зачем налил стакан.
А щечки! Как сквозь них гуляет ветер!
Дождь льет ли, зной палит — лицу такому
Все нипочем. И не смешны ли те,
Кто, все лицо размалевав по моде,
Из дома ни на шаг при непогоде?

Ипполито. Ты прав. Не этот ли ужасный лик
Когда-то солнцем пред тобой возник?

Виндиче. Да, мой Ипполито, ты не ошибся.
Как я боготворил ее! Со смехом
Об этом вспоминаю я сейчас,
Хоть за нее и мщу я беспощадно.
Ужель трудился шелкопряд, чтоб *этим*
Все кончилось? Для *этого* ль собой
Ты жертвовала? И в заклад именье
Граф отдавал, спасая честь графини?
И кто-то преступал закон, надеясь,
Что благосклонный суд ему отдаст
Обратно жизнь его? А кто-то насмерть
С врагами бился? Неужели все
Для *этого*? Нет, право, мы безумцы!
Колпак напялили на дурака,
А сами — дураки без колпака.

Ипполито. Да, верно, дураки по всем приметам.

Виндиче. Ужель самовлюбленная матрона
Отбеливает тело молоком,
Умашивается, чтобы стать... вот *этим*?
Но ведь таков и нишего удел!
Эй, кто там двадцать фунтов извлекает
На музыку и яства? Убери!
Хорош ты был, бы, увидав вот *это*
В разгар пирушки или же в борделе,

Или во время трапезы... грешить
Пропала бы охота¹⁹, все гуляки
С галопа вмиг бы перешли на шаг,
И к жизни вкус утратили б жуиры.
Жеманницы, гордячки, полюбуйтесь:
Ваш будущий портрет! Пусть знать не нам
Про ваши все изъяны, а червям.
Так вот мой страшный замысел: не думай,
Что это — бутафория, забава,
Нет, череп этот должен отомстить
Сам за себя, за ту, которой герцог
Дал как-то яду — адовое зелье!
Пускай все повторится: поцелуй
Его, отравленный к нему вернется!
И если яд его не свалит с ног,
Пусть довершает дело мой клинок.

Ипполито. Да, мстительность твоя неукротима.
Как изощренны помыслы твои!

Виндиче. Так решено! Ну, где ж вы, ваша светлость?
Утехи ждут вас... Посмотри-ка, брат,
Согласно голова сейчас кивнула,
Вот эдак, как старушка в парике.
(*Покрывает череп.*)

Ипполито. Закрой свой лик. Удел, постигший многих:
Тебя во цвете герцог не сорвал —
Отцветшая, разишь ты наповал.
Да, лучше и не скажешь.

Шум поодаль.

Виндиче. Тихо... Герцог!
Посмотрим, кто его сопровождает.
Он всех, глядишь, отпустит, чтоб остаться
Наедине. Ты спрятался бы, брат,
С синьорой вместе.

олито. Ладно. (*Скрывается.*)

диче. Девять лет

Мечь вызревала, чтоб сразить в мгновенье..

Герцог. Входят герцог и синьоры из свиты.
Теперь вы нас оставьте, господа.
Учтите, если спрашивать начнут
Про нас вельможи или герцогиня,
Так мы от шума скрылись...

Виндиче (*в сторону*). Вот везенье!

Герцог. Со знатными синьорами, скажите.
Из тех, кто отлучился из дворца.

Первый синьор. Все в точности исполним, ваша светлость.

Синьоры уходят.

Виндиче *(в сторону)*:
«Так мы от шума скрылись». Что ж, выходит,
Что на ловца и зверь бежит.
(Вслух.) Синьор...

Герцог. А, Пьято. Дама здесь? Что за товар?
Виндиче. Она-то здесь, но очень уж стыдлива.
Провинция, что вы хотите, сударь!
Ее поцеловать разок — а там
Пойдет все как по маслу. Ну да полно,
Нашел кого учить в таких делах!
Она строга немного с виду, но...
Герцог. Тем лучше! Покажи.
Виндиче *(в сторону)*. Ну что ж, любуйся.
Герцог. Чем строже вид, тем чувственней девица:
В одежды святости порок рядится.

Виндиче *(в сторону)*.
Герцог. Брат, меньше света. Больше благовоний.
Чудесный запах! Он сулит блаженство.
И годы мне, я знаю, не помеха.
Синьора, во дворце привыкли мы
Не церемониться. *(Целует череп.)*
А! Что такое?

Виндиче. Злодей в короне! Оборотены!
Герцог. Боже!
Виндиче. Брат, факел! Пусть он всмотрится в пустые
Глазницы. Не узнал, быть может, герцог,
Ужаснейшую маску? Это череп
Отравленной тобою Глорнаны.
Герцог. На нем был яд... Я, кажется, отравлен!
Виндиче. Ты сомневаешься?
Герцог. Кто вы такие?
Виндиче. Злодеи, как и ты. Смерть Глорнаны
Сегодня ты оплатишь мне сполна.
Герцог. О где ты, мой Ипполито? Измена!
Ипполито. Измена? Ах, измена, мой синьор!
(Попирает его ногами.)
Герцог. И ты, лакей, с ним заодно? Я предан!
Виндиче. В руках лакеев, герцог, ты жалчей,
Чем самый захудалый твой лакей.
Герцог. Проклятый яд! Шатаются все зубы...
Виндиче. Они, что, были?
Ипполито. Три-четыре зуба.
Виндиче. То, чем он ел, сожрала смерть.
Герцог. Язык!
Виндиче. А что язык? Не будет заплетаться,
Как у голландца пьяного²⁰. Остались
Глаза: смотри, чудовище, какой
Невесты ты лишил меня когда-то.
Герцог. Так это ты?

Виндиче (снимая маскарад).

Я — Виндиче, ты прав!

Ипполито. Добавлю в утешенье: наш отец,
Тобой затравленный, не снес обид
И умер. Ну а ты живой...

Герцог.

О боже!

Виндиче.

Хоть не отсох язык его, но он
Умолк от горя. А сейчас я душу
Твою начну язвить шипами, пусть
Грудь разрывается, как от чумы.
Так слушай же: ты на весь мир ославлен
Как досточтимый герцог-рогоносец.
Что?!

Герцог.

Виндиче.

Твой бастард сел на твою кобылу.

Герцог.

О небо!

Виндиче.

Разделяю твой восторг.

Они придут сейчас на это место,
И станешь ты свидетелем инцеста²¹.

Герцог.

Виндиче.

В аду так не пытаются! Дьявол!

Дьявол?

Ты, что, забыл, долг красен платежом!

Укрась рогами, блудодей, свой дом.

Смерть всех равняет.

Ипполито.

Виндиче.

Слышишь, брат, музыка!

Начнется вакханалия вот-вот.

Герцог.

Виндиче.

О нет, избавь меня от этой пытки!

Герцог.

За все твои богатства — не избавлю.

Виндиче.

Предатели! Убийцы!

Как, мы ядом

Язык твой не сожгли? Есть проще средство.

А ну-ка, брат, дай факел мне скорей.

На помощь! Убивают!

Герцог.

Виндиче.

Мы заставим

Тебя молчать. Сейчас я пригвозжу

Язык твоим кинжалом, свой же в сердце

Тебе воткну, когда ты только пикнешь.

Чем больше ран, тем слаще смерть. А если
Зажмуришься, чтоб грязный блуд не видеть,

У брата остаются две руки,

Чтоб вырвать веки. Будь же наготове!

В трагедии — где зло, там реки крови.

Ипполито.

Все громче пение... Вот и они!

Входит Спурно, навстречу ему герцогиня.

Спурно.

Будь поцелуй без привкуса греха,

Он был бы сладок.

Герцогиня.

Нет, с грехом-то слаще.

Спурно.

Горчит дарованный судьбою мед:

Боюсь, что бездной обернется взлет.

Герцогиня. Хоть герцога отцовство под вопросом,
Нагнал он, видно, страху на тебя!
Вблизи огня такого ты бы должен
Забывать о нем. Поверь, я извести
Его готова.

Спурно. Вы такое пламя
Зажгли во мне, несущем от'рожденья
Клеймо бастарда по его вине,
Что, захвати он нас сейчас на ложе,
Проткну плешивца шпагой, не колеблясь.

Герцогиня. Вот так-то лучше. Музыка! Огней!
Пусть наслажденье к нам слетит скорей.
Уходят.

Герцог. Не хватит духу... *(Умирает.)*
Виндиче. Отлетел твой дух.
Ипполито. Пришлась музыка кстати.
Виндиче. Ну еще бы!
Она так хорошо звучит у гроба.
Сынки начнут грызню за трон его,
Мы перебьем их всех до одного.
Уходят.

СЦЕНА 6 Входят Амбициозо и Супервако.

Амбициозо. Ну вот, теперь мы стали ближе к трону.
А ловко с ним разделались мы, правда?

Супервако. За это, брат, скажи спасибо мне.

Амбициозо. Тебе? За что, хотел бы я услышать?

Супервако. А вспомни, брат, не я ль сказал, что к судьям
Не стоит нам идти? А кто придумал,
Как порешить его без долгих слов,
И, заручившись герцогской печаткой,
Заставил приставов казнить его?

Амбициозо. Как бы не так! И я об этом думал.

Супервако. Ах, вот как, *думал*? Брат, побойся бога,
Ведь ты молчал, как в рот воды набрав.

Амбициозо. Ну да, я обмозговывал...

Супервако. И этим
Ты б занят был до гробовой доски.

Амбициозо. Тебя послушать, так его на плаху
Привел твой светлый ум.

Супервако. Шути, шути...
А все равно от правды не уйти.

Амбициозо. Ты языку-то волю не давал бы,
Я как-никак наследую престол.

Супервако *(в сторону)*.
Ну, это мы посмотрим. До престола
Тебе не ближе, чем до благородства.

Младший брат наш выйдет
 На волю ночью. Я придумал трюк...
 Супервако. Трюк?
 Амбициозо. Маленькую хитрость.
 Супервако. Что за хитрость?
 Амбициозо. Об этом, сударь, когда трюк удастся;
 Не то опять присвоите вы лавры.
 Входит пристав, неся голову казненного.
 Супервако. А это еще кто?
 Амбициозо. Судебный пристав.
 Супервако. Ну, наконец-то!
 Амбициозо. Говори, дружище.
 Пристав. Увы, синьоры, недостойный жребий
 Меня принудил предъявить вот эту
 Кровотокающую главу.
 Супервако (в сторону). Отлично!
 Амбициозо (в сторону).
 Нам, братец, прослезиться не мешает:
 Народ оценит это. Вспомни что ли
 Какую даму, чтоб пустить слезу.
 Супервако (в сторону).
 Уже пустил. Ты сам-то пригорюнься.
 Амбициозо. Глаза о нашей скорби говорят
 Верней, чем языки. Слова сквозь слезы
 Подобны рокоту прибоя: звуки
 Отчетливы вполне, а смысл невнятен.
 Супервако. Как встретил смерть он?
 Пристав. С гневом и тоской.
 Супервако. Я им горжусь: он умер, как мужчина.
 Мы не могли склонить его к молитвам.
 Амбициозо. Опять же вел себя он по-мужски.
 Не правда ли?
 Пристав. Он предпочел молитвам
 Проклятия.
 Супервако. Чудак! Он так молился,
 А вам и невдомек.
 Пристав. Он клял, синьоры,
 Прошу прощенья, вас, без передышки,
 До самого конца.
 Супервако. Нас? Вот бедняга!
 Амбициозо. Вступились мы, но... герцог своего
 Добился.
 (В сторону.) Своего и мы добились.
 Да, повезло нам, брат!
 Входит Луссуриозо.

Супервако и Амбициозо.
Луссуриозо.

О!
Что с вами? Почему вы отшатнулись?
Порадуйтесь, возлюбленные братья:
Я выпущен из заточенья! Вы
Мне дали долгожданную свободу!

Амбициозо. Жив!

Супервако. Цел и невредим!

Амбициозо. Так ты свободен?

От счастья мы лишились дара речи.

Луссуриозо.

Я за добро сумею вам воздать!

Супервако. Мы герцога замучили мольбами.

Амбициозо. Ты ждал в тюрьме освобожденья — мы же

Все сделали, чтоб этот час приблизить.

Супервако. Как мы просили!

Луссуриозо. Это вам зачтется.

Я вас сумею отблагодарить.

Уходит.

Амбициозо. Проклятие!

Супервако. О, тысяча чертей!

Амбициозо. Ты шутишь так, холоп?

Пристав.

Шучу?

Супервако.

Кто клялся,

Что голову принес нам?

Пристав.

Вот она!

Велел нам герцог — с ваших слов, — чтоб брата
Казнили вашего — мы и казнили.

Амбициозо. Да, брата, то есть герцогского сына.

Пристав. Он был, синьор, до вашего прихода

Освобожден.

Амбициозо. Чья ж это голова?

Пристав. Чья? Брата вашего... как вы велели...

Амбициозо. Родного брата нашего? О небо!

Супервако. Ошибка!

Амбициозо. Боже!

Супервако. Мясники!

Амбициозо. Убийцы!

Супервако. Не рок ли это?

Амбициозо. И какой жестокий!

Супервако. Я череп разможжу тебе!

Пристав.

Спасите!

Скрывается.

Супервако. Брат, тут вмешался дьявол.

Амбициозо. Сатана!

Супервако. Позор на наши головы!

Амбициозо. Хитрили...
 Супервако. А мы еще притворно лили слезы...
 Амбициозо. И втайне потешались...
 Супервако. Сами стали
 Мы вестниками смерти.
 Амбициозо. Дошутились!
 Супервако. Ну и хитрец ты, брат... Вот трюк так трюк...
 Амбициозо. Пошли, 'господь, падеж скотам безмозглым!
 От хитростей, видать, немного проку:
 Кто должен умереть, тот и умрет.
 Но хватит вздохов — враг наш торжествует!
 Прочь маски! Мы в открытую пойдем.
 Наглец, которого покуда возим
 Мы на себе, вот-вот уж грянет оземь.
 Уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I Входят Луссуриозо и Ипполито.
 Луссуриозо.
 Ипполито!
 Ипполито. Я здесь, синьор, и ваши
 Распоряженья выполнить готов.
 Луссуриозо.
 Оставь меня и поскорее, слышишь!
 Ипполито (уходя).
 Позвал, чтобы прогнать.
 Луссуриозо. Ипполито!
 Ипполито. Да здесь же я, приказывайте, сударь.
 Луссуриозо.
 Кой черт тебя принес, скажи на милость?
 Ипполито (в сторону).
 Кто их, господ, поймет? Сказал, чтоб я
 При нем был, дабы тотчас удалить!
 Не в духе мой хозяин, не иначе.
 Луссуриозо.
 Эй, подойди-ка... ну же... Отвечай,
 Ты что творишь? Ох, зол я на тебя.
 Ипполито. Коль так, то на себя я зол вдвойне.
 Луссуриозо.
 Где отыскал ты этого прохвоста?
 Навряд ли можно больше удружить.
 Мне негодяй был нужен, а не жох,
 Который вмиг меня ж и облапошит.

Ипполито. Хотел как лучше я; синьор, поверьте.
Как жаль, что из-за маленькой осечки
Он вам доставил столько огорчений.

Луссуриозо.
Осечки, говоришь? Э-э нет, продумал
Он все до тонкостей: ну, посуды,
Как повернулся у него язык
Сказать, что мачеха моя с бастардом...
Что, дескать, мол, они живут в грехе!

Ипполито. Какая мерзость, сударь, право слово.

Луссуриозо.
Я тут же, дабы голову отца
От украшений убережь, помчался
В их спальню, где застал супругов вместе
И сгоряча едва не заколол
Вот этой шпагой своего отца!

Ипполито. О, ужас!
(*В сторону*). Из-за этого «едва»
Пришлось вмешаться брату. Мы устроим
Еще вам музыку...

Входит Виндиче.

Виндиче. Мой господин!

Луссуриозо. Прочь! С глаз долой! Я знать тебя не знаю.

Виндиче. Не знаете? Куда же вы смотрели?

Луссуриозо. Поди, поди... Ты, шельма, слишком боек:

Виндиче. Ага, болтаю, что на ум взбредет.

Луссуриозо. Ну погоди, поговорим иначе.
Тебя на цепь по моему приказу
Сейчас посадят и сгноят в тюрьме.

Виндиче. Молчу и удаляюсь, ваша честь.
(*В сторону*.) Зачем глупить и на рожон мне лезть?
Еще с бастардом надо посчитаться,
Ну а тебе, брат, лучше с ним остаться.

Уходит.

Луссуриозо. Как он взбесил меня!

Ипполито. Еще бы, сударь!

Луссуриозо. Он у меня еще попляшет... Кстати,
Я слышал, у тебя есть брат, не так ли?

Ипполито. Брат, говорите?.. Да, вы правы, есть.

Луссуриозо. Я что-то при дворе его не видел..
Чем занят он?

Амбициозо. Хитрили...
 Супервако. А мы еще притворно лили слезы...
 Амбициозо. И втайне потешались...
 Супервако. Сами стали
 Мы вестниками смерти.
 Амбициозо. Дошутились!
 Супервако. Ну и хитрец ты, брат... Вот трюк так трюк...
 Амбициозо. Пошли, 'господь, падеж скотам безмозглым!
 От хитростей, видать, немного проку:
 Кто должен умереть, тот и умрет.
 Но хватит вздохов — враг наш торжествует!
 Прочь маски! Мы в открытую пойдем.
 Наглец, которого покуда возим
 Мы на себе, вот-вот уж грянет оземь.
 Уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I Входят Луссурриозо и Ипполито.
 Луссурриозо. Ипполито!
 Ипполито. Я здесь, синьор, и ваши
 Распоряженья выполнить готов.
 Луссурриозо. Оставь меня и поскорее, слышишь!
 Ипполито (*уходя*). Позвал, чтобы прогнать.
 Луссурриозо. Ипполито!
 Ипполито. Да здесь же я, приказывайте, сударь.
 Луссурриозо. Кой черт тебя принес, скажи на милость?
 Ипполито (*в сторону*). Кто их, господ, поймет? Сказал, чтоб я
 При нем был, дабы тотчас удалить!
 Не в духе мой хозяин, не иначе.
 Луссурриозо. Эй, подойди-ка... ну же... Отвечай,
 Ты что творишь? Ох, зол я на тебя.
 Ипполито. Коль так, то на себя я зол вдвойне.
 Луссурриозо. Где отыскал ты этого прохвоста?
 Навряд ли можно больше удружить.
 Мне негодяй был нужен, а не жох,
 Который вмиг меня ж и облапошит.

Ипполито. Хотел как лучше я; синьор, поверьте.
Как жаль, что из-за маленькой осечки
Он вам доставил столько огорчений.

Луссуриозо.
Осечки, говоришь? Э-э нет, продумал
Он все до тонкостей: ну, посуди,
Как повернулся у него язык
Сказать, что мачеха моя с бастардом...
Что, дескать, мол, они живут в грехе!

Ипполито. Какая мерзость, сударь, право слово.

Луссуриозо.
Я тут же, дабы голову отца
От украшений убережь, помчался
В их спальню, где застал супругов вместе
И сгоряча едва не заколол
Вот этой шпагой своего отца!

Ипполито. О, ужас!

(*В сторону*). Из-за этого «едва»
Пришлось вмешаться брату. Мы устроим
Еще вам музыку...

Входит Виндиче.

Виндиче. Мой господин!

Луссуриозо.
Прочь! С глаз долой! Я знать тебя не знаю.

Виндиче. Не знаете? Куда же вы смотрели?

Луссуриозо.
Поди, поди... Ты, шельма, слишком боек:

Виндиче. Ага, болтаю, что на ум взбредет.

Луссуриозо.
Ну погоди, поговорим иначе.

Тебя на цепь по моему приказу
Сейчас посадят и сгноят в тюрьме.

Виндиче. Молчу и удаляюсь, ваша честь.

(*В сторону*.) Зачем глупить и на рожон мне лезть?

Еще с бастардом надо посчитаться,
Ну а тебе, брат, лучше с ним остаться.

Уходит.

Луссуриозо.
Как он взбесил меня!

Ипполито. Еще бы, сударь!

Луссуриозо.
Он у меня еще попляшет... Кстати,
Я слышал, у тебя есть брат, не так ли?

Ипполито. Брат, говорите?.. Да, вы правы, есть.

Луссуриозо.
Я что-то при дворе его не видел.
Чем занят он?

Ипполито. Клянёт свою судьбу,
Нужду проклятую. Сидит, как сыч,
Страдая от безденежья и злобы.

Луссуриозо (в сторону).
Безденежья и злобы? Вот и славно:
Из этой глины лепятся злодеи²².
(Вслух.)
Ипполито, пришли его ко мне,
И, если он придется мне по вкусу,
Готов я для тебя его возвысить
И щедро наградить. Один мой жест —
И скромный дом в хоромы превратится.

Ипполито. О да, синьор. Я к вам пришлю его,
Да только, сударь, он всегда не в духе.

Луссуриозо.
Тем лучше, его место во дворце.

Ипполито. Пожалуй.. Обо мне б вы так радели!
(В сторону.) На этот раз ты, брат, добьешься цели.
Тебе придется только маску снять,
Она свое, как видно, отслужила.
Слепец, он роет сам себе могилу!

Уходит.

Луссуриозо.
Как этот малый кстати... он убьет
Того, кто стал бельмом в моем глазу,
Нас с герцогом столкнув. Ему я слишком
Доверился — он должен умереть.
Кто в тайны наши чересчур вникает,
Тот до седых волос не доживает.
Тут я клин клином вышибить могу:
Слуга всегда готов сожрать слугу,
А этот и подавно, коли беден
И злобу затаил на белый свет.
На все пойдет он, чтоб дела поправить.

Входят вельможи.

Первый вельможа.

Желаем долгих лет вам, ваша милость.

Луссуриозо.

Благодарю, синьоры, вам того же.

Второй вельможа.

Скажите, вы не знаете, где герцог?

Луссуриозо.

А разве мой отец не во дворце?

Первый вельможа.

Нет, сударь, он изволил отлучиться,

А вот куда стопы свои направил,

Не знали мы, как и сейчас не знаем.

Появляются новые вельможи.

Луссуриозо.

Вот у кого сейчас мы все узнаем.
Где герцог, мой отец, вам не известно?

Третий вельможа.

Нет, сударь, два часа тому назад
Он пожелал от нас уединиться.

Луссуриозо.

Уединиться?

Первый вельможа. Хорошо же он

Уединился, раз мы столько ищем.

Второй вельможа.

А главное, не знаем, где искать.

Луссуриозо.

Он стар, и у него свои причуды.

Нам ли судить, о чем помыслил он.

Все то, что грех — в народе или в свете, —

Он, герцог, превращает в добродетель.

Третий вельможа.

Прекрасно сказано, синьор, прекрасно!

Все уходят.

СЦЕНА 2

Входят Виндиче, снявший свой маскарад, и Ипполито.

Ипполито. Вот и опять ты сам собою стал.

Виндиче. Заставил, негодяй, менять обличья!

Ипполито. Он был твоей личиной возмущен,

Так пусть лицу порадуется он.

Виндиче. Обман совсем невинный. Но послушай,

Кой черт он вдруг послал тебя за мной?

Ипполито. Не знаю хоть убей. Даст порученье

Тебе он, а какое — знают только

Он сам и дьявол, секретарь его.

Виндиче. Ну, что же, мой язык к его услугам,

Что б там ни замышлял он... Ничего,

Зато свой груз взвалю я на него.

Ипполито. Ты прав.

Виндиче. Уж герцог мертв, а государство —

Как тот колосс на глиняных ногах.

Пока о смерти не узнают, он

Для всех правитель. Ну а Луссуриозо

Царить недолго: за папашей следом

Отправится, и с почестями даже;

Легко поверит каждый остолоп,

Что смерть отца свела и сына в гроб.

Ипполито. Все это так, но как нам быть с тобою?

Не только ведь одежду — весь свой облик

Тебе необходимо изменить.

Одна оплошность, брат, и мы погибли.
Продумать надо все до мелочей...
Взять речь — твои словечки примелькались...

Виндиче. Молчать я буду, словно меланхолик,
Или звучать басовую струной,
Что и в веселой партии печальна.

Ипполито. И я в беседе с ним к тому клонил:
Мол, нелюдимым ты давно прослыл.

Виндиче. Ты подведешь меня к нему, а там уж...

Ипполито. Тсс! вот и он. Ты все продумал, брат?

Виндиче. Да не волнуйся ты!

Входит Луссуриозо.

Луссуриозо. Ипполито!

Ипполито. Синьор?

Луссуриозо. Кто это там с тобою рядом?

Ипполито. То Виндиче, мой брат сердитый. Вы
Его хотели во дворце увидеть.

Луссуриозо. Твой брат? Отлично, черт меня дери!
Ему уже давно пора быть здесь.
Ну, подойди.

Ипполито (*брату*). Синьору Луссуриозо,
Наследнику, хочу тебя представить.

Луссуриозо. Да не робей, приблизься, ну, вот так.

Виндиче. Пошли вам бог удачи, ваша милость.
(*Снимает шляпу и расшаркивается.*)

Луссуриозо. Как старомодна эта церемонность
Здесь, во дворце, где бойкость и развязность
Ввели мы в обиход, а если бога
И поминаем, то в другой связи!
Я вижу, ты не в духе. Отчего?

Виндиче. Уж очень долго изучал я право.

Луссуриозо. И это повод, чтобы так хандрить?

Виндиче. А то нет! Столько лет ничего не видеть, кроме чернил
да переплетов. Я ушел с головой в законы еще в Anno Quadragesimo
Secundo и выбрался из них только в Anno Sextagesimo Tertio²³.

Луссуриозо. Убить на это двадцать с лишним лет?!

Виндиче. Я знавал таких, которые всю жизнь убили, только
и делая, что отсуживая несушку или кабанчика.

Луссуриозо. Ужель на эти мелочные тяжбы
Суд тратит время?

Виндиче. Для многих это хлеб, сударь. Иные корифеи, ведя бесконечные тяжбы, так объелись судебными терминами, что они и на улице говорят на варварской латыни; а молитвы у них выходят вроде апелляции: просим, дескать, мол, признать грехи недействительными и вынести частное определение о взятии души на небо.

Луссуриозо.

Какая странная, однако; жизнь.

А впрочем, в этом сущность человечья:

Какие помыслы — такие речи.

И что ж тебе, приятель, по душе?

Виндиче. Что? А вот, к примеру говоря, помирает известный богач, и какой-нибудь оборванец подрядился отзвонить по нему в колокола. А тот уставился на огромный сундук и все никак не отойдет, сказать уже ничего не может и только пальцем тебе на шкатулки показывает; и вот уже шепоток пошел, что совсем человек в беспамятстве, а он в эту минуту думает о чьих-то просроченных векселях, о конфискации чьего-то имущества. Нет, каково! Уже слышно, как у него хрипит и булькает в горле, а он, знай, лихорадочно соображает, чем припугнуть своих нищих жильцов... Да-а, над всем этим можно лет десять голову ломать!.. Есть у меня одна мысль в виде живой картины — она и сейчас передо мной — я вам ее, кстати, нынче же и нарисую, ваша милость, а что она вам понравится, за это я головой ручаюсь, сделаю-то я это безвозмездно.

Луссуриозо.

Не за того меня ты принимаешь,

Я, знаешь ли, скупиться не привык.

Какая ж мысль? Попробуем на вкус.

Виндиче. Нарисовать картину?

Луссуриозо.

Нарисуй.

Виндиче. Ну что ж, представьте себе: «Отец-процентщик жарится в аду, а его сын и наследник пляшет на радостях со своей шлюшкой».

Ипполито (в сторону).

Без экивоков принялся за дело.

Луссуриозо.

Сюжет занятный, но в твоей картине

Не все придется кой-кому по сердцу:

Виндиче. За шлюху головой ручаюсь я.

Ипполито (в сторону).

Ты прав, когда б она сошла с картины.

Виндиче. Что до сына и наследника, то его дружки-кутилы только ахнут, когда он выйдет к ним в расшитых золотом панталонах.

Луссуриозо.

Ты мне — о выгоде, а я боюсь,

Что мы, отца-процентщика поджарив,

Картиной этой неприглядной можем

Его друзей богатых оскорбить.

Виндиче. Ах, синьор, правда ваша. Эти плуты скорее дадут себя вывести на чистую воду, чем на полотне.

Луссуриозо *(в сторону)*.

Меланхоличен, а красноречив!
За деньги он пырнет отца родного.
(Вслух.)

Небось, деньжат негусто?

Виндиче.

О-хо-хо!

Я уж забыл, как выглядят гинеи.
Церковной крысы я, синьор, беднее.

Луссуриозо *(в сторону)*.

Мне это на руку.

Виндиче.

Дают мне кров,

Чтоб только я не лаялся, и хлеба,
Когда уже пристану, как пиявка.

Луссуриозо.

Вот получай за прежние обиды.
(Дает ему несколько золотых.)

Виндиче.

Я слепну!

Луссуриозо.

Что?

Виндиче.

В глазах моих темнеет.

Луч солнца отразился слишком резко,
И стал я слепнуть от такого блеска.

Луссуриозо *(в сторону)*.

Вся меланхолия сейчас пройдет.
(Вслух.)

Что, полегчало?

Виндиче.

И не говорите.

Луссуриозо.

Запомни все, что ты сейчас услышишь,
И станет уж совсем легко. Так вот,
Взывая к вашим шпагам о расправе,
Открою козни вам того, кто думал
Ославить вас и оскорбить меня.

Ипполито. Ославить нас?

Луссуриозо.

Вот именно — ославить.

Пусть гнев ваш праведный, соединившись,
Падет с удвоенною силой.

Виндиче.

Кто он,

Мерзавец этот?

Луссуриозо.

Пьято, гнусный сводник.

Я обещал ему, что позабочусь
О том, чтобы его в тюрьме сгноили.

Виндиче *(в сторону)*.

Меня, короче.

Ипполито.

Как же он посмел?

Луссуриозо.

Так и посмел.

(Ипполито.) А все твоя затея!

Виндиче.

Твоя? Возможно ли?

Ипполито.

Представь себе.

Луссуриозо.

Он, шельма, обещал достать мне девку,
А сам, неблагодарная свинья,
Моими же брильянтами прельщая,
Едва не совратил сестрицу вашу.

Ипполито. Мерзавец!

Виндиче.

Я спущу с него три шкуры.

Луссуриозо.

Я, зная целомудренность ее
И зная, как подобные посуды
Способны оскорбить невинный взгляд,
Не мог ему простить его коварства...

Виндиче.

Ну да, конечно, не могли простить...
Синьор, я тронут вашим благородством.

Луссуриозо.

И вышвырнул его без лишних слов.

Виндиче (в сторону).

Ах, вышвырнул? Ну погоди же, тварь!

Луссуриозо.

Вот плата за мои благодеянья!
Склонять к такому... и кого? Кастиццу,
Чья непорочность для меня — святыня!
На что рассчитывал безумец этот?
Короче, потерпев с ней неудачу,
Он, бестия, решил нажать на мать;
Та, по всему, податлива, как масло, —
Вмиг дочку уступила.

Виндиче.

Хороша!

Луссуриозо.

Решив, что дело сделано, сюда
Явился он бахвалиться, но я...

Виндиче.

Но вы?

Луссуриозо.

Я так рассвирепел, что, наземь

Свалив его, избил до полусмерти.

Я, может, круто обошелся с ним?

Ипполито.

Он заслужил такое обхожденье.

Виндиче (в сторону).

Где громы? Где возмездие небес?

Луссуриозо.

Уж если я, чужой, не смог сдержаться,

Что ж говорить о вас?

Виндиче.

Он до рассвета

Не доживет.

Луссуриозо.

Он где-то во дворце.

Ты с ним, Ипполито, заговори,

Пускай твой брат его в лицо узнает.

Ипполито.

В том нет нужды, милорд. Я... я могу

На Пьято показать...
Луссуриозо. Нет, замани
Сюда его. Пусть на моих глазах
Он кровью истечет.
Ипполито (*Виндиче*). Ты слышишь, брат?
Виндиче (*Ипполито*).
Да, слышу. Исполняй же приказанье.
Ипполито (*Виндиче*).
Как приведу я, пораскинь мозгами,
Тебя, когда ты вот он, перед нами?

Уходит.

Луссуриозо.
Как бишь тебя зовут-то?
Виндиче. Виндиче.
Луссуриозо.
Что ж, имя подходящее.
Виндиче. Да — Мститель.
Луссуриозо.
Рука твоя, надеюсь, не дрожит,
Обрушиваясь на врагов?
Виндиче. Нисколько.
Луссуриозо.
Твой враг заклятый — Пьято.
Виндиче. Он умрет.
Луссуриозо.
Услуги помню я. И тот не тужит,
Кто верою и правдою мне служит.

Входит Ипполито.

Виндиче. Уж как-нибудь сочтемся, ваша милость.
Луссуриозо.
Ипполито. Ну что, Ипполито, где этот сводник?
Синьор, он просто в непотребном виде.
Взял на душу он самый тяжкий грех:
Как грязная скотина, нализался,
И так его при этом развезло,
Что лучше вам сей мерзости не видеть.
Луссуриозо.
Виндиче (*в сторону*). Каков холоп — и сводник, и пропойца!
Отлично выкрутился. Ай да брат!
Луссуриозо.
Виндиче. Обоим вам не терпится, я вижу,
Злодея кончить, так же как и мне.
Еще бы! А иначе жизнь не в жизнь.

Луссуриозо (*Ипполито*).

Так проводи же брата. Пусть возьмет
Он Пьято на заметку...

Ипполито.

Да, милорд.

Луссуриозо.

Мы вас возвысим так, что дух захватит.

Виндиче. / Синьор, мы ваши преданные слуги.

Луссуриозо.

Рад слышать.

(*В сторону*.) В этом деле толк я знаю:

В свой план любого дурня посвящу,

А если что — так ядом угощу.

Уходит.

Виндиче.

О небо с его ангельским терпеньем!

Внимать отъявленному негодяю —

И не испепелить его на месте,

И на клочки его не разорвать!

Иль гром весь вышел? Или он карает

За худшие грехи?

Раскаты грома,

А вот и гром!

Ипполито.

Брат, мы пропали.

Виндиче.

Нет! Я вижу выход.

То знаменье мне было, не иначе,

Чтоб все задуманное совершить.

Ипполито.

О чем ты?

Виндиче.

Расчет мой безупречен, сам увидишь.

Я должен сам себя убить...

Ипполито.

Ну да.

Виндиче.

А герцог, хоть и мертв, земле не предан...

Убийца, согласись, любой лазейкой

Спешит воспользоваться.

Ипполито.

Тут ты прав.

Виндиче.

Как ты тогда посмотришь, брат, на то,

Чтобы покойник наш переоделся?

Ипполито.

В твою?..

Виндиче.

Ты понимаешь с полуслова.

Ипполито.

Да, братец, ты на выдумки мастак.

Виндиче.

Ведь Пьято, ты сказал, напился в стельку,

А пьяный — все равно что полутруп,

Он так же волочится по земле.

Ипполито.

Да-да... Но есть еще одна загвоздка:

Труп рано или поздно опознают

И скажут, что мы герцога убили.

Виндиче.

Как бы не так! И в этом-то вся соль.

Найдя его в том самом маскараде,

В котором я роль сводника играл,

Решат, что Пьято герцога убил
И с ним, подлец, одеждой обменялся,
Чтоб легче было ускользнуть.

Исполнито. Хитро.

Видиче. Увидишь, разыграем; как по нотам.
Осечка, уж поверь мне, невозможна.

Исполнито. Тогда — за дело.

Видиче. Кстати, не мешает
Нам, наказать примерно нашу мать,
Чтоб злого беса из нее изгнать.

Уходят.

СЦЕНА 3. Входит герцогиня под руку со Спурно; за ними бежит
Супервако со шпагой, но Амбициозо останавливает его.

Спурно. Мадам, не прижимайтесь так ко мне.
Нас могут увидеть и заподозрить.

Герцогиня. И заподозрить? Интересно, в чем?
(Целует его.)

Спурно. Ведь это все — невинные забавы.
Невинные забавы, говорите?

Скрываются.

Амбициозо. Куда ты? Стой!

Супервако. Да ведь они сейчас...

Амбициозо. Не горячись. Повременим немного.

Супервако. Но ты же видел!

Амбициозо. И не то видали.

Супервако. Теперь ее, выходит, всякий тискай?
Так вознестись, чтобы упасть так низко!

Амбициозо. Разнежатся на десяти перинах,
Вот зуд и начинается у них...
Уж если так, то спуталась бы, что ли,
С каким синьором, так ведь нет, с ублюдком!

Супервако. Совсем ополоумела она.

Амбициозо. Да все они, мерзавки, хороши:
Сидит, сама невинность, у окошка,
А приглядишься — мартовская кошка.

Супервако. За ними! Коль они начнут грешить,
Нам их грехи вовек не отмолить.

Уходят.

СЦЕНА 4 Входит Грациана, за ней, с кинжалами, ее сыновья.

Виндиче. Иди, иди! Ты у меня попляшешь.

Грациана. Сынок, ты что, убить меня задумал?

Виндиче. И это — мать!

Ипполито. Бесовское отродье!

Грациана. Да вы взбесились. Люди, помогите!

Виндиче. Кричи, кричи.

Грациана. Звереныши, пронзить хотите грудь,
Которая кормила вас?

Виндиче. Она

Сейчас полна не молоком, а ядом.

Грациана. Я — ваша мать! Чтоб дни продлились ваши...

Виндиче. Ах, не смехи. Узнали мы сегодня,
Что ты за мать. Скажи уж лучше — сводня.

Грациана. Пожалуй, ты и ведьмой назовешь²⁴.

Ипполито. И этот титул для тебя хорош.

Грациана. Так оскорблять!

Виндиче. Ну бабы! Небеса, удостоверьте:
Ведь лицемерят даже перед смертью.

Грациана. Кто лицемерит?

Виндиче. Разве человек

Не приходил к тебе от Луссуриозо

И разве не уговорил тебя

Отдать на поруганье дочь, тем самым

Лишив последнего стыда?

Грациана. О чем ты?

Какой поклеп! Да у него и в мыслях

Такого не было. Все так невинно,

А сплетни грязные уж тут как тут.

Сынок, не верь им.

Виндиче. Не могу поверить,

Что это не во сне, а наяву!

Уж если матери нам лгут в глаза,

То, значит, верить никому нельзя.

Ужасный век!

Ипполито. Тот человек был я.

Виндиче. Вертись теперь ужом на сковородке.

Грациана. О тысяча проклятий!

Виндиче. Луссуриозо

Послал меня, и я, переодевшись,

Нашел, что серебро-то низшей пробы.

Ну а приди не я, а проходимец?

Грациана. Другой бы не околдовал меня!

Виндиче. Выкручиваться, мать, ты мастерица.

Сам черт тебе в подметки не годится!

Еще словцо — и я всему поверю.

Грациана. Клянусь, то было просто наважденье.

О, сжался же! Я стану на колени.

(Опускается со слезами на колени.)

Виндиче. Ну-ну... Ты виновата, но... Не плачь...
Ипполито. Чтоб мать — родную дочку... Да, ужасно,
Хотя... мы это видим сплошь и рядом...

Виндиче. Ну все, вставай... Ведь это не допрос.
Краснеет сталь при виде женских слез.
Брат, спрячь кинжал, не то он заржавеет.

Ипполито. От этой сырости? А что, пожалуй.

Виндиче (Грациане).

Для пашен и лугов твоей души,
Что высохла от зноя, этот дождь
Да будет благодатным и желанным!
Встань, обновленная весенним ливнем.

Грациана. Сотри, господь, пятно с моей души,
Не то его в семи водах отмою,
Горчайшими слезами изойдя.
У нас глаза чуть что на мокром месте,
Но нет без покаянья — благочестья.

Виндиче. Давай же, брат, обнимем нашу мать,
Душа ее очистилась и жаждет
Слиянья с нашими.

Ипполито. Да будет так.

Виндиче. Срежь женщин, брат, порядочных немного,
Но мать из их десятка, слава богу.

(Грациане.)

Сейчас, когда ты наконец прозрела,
Ты понимаешь, что, торгуя дочкой,
Клеймо ты ставила на лбу своем?
Порядочная мать, тебя завидя,
Воскликнула бы: «Сатана, изыди!»
А дочь, своей невинностью горда,
Наверное, сгорела б со стыда.

Ипполито. Кастицца стала бы наемной девкой!

Виндиче. От этих мыслей все нутро горит.
Прослыть подстилкой знатного вельможи,
Дворцовой шлюхой, жалкой содержанкой!
Отдать на поруганье тело... душу!

Ипполито. Ты прав. Платить такой ценой за роскошь!

Виндиче. Вокруг с ума все, видно, походили.
Та, что была доступною вчера,
Глядишь, сегодня — фрейлина двора.
Ты, мать, на все посулы и угрозы
Легко ответить можешь Луссуриозо:
Кто раз уступит, по рукам пойдет.
Один удар — и в трещинах весь лед.

Грациана. Твое сравненье, Виндиче, прекрасно.

Ипполито. Брат, мы о деле, кажется, забыли.

Виндиче. И правда! Радость, словно эльф чудесный,
И беззаботна так и легковесна.

(Грациане.)

Прощай же. Снова честь ты обрела
И тяжкий груз с моей души сняла.

Грациана. Да, я вела себя несообразно.
Отныне я клянусь бежать соблазна.

Виндиче. Рад это слышать.

Ипполито. Передай от нас
Поклоны добродетельной Кастицце.

Виндиче. Той, что чиста пред богом и людьми.

Грациана. Охотно.

Виндиче. Ну и наш поклон прими.

Уходят.

Грациана. Что в самом деле на меня нашло?
То было забытье — и вот, очнулась.
Ну как теперь в глаза смотреть мне той,
Над чьим достоинством я надругалась?
Вот и она.

Входит Кастицца в подчеркнуто открытом платье.

Легка ты на помине.

Кастицца. Вы так пеклись о выгоде моей,
Честили так, что у меня нет сил
Вам прекословить. Я на все согласна.

Грациана. На что согласна?

Кастицца. Нынче ж уступить,
Как вы велели, герцогскому сыну
И сделаться наложницей его.

Грациана. Ты этого не сделаешь, надеюсь.

Кастицца. «Надеюсь»? Вы ведь этого хотели.

Грациана. Нет-нет!

Кастицца. Мадам, зачем кривить душой?
Я — ваша кровь, и все стерплю, не бойтесь.
Молчите? Я опять не угодила?
Вы что, хотите, чтоб ему на шею
Я бросилась?

Грациана. Ах, не терзай мне душу.

Кастицца. Сначала на сожительство меня
Благословляли вы. Потом, увидя,
Что это ни к чему не привело,
Вы прокляли меня. И я сдаюсь.
Снимите материнское проклятье,
А я сниму с себя вот это платье.

Грациана. Дитя мое, когда в тебе осталась
Хоть искра добродетели высокой,
Мое дыханье пусть ее раздует!
Ах, женщина бывает безрассудна.

Но я переболела тем недугом,
Который многих матерей сразил.
Прости же и не надрывай мне сердце.
Уж если ты вняла дурному слову,
Хорошему тем более внемли.

Кастицца. Я что-то не пойму никак. Не вы ли,
Как искуситель змий, меня так ловко
Здесь оплели, что все мои молитвы —
И «Богородица» и «Отче наш» —
Бессильны были разорвать кольцо?

Грациана. Ну полно, полно прошлым попрекать!
Все станет на свои места.

Кастицца. Боюсь,
Уже не станет.

Грациана. Ты с ума сошла!

Кастицца. А положенье? Деньги? Новый герцог?

Грациана. Мои слова! Они мне как отравы.
Ну посуди, чего все это стоит!
Высоким положеньем разве скроешь
Поступок низкий? Деньги... Разве девка,
Пускай она из мест не выйдет зланных,
Прокормит всех детей своих внебрачных?
Сын герцога? Сегодня ты в фаворе,
А завтра, смотришь, по миру пошла.
Чем быть метрессой, милая Кастицца,
На свет уж лучше вовсе не родиться.

Кастицца. Расцеловать позвольте вас, синьора,
И пусть душа растает в поцелуе.
Я вас испытывала.

Грациана. Это правда?

Кастицца. И да и нет. Ведь никакая сила
Меня грешить, поверьте, не заставит.
Девичья честь — хрустальный бастион,
Но если он надежно укреплен,
То, как бы враг ни подступал, лютуя,
Оплот осаду выдержит любую.

Грациана. Вот и с моей души снят тяжкий камень.
Мы образцом послужим для людей:
Ты — для девиц, а я — для матерей.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I Входят Виндиче и Ипполито, поддерживая труп герцога.
Виндиче. Правой, левой... Вот молодец! Смотри, брат, не раз-
буди его.

Ипполито. Что ты, да я ним, как с родным.

Виндиче. И правильно. Ведь ему за меня помирать. (*Показывая на труп.*) Гляди, хорош я, нечего сказать, так и стелюсь по земле. Я должен держаться на ногах, чтобы себя же волочить! Ударю кинжалом как убийца, а рухну как убиенный. По-моему, мы вернули все, что ему причиталось, и с лихвой.

Ипполито. И главное, совесть при этом чиста.

Виндиче. Скажи-ка мне, Луссуриозо придет один?

Ипполито. Как бы не так. Его вера слишком шатка, чтобы ходить без подпорок. За ним мясные мухи так и увиваются: сядет за стол — и эти тут как тут, вышел — они с жужжанием следом.

Виндиче. Ничего, наша месть вооружена отличной мухобойкой. Вот он, долгожданный случай! Момент самый подходящий, чтобы свести с ним старые счеты. Его папаша, герцог, протянул ноги, как подобает интригану, — загнул в тихую, без свидетелей. А этому я покажу сначала бездыханное тело, а там прирежу его самого под занавес. Пусть лежат в обнимку!

Ипполито. Постой, брат, не пори горячку. Еще не время. Дождемся, когда фортуна к нам лицом повернется.

Виндиче. Лицом? Надеюсь, оно будет размалевано по всем правилам искусства²⁵.

Ипполито. Слушай, пока нас не накрыли, пойдем отсюда. Тем более что Луссуриозо ждет нас.

Виндиче. Ладно. Дождись другого часа. Смотри, идет! Ну-ка, держи этого покрепче.

Входит Луссуриозо.

Ипполито. Синьор!

Луссуриозо. Что? Кто тут? А-а, уже пришли...

Виндиче. Да, милорд, буквально сию минуту. Почему-то мы решили, что найдем эту пьяную образину именно здесь.

Ипполито. Синьор, надеюсь, стражу отослал?

Луссуриозо.

Всех отослал я, если не считать
Двух-трех телохранителей у входа.

Ипполито (*в сторону*).

Пускай они там заживо сгниют.

Луссуриозо.

Вы не одни? Кто с вами? Этот раб?

Виндиче. Да, мы приволокли его, хозяин.

(*В сторону.*) Раб, говоришь? Вот любящий сынок!

Луссуриозо.

Он это! Он, мерзавец! Тише вы,
Проснется ведь.

Виндиче.

Да мы и так, синьор,

Не дышим.

Луссуриозо.

Вот и чудно. Ну, поганец,

Ты больше не проснешься.
(В сторону.) А ведь это,
Пожалуй, мысль: убить, пока он спит,
Не то ведь он всю правду им откроет.
Послушайте, милорд...

Виндиче.

Луссуриозо.

А? Что такое?

Виндиче.

Пришить его, пока он под парами?

Луссуриозо.

Вот именно.

Виндиче.

Тогда ему уж точно

Не протрезветь.

Луссуриозо.

Пускай в аду буянит.

Виндиче.

Он столько выпил, что зальет огонь...²⁶

Луссуриозо (в сторону).

У малого мозги-то набекрень!

Виндиче

(в сторону). ... и не на чем будет вашей милости свои косточки погреть. Пьянице свалиться в адское пекло — все равно что полной бадье перевернуться, будет море разливанное.

Луссуриозо.

Ну хватит! вспомните, как он хотел Вас оскорбить, и шпаги обнажите.

Виндиче.

Он, негодяй, заплатит мне сполна.

Луссуриозо.

Ну!

Виндиче.

Сударь, а из этой заварухи

Вы вытяните нас?

Луссуриозо.

Уж как-нибудь.

Виндиче

(дырявит кинжалом труп).

Так вот тебе! И вот! И вот! И вот!

уссуриозо.

Неплохо... Что это?.. Стой! стой, убийца!
Ведь это герцог, мой отец!..

индиче.

О боже!

Луссуриозо.

Да он никак уже давно холодный!
Прости, что я назвал тебя убийцей.
Ты не при чем здесь, это мерзкий Пьято
Убил его, я думаю, а после
Так вырядил.

Ипполито.

Что ж, очень может быть.

Виндиче.

Нет ни стыда, ни совести: натянуть
На герцога холопский свой камзол!

Луссуриозо.

Кто знает, сколько так он пролежал...

Виндиче

(в сторону).

Уж я-то знаю.

Луссуриозо.

О том, что замышляли мы, ни слова.

Виндиче.

Милорд, как можно!

Ипполито. Ах, ваша светлость, да какой резон
Сейчас нам языки-то распускать?

Луссуриозо.
Оно, конечно... Надо бы послать
За герцогиней, братьями, бастардом,
За нашей знатью... Чтоб о злодеянье
Услышало высокое собрание.

Виндиче. Тогда и нас ни в чем не заподозрят,
И выйдем мы сухими из воды.

Луссуриозо.
Эй, Ненчо, Сордидо! Сюда, скорее.

Входят его слуги.

Первый слуга.
Милорд, вы звали нас?

Второй слуга. Мы здесь, милорд.

Луссуриозо.
Хотели мы втроем уединиться,
Вдруг видим — герцог... на земле, в крови...
Ужасная история, не так ли?

Первый слуга.
О господи, наш герцог! Ну-ка, Ненчо,
Беги, подымешь на ноги весь двор.

Слуга уходит.

Виндиче (*в сторону*).
Премудрость мести только тот постиг,
Кто не оставит никаких улик.
Я был его агонии свидетель
И вот сейчас стою, как посторонний.

Луссуриозо.
Чтоб эту благороднейшую кровь
Пролил дрянной холоп, пылая злобой!

Ипполито (*в сторону*).
В твой адрес.

Виндиче (*в сторону*). В дураках, вот и орет.

Луссуриозо.
Нет зрелища ужаснее! Смотрите,
Не яд ли это на губах?

Виндиче. А ну-ка...

И правда, самый настоящий яд.
Злодей! Подлец! Мерзавец! Негодяй!

Ипполито (*в сторону*).
Он кроет герцога его словами.

За сценой голоса: «Где он? Сюда?» Входят Амбициозо,
Супервако и придворные.

Амбициозо. Зловещая комета пронеслась
Над нами, оставляя свет мертвящий.

Луссуриозо.

Взгляните, благородные синьоры!
Отец мой, герцог, от руки слуги,
Погиб — и вот лежит в его одежде.

Входят герцогиня и Спурно.

Герцогиня. Мой муж и господин!

Третий вельможа. Да, ваша светлость.

Второй вельможа.

Знаком мне этот вытертый камзол.

Виндиче (*в сторону*).

Еще бы не знаком — ведь мы встречались.

Супервако (*тихо*).

Мать тут как тут... Что ж, подождем немного:

Супруг — мертвец, и ей туда дорога.

Амбициозо (*в сторону*).

Мои он мысли словно прочитал.

Спурно (*в сторону*).

Отец-то, глянь, загнулся. Вот те на!

Благодарю тебя, моя фортуна.

Авось, отсюда пользу извлеку,

И повезет внебрачному сынку.

Луссуриозо. Мне, помнится, сказали два синьора,

Что герцог отпустил их. Где они?

Третий вельможа.

Простите нас, милорд. Велел нам герцог

Его оставить. Всем же говорить,

Что, дескать, хочет он побыть один.

Остался с ним лишь тот простолюдин.

Виндиче (*в сторону*).

Одно признание — и все шито-крыто.

Луссуриозо. Вы подписали приговор ему!

И после этого, наглец, ты смеешь

Мне признаваться в низости своей?

Казнить его!

Третий вельможа. Помилуйте!

Луссуриозо. Ни слова.

Ты — соучастник преступления.

Виндиче.

Суд

Свершился.

Луссуриозо. Стража, увести его.

Третий вельможа уходит под стражей.

Виндиче (*Ипполито*).

Ну, не дурак? Кто нынче не солжет,

Того за правду виселица ждет!

Ипполито (*Виндиче*):

Везучие мы, брат, с тобою.

Виндиче (*Ипполито*).

Вместе

И дальше насладимся нашей местью.

Луссуриозо.

Распорядитесь, чтоб на лошадях
Пустились за изменником вдогонку.

Виндиче (*в сторону*).

На лошадях? Ну что же, в добрый путь.

Второй вельможа.

Осмелюсь я напомнить вам, милорд,
В связи с кончиной вашего отца
Все титулы наследуете вы.

Луссуриозо.

Синьор, о чем вы? Не до них мне нынче.
О трауре все помыслы мои.

(*В сторону*.) А вот и титулы! (*Вслух*.)

Поговорим

О брэнной жизни, о мужах великих,
Почивших в бозе.

Виндиче (*в сторону*).

Посмотреть на них,

Играют титулами, словно в мяч.

Псы, нового хозяина любя,
Боготворят его, а он — себя.

Вельможа. Вы — свет, милорд, который нас утешит.

Луссуриозо.

Слезами затуманен он. Во время
Дождя грибного так же светит солнце.

Вельможа. Мы вам служить готовы, ваша светлость.

Луссуриозо.

Что? «Ваша светлость»? Ах, ну да, конечно.

Вельможа. Вам этот титул дан самой судьбой.

Луссуриозо.

Судьбой? Скажите лучше — небесами.

Виндиче (*в сторону*).

От скромности он не умрет.

Вельможа

(*герцогине*). Мадам,

Кругами разойдется по воде

Печаль и радостям уступит место.

Убийца выдаст сам себя, поверьте.

Виндиче (*в сторону*).

По-твоему, он круглый идиот?

Вельможа. Ну а теперь, синьоры, воздадим

Все почести покойному. Не будем

При этом забывать, что новый герцог

Безмерно щедр в своих благодеяньях,

Так что давайте в его честь, синьоры,

Устроим пиршество.

Виндиче (*в сторону*).

Вот это да!

Вельможа. И это — жизнь: приходят друг за дружкой

Печаль и радость, траур и пирушки.

Луссурियो.

Я буду добрым господином вам.

(В сторону.) А эта, глянь, застыла с кислой миной.
Пришла пора покончить с герцогиней.

Уходят Луссурियो, вельможи и герцогиня.

Ипполито (Виндиче).

Ты слышал — пиршество!

Виндиче (Ипполито).

Да, хороши.

Пойдем же выпьем на помин души.

Братья уходят.

Спурио (в сторону).

В тот миг, когда я был зачат, наверно,
Воскликнул герцог: «В яблочко попал!»
Ушел он от моей расплаты, каюсь,
Зато уж на других я отыграюсь.

Уходит.

Супервако. Они, ты видел, терлись друг о дружку.

Амбициозо. Я просто видеть не могу бастарда!

Супервако. Его часы, поверь мне, сочтены.

Им всем пирушка эта выйдет боком!

Вон месяц, что недавно родился,

Он герцога переживет намного.

Покончу с ним — и власть в моих руках.

Давай, Безносая, надень личину,

Она тебе положена по чину.

Уходит.

Амбициозо. Меня, выходит, побоку, а сам,

Как погляжу я, в герцоги ты метишь!

Гляди, споткнешься, брат, и не заметишь.

Уходит.

СЦЕНА 2

Входят Виндиче с Ипполито и Пьеро, с прочими знатными синьорами.

Виндиче.

Синьоры, выше головы! Другие,

Те, у кого кишка тонка сражаться,

Проглатывают молча все обиды.

А в наших душах пусть пожар бушует

И это капище, источник зла,

Пускай спалит сегодня же дотла!

Пьеро.

Да, но:..

Первый синьор.

Как мстить?

Второй синьор.

Власть эта унижала

Нас так, что, как ни мсти, все будет мало.

Виндиче. Послушайте, те из вельмож, кто вас
Так унижал, хотят во время пира
Устроить небольшое представленье²⁷.
Уже и маски для него готовы.
Нам на руку весь этот маскарад:
В такие же костюмы нарядимся,
Чтоб цвет, фасон, покрой — все совпадало,
До самых незаметных мелочей,
И вот тогда, опередив актеров,
Мы учиним веселый балаган,
Когда же зрители вконец сомлеют,
У нас уж будут шпаги наготове —
И тотчас в воздухе запахнет кровью.

Пьеро.
Третий синьор.

А когда придут актеры?

Виндиче. Все кончено, а нас и след простыл.

Пьеро. Как быть с охраной герцога?

Виндиче. А-а, эти...

Когда пьяны, они слабы, как дети.

Ипполито. Есть и подмога. В случае чего
Пять сотен храбрецов придут на помощь²⁸.

Пьеро. Что ж, вашу руку!

Виндиче. Действовать начнем!

Слова, друзья, оставим на потом.

Уходят.

СЦЕНА 3

Пантомима: вельможи из окружения Луссуриозо коронуют нового герцога. Вступает музыка. Накрывается стол для пиршества. За стол садятся Луссуриозо и его приближенные. Зажигается яркая звезда.

Первый вельможа.

Светлейший герцог, многие вам лета,
Отрадных дней и вечных наслаждений!

Луссуриозо.

Благодарим. Хотя все это, право,
Выслушиваем мы теперь по праву.

Второй вельможа.

Вы озарили все вокруг.

Четвертый вельможа. Синьор

Нахмурился?

Второй вельможа. Он мыслит!

Первый вельможа. Да, он мыслит.

Луссуриозо (в сторону).

Блудницу герцогиню мы изгнали.
Теперь черед бастарда. Этот пир
Сулит тяжелое похмелье многим.

И сводных братьев оплатить заставим
Свою жизнью старые долги.

Первый вельможа.

Готовьтесь, ваша светлость, к развлечениям.
Актеры начинают.

Луссуриозо. Мы готовы.

Но что это? Гнездится здесь измена?
Смотрите, в небе вспыхнула звезда!²⁹

Первый вельможа.

Звезда, милорд? Но где?

Луссуриозо. Вон там, вон там!

Второй вельможа.

Плохое предзнаменование.

Луссуриозо. Чем

Грозит мне эта яркая комета?
Иль я не герцог боле? Чепуха!
Теперь уже мне нечего бояться.
Все это бабы рассказы... Не клацай
Зубами... Правду ль говорит молва:
Летит у всех великих голова,
Когда с хвостом комета?

Первый вельможа.

Она грозит опасностью.

Луссуриозо. Так, так.

Второй вельможа.

Милорд, она опасностью грозит,
Я думаю, кому-нибудь другому.

Луссуриозо.

Да-да, ты прав.

Первый вельможа.

Ведь вы окружены
Любовью ваших преданнейших слуг.
Умрете вы от старости, милорд,
Вам жить и жить, лет шестьдесят, не меньше.

Луссуриозо.

Лет шестьдесят? И только?

Первый вельможа.

Все восемьдесят.

Ах, милорд,

Второй вельможа.

Думаю, все сто.

Четвертый вельможа.

Сто? Жить вам счастливо, конечно!

Луссуриозо.

Это то,

Чего я ждал. Ты всех умней, я вижу,
А ум я чту. Что ж, я тебя приближу,
Ты сядешь рядом. Вас, синьоры, тоже
Прошу садиться. Дайте знак актерам.
Все эти звезды кажутся мне вздором.

Четвертый вельможа.

Вот и актеры... Хороши, милорд?

Входят переодетые братья [Виндиче и Ипполито] и еще два синьора, разыгрывающие «маску» о мстителях³⁰.

Луссуриозо.

Прекрасный танец.

(В сторону.) Вас, бастард и братья,
На углях так заставлю танцевать я.

Исполнив танец, мстители извлекают из-под платья шпаги и закальвают четверых сидящих за столом. Раскаты грома.

Виндиче. Как гром гремит! Не правда ль, зычный голос
У этого актера? Стон услышав,
Он реплику умело отыграл.

Ипполито. Исполнили мы пьеску в лучшем виде.

Виндиче. Уйдем же за кулисы.

Ипполито. Да, пошли.

Все, кроме Виндиче, уходят.

Виндиче. Ну вот, и никаких отныне оргий!
Гром рукоплещет — значит, бог в восторге.

Уходит.

Луссуриозо.

О! О!

Входят, танцую, переодетые участники другой «маски», готовые совершить покушение: Амбициозо, Супервако, Спурио и слуга Амбициозо. Луссуриозо, очнувшись, стонет и слабым голосом зовёт: «Стража! Измена!» Все застывают на месте и, обернувшись на его голос, видят, что сидящие за столом мертвы.

Спурио. Кто это стонет?

Луссуриозо. Стража! Эй, на помощь!

Амбициозо. Никак их всех прирезали?

Супервако. Похоже.

Слуга. И герцога и всех его вельмож.

Амбициозо (в сторону):

А я-то предвкушал резню.. Проклятье!

Кто нас опередил, хотел бы знать я?

Супервако. Я герцогом себя провозглашаю.

Амбициозо. Ты — герцог? Ну, уж это мы посмотрим!

(Закальвает Супервако.)

Спурио. И ты, мерзавец, отправляйся следом!

(Закальвает Амбициозо.)

Слуга. Мой господин... Ну погоди, злодей!

(Закальвает Спурио.)

Возвращается прежняя четверка: Виндиче, Ипполито и два синьора.

Виндиче. На помощь герцогу! Сюда! Измена!

Входит Антонио со стражей.

Ипполито. Вот он, убийца! Арестуйте.

Луссуриозо. О!

Виндиче. Убили герцога!

Ипполито. И всех вельмож.

Виндиче. Врачей, врачей!
(В сторону.) Скорей бы он кончался.

Антонио. Ужасная резня! Мне повидать
Пришлось немало, но и я немею.

Луссуриозо.

О!

Виндиче. Помогите же страдальцу!
(В сторону.) Месть,
Души его скорей! (Вслух.) Скажи, злодей,
Ты всех их порешил?

Слуга. Я, сударь, только...
(Показывает на Спурियो.)

Виндиче. А кем тогда был герцог продырявлен?

Слуга. Его таким нашли мы.

Луссуриозо. О, мерзавец...

Виндиче. Вы слышите?

Луссуриозо. Нас всех... актеры... в масках.

Виндиче. Ты это слышал, подлая душа?
Теперь-то ты не станешь отпираться?

Слуга. Чудовищная ложь, бог мне свидетель.

Антонио. Эй, взять убийцу! Руки обагрил
Он кровью августейшей.

Слуга. Нет! Неправда!

Антонио. Достоин самой страшной смерти он.

Стража уводит слугу.

Виндиче (в сторону).
Еще один под нож! А я в сторонке.
Милорд, ну как вы?

Луссуриозо. Я уж не жилец.

Начало круто — крут и мой конец.
Язык... меня... не слушается больше...

Виндиче. Назад, синьоры! Нечем ведь дышать.
(Шепчет на ухо Луссуриозо.)

Язык не слушается? Ну так слушай,
Ты мной убит.

Луссуриозо. О!

Виндиче. И отец твой.

Луссуриозо. О!

Виндиче. Я — Виндиче, и Пьято — тоже я,
Но мой секрет тебе уже не выдать.

Луссуриозо умирает.

Ну вот и все, он отошел, синьоры.
 Он был сражен рукою беспощадной.
 Те, что за власть дрались в таком запале,
 От рук злодеев, как и герцог, пали.

Какой он герцог?

Мой синьор, на вас
 Италия сейчас глядит с надеждой.

Седины ваши нам вернут тот век,
 Когда был человеком человек.

Тяжел венец! Его нести не мне бы...
 Пусть этот груз со мной разделит небо.

Насилие над вашей госпожой
 Искувлено.

На все есть воля божья.
 Но кем был старый герцог умерщвлен,
 Хотел бы знать я.

Полноте, милорд.

Здесь много странного, скажу я вам.

Все к лучшему, все к лучшему, синьор.

Для вашего же блага, ваша светлость.
 Теперь, пожалуй, можно и открыться:
 Мы с братом это сделали.

Вы с братом?

Представьте, сударь. Ловко, согласитесь?

Под стражу негодяев!

Нас? Под стражу?

Казнить обоих, и без промедленья!

Помилуйте, ведь мы для вас старались.

Ах, для меня? Но в случае чего
 Убьете вы меня, как и его.

Попались, брат, в капкан!

Ты сам нас выдал.

Знать, тащит Луссурнозо, этот идол,
 В могилу нас... И все ж мы отмщены!
 Со всеми посчитались мы врагами —
 И вдруг себя же утопили сами.
 Опасность чуя, грех таишь от всех,
 А стоит выплыть — и открылся грех.
 Счастливым мог бы быть финал спектакля,
 Так нет, все поломал! Ну, не дурак ли?
 Я, помню, выдавал себя за Пьято,
 Когда самонадеянный вельможа
 Меня казнил заочно со словами:
 «Убийца скоро выдаст сам себя».
 Накаркал, гад! Но — первый окошел.
 Милорд, нам все равно не отвертеться,
 Так вот, все это — дело наших рук.
 Могли б мы подкупить вельмож и слуг
 И дешево отделаться, да только

Зачем мараться? Мы же все успели:
И мать наставить, и сестру спасти,
И всю эту породу извести. .
Прощайте, господа!

Стража уводит Виндиче и Ипполито.

А н т о н и о.

Вот и конец
Трагедии. Скорей убрать тела!
Пусть смоем этой крови половодье
Мысль об измене навсегда в народе.

Все уходят.

Томас Мидлтон
Уильям Роули

ОБОРОТЕНЬ

Трагедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вермандеро, отец Беатрисы.

Томазо де Пиракуо, знатный сеньор.

Алонсо де Пиракуо, его брат, помолвленный с Беатрисой.

Альсемеро, дворянин, впоследствии муж Беатрисы.

Джасперино, его друг.

Алибиус, ревнивый доктор.

Лоллио, его помощник.

Антонио, обернувшийся слабоумным.

Педро, друг Антонио.

Франциск, мнимый сумасшедший.

Де Флорес, дворянин на службе у Вермандеро.

Сумасшедшие, слуги.

Беатриса-Джоанна, дочь Вермандеро.

Дианфанта, ее служанка.

Изабелла, жена Алибиуса¹.

Действие происходит в испанском порту Аликанте.

Молитесь только о попутном ветре.
А нынче — отрехались?

Альсемеро. Нет, старый друг.
Я той же самой веры, той же церкви⁴.

Джасперино.
Что вы не влюблены, готов ружаться,
В вас стоик обнаружился давно
Ни ваша мать, ни лучшие друзья,
Как ни пытались вас прельстить женитьбой
(А уж невесты были — загляденье!),
Не вышло ничего. Так что же вдруг
Случилось?

Альсемеро. Господи, как ты настойчив!
Я просто размышлял о том, что слышал
Сегодня в церкви.

Джасперино. Я — настойчив?
Да я — ленивая улитка
В сравнение с вашей вчерашней спешкой.

Альсемеро. Оставь, дружище, все идет, как надо.

Входят слуги.

Джасперино.
Идет, — да только не вперед, — назад.

Первый слуга.
Матросы ждут. Прикажете грузиться?

Альсемеро. Нет, погодите.

Джасперино. День самый подходящий, и Венера под знаком
Водолея⁵.

Второй слуга (*в сторону*). Похоже, сегодня в море не выйдем. К чему бы это?

Альсемеро. Повременим. Я нынче жду известья
О важном деле. Как оно решится,
Так сразу и отчалим.

Первый слуга. Воля ваша.

Второй слуга (*в сторону*). Пусть себе развlechется. А нам на берегу сохранней.

Слуги уходят. Входят Беатриса, Диафанта и слуги. Альсемеро приветствует и целует Беатрису⁶.

Джасперино (*в сторону*). Вот так штука! Видать, в Спарте законы переменились. Расшаркиваться перед женщиной? Да еще и целоваться? Небывалый случай! Где он только выучился? Выходит ловко, а ведь вроде не репетировал. Поглядим дальше. В Валенсии такому приятному обороту удивятся больше, чем если бы он выкупил половину Греции у турок.

Беатриса. Да вы, сеньор, — ученый.

Альсемеро. Не из важных.

Беатриса. Вы что-то говорили про любовь.
К какой она относится науке?

Альсемеро. Когда я слышу вас, то понимаю,
Что к музыке.

Беатриса. Вы в ней весьма искусны.
С листа поете.

Альсемеро. Все свое искусство
Я исчерпал. Мне не хватает слов
И поневоле нужно повторяться:
Я вас люблю.

Беатриса. Сеньор, не торопитесь.
Глаза — лишь высланный вперед дозор.
Дозорные же могут ошибаться:
Порой наговорят о чудесах,
Но ум, идущий следом за глазами,
Проверит их — и назовет слепцами⁸.

Альсемеро. Уже не так, сударыня: вчера
Одни глаза судили, а сегодня —
Рассудок мой, и мнения сошлись.
Когда вопрос рассмотрен в двух палатах,
Необходимо только одобренье.
Монаршее⁹.

Беатриса. Есть власть и надо мной.
(В сторону.)
Глаза мой! Вы заблуждались прежде.
Вот, наконец, вы видите того,
Кто был мне предназначен. Немного
Он опоздал к решающему часу —
Но опоздал!

асперино (в сторону). И чего снаряжались! Из Валенсии
канте могли и на телеге доехать. И сэкономили бы весь
припас. Вот это называется сбиться с курса! Ладно, теперь
едь...

Хотелось мне отведать приключений,
Так вот, пожалуйста, еще галера.
На абордаж! И это будет мой,
Законный приз, и топселя — долой!¹⁰
(Приветствует Диафанту.)

Входит Де Флорес.

Де Флорес. Сударыня, отец ваш...

Беатриса. Я надеюсь,
Он в добром здравье.

Де Флорес. Вас удостоверят
Глаза, сударыня, что это так.
Сейчас он будет здесь.

- Беатриса. Тогда к чему же Назойливый пролог? Я предпочла бы, Чтоб он явился вдруг, без предисловий. Не надо бесполезной болтовни. А что до вашего явления, сударь, Как мало рада я ему, надеюсь, Вы знаете.
- Де Флорес *(в сторону)*. Обычное презренье, Не больше и не меньше ни на йоту. Ужели должен я все время гнаться За тем, что ускользает? Будь, что будет. Не стану я лишаться наслажденья Быть близ нее, — пусть бесится, как хочет! Я знаю, что я мертвый был бы ей Приятнее живого; хоть причины Весомой нет — один лишь вздорный нрав.
- Альсемеро. Вас что-то раздосадовало вдруг, Сударыня?
- Беатриса. Сеньор, прошу прошенья. Мне трудно вам причину объяснить. Бывает так, что одному кому-то Невыносимо, как смертельный яд, То, что на вкус других вполне съедобно. Вот так мне этот человек противен — В глазах моих он точно василиск¹¹.
- Альсемеро. Уж такова натура человека. Едва ли среди тысячи один Найдется без малейшего изъяна. У каждого свои несовершенства: Один не переносит запах роз, Столь сладостный для большинства; другому Не по нутру оливковое масло; А третьему не нравится вино, Родник веселья, утешитель сердца. Воистину подобный недостаток Распространен, ведь вкусы-то различны. Признаться, я и сам не без вины.
- Беатриса. А в чем ваш яд, сеньор, нельзя узнать?
- Альсемеро. В том, что вы любите, наверно, — в вишнях.
- Беатриса. Ни одному живому существу Не враг я — кроме этого сеньора.
- Альсемеро. Он поступает скверно, если знает Про это — и мозолит вам глаза.
- Беатриса. Еще бы он не знал! Он это слышал Из уст моих. Не приложу ума,

Что предпринять еще, — он дворянин
И состоит на службе у отца,
Который им доволен.

Альсемеро. И, однако,

Не на своем он месте.

(Продолжают разговаривать между собой.)

Джасперино. Я — бешеный озорник, красотка.

Диафанта. Мне тоже так кажется. Но будьте спокойны, у нас в городе есть доктор, который лечит такие болезни.

Джасперино. Тьфу на него! Я знаю, какое лекарство лучше всего поможет в моем состоянии.

Диафанта. А вы в состоянии?

Джасперино. Я вам могу показать такую штуку, состоящую из нас обоих, что если она не утихомирит на два часа самую бешеную кровь на свете, то, значит, никаким лекарствам нельзя верить.

Диафанта. Наверное, опий помог бы вам заснуть, сударь.

Джасперино. Опий? Это когда вот так — оп! *(Целует ее.)*

И еще раз — оп! *(Целует.)* Да, опий — это первая лечебная травка, а вторая зовется «кукушкин корень». Все, пока — молчок, в другой раз покажу подробно, что к чему.

Беатриса. Вот мой отец, сеньор.

Входят Вермандеро и слуги.

Вермандеро.

Джоанна, я пришел тебя встречать.

Окончила ли ты свои молитвы?

Беатриса. Сегодняшние — да, сеньор.

(В сторону.) Боюсь,

Что скоро я переменю святого.

Во мне все резко так перевернулось,

Что кругом голова.

(Вермандеро.) Сеньор, сейчас

Я говорила с этим дворянином,

Который, отложив свои дела,

Составил мне компанию. В беседе

Открылось, что он хочет осмотреть

Ваш замок, если только вы не против.

Вермандеро.

Охотно, только при одном условии.

Я должен знать, откуда вы, сеньор;

Мы запрещаем иностранцам вход

В главнейшие из наших крепостей.

Пускай на них любуются снаружи,

Внутри же цитаделей есть секреты.

Альсемеро.

Сеньор, я — валенсиец.

Вермандеро.

Валенсиец?

Так, значит, мой земляк. Скажите имя.
Прошу вас.

Альсемеро. Альсемеро.
Вермандеро. Уж не сын ли
Хуана Альсемеро?

Альсемеро. Да, сеньор.
Вермандеро.

Вы для души моей — желанный гость.
Беатриса (в сторону).

Ведь он меня зовет своей душой.
Как сходится все это!

Вермандеро. О, сеньор.

Я хорошо знал вашего отца.
Был в дружбе с ним — от первого пушка.
На наших подбородках. — много лет,
До той поры! пока чекан времен
Не сделал нас серебряной монетой.
Его уж нет, — какой солдат пропал!

Альсемеро. Вы в доблести с ним были наравне.

Вермандеро. О нет, святым Иаковом клянусь¹²,
Он первым был! Но кое-что успел
Свершить и я. В один несчастный день
Он пал под Гибралтаром в жаркой схватке
С мятежными голландцами, ведь так?

Альсемеро. И я бы отомстил за эту смерть
Или последовал за ним. — но Лига
Мне помешала мирным договором¹³.

Вермандеро. Да, было время... Как тогда дышалось!
(Беатрисе.)

Джоанна, я принес тебе известье.
Я говорил с Пиракуо.

Беатриса (в сторону). Вот горе!

Вермандеро. Он спешно делает приготовления
К дню своего триумфа. Ты должна
Венчаться с ним через неделю.

Альсемеро (в сторону). О!

Беатриса. Ах, нет, мой господин, явите жалость!
Я не могу так быстро успокоить
Моей души заветную подругу,
Невинность. Я так долго с ней жила,
Что не могу с ней обойтись жестоко.
Друзьям, которым суждено расстаться,
Чтоб больше не встречаться никогда,

Не подобает же прощаться наспех!

Вермандеро.

Фу, пустяки!

Альсемеро *(в сторону)*.

А я расстаться должен,
Чтоб больше не встречаться никогда,
Со всеми радостями на земле.

(Вермандеро.) Сеньор!

Прошу простить, меня зовут дела.

Вермандеро.

Ни в коем случае, сеньор! Как можно!

Такой внезапный оборот! Я думал,

Что вы сперва мой замок посетите,

В увеселеньях примете участие;

Иначе нанесете мне обиду.

Идемте же. Надеюсь, вы у нас

Немного погостите в Аликанте.

Я приглашаю вас на свадьбу дочки.

Альсемеро *(в сторону)*.

Зовет на пир, а потчует отравой.

(Вермандеро.)

Я бы охотно принял приглашенье,

Когда бы обстоятельства мои

С желаньями моими совпадали.

Беатриса. Мне будет грустно, если вас не будет

В тот день, — хоть я к нему и не спешу.

Вермандеро.

Сеньор, поверьте: это дворянин

Наидостойнейший, придворный, рыцарь,

Украшенный чертами благородства.

Такого зятя я не променял бы

На самого знатнейшего вельможу, —

А знати здесь, в Испании, довольно.

Альсемеро.

Вы так к нему привязаны, сеньор?

Вермандеро.

Напротив, он ко мне привязан будет

Вот этой привязью — и очень крепко.

А если нет, мои надежды тщетны.

Беатриса *(в сторону)*.

А если да, беспочвенны мои.

Вермандеро.

Идемте же, сеньор, а по дороге

Я вам еще порасскажу о нем.

Альсемеро *(в сторону)*.

Врываться ли в незащищенный замок,

Когда он сам убрал орудья с башен?

Но двинусь дальше — отступленья нет.

Беатриса *(в сторону)*.

А та змея все еще здесь?

(Роняет перчатку.)

Вермандеро.

Эй, дочка,

Перчатку обронила, погоди!

Де Флорес, послужи.

Уходят Вермандеро, Альсемеро, Джасперино и слуги.

Де Флорес *(подавая перчатку)*. Прошу, сеньора.

Беатриса.

Подите прочь с навязчивостью вашей!

Рука моя их больше не коснется.

И эту тоже сброшу.

(Снимает и бросает вторую перчатку.) Подберите,

Пускай она вам к коже прирастет!

Уходит.

Де Флорес.

Вот милости ее — «идите прочь»!

Я вижу, что она скорее туфли

Наденет из моей дубленой кожи,

Чем разрешит мне палец затолкнуть

В свою перчатку. Я ей ненавиствен.

Но не любить ее я не могу,

И даже мучить мне ее приятно.

Пусть большего достигнуть не дано,

Я не сверну с дороги все равно!

Уходит.

СЦЕНА 2

Входят Алибиус и Лоллио.

Алибиус.

Я должен, Лоллио, тебе доверить

Один секрет. Умешь ты молчать?

Лоллио. Молчать я умею, как могила, сударь.

Алибиус.

Усердие, что я в тебе открыл,

Твоя предусмотрительность и ловкость

В меня вселяют добрую надежду

На будущее, Лоллио. Так вот:

Есть у меня жена.

Лоллио. Ну, сударь, нашли, о чем секретничать! Об этом каждая собака в городе знает.

Алибиус.

Неважно, Лоллио. Я допускаю,

Что эту вещь ни от кого не скроешь.

Но есть другая вещь — намного глубже,

Важнее и приятней.

Лоллио. Так давайте ее сюда, сударь. Поглядим, что это такое.

Алибиус. К тому-то, Лоллио, я и веду,
Моя жена юна!

Лоллио. Ну, сударь, это вам будет еще потруднее держать в секрете.

Алибиус. Теперь-то мы подходим к самой сути:
Я, Лоллио, старик.

Лоллио. Нет, сударь, это я, Лоллио, — старик.

Алибиус. Но разве это для любви помеха?
Деревья старые и молодые
Растут нередко вместе — и прекрасно
Между собою ладят.

Лоллио. Конечно, сударь. Старые деревья бывают куда выше и ветвистее, чем молодые.

Алибиус. Прекрасно сказано! Но вот в чем дело:
Я бы хотел носить свое кольцо
На собственном мизинце¹⁴; если носит
Его другой — оно уж не твоё.

Лоллио. Не надо его снимать. Чуть только снял и отложил — хоть на минуту, сейчас же кто-нибудь его и наденет.

Алибиус. Итак, ты понял, Лоллио; мне нужен
Хороший глаз, чтобы за ним следить.
Нельзя же мне не вылезать из дому!

Лоллио. Смею поклясться, сударь, что вам это никак нельзя.

Алибиус. Я должен быть всегда настороже.

Лоллио. Это понятно, что вы должны быть настороже, это каждому знакомо.

Алибиус. Тебе я, Лоллио, препоручаю
Смотреть за нею — и в мою отлучку
Быть за меня.

Лоллио. Сделаю все, что в моих силах, сударь. Только вот не знаю: к кому, собственно, вы собираетесь ее ревновать?

Алибиус. Вот именно! Вопрос первостепенный.
А сам ты как считаешь?

Лоллио. Сударь, у нас тут только два сорта людей, и все под кой — дураки и сумасшедшие: у тех не хватает ума, чтоб плу- ть, а у этих не хватает плутовства, чтобы дурачиться.

Алибиус. О, да! И это все — мои больные.
Лечу и тех и этих — без разбору;
И тем живу и даже процветаю.
Но наряду с доходом есть забота:
Я не хочу, чтоб те, кто посещает
Моих рехнувшихся в уме клиентов,
Глазели на мою жену. Я видел
Средь них немало молодых прохвостов —
Разряженных, с бесстыжими глазами,
С прельстительной фигурой и осанкой.
Вот, Лоллио, где адские соблазны!

Лоллио. Я знаю, как от них избавиться, сударь. Если они пришли поглядеть на дураков и сумасшедших, то мы с вами удов-

летворим их желание, пожалуйста. А ваша жена пускай сидит у себя, — она ведь ни того, ни другого сорта.

Алибиус. Отличная уловка, в самом деле.
Раз посмотреть пришли на дураков
И сумасшедших — так глядите вволю.
А на нее вам нечего смотреть,
Она ж не дура!

Лоллио. Я думаю, что она и не сумасшедшая.

Алибиус. Таким щитом и прикрывайся впредь.
Я на тебя надеюсь, как на крепость.
Который час, мой Лоллио?

Лоллио. Час брюха.

Алибиус. Пора обедать, хочешь ты сказать?
Двенадцать, значит?

Лоллио. Да, сударь. На каждую часть тела есть свой час. В шесть часов мы просыпаемся и продираем глаза — это час глаза; в семь часов молимся — это час коленок; в восемь выходим на прогулку — это час ноги; в девять — останавливаемся, чтобы понюхать розу и оросить цветочки, это час носа; в десять — пьем, это час рта; в одиннадцать — орудуем вовсю ради пропитания, это час руки; а в двенадцать — садимся обедать, это час брюха.

Алибиус. Как верно, Лоллио, как глубоко!
Твоим ученикам еще не скоро
Спуститься до подобной глубины.
Но погоди. Ко мне пришли как будто.

Входят Педро и Антонио в обличье слабоумного.

Педро. Бог, смилуйся над нами! Гляньте, сударь:
Вот зрелище красноречивей слов,
Оно вам сразу объяснит, в чем дело.

Алибиус. Да, да, все ясно, сударь: вы хотите,
Чтобы я взял его на излечение.

Педро. И если вашими стараниями удастся хоть как-то укрепить то, что в нем малость разболталось, то вот, сударь, образцы тех монет, которые последуют за этими (*дает ему денег*), не считая издержек на пропитание, стирку и все остальное.

Алибиус. Поверьте, сударь: сделаем, что можно.

Лоллио. Мне кажется, что служителю больницы тоже может кое-что причитаться, сударь. Все ведь через мои руки делается.

Педро. Кое-что перепадет и вашим рукам. (*Дает ему денег.*)

Лоллио. Спасибо, сударь. А уж я буду его холить и учить уму-разуму. Как его зовут?

Педро. Его имя — Антонио. Ну, да мы сокращаем наполовину, выходит просто Тони¹⁵.

Лоллио. Тони, Тони... Да, этого вполне достаточно. Очень славное имя для дурака. Как твое имя, Тони?

Антонио. Хи-хи-хи! Спасибо, братец.

Лоллио. Да он молодец! Выше голову: он умеет смеяться, из чего я заключаю, что он есть не скот, а человек¹⁶.

Педро. Итак, любезный,
Коль скоро вы сумеете его
Поднять хоть до какой-нибудь ступени
Соображенья, если хоть ползком
Он подберется иль на четвереньках
К престолу разума, иль дохромает
К нему на костылях, — такой исход
Прибавит славы вам и заведенью,
И вечно будет вас благословлять.
Семья, которой вы его вернете,
Вернув ему хотя бы часть рассудка.
Замечу вам, что это дворянин.

Лоллио. Да в этом никто и не сомневается. Я с первого взгляда признал в нем дворянина. На кого же он еще похож, как не на дворянина?

Педро. Прошу вас, чтоб уход был самым лучшим,
И комната — по первому разряду.

Лоллио. Не хуже, чем у моей хозяйки. И если вы предоставите нам время и средства, мы поднимем его до самой высокой ступени рассуждения.

Педро. Ну, так высоко не стоит, сударь.

Лоллио. Пожалуй, до уровня самых великих умов мы его навряд ли дотянем.

Педро. Нет, этого не надобно. Тяните,
Но не так сильно.

Лоллио. Я вам ручаюсь, что через пять недель он будет соответствовать любой должности. Я взвинчу его ум до уровня констебля!¹⁷

Педро. Пониже — тоже будет хорошо.

Лоллио. Нет уж, сударь. Поднять его ум до уровня городского старшины или церковного сторожа — значит, оставить его в том же самом состоянии. Нет, черт возьми, я возвышу его до констебля, и, если он впоследствии займет место судьи, пусть мне спасибо скажет. Или — была не была! — я его дотащу до своей собственной ступени, сделаю его таким же умным, как я сам.

Педро. Вот это то, что нам надо.

Лоллио. Решено. Или я сам сделаюсь таким же слабоумным, он, или он сделается таким же умником, как я. Или то, или то.

Педро. Вы рассуждаете великолепно.

Лоллио. Мало того, если я сам не стану дураком, я сделаюсь даже еще умнее, чем я есть. Запомните, пожалуйста, какой я сейчас.

Педро. Запомнил, сударь, и удаляюсь. Заботьтесь о бедняге, умоляю вас.

Алибиус. На нас вы можете спокойно положиться.

Педро уходит.

Антонио. Братец, братец, куда же ты, братец?

Лоллио. Тише, тише, Тони. Не плачь, детка, а то выпорю. Я — твой братец, Тони.

Антонио. Хи-хи-хи! Если ты — мой братец, я не буду больше плакать, хи-хи-хи!

Лоллио. Надо бы немного проэкзаменовать его мозги, чтобы знать, в какой класс его поместить.

Алибиус. Да, Лоллио, займись этим.

Лоллио. Начнем с простых вопросов. Тони, сколько пальцев у булочника на левой руке?

Антонио. Столько же, сколько на правой, братец.

Лоллио. Молодец! А на правой сколько?

Антонио. Кукиш с маслом, братец.

Лоллио. Прекрасный ответ. А теперь вот что скажи, братец Тони: сколько выходит дураков на одного умного?

Антонио. Да бывает до сорока в день, братец.

Лоллио. До сорока? А чем докажешь?

Антонио. Это — те, которые пораздерутся между собой, а мириться идут к судье.

Лоллио. Сметлив дурак! Его нужно посадить в четвертый класс, по крайней мере. А теперь вот что скажи, Тони: сколько плутов образуют одного честного человека?

Антонио. Этого я не знаю, братец.

Лоллио. Да, пожалуй, для тебя сложновато. Так я тебе сам объясню: трое плутов образуют честного человека — сержант, тюремщик и надзиратель. Сержант его ловит, тюремщик охраняет, а надзиратель вразумляет плетью. А если они не справляются, то виселица дает ему высшее образование.

Антонио. Ха-ха-ха! Правда, весело, братец?

Алибиус. Ты, Лоллио, поставил чересчур
Мудреную проблему для кретина.

Лоллио. Да, сударь, она, пожалуй, только вам по плечу. Эй, Тони, еще один последний вопрос, и можешь идти играть.

Антонио. Я буду играть в папу-маму? Хи-хи-хи!

Лоллио. Да, да, братец, будешь. А теперь скажи: сколько дураков...

Антонио. Два, братец: ты и я.

Лоллио. Осади назад, я не досказал. Слушай, Тони, внимательно мой вопрос. Сколько будет всего дураков и плутов: дурак позади плута, дурак впереди плута и между двумя дураками плут. Сколько дураков, сколько плутов?

Антонио. Я так далеко не умею считать, братец.

Алибиус. Мудреные вопросы задаешь!

Лоллио. Сейчас я ему все растолкую. Ну-ка, братец, вставай сюда.

Антонио. Эге, братец.

Лоллио. Хозяин, а вы — за дураком, в затылок.

Алибиус. И что будет, Лоллио?

Лоллио. А я стану здесь. Соображай, Тони. Вот дурак впереди плута.

Антонио. Это я, братец.

Лоллио. А вот дурак позади плута, это — я. А между нами,

двумя дураками, плут — мой хозяин. А всего нас сколько? Только трое, понял?

Антонио. Всего — трое. Эге, понял, братец.

Сумасшедшие шумят за сценой.

Первый сумасшедший. Ах, окаянство! Хлеба — курам на смех!

Второй сумасшедший. А ты лови ворон побольше!

Первый сумасшедший. Луку давайте, чтоб вас черти задавили!

Лоллио. По ним можно узнавать, который час. Звонят колокола Бедлама!¹⁸

Алибиус. Эй, тише, плетки захотели?

Третий сумасшедший. Ах, шлюха, шлюха!.. Мой сыр! Мой пармезан!

Алибиус. Тише, кому говорят! — Это их час, надо задать им корму, Лоллио.

Лоллио. Этот сумасшедший валлиец совсем безнадежен. Тронулся из-за мышей, которые обгрызли его сыр¹⁹. Сразу мозги набекрень.

Алибиус. Иди, Лоллио, приступай к своим делам, а я — к моим.

Лоллио. Вы, сударь, идите к своим сумасшедшим, а я останусь здесь со своими дураками.

Алибиус. И не забудь про мое поручение, Лоллио.

Уходит.

Лоллио (*вслед ему*). Из каких я, по-вашему, больных — из тех или из этих? (*Тони*.) Пойдем, Тони, отведу тебя к твоим однокашникам. Среди них есть способные ребята, некоторые уже склоняют *bolvanus, bolvani, bolvano...*

Антонио. Я бы, братец, пошел, если только они меня не укусят.

Лоллио. Не бойся, Тони, они не кусаются.

Антонио. Но за обедом все-таки кусают? Эге, братец?

Лоллио. За обедом кусают, Тони. Идем, я надеюсь разжиться а тебе, ты мне милее всех моих прежних воспитанников. И я желаю из тебя умного человека — или сам окажусь в дураках.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входят с разных сторон Беатриса и Джасперино.

Беатриса. Сеньор, я принимаю вашу службу.

Вы — верный друг. Спешите же с письмом,

И да хранит вас самый добрый ангел!
(Вручает письмо.)
Здесь — указанье времени и места.

Джасперино.

Я рад счастливым вестником служить!

Уходит.

Беатриса.

Какой прекрасный друг у Альсемеро!
Вот знак, что он умеет делать выбор.
Я убеждаюсь вновь, что не ошиблась,
Избрав его. Умеющий найти,
Кого облечь доверьем, верно, будет
При всяком выборе благоразумен.
Мне кажется, что я теперь люблю
С открытыми глазами — ясно видя
Высоких качеств блеск и неподдельность.
Достоинство сверкает, как алмаз,
Который виден и во тьме разлуки,
И даже ярче кажется тогда
Очам души. А что такое этот
Пиракуо, что на него отец
Так много тратит слов? — Отец печется
О чести собственной, а для меня
Осуществление его надежд —
Несчастье. Нужно что-нибудь придумать
Безотлагательно. Он так спешит
И так настойчив, что о новых чувствах
Нельзя и заикнуться.

Входит Де Флорес.

Де Флорес.

Вот она.

Будь я повешен, если я могу
Себя заставить не встречаться с нею.
Раз двадцать в день, не меньше, нахожу
Какие-то предлоги, порученья,
Чтоб на нее взглянуть. Хоть нет ни смысла,
Ни оправданья в этом, — с каждым разом
Она обходится со мной все хуже
И ненависти даже не скрывает,
Не переносит вида моего,
Как будто в нем опасность иль угроза.
Положим, что лицом я нехорош;
Но ведь иных, куда дурней меня,
Она не только терпит — отличает.
И эти вот ошипанные лица,
Костлявые, кривые подбородки,
Пять-шесть волос, что, разбежавшись врозь,
Попрятались в каких-то закоулках,
Морщины, как лохани, из которых

Скоты закоренелого порока
Лакают жижу лицемерных слез,
Рожденных в слякоти болотной глаза, —
Такие наслаждаются свободно
Блаженным лицезреньем красоты.
Пусть я игрой судьбы отброшен в слуги,
Рожден я дворянином. — О блаженство!
Она на мне свой взор остановила,
Все бури вытерплю за этот взгляд.

Беатриса *(в сторону)*.

Опять! Зловещий этот человек
Мне причиняет больше беспокойства,
Чем все другие вместе.

Де Флорес *(в сторону)*. Началось.

Я этот град стерплю, — пусть барабанит.

Беатриса. В чем дело, ну?

Де Флорес *(в сторону)*. О, как она нежна!

Нет сил уйти, не надышавшись ею.

Беатриса. В чем дело? Говори, чурбан застывший!

Ну, жаба?

Де Флорес *(в сторону)*. Град с куриное яйцо.

Беатриса. Кто вас послал и с чем? Подите прочь!

Де Флорес.

Мой господин, отец ваш, поручил
Вам передать известье.

Беатриса. Вновь известье?

Передавайте и идите к черту.

Де Флорес.

Благоволеньем награждают верность.

Беатриса. Известье говорите!

Де Флорес. Успокойтесь,

Беатриса. Прекрасная, сейчас я все скажу.

(в сторону).

Несносная, бессмысленная мука!

Флорес.

Сударыня, сеньор Алонсо де
Пиракуо, чей брат Томазо де
Пиракуо...

Беатриса. Настанет ли конец,

Несчастный раб?

Де Флорес *(в сторону)*. Настанет слишком скоро.

Беатриса. Так что ж такое?

Де Флорес. Названный Алонсо

И вышеупомянутый Томазо...

Беатриса. Опять?

Де Флорес.

Они сейчас сошли с коней.

Беатриса. Проклятье вашей новости! И это —

Причина, чтобы вы сюда явились,
Презреннейшая тварь?

Де Флорес. Мой господин,
Отец ваш, поручил мне...

Беатриса. Что ж, другого
Нельзя было сыскать для порученья?

Де Флорес. По счастью, я тут рядом оказался.

Беатриса. Подите прочь отсюда!

Де Флорес. Ухожу.

(В сторону.)

Искать пути, изобретать уловки —
Чтоб быть осыпанным такою бранью?
Но мне нельзя ее не видеть. Знаю,
Что буду целый час, как в лихорадке,
А там опять, переведа дыханье,
Как бык упрямый, брошусь к яркой тряпке.
Что это мне сулит — не знаю сам.
Но падать духом рано. Разве мало
Вокруг примеров неказистых лиц,
Любимых страстно вопреки рассудку?
Вчера — в грязи, сегодня, глядь, в фаворе,
Скандал для женщин — вроде развлеченья;
Как дети хнычут, прежде, чем уснуть,
Так женщины бушуют и бранятся
Пред тем, как покориться и отдаться.

Уходит.

Беатриса. Мне этот человек всегда внушает
Какой-то непреоборимый ужас,
И целый час я словно в лихорадке.

Мне надо переубедить отца.
Как только я его застану в духе,
Рискну; о, я едва не позабыла.
Средь малых неурядиц про свое
Несчастье основное!..

Входят Вермандеро, Алонсо, Томазо.

Вермандеро. Господа,
Сердечно рад обоим, но особо —
Вам, для кого любовь моя хранит
Название сына, — вам, наш сын Алонсо.

Алонсо. В сокровищнице чести нет, сеньор,
Прекрасней титула, чем это званье.

Вермандеро. Но вы его достойны. Дочь, готовься:
День свадьбы не заметишь как настанет.

Беатриса *(в сторону)*.

Но уж от ночи я оберегусь,
Во всяком случае.

Беатриса и Вермандеро разговаривают между собой.

Томазо.
Алонсо.
Томазо.
Алонсо.

Алонсо!
Да?

Я что-то радости в ней не приметил.
Ну, ты всегда был слишком строгий критик
В делах любви. Тебе не угодишь.
Когда на все взираешь с подозреньем,
Любовь становится плохую книгой,
В которой полный короб опечаток.

Беатриса (отцу).

Вот все, о чем прошу.

Вермандеро.

Пожалуй, верно.

Посмотрим, что наш сын на это скажет.
Мой сын Алонсо, предложение есть
Венчание отсрочить на три дня.
Причина веская — ведь прежний срок
Стеснителен.

Алонсо.

Хоть радости мои
Откладываются на столько дней,
На сколько я хотел бы их приблизить,
Раз так она желает — новый срок
Я принимаю с прежнею охотой.

Вермандеро.

Да будет между вами так всегда.
Сердечно рад.

Уходят Вермандеро и Беатриса.

Томазо.

Заметил ты, как холодно она
С тобой простилась?

Алонсо.

Холодно? Опять
Ворчишь, придира?

Томазо.

Ладно, я — дурак,
Что от беды хочу тебя избавить.

Алонсо.

О чем ты говоришь?

Томазо.

Твое доверье
Обмануто, обмануто жестоко.
Расстанься с этой пагубной любовью
Со всею быстротой, какую мудрость
Тебе внушит. Подумай, что за пытка
Жить с той, чье сердце отдано другому.
Источник радости ее — не ты,
Она с другим лежит в твоих объятьях.
Наполовину он — отец детей,
Которых ты зачнешь с ней. Как постыдно
И как опасно это положение,
И что оно родит — представить больно.
Ты говоришь так, словно бы она
Другого любит.

Алонсо.

Томазо.

До сих пор не понял?

Алонсо. Нет, как ты ни пугай, я в ней уверен.
Прибереги свои советы, брат,
Для пущей надобности. Я б расстался
Врагом — смертельным, яростным врагом —
С любым, кто бы посмел предположить,
Что ей известно даже это слово —
«Непостоянство», уж не говоря
О способах его употребленья.
Но мы — друзья. Прошу, не докучай
Мне этим впредь. Я многое стерплю,
Пока мою невесту не заденут,
А там уж я — не я. Любезный брат,
Прощай. Спасибо небу, что хранит
Любовь меж нами.

Уходит.

Томазо. Вот слепой безумец,
Что сам бросается в пучину мук!

СЦЕНА 2 Входят Диафанта и Альсемеро.

Диафанта. Сеньор, я позаботилась о месте,
А вы явились в срок. Да наградит
Вас радость непорочного свиданья.
Я слышу, госпожа идет сюда,
Не смею дольше с вами оставаться.

Уходит.

Альсемеро. Отлично. Этим маленьким плутовкам
Хозяйки доверяют, как ларцу,
Где самое заветное хранится.

Входит Беатриса.

Беатриса. Передо мною — все мои желанья.
Все, о чем молятся в святых молитвах
И что дарует небо, нисходя
К земной нужде, не может быть желанней,
Чем вы, — для глаз моих!

Альсемеро. Так схожи чувства,
Что лучше этих слов мне не найти.

Обнимаются.

Беатриса. Каким бы счастьем стала наша встреча,
Будь все иначе! Бедный поцелуй,
Есть у тебя свой враг, свой ненавистник,
Мечтающий, чтобы ты был отравлен!
О, если б вовсе не было на свете

Ни имени такого, как Пиракуо,
Ни уз таких, как принужденье старших!

Альсемеро.

Раз вы в отчаянье, и я несчастлив.
Но выход есть. Всего одна услуга
Два этих страха разом устранил.
Причина пропадет — и принужденье
Отступится.

Беатриса.

Я вас не понимаю.

Сеньор, скажите: о какой услуге
Здесь речь — такой нежданной и счастливой?

Альсемеро.

О доблестной услуге. Я сегодня ж
Пиракуо пошлю по форме вызов.

Беатриса.

Как? Вы хотите погасить мой страх,
В горящий пламень масла подливая?
Хотите рисковать собой, в котором —
Все радости мои? О нет, сеньор!
А если даже вы возьмете верх,
Опасности не кончены: закон
Захочет вырвать вас из рук моих,
Иль мрак изгнанья заживо схоронит.
Любой из двух путей — дорога скорби
Со смертью неизбежною в конце.
Молю, ни слова больше! Нет, сеньор,
Нет! не для вас кровавая резня.
Чтоб убивать, лицо убийцы нужно...
(В сторону.)

Одно такое я припоминаю.

Пожалуй, я тогда своим презреньем
Могла испортить дело. Но природа
Слепила же столь мерзкое лицо
Для некоторой цели, — для какой?
Мне и присниться не могло, как вдруг
Все обернется...

семеро.

Госпожа!

триса (в сторону).

А что?

Порой в руках искусных может яд
Служить противоядием. Так где же
Мое искусство?

Альсемеро.

Госпожа моя,

Вы слышите меня?

Беатриса.

О да, конечно.

День нынешний — союзник ненадежный.
Но завтрашний, вполне возможно, будет
На нашей стороне. Прибережем
Свою любовь до радостного часа.

Альсемеро.

Сеньора, вы преподаете мудрость.

Беатриса. Эй, Диафанта!

Входит Диафанта.

Диафанта. Вы звали?

Беатриса. Проводите господина
Так скрытно, как ввели его сюда.

Диафанта. Да, госпожа.

Альсемеро. Любовь моя тверда.

Располагайте ею, как хотите.

Выходят Диафанта и Альсемеро, затем входит Де Флорес.

Де Флорес *(в сторону)*.

Я все подслушал. Интересно знать,
Что станет с другим? Она ж не может
Обоим услужить, не согрешив.

А тут и я случайно подвернусь.

Ведь если женщина откроет счет,

Начав от единицы — от супруга,

Ее не остановишь: десять, сто

И тысяча, и скоро ей придется

Быть маркитанткой королевских войск!

Сейчас, мне кажется, я получу

Особенную трепку. Все равно,

Лишь возле быть.

Беатриса *(в сторону)*. Пускай он ненавистен.

И гадок мне, как юности цветущей —

Гробница, нужно ль это открывать?

Не лучше ли использовать его

Для собственной нужды?.. Вот он, прекрасно.

Де Флорес!

Де Флорес *(в сторону)*.

Как? С ума сойду от счастья!

Она меня по имени назвала —

Ни подлецом, ни плутом!

Беатриса. Что такое

Вы сделали приятное с лицом?

Умелый врач, должно быть, вам попался.

Похорошели сразу вы.

Де Флорес. О нет!

(В сторону.)

Физиономия точь-в-точь, как раньше,

Вся, до прыща, до волоска, клянусь.

Что это значит?

Беатриса. Подойдите ближе.

Де Флорес *(в сторону)*.

Я по уши в раю!

Беатриса. Так, повернитесь.
 Я посмотрю... Да это ж бугорочки
 От полнокровья — только и всего.

Де Флорес *(в сторону)*.
 Она меня коснулась! Вся она,
 Как амбра пахнет.

Беатриса. Я вам приготовлю
 Водичку, от которой все пройдет
 В полмесяца²⁰.

Де Флорес. Как? Этими руками?

Беатриса. Другим рукам я в деле врачеванья
 Не доверяю.

Де Флорес *(в сторону)*. Слушая ее,
 Я словно в судороге наслажденья.

Беатриса. Когда привыкнешь к грубому лицу,
 Оно уже и мило. Постепенно
 В нем время скрадывает недостатки.
 По опыту я знаю.

Де Флорес *(в сторону)*. Выпал час!
 Уж я не упущу такой удачи.

Беатриса. К лицу мужчине грубая суровость²¹.
 Она свидетельствует об усердье,
 Решительности, мужестве и силе.

Де Флорес.
 Мадам, клянусь, вы убедитесь в этом,
 Когда окажете мне честь, позволив
 Вам оказать услуги столько раз,
 Сколь захотите.

Беатриса. Мы вас испытаем,

Де Флорес *(в сторону)*. О, мой Де Флорес!
 Боже, что я слышу?
 Она меня назвала: мой Де Флорес!
 Мадам, вы, кажется, сейчас вздохнули?

Беатриса. Я — нет, не помню... Ах!

Флорес. И вот опять!
 Сомнений нет, мадам, я слышал дважды.
 Ваш вздох хотел бы словом разрешиться,
 Ах, как бушует он, стремясь на волю!
 Позвольте ему высказаться, сжальтесь, —
 Хотя бы шепотом.

Беатриса. О, если б я...

Де Флорес. О небо, если б вы!..

Беатриса. ...была мужчиной!

Де Флорес. Нет, боже сохрани!

Беатриса. Какая жизнь!
 Когда бы только я была мужчиной,

Никто б меня тогда не смел принудить
Венчаться с ненавистным! Я б сумела
Избавиться навеки от него.

Де Флорес.

Вы можете, не изменив природе,
Достичь желаемого. О мадам,
Пусть буду я — ваш избавитель!

Беатриса.

Вы?

Как это вдруг?

Де Флорес.

Доверьте службу мне,

Молю вас на коленях! (*Преклоняет колено.*)

Беатриса.

Вы слишком горячи, чтоб мне помочь.
В услуге этой — ужас, кровь, опасность.
Молить об этом?

Де Флорес.

Если бы вы знали,
Как сладостна мне будет ради вас
Вся служба, от начала до развязки,
Меня б вы упрекнули в недостатке
Восторженных и благодарных слов —
За это порученье.

Беатриса (*в сторону*).

Ну, довольно.

Мне кажется, что алчность движет им,
Горячка золотая.

(*Де Флоресу.*) Поднимитесь.

Де Флорес.

Сначала имя.

Беатриса (*в сторону*). Видимо, нужда

Его прижала.

(*Дает ему денег.*) Это вам — задаток.

Решились вы. Опасность велика,
Но и награда тоже.

Де Флорес.

Несомненно.

Я сразу понял, что награда будет
Великолепной, — и дрожу заране.

Беатриса.

Тогда расправьтесь с ним!

Де Флорес.

Я жажду — имя!

Беатриса. Алонсо де Пиракуо.

Де Флорес.

Он погиб.

Ему спасенья нет.

Беатриса.

Каким красивым
Вы кажетесь сейчас! Награда будет
Немедленной и щедрой.

Де Флорес.

Я уверен.

Беатриса.

Прошу вас: будьте крайне осторожны!

Де Флорес.

Не две ли наших жизни на кону?

Беатриса.

Все свои страхи вам препоручаю.

Де Флорес.

Они уже не смогут мучить вас.

Беатриса. Когда исполните, я вас снабжу
Всем, что потребуется для побега.
В другой стране вы заживете славно.

Де Флорес.

Да, да. Об этом — позже.

Беатриса (*в сторону*). Я избавлюсь
От двух своих закоренелых язв
В одно и то же время — от Пиракуо
И этой песьей морды.

Уходит.

Де Флорес.

Кровь моя!

Я словно сжал ее уже в объятьях!
Она своею шаловливой ручкой
Растрепливает бороду мою
И хвалит это грубое лицо
В горячке наслажденья. Страсть и голод
Порой довольствуются грубой пищей,
Едят вовсю, еще добавки просят,
И даже — вот что чудно — отвергают
Изысканные яства. Женский пол —
Чудной едок. — Я слишком разболтался.
Сюда идут. Вот человек, который
Без ужина сегодня ляжет спать
И завтра не поднимется к обеду.

Входит Алонсо.

Алонсо. Де Флорес!

Де Флорес. Да, мой добрый господин?

Алонсо. Я рад, что встретил вас.

Де Флорес. К услугам вашим.

Алонсо. Вы можете мне показать
Систему укреплений замка?

Де Флорес. Да.

Алонсо. Я очень бы хотел!

Де Флорес. И если только
Крутые лестницы и узкие проходы
Не утомят и не прискучат вам,
Ручаюсь, это будет интересно.

Алонсо. Я не боюсь устать.

Де Флорес. Тогда, сеньор,
Я — ваш слуга. Подходит час обеда.
Когда он кончится, я буду ждать
С ключами вас.

Алонсо. Спасибо, мой Де Флорес.

Де Флорес *(в сторону)*.

Он на меня спокойно положился.

А зря.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I Входят Алонсо и Де Флорес. В перерыве между актами Де Флорес прячет под одеждой обнаженную рапиру²².

Де Флорес. Нет, все ключи со мной. Я опасался,
Что нет ключа от потайного хода. —
Он здесь, а этот вот — от бастиона.
Да, все ключи со мной, мой господин.

Алонсо. Обширнейший и неприступный форт.

Де Флорес.

Еще не то вы скажете. Смотрите,
Здесь лестница узка, мы не пройдем
С оружием, оно обременяет.

Алонсо. Пожалуй.

Де Флорес. Разрешите вам помочь,

Мой господин.

Алонсо. Благодарю, Де Флорес.

Де Флорес.

Вот подходящий крюк, мой господин.
(Вешает шпаги.)

Алонсо. Ведите, я за вами.

Выходят в одну дверь и входят в другую.

СЦЕНА 2

Де Флорес.

Все это — пустыки, сеньор. Вы вскоре
Увидите такое, что едва ли
Предполагаете.

Алонсо. Я очень рад

Такой возможности. Все в этом доме
Воображают, что я взял гондолу²³.

Де Флорес *(в сторону)*.

Я, значит, вне опасности. Прекрасно.
(Алонсо.)

Мой господин, из этого окна
Все стены и дворы, как на ладони.

Алонсо. Как много бастионов!

Де Флорес. Да, сеньор.

Алонсо. Отличная система обороны.

Де Флорес.

А пушки видите? Металл отменный!
Они поднимут вам такой трезвон,
Как на больших похоронах! Теперь
Направьте прямо взор — на тот редут,
Там скоро мы окажемся.
(Достает спрятанную рапиру.)

Алонсо.

Направил.

Де Флорес.

И я! (Разит его.)

Алонсо.

Де Флорес, о, де Флорес,
Чьей злобой ты облекся?

Де Флорес.

А, шпионить?

Выпытывать? Молчи же! (Разит его.)

Алонсо.

О, о, о!

Де Флорес.

Молчи! (Разит его.)

Итак, исполнено неплохо.

Теперь тот склеп сгодится. Что такое
Сверкнуло мне в глаза? Ого, алмаз
На пальце; это — добрая находка.
Возьму. Что, не снимается, застрял?
Так вместе с пальцем снимем.

(Отрубает палец.)

Вот и все.

Теперь, во избежанье подозренья,
Скорее прочь улики преступленья!

Уходит, волоча за собой тело.

СЦЕНА 3

Входят Изабелла и Лоллио.

Изабелла.

Любезнейший, кто дал вам порученье
Держать меня все время взаперти?
Я — в клетке, может быть? Тогда хотя бы
Подсвистывайте мне, иначе скучно.

Лоллио.

Скучно, сударыня? Хорошо же, я согласен вам под-
вать, если вы будете мне подпискивать.

Изабелла.

Чья это прихоть — ваша или мужа —
Загнать меня в ограду, как овцу?

Лоллио.

Это хозяин распорядился. А, то еще прибудите на
чужое поле — вас там еще не так загоняют!

Изабелла.

Да, я гляжу, хозяин ваш — мудрец.

Лоллио.

Он говорит, что если вам охота возвращаться в обществе,
то для этого у нас и дома полно людей всякого сорта.

Изабелла.

Полным-полно, да всё — умалишенных!

Лоллио.

Очень хорошо; а где же вы найдете других? Здесь
у вас, по крайней мере, есть впридачу я и мой хозяин.

Изабелла.

Два сорта враз — дурак и сумасшедший.

Лоллио. Я бы даже их составил в одном лице, будь я на вашем месте: вот вы уже беситесь — так не пора ли подурачиться?

Изабелла. Каков нахал! Ну ладно же, представьте

Мне развлеченья вашего Бедлама.

Вы, кажется, сегодня похвалялись.

Одним свежеприбывшим идиотом,

Телесными избытками его

При недостатке мозговых извилин, —

И изъясняли мне, сколь любопытно .

И сколь прискорбно это сочетанье.

Мне бы хотелось убедиться, сударь,

Какая в этом прелесть.

Лоллио. Если я вам сейчас не покажу самого симпатичнейшего, самого рассудительного безумца на свете, я бы сказал, разумного безумца, можете назвать меня дураком.

Изабелла. Бьюсь об заклад, что так и назову.

Лоллио. Коли вас потянуло на помешанных, это всегда пожалуйста. Они у меня тут весь день скачут и резвятся, как хотят. Я им не мешаю: если все время мешать, то и помешаться недолго.

Уходит и вскоре возвращается.

Входите, сударь, и покажите себя, пожалуйста, с самой лучшей стороны.

Входит Франциск.

Франциск. Как она прекрасна! Одна морщинка у нее на лбу глубокомысленнее, чем все философии²⁴. Анакреон, пей здравие моей возлюбленной, пей со мной! Остановись! Паук в твоей чаше! Нет, не бойся, певец, — это только виноградная косточка²⁵. Пей до дна!

Изабелла. Увы! Увы! Все это слишком грустно,

Чтоб быть смешным. Как он сошел с ума?

Лоллио. От любви, хозяйка. Он был вдобавок поэтом, это дало первый толчок. Потом музы покинули его, и он сошел с ума из-за горничной, а была она обыкновенная карлица!

Франциск. О, светлая Титания, привет!

О чем ты здесь грустишь на берегу?

С дриадами танцует Оберон²⁶.

Фиалки, незабудки и нарциссы

Вплету я для тебя в венок стихов!

Лоллио. Подальше, сударь, подальше! Это вот видел?

(Показывает плетку.)

Франциск. Сдержи свой гнев, могучий Диомед!²⁷

Ты хорошо кормил своих коней,

Они тебе послушны. Преклоняет

Перед тобой колени Буцефал²⁸.

(Становится на колени.)

Лоллио. Видите, в каком страхе я держу свое стадо? У пастуха собаки не более покорны.

Изабелла. Мне кажется, в нем совесть не чиста.

Но он воспитан, видно по всему.

Франциск. Приблизься, Эскулап, но спрячь свой яд!

Лоллио. Ладно, спрятал. (*Опускает плетку.*)

Франциск (*поднявшись*).

Слыхали ль вы о некоем Тиресии²⁹,

Прославленном поэте?

Лоллио. Это который пас гусей?

Франциск. Тиресий — это я!

Лоллио. Не может быть!

Франциск. Молчи, не возражай. Я был мужчиной

Семь лет назад.

Лоллио. Скорее всего, подростком.

Франциск. Теперь я — женщина душой и телом.

Лоллио. Хотелось бы убедиться.

Франциск. Юноной ослеплен я.

Лоллио. Никогда этому не поверю. Не зря же говорят, что у женщины на один глаз больше, чем у мужчины.

Франциск. Юнона выжгла очи мне!

Лоллио. А Луна повредила мозги. Теперь тебе можно побираться под то и под это.

Франциск. Брюхатая луна на небосводе!

Летим со мной, мы унесемся ввысь —

Туда, к ее серебряному шару;

Обшарим куст и псу дадим пинка,

Чтоб громче лаял по ночам на ведьм,

И с ликантропов³⁰ рыскающих спустим

Их волчьи шкуры, чтоб сберечь овец.

(*Пытается схватить Лоллио.*)

Лоллио. Ах, вот как! Тогда придется тебе отведать моего яда, бешеный ты пес! Наскакивать на своего сторожа? (*Замахивается плеткой.*)

Изабелла. Ой, хватит, он становится опасным!

Франциск (*поет*).

О дорогая, сжался надо мной,

Позволь мне лечь с тобой!

Лоллио. Нет уж, убирайся в свою конуру.

Франциск. Она уснула! Тише, не шумите,

Над милой девой полог опустите!

Пусть все молчит, и только втихомолку

Любовь, как мышь, к ней прокрадется в шелку³¹.

Лоллио. А ну, давай иди в свою шелку, кому говорят!

Франциск уходит.

А теперь, хозяйка, я покажу вам дурака совсем в ином духе. Тони! Иди сюда, Тони, посмотри, кто здесь есть, Тони!

Входит Антонио.

Антонио. Это кто, братец, моя тетья?

Лоллио. Да, маленький, тетя. По крайней мере у ней есть все, что полагается иметь тете.

Антонио. Хи-хи-хи! Как поживаете, тетя?

Лоллио. Не бойтесь его, хозяйка. Это — смирный дурачок. С ним вы можете забавляться так же спокойно, как с его жезлом и погремушками.

Изабелла. Давно ли ты такой дурачок?

Антонио. С тех пор, как я здесь, тетушка.

Изабелла. Какая я тебе тетушка, дурак?

Лоллио. Э, хозяйка! Дураки себе везде отыщут родственников. Сумасшедшие (за сценой). Прыг-скок! Прыг-скок! Упал! Упал!

Изабелла. Послушай, Лоллио, там наверху
Воспитанники ваши расшалились.

Лоллио. Ну что, мне снова порядок наводить? Присмотрите за дураком, хозяйка, а я им сейчас покажу неистового Роланда³², этим бешеным.

Уходит.

Изабелла. Ну, сударь.

Антонио. Вот случай, о прелестнейшая! Нет,
Не удивляйтесь этой перемене!

Изабелла. Что, что?

Антонио. Под этим обликом безумца
Скрывается влюбленный — верный раб
И жертва ваших чар неотразимых.

Изабелла. Какой речистый дурень!

Антонио. Что ж такого?

Любовь умна по-своему. Она
Из всех наук дотошных выбирает
По капле знанья, как поэт искусный,
И сносит все в заветный свой тайник,
В свою кумирню...

Изабелла. Вы — опасный дурень!

Антонио. О нет! Мое оружие — любовь,
Она наносит сладостные раны.
Испробуйте ее стрелу, — и если
Она малейший вред вам причинит,
Вы отомстите мне двадцатикратно!
(Целует ее.)

Изабелла. На редкость предприимчивый дурак!

Антонио. Все, что я делаю, любовь диктует,
Она мне тысячи путей открыла.
Но этот путь я выбрал как ближайший
По Млечному пути — к моей звезде!³³

Изабелла. Вы слишком увлеклись, мой дурачок!
Все это — блажь, мечта...

Антонио. О, не смотрите
На внешние приметы безрассудства.

Скрывается за ними дворянин,
Влюбленный в вас!

Изабелла. Когда его увижу,
Тогда и потолкуем. А пока
Носите свой наряд — он вам подходит.
Как дворянина, я не стану вас
Разоблачать. Но милости другой
Не ждите. Что б вы там ни полагали,
Ручаюсь вам — вы дурака сваяли.

Входит Лоллио.

Антонио. И должен вновь... Хи-хи! Спасибо, братец,
Я буду вновь твоею Валентиной.

Лоллио. Как вам понравился дурак, хозяйка?

Изабелла. Сверх ожиданий, сударь.

Лоллио. Правда же, ужасно способный для дурака?

Изабелла. Ну, если он продолжит так, как начал,
Он далеко пойдет.

Лоллио. Это все — благодаря наставнику. Хотите послушать,
как он отвечает на самые разужасно трудные вопросы? Тони, сколько
будет пятью шесть?

Антонио. Пятью шесть будет шестью пять.

Лоллио. Какой математик ответил бы вам лучше? Тони, сколько
будет две тысячи и пять?

Антонио. Две тысячи и пять будет пять тысяч и два.

Лоллио. Ну, это уж, видно, за околицей его мозгов... Он больше
вам не нужен, хозяйка?

Изабелла. Нет, пусть еще останется немного.

Сумасшедшие (за сценой). Хватай, хватай, тащи их в ад³⁴!

Лоллио. Опять раскричались? Вот я вам сейчас! Хоть бы хозяин
поскорее вернулся! Не могу же я сторожить и тех, и этих.

Уходит.

Антонио. Для страсти и минута дорога!

Изабелла. Ну, началось! Уж лучше бы вы, сударь,
Придерживались вашей прежней роли.
Вам не идет вести такие речи
В наряде дурака.

Антонио. Могу ль я мерзнуть
Вблизи такого нежного тепла?
Могу ли равнодушно проходить.
По саду Гесперид — и не сорвать
Ни яблочка?³⁵ К румяным этим щечкам
Меня влечет...

На балконе появляется Лоллио.

Изабелла. Поосторожней, сударь,
Их стерегут гиганты.

Лоллио (*в сторону*). Вот как, дурень, ты и на это способен? Уж не читал ли ты Губкиуса?³⁶ Овидия он проходил³⁷, это видно. Пожалуй, стоит задать ему пару вопросов позаковыристей. Так, так...
Изабелла. Вы чересчур смелы.

Антонно.

Чего бояться,

Когда со мною — все мои желанья?
Лишь улыбнитесь — и Амур-проказник
Начнет играть на ваших нежных губках,
Приоткрывая их и вновь смыкая.
Взгляните на меня — и в вашем взоре
Увижу я свое несовершенство
И стану лучше. Знаю: этот вид
Мне не идет, но в зеркалах прекрасных
Я отражусь — и изменю обличье.

Лоллио (*показывая рожки*). Бе-е-е! Бе-е-е! (*Исчезает.*)

На балконе появляются сумасшедшие, изображающие разных птиц и зверей.

Антонно.

Кто это?

Изабелла.

Оробели, мой храбрец?

Не бойтесь: это школа полоумных.
Их ремесло — разыгрывать в ролях
Все образы своих шальных фантазий.
Творят, что захотят: с обиды — плачут,
Покажется им весело — смеются,
И подражают птицам и зверям:
Ревут ослом, щебечут, лают, блеют,
Все, что хотите.

Сумасшедшие уходят. Входит Лоллио.

Антонно.

Мне ничуть не страшно.

Изабелла. Сейчас вам будет...

Антонно (*замечая Лоллио*). Хи-хи-хи, мой братец!

Ой, как мне весело!

Лоллио. Хоть бы скорее хозяин возвращался что ли. Одному пастырю с двумя такими гуртами не управиться. Все равно, как одному священнику дать два прихода — или сам рехнется, или прихожане одуреют. Пошли, Тони.

Антонно. Пожалуйста, братец, позволь мне еще остаться.

Лоллио. Нет уж, садись за уроки, порезвился — и будет.

Изабелла. Ваш дурень оказался очень умным.

Лоллио. Да, складно говорит, нечего сказать. Пожалуй, он и вас скоро уговорит.

Уходят Лоллио и Антонно.

Изабелла.

Как дамбами не сдерживай поток,
Он брешь прорвет. Нам, женщинам, не надо
Искать греха — грех сам находит нас.
Как стрелку намагниченную — север,

Так женская краса влечет мужчин.

Входит Лоллио.

Лоллио. Ну что, моя шалунья?

Изабелла. Что такое?

Лоллио. Ничего. Просто один дурак может оказаться не хуже другого.

Изабелла. В чем дело?

Лоллио. Коль тебе интересно, каковы дураки на ощупь, попробуй меня. *(Пытается поцеловать ее.)*

Изабелла. Тварь дерзкая!

Лоллио. Могу возразить точно так же, как другой дурень:

«Чего бояться,

Когда со мною — все мои желанья?

Лишь улыбнитесь — и Амур-проказник

Начнет играть на ваших нежных губках,

Приоткрывая их и вновь смыкая.

Взгляните на меня — и в вашем зоре

Увижу я свое несовершенство

И стану лучше. Знаю, этот вид

Мне не идет...»

Ну, и так далее в этом духе. Разве это не глупо? Ах, котик-недотрога, поцелуй меня, моя царпочка. Я хочу послушать, как бьется твое сердечко. Я знаю, где ты прячешь райское блаженство. Туда идет моя ручка.

Изабелла. Довольно, о любезнейший! Я вижу, Вас вдохновил тот странствующий рыцарь Венеры, тот искатель приключений, Что домогается моей любви.

Вы будете молчать, как пень, как идол,

Иначе он по моему приказу —

Чтобы меня утешить — перережет

Вам глотку. Так ему и прикажу, —

Хотя бы для того, чтоб убедиться,

Как он мне верен. Поняли, любезный?

и о. Клянусь, я все понял и буду знать свое дурацкое место, а...

Изабелла. Молчите! Ваш хозяин.

Входит Алибиус.

Алибиус. Ну, здравствуй, женушка, как поживаешь?

Изабелла. Как пес на привязи, мой господин.

Алибиус. Фу, Изабелла, полно!

Изабелла. Вы бы лучше

Меня под стражу заключили, сударь.

Алибиус. Под стражу рук моих, в свои объятья

Я скоро заключу тебя, голубка. *(Лоллио.)*

Есть дело, Лоллио, есть порученье.

Послушай. Благородный Вермандеро,

Хозяин нашей крепости, готовит
Большое празднество в день свадьбы дочери,
Прекраснейшей Джоанны-Беатрисы.
И к нам он обратился с пожеланьем,
Чтоб наше сборище умалишенных
Венчало неожиданным финалом
Увеселенья³⁸ — в третью ночь от этой.
Смутить гостей явлением нелепым
И жуткое доставить наслажденье —
И только. Я же большее задумал.
Представь себе, что если б мы сумели
Поставить дикий и безумный танец³⁹:
Разнузданный, вихлястый, непотребный;
Чтоб мир свихнулся, глядя на него
(Неважно, после как-нибудь исправят —
Не в этом, — ну так в следующем веке),
Тогда бы, Лоллио, мы отличились
И заслужили щедрую награду.

Лоллио. Это совсем нетрудно, хозяин. У нас есть дураки с отменными танцевальными задатками. Причем самые лучшие наши танцоры — это самые тяжелые наши больные. Ничего удивительного — от прыжков и трясения мозга у них проваливаются книзу, так что в пятках скапливается куда больше ума, чем в голове.

Алибиус. Ты дал научное обоснованье,
Мой честный Лоллио, — и я спокоен.

Изабелла. Торгуете вы ловко дураками.

Алибиус. Что делать, коль других товаров нет?
Ведь надо ж как-то есть и одеваться.
Мы в ту же гавань, что и адвокаты,
Ведем суда — и вместе процветаем
На почве дураков и сумасшедших.

Уходит.

СЦЕНА 4 Входят Вермандеро, Альсемеро, Джасперино и Беатриса.

Вермандеро. Валенсия, я слышал, хвалит вас.
Жаль, у меня нет дочери другой.

Альсемеро. Сестра такого существа была бы.
Достойна короля.

Вермандеро. Когда-то, сударь,
Была сестра. Но небо обручило
Ее с отрадой вечной. Грех желать,
Чтобы она вернулась к сей юдоли.
Пойдемте же, друзья. Я покажу,
Чем утешается еще мой возраст.

Альсемеро. О вашем замке слава, как о чуде.

Вермандеро.

Ну, это чересчур...

Уходят все, кроме Беатрисы.

Беатриса.

Итак, отец

К нему благоволит, он принят в доме.
Все обернется к лучшему. Так мудрость,
За шагом шаг, стремится к верной цели.
И если ненавистное мне око
Померкнет — о, желанное затмень! —
Избранник мой взойдет светилом ярким
Перед отцом — в лучах моей любви.

Входит Де Флорес.

Де Флорес *(в сторону)*.

Душа пирует. То, что я свершил,
Не тяготит, но кажется дешевой
Ценой при мысли о вознагражденье.

Беатриса. Де Флорес!

Де Флорес. Госпожа?

Беатриса. Ваш вид вселяет

Надежду.

Де Флорес. Все совпало: время, случай,
Желанье ваше и моя услуга.

Беатриса. Так, значит...

Де Флорес.

Пиракуо не существует больше.
Мне радостью глаза заволокло.
Рождаясь, счастье плачет, как ребенок.

атриса.

лорес.

На память есть подарок вам.

са.

Подарок?

орес.

Хотя нельзя сказать, что добровольный.
Пришлось колечко вместе с пальцем снять.
(Показывает ей палец Алонсо.)
Спаси нас небо! Что вы натворили?

ать, по-вашему, не так ужасно?
труны сердца перерезал в нем.
е голодного, залезшей в блюдо,
сталось, что досталось.

Бе

Этот дар

Де Флорес.

Отец меня послать ему заставил.

А я заставил отослать обратно.
Ведь мертвым безделушки ни к чему.
Он так с ним неохотно расставался,
Как будто с плотью золото срослось.

Беатриса. Как с мертвого оленя — леснику,
Так, сударь, вам — пожива⁴⁰ с мертвечины.
Прошу, скорей заройте этот палец.
А камень... камень пригодится вам,
Он стоит около трехсот дукатов.

Де Флорес. Хотя на них нельзя купить ларца,
Чтоб спрятать совесть от червей грызущих,
Возьму. Ведь ныне и большие люди
Дарами не гнушаются, — чего же
Стесняться мне?

Беатриса. О том и речи нет!
Но вы ошиблись: это вам дано
Не как вознагражденье.

Де Флорес. Я надеюсь.
А то с презреньем бы отверг подачку.

Беатриса. Вы чем-то, кажется, оскорблены?

Де Флорес. Возможно ли, что преданность моя
Терпела бы от вас еще обиду?
Я оскорблен? То было б чересчур
Для сослужившего вам эту службу
И не успевшего еще остыть.

Беатриса. Мне горько, если я дала вам повод.

Де Флорес. Вот именно, что дали. Горько, да.
Мне тоже горько.

Беатриса. Это поправимо.
Вот здесь три тыщи золотых дукатов.
Заслуги вашей я не принимаю.

Де Флорес. Что — деньги? Вы терзаете меня!

Беатриса. Но, сударь...

Де Флорес. Или я из тех подонков,
Что режут ради денег? Выкупать
Кровь — золотом? За то, что сделал я,
Нет слишком дорогого воздаянья.

Беатриса. Не понимаю вас.

Де Флорес. За эту цену
Я нанял бы отпетого убийцу
И сладил дело, не марая рук
И совести своей не беспокоя.

Беатриса (в сторону).
Я — в лабиринте. Чем его насытить?
(Де Флоресу.)

Де Флорес. Я вдвое заплачу.
Таким путем
Вы лишь удвоите мои терзанья.

Беатриса (в сторону).
Бессмыслица какая! Где же выход?
Чего он хочет?
(Де Флоресу.) Умоляю, сударь!

Вам нужно скрыться — чем быстрее, тем лучше.
Быть может, вы стесняетесь назвать
Мне сумму, — так бумага не краснеет.
Лишь напишите — я отправлю вслед.
Бегите же.

Де Флорес. Тогда и вы — со мною.

Беатриса. Я?

Де Флорес. А иначе я не тронусь с места.

Беатриса. Что это значит?

Де Флорес. Разве вы не так же

Замешаны? Теперь мы заодно.

Поймите же! Побег мой неизбежно

Под подозрение поставит вас.

И тут не отвертеться.

Беатриса (*в сторону*). Это верно.

Де Флорес. Отныне мы так связаны судьбой,

Что врозь не быть нам!

(*Пытается ее поцеловать.*)

Беатриса. Как вы смели, сударь?

Де Флорес. Зачем меня дичатся эти губы?

Не так — совсем не так!

Беатриса (*в сторону*). Он обезумел.

Де Флорес. Целуй смелее!

Беатриса (*в сторону*). Я боюсь его!

Де Флорес. Так долго мне упрашивать невмочь.

Беатриса. Де Флорес, берегитесь! Вы забылись.

Нас выдаст это.

Де Флорес. Нет, скорее вас —

Вас упрекнуть в забывчивости можно.

Беатриса (*в сторону*).

Он дерзок, и виновна в этом я.

Де Флорес. Припомните, я вам помог в беде.

А ныне сам я — в горе. Справедливость

И состраданье требуют, чтоб вы

Мне помогли, поймите!

Беатриса. Не решаюсь!

Де Флорес. Решитесь!

Беатриса. Нет! Прошу вас — говорите!

Сотрите новыми словами след

От прежних слов — чтоб звука не осталось!

О! В следующий раз я не позволю

Так оскорблять себя.

Де Флорес. О, нет, мадам,

За прошлый раз еще не рассчитались.

Недаром я так жаждал порученья,

Как влаги — пересохшая земля.

Я на коленях вымолил его,

И что ж — напрасно? Золото отверг я

Не потому, что мне оно не нужно, —

Еще как нужно! Но всему свой срок.
Я ставлю наслажденье выше денег.
И если б я заране не решил,
Что ваша девственность — вне подозрений,
Я б деньги взял, хотя и с неохотой,
Как тот, что большей платы ожидал.
Возможно ли, чтоб ты был так жесток,
Таил в себе столь гнусное коварство?
Там — жизнь отнять, а тут — похитить честь?
Какая низость!

Беатриса.

Де.Флорес.

Беатриса.

Де Флорес.

Беатриса.

Де Флорес.

Беатриса.

Де Флорес.

Беатриса.

Де Флорес.

Беатриса.

Бросьте! Вы забылись!
В крови по локоть — говорить о чести?
Вот пасть греха! Уж лучше б я себя
Пожизненно мукою связала
С Пиракуо, чем это услышать!
Припомните, какое расстояние
Меж мной и вами — и держитесь в рамках.
Вглядитесь в книгу совести своей.
Она не лжива, и она вам скажет,
Что мы равны. Не надо родословной!
Происхождение не разделит нас,
Мы приходим от своих поступков.
И, значит, преимущество свое
Вы потеряли вместе с чистотою.
Поймите же, мадам, что вы теперь —
Одно со мной.

С тобою, негодяй?
О да, моя прекрасная убийца!
Сказать еще? Ты, девственная телом,
В душе распутница. Пришел второй —
Твой Альсемеро, и любовь былая
Забыта невзначай блудливым сердцем.
Но я клянусь — всей глубиной греха! —
Что если я не наслажусь тобою,
Он никогда тобой не насладится.
Мне нечего терять — я жизнь свою
Не ставлю в грош.

Сеньор!..
Я должен ныне
Покончить с этою чумой любовной.
Я истомлен. Огонь ее очей,
Как уголь, жжет!

О, выслушайте, сударь!
Пускай с любовью жизнь мне возвратит,
А нет — со мной разделит смерть и стыд!
Послушайте меня... (Становится на колени.)

Я вам отдам
И драгоценности мои, и деньги —
Все, чем владею. Лишь позвольте мне

Неопозоренной взойти на ложе,
И я — богачка.

Де Флорес.

Замолчи и знай:

Не выкупить сокровищами Индий
Мою добычу. Если ты способна
Слезами отвернуть судьбу от цели
Назначенной, тогда поплачь.

Беатриса.

Вот — мщенье.

Так преступленье тянет преступленье.
Что это за проклятье надо мной?
Ведь я же не покрыта чешуей!⁴¹

Де Флорес.

Свой стыд ты спрячешь на моей груди.
(Поднимает ее.)

Молчанье — вот условие блаженства.
И только лишь в покорности — покой.
Что, голубок, трепещешь и томишься?
Еще полюбишь то, чего боишься.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I

Входят гости. Вермандеро встречает их, выказывая удивление в связи с исчезновением Пиракуо. Входят Альсемеро с Джасперино и другими кавалерами. Вермандеро указывает на Альсемеро, и собравшиеся в зале знаками одобряют его выбор. Все уходит. Входит с большой пышностью Беатриса, в сопровождении Диафанты, Изабеллы и других дам. Де Флорес — вслед за всеми, усмехаясь в сторону. В это время перед ним появляется призрак Алонсо и пугает его, показывая руку с отрубленным пальцем. Процессия торжественно проходит по сцене.

Беатриса.

Что делать? Я погублена навек.
Несчастнее невесты не бывало.
Все думаю о предстоящей ночи,
И как мне предстоит сплестись в объятьях
С тем, кто так благороден и умен,
Так пронизателен — вот в чем несчастье! —
И трепещу от ужаса заране.
Перед его судом моя вина
Предстанет, как преступник уличенный,
Которому не скрыться. Умный муж —
Погибель женщины! Как ни взгляну,
Не вижу средства избежать позора.
Да что позора! — он меня придушит
В постели, как обманщицу и шлюху.
Куда как трудно в кости сплутовать
С искусным игроком! Вот дверь его.
И ключ в замке забыт, а сам он — в парке.

Отважусь и взгляну.
(Отпирает дверь.) Вот это да!
Тут все, как у врача: флаконы, склянки,
И надписи на каждом пузырьке.
Он, видно, медициной увлечен,
Наукою премудрой и глубокой.
А это что за толстый манускрипт?
Посмотрим: «Книга сокровенных тайн,
Рекомендуемое Питание природы»⁴².
Так, интересно... «Как определить,
Беременна ли женщина или нет».
Надеюсь, нет еще. А вдруг проверит?
Страница сорок пять... Да здесь закладка!
Мне кажется, что это неспроста.
(Читает.)

«Если вы желаете определить, беременна женщина или нет, дайте ей выпить две ложки белой жидкости из флакона С...»

А где ж флакон? А, вижу, — вот стоит.

«... и если она беременна, то впадет в сон и проспит двенадцать часов; если же нет, то нет».

Водички этой я остерегусь,

Ни с чем ее не спутаю отныне.

Конечно, можно бы разбить флакон

Иль молока туда налить. Но лучше —

Приметить. Что же дальше в ней, проклятой?

О, в сто раз хуже! «Как определить,

Является ли женщина девицей».

Захочет испытать — и я пропала!

До сей поры он вряд ли прибегал

К такому средству, неизменно веря,

Что я чиста. А вдруг как усомнится?

(Читает.)

«Забавный и безвредный, но истинный опыт изобрел Антоний Мизальдус⁴³. Дайте подозреваемой особе испить эликсира из флакона М, в количестве одной полной ложки, каковое произведет на означенную особу, буде она девица, три действия: во-первых, причинит ей зевоту, во-вторых — чихание и, в-третьих, — неудержимый смех. В противном случае оставит в безмолвии, тоске и удручении».

Вот страх какой! Пораньше бы узнать.

Но ничего, до вечера есть время.

Входит Днафанта.

Днафанта. Мадам, вы здесь?

Беатриса (в сторону). Вот честная девчонка

И неподкупная. Своим приходом

Она мне подсказала некий план.

(Громко.)

Я здесь искала моего сеньора.

- Диафанта (*в сторону*).
 Ах, был бы у меня такой же повод
 Его искать! (*Громко.*)
 Он в парке, госпожа.
- Беатриса. Ну что ж, тем лучше.
- Диафанта, Пусть себе обрыщет
 Все парки и леса, поля и горы.
 Поближе к ночи он найдет конурку
 Поближе. Полководцу Александру
 Вселенная казалась узка,
 А под конец хватило тесной ямки.
- Беатриса. Ты чересчур нескромна, Диафанта.
- Диафанта. А вы, сеньора, скрытны чересчур.
 Таков обычай всех невест на свете —
 Держать в секрете радость.
- Беатриса. Радость? Нет!
 Скорее, страх.
- Диафанта. Чего же тут бояться?
- Беатриса. Ты девушка, и это говоришь
 Такой же девушке — и не краснеешь,
 Бесстыдница!
- Диафанта. Вы это в самом деле?
- Беатриса. Представь я раньше, как мне будет страшно,
 Бежала б от мужчин!
- Диафанта. Не может быть!
- Беатриса. Не пожалела б тысячи дукатов
 Для той, что испытает за меня
 Страх этой ночи — и рассеет утром
 Мою боязнь. Тогда б и я решилась.
 А вы не шутите?
- Диафанта. Найди мне прежде
- Беатриса. Таковую женщину, и ты увидишь —
 Мне не до шуток. Но она должна
 Девицей быть, иначе ошущенья
 У нас не совпадут.
- Диафанта. О нет, мадам,
 Я вам найду девицу.
- Беатриса (*в сторону*). А иначе
 Я буду опозорена.
- Диафанта. Но всё же
 Чудно! Вы жертвуете первой ночью
 Со всеми радостями и вдобавок
 Еще и награждаете!
- Беатриса. Охотно.
- (*В сторону.*)
- Диафанта. Раз деньги могут честь мою спасти.
 Как это люди ищут вдалеке
 Тех добродетелей, что рядом с ними?
 Мадам, чтоб долго нам не говорить,

Я, так и быть, сама к услугам вашим.

Беатриса. Боюсь, прытка ты слишком для девицы.

Диафанта. Я — не девица? Нет уж, вы позвольте!

Пусть ваша благородная особа

Полна невинных страхов...

Беатриса *(в сторону)*. Страхов — да,

Но не невинных.

Диафанта. ... я с моею «прытью»

Не меньше целомудренна, чем вы!

Беатриса. Я рада это слышать. Ты согласна

Подвергнуть свою честность испытанью

Несложному?

Диафанта. Любому!

Беатриса. Погоди.

Уходит в комнату.

Диафанта *(в сторону)*.

Неужто же она меня обшарит,

Как узницу несчастную в тюрьме?⁴⁴

Беатриса *(возвращаясь)*.

Флакочик М? А, вот он. Диафанта,

Смотри, я отопью сама. *(Пьет.)*

Диафанта. Раз так,

Я не спрошу, что в нем, и тоже выпью. *(Пьет.)*

Беатриса *(в сторону)*.

Ну, если опыт выйдет — все в порядке,

Вздыхну я с облегченьем... началось!

Диафанта зевает.

Вот первый признак. Хорошо зевает.

Теперь посмотрим, как она чихнет.

Диафанта чихает.

Как из ружья! Нет, эликсир не лжет.

А мне, несчастной, хоть бы почесалось!

Диафанта смеется.

Все, как по-писанному, точка в точку.

Одно вслед за другим.

Диафанта. Ха-ха-ха-ха!

Беатриса. Ты что хохочешь?

Диафанта. Ах, как легко на сердце, как приятно!

(Смеется.)

Еще глоточек, госпожа.

Беатриса. Нет, завтра.

Успеется.

Диафанта. Мне снова стало грустно.

Беатриса *(в сторону)*.

И как легко проходит!

(Громко.) Ну, пойдём.
Тебя я завтра отблагодарю.

Диафанта. А все-таки, мадам, что это было?
Беатриса. Потом узнаешь. А пока нам нужно
Решить, как лучше дело провести.

Диафанта (в сторону). Прекрасно проведу, не беспокойтесь, —
Уж больно мне наездник по душе.

Беатриса. Ты ровно в полночь выйдешь потихоньку,
А я войду и лягу рядом с ним.

Диафанта. Все совершу, не бойтесь, без промашки.
Постель невесты! Тысяча дукатов!
Теперь я выйду замуж за судью,
С приданным-то! Пусть ищет виноватых.

Уходят.

СЦЕНА 2 Входят Вермандеро и слуга.

Вермандеро. Ты понял? Под угрозой честь моя,
Доныне бывшая вне подозрений.
Докладывай: кто из моих людей
Отсутствует.

Слуга. Антонио, сеньор, и Франциск.
Вермандеро.

Когда они покинули наш замок?

Слуга. Примерно десять дней назад. Один направился в Валенсию,
другой — в Бриамату.

Вермандеро. Их обличает совпадение дат.
Проклятие! Над нашим домом ныне
Нависло обвинение в убийстве
Пиракуо. А их отъезд — улика.
Немедленно повсюду разослать
Приказ об их аресте. Мы должны
Стереть пятно — иль обнажить пред всеми.
Собрать людей и снарядить тотчас!

Слуга уходит. Входит Томазо.

Томазо. Я вижу, снова на меня атака.
Вермандеро. Верните брата мне. Не кипятитесь!

Вы ищите не там.

Томазо. В крови врагов
Искать я буду правду⁴⁵. Это место
Должно мне отчитаться, где мой брат.
Я здесь его оставил, и все нити
Женитьбы этой, ставшей западней,

Дают мне основанье полагать,
Что он погублен.

Вермандеро. Зыбко основанье.

Вам это место может рассказать
О вероломном нарушенье слова,
О том, как он жестоко надсмеялся
Над неизменною моею любовью
И чувством дочки. Утро покраснело,
Узнав, как он предательски бежал,
Оставив нас позору и печали,
Глумлению и клевете молвы.

Томазо. И это — все?

Вермандеро. Достаточно о том,
Кто так добра не ценит. Вас же, сударь,
Предупреждаю ясно: вы здесь лишний.

Уходит.

Томазо. Нет, я не лишний там, где нужно мстить.

Входит Де Флорес.

А! Это ты, Де Флорес!

Де Флорес. Я, сеньор.

Скажите, вы не видели невесту?

Томазо. Избавил бог от вида этой лгуньи.

Де Флорес. *(в сторону)*.

Скорее бы убраться подобру.

Томазо. Я чувствую, он пахнет кровью брата.

Постой, дружище! Я припоминаю:

Мой брат любил тебя.

Де Флорес. Весьма, сеньор.

(В сторону.)

Как будто вновь его я убиваю,

Так живо все!

Томазо. Послушай-ка, приятель,

Ведь дружба старая сильна догадкой:

Кто мог свершить злодейство?

Де Флорес. Нет, сеньор,

Не знаю. Я по доброте своей

Ни в ком не вижу больше зла, чем есть

Во мне самом. Так где ж найти невесту?

Томазо. Прошу, не говори мне про нее,

Про эту нечестивицу.

Де Флорес. Да что вы!

Нет, миленькая, складная красotka,

Блажная, как все дамы. Может быть,

Что не безгрешна, — как и все они,

Что копят мелкие грешки под юбкой,

Пока не превратятся в старых ведьм!

Мне кажется, меня зовут, сеньор.

(В сторону.)

Быть рядом с ним невыносимо тяжело.

Уходит.

Томазо. Де-Флорес — прямодушный, честный малый.
И он еще докажет это всем.

А вот идет виновник торжества.
Но ничего, расчет меж нами близок.

Входит Альсемеро.

Сеньор...

Альсемеро. Вы здесь желанный гость, сеньор.

Томазо. Навряд ли. Да и быть им не стремлюсь.

Альсемеро.

Тогда какой же повод вас принудил
Пожаловать?

Томазо.

Будь проклят этот повод!
Не веселиться я пришел сюда
И не вином накачиваться вашим.
Чтоб жажду утолить мою, сеньор,
Нужна другая жидкость — подороже.

Альсемеро.

Мне непонятны ваши речи.

Томазо.

Время
И шпаги нам помогут столкнуться.
И вам еще придется дать отчет,
Какое вероломство помогло вам
Присвоить то, чего бы никогда
Вам не достичь в открытую!

Альсемеро.

Смотрите!
За эти речи нужно отвечать.

Томазо.

Отвечу, не тревожьтесь. А пока
Пируйте, празднуйте свою удачу!
Я боль свою на время затаю.

Уходит.

Альсемеро.

Недобрый признак. Распри омрачили
День торжества. Но я не виноват

Входит Джасперино.

Как будто бы... Есть новость, Джасперино,
Довольно странная.

Джасперино.

И у меня —
Куда как странная. Когда б я мог
Смолчать о ней, возможно, было б лучше
Для дружбы и доверия, сеньор.
Доверье гневается на усердьё

И охлаждает лишний пыл.

Альсемеро. В чем дело?

Дружище, пожалей мое терпенье.

Джасперино.

Все это, может статься, ерунда,

Пустая и докучная тревога...

Альсемеро.

Конечно, ерунда. Но в чем же дело?

Джасперино.

Все получилось из-за Диафанты,

Ей-богу, я люблю ее, сеньор;

Так вот: она на время отлучилась, —

А были мы в одной из дальних комнат,

Где обсуждали частные вопросы;

Едва она ушла, как за стеной

Почудился мне голосок невесты,

И сразу же за ним — другой, погромче,

Де Флореса.

Альсемеро. Де Флореса? Ты спятил?

Джасперино.

Не верил я ушам, но Диафанта,

Вернувшись, подтвердила.

Альсемеро.

Диафанта!

Джасперино.

Прислушавшись вдвоем, мы услышали

Слова, какими распалют женщин...

Альсемеро.

Молчи, угомони свое усердьё!

Оно опасно для твоей груди.

Джасперино.

Так, значит, правда гибельна для нас.

Альсемеро.

Такая правда — да!.. О, будь она

Красой и восхищением вселенной,

Пусть короли влюбляются в нее. —

Но с порченной я в постель не лягу!

Однако время есть. И я успею.

Все это разрешить, хоть ночь близка.

Не осуждай меня за эту вспышку.

Джасперино.

Друзей не осуждают.

Альсемеро.

Вот спасибо.

Я посвящу тебя в один секрет,

Его я сведал от халдейских магов.

(*Дает ему ключ.*)

Сходи ко мне и отыщи там склянку,

Помеченную буквой М, — и все.

А от вопросов воздержись покуда.

Джасперино.

Иду, сеньор.

Уходит.

Альсемеро.

Как это совместить?

Всего лишь час назад ее служанка
Описывала госпожу свою
Как самую стыдливую из дев,
Когда-либо рождавшихся на свете,
И чуть ли не молила, снисходя
К ее застенчивости, чтоб я принял
Свою невесту под покровом тьмы.

Входит Беатриса.

Беатриса (*в сторону*).

Пока все хорошо. Конечно, жаль
Отдать служанке радость первой ночи.
Но все же лучше поступиться этим,
Чем все терять.

Альсемеро

(*в сторону*). Греховны подозренья.
Ее лицо — святыня чистоты.
И все ж проверю. (*Громко.*)

О, моя Джоанна!

Беатриса.

Сеньор, я вас осмелилась просить
О милости. Простите страх девичий.

Альсемеро

(*в сторону*).
Она невинней голубя. Все — ложь.
Ее оклеветали, без сомненья.

Входит Джасперино с флаконом.

Джасперино.

Вы не один, сеньор?

Беатриса (*в сторону*).

Флакон — тот самый!

Джасперино.

Как вы сказали — с буквой М, сеньор.

Альсемеро.

Да, вижу.

Беатриса (*в сторону*). Значит, я — под подозреньем.

Альсемеро.

Отведайте, прошу вас, это средство.

Беатриса. Какое средство, мой сеньор?

Альсемеро.

Не бойтесь.

Беатриса.

Я не люблю лекарств.

Альсемеро.

На этот раз

Попробуйте, я за него ручаюсь.

Беатриса.

Вреда не будет?

Альсемеро.

Боже сохрани.

Беатриса

(*в сторону*).

Пушусь на хитрость. Действие я знаю.

Лишь притвориться надо половчей. *(Пьет.)*

Альсемеро *(в сторону, Джасперино).*

Напиток этот действует тройко
На девушек.

Джасперино. Ошибок не бывает?

Беатриса сначала зевает, потом чихает.

Альсемеро.

Клянусь святыми, так! Посмотрим дальше.

Джасперино.

Вот странный метод проверять девиц!

Беатриса. Ха-ха-ха-ха! Сердечную отраду
Вы подарили мне, мой господин.

Альсемеро.

Нет, это вы мне подарили ныне
Сердечную отраду.

Беатриса. Как, сеньор?

Альсемеро *(Джасперино).*

Гляди, она теперь как бы в унынье.
Запомни по порядку.

(Беатрисе.) О Джоанна!

Чистейшая, как ветерок небес,
Как лоно утра, где рождается день,
Моя любовь зовет тебя в объятья!
(Обнимает ее.)

Все уходят.

СЦЕНА 3 Входят Изабелла и Лоллио.

Изабелла. Неужто полнолуние родит
Забавные такие сочетанья?
Вот вам пример помешанного дурня,
Влюбленного лунатика.

Лоллио. Того,

Кто вам прислал письмо?

Изабелла. Сличите сами

Наружность и начинку — и судите.

(Дает ему письмо.)

Лоллио. Наружность ненормальная, сразу видно. На это у меня
глаз наметан. *(Читает.)* «Лучезарной Андромеде, первой даме Его
Светлости Рыцаря Солнца. В созвездие Скорпиона, в самую середку,
от кузнечного мастера Эола. Доплатное⁴⁶». Чистейший бред!

Изабелла. Теперь глядите, какова начинка.

(Берет письмо и читает.) «О моя повелительница! Содрав с себя, на-
конец, притворную личину безумия, предстаю перед Вашим судом
искреннейшим и верным рабом Вашей красоты».

Лоллио. Да и начинка бредовая!

Изабелла (читает). «Если Вы обнаружите во мне вину, вините свое совершенство, сделавшее меня несовершенно. Ведь одно и то же солнце заставляет расти и съезживаться...»

Лоллио. Ах, мошенник!

Изабелла (читает). «... творит превращения, губит и воскрешает. Я явился к Вам зимой, лишенный роскошного убора, но под весенним светом Вашей благосклонной улыбки я процвету и буду жить любя».

Лоллио. Конечно, плут, а все-таки — безумец!

Изабелла (читает). «Не растопчите жестоко вручающего свою честь Вашему великодушию. Я безумен с той поры, как увидел Вас, и от Вас зависит теперь мое исцеление. Всецело Ваш и сам уже не свой — Франциск».

Лоллио. Да, нам с хозяином нужно менять ремесло. Вы, я вижу, излечиваете дураков и сумасшедших куда быстрее, можно сказать, играючи.

Изабелла. Выходит, что так.

Лоллио. Одно должен вам сказать, хозяйка. Если вы с этими вашими способностями когда-нибудь сделаетесь министром и откроете свое дело, дурак я буду, если не захвачу себе свою третью долю!

Изабелла. Ты будешь, Лоллио, на первом месте.

Но в случае падения министра...

Лоллио. Я упаду на него.

Изабелла. Вот именно.

Лоллио. Что же! рисковать, так рисковать.

Изабелла. Теперь, скажите, как мне с ними быть?

Лоллио. А вам хочется с ними побыть?

Изабелла. Вернее, как мне обходиться с ними?

Лоллио. Как можно хуже. Этим вы сведете с ума дурака и одурачите сумасшедшего. А там из них можно хоть веревки вить.

Изабелла. Совет неплох. Я так и поступлю.

Где ключ от гардероба?

Лоллио. Вот он. (Дает ей ключ.) Пока вы подготовитесь, их тоже подготовлю.

Изабелла. В наружном смысле, — так, слегка...

Уходит.

1. Не беспокойтесь. Сердцевина ваша.

Входит Алибиус.

ус. Ну, Лоллио, готово представленье?

Нас Вермандеро ждет сегодня ночью

Для завершенья праздничных торжеств.

Лоллио. Сумасшедшие меня немного беспокоят. А с дураками все в порядке. Ну, и намучился же я с ними!

Алибиус. Нет, сумасшедшие не подведут.

Тут будет чем нелепее, тем лучше.

Смотрите только дам не напугайте,

Они такие нежные созданыя!

Лоллио. За сумасшедших не тревожьтесь, сударь. Они ведут себя смиреннее дам, когда чувствуют над собой палку.

Алибиус. Я бы хотел взглянуть на все заранее.

Лоллио. Как раз это я и собирался вам предложить. Посмотрите пока пляску бешеных. А у меня тут есть парочка дураков, вызывающих сомнение. Поучу их немного отдельно, а там покажем весь танец от начала до конца.

Алибиус. А я взгляну, готовы ль музыканты.

Да, кстати, как тут козочка моя?

На привязь не в обиде?

Лоллио. Немного, сударь. У ней есть кое-какие развлечения дома, но мало. Надо бы удлинить ей веревку.

Алибиус. Возьмем ее на праздник к Вермандеро.

Вот будет ей на месяц утешенья.

Лоллио. Что это у вас на лице, сударь?

Алибиус. Где, Лоллио? Я ничего не вижу.

Лоллио. Ах, простите, сударь, это — ваш нос. А мне показалось — хобот молодого слоненка.

Алибиус. Прочь от меня! Негодник! Дуралей!

Пойду готовить музыку.

Уходит.

Лоллио. Вы готовьте музыку, а мы попляшем. (*Кричит.*) Тони, где ты, Тони?

Входит Антонио.

Антонио. Я — здесь, братец. А ты где?

Лоллио. Иди-ка сюда, Тони, поучу тебя малость пешему строю.

Антонио. Мне бы лучше верхом поездить, братец.

Лоллио. Знаю, плетка тебя дерит! Только ничего у тебя не выйдет.

Подскакивай вот так, Тони, гляди — тра-ля-ля-ля! (*Танцует.*)

Антонио. Тра-ля-ля-ля! (*Танцует.*)

Лоллио. А теперь смотри: поклон вашей чести. (*Кланяется.*)

Антонио. Вот это и есть ваша честь⁴⁷, братец? (*Кланяется.*)

Лоллио. Да, с позволения вашей милости.

Антонио. Ваша честь должна сгибаться в заднице, братец?

Лоллио. Конечно. Так же, как и ваша милость и любое другоевашество, включая хлебопашество, откуда все и вышло. А теперь, гляди, подскок.

Антонио. Подскок — за честью, братец?

Лоллио. Само собой ясно. Ведь что такое честь? Подскочишь высоко, получишь под зад коленом, и летишь обратно на землю.

Ты запомнил свою фигуру, Тони?

Антонио. Да, братец. Как твою фигуру увижу, так сразу и свою вспомню.

Входит Изабелла, одетая как умалишенная.

Изабелла. Вот он уносится в небо! Берегись, ты опалишь себе крылья! Внизу много воска, Икар⁴⁸, мягкого воска, его хватит на целый год.

Упал! упал! как страшно он упал!
Скорее встань, о дерзкий сын Дедала!
Войдем с тобою в этот лабиринт,
Чего бояться с путеводной нитью?⁴⁹

Антонио. Прошу тебя, сестрица, отвяжись!

Изабелла. Так ты не утонул, смельчак? Я вижу
Над головой твою свиток туч,
Похожий видом на тюрбан турецкий.
И радуга, хамелеон небес,
Плащом свисает с плеч до самых ляжек.
Дай усмирить мне волны в этом чреве,
Впитать в себя их яростный прибой!..
Но берегись пиратов!

Антонио. Тыфу на тебя, отвяжись!

Изабелла. Зачем ты ввысь стремишься, как Меркурий,
Законного сыночка не родив?
Останься на Луне, Эндимион,
И укротятся бешеные волны⁵⁰,
Грозящие разбить мою любовь!

Антонио. Я дам тебе пинка, лишь только тронь,
Нахальная карга! Я не дурак.

Изабелла. Зато ты в точности, как я, безумен.
Неужто я, в отчаянье любви,
Нарочно вырядилась полоумной,
Чтоб так за это быть вознагражденной?
(Открывает лицо.)

Антонио. Прекрасная!

Изабелла. О нет, я не прекрасна.
Как видно, платье красило меня.
Прочь от меня, слепец! Тебе к лицу
Наряд дурацкий!.. Кажется, сама
От злости я сейчас сойду с ума.

Уходит.

О (вслед ей).

Постой — иль я, как ты, безумным стану!

Входит Лоллио.

Лоллио. Тони, что приуныл, дурачок?

Антонио. Какой тебе я дурачок, болван?

Лоллио. А не дурачок, так значит бешеный?

Антонио. Да, я взбешен. На это есть причина.

Могу тебе припадок показать

И так отделать, что чертей вспомнешь!

Лоллио. Не надо, не надо! А то я не дам сеньору прятаться за дураком. Да, я вас раскусил давно. Напрасно вы вешаете нос.

Моя хозяйка вас любит. В этом доме есть один прохвост — такой же сумасшедший, как вы дурак, — он ваш соперник. Но хозяйке он поперек горла. Если после представления вы избавите ее от этой обузы, то можете обременять ее сами.

Антонио. А верить тебе можно?

Лоллио. Да. Или можно выбирать — верить или не верить.

Антонио. Он больше ей не станет докучать.

Я позабочусь.

Лоллио. Тогда держитесь прежнего курса и не робейте.

Антонио. Скажите ей: любовь я заслужу.

Уходит.

Лоллио. Этот, видать, свое возьмет.

Франциск въезжает верхом на палочке.

Франциск *(поет)*. То под гору, то в гору, то под гору опять, чтоб наказать Латону и лук ее сломать...

Лоллио *(в сторону)*. Вот еще один притворщик. Сейчас я собою его с толку. *(Достает письмо и читает.)* «О моя повелительница! Содрав с себя притворную личину безумия, предстаю перед вашим судом искреннейшим и верным рабом вашей красоты».

Франциск. Ха! Что это?

Лоллио. «Вините свое совершенство, сделавшее меня несовершенным».

Франциск. Увы, дурак меня разоблачил.

Лоллио. Ничего, за дурака я с тобой расквитаюсь. *(Читает.)* «Всецело ваш и сам уже не свой — Франциск».

Франциск. Что ты читаешь, друг любезный?

Лоллио. Вашу судьбу, сударь. Быть вам повешенным за эту проделку — и еще кое за что.

Франциск. Ты облечен доверием хозяйки?

Лоллио. Завязкам на своем платье она так не доверяет, как мне.

Франциск. Так протяни мне руку, друг любезный.

Лоллио. Сперва я спрячу вашу к себе в карман. Ведь ваша рука? *(Прячет письмо.)* Честная у вас рука или она не щиплется? Лгать она умеет, я видел.

Франциск. Нет, ни в едином слове я не лгал.

Лоллио. Ладно. Если вы на самом деле любите мою дочь, так, как вы здесь расписали, очень можно надеяться, что ваша дочь будет исцелена:

Франциск. Она одна могла бы мне помочь.

Лоллио. Раз так, я вас больше не доверяю. Теперь я спускает вам лишнюю кровь.

Франциск. Возьми же вот — за прошлые грехи.

(Дает ему денег.)

Лоллио. Надеюсь, я заслужу еще, сударь. Она вас любит, но ей нужны доказательства вашей любви.

Франциск. О, я и сам об этом лишь мечтаю!

Лоллио. Не то, совсем не то. Вы должны встретиться с ее и вашим собственным врагом.

Франциск. Считайте, что он уже мертв.

Лоллио. Да что вы говорите — я с ним пять минут назад расстался.

Франциск. О, покажите мне его!

Лоллио. Вот теперь вы взяли верное направление. Вам обязательно надо его увидеть, прежде чем убить. Впрочем, нет нужды заходить так далеко. Это всего-навсего дурак, который преследует мою хозяйку под видом слабоумного. От вас требуется выколотить хорошенько пыль из этого чучела, и все.

Франциск. С большой охотой.

Лоллио. Подождите конца представления, и если вы сами не опознаете его во время танца, то я вам его покажу. А теперь — скорее в дом! Хозяин идет.

Франциск. Он вертит им, как хочет.

Уходит, пританцовывая. Входит Алибиус.

Алибиус. Отлично, Лоллио. Тут все готово?

Лоллио. Да, сударь.

Алибиус. Ступай и приведи их всех сюда.
Да пригласи на зрелище хозяйку.

Лоллио уходит.

(Кричит.)

Эй, слушай! Нет ли среди наших дурня

Неизлечимого, чтоб можно было

Устроиться к нему в опекуны?

Лоллио (за сценой).

Один такой найдется — круглый дурень!

Алибиус. Отлично, Лоллио!

Входят Изабелла, затем Лоллио с танцующими дураками и сумасшедшими.

Повеселей, ребята! Браво, браво!

Все наше будет — денежки и слава!

Уходят.

Э V

СЦЕНА I Входит Беатриса. Бьют часы.

Беатриса. Час ночи, а она — все с ним. Вот девка!

Она там думает лишь о себе

И жадно предается наслаждениям,

Забыв про честь мою и мой покой.

Грабительница! Но она заплатит.
Клянусь, с огнем играет эта дрянь,
В угоду страсти нарушая слово.
Я больше ей не верю. Может быть,
Что подозренья моего супруга
Шли от нее.

Бьют часы.

Пробило два. О ужас!

Входит Де Флорес.

Де Флорес.

Вы здесь?

Беатриса.

Де Флорес?

Де Флорес.

Да. Она не вышла?

Беатриса.

Все еще нет.

Де Флорес.

Должно быть, бес посеял
В ней похоть. Разве можно доверять
Служанке?

Беатриса.

Выбирать не приходилось.

Де Флорес.

Они же все — разнузданные самки,
Особенно, когда случится им
Хозяину служить. От этой сласти
Их палкой не отгонишь, как собак.
Не будь вы так быстры и своевольны,
Я б вам привел аптекарскую дочь,
Которая в одиннадцать ушла бы
Да с благодарностью.

Беатриса.

О, горе мне!

Совсем забылась эта потаскуха!

Де Флорес.

Мерзавке там неплохо. Скоро утро.
Глядите — звезды меркнут! Все пропало.

Беатриса.

Да, я погибла! Даже ваш совет
Мне не поможет больше.

Де Флорес.

Подождите,
Нам нужно их поднять любой ценой,
Не медля. Вот единственное средство.

Беатриса.

Но как? Не вышло б хуже.

Де Флорес.

Помолчите,
Иль я оставлю все, как есть.

Беатриса.

Прошу вас,

Спасите, сделайте хоть что-нибудь!

Де Флорес.

Мой план таков: я сделаю поджог
У Диафанты в комнате.

Беатриса.

Пожар?

В опасности окажется весь замок.

Де Флорес.

Бесчестье вам опасней, чем огонь!

Беатриса. Ах, делайте скорее, как решили.

Де Флорес.

В успехе я уверен. Разведу,
Огонь в камине, подожгу часть тряпок
И мебели, чтоб дыму было много,
Но до опасности бы не дошло.
И если Диафанту вдруг увидят
Вдали от комнаты ее, решат:
С испугу убежала от пожара;
А если не заметят в суматохе,
Она сама же прибежит, стыдясь,
К себе, а я уж буду наготове
С моим мушкетом — как бы для того,
Чтобы очистить дымоход от сажи, —
И ей конец.

Беатриса.

Люблю тебя сильнее

За то, что честь мою ты ограждаешь.

Де Флорес.

Как самого себя. И наша жизнь,
И радость — под угрозой.

Беатриса.

Ты подумал,

Как быть со слугами?

Де Флорес.

Я разошлю их

За лестницами, ведрами, баграми,
Устрою кутерьму... Не беспокойтесь,
Я все обдумал тщательно. И даже —
Как половчее тело сплавить с рук.
Ум очищается в огне. Готовьтесь
И ждите.

Беатриса.

Страх меня не отпускает.

Входит призрак Алонсо⁵¹.

Флорес.

А! это ты пытаешься затмить
Мою звезду? Я не боюсь тебя,
Исчадьё совести, клочок тумана!
Прочь, прочь отсюда!

Уходит.

Беатриса.

Что это, Де Флорес?

Мне страшно! Удаляется. Исчезло.

Призрак уходит.

Здесь, в доме, привиденье. Я дрожу,
Я вся в поту холодном от испуга.
Какая ночь ужасная!.. Ах, ведьма!

Будь у нее в груди хоть тыща жизней,
Он не отступится, пока не вынет
Последнюю. Чу, колокол опять.
Пробило три часа, клянусь святыми!

Голоса (за сценой).

Пожар! Горим! Горим!

Беатриса. Уже? Как он решителен и скор!

И как мне служит преданно и пылко!

Лицом не привлекает, а увидишь,

Каков на деле, — как не полюбить?

Прекраснее зари его услуги.

Голоса (за сценой).

Горим! Пожар! Пожар!

Входит Де Флорес, за ним — слуги. Звонит пожарный колокол.

Де Флорес (слугам).

Быстрее! Живей! за ведрами бегите!

За лестницей! за крючьями!

(В сторону.)

Отлично.

Колокола звонят. Огонь пылает.

Осталось только зарядить мушкет.

Уходит.

Беатриса. Как не любить его?

Входит Диафанта.

Ах, это ты,

Сокровище?

Диафанта.

Мадам, простите слабость.

Я потеряла голову от счастья.

Беатриса.

Да, натворила дел.

Диафанта.

Как вы сказали?

Беатриса.

Поторопишь-ка в комнату к себе.

Награда — следом.

Диафанта.

В мире не бывало

Такой прекрасной сделки.

Уходит.

Входит Альсемеро.

Альсемеро.

О Джоанна!

Такая рань, а ты уже проснулась,

Моя жемчужина!

Беатриса.

О да, сеньор,

Я спохватилась, что вас нет, и встала.

Альсемеро.

Пожар пустячный, нечего бояться.

Беатриса. Вы думаете?

Альсемеро.

Успокойся, радость,
Опасности, поверь мне, никакой.

Входят Вермандеро и Джасперино.

Вермандеро.

Помилуй нас господь!

Альсемеро.

Родитель ваш.

Входит Де Флорес с мушкетом.

Вермандеро.

Де Флорес, ты куда идешь с мушкетом?

Де Флорес.

Прочистить дымоход.

Уходит.

Вермандеро.

Вот молодец!

Он мастер на все руки, этот парень.

Беатриса. До крайности полезный человек.

Вермандеро.

Усерден, как собака на пожаре.

Его уж подпалило, я смотрю.

За сценой выстрел.

Его мушкет!

Беатриса (в сторону). Готово!

Альсемеро.

Дорогая,

Пойди приляг, — простудишься.

Беатриса.

Увы!

Я не уйду, пока не узнаю,

Что с бедной Диафантой. Ведь пожар

В той стороне, где комнаты служанок.

деро.

Однако отчего возникло пламя?

са. Как горничной, я ей не нахваляюсь.

Но в спальне у себя она небрежна

И легкомысленна. Уже два раза

Едва не доходило до беды.

Вермандеро.

Как, дважды?

Беатриса.

Да, по крайней мере дважды.

Вермандеро.

Такие сонные тетери в доме

! Опасны, так и жди от них несчастья!

Входит Де Флорес.

Де Флорес.

О бедная, несчастная девица!

Вермандеро.

Да что произошло?

Де Флорес.

Увы, увы!

Она сгорела.

Беатриса.

Господи помилуй!

Де Флорес.

Ее пожрало бешеное пламя.

Сгорела до смерти.

Беатриса.

О мое сердце!

Ты словно бы предчувствовало это.

Альсемеро.

Не плачьте так! Во имя тех объятий,

Которые соединили нас,

Молю, не плачьте!

Беатриса.

Я вам повинуюсь,

Хотя ее любила, как сестру.

Входит слуга.

Вермандеро. Какие новости?

Слуга. Опасность миновала. Можете отдыхать спокойно, сеньоры: Пожар совершенно потушен. Ах, бедная невинная девушка, как внезапно она погибла!

Беатриса. Де Флорес, схоронить ее останки

Вам поручаю. Ну, а мы, скорбя,

Пойдем за гробом. Я прошу и вас,

Супруг мой, оказать такую честь

Моей подруге.

Альсемеро.

Все, что хочешь, радость.

Беатриса. Кто первый дал пожарную тревогу?

Де Флорес.

Я, госпожа.

Беатриса.

И усмиряли пламя?

Заслуга здесь двойная, и она

Заслуживает награждения.

Вермандеро.

Верно.

(Де Флоресу.)

Я жду вас утром.

Альсемеро.

Как и я, сеньор.

Уходят все, кроме Де Флореса.

Де Флорес.

Еще и награжден? Вот это ловкость, —

Куда там мне! Нет, женщина, как видно,

Во всех сраженьях плоти и ума

Последний выпад делает сама!

Уходит.

СЦЕНА 2

Томазо.

Входит Томазо.

Все блага жизни для меня постылы.
Я так устал от общества людей,
Что в их словах я чую только ложь,
В приятельстве — расчет и вероломство.
И раз мне неизвестно, кто мой враг
И на кого мне ярость обратить,
Я должен в каждом видеть негодяя
И первого, кто попадется мне,
Считать убийцей брата⁵². Кто там ходит?

В глубине сцены проходит Де Флорес.

А, это — тот, которого зовут
Де Флоресом и кличут честным малым?
Как будто честность может ночевать
Под этой кровлей — прежде королева
Жилищем изберет чумной барак!
Его лицо во мне рождает дрожь
И отвращение⁵³. Малейший повод
Даст в руки мне игру против него.
Да он настолько мерзок, что противно
Меч о него марать, — столь ядовит,
Что кровь его отравит навсегда
Любой клинок, и выбросить придется
Оружье, непригодное уже
Для честной схватки. Как? Опять он здесь?

Входит Де Флорес.

Он здесь нарочно, чтоб мутить мне душу,
Подлец!

Де Флорес. Мой досточтимый господин!

Томазо. Ты смеешь подходить ко мне, ехидна?
(Бьет его.)

Флорес. Ах так? (Обнажает шпагу.)

Ты приготовился? Отлично!
Предпочитаю умереть от шпаги,
А не от яда, всыпанного в кубок!
(Обнажает шпагу.)

Флорес. Остановитесь, благородный рыцарь!

Томазо. Я знал: все отравители трусливы.

Де Флорес (в сторону).

Да, страшно мне... В его глазах кровь брата
Сверкает, как в магическом кристалле.
(Громко.)

Я с вас не стану требовать ответа,
Сеньор, но оскорбление стерплю,

Как мудрый адвокат; и даже буду,
Носить его везде, как знак отличья,
Полученный от доблестной руки.
(*В сторону.*)

Что с ним такое вдруг? Еще вчера
Он мне любовь выказывал открыто.
Но, видно, братнее чутье острее.
Подальше от него.

Уходит.

Томазо. Я с целым миром разорву союз,
Пока не нападут на след убийцы.
Простую вежливость — и ту отрину.
В той темноте, в которой я блуждаю,
Брат может вдруг обнять убийцу брата
И пожелать счастливого пути
Злодею.

Входят Вермандеро, Алибиус и Изабелла.

Вермандеро. О, сеньор Пиракуо!

Томазо. Нам не о чем беседовать, сеньор.
Ступайте дальше.

Вермандеро. Дай вам бог удачи!

Томазо. Сеньор, любезности я презираю.
А так как вы — из племени людей,
Для вас и ваших спутников, увы,
Я не припас хороших пожеланий.

Вермандеро. Сеньор, вы слишком увлеклись печалью
И не хотите разлучаться с нею.
А у меня есть новости для вас.

Томазо. Да ну?

Вермандеро. Сеньор, презрительной улыбкой
Не отвечайте на мое усердье.
Двоих людей, приближенных ко мне,
Я отдаю суду и вашей мести.

Томазо. О, неужели?

Вермандеро. За раскрытье зла
Благодарите их.

(*Указывает на Алибиуса и Изабеллу.*)

Томазо. О мой сеньор!
Коли взаправду вы дадите мне
Такое утешенье, — назовите,
Чем мне свою усмешку искупить,
И я исполню все с благоговеньем.

(*Преклоняет колено.*)

Вермандеро. Прошу вас, поднимитесь. С преизбытком

Заглажена вина. Теперь пускай
Алибиус расскажет все сначала.
Алибиус. Тут повезло моей жене — она
Особенно сильна в разоблаченьях —
Она открыла, что у нас, в больнице
Для сумасшедших, есть два симулянта,
Их имена — Антонио и Франциск.

Вермандеро.
Хоть оба — из моих людей, не стану
Просить о снисхождении для них.

Алибиус. Всего же подозрительней, что день,
Когда они под видом сумасшедших
Проникли к нам в больницу, совпадает
С днем преступления.

Томазо. Верная улика!

Вермандеро.
И более того, — я ради правды
Себя не пощадил бы — свой побег
Они прикрыли мнимою поездкой,
Поездкой в Бриамату, оскорбив
Мое доверье ложью.

Томазо. Что ж мы медлим?

Сеньор, вы подарили мне покой,
Которого за все богатства мира
Не купишь. Будьте мне проводником.
Я их настигну, словно гром небесный.
И в пепел негодяев обращаю!

Уходят.

СЦЕНА 3 Входят Альсемеро и Джасперино.

Джасперино.

Сеньор, предположенья подтвердились.
Итоги наблюдения в саду
Рисуют неприглядную картину.

Альсемеро.

Да, тщательно носимая личина
Всегда скрывает мерзкое лицо.
А ведь ее презрение к нему
Казалось безграничным.

Джасперино. Доберитесь

До правды. Нужно глубоко надрезать,
Чтобы нарыв раскрылся. Я боюсь,
Немало гноя выльется наружу.
Пока прощайте. Вот она идет
С прогулки. Ей пришлось вернуться в дом
Тайком, по коридору для прислуги.

Беатриса. Грудь моя, сеньор,
 Пред вами. Но сначала покажите
 То место, где любовь вы потеряли,
 Чтобы моя невинность, погибая,
 Могла поправить его.

Альсемеро. Непостижимо!
 Как раз туда вам лучше не ступать.
 Едва наступите ногой неверной,
 Провалитесь к чертям в тартарары!
 Сперва лицо вы прикрывали маской, —
 Теперь на нем уверенно сияет
 Бесстыдство. Как сумели вы стакнуться
 С тем, кто был прежде вам столь ненавистен —
 С Де Флоресом? Он зренье ваше ранил,
 А ныне сразу стал незаменим,
 Вы молитесь ему.

Беатриса. И это — все?
 Альсемеро. Нет, остается кое-что похуже —
 Измена ваша и прелюбодейство.

Беатриса. Тот, кто сказал вам это, — негодяй.
 Альсемеро. Могла бы засвидетельствовать это
 Служанка ваша, Диафанта.

Беатриса. Вот как?
 Альсемеро. Свидетельница, стало быть, мертва?
 Альсемеро. Боюсь, пришлось несчастной расплатиться
 За знание свое.

Беатриса. Так вот вам правда.
 Она ничуть не менее ужасна,
 Чем ложь, которой вы обольщены.
 Постели вашей я не изменяла.
 Вина в другом, чернейшем злодеянье
 Вас в этом убедит: я, вас любя,
 Убийцей стала.

Альсемеро. Что?
 Беатриса. Да, да, убийцей!
 Я ради вас отраву целовала,
 Змею ласкала. Этому злодею,
 Который показался мне пригодным
 Лишь для такого дела, я велела
 Несчастливого Пиракуо убить,
 Не видя больше никакого средства
 Соединиться с вами.

Альсемеро. Это храм
 Воззвал к отмщению — святое место⁵⁴,
 Где красота и страсть в злосчастный день
 Воспламенили грешную любовь,

Возвышенную загасив. Недаром
Боялся я; возмездие свершилось.
О, ты — чудовище!

Беатриса. Не забывайте.

Я совершила это ради вас.
Неужто надо с бедами смиряться.
Из опасенья худших зол?

Альсемеро. Уж лучше
Дать крюк в две тыщи лиг⁵⁵, чем перейти
По этому кровавому мосту.
Теперь все, все погибло.

Беатриса. Только знайте —
Я ложа брачного не оскверняла.

Альсемеро. Не ложе это было — мрачный склеп,
Не простыни — покровы гробовые,
Скрывающие черепа и кости!
Мне нужно время, чтобы все обдумать.
Тебя же в комнате пока запру.

Беатриса уходит.

Я буду сторож твой. С какого края
К сплетенью этих зол мне подступиться?

Входит Де Флорес.

Де Флорес. Вот он-то мне и даст ответ. Де Флорес!

К услугам вашим.

Альсемеро. У меня для вас
Есть новости, сеньор. Моя жена
Мне рекомендовала вас.

Де Флорес. Вот новость!
Она могла бы рекомендовать
Меня веревке — так я ей по вкусу.
Покорнейше благодарю сеньору.

Альсемеро. Здесь кровь у вас на рукаве, Де Флорес.

Де Флорес. Кровь? Нет, я кровь отмыл.

Альсемеро. Вот как? Отмыли?

Де Флорес. Да, в школе фехтования вчера
Я оцарапался. Что, есть пятно?

Альсемеро. Почти что нет. А все-таки заметно.
Да, кстати... Чуть не позабыл о деле.
Почем сейчас убийство?

Де Флорес. То есть как?

Альсемеро. Ну, ну, смелей! Жена мне говорила,
Что задолжала вам за тот удар,
Что вы Алонсо нанесли?

Де Флорес. Нанес?
Скорей проткнул насквозь, по рукоятку!
Она призналась, значит?

Альсемеро. Это значит,
Что вам обоим — смерть. Она призналась
И в остальном.

Де Флорес. Да что уж там осталось?
Блудница вам, а не жена досталась!

Альсемеро. Я так и знал. О дьявольское племя!
Как распознать вас под святой личиной?

Беатриса (за сценой).
Он лжет! Подлец клеветает на меня!

Де Флорес. Пустите к ней!

Альсемеро. Вы к ней сейчас войдете.
Уйми свои рыдания, крокодил!
Твоя добыча здесь.

(Де Флоресу.) Входите, сударь.

(Впускает Де Флореса в комнату.)

На этот раз я буду вашей сводней.

Отрепетируйте получше сцену

Распутства, чтобы вам не осрамиться

Перед косматой публикой в аду,

Где вой, и стоны, и зубовой скрежет.

Тесней прижмись к любовнице своей,

Она тебя проводит к Морю Мертвых;

Где канете вы в черную пучину.

Входят Вермандеро, Алибнус, Изабелла,
Томазо, Франциск и Антонио.

Вермандеро.

Сеньор, готовьтесь: я вас удивлю.

Альсемеро.

Нет, это я вас удивлю, сеньор.

Вермандеро.

Сеньор, есть у меня предположение,

Почти доказанное, об убийстве

Пиракуо.

Альсемеро.

А у меня, сеньор,

Есть доказательство, что исключает

Предположенья.

Вермандеро.

Слушайте меня.

Вот эти двое, изменив обличье,
Сбежали в день убийства.

Альсемеро. У меня
Есть тоже двое, скрывшие обличье
Со дня убийства.

Вермандеро. Дайте ж досказать.
Вот эти двое слуг...

Альсемеро. Не виноваты.
Другие двое, что вам ближе слуг,
Их оправдают.

Франциск. Вот святые души!
Томазо. Вы перебрасываетесь словами,
А дело отлагательства не терпит.
Кровь моя требует: отдайте брата —
Живого или мертвого. А если
Убит он, пусть последует возмездье
За прелюбодеянье и убийство.

Беатриса (за сценой). О! О! О!

Альсемеро. Возмездье, слышите?
Де Флорес (за сценой). И я с тобой!

Беатриса (за сценой). О! О!

Вермандеро. Какой ужасный крик! Кровь леденеет.
Альсемеро. Эй, вылезайте, дьявольская двойня!

Выходит Де Флорес с раненой Беатрисой на руках.

Де Флорес. Сеньоры, если что-нибудь еще
Сказать хотите нам, — прошу скорее,
Пока способность слушать есть во мне
И в этом сломанном ребре Адама.

Вермандеро. О! Враг, ворвавшийся в мою твердыню,
Не поразил бы так! Джоанна, дочь!

Беатриса. Не подходите, чтоб не замараться.
Я — кровь дурная, что для вашей пользы
Врач выпустил. Не надо и глядеть, —
Скорее выплеснуть ее в канаву.
Нет, мне не звезды путь предначертали,
А этот падающий метеор⁵⁶.
Я не могла судьбы своей избежать,
Хоть отвращенье было мне намеком
Пророческим. С ним пала честь моя,
А ныне жизнь. Послушай, Альсемеро,
Ты был обманут в свадебную ночь.
Не я была с тобою, а другая,
Убитая за это.

Альсемеро. Диафанта!

Де Флорес. В то время как с невестой под кустом
Погрелся я. Теперь в аду нам греться.

Вермандеро.

Мы все повержены в крошечный ад!

Де Флорес. Ее любил я, вопреки всему.

И заслужил ее любовь, убив
Пиракуо.

Томазо.

А, вот убийца брата!

Де Флорес. Да, и она со мною расплатилась.

Невинностью. Благодарю судьбу
За эту лишь единственную радость —
Столь сладостную, что я выпил все,
Другому не оставив даже капли,
Чтоб чокнуться со мною.

Вермандеро.

Негодяй!

Ты не умрешь без пыток и мучений!

Де Флорес. Как бы не так! Мой нож еще при мне.

Одну лишь нить осталось перерезать.

(Закалывается.)

Сеньоры, я избавил вас от мести.

Как я учил, Джоанна, ну же! — вместе.

(Умирает.)

Беатриса. Прощайте, мне не страшен приговор.

Смерть — избавленье, если жизнь — позор.

(Умирает.)

Вермандеро.

О небеса! Какой ужасный час!

Теперь навеки я покрыт позором.

Альсемеро. Да не коснется вас молва худая,

Да не посмеет ни в глаза взглянуть,

Ни за спиной шептаться. Справедливость

Так метко поразила виноватых,

Что сняты подозрения с невинных,

И радость жизни вновь им отдана.

(Томазо.)

Сеньор, теперь вы знаете всю правду,

Для скорби вашей утешенье есть.

Сеньор, я этим удовлетворен:

Враги мои мертвы передо мною.

Чего же больше? Разве что душе

В погоню броситься за беглецами,

Чтобы настичь их вновь в стране теней

И отомстить вторично. Но чужда,

Страшна моей душе такая ярость!

Альсемеро. Как мутен и изменчив в этот раз

Лик полнолуны!⁵⁷ Сколько превращений!

Краса оборотилась безобразным

Прелюбодейством; преданность слуги —

Ужаснейшим из всех грехов, убийством;

Я сам, себя воображая мужем,

Распутничал. Но счета сведены.

(Томазо.)

А вы, сеньор, вы от слепой вражды
Отныне обратились к зрячей дружбе.
Ну, кто еще?

Антонио. Я, сеньор. Вышло так, что моя маленькая дурь обернулась такой здоровенной глупостью, что чуть-чуть веревка не обернулась вокруг моей шеи. Это счастье, что вы, сеньор, меня спасли, доказав мою чистоту и невинность.

Франциск. Выходит, что я тоже превратился
Из сумасброда — в сущего безумца
По воле тех же самых обстоятельств.

Изабелла (Алибиусу).
Лишь ты не переменишься никак.

А надо бы, ревнивый дурачина,
И впрямь ты создал школу дураков
Да их на голову себе же учишь!

Алибиус. Жена, я образумлюсь и отныне
Столь оборотистых учеников,
Как эти двое, в шею буду гнать.

Альсемеро (Вермандеро).
Сеньор, я к вам привязан долгом сына,
Не отвергайте преданность мою.
Пусть печаль, из ваших глаз излившись,
И сердце ваше тоже облегчит;
С печалью нас могила разлучит.

ЭПИЛОГ

Альсемеро (к зрителям)⁵⁸.
Не в наших силах возместить утраты,
Смягчить печаль горюющего брата,
Утешить безутешного отца;
Мы этим лишь разбередим сердца.
Но ваше доброе расположение
Исправить может это положение,
Оно способно мертвых воскресить
И брату снова брата подарить,
Отцу — дитя родное, и так дале.
Коль будет так, примирены печали.

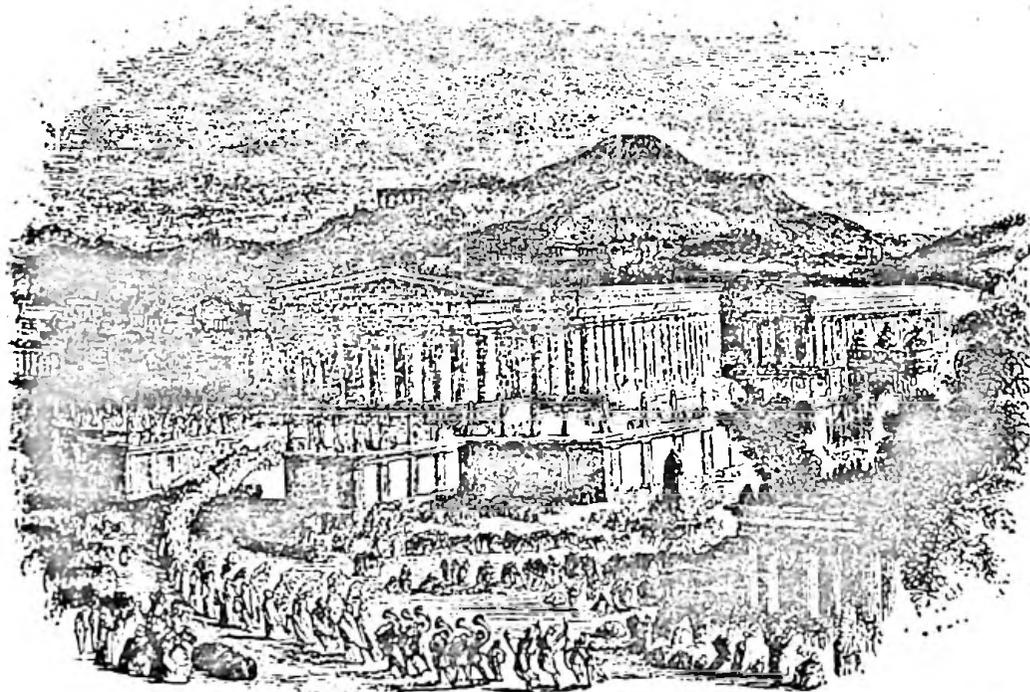
Все уходят.

Джон Форд

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Трагедия
в пяти действиях

*Достойнейшему из носителей
высокоблагородных титулов
Уильяму, лорду Крэвену¹,
барону Хэмпстед-Маршалла*

Милорд!

Бессмертная слава громкого имени, заслуженного славнейшими деяниями, во все века служила его памяти как наиправдивейшая хроника. Исходя из этой посылки, Ваше стремление к совершенству (уже в ранней молодости) запечатлело на бумаге столь искреннюю, столь сообразную во всех отношениях историю Вашей жизни, что потомки, читая ее с наслаждением, не могут не воздать по заслугам достохвальным поступкам, равно как сказанные достохвальные поступки не могут не рассчитывать на то, чтобы потомки оценили их по достоинству.

Многие нации, многие взоры стали свидетелями Ваших добродетелей и полюбили их². Соболаговолите же по щедрости природной особо отличить среди тех, кто преклоняется перед замечательным образцом благородства, одного из Ваших почитателей. Есть своего рода непоказное честолюбие в том, что кабинетное молчание взрывается речью, желающей вызвать не столько рукоплескания, сколько слово ободрения; и однако же как часто благосклонное сочувствие высокого покровителя оборачивается суровым приговором.

Я всегда с опозданием воздавал хвалу великим мужам, что, как я знаю, повсеместно почитается за серьезный изъян; при всем при том справедливость, такую Вы судите произведения искусства, укрепляет мои робкие надежды на то,

Вы явите пример милосердия, как являли пример отваги в виду смертельной сноти.

Ваша светлость искала проявить себя перед миром (когда миру еще предстояло нас) своевольными и вместе замечательными делами. Позвольте же и мне всеннейше перед Вашей светлостью, отдавая на милостивый суд, идущие от самого сердца, которое так же восприимчиво ко всякому как бесконечно щедр на них тот, чьим неизменным и преданнейшим ющимся его природной приверженностью к добродетелям, ныне.

Джон Форд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Амикл, царь Спарты.

Итеокл, фаворит.

Бассаний, ревнивый вельможа.

Армост
Кротолон } архонты.

Оргил, сын Кротолона.

Профил, друг Итеокла.

Неарх, принц Аргоса.

Текикус, философ.

Хемофил
Гронея } придворные.

Амел, приближенный Неарха.

Фулла, слуга Бассания.

Каланта, дочь царя.

Пентея, сестра Итеокла.

Эфрания, сестра Оргила.

Кристалла
Филема } фрейлины Каланты.

Граусна, нянька, приставленная к Пентее.

А также:

Фраз, отец Итеокла, умерший к началу действия.

Аплот, вымышленное имя, которым пользуется переодетый Оргил³.

Вельможи, слуги, певчие хора.

Место действия — Спарта.

ПРОЛОГ

Пред нами — Спарта. Автор, чтя искусство,
Вложил в творенье подлинное чувство.
В «Разбитом сердце» плоских шуток нет,
Здесь вам не сатирический портрет
Известных лиц; отсутствуют моменты,
Рассчитанные на аплодисменты
Борделя и пивной: утробный смех —
Дешевая награда за успех.
Те только песни и пристали Музе,
Где сладкозвучность с чистотой в союзе;
От них, как черт от ладана, порок
Бросается тотчас же наутек.
А посему нам следует стремиться
Не преступать приличия границы.
Вдруг здесь найдут лишь вымысла печать?
Ведь правду стало трудно различать.
Так помните: внимая ход событий,
Печаль и радость с нами разделите.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

Входят Кротолон и Оргил.

Кротолон. Зачем темнить? Иль повод есть, чтоб так
В дорогу торопиться?

Оргил. Повод, сударь?

Их много.

Кротолон. Назови хотя б один,
Не то не отпущу тебя в Афины.
И почему Афины? Хочешь мир
Переустроить? К стойкам примкнуть?
Стать киником? Поднатореть в софизмах?
Войти в Ареопаг, чтобы вершить
Делами государства?⁴ Но пушок
На подбородке вряд ли предвещает
Столь бурный взлет.

л.

Я знаю.

Кротолон.

А раз так,

Ты можешь утолить свой книжный голод,
Не выезжая за пределы Спарты.
Здесь и учись.

Оргил.

Отец, не в этом дело.

Кротолон.

Так в чем же? Ты мой сын и ты обязан
Сказать всю правду мне.

Оргил.

Что ж, воля ваша.

Как вам известно, после долгой распри,
Питавшей ненавистью плоть и кровь,
После усобиц, уносивших жизни
Тех, кто в союзе был с покойным Фразом,
И тех, кто с вами был, — наш царь Амикл
Развел бойцов и мир провозгласил.
Тогда вы с Фразом в дружбе поклялись,
А для того, чтобы ее упрочить
И наши семьи накрепко связать,
Решили вы — пусть узы Гименея
Прекрасную Пентею, дочку Фраза,
Со мною свяжут.

Кротолон.
Оргил.

Ну и что?

А то,

Что частые беседы и признанья
В любви безгрешной сплавляли сердца
В такой союз, что разорвать его
Бессильно время. Мы могли познать
Всю радость обладания друг другом,
Когда б жестокий рок не оборвал
Жизнь Фраза.

Кротолон.
Оргил.

Да, пожалуй.

С той минуты

Стал разрастаться ядовитый куст,
И вскоре волчья ягода созрела —
Моих надежд смертельная отравка:
То брат ее, кичливый Итеокл,
Решил, своею властью упиваясь,
Разжечь былую рознь. И вот из мести
Он вынудил несчастную сестру —
Где хитростью, а где прямой угрозой —
На брак с Бассанием, чье состоянье
И титулы, увы, мне и не снились.
Но это не предлог, чтоб дозволенье
На свой отъезд испрашивать.

Кротолон.

Оргил.

Сейчас

Вы все поймете. Бессердечный брат
Заставил несравненную Пентею
Бассанию отдать... но заставить
Отдать и сердце — трудно, ведь оно
Принадлежит другому. И тогда
Рабыню сделал из жены Бассаний
И положил преграду между нею
И тем, кому довольно было слышать
Ее прелестный голос.

Кротолон.
Оргил.

Ты о чем?

Назвав ее женой, Бассаний понял,
Каким он обладает совершенством,

И эта мысль чудовищную страсть
В нем породила; та же, в свой черед,
Вскормила страх, что ревностью зовется.
Он знает: восхищаясь этим храмом,
Все прославляют красоту его⁵.
Но... как бы кто-нибудь из пилигримов
Не посягнул однажды на алтарь!
Так рассуждает этот недостойный —
Не потому, что ветрена супруга,
А потому, что мнителен он сам.
Как много слов!

Кротолон.
Оргил.

На сердце накипело.
Наслышан о моем к Пентее чувстве,
От ревности вконец он обезумел:
А ну как вновь я окажусь в фаворе
И стану добродетельность ее
Испытывать! Я чист перед богами,
И все же лучше мне себя обречь
На добровольное изгнание. Этим
Я возвращу Бассанию покой,
Ту, что люблю, избавлю я от пытки,
И сам, быть может, уврачу раны,
Которые здесь так кровоточат!
Довольно, сын, довольно! Путь в Афины
Тебе открыт. Несчастливая Пентея!
Я буду ждать вестей.

ДЕРТОЛОН.

СЦЕНА I

Не беспокойтесь.

Кротолон

Входит Эфрания.

Оргил. он.
ия.

Твоя сестра. Проститесь.

Милый брат!

Кротолон

Дай на щеке твоей запечатаю
Я поцелуй — мне жизнь не дорога,
Но он пускай тебя оберегает
И имя доброе твое. Прощаясь,
Хочу я, и в присутствии отца,
Просить тебя...

ия.

Вы лучше прикажите.

Пообещай, что руку не отдашь
Ты никому без моего согласия,
Хотя б он был достоин и имелось
Отцовское благословенье.

ания.

Что ж,

Охотно обещаю.

Оргил.

Поклянись.

Эфрания.

Клянусь священным жертвенником Весты⁶.

Кротолон.

А я клянусь лучами Аполлона:
Не дам ей своего благословенья
Без твоего согласия.

Оргил.

Ты пойми,
Эфрания, что я далек от мысли
Стать на твоём пути к богатству или
К супружескому ложу. Ты юна
И хороша собой, а я не деспот
И не капризник, чтоб играть твоей,
Сестра, судьбою. Можешь мне поверить:
Коли сочтем мы выбор твой удачным,
Я первый ваш союз благословлю.
Итак, ты поклялась.

Эфрания.

Да. Но скажите,
Зачем вам уезжать?

Кротолон.

Есть у него
На то вполне серьезные причины.
Тебе я буду и отцом и братом.

Эфрания.

Лишь небо ведаёт пути земные.
Храните, боги...

Кротолон.

Хватит причитать.
Вернется он живым и непредимым.

Оргил.

Вернусь я вместе со своей тоской:
Душа, скитаясь, носит боль с собой.

Уходят.

СЦЕНА 2

Фанфары. Входит царь Амикл, а также Армост, Профил и слуги.

Амикл.

Благоволят к нам боги. Принесем же
К их алтарям свою гордыню — жертвы
Пускай вдыхают сладкий фимиам.
Ваш старый царь Амикл переживает
Вторую молодость: готов отдать
Тиару из серебряных волос
Взамен на золотые кудри Феба.
Как бьется сердце!

Армост.

Время обратиться
Готово вспять, чтоб вашу, государь,
Удвоить жизнь.

Амикл.

Ты прав, Армост. А все
Племянник твой, бесстрашный Итеокл,
Несущий нам военные трофеи
И прочный мир на острие клинка.
Всесильною Лакония пребудет!
Теперь у нас Мессена⁷ под пятой.
Упрямая, ты, наконец, склонилась
Пред властью Спарты! Вот она, победа,
Которую б не только занести
В анналы, но увековечить в храме,
И храм получит имя Итеокла.
Где с ним, Профил, расстался ты?

Профил.

В Пифоне⁸,

Мой государь, где двадцать самых знатных
Мессенцев ждут коленопреклоненно,
Какой назначите вы жребий им
И как решите участь их владений.

Амикл.

А где сейчас наш славный победитель?

Профил.

Он обещал прибыть без промедленья.

Входят Кротолон, Каланта, Кристалла, Филема и
Эфрания.

Амикл.

Вот и Каланта. Что, благая весть
О взятии Мессены, дочь моя,
Уже тебя коснулась?

Каланта.

Да. Профил

Поведал мне о всех деталях боя.
Скажите, как наш юный полководец
Воспринял столь блистательный триумф?
Профил. — Ваш беспристрастный взгляд довольно скоро
Позволит вам, принцесса, убедиться,
С каким достоинством и простотой,
С какою скромностью и чувством меры
Оценивает он свою победу,
Которая бы в человеке низком
Раздула непомерное тщеславье.
Но Итеокл...

Каланта.

Ваш друг...

Профил.

Да, госпожа,

И я благодарю судьбу за это.
Так вот, его звезду в зените славы
Не в состоянии поколебать
Ни гром рукоплесканий, ни зарница
Внезапного тщеславья. Он, как воин,
Лишь исполнял свой долг.

Кротолон.

Послушать вас —

Так он святой.

икл.

Воистину, Кротолон!

Ты скоро убедишься в этом сам.
Фанфары! Ну, встречайте же героя.

Музыка. Входят Итеокл, Хемофил и Гронея. Прочие вель-
можи выводят вперед Итеокла.

икл.

Приди в объятья, как приходят в храм,
Отрада Спарты, светоч дней моих,
Мой Итеокл!

Итеокл.

Ваш преданный слуга.

Армост.

Достойный сын земли своей, позволь
Обнять тебя по-родственному. Я
Горжусь моим племянником.

Итеокл. Вы, сударь,
 Ко мне пристрастны.

Кротолон. На правах архонта⁹,
 Причастного к великому походу,
 Дозволь вознаградить тебя покамест
 Приветствием от имени народа.

Итеокл. Вы так щедры.

Каланта. Кристалла! Эй, Филема!
 Где мой венок? Судьба на крыльях славы
 Тебя, избранника, так вознесла
 Над всеми смертными, что я сама
 Вот этими руками, Итеокл,
 Сплела венок из лавра, чтобы он
 По праву увенчал твое чело.

Итеокл. Я этих царских почестей не стою.

Амикл. Похвально, дочь.

Итеокл. О, я уже краснею
 От славословий — так ничтожно мал
 Мой вклад в победу. Все мои заслуги —
 Желание отечеству служить.
 Ведь надо быть последним человеком,
 Чтоб не отдать земле, тебя родившей,
 В годину тяжелейших испытаний
 Все силы и умение свое,
 А то и жизнь!

Каланта. Дстойные слова.

Итеокл. Кто волею небес срывает лавры,
 Того толпа, пьянея от восторга,
 Подобно Вакховым жрецам, готова
 Носить повсюду на руках, творить
 Кумира из него и полубога.
 Но чем он жертвовал на поле брани?
 Удобством да и только. А солдат
 Одну имел разменную монету:
 Он кровью за победу заплатил.
 Ум отдает приказы, но без рук
 Кто их исполнит?¹⁰ Все, что я сказал,
 Да не сочтет высокое собранье
 Рисовкою и позой. Словом, если
 Петь дифирамбы, то не одному,
 Но поделить их поровну на всех.
 Взять хоть Профила — это ли не воин?
 Нет, я не льщу, не терпит правда лести.
 А Хемофил... или Гроней... без них,
 Хоть чин их невелик, нам не видать бы
 Конца войне. А в общем, каждый лепту
 Свою вносил, отечеству служа.

Амикл. Придворные дерутся, как солдаты!
 Похвально.

Хемофил. Мы себя не пощадим.
Гроней. Вы только прикажите.
Амикл. Не мешает
Вам, ратоборцам, отдохнуть, а мы
О пленных позаботимся. Ступайте. —
Идем, мой Итеокл.
Эфрания (Профилу). Поверьте, сударь,
В опоре не нуждаюсь я.
Профил. Как знать.

Уходят.

Хемофил, Гроней, Кристалла и Филема отстают. Хемофил берет за руку Кристаллу, Гроней — Филему.

Кристалла. Что нужно вам?
Филема. Пусти!
Хемофил. Я по-солдатски
Отвечу: ваши губки.
Кристалла. Фи, как грубо.
Гроней. Вы прежде не были такими.
Филема. Смелость
Час от часу растет.
Гроней. Оно и видно.
Хемофил. И сколько же людей вы сообща
Прикончили?
Кристалла. Немного. Были мы
Настроены миролюбиво.
Филема. Впрочем,
Вы слышали, как нас аттестовал
Перед царем наш Итеокл.
Кристалла. А, значит,
Вы добывали мир? Как это мило.
Филема. А где же прочая добыча?
Кристалла. Едет...
Филема. В обозе что ли?
Кристалла. Ах, моя Филема,
Когда врезался я в ряды врагов
И отрубал то голову, то ухо,
То ногу или руку...
Филема. То все вместе...
Кристалла. ... Я про себя со вздохом восклицал:
«Филема, свет очей моих, на подвиг
Я за тебя иду!» Теперь, надеюсь,
Меня ты любишь?
Филема. Не сильнее, чем прежде.
Гроней. В ком нет достоинств, тот едва ли станёт
Достойней от похвал.
Филема. Свидетель Марс,
Моею будешь ты!

Филема. Вулкан свидетель¹¹,
 Не быть тому... ну разве что я сдуру
 Вдруг передумаю.

Гронея. Одно словцо...

Кристалла. Совсем заврались вы. Уйдите, сударь.

Хемофил. Ключи от города получишь ты,
 Мной завоеванного.

Кристалла. А точнее —
 Тобою выклянченного. На бедность.
 Дыра — твой город. Вот что, кавалеры,
 Вам бы не перья — фартуки носить.
 Собачек дамских завивайте, шейте,
 А лучше вместо чучел огородных
 Ворон пугайте.

Хемофил. Подожди!

Кристалла. Не то
 Свиной пасите — желудей, глядишь,
 Перепадет немного. Мозолиста
 Вам лезвие бы в руки, а не шпагу:
 Зарезать не зарежете, но кожу
 Попортите изрядно. В общем, так:
 Как поумнеете — так приходите.
 Прощай же, о бестрепетный Гронея!
 До встречи, дерзновенный Хемофил!
 Они нас в грош не ставят.

Филема. Мы оплатим

Гронея. Им этой же монетой. Вот и квиты.

Хемофил. Тем временем Кристалла и Филема ушли.

Гронея. Ты думаешь?

Хемофил. Унизить их разок —
 И будут нашими — дай только срок.
 Все женщины такие.

Гронея. Вот порода!

Уходят.

СЦЕНА 3

Текникус. Входят Текникус, философ, и Оргил, одетый, как ученик.
 Зачем гневить светила? Кто оспорит
 Суровый приговор судьбы? Ты можешь
 Сменить одежды, но в душе твоей
 Любые помыслы легко прочтут
 Всеведущие Мойры¹². Ты избрал
 Опасный путь.

Оргил. Избавь меня от мрачных
 Своих пророчеств; дай лишь мне, учитель,
 Под этой крышей боль свою унять;
 Пусть будут речи вещие бальзамом

Для скрытых ран. Когда мне суждена
Неверная тропа и даже пропасть,
Дай укрепиться мудростью твоей,
Чтоб на ногах стоять как можно тверже.
Я мир отверг.

Текникус.

В твои лета, Оргил,
Все юноши, клянящие свой жребий,
Впадают в крайности. Коль немила
Вам жизнь, вы отравить ее хотите
Всем прочим людям.

Оргил.

Нет, я не настолько
Обижен богом, чтоб удача чья-то
Меня бесила. Горестную участь
Я принял, не впадая в безрассудство,
И обобщений делать никаких
Не собираюсь я. В моем желанье
Найти уединенье ты не должен
Усматривать, поверь, иной причины
Помимо той, что называл я: мысли
Мои в разладе, твой же ясный ум
Их приведет в согласие.

Текникус.

Я вижу,
Ты истины взыскуешь. Оставайся.
Что ж, буду рад вести с тобой беседы.
Я ухожу к себе.

Оргил.

А я пойду
Поразмышляю...

Текникус выходит.

В этом одеянье
Смогу я незаметно наблюдать
За тем, как обращаются с Пентеей
И как Эфрания хранит обет.
Любовь полна загадок! Олимпийцы,
И те не знают, отчего костер
В груди так полыхает, а в золе
Так долго тлеют думы о прекрасном.
Лекарства нету от любовных ран!
Но кто это спешит уединиться
Под сень деревьев?

В отдалении проходит Профил, поддерживающий Эфранию
и нашептывающий ей что-то на ухо.

Эфрания! С Профилом!
А как воркуют... Может, это призрак?
Профил — наперсник Итеокла... Странно.
Вновь появились! Так... раскрою книгу.
Школярский облик службу мне сослужит.

Глаза мои пусть бегают по строчкам,
А уши ловят каждый звук.

Проаживается, уткнувшись в книгу. Входят Профил с Эфранией.

Профил.

Взаймы

Нам боги дали время. Для того ли,
Чтобы — по робости — терять его?
Эфрания, в чем мне еще поклясться,
Чтоб ты поверила, как я желаю...

Оргил (*в сторону*). Желая?

Профил.

Преданно служить тебе?

Оргил (*в сторону*). Так будет лучше.

Профил.

Повторить ответ,

Который мне твоим подсказан взглядом?
Моя любовь чиста.

Оргил (*в сторону*).

Так я любил

Мою Пентею — преданно и чисто.

Профил.

Нет большего блаженства для меня,
Чем стать твоим супругом. Заручимся
Поддержкой Итеокла — он мой друг.

Оргил (*в сторону*).

Моей поддержкой будет заручиться
Куда сложней.

Эфрания.

Что может вам ответить

На эти благородные слова
Неопытная девушка, которой
Так трудно устоять...

Оргил (*в сторону*).

Молчи, сестра!

Эфрания.

С тех пор как вы в любви ко мне признались,
Заслуги ваши, состоянье, внешность
Меня расположили к вам, но я
Не смела ни суждениям, ни чувствам
Дать выход, чтобы выказать тем самым
Благодаренье звездам, что послали
Мне это счастье. Что уж там скрывать?
Мои желанья уже давно
Согласны с вашими, но не вольна
Я принимать решения. Мой выбор
Отцом и братом должен быть одобрен.
Без их согласия сделать мне нельзя
Ни шагу.

Оргил (*в сторону*). Чтоб обета не нарушить.

Профил.

Я все улажу.

Эфрания.

Брат перед отъездом

С меня взял клятву.

Оргил (*в сторону*).

Не нарушь ее!

Профил.

Надеюсь при содействии двора
Его уговорить.

Оргил (*в сторону*). Вполне возможно.

Профил. Ну а пока, мой ангел, уповаю
 На то, что никакой искус не сможет
 Поколебать твою решимость.

Эфрания. Жизни
 Скорей лишусь и радостей земных,
 Чем дам неволить сердце.

Профил. За мое
 Ручается вот этот поцелуй.

Оргил (*в сторону*).
 О женщины! И я молчу... Все нервы
 Как будто растянули на распялках.

Эфрания. Здесь кто-то ходит, сударь. Нас, наверно,
 Подслушали. Спаси нас, Купидон!

Профил. Ну что ты, что ты... В этот уголок
 Заглядывает разве что сановник
 Иль кто-то из гимназия¹³, что рядом
 Основан Текникусом с разрешенья
 Царя Амикла.

Эфрания. Кто-то сам с собой
 Там разговаривает. Вон, смотрите!

Профил. Ну, так и есть; какой-то книжный червь.

Оргил (*в сторону*).
 Заметили!
 (*Заводит спор с воображаемым оппонентом.*)
 Возможно ли, ответь,
 Посредством красноречья, томных взглядов,
 Посулов и так далее унять
 Разбушевавшееся море? Что?
 Как взяться, говоришь? И ты берешься
 Поймать сетями атомы на солнце?
 Но это все равно, что обгонять
 На небе тучу при восточном ветре.
 Ты, верно, шутишь? Ну подумай сам...
 Вот так школяр! Да это сумасшедший.

Эфрания. Постой. Он упражняется, как видно,
 В риторике.

Профил. Ну дайте же сказать!
 Вы так несдержанны, что с вами трудно
 Вести полемику. К чему гадать?
 Одно пусть из другого вытекает...
 Ах, вот как? Утверждение абсурдно.
 Ведь метафизика есть рассужденье
 О тех субстанциях и высших сферах,
 Которые, хотя нелепы вчуже,
 Но стройны при ближайшем рассмотренье..
 Где доказательства? Вас опровергну
 Не колкостью небрежной ретирады,
 А точной ссылкой на авторитет.

Профил. Приблизимся к нему.
 Оргил. Да не спешите!
 Вам, желторотым, стоит раз понюхать
 Теорию, как вы давай клевать
 Своих наставников. Ведет к ошибкам
 Самоуверенность!

Профил. Простите, сударь.
 Эфрания. Вы — философ?
 Оргил. Я, милое создание,
 Всего лишь гриб, который небеса
 Дарят росой и на который солнце
 Роняет луч. Я радуюсь теплу,
 Еде случайной и ночной дремоте.
 И ваш учитель — Текникус?

Профил. Он с нами
 Оргил. Ведет беседы. Вон его обитель.
 Профил. Счастливы! Жар страстей честолюбивых
 И грозы властолюбия им чужды.
 Желания они соразмеряют
 С природной скромностью и в добронравье
 Не знают равных. Как тебя зовут?
 Оргил. Аплотом, господин. Я — раб смиренный.
 Эфрания. Чего б хотел ты?
 Оргил. Книг, Венера, книг.
 Профил. Сударыня, я кое-что придумал.
 Эфрания. Он может нам помочь.
 Профил. О чем вы, сударь?
 Эфрания. Покамест я и ваш отец ведем
 Переговоры о помолвке, вам
 Пусть этот книгочей записки носит
 О том, как подвигаются дела;
 Читайте их и тотчас же вручайте
 Ему ответ. Так — и в разлуке — сможем
 Мы разговаривать: не языком,
 Так сердцем.

Эфрания. Что ж, воспользуемся этим.
 Профил. Скажи, Аплот, готов ты дважды в день —
 И в девять и в четыре пополудни —
 Передавать в беседке этой письма?
 Коль ты берешься все держать в секрете
 И преданно служить, я обещаю
 Исполнить всякое твое желанье.

Оргил. О всеблагой Юпитер! Слишком щедр
 Ты к недостойному! Я ваш всецело.
 Так вы достанете мне книги?

Профил. Все,
 Эфрания. Что ни попросишь. Я — Профил, она же —
 Эфрания.

Оргил. На память, слава богу,
Я никогда не жаловался. Буду
Без опозданий приходить сюда.

Профил. Ты приготовь мне список всех названий.
А то возьми немного денег.

Оргил. Что вы!
Для нас они — бесплотный дух, мы к ним
Не прикасаемся. Нет, только книги.

Профил. Составь же перечень. И не забудь,
Как нас зовут.

Оргил. Помилуйте, как можно.

Профил. Взгляни на нас с улыбкой, Гименей:
Мы — хворост для пылающих огней.

Эфрания и Профил уходят.

Оргил. Задуй свои огни! Смотреть нет мочи,
Сейчас царит повсюду сумрак ночи.
О дай, Меркурий, хитрость мне свою.
Как стрелка компаса, метаться стали
Все мысли — ведь какой удачный случай!
Что нам дано? Собой удобрить землю,
Загадку вечности не разгадав.
Все, что великим мы зовем по праву,
Уйдет, не пережив своей же славы.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входят Бассаний и Фулла.

Бассаний. Окно на улицу заколотить!
Зачем давать зевакам лишний повод?
Смотрящий с вожделением — грешит¹⁴,
Взгляд делается масляным, бесстыжим,
Паскудным, липким, мысль о совращеньи
Обсусливается, как медвежонок
Новорожденный — матерью, и вскоре
Перерастает в дело, в мерзкий блуд.
Так вот, окно забить.

а.

Схожу, пожалуй,

За плотником.

Бассаний.

Поди, он плут отпетый,
С тобою снюхавшийся, попечитель
Воров и шлюх, разносчик тайных писем,
Которые кропает по ночам
Какой-нибудь прыщавый соблазнитель,

Шептун и сводник, что за три обола¹⁵
Тебя купил? Смотри мне, сукин кот,
Я придушу тебя, кишки немедля
Я выпущу тебе, дерьмо собачье,
Когда ты принесешь моей супруге
Записку, нет, записочку, клочок,
Которым разве только бородавку
Ты на носу закроешь или прыщик!
Гнездится похоть в каждом пустяке.

Фулла. Милорд, я буду проверять на свет
Любую мелочь.

Бассаний. *(В сторону.)* Ну и работенка!
Взять горожанок — сколько заключают
Они в постели выгоднейших сделок,
А разругавшись, бегут к супругу,
Целуют, ластятся, зовут «милашкой»
И гладят лоб, увенчанный рогами.
И ничего, не страшно уколотся!
Фулла. Лихое, сударь, время. Человека
Швыряет, точно щепку.

Бассаний. Или взять
Сановных дам, всех этих светских модниц.
Мужчина, чтоб их только ублажить,
Спешит, как на ходулях, к деньгам, к славе
И честь готов продать за новый титул,
А честь, бедняжка, истекает кровью,
Сраженная ударом вероломным!
А эти деревенские особы! —
От слов краснеет, словно маков цвет,
Но что творит, мерзавка, втихомолку!
Все женщины, запомни, или пали,
Иль падают, или упасть готовы.
Что слышно в городе? О чем болтают?

Фулла. Такие, сударь, странные, чудные,
Диковинные...

Бассаний. Понесло! Короче!

Фулла. Царь, сказывают, обронил, как сокол
Перо, седую бороду и носит
Теперь другую, рыжую с боков,
А посередке с прозеленью.

Бассаний. Спятил,
Должно быть.

Фулла. А еще, слышать, с тех пор,
Как храбрый Итеокл с войны вернулся,
От радости рычат все время львы,
Медведи пляшут¹⁶...

Бассаний. Поплясал бы с ними.

Фулла. Еще Оргил в Афины улетел
На огнедышащем драконе. Верно,
Уж не вернется.

Бассаний. Дай-то бог.

Фулла. Еще
Прознал я, ваша светлость, будто всем,
Кто попусту жену свою ревнует,
Дадут развод. Так женщины судачат.
Я сам от повитухи это слышал.
Еще есть новости...

Бассаний. Заткнись, болван!

Вы все меня хотите погубить.
Ну почему мы за блаженство платим
Своим покоем? Двери на запоры!

Фулла (в сторону).

Чтоб ты, рогами с ног до головы
Оброс.

Уходит.

Бассаний. Все в голове моей смешалось.

О красота! Ты — символ благодати,
Но разве ты — не вечное проклятье?

Входят Пентея и Граусиа, старая служанка.

Идет... Вот так, омытое росой,
Сияет утро жемчугом бесценным.
Путь к бедности лежит через богатство.
Чтоб сохранить сокровище такое,
Изволь все состояние спустить.
Как поживает нежная Пентея,
Отрада сердца моего?

Граусиа. Увы,

Она грустит.

Бассаний. А ты не каркай, ведьма.

Жена, твой брат, живой и невредимый,
Вернулся со щитом. Его увидеть
Ты можешь при дворе, куда мы наши
Стопы направим, — там твои алмазы
Заблещут так, что дамы из боязни
Затмиться этим светом — по углам
Попрячутся, чтобы тайком, сквозь слезы,
Тобою любоваться и не сметь
Приблизиться. Пора тебе развлечься
И стать царицей прихотей своих,
Бывать, где хочешь и когда захочешь;
Найди себе подруг и предавайтесь
Любим забавам молодости, лишь бы
Не набегали тучи на чело.

Граусиа. Прекрасно сказано. Ну, выше носик.
И веселись, пока дают.

Бассаний (в сторону). Стегните
Ее кнутом, о Фурии!¹⁷

Пентея. Милорд,
Так внемлет музыку глухой, как внемлю
Я ваши речи. Мне ли прибегать
К уловкам, чтоб чернить свое же имя?
Иные понаденут на себя
Пуд драгоценностей, наклепят блески —
Глядь, кто-то рот открыл от удивленья.
А мне к лицу бесхитростное платье,
В нем, словно в зеркале души моей
(Когда вы недостойными словами
Его не замутите), отразятся
Мечтания анахорета-сердца.

Бассаний. Затворничеством ты не тяготишься?
Тебе не скучно? Надо б нам почаще
На людях быть. А может, нам уехать
На островок уединенный? Будешь
Всем управлять.

Пентея. Не знаю, что ответить.
Мой долг во всем повиноваться вам.
Что скажете, то мне и ладно.

Граусиа. Остров?
В темнице, стало быть, сгноить хотите?
Небось веселье там кипит ключом!
Акулы, крабы, водяные крысы,
Медузы, — что ж, компания как раз
Для юной барышни и старой няньки.
Э нет, ты нас на остров не заманишь!

Бассаний (старухе, шепотом).
Ты у меня попляшешь. (Пентее.) В эти лета
Хандрить негоже. (Старухе.) В клеть тебя запру.
(Пентее.) Ну улыбнись же, сделай одолженье,
Не то меня кручина изведет.
(Старухе.) Ну, старая карга!

Граусиа. При южном ветре
Туга я на ухо. Ты б дал ей лучше
Молоденькие косточки размять.
Ей греться бы у молодца в объятых,
А не...

Бассаний (старухе).
Я на костре тебя согрею.

Граусиа. На части изрублю.
Чего, соколик?

Пентея. Совсем оглохла — видно, с юга дует.
Да что ты мелешь?

Бассаний. Жарко. Пот. прошиб.

Входит Фулла.

Что скажешь?

Фулла.

Стая лордов.

Бассаний.

Что?

Фулла.

И стайка

Их дам.

Бассаний.

Да где?

Фулла.

И лошади.

Бассаний

Подводы?

Фулла

Кареты! Я со счета даже сбился.

Ну я пошел.

Уходит.

Появляются Профил, Хемофил, Гронеи,
Кристалла и Филема.

Профил.

Достойнейший Бассаний!

Бассаний.

Любезнейший Профил! Входите, дамы

И господа, мой дом для вас открыт.

(В сторону.) Вот только голова от вас распухнет.

Какая честь! (В сторону.) Сороки, трясогозки!

Расщебетались!

Профил.

Добрая Пентея,

Когда вы брата любите, ступайте

К нему без промедленья.

Пентея.

Он здоров?

Профил.

Богами он храним. Но что-то гложет

Его с тех пор, как он вернулся в Спарту.

Милорд, не мешкайте, я вас прошу.

Бассаний.

Мы, сударь, приглашения, поверьте,

Не стали б ждать, да вот занемогла

Супруга. Что же ты стоишь, Пентея?

Показывайте, сударь, ей дорогу.

Я следом.

Профил.

Вот моя рука, мадам.

Уходят все, кроме Бассания и Граусии.

Бассаний.

Постой-ка, сводня. Ты, я погляжу,

Меня честить горазда. Иль забыла,

Зачем приставлена? Так прогоню.

И, полно гневаться. Ревнив ты больно,

Ведь так и от ума отстать недолго.

Я дело делаю, а что перечу,

Так это чтоб к голубушке твоей

Войти в доверие и все повызнать.

Бассаний.

Об этом я, признаться, не подумал.

Уж ты прости. Не перегнуть бы палку...

Граусиа.

Небось, не перегнем.

Бассаний.

За ней иду.

В раю мне этом горше, чем в аду.

Уходят.

Входит Фулла.

Что скажешь?

Фулла.

Стая лордов.

Бассаний.

Что?

Фулла.

И стайка

Их дам.

Бассаний.

Да где?

Фулла.

И лошади.

Бассаний

Подводы?

Фулла

Кареты! Я со счета даже сбился.

Ну я пошел.

Уходит.

Появляются Профил, Хемофил, Гроней,
Кристалла и Филема.

Профил.

Достойнейший Бассаний!

Бассаний.

Любезнейший Профил! Входите, дамы

И господа, мѳй дом для вас открыт.

(В сторону.) Вот только голова от вас распухнет.

Какая честь! (В сторону.) Сороки, трясогузки!

Расшебетались!

Профил.

Добрая Пентея,

Когда вы брата любите, ступайте

К нему без промедленья.

Пентея.

Он здоров?

Профил.

Богами он храним. Но что-то гложет

Его с тех пор, как он вернулся в Спарту.

Милорд, не мешкайте, я вас прошу.

Бассаний.

Мы, сударь, приглашения, поверьте,

Не стали б ждать, да вот занемогла

Супруга. Что же ты стоишь, Пентея?

Показывайте, сударь, ей дорогу.

Я следом.

Профил.

Вот моя рука, мадам.

Уходят все, кроме Бассания и Граусии.

Бассаний.

Постой-ка, сводня. Ты, я погляжу,

Меня честить горазда. Иль забыла,

Зачем приставлена? Так прогоню.

И, полно гневаться. Ревнив ты больно,

Ведь так и от ума отстать недолго.

Я дело делаю, а что перечу,

Так это чтоб к голубушке твоей

Войти в доверие и все повызнять.

Бассаний.

Об этом я, признаться, не подумал.

Уж ты прости. Не перегнуть бы палку...

Граусиа.

Небось, не перегнем.

Бассаний.

За ней иду.

В раю мне этом горше, чем в аду.

Уходят.

СЦЕНА 2

Входит Итеокл.

Итеокл.

Гордыня... так змееныш у гадюки,
 На свет рождаясь, разрывает мать¹⁸.
 Гордыня... Так голубка, чьи глаза
 Закрывл шутник, тотчас взмывает в небо
 И сразу камнем падает на землю¹⁹.
 Так в воздухе петарды и шутихи
 Вдруг разорвутся, оставляя дым
 И запах гари. Если жить всегда
 По совести, то и в душе звучала б
 Такая музыка, что хоть танцуй.
 Но это все риторика, слова,
 Когда же в сердце боль, то не избудешь
 Ее ты совестью. Горячку
 Снимают не советом, а лекарством,
 И чем скорей, тем лучше для здоровья.

Входят Армост и Кротолон.

Армост.

Ах, сударь, это просто отговорка,
 Пустяжная к тому же. Ведь Профил
 Достойный муж, а ваша мудрость, право,
 Сама себе хозяйка и в опеке
 Сыновней не нуждается.

Кротолон.

Хозяйка

Не вправе допустить, чтобы посулы
 Так совесть убаюкали ее,
 Что уговор смогла б она нарушить.

Итеокл.

Вы все колеблетесь? Коли согласие
 Оргила вам потребно, так пошлем
 За ним в Афины. В этом деле принял
 Сам царь участие, и, верю, он
 Поддержит нас.

Армост.

Царь хочет, чтоб Кротолон

Отправил сам депешу.

Кротолон.

Для меня

Желанье царское — закон.

Итеокл.

Сей брак

Так породнит нас, так друг с другом свяжет,
 Как если бы я сам просил руки.
 Ведь мы с Профилом названные братья.

Кротолон.

Ах, сударь, сударь...

Итеокл.

Говорите прямо.

Кротолон.

Желай вы только мира и согласия,
 Так не был бы Оргил мой одиноким
 И заживо б себя не схоронила
 Сестрица ваша. Вот Армост свидетель:
 Когда б не умер Фраз, родитель ваш...
 Ну да чего там.

Армо ст.

Вы раздражены.

И теокл (в сторону).

Нашел больное место. (Вслух.) Погодите...
Он прав, я заслужил такой упрек.
И все же скидку сделайте на возраст,
На пылкость юности и безрассудство,
На кашу в голове, на фанфаронство,
Неопытность в суждениях, краснобайство
И поминутную, как смена ветра,
Изменчивость в решениях. Я зарвался,
Я самодурствовал, не понимая,
Какую мощь таит в себе любовь.
Лишь всякие увидев передраги,
Я малость поумнел. Так вот, Кротолон,
За зло содеянное я готов
Платить, чем пожелаете.

Армо ст.

Признание

Былой вины — чего еще желать?
Ну как, милорд?

Крото лон.

Сдаюсь. Когда согласна

Эфрания, не стану возражать.
За сына я ручаюсь.

И теокл.

Мой клинок,

Богатство, славу, честь и жизнь саму
Отныне я вручаю вам.

Входят Бассаний, Профил, Каланта, Пентея,
Эфрания, Кристалла, Филема и Граусиа.

Армо ст.

Принцесса

С сестрою вашею.

Каланта.

Вообразите,

Дикарка эта вовсе нас забыла,
Ей двор не мил, и даже вас увидеть
Она не поспешила.

Вы, принцесса,

К ней так добры. К супружеству, сестра,
Себя ты словно бы приговорила,
И, мужу посвятивши свой досуг,
Не служишь ты высокой госпоже.

(Бассанию.) Не стоит, право, в четырех стенах
Держать ее.

Бассаний.

Никто ее не держит.

Ей любо дома. Славный Итеокл,
Хвала богам, что вы живым вернулись.

Когда б моя жена не приболела,
Мы первые пришли бы к вам с поклоном.

И теокл.

Сейчас получше?

Пентея. Брат, мое здоровье
И счастье, знаешь сам, принадлежат
Не мне.

Бассаний (*в сторону*). Ответ смиренный и достойный.
А вдруг лукавит? Сводня, примечай.

Каланта. Кротолон, церемонию с помолвкой
Нехорошо откладывать.

Кротолон. Принцесса,
Я дал согласие.

Армоств. Теперь Оргил
Пусть даст свое.

Каланта. Что ж, подожди, Профил,
Немного, и блаженство брачных уз
Твою любовь к Эфрании упрочит,
Как и ее — к тебе.

Профил. Благодарю.

Бассаний. Блаженство брачных уз — вот рай земной,
Покой в душе, согласное биенье
Двух любящих сердец, венец желаний,
Залог бессмертия... Всего ж отрадней
Супружеская верность. (*В сторону.*) Где она?
В диковинку подобное созданье
И для самих богов. (*Вслух.*) Я сам, женившись,
Попал в Элизиум²⁰.

Кротолон. Ответь мне, дочка,
Как на духу, ты любишь своего
Избранника?

Эфрания. Не больше и не меньше,
Чем любит он меня; его же чувства
И вы и брат оцените, бесспорно.

Кротолон. Так, так. (*Профилу.*) Вас я не спрашиваю.

Итеокл. Нам ли
Разбить союз, благословленный небом?
Входит Хемофил.

Хемофил. Вас, храбрый Итеокл, и вас, принцесса,
Царь ожидает.

Каланта. Поспешим к нему.
Входит Гронея.

Гронея. Милорды, поспешите к государю.
Принц Аргоса...

Каланта. Что, сударь?
Гронея. Ко двору.

Каланта. Вот-вот прибудет, госпожа.
Вот-вот?

Гронея. Принц Аргоса?
Здесь огласить такое

И теокл. Событие мне выпадает честь.
Пентея. Пентея!
И теокл. Да?
В дворцовую беседку
Приди через часок — наедине
Кой-что скажу тебе.я.
(Профилу.) Проведи
Ее, мой друг, в беседку и проверь,
Чтоб рядом не случилось посторонних.
Профил. Я все исполню.
Бассаний (в сторону). Это что за новость?
И теокл (Бассанию).

А вы проветритесь, милорд. Принцесса,
Я ваш слуга. Идемте, господа.

Уходят все, кроме Бассания.

Бассаний. Наедине? Как так — наедине?
Чем я им помешал? Они родня;
Ужели этот зверь ее принудит
К кровосмесительству? С него-то станет!
К тому ж велел он своему дружку
Стеречь сестру, а если тот украдкой
Сам уворует из чужой добычи?
А впрочем, до того уже дошло,
Что брат — сестру, мать — дочь, супруг — супругу
В постель подкладывают к тем, кто может
Им оказать услугу. О проклятье!
Ну если кто наставит мне рога,
Я сам его... я сам...

Входит Гроней.

Гроней. Милорд, вас ждут.

Бассаний. Иду, иду. А где моя супруга?

Гроней. Среди знатных дам.

Бассаний. Так, так. А с нею рядом

Была ли нянька старая?

Гроней. Была.

Бассаний. Она дремала, сударь, в уголке.

Гроней. Что-что? Дремала?

Бассаний. Вам, я вижу, дурно.

Гроней. Вы б прилегли...

Бассаний. Нет, я иду к царю.

Гроней. Я провожу вас.

Бассаний. Сделай одолженье.

Уходят.

СЦЕНА 3

Входят Профил и Пентея.

Профил.

Вон там, в конце аллеи, есть беседка.
Позвольте мне откланяться — я должен
Проверить, нет ли здесь кого. Ваш брат
Утратил живость, что с его природой
Не согласуется. Он веселится
С такую меланхолией и бродит
Такой задумчивый и молчаливый,
Что приставать с расспросами к нему
Не в силах я — оно не по-мужски,
Да и бестактно.

Пентея.

Я без приглашенья
В чужие тайны тоже не вникаю.

Профил.

В моих словах, поверьте, нет намека
На столь бесцеремонное вторженье.
К тому же...

Входит Оргил в своем школярском одеянье.

Эй, дружище, постарайся
Развлечь вот эту даму разговором.

Уходит.

Оргил.

Попробую, милорд.

Пентея.

Предайся лучше
Своим раздумьям, а меня оставь
Наедине с моими.

Оргил.

Что ты, нимфа?
Музыка сфер для наших душ звучит,
Чтоб закружить в божественнейшем танце.
Для школяра ты слишком пылок.

Пентея.

Оргил.

Небо
Нас наделяет красотой, чтоб мы,
Отринув прах земной, слились в экстазе
Возвышенной гармонии.

Пентея.

Ты дерзок

Оргил.

Не в меру.
Время начертать не властно
На белом поле преданной любви
Хулу бесчестья. Подними глаза,
Пронзавшие насквозь, на это пламя,
Которое когда-то бушевало.
Как сладкий дым взаимных клятв курился!
Точь-в-точь над жертвенником Весты. Слезы
Пречистые на пламя упали,
И пламя вздрагивало.

Пентея.

Оргил.

Сумасшедший!
Все радости мои — сплошной мираж.
Я утоляю голод видом яств

И вожделенным запахом, но плоть
Без подкрепления изнемогает,
И дух, лишенный родственного духа,
Час от часу слабеет. Что за смерч
Сорвал печать, скреплявшую дотол
Те две — согласные во всем — души?
Пентея. Оставь меня! В тебя вселился бес.
Ты по неведенью разбередил
Во мне былую рану — нестерпимо
Она заныла. Хватит же, болтун.
Прочь, прочь поди!

Оргил. Одумайся, Пентея,
И, прежде чем в изгнание отправить,
Узнай, кому подписан приговор.
Откину капюшон, меня сокрывший
От любопытных глаз. *(Сбрасывает капюшон.)*
Какое примешь

Пентея. Сейчас решение?
Безумец, если.
Не дорожишь ты жизнью, не губи
Хоть честь мою. Беру я Гименея
В свидетели, что не переменилась
К тебе я после рокового дня,
Когда насильно плоть мою и душу
Разъединили. Но зачем же ставишь
Ты добродетель под удар?

Оргил. Скажи,
Зачем так долго я со злом мирился,
Мне нанесенным? Это для тебя
Я нынче роль играю. О Пентея,
Когда ты не из мрамора, оплачем
Судьбину нашу. Чувствую я сердцем —
Ты, как и прежде, мне принадлежишь.
Дай мне припасть к руке твоей губами.
Я на колени опущусь.

я. Я тоже.
Ну все, поднимемся... Ужели новой
Ты клятвы ждешь? О старой позабудь,
Ее объяло вечное молчанье,
Надежды нет. Чего ты хочешь?

Пентея. Должен
Я обладать моей женой пред небом.
Оргил. И только?

Оргил. Да, коль это означает,
Что только я тобою обладать
Отныне буду.

Пентея. Отойди немного.
И капюшон надень. Тогда рискну
Тебе ответить²¹.

Оргил.
Пентея.

Твой приказ исполнен.

Клялась я быть твоею — небеса
Тому порукой; подтвердят они
И то, что клятву эту в грязь втоптали.
Да, я люблю тебя и потому
Твою свободу связывать не стану,
А ты не запятнай себя бесчестьем
И прочь гони прельстительные мысли,
Не то меня ты попросту ославишь
И рану растревожишь лишь сильнее.
Останься благородным до конца —
Пускай, увы, тебя я не утешу,
Зато я поминутно буду помнить,
Чего лишилась и как низко пала.
А ты с другой будь счастлив, и детей
В наш мертвый век родите полных жизни.
Лишь об одном прошу: и взяв супругу,
Ты вспоминай меня без небреженья,
И, может быть, сочувствием ко мне
Она проникнется... Ну все, прощай.
Прощай? Но ты жена моя и будешь
Навек моей.

Оргил.

Нет, это невозможно!

Пентея.

Но почему?

Оргил.

Послушай и поймешь.

Пентея.

Мое приданое ушло к другому,
И девственность похитил он мою.
Ужель я допущу, чтобы Оргилу
Достался сорванный цветок?

Оргил.

Меня

Не остановит это.

Пентея.

Так запомни:

Хоть раз моей руки иль губ коснешься,
И я клянусь тебе — коль суждено
Мне это иго снять с себя однажды, —
Я снова за постылого пойду!

Оргил.

Ты забавляешься моим страданьем?

Пентея.

Но ты моя, моя...

Не смейте, судары!

Не то я вас навек возненавижу.
Иль ты забыл, что честь твоя простерта
У ног моих? Внемли же, недостойный:
Когда ты письменно или изустно
Меня опять начнешь пытать, прилюдно
Скажу о домоганиях твоих
И проклянущу тебя пред небесами.
Иди! Сокрой под этим капюшоном
Бесславию. Сегодня, так и быть,
Я пощажу тебя. Ты осквернил

- Мою печаль и пал в глазах моих.
Ты некогда умел любить достойно...²²
Молчи, несчастный! Я молю судьбу,
Чтоб ты исчез бесследно. Прочь поди.
Оргил. Долой французский этот маскарад!²³
Пора сразиться с поднятым забралом.
От слов пора и к делу... О Пентея!
Уходит.
- Пентея. Он, уходя, мое исторгнул имя.
Я слишком круто обошлась с несчастным,
А он похож на собственную тень,
На призрак тени. Ох, уж эта честь!
Мы, слабые, сражаемся, как львицы,
Ее спасая.
- Входят Бассаний и Граусиа.
- Бассаний. Старая хрычовка!
Заснуть! И где! Чтоб всю тебя скрутило.
Подагра, лишаи, чума, проказа
На голову твою!
- Граусиа. Полегче, сударь.
- Бассаний. Она одна, и то спасибо. Глянь-ка,
Печальна и задумчива — ну разве
Не добрый знак?
- Граусиа. А то! Известно, добрый.
- Бассаний. Попридержи язык. Пойдем, Пентея.
Ты знаешь, Итеокл... его сейчас...
- Пентея. Ему что, худо?
- Бассаний. Полно, легкий приступ.
С желудком что-то. Ты, гляжу, взгрустнула?
- Пентея. Чему же радоваться?
- Входит Профил.
- л. Итеокл
Просил, сударыня, чтоб вы скорее
Пришли к нему.
- г. й. Мы уж и так спешим.
Вотще мы, замышляя в этой жизни
Далекie прожекты, наши силы
Так бережем. Все кончится могилой.
- Бассаний. Воистину. Вот честно и живи,
Чтоб в день, когда баланс подбить придется,
Остаться чистым.
- Профил. Кто живет, милорд,
Достойно, тот встречает смерть без страха.
На то и боль, чтоб закалялся дух,
А Итеокл, мы знаем, духом крепок.
Но вы, мадам, поласковее с братом:

За ней таятся низменные страсти,
Пьянящие наш разум. Добродетель —
Вот что рождает подлинную честь,
Которая стояла и стоит
На справедливости. А тот, кто ищет
Возмездия иль барыша, творя
Обман, любоддеянья, самосуд,
Тот преступает нравственный закон
И попирает честь прямым бесчестьем.
Пытливый ум, а не чужие мненья,
Лежит в основе чести: ум всегда
В союзе с истиной и чувством долга,
А мненья — с произволом и молвой.
Поняв, что красит истинную честь,
Ты все свои благие устремленья
Осуществишь, надеюсь, до конца.
Тебя, мудрейший, вразумляют боги,
И ты мне указуешь верный путь.
Надеюсь.

Оргил.

Текникус.

Оргил уходит.

Есть загадочное что-то
В его судьбе. Смятенный дух способен
Толкнуть его на безрассудный шаг.
А впрочем, мне ль угадывать итоги:
Всю нашу жизнь расчисливают боги.

Входит Армост.

Армост?

Армост.

Меня к тебе направил царь.
Прости, что я прервал твои раздумья.
Есть в этой опечатанной шкатулке
Бесценный перл, которым, как короной,
Царь дорожит: я говорю о свитке.
Исследуй, изучи его, просей
Крупичи смысла.

Что это за свиток?

В нём вся надежда Спарты — жизнь царя
И будущность страны, все, что оракул
Последний раз сказал Амиклу в Дельфах²⁴.
Причины, по которым он сейчас,
По истеченьи стольких лет, решился
Прибегнуть к помощи твоей, мудрец,
Он сам тебе со временем откроет.
О Аполлон, ты просветишь мой ум!
Принц Аргоса, Неарх, он здесь уже?
Он во дворце и ждет, когда Амикл
Отдаст ему принцессу в жены. Этим
И объясняется, видать, поспешность,

Текникус.

Армост.

Текникус. С какую царь меня послал к тебе.
Царю поклон, великой Спарте мир,
Тебе, Армоуст, удачи.

Армоуст. И тебе.

Уходят.

СЦЕНА 2 Тихая музыка. Доносятся слова песни.

*Можно ль, грезя, сны расчислить?
Кистью высказать все мысли?
Разглядеть, как с циферблата
Время убежит куда-то?
Вздых поймать? Лишиться чести,
Если ты в безлюдном месте?*

Нет, о нет. И все ж, как знать,

Вдруг тебя удача ждет!

Но известно наперед:

Не умели воздавать

По заслугам красоте

И ни эти и не те.

*Но зато все наши чувства,
Все науки, все искусства,
Все, что старо и что ново, —
Подчиняться ей готово²⁵.*

Тем временем по сцене проходят Профил, Бассаний, Пентея и Граусиа и скрываются в кулисе. Бассаний и Граусиа вновь появляются и осторожно, на цыпочках, переходят с места на место, прислушиваясь.

Бассаний. Ни звука, тишина. Ты что-то слышишь?

Граусиа. Тихохонько. Повыл бы что ли ветер
Аль мышка поскреблась.

Бассаний. Весь пол в коврах,

А спинка-то кровати — чистый мрамор.

Солдат! Тут впору неженке разлечься.

Все эти ухищренья для того,

Чтоб раздражить медлительную похоть,

А там, глядишь, и вспыхнет, словно факел,

Разнузданная оргия.

Граусиа. Потише!

Не слышно ведь.

Бассаний. Постельные сраженья

Не ухом надо выявлять, а нюхом.

Профил (за сценой). Открыл глаза.

Бассаний. Так, так.

Итеокл (за сценой).

Пришла сестра?

Оставьте нас вдвоем.

Бассаний.

Да-да, конечно.

Входит Профил.

Профил.

Милорд, уйдемте. Хочет он побыть
Наедине с сестрой.

Бассаний.

Иду, иду.

Профил.

И вы, мадам, уходите.

Граусиа.

Воля ваша.

Все уходят.

Открывается часть сцены²⁶ с Итеоклом, сидящим в кресле,
и Пентеей.

Итеокл.

Садись, сестра; да нет же, ближе, ближе.
Один отец у нас, в едином чреве
Зачаты мы, и вместе нас растили,
Что ж мы чужими стали? Пусть бы лучше
Та колыбель, где я лежал ребенком,
Могилой обернулась.

Пентея.

Ты счастливчик,

Ты за собой не признаешь греха,
Перечеркнувшего твои триумфы:
Несоблюдение последней воли
Того, кто произвел тебя на свет.

Итеокл.

А ты жестокосердна. Да, вспылив,
Я грубо вырвал из твоих объятий
Родное сердце, в прах его швырнул.
Теперь мое, в отместку, разрывают.

Пентея.

Ты лжешь пред небом! Пусть твое бы сердце
Горело не сгорая; пусть бы страсти
В нем клокотали, выхода не видя!
Твоей мольбе, бедняжка, боги вняли.
Не пощадил ты собственной сестры.
Мне жизни нет.

Итеокл.

Пентея.

л.

Теперь меня терзают

Мученья адовы, но не дано
Мне умереть.

Крестьянке, что привыкла

К поденщине, родник незамутненный
Дает напиток, а кругом резвятся
Ягнята с ребятишками; жар вздохов
Лишь я должна слезами заливать.
Поденщик, заработав корку хлеба,
Жует ее и радуется жизни,
А мне еда постыла; что ни съем,
Все вызывает желчь: она горька,
Как и твое проклятье. О смягчись,
Назначь мне кару.

Итеокл.

Пентея.

Умертви меня,

Избави от ревнивого супруга! —

И вновь, увидишь, станем мы близки
Как брат с сестрой. Убей меня!

Итеокл.

Но мужу

Ты дорога.

Пентея.

Ну да, как шлюха или
Клятвопреступница, какую сделал
Ты сам меня. Нет, не своим хотеньем
Живу я во грехе, но поневоле.
Зачем чернишь себя!

Итеокл.

Пентея.

Но это правда.

Обручена с Оргилом, я живу
Наложницей Бассания — так разве
Не шлюха я? Убей меня, иначе
Прах батюшки восстанет и, приняв
Ужасный облик, явится судить
Тебя за тяжкий грех — наперекор
Пойдя отцу, ты предал и меня.

Итеокл.

Искал себе я на чужбине славы,
А дом мой превратился в пепелище.
Пусть я чудовище, зато тебя,
Великомученицу, как богиню,
Превознесут. Поруганные девы
И несчастливые супруги станут
Молиться у твоей священной раки,
И белых горлиц, убранных омой,
Все будут в жертву приносить тебе²⁷,
Коль ты меня простишь.

Пентея.

Итеокл.

О замолчи!

Скорей бы смерть к Стигийским берегам²⁸
Меня снесла — я изнемог под игом,
Вдвойне тяжелым из-за слов твоих.
Так чье ты иго терпишь?

Пентея.

Итеокл.

Никому

Другому не простил бы я вопроса,
Который вдруг задел такую тайну,
В какой боюсь я сам себе признаться.
Но ты уже признался. Назови
Лишь имя, брат.

Пентея.

Ее зовут... Не смею!

Итеокл.

Пентея.

Итеокл.

Так, значит, лжец ты!

Нет! Что ж, я откроюсь:

Речь о Каланте, дочери царя,
Наследнице престола. Видишь, сердце
Я обнажил перед тобой. Иди же,
Скажи царю об этом вероломстве —
И будешь ты отмщенной. Ни принцессе,
Ни другу моему Профилу тайны
Я не открыл.

Пентея.

Будь вы помолвлены,

- И теокл. Ужель твое б не разорвалось сердце,
Когда бы стал ее отец меж вами
И принцу Аргоса вдруг отдал дочь?
О не терзай меня своей обидой!
Я кровью за нее плачу.
- Пентея. Мы квиты.
Ты прав, мы — ветви одного ствола,
Нельзя нам быть поврозь. Я буду рада
Тебя утешить, чем могу.
- И теокл. Сестра,
Лишь ты, лишь ты одна моя утеха.
- Пентея. Когда мой ум печаль не притупила,
Я помогу тебе собраться с духом.
- И теокл. И эту душу я посмел сгубить!
- Входит Бассаний скинжалом, за ним Профил, Гронеи,
Хемофил и Граусиа.
- Бассаний. Мое терпенье лопнуло. Довольно!
Вы за руки взялись? Где мой скинжал?!
Взнуздав мою природную покорность,
Как выючного осла, ты понукал
Ее так долго, что в конце концов
Она взбрыкнула.
- И теокл. Сударь, что за тон?
Профил. Он не в себе.
Пентея. Милорд...
Граусиа. Не подходи!
- Бассаний. Он держит смертоносное оружие
И машет им, как мельница крылом.
Я — знатного рождения, а ты,
Напыщенный и взбалмошный мальчишка,
Занесся, будто тучу оседлал
И направляешь колесницу солнца.
Но я не прихлебатель твой, не думай,
И не лакей, чтобы стремглав бежать,
Чуть скрипнет дверь, не поставщик блудниц
Для царственного этого алькова.
Какой блестящий бред!
- ей. Как он надулся,
Профил. Пыхтит, тарашится! Вот ненормальный!
И теокл. Он, трезвенник, видать, вина хлебнул,
И хмель ударил в голову. Милорд,
Вам не к лицу такие речи.
- Пентея. Брат...
Бассаний. Ах, не к лицу! Прикажете, котенок,
Мяукать с вами? Политес, он рабски
Прислуживает выскочке, а дерзость
С него срывает маску. Ваша пылкость
И столь ошеломительная слава

Еще не основание, милорд,
Чтобы писать на лбу мне «рогоносец».

Итеокл. Он потерял от ревности рассудок
И сам не ведает, что говорит.

Бассаний. Я знаю, кто передо мной: кабан,
Искусно прячущий в своем загоне
Звериные склонности к инцесту.

Итеокл. Что-что??

Бассаний. Я растроблю об этом всюду.
Хотя о том, что ты содеял, стыдно
И вслух произнести.

Итеокл. О, монстр!

Профил. Ну, полно.

Пентея. Брат, я прошу...

Граусиа. Его б связать покрепче.
А то такое выкинет!

Хемофил. Гляди-ка,
Старуха дело знает.

Гронея. А не вздуть ли
Нам этого болвана?

Пентея. О, супруг,
Смиренье ли мое такую бурю
Вдруг вызвало? Я вам во всем послушна
И разве что излишне молчаливо
Несу повинность — в этом ли мой грех?

Бассаний. Прекрасная, лишь ты не сыплешь соль
На эти раны. Даже в ослепленье
Нельзя обидеть ту, чей взгляд так кроток
И чье дыханье умиротворяет.

Пентея. О если б ты моей была всецело!
Милорд, пускай из ящика Пандоры²⁹
Все зло падет на голову мою,
Коль я хотя бы в мыслях согрешила
С тех пор, как отдалась вам.

Итеокл. Он не стоит
Того, чтоб облегчать его страданья.

Бассаний. О продолжай, моя отрада. — Дайте
Излиться добродетели, милорд.
Я словно убаюкан горним пеньем.
Так продолжай. Ну разве я хоть раз
Сказал тебе худое слово? Нет же?

Пентея. Ни разу, как и я — клянусь Юноной³⁰ —
Не оступилась.

Бассаний. Мой кумир! Смотри,
Я на коленях.

Граусиа. Зверь, а тоже с сердцем.

Итеокл. Замаливает грех.

Бассаний. О чем вы? Я
Благодарю судьбу. Простите, сударь,

Итеокл. Мне эту вспышку. Докажите нам,
 Что ум ваш, не подверженный ни страсти,
 Ни вымыслам досужим, направляет
 Сужденья ваши, и тогда сестра
 Домой вернется под начало ваше.
 Пока же в этом мы не убедимся,
 Она побудет здесь.

Бассаний. Пронзите лучше
 Мне грудь — я свой конец, как должно, встречу.
 Но не пытайте так.

Итеокл. Вы буйны, сударь,
 Я не могу доверить вам сестру.

Бассаний. Она же оправдалась...

Пентея. Кто безгрешен,
 Тому оправдываться не в чем.

Хемофил (Граусии). Душка,
 Хоть ты мудра и, по всему, девица,
 Смотри мне, не ходи за нами.

Гроней (Граусии). Здесь
 И без тебя проныр хватает.

Уходят все, кроме Бассания и Граусии.

Граусиа. Сударь,
 Как быть? Ушла красавица моя,
 А мне, вишь, к ней нельзя.

Бассаний. А я-то, я-то
 Ее увижу?

Граусиа. Нешто нет, хозяин?
 Еще увидишь. Как же, ведь жена!

Бассаний. Безумье лечат радикальным средством.
 Она клялась мне в верности.

Граусиа. Еще бы!

Бассаний. Слепец, кто не поверит этим клятвам.
 О, я — тиран, но брат ее — вдвойне.
 Возьму ль себя я в руки? Надо мной
 Уже смеются. Как же мне, о боги,
 Спаситься от этой тягостной тревоги?

Уходят.

СЦЕНА 3 Фанфары. Входят Амикл, Неарх, ведущий Каланту,
 Армогст, Кротолон, а также Эфрания, Кристалла,
 Филема и Амел.

Амикл. Мой дорогой кузен, угодно небу,
 Чтоб Спарта с Аргосом союз скрепили.
 Противиться не будем высшей воле.
 Мы ей обязаны рождением дочери —

Я при смерти лежал, когда Каланту,
Наследницу престола, мне послали
Благие небеса. У нашей тетки
Ты — старший внук, и, значит, ты по праву
Преемником Каланты назовешься,
Ее супругом став. Мы не хотели
Неволить нашу дочь, но с одобреньем
Взираем на ее прекрасный выбор.
Вот речи настоящего отца.
Не думайте, что я пришел забрать
Свою кузину в рабство, нет, я счастлив
Быть сам рабом. Ей красота ее
И добродетели снискали славу
В пределах чужедальних; нынче вижу,
Как справедливы слухи, и готов,
Коли принцесса будет благосклонна,
Припасть к ее стопам.

Неарх.

Каланта.

Неарх.

Амикл.

Армоств.

Амикл.

Кротолон.

Амикл.

Кротолон.

Амикл.

Кротолон.

Амикл.

Армоств.

Кротолон.

Каланта.

Неарх.

Вы подаете
Такой пример учтивости, что все,
Со мною во главе, учиться рады
Приемам обхождения у вас.
О девственница, ты всему глава,
Тем паче всех моих надежд.
Так будь же
Хозяином своей судьбы, кузен.
Отказа ты не бойся. Эй, Армоств,
Узнай ответ философа, тут дело
Не терпит отлагательств.

Все исполню.
Твой сын, Кротолон, возвратился в Спарту?

Да, государь.

И он еще не здесь?

Он будет здесь с минуты на минуту,
Великий царь.

Эфранию с Профилом
Давно б уже могли мы обвенчать.

Моя вина, милорд.

Пускай их свадьба

Послужит заодно увеселеньем

Для нашего аргосского кузена.

Мы слишком мрачно дни свои проводим.

Луч одобренья шлет вам солнце, глядя

На мудрое правленье.

И да будет

Могучей Спарта!

Принц, так вы отныне

Вассал мой?

Красота — мой сюзерен.

Каланта. Вы так любезны.

Входят Итеокл, Оргил и Профил.

Итеокл. Рад вас видеть в Спарте.

Когда, Оргил, останемся мы с вами

Наедине, я назову причины,

Что побудили вдруг меня искать

Расположенья вашего. Почту

За счастье называться вашим другом.

Оргил. Я, ваша милость, весь к услугам вашим.

Итеокл (в сторону). А те уже воркуют? Что за мука!

Профил (в сторону). Как побледнел он!

Итеокл. Государь, хочу

Представить вам достойнейшего мужа,

Что прибыл из Афин. Его заслуги

Оценят здесь, надеюсь, высоко.

Кротолон (в сторону). Он сына моего решил представить?

Амикл. Я рад тебе, Оргил. Коль ты в Афинах,

Где столько новшеств, что-то почерпнул

И сможешь остроумными речами

Блеснуть на свадьбе собственной сестры

И не ударишь в грязь лицом пред нашим

Высоким гостем, у тебя в долгу

Я не останусь.

Оргил. Ваш слуга покорный.

Неарх (Каланте). Все время у меня на языке

Подсказки сердца.

Каланта. Кто ж их адресат?

Мы все, Оргил, вас ждали с нетерпеньем.

Оргил. Надеюсь оправдать его, принцесса.

Итеокл. Позвольте, сударь, вам представить брата

Эфрании. Он редкий человек.

арх. Я горд знакомством этим.

Иикл. Так устроим

Большое пиршество, и Гименей,

Как лучезарный Феб, пускай разгонит

Туман и скуку. Будем же гулять!

Лишь музыка и смех в чести сегодня.

Каланта (Итеоклу). Подайте, сударь, руку мне.

(Неарху.)

Милорд,

Неарх. Меня проводят, вы не беспокойтесь.

Итеокл. Как скажете.

Принцесса, я польщен.

Все уходят.

СЦЕНА 4 Входят Кротолон и Оргил.

Кротолон. Так хочет царь.

- Оргил. А значит, так и будет.
 Когда бы мы могли, его вассалы,
 Оспоривать державное решение
 И, взяв в союзники одну лишь правду,
 Освободиться от десницы власти,
 Которая к земле нас пригибает...
- Кротолон. Так ты не возражаешь против брака
 Сестры с Профилом? Он вполне достойный
 И даровитый юноша.
- Оргил. Не ставлю
 Я под сомнение его таланты,
 Дай бог ему во всем преуспевать,
 Я даже породниться с ним не против,
 Дабы упрочить нашу дружбу. Знаю,
 Он нам вреда не сделал никакого
 И уважал наш дом. А вместе с тем
 Не будем забывать, под чьим крылом
 Нашел он и тепло и пониманье,
 Кому он служит верою и правдой.
- Кротолон. Я вижу, сын, в тебе играет желчь.
 Ты помнишь зло, а доброго не видишь.
- Оргил. Не слишком ли ко мне вы, сударь, строги?
 Мне не впервой на крепость проверять
 Подобную сердечность. Итеокл
 Меня собрался ласками осыпать,
 Но очень уж внезапно он сошел
 С высот высокомерия и злобы,
 Что привели к насилью над Пентеей.
 Поиздевавшись надо мною вволю,
 Теперь он стал заискивать и льстить.
 ... Что ж, примирюсь, коль вы того хотите.
- Кротолон. Коль я того хочу? Чего ж хотеть?
 Чтоб ты сгубил нас выходкой нелепой?
 Чтоб ты от злобности завыл, как волк?
 Никак злой дух тебя лишил в Афинах
 Остатков разума. Не он ли в Спарту
 Тебя принес негаданно-нежданно?
- Оргил. Не вовремя, хотели вы сказать?
 Жаль, я не умер там.
- Кротолон. Ты что, покончил
 С делами? Или замысел какой
 Погнал тебя обратно?
- Оргил. Просто, сударь,
 Свирепствует в Афинах лихорадка,
 Грозя опустошеньем.
- Кротолон. Не привез ли
 Другую ты болезнь? Я вижу, сударь,
 Как лихорадит ум твой, что грозит
 Опустошеньем нашему семейству.

- Оргил. Избави бог! Я дам себя скорее
Заклать, как жертву, на могиле Фраза,
Я лучше Итеоклу бухнусь в ноги,
Чем заслужу отцовское проклятье.
Пускай сестра выходит за Профила,
И если стану я хоть в чем-то им
Чинить преграды, пусть меня при жизни
Все ненавидят и чернят по смерти.
- Кротолон. Я, кажется, слегка погорячился.
Прости меня.
- Оргил. И вы меня простите.
- Входят Профил, Эфрания, Итеокл, Гроней
и Хемофил.
- Кротолон. А вот и молодые с Итеоклом.
- Оргил. Рад видеть вас, милорд.
- Итеокл. Взгляните, сударь,
На эту пару благосклонным взглядом,
В единый миг согласие ваше может
Их сделать неразлучною четой.
- Оргил. Даю его. А ты, сестра, клянись,
Что никому другому ты не будешь
Принадлежать.
- Эфрания. Ему иль никому.
- Кротолон. Благословляю, дети, ваш союз.
- Оргил. В преддверии законного венчанья
Дай руку мне, сестра. И вы, Профил.
Согласье да любовь. Ну, а сейчас
Как добрый знак мои вам пожеланья
Я в свадебную песню облеку:
*Будьте мужем и женой!
Словно вечною весной,
Оживляйте сердце наше!
Дом пусть будет полной чашей!
Пусть наветы обойдут
Стороною ваш приют!
Даже став совсем седыми,
Оставайтесь молодыми!
Чтоб не знать вам черных дней!
Чтоб побольше вам детей!
К пожеланьям этим только
Вы еще прибавьте столько.*
- Профил. Желанный миг! Эфрания, ну вот
И стала ты моей.
- Итеокл. Я одного
- Оргил. Лишился друга, но нашел другого.
Свои припомнив детские забавы,
Хотел бы я осуществить на свадьбе
Нехитрую затею. Господа,

Вы мне поможете?

Хемофил.
Гроней.

Охотно, сударь.

И мной вы смело можете, милорд,
Располагать.

Итеокл.

И мной! Ты только нам

Приказывай, Оргил!

Оргил.

Какая честь!

Вы сами, сударь, снизошли до скромной
Моей персоны. Постараюсь вам
Воздать сторицей.

Итеокл.

Это ли не друг?

Кротолон.

Я счастлив, сын, что ты переменялся.
Все к лучшему.

Оргил.

Я рад вам услужить.

Все уходят.

СЦЕНА 5

Входят Каланта, Пентея, Кристалла и Филема.

Каланта.

Кто б ни пришел, скажи, что я пока
Не принимаю.

Кристалла.

Слушаюсь, принцесса.

Каланта.

Ни перед кем дверей не открывать,
Ну разве царь...

Филема.

Все, госпожа, исполним.

Кристалла и Филема уходят.

Каланта.

Ну вот мы и одни, как ты просила.
Теперь тебе никто не помешает
Открыть мне сердце.

Пентея.

Я до самой смерти

Услуги, ваша милость, не забуду.
Бежит песок в часах моей судьбы,
Еще пять-шесть минут — и время станет;
Я слышу некий голос изнутри,
Он предвещает близкую кончину.

Каланта.

Все это меланхолия, дружок.
Земная слава призрачна, как сон,
Что отлетает. На подмостках жизни
Играла молодость моя недолго:

Пентея.

Промчались сцены глупого тщеславья,
Купавшегося в разных наслажденьях,
И вот — трагический финал. Умеют
Людская чувственность и себялюбье
Творить кумиров, но какой в них прок,
Коль подлинная страсть пойдет на приступ
Неукрепленной цитадели духа?

Каланта.

Тебя саму растрогало, должно быть,
Всеобщее сочувствие. К чему

- Каланта. Когда я стану прахом, пусть вспомнят
Его по праву добрыми словами.
Искусна ты в бесхитростной игре
Воображенья. Вот так завещанье!
Еще один алмаз?
- Пентея. Он; ваша светлость,
Особенно мне дорог. Постарайтесь
Распорядиться им как можно лучше.
- Каланта. Ты можешь положиться на меня.
- Пентея. Когда-то отдала свое я сердце
И без него с тех пор живу, иначе
Его б я тоже завещала нынче.
Но вместо сердца завещаю вам,
Надежда Спарты, добрая Каланта,
Единственного брата моего.
Что это значит?
- Каланта. Итеокл, мадам,
Боготворит вас, но не честолюбием,
А чистым, как молитвы, обожаньем,
Он движим, видит бог. Он стал похож
На тень, что молча следует за вами.
Взгляните ж на него из состраданья,
Великая принцесса.
- Каланта. Мне ответить?
- Пентея. Иль я ослышалась?
Скорее сердце
Себе он даст испепелить презреньем,
Чем взгляд осмелится поднять на эти
Небесные черты, он даже мысли
Склоняет долу, вслух же говорит
Он лишь о том, что услужить вам рад.
Брат любит вас. Явите благородство
Души, не только крови: иль утешьте,
Иль вынесите смертный приговор.
И ты осмелилась вот так, открыто,
Испытывать мой гнев?
- Каланта. Прощаясь с миром,
В преддверье рая брату я должна
Хоть чем-то облегчить земные муки.
Поверьте, он не знает ничего
Об этом разговоре. Но учтите,
Один ваш гневный взгляд, одна насмешка —
И он убит; тогда вы убедитесь,
Что жизнь его зависела всецело
От вас и только вас.
- Каланта. Ты забываешь,
Кто мой отец.
- Пентея. Поймите и меня,
Ведь он мой брат — безжалостный, жестокий,

И все же брат!

Каланта. Ну, хватит. Эй, Кристалла!
Сюда, Филема. Пусть мое молчанье
Тебе ответом возмущенным будет.

Входят Кристалла и Филема.

Обе. Мы здесь, мадам.

Каланта. Пентее стало дурно.
Домой ее сведите.
(В сторону.) Итеокл?
Какой-то бред!

Пентея. Все, чем могла, ему
Я помогла. Теперь я смерть приму.
Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I Входят Итеокл и Армост.

Итеокл. Не много ли вопросов? Любопытство
Не знает ни приличия, ни меры,
Особенно, милорд, в делах любовных.
Вы все не так толкуете.

Армост. Племянник,
Я рад бы ошибиться.
(В сторону.) Он юлит.
(Вслух.)
Пускай тебе стезю укажет небо,
Где, наконец, ты обретешь покой.

Итеокл. Я много зла Оргилу причинил,
Сестре же и по давню, а сейчас
Раскаиваюсь. Лишь сейчас, милорд.
Не поздно ли? Безумие способно
Так начудить, что запоздалый опыт
Становится никчемным, точно вексель
Банкрота, что к оплате не берут.
Какой прекрасный человек Оргил!

Армост. Не спорю я, но вынуждено ухо
Внимать тому, что говорит язык,
А в тайну мыслей глаз не проникает.
Он, сударь, темный человек. Принцесса!
Принцесса?

Итеокл. С нею принц.

Армост.

Входят Неарх, ведущий Каланту, за ними Амел,
Кристалла и Филема.

Неарх. Благоволите,
 Прекраснейшая, в знак расположенья
 Пожаловать меня особым знаком,
 Безделицей.

Каланта. Игрушкой?
 Неарх. До игрушек
 Любовь охотница, ведь Купидон
 Ребенок. Пустяка вам жаль?

Каланта. Вы слишком,
 Любезный мой кузен, высокородны
 Для пустяков. За мелочью такой
 Нагнется тот, кто при повторной встрече
 Пропажу госпоже вернет в надежде
 На похвалу.
(Бросает колечко к ногам Итеокла.)

Амел. Я подниму, пожалуй.
 Итеокл. Свой пыл умерьте, сударь. На коленях
 Я возвращаю госпоже пропажу.

Неарх. Какая дерзость!
 Каланта. Отчего ж, вот так
 И должно на колени становиться
 Пред госпожой. Он, право, заслужил
 Кольцо. Кузен, идемте.

Неарх и Каланта уходят.

Итеокл *(Амелу)*. Ну-ка, песик,
 Скорее за хозяином, не то
 Заставлю хвост поджать.

Амел. Полегче, сударь.
 Уходят все, кроме Итеокла и Армоста.

Армост. Ты забываешься.
 Итеокл. Есть, сударь, люди,
 Которые ни в чем себе не любят
 Отказывать: наелись до отвала —
 И баиньки. Во сне же перед ними
 Прносятся прелестные картины:
 Наряды, деньги, титулы и званья,
 Дворцы, поместья и любовь народа,
 Красотки, осаждающие спальню,
 И страстные лобзанья по ночам.
 Но это — сон, а я хочу всей кожей,
 Да что там, каждой жилочкой изведать
 Телесное, живое наслажденье.
 Ведь я уже отчаиваться начал,
 И вдруг такой сюрприз! Она сама
 Свое колечко мне дала.

Армост. Швырнула.

Итеокл. А что она при этом говорила!
Кузен остался с носом.

Армо ст. И унес
Смертельную обиду.

Итеокл. Порадела
Пентея за меня — и вот плоды.
Ну чем воздам ей за услугу эту?
А он...

Армо ст. Что ты хотел сказать?
Итеокл. А он
Пусть бесится. Как смерч, его дыханье
Сотрет с лица земли всех лизоблюдов,
Но знай, при этом ни единый волос
На голове моей не шевельнется.
Посмотрим, кто кого. Одна улыбка
Принцессы так возвысит человека,
Что никаким аргосским принцам, сударь,
С ним не сравниться.

Армо ст. Ох, не возносьсь.
Иль ты забыл, как Иксион, обняв
Юнону, поглядел — ан это туча,
Зачавшая уродливых кентавров³¹.
Чем не урок: амбиции, покоясь
На облаках иллюзий, порождают
Чудовищ.

Итеокл. И на том спасибо, сударь.
А все ж, из благодарности к судьбе,
Я не могу, попробовав на зуб
Прекрасный плод, вдруг в страхе отказаться
Его глотать.

р ст. — Бесславно кончит тот,
Кто не внимает голосу рассудка.

х.
ил. Входят Неарх, Оргил, Амел.
Он дерзок!
Это недоразуменье.
Я знаю Итеокла, он так ласков
И обходителен — само зеркало,
В котором отразилось совершенство.

Амел. Ну да, ведь «песик» — ласковая кличка.
Где вы воспитывались?

Итеокл. На конюшне!
Неарх. Воистину, вот рыцарь поля брани
И обожатель шпаги, грубый, резкий,
Не сведущий в высокопарном слоге
И в светском обхожденье.

Итеокл. Чушь собачья!
Оргил (Неарху). Вы плохо знаете его, милорд.

Неарх (*Итеоклу*).

Иль вам напомнить, кто я?

Итеокл.

Вы родня

Принцессе — это вас и защищает.

Неарх.

Равно как и царю, царю, который

Всем ныне повелел превозносить

Вас до небес. Так вот, царю я, сударь,

Кузеном прихожусь.

Итеокл.

Величье духа

Божественнее, чем величье крови.

Армоств.

Молчи!

Неарх.

Ему гордыня роет яму.

Гриб, юноша, ничтожен рядом с кедром.

Уходят Неарх и Амел.

Итеокл.

Вернись! Ужель безропотно я дам

Так унижать себя? Посмей еще раз

Заговорить здесь о грибах! Как видно,

Все эти геральдические звери

На епанче — обуздывают нрав,

Как льва намордник.

Армоств.

Ох, беда, беда!

Оргил.

Язык твой — враг твой.

Что ж, в вопросах чести

Нам не до осторожности. Я слышал,

Всё началось с кольца?

Итеокл.

Его принцесса

На землю бросила, а я поднял.

Неужто я отдам свою добычу?

Да будь он ядовитее змеи,

Скорей позволю в грудь себя ужалить,

Чем уступлю. Поверишь ли, Оргил,

Меня смешали с грязью.

Оргил.

Перед дамой

Нельзя ронять себя.

Итеокл.

Ронять!

Армоств.

Умерь

Свой дикий нрав, если ты не хочешь

Ума лишиться.

Оргил.

Чувству, как фонтану,

Потребен выход.

Входит Текникус.

Армоств.

К нам идет мудрец,

Чтобы пролить спокойствия бальзам

На рану необузданного гнева.

Оргил (*в сторону*).

Зачем он здесь?

Текникус.

Смертельной эта рана,
Боюсь, окажется, и очень скоро.
Армоств, вот мой ответ царю Амиклу,
Узнает предвозвестие богов
Он из него. О горький жребий Спарты!
О Лакедемон! Имена различны —
Судьба ж одна. Залихорадит царство,
И вот уже царя трясет озноб.
Я отправляюсь в Дельфы. Пусть Амикл
Не шлет за мной гонцов — так Аполлону
Угодно.

Армоств.
Текникус.

Ты не встретишься с царем?
Мне более высокое служенье
Назначено. Запомни, Итеокл:
*Созреет юность, старость источится —
И прах с разбитым сердцем обручится.*

Итеокл.
Текникус.

Твои слова темны.
А ты, Оргил,
Клянусь слезами этими, не мог
Забыть, что я сказал тебе когда-то.
Что именно?

Армоств.
Текникус.

На доброте стояло
И простоит вовеки все вокруг,
А злоба под собою рубит сук.

Оргил.

Не Аполлонов жрец и не Эдип я,
Чтобы решать загадки³².

Текникус.

Мне пора.
Опорой будьте все царю. О Спарта!
О Лакедемон!
Уходит.

ост.

Этот ясновидец
Предрек беду.

л.

Пускай свои угрозы
Приводят в исполнение сами боги,
А страхами беды не отвратить.
Я сам себя казню. Моя Каланта!

ст.

Да пощадит нас небо!
Уходят оба.

Оргил.

Мудрый старец
Изрек в слезах: *«На доброте стояло
И простоит вовеки все вокруг,
А злоба под собою рубит сук»*.
Старик добра мне хочет, но частенько
Он заговаривается. Пентея
Не запретила на нее смотреть.
Раз так, я подойду к ней и отважусь
Заговорить — не онеметь бы только.

Уходит.

Чем в трюмах корабля, который носит
Весь род людской по волнам жизни. Ты,
Ревнивец, так жену свою измучил,
Что жизнь ей не мила.

Бассаний. Добей меня.
Пускай до дна, Оргил, я выпью чашу
Страдания.

Оргил. Кошунствовать не смей,
Когда такое горе. Видно, парки
Царя ее души, пресветлый разум,
Повергли с трона. Но еще ужасней,
Что, видя это, я остался жив.

Бассаний. Терзай меня, я все снесу покорно.
Ничто мою решимость не подточит:
Ни ругань, ни открытые издевки.

Оргил. Так пусть умрет твоя любовь к Пентее,
Пускай опустошенная душа
Не знает больше радостей. Меж нами
Ты вырос, как бесплодная скала.

Входят Итеокл, Пентея с распущенными волосами, Филема,
Кристалла.

Итеокл. Сестра, ты плачешь? Ну скажи хоть слово.
Ты что, не узнаешь меня? Молчит.
Увы! Смотри, Бассаний, эта жертва
На совести твоей.

Оргил. Теперь ты видишь?
По-твоему, все это только шутка?
Что ж не смеешься?

Бассаний. Лучшая из лучших,
Забудь мое тиранство. Снисхожденье;
О несравненная, тебе к лицу.
Изжил я вспышки гнева, что являлся
Непрошенным и похищал мой сон.
А ты считал, что я тебя дразню?
Давайте, как сирены, петь печально,
Пусть каждый голос в песне погребальной
Ласкает ухо. Потеряв голубку,
Вдруг падает и голубь бездыханный.
Ах, как прекрасно умереть во сне!
А я, хотя глаза мои открыты,
Давно уж сплю. Нет ничего страшнее,
Чем свой обет нарушить. Каждый волос
На голове моей, как груз свинцовый,
Гнетет к земле. Пора, пора в могилу.
Мой путь уже окончен.

Итеокл. Что ты, что ты!
Тебе, Пентея, жить и жить. Твой путь
Лишь начинается.

Бассаний.

Скорее солнце

Закутается в черную вуаль,
Чем та, кому назначено природой
Сиять над миром, даст себя затмить.

Оргил.

Что он городит? Кажется, старик,
Ты тоже с горя тронулся рассудком.

Пентея.

О почему я матерью не стала!

Была б теперь детьми окружена,
Мы вместе хохотали бы и вместе
Глотали слезы... Если бы, отец...

Но поздно! Мне нельзя иметь детей,
И не моя вина, что так случилось.

Бассаний.

Обрушь потоки лавы на меня,
Пылающая Этна! Адский пламень,
Спали меня живьем! Нет сил смотреть.
На этот ужас.

Оргил.

Что же я стою?

(В сторону.) Пора отбросить маску лицемерья
И совершить возмездие — такое,
Чтоб вечно помнили, — над тем, кто зло
Посеял, и над тем, кто, распаляясь
От ревности, его преумножал.

(Вслух.) Чего ж стою я?

Итеокл.

Замолчи, Оргил!

Бассаний.

Пусть говорит и, как паяц, смеется
Над дикостью моей. Ведь я смешон
В своем безумии. Как до сих пор
Не рвется сердце!

Пентея.

Я тебя любила.

Оргил.

Я знаю и наперекор всему

Люблю тебя.

Пентея.

Дай руку мне свою.

Не больно, как я жму?

Оргил.

Душе больнее.

Пентея.

Дай я ее за это поцелую.

Какая мягкая ладонь... Скажи,
Я подурнела? Что же ты молчишь?

... Мы были счастливы, но, как известно,
Хорошего, мой милый, понемножку.

Так он решил. (Показывает на Итеокла.)

Но и ему досталось:

Из-за принцессы сам лишился сна...

Пойдут ей кружева... Когда в саду
Мы встретились, ты потерял рассудок,
Но я нашла, чем охладить твой жар.

... Все он, все он...

Итеокл.

Бедняжка, у нее

Бред начался.

Бассаний (Оргилу). Вы, сударь, перестали
 Меня терзать?

Оргил (в сторону). Она мне подсказала.
 Как действовать. Встряхнись же после спячки!
 (Вздых.)
 Позволь и мне поцеловать твою
 Божественную руку.

Пентея. Вот она.
 Как губы холодны твои, мой мальчик!
 Ты побелел как мел... Иль призрак рядом?
 Он добрый... Из расселин, посмотрите.
 Сочится кровь... из этих аметистов
 Премиленькие делали сережки
 Холостяки на свадьбе...

Оргил. Отлети,
 Душа, спокойно. Если это бред,
 То бред пророческий.

Уходит.

Итеокл. Давно ль, Кристалла,
 Она не спит, что так бессвязны речи?

Кристалла. Дней десять, сударь.

Филема. И все это время
 Она, считайте, ничего не ела.

Бассаний. О горе мне!

Пентея. Не надо убиваться.
 Лишь посвятите добрым начинаньям
 Остаток жизни. Если б вы, милорд,
 Соединили руки двух влюбленных,
 Как мой покойный батюшка когда-то
 Хотел соединить их, вы бы стали
 Моим отцом. О эти два тирана —
 Жестокий брат и мнительный супруг!
 Оплакивай, как горькая вдовица,
 Убитую любовь и честь свою,
 Которой и при жизни и по смерти
 Бесславье уготовано... Ну что ж,
 Раз уж проникла в кровь мою зараза,
 Пусть поскорей меня оставят силы.
 Умру от голода, и вместе с плотью
 Земле предайте все мои надежды.
 Сознание мое слабеет...

Армоств. Ты,
 Племянница, сама себя погубишь.

Итеокл. Природе бросить вызов! Отказалась
 От пищи? Но ведь это преступленье!
 Сестра, не убивай себя, ты слышишь?
 А ты, Бассаний, что молчишь как рыба?

Бассаний. Мне надо с мыслями собраться. Сударь,
Все будет хорошо, я вдруг припомнил,
Что есть такая хитрая уловка,
Как не худеть и оставаться в теле
И жизнь в себе поддерживать, при этом
Не принимая пищи: можно дымом
Питаться или запахом³⁵. Я это
Проверю.

Пентея. Помогите мне идти.
Подруги наши, скорби и печали.
В конце вы с нами так же, как в начале.
Девушки уводят Пентею.

Бассаний. Я докажу вам всем, что это так.
Хоть кажется оно невероятным:
Я слышал сам о случаях таких.
Бегу, друзья, а вы меня дождитесь!

Уходит.

Армоств.
Итеокл. Чудовишно!
Такой тяжелый камень
На сердце давит, что от боли я,
Признаться, оступел... Смотри-ка, ворон,
Беду принесший, вновь летит сюда.
Он нам не даст житья, коли не сможем
Изгнать из этой пышной оболочки
Мы злого беса.

Армоств. Брось ты эти шутки.

Входят Неарх и Амел.

Неарх. Я, сударь, не затем пришел, чтоб вам
Пенять за вашу выходку: солдаты
И в мирной жизни так же грубоваты,
Как на войне, тем более такой
Молоденький и баловень судьбы.
Не требую я также объяснений,
Вы нынче же дадите их принцессе,
Которая вас ждет на галерее
Для разговора с глазу на глаз. С этим
Она меня послала.

Итеокл. Принц, я ваш
Слуга, и поле для словесной брани
Готов покинуть я как побежденный.

Неарх. Царю вдруг стало худо. Я послал
За докторами.
(Армоству.) Вам бы в самый раз
Быть там сейчас.

Армоств. Милорд, целую руки.

Итеокл и Армоств. уходят.

Неарх. Амел, я вижу, что в груди Каланты
Костер пылает, но не тот, который
Я хворостом своей любви хотел
Разжечь в ней. Восходящая звезда
Ее желаний — юный Итеокл,
А он ведь, рассуждая непредвзято,
Достоин самых лестных слов.

Амел. Но принц,
Ужели вы допустите равенство,
Признавши в нем соперника?

Неарх. Пожалуй.
Тиранство и насилие над чувством
Способны погубить его — так буря,
Не дав побегам укрепиться, с корнем
Их вырывает. Видел, как Пентея
Надломлена и как Оргил несчастен?
Амел. Так как же быть, милорд?

Неарх. На людях стану
Их ревновать, а втайне помогу.
Они и не поймут, кто их союзник.

Уходят.

СЦЕНА 3

Хемофил и Гронея вводят под руки царя и усаживают его в кресла. За ними следуют Армоств, Кротолон и Профил.

Амикл. Где дочь?

Армоств. Уединилась, государь,
На галерее.

Амикл. А кузен мой?

Профил. Принц
Гуляет в роще.

Амикл. Можете идти.

А вас, Кротолон и Армоств, прошу
Остаться я.

Профил. Здоровья вам, милорд.

Уходят Профил, Хемофил и Гронея.

Амикл. Где Текникус?

Армоств. Перед уходом в Дельфы
Он вашей светлости оставил свиток.

Амикл. Сломай печать, Армоств, и мы узнаем,
Что предвещал оракул... Не томи...

Армоств (читает). Будь трижды славен Аполлон! Читай же.

*Земля, что жизнь лозе дала,
Бесплодна станет, как скала.
Зачахнет корень без воды,
Иссохнут сочные плоды.*

*Соседний вяз слезу прольет,
Земля же снова оживет.*

А микл. Ты нам прочел, что говорил оракул.
А как толкует это все философ?

Армост (читает). *Земля здесь — Спарта, корень — царь.
Ту, что лелеет государь,
Ждет участь высохших плодов.*

А микл. *Принц добрым вязом стать готов.*
Так-так... Хотя толкует он туманно,
Нетрудно догадаться, что осталось
Совсем немного жить моим сединам.
Но дочь, едва успевши расцвести,
Ужель увянет? Быть того не может,
Чтоб нежному цветку жестокий рок
Послал погибель?

Армост. Вы уж извините
Меня за смелость, только, воля ваша,
Иначе я все это разумею:
Дочь ваша выйдет за соседа-принца,
И тот, слезу на радостях пролив,
Лишь укрепит устои государства.

Кротолон. К тому ж слова оракула, милорд,
Тогда лишь нам ясны, когда события
Их истинность доказывают. Верно
Толкуют люди: Истина — дитя
Седого Времени. По мне, оракул
Сулит удачу Спарте.

А микл. Дай-то бог...
Где Итеокл? Я вас прошу, милорды,
Когда лозу моей увядшей жизни
Вернут земле, отдав ее сначала
На милость погребального костра,
Вы окружите юношу заботой,
Ведь он служил мне верою и правдой.
Ну, а сейчас пусть все войдут.

Армост (в кулисы). Входите.

*Входят Итеокл, Каланта, Профил, Оргил, Эфрания,
Хемофил и Гронеи.*

Каланта. Милорд! Отец!

Итеокл. Мой добрый повелитель!

А микл. О вы, две ветви всех моих надежд,
Не надо преждевременных стенаний.
Такого нет лекарства, чтоб пресечь
Старение иль юность чтоб вернуть.
Я скоро сброшу все мои болезни,
И пусть забрызжут молодые соки
Неистовым потоком в час утраты!
Эфрания с Профилом обвенчались?

Кротолон. Сегодня утром.
 Оргил. Да, сегодня утром.
 Взгляните на мою сестру, милорд,
 И сразу все поймете. Так румяна
 И весела, как будто разгадала
 Загадку: сколько можно приобрести,
 Теряя малость? Ясно, что девицам
 Вопрос не по зубам. (*Эфрании.*) Ты покраснела?
 Был строг наряд — теперь наряд свободный,
 Блюла себя — теперь тебя блюдут:
 Все отдала, а в общем не в накладе.
 Эфрания. Вам все б шутить.
 Амикл. Оргил повеселел,
 Приятно видеть. Что же остальные
 Нахохлились? Так свадьбу не играют.
 Каланта. Мы отменили свадьбу, услышав
 О вашем нездоровье.
 Амикл. Потрудитесь
 Возобновить ее. Я сам прибуду,
 А не смогу — играйте без меня.
 Чем, Итеокл, тебя мне одарить?
 Итеокл. Милорд, я вами вознесен безмерно.
 Каланта (*в сторону*).
 Сейчас иль никогда! (*Вслух.*) Позвольте просьбу.
 Амикл. Считаю, я выполнил ее.
 Каланта. Отдайте
 В мое распоряжение Итеокла,
 А я его, как своего вассала,
 Вознагражу.
 Амикл. Воистину, ты дочь
 Царя Амикла.
 (*Итеоклу.*) Дай-ка, сударь, руку.
 Передаю его тебе, Каланта.
 Уж он не подведет. Не уступил бы
 Я никому тебя, мой Итеокл,
 Но мы одно с ней целое, ты знаешь.
 Итеокл. Служа принцессе, остаюсь я вашим
 Слугой.
 Каланта (*Итеоклу*). Теперь ты мой.
 Держу я слово?
 Итеокл (*Каланте*). О да!
 Оргил (*Итеоклу*). Благодеяния принцессы
 Из рога изобилия теперь
 Посыпятся. Вы баловень судьбы.
 (*В сторону.*)
 Завидный взлет! Ишь нос-то как задрал!
 Смотри, приятель, можно и споткнуться.
 Амикл. Так веселитесь. Чтобы я не видел
 Здесь постных лиц! Ну, а меня снесите

В опочивальню.

Все. Да хранят вас боги.

Каланта (Итеоклу). Будь рядом.

Итеокл (Каланте). Я от счастья захмелел!

Все уходят, сопровождая портшез царя. Оргил останавливает Итеокла.

Оргил. Осмелюсь ли, милорд, к вам обратиться?

Итеокл. Давай без церемоний. Ведь Профил
С Эфранией нас породнили. Правда,
Ближайшие друзья, женясь, как будто
Тотчас же отдаляются от нас.

Оргил. Святая правда, сударь... ваша светлость...

Итеокл. Точнее, августейшая особа.

Оргил. Ты это мне? Вассалу?

Итеокл. Пусть венец
Достойному на голову возложат;
В душевном благородстве больше проку,
Чем в генеалогическом клубке
И притязаньях крови. Вы любимы,
И кем! Амур, коль я не ошибаюсь,
Колчан свой Итеоклу передал,
А тот одной стрелой пронзил навывлет
Сердечко нежное принцессы.

Итеокл. Что ты!

Оргил. Я, сударь, сам искал руки однажды
И был любим в ответ, любим настолько,
Что, не сочтите за намек, ничто,
Казалось, не могло расстроить свадьбы.
Все шло к тому, и, если посмотреть
Со стороны, я так же близок был
Тогда к блаженству, как сейчас...

Итеокл. Довольно,

Ты прав. Во избежанье недомолвок
Своей сердечной тайной поделюсь:
Я обручен с принцессой.

Оргил. Поступила

Она куда как мудро: если царство
В свои вы руки примете, уверен,
Не будет справедливее монарха.
Вся Греция падет пред вами ниц.

Итеокл. О, стану я счастливейшим из смертных!
Воссяду я с богами...³⁴

Оргил. Воспоют

Вас любящие дети и поэты,
Вы будете шагать по распростертым
Телам нотаблей ваших.

Итеокл. Заручась

Твоею дружбой.

Оргил. Я всего лишь раб.
Итеокл. Но мы равны. Ведь титулом я буду
Обязан ложу брачному, а так
Что ты, что я...

Оргил. Что говорить о ложе!
Когда присыпят нас одной землей,
Все ложа хороши, ну разве только
Плита подскажет — где холоп, где царь.

Тихо вступает печальная мелодия.

Итеокл. Но что это? Как музыка печальна.
Не из покоев ли Пентеи?

Оргил. Тсс!

Из-за кулис доносятся слова песни.

*Полно убиваться. Свечи
Жизни догорают. Чист
Путь мой, как руно овечье,
Как бумаги белый лист.
Гаснет свет души безгрешной,
Наступает мрак кромешный.*

*Навсегда закрывши веки,
Спит любовь и видит сны.*

И ни утра, ни весны

Ей не увидеть вовеки.

Не предай любви,

Без нее на свете не живи.

Итеокл. Все это не к добру!
Оргил. Тревожна песня;

Еще тревожней эта тишина.

О, что в тебе таится, женский плач?

Уходят.

СЦЕНА 4

Кристалла и Филема вносят кресло, в котором сидит покрытая черным покрывалом Пентея; справа и слева от нее слуги ставят по креслу, одно из которых снабжено механическим устройством. Обе девушки усаживаются у ног госпожи, храня скорбное молчание. Слуги, уходя, сталкиваются с Итеоклом и Оргилом.

Слуга (Оргилу).

Готово. То, что справа...

Оргил. Вы свободны.

Слуги уходят.

Итеокл. Мир этим стенам.

Оргил. Что с Пентеей нашей?

Филема. Мертва.

Кристалла. Мертва.

Филема.

Угасла.

Кристалла.

Отошла.

Итеокл.

Увы мне!

Оргил.

Как все было?

Филема.

Госпожа

Велела нам оплакать жизнь свою.

Я песню погребальную запела,

Кристалла подыграла мне на лютне.

Кристалла.

Не отзвучал еще аккорд последний,

Как вдруг она: «Жестокий Итеокл...

Несчастный мой Оргил...» — и опочила.

Итеокл.

Она мертва!

Оргил.

Уйдите, феи смерти.

Наш траур горек и без ваших слез.

Подите прочь. И никому ни звука

Об этой смерти. Безмятежны будут

Пусть ваши лица.

Филема и Кристалла уходят.

Сударь...

Итеокл.

Без сестры

Оргил.

Осиротел я.

Сядьте в это кресло,

Я сяду здесь, а между нами пусть

Сидит она. Оплачем наше горе.

Чтоб сердце растравить, могу я вам

Печальную историю поведать.

Садитесь же, милорд.

Итеокл.

Да-да... конечно...

(Опускается в кресло, и наручники схватывают ему запястья.)

Что это значит?..

Оргил.

Угодил в капкан!³⁵

Глупец, страдавший манией величия,

Ну вот ты и на троне. А теперь

Сниму я покрывало — полюбуйся

На ту, чью красоту ты опалил

Огнем, о самозванный Фазтон!³⁶

Итеокл.

И ты меня убьешь столь вероломно?

Оргил.

Конец ее предвидя, заманил я

Тебя сюда: тиран, ты в жертву будешь

Голубке принесен. Мечтал о царстве?

О прелестях принцессы? О минуте,

Когда кивнешь — и этого возвысишь,

А сдвинешь брови — и того казнишь?

Ни крики, ни стенания Пентей

Не достигали слуха твоего;

Моя же боль не тронула тем паче

Изысканнейших струн твоей души,
Но эта сталь — за все расплата.
(Извлекает кинжал.)

Итеокл.

Бей же.

Не дрогну я, как, думаю, не дрогнет
Твоя рука. А если промахнешься,
Ударь еще раз и наверняка.
Ты полагал, я запрошу пощады
— Из страха не достичь зенита славы,
Но я не стану честь твою лишать
Возможности отомстить за униженья,
Я даже отказался б от дуэли,
Где можно ждать двойного исхода.
Я понимаю, это не убийство,
А лишь возмездие, так не тяни же!
Но знай, я буду по ночам тебе
Являться.

Оргил.

Ты достойно смерть встречаешь,
Клянусь о том принцессе доложить.
Мне тоже, между прочим, жить недолго:
Моя душа нагонит скоро твой
Смятенный дух, а там уж нас рассудит
Благочестивый взор Пентеи. Дай-ка
Свою мне руку, чтобы легче было
Оставить мир. Ну, вот и все. Прощай.
(Вонзает ему в грудь кинжал.)

Итеокл.

Дай силы мне, о небо, чтоб не дрогнуть.

Оргил.

Мужайся. Я не стану продлевать
Твои мученья.

Итеокл.

Да простят тебя
За это боги. Видишь ли, Пентея,
Как рядом брат твой истекает кровью?
Сниму ли этим я с себя вину
За честь твою, растоптанную грубо?
Властолюбивые желанья, грезы
О счастье и любви — все отлетает
С последним вздохом... Прямо с алтаря
Душа... ища покоя... взмывает... в небо...
(Умирает.)

Оргил.

Прощай, великий муж. Иду навстречу
Такому же великому страданию.
Тела запроу, покуда не свершится
Начертанное. Звезды-близнецы,
Светите вечно. Всех нас ждет одно.
Лишь имя остается, лишь оно.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I

Входит Бассаний.

Бассаний. Послал гонца в Афины — колыбель
Учёности и цитадель ума...
Эх, дожили: толкового совета
Не сыщешь в целой Спарте. Все свихнулись,
Решительно свихнулись... Аполлон
Пошлет мне чудо-травку...³⁷ В Дельфы тоже
Гонец отправился. Не здесь, так там
Отыщется целительное средство.

Входит Оргил.

Оргил. Мое почтенье, сударь.

Бассаний. Ах, позвольте,
Я ускользну, как мышка. Мне нельзя
Под страхом смерти видеть вас, милорд.
Пусть заяц мне перебежит дорогу,
Иль ведьма встретится с ногой петушьей,
Иль капнут из носу три капли крови,
Пусть каркнет ворон или ухнет филин,
Все лучше, чем во время размышлений
Увидеть вас... Вы гонитесь за мной?
Друг к другу мы немного охладели,
Но я тебя не разлюбил, не думай.

Оргил. Меня вы с кем-то спутали, милорд.

Бассаний. Увы, теперь беды не оберешься.
Терзай меня, пытай, я все стерплю!

Оргил. Но я твой друг. Клянусь душой, тебя
Не огорчу я ни единым словом.
Я резок был с тобой, так вот, смиреньем
И преданностью постараюсь я
Вину свою загладить.

Бассаний. Верю, верю

И даже шутовской колпак надеть
Готов я в доказательство.

Оргил. Обида

В словах твоих сквозит, но я пришел
С открытым сердцем. Хочешь, я тебе
Секрет поведаю, такой секрет,
Который хоть немного скорбь твою
Развеет? Обещай, что наберешься
Терпения. Речь о таком терпенье,
Какого не было еще в природе,
Оно войдет в анналы, и потомки,
Не в силах повторить пример подобный,
Его как образец превознесут.

Бассаний. Такие тайны в веденье богов.
 Но, видя прямодушие твое
 И доброту намерений, пожалуй,
 Тебя я выслушаю. Для меня
 Твои слова не более опасны,
 Чем молния для лавра³⁸, оживишь
 Ты мраморную статую скорее,
 Чем биться вновь мое заставишь сердце,
 Уже окаменевшее. О чем же
 Хотел ты мне поведать?

Оргил. Обещай
 Хранить все в тайне, как хранит Юпитер
 В своей груди загадки бытия.

Бассаний. В земле лежавший три столетья череп
 Скорей заговорит.

Оргил. И наконец,
 Пред тем, как ты узнаешь о возмездье
 Небесных сфер, во всем повиноваться
 Мне обещай.

Бассаний. Охотно.

Оргил. А теперь,
 Призвав все мужество свое, последуй
 За мной.

Бассаний. Ну что ж, веди, мне страх неведом.

Уходят.

СЦЕНА 2

Громкая музыка. Входят Гронея и Хемофил, ведя под руки Эфранию; Кристалла и Филема ведут под руки Профила; Неарх поддерживает Каланту; за ними Кротолон и Амел. Музыка обрывается, процессия останавливается.

Каланта. Где мой вассал, достойный Итеокл?
 И где Оргил?

Кротолон. Принцесса, сын затеял
 Какую-то диковинную штуку,
 Чтоб нас повеселить. Он с Итеоклом
 Ушел переодеться для спектакля.

Каланта. Что ж, это дело. А Бассаний, верно,
 Бежит веселья. Кто с царем? Армост?

Кротолон. Да, ваша светлость.

Каланта. Начинайте танцы.
 Кузен, пойдемте в парах — вы с невестой,
 Я — с женихом. Эфрания, не хмурься.
 Я искушать его не собираюсь.
 Начнем, пожалуй.

Музыка. Неарх танцует с Эфранией, Профил — с Калантой, Кристалла — с Хемофилом, Филема — с Гронеем. Во время исполнения первой фигуры входит Армост.

Армо́ст (на ухо Каланте). Умер царь.
Каланта. Вторая.

Армо́ст. Фигура.
Как? Возможно ли?

Танец продолжается.
Входит Бассаний.

Бассаний (на ухо Каланте). Принцесса,
Пентея умерла.

Каланта. Подите прочь.

Бассаний. Фигура третья.
Я глазам не верю.

Танец продолжается.
Входит Оргил.

Оргил (на ухо Каланте).
Ваш Итеокл убит, убит злодейски.

Каланта. Кто так играет? Ну-ка поживей!
А то, я вижу, ноги отстают
От сердца, рвущегося в пляс.

Оргил. О боги!

Конец последней фигуры.
Музыка смолкает.

Каланта. Передохнем, пожалуй. Как, однако,
От танцев покраснелись все!

Неарх. Принцесса,

Румянец так естественно ложится
На вашу алебастровую кожу.

Каланта. Приятно видеть радостные лица.
Нет ни стыда, ни совести у тех,
Кто вторгнуться готов в разгар веселья
И горькой нотой праздник отравить.

Неарх. Здесь нет таких.

Каланта. Ах, вот как? Кто ж тогда

Шепнул мне ледящим душу тоном,
Что умер царь?

Армо́ст. Он в самом деле мертв.

То я принес известье роковое;
Он умер на моих руках; корону
И обручальное колечко вам
Он завещал.

Кротолон. Как сдержанна!
Каланта. Покой

Его душе! Так, значит, я царица.

Неарх. Царице Спарты — слава!

Все. Слава! Слава!

Каланта. А что сказал Бассаний?

Бассаний. Умерла
 От истощения моя Пенсия.
 Каланта. Счастливая! Она оборвала
 Мучения. Еще одно известье.
 Мой осквернило слух.
 Оргил. Нашли убитым —
 Зарезанным, точнее, — Итсокла,
 Чей гордый дух, не выказавший страха,
 Лишь посрамил убийцу.
 Армоств. Как? Убит?
 Каланта. Не кто убийца?
 Оргил. Я. А вот орудье
 Моей священной мести. О причинах
 Вы знаете: когда бы не они,
 Ему бы жить да жить и с полным правом
 Стать у кормила власти.
 Кротолон. О, несчастный!
 Что ты наделал!
 Эфрания. Брат!
 Каланта. Так это ты?
 Бассаний. Пускай он скажет сам, как бросил вызов
 Законности, что должно покарать
 Со всею строгостью. А я свидетель
 Того, что преступленье налицо.
 Поэтому не мучь себя, Армоств,
 Подробностями этой жуткой драмы;
 Ты потерял племянника, а я —
 Жену, и все же нам нельзя сдаваться.
 Бери пример с меня: юдоли скорби,
 Способной сделать жизнь для человека
 Страшнее смерти, противопоставил
 Я силу воли, собранной в кулак;
 Со скорбью заключил я соглашение
 (Без всяких оговорок): никакие
 Удары не лишат меня покоя.
 Смотри, я в трауре — и ни слезинки.
 Ношу я боль в себе.
 Каланта. Свое правленье
 Мы начинаем с приговора: казнь
 Ты заслужил, Оргил, за преступленье.
 Сестре твоей и твоему отцу
 Мы разрешим уйти. Благослови,
 Кротолон, сына. Попрошайся с братом,
 Эфрания.
 Кротолон. Прими, мой сын, достойно
 Свой жребий.
 Эфрания. Если б слезы говорили,
 Душа б не так томилась.
 Оргил. Не тужите.

А ты, сестра, будь счастлива с Профилом,
Я не желал вам зла.

Каланта.

Теперь идите.

Кротолон, Профил и Эфрания уходят.

Ты, чей рассказ замешан на крови,
Хотя свою ты жертву и лишил
Всего, включая жизнь саму, — за то,
Что ты о нем похвально отозвался,
Ты можешь выбрать смерть себе по вкусу.
А вас, кузен, и вас, милорды, я
Прошу остаться здесь и проследить
За точным исполнением приговора.
Все сделаем.

Неарх.

Оргил.

Одна, царица, просьба:

Не дайте мне погибнуть от руки
Презреннейшего палача.

Каланта.

Решат

Твою судьбу вот эти господа,
Мои вассалы. Мертвые мертвы,
Им безразлично, как все обернется,
И если б не сейчас, когда-нибудь
Они бы заплатили дань природе.
За дело, господа. А нам пора:
Сегодня коронация.

Уходят Каланта, Филема и Кристалла.

Армоств.

Нисколько

Ее не тронули все эти смерти.

Бассаний.

Мужской характер. Нам ли раскисать,
Как девочкам? Пусть превратятся в камень
Все люди, независимо от пола.

Неарх.

Оргил.

Оргил, твой выбор?

Вены отворить³⁹.

Армоств.

Оргил.

Кому поручишь?

Чем я не хирург?

Умею кровь пускать, как вам известно.

Перевяжите руку, чтоб текла

Свободно кровь. А вот, смотрите, скальпель.

(Показывает кинжал.)

Один из вас пускай придет на помощь

И вскрыет вену на другой руке,

Когда начну слабеть я: так скорее

Мы с этим кончим.

Бассаний.

Я готов помочь.

Исполнить это мне сам бог велит.

Наложим два жгута.

Оргил.

Благодарю.

Лишь тот и друг, кто делает добро,

Не думая о воздаянье. Дайте
Мне в руки что-нибудь. Когда бы с детства
Вид крови опьянял меня, сейчас
Порок мой тайный выдал бы меня,
Наверно, с головой, я б содрогнулся
И, оробев от собственного зверства,
Дрожал как лист, моля о снисхожденье.
Но дух мой тверд, и слабость, что сковала
Меня с тех пор, как ты, Бассаний, вырвал
Из рук моих Пентею, эта слабость
Прошла. Но хватит слов. Теки же, кровь,
Игравшая так бурно в этих жилах!
(*Вскрывает себе вену.*)

Армоств.

Неарх.

Хемофил.

Гроней.

Бассаний.

Отчаянный храбрец.

И жертва чести.

Смотреть нет мочи.

Хоть беги отсюда!

Какой фонтан! Так хлещет молодое
Вино из бочки, стоит выбить дно.
Сожми другой кулак. Ты поблелел.
Не бойся же, моя рука не дрогнет,
Пусть и твоя, Оргил, не задрожит.
(*Вскрывает ему другую вену.*)

Вот так... О как отважно мой соперник
Сражается со смертью! Вот картина,
Достойная высокого стиха,
Который открывал бы для потомков
Величье замысла и торжество
Творца. Ты жив еще?

Оргил.

Пока держусь.

Трем королям я послужу отныне:
Царю я буду ленником; Пентее —
Слугою верным; Итеоклу — честным
Соперником, хоть и не столь отважным.
Не потому я западню устроил,
Что встретиться в открытом поединке
Я убоился, нет, но правый суд
На волю случая не отдается:
Он от возмездия уйти бы мог.

... Мой друг-философ, вдохновленный Фебом,
Предвидел ты конец мой, говоря,
Что злоба под собою рубит сук...
Балуется конь, в слабеющих руках
Не удержаться, чувствую, поведьям...
Из праха вышли и во прах уходим.
Иссяк источник жизни.

Бассаний.

Оргил.

Спущен флаг...

Туман перед глазами... набегают
На солнце тень... черным-черно вокруг...

А сердце-то как лед... тепла не хватит,
Чтоб растопить его... (Умирает.)

Умолк навеки.

Неарх.

Бассаний.

Пожал десницу Времени. Я сам
Его предам земле. Снесите тело.
Нам быть на коронации пора.
Но что за праздник, коль на сердце траур?

Все уходят.

СЦЕНА 3

Алтарь, покрытый белой материей, перед ним горят две свечи. Звучат флейты. Входят четверо, неся к помосту Итеокла в богатой одежде, с венцом на голове. Его опускают подле алтаря. Входит Каланта в белом одеянии и короне; за ней Эфрания, Филема, Кристалла, тоже в белом. Появляются Неарх, Армоост, Кротолон, Профил, Амел, Бассаний, Хемофил и Гронеи. Каланта опускается на колени перед алтарем; женщины следуют ее примеру, остальные стоят в отдалении. Пока царица совершает молитву, звучит тихая музыка. Каланта и фрейлины встают и делают ритуальный поклон перед алтарем.

Каланта.

Молитвам нашим внемля, не оставят
Нас боги попечением своим.
Теперь ответствуйте царице Спарты
По совести: всегда бразды правленья
Мужская, сильная рука держала;
Зачем же вы вручили их сейчас
Неопытной юнице? Мы с трудом
Обуздываем собственные страсти.
Нельзя стране, решающей вопросы
Войны и мира да еще ведущей
Дипломатические игры, вверить
Себя всецело женщине. Ну, словом,
Мне нужен ваш совет, кого в мужья
Мне лучше взять, чтоб он сумел достойно
Страною править.

Неарх.

Ваше пожеланье

Для нас закон.

Армоост.

Мы видели, как здраво

Вы судите — так царствуйте над нами.

Кротолон.

И все ж, царица, если вдруг найдется
Такой, что может править государством
И вам он по сердцу, тогда вдвойне
Окрепнет Спарта.

Каланта (Бассанию).

Вы того же мнения?

Бассаний.

Царица, тьма отчаянья глухого
Заволокла мой разум; мне ль судить
О пользе, преимуществах, изъянах?
Уйти бы мне в забытый небом край,
Где можно провести остаток жизни
Среди рыдающих непорочных дев,

Что суженых своих уж не дождутся,
Среди стенания мужей, чьих жен
Унес жестокий рок, среди скорбящих
Друзей, которых развела вражда,
Отцов, чьи дети пали бездыханны,
Детей, что схоронили самых близких; —
Там буду я своим, и в этом плаче
Мой растворится плач. Что можно ждать
От выжившего из ума вдовца?
Любезный принц...

Каланта.
Неарх.
Каланта.

Мадам?

Когда бы вас

Решила нынче выбрать я в супруги,
Я бы хотела перед всем собранием
Поставить вам условия, милорд.
Готов их выполнить, царица.

Неарх.
Каланта.

Спарта

Должна под вашим быть, кузен, началом;
Над Аргосом поставлю я Армоста;
Кротолон будет управлять Мессеной;
Ну, а Бассаний...

Бассаний.
Каланта.

Я, царица? Я?

Бассаний будет в Спарте за архонта.
Все эти назначения помогут
Вам раны залечить. (Неарху.) А эти двое,
Гроней и Хемофил, послужат вам.
Надеюсь, вы их щедро наградите.
Кристалла будет верною женой
Амелу. А Филему посылаю.
В храм Весты.

Бассаний.

Тут не брачные условия,

Скорее — завещание.

Неарх.

Царица,

Я все исполню.

Каланта.

Что же до Профила,

То пусть его публично удостоят
Тех почестей и титулов, какие
Еще недавно заслужил мой муж,
Несчастный муж.

Профил.
Эфрания.
Неарх.
Каланта.

Я, право, недостойн...

О как, царица, вы великодушны!
«Несчастный муж»? Что это означает?
Вот мой супруг законный, а точнее,
Лишь тень его. Сейчас ему на палец
Я материнское кольцо надену,
Тем самым выполнив наказ отца.
Пред богом и людьми теперь супруги,
Не разлучимся мы и после смерти.
Я, господа, престранным поведением

Вас обманула: помните, когда
Мне троекратно возвещали смерть?
Сдавило грудь, а я все танцевала.
Есть женщины, которые от горя
Так воют, что без чувств, того гляди,
Повалятся, но день-другой пройдет —
Глядишь, защебетали. А другие
Безмолвно чахнут.

Неарх.
Каланта. Страшное признание.
Коснусь в последний раз холодных уст.
(Целует Итеокла.)

Кузен, храните Спарту. Прикажете
Алтарным певчим запевать слова,
Что я на смерть свою сложила.

Неарх. Пойте.
Хор.

*Лоск, богатство, наслажденье, слава —
Все эти забавы*

*Тешат плоть, но душу им
Не опутать колдовством своим.*

Первый голос.

*Мощь державы в Лету канет,
Красота, блеснув, увянет.*

Второй голос.

*Юность, все забрав от жизни,
Подойдет к печальной тризне.*

Третий голос.

*Все земное быстротечно,
Время, только Время вечно.*

Хор.

*Смерть впусивший собственной рукой
Обретет покой.*

*Как венец — любви награда!
Но сердцам разбитым нет отрады.*

Каланта умирает.

Армост.
Бассаний. Царица умерла!

Разбилось сердце.

Ты рождена была для грустной роли,
Но как достойно ты ее сыграла!
С улыбкой на устах.

Армост.

Мудрец сказал:

*Созреет юность, старость источится —
И прах с разбитым сердцем обручится.
Сбылось реченное.*

Неарх.
Все.

Я царь ваш.

Славься

Неарх.

Неарх, царь Спарты!

Не нарушу я
Ни в чем ее последней воли. Надо
Влюбленным этим почести воздать.
Нет, не понять нам неба с нашим знаньем,
Пока мы сами жертвами не станем.
Все уходят.

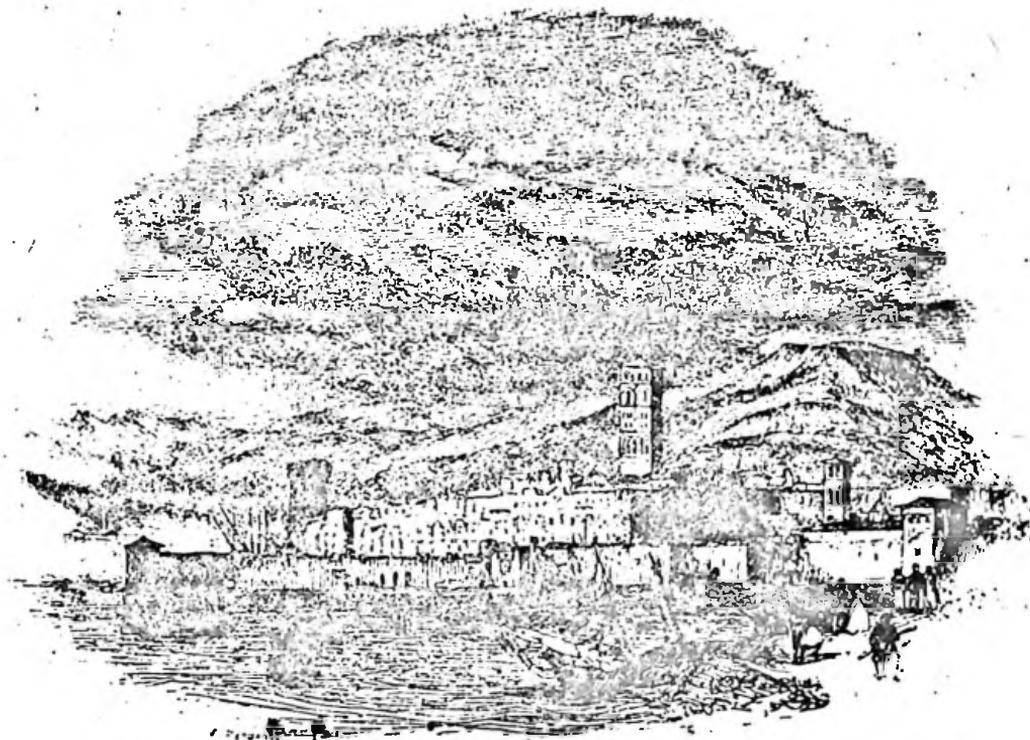
ЭПИЛОГ

Лишь тот бывает справедлив в сужденье,
Кто непредвзято смотрит на творенье;
Сначала надо замысел понять,
А уж потом создателю пенять.
Тот скажет: «Плоско, право же»; другая:
«Концовка смазана»; «Мысль неплохая, —
Заметит третий, — но избит сюжет»;
Четвертый возмутится: «Меры нет»;
«Есть, — пятый возразит, — но, между нами,
Уж очень как-то...» — и пожмет плечами.
Доступен всем нехитрый наш рассказ,
И все же лишь знаток оценит нас.
Теперь, когда всю правду вы узнали,
Ругайте смело автора, каналы.

Джон Уэбстер

**ВСЕМ ТЯЖБАМ ТЯЖБА,
ИЛИ
КОГДА СУДИТСЯ ЖЕНЩИНА,
САМ ЧЕРТ ЕЙ НЕ БРАТ**

Трагикомедия
в пяти действиях

*Достославнейшему и совершенному
во всех отношениях джентльмену,
сэру Томасу Финчу¹, баронету.*

Сэр, пусть Вам не покажется странным, что я ищу Вашего покровительства. Все, на чем лежит печать нравственного, жаждет оказаться под сенью самой нравственности; не думайте, что этим я льщу Вам (лесть мне ненавистна), просто хочу отдать должное Вашим бесспорным добродетелям. Я уже имел честь показывать Вам некоторые мои сочинения, как-то: «Белый дьявол», «Герцогиня Мальфи», «Маска»² и другие; смиренно вручаю сей труд, который, надеюсь, целуя Вам руки, заслужит Ваше благоволение. Не сомневаюсь, что заслужит, достаточно вспомнить величайшего из Цезарей³, легкая рука которого благословляла и более скромные произведения, нежели это. Кроме того, считай я его недостойным, я бы не осмелился просить для него столь достойного покровительства. Зная, что Вы сама доброта, не только не сомневаюсь в счастливом исходе, но пребываю в совершенной уверенности, что выбор мой как нельзя более удачен. В ожидании любезности, которую Вы мне оказываете, остаюсь навечно

покорный слуга Вашей милости
Джон Узбстер

Искушенному читателю⁴.

Соглашаясь с Горацием, что *Sapientia prima, stultitia caruisse*⁵, я нахожу, что в сочинениях подобного рода я свободен от пороков, пронстекающих из невежества, и, надеюсь, это вполне подтвердит данная пьеса. Вот почему я адресую ее главным образом тебе, искушенный читатель, хотя *Locus est, et pluribus umbris*⁶, так что все прочие, пускай незваные, вольны занять соседние места и прочесть ее. Однако же последним, предложи им даже самую возвышенную музыку, она доставит им не больше наслаждения, чем *auriculas citherae collecta sorde dolentes*⁷.

Я вовсе не жажду услышать похвалу в свой адрес, ибо я настолько далек от довольства собой, что не дал ходу многочисленным хвалебным стихам моих друзей⁸, стихам, которые, явившись непрошенными, словно напрашивались оказать мне услугу, предварив собою это произведение.

Признаться, изящность сей пьесы во многом достигнута благодаря действию, и, однако, никакое действие не способно явить нам изящество, ежели благородство языка и изобретательное построение сцен не образуют с ним совершенной гармонии.

Когда я в этом не преуспел, ты, полюбивший другие мои сочинения, вправе взysкивать с меня, ознакомившись с настоящей пьесой, по всей строгости. Что до прочей публики, то *Non ego ventosae plebis suffragia venor*⁹.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ромелио, купец.

Контарино, знатный синьор.

Эрколе, рыцарь Мальтийского ордена.

Криспиано, адвокат.

Джулио, сын Криспиано.

Просперо, купец, коллега Ромелио.

Ариосто, адвокат, потом судья.

Контилупо, адвокат, представляющий на суде Леонору.

Санитонелла, стряпчий, помогающий Контилупо.

Монах-капуцин.

Баптиста¹⁰, купец.

Леонора, мать Ромелио и Иоленты.

Иолента, сестра Ромелио, чьей руки добиваются Контарино и Эрколе.

Уинфрид¹¹, служанка Иоленты.

Анджиолелла, монахиня.

Лекари, судебные приставы, звонари, секретарь суда, офицер королевской гвардии, герольд, слуги.

Место действия — Неаполь.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I

Входят Ромелио и Просперо.

Просперо. Как вы богаты! Не сыскать, пожалуй,
Во всей Италии купца, что мог бы
Сравниться с вами.

Ромелио. Каждый год платить
По десять тысяч золотых дукатов
Я королю испанскому могу¹².
Любая пошлина мне по карману.
Что мне голландцы!¹³ Да супруги всех
Моих агентов разодеты в бархат,
Астряпчие мои, разбогатев,
В дворцах живут, любуясь с галереи
Игрой фонтанов. На море ни разу
Я не терпел убытка. Уж поверьте,
В партнеры набиваются ко мне,
Да я разборчив, и в делах торговых
Я, как в беспроегрышной лотерее,
Играю, можете не сомневаться,
Наверняка.

Просперо. А что синьор Баптиста?
Вы с ним дела имели?

Ромелио. С этим нищим?!
Да там от силы тысяч пятьдесят.

Просперо. Немало.
Ромелио. Ну уж! С двадцати трех лет
Потеть не знамо как, чтоб в шестьдесят
С трудом полсотни тысяч накопить!

Просперо. Гроши, конечно, против тех богатств,
Что к вам текут рекой.

Ромелио. Да, весь мой дом
Захламлен был бы серебром, когда б я
В Ост-Индию¹⁴ его не отсылал.

Входит слуга.

Слуга. Лорд Контарино!

Просперо. Кажется, поклонник
Сестрицы вашей?

Ромелио. Да, мой друг, но я,
Скажу вам по секрету, планы их
Расстрою.

Просперо. Вас, должно быть, сбили с толку!
В Италии, клянусь вам, не сыскать
Синьора благородней и знатнее.

Ромелио. Дадась вам эта знать, ей-богу! Рухлядь
На нашу шею, будь она неладна!

У этого сеньора за душой
Лишь то, чем был он предками одарен
И что спустить он рад. К нам зачастил
Он неспроста: землю, вишь, торгует,
А сам бы рад отторговать сестру
И втрое взять.

Просперо. Да просто он влюблен.

Ромелио. И есть во что влюбиться!

Тут вы правы.

С таким приданым, будь ты хоть горбунья,
Тебе от благородных нет отбоя.

Смотри же, благородный дуралей,

Пока ты ловишь золотую рыбку,

Не заглоти крючок.

Входит Контарино.

Просперо. Я вас оставлю.

Просперо и слуга уходят.

Контарино. Я закладную вам послал на земли,
К продаже предназначенные.

Ромелио. Верно,

Контарино. Ее вы изучили?

Ромелио. Еще нет.

Вы часом в путешествие, милорд,
Не собираетесь?

Контарино. Да нет.

Ромелио. Напрасно.

Оно облагораживает.

Контарино. Разве?

Я слышал, стоит Альпы пересечь,
Как добродетелям конец¹⁵.

Ромелио. Оставьте,

Нет выше радости для сильных духом,
Чем действовать. Коль в нас вложили душу,

Сложнейший этот механизм, где столько

Чудных и чудных ходит шестеренок,

То ей, душе, простаивать не след.

Всем добродетель свой надел дает:

Окоп — солдату, тихий кабинет —

Ученому, а нам, купцам, все море;

Бери, возделывай, покуда честь

Не даст хороших всходов... так какой же

У вас там замечательный проект,

Что столько запросили вы?

Контарино. Ах, сэр,

Едва мне львиной доли этих денег

Достанет погасить мои долги.

Остаток же послужит мне залогом
Великих уз.

Ромелио.

Не понял.

Контарино.

Это к свадьбе

Подарок мой.

Ромелио.

Вы женитесь, милорд?

Контарино.

Да, сэр. Я перед вами виноват,
От вас сокрыв характер предприятия,
Имеющего к вам, сказать по правде,
Касательство прямое, пусть утайка
И не такое уж большое зло,
Как действия противно вашей воле.
К тому ж я обнародовать не смел,
Во избежанье кривотолков, суммы,
За каковой я в путь пустился, прежде
Решив войти в свои права.

Ромелио.

Туманно.

Контарино.

Рассею я туман. С сестрою вашей
Мы обручились. Дело, сэр, за малым:
Благословите вы и ваша мать
Сей брак — тогда, упрочив дружбу нашу,
Ее мы сможем завещать потомкам.
Скажите, как вы смотрите на это?
О сэр, как на колонны, без которых
Дом рухнет. Вы нам, делаете честь;
А честь — залог богатства. Я польщен.
Ведь, породнившись с вами, вознесется
Племянник выше дяди, приближенье
Дочурки-крошки к материнской спальне
Отныне будет возвещать герольд!

Ромелио.

Простите, что сдержать я не умею
Своих восторгов, бьющих через край:
Ведь этой чести мы, простые люди,
Так жаждем, особливо же когда
Нет ни гроша за ней, что, правда, редкость.
Вот мой ответ. Как видите, милорд,
Я искренно...

(В сторону.) На ваше предложенье
Плевать хотел!

(Вслух.) И мать, конечно, тоже.

Контарино.

Счастливы слышать.

Ромелио уходит.

Ромелио, я вижу, человек
Весьма достойный, разве что заносчив
Чрезмерно. Так, ну что ж, теперь осталось
Согласьем Леоноры заручиться.
Простая горожанка по рождению,
Ни в яствах, ни в нарядах, ни в речах

Не искушенная, она, однако,
Подчас вельможнее придворных дам.
Я как-то видел у нее алмаз —
За этот камешек иным особам
Отдать не жалко все свои наряды
С собой впридачу.

Входит Леонора.

Вот она идет!

Леонора. Какой-то мне прием сейчас окажут...
О дочери ее — пока ни слова.
Добро пожаловать. Для вашей чести
В любое время дня и ночи двери
Распахнуты.

Контарино. В долгу я перед вами,
Вы так любезны.

Леонора. Ваше благородство
Известно всем.

Контарино. Легко ему вдвойне

Леонора. Здесь воспарить от вашего дыханья.
Вы редкий гость у нас. Не потому ли
Что мы за стол садимся слишком поздно:
Ведь мы живем по биржевым часам¹⁶.

Контарино. Аристократки не у нас ли взяли
Обычай долго нежиться в постели?
Они живут по собственным часам.

Леонора. Их будит колокольчик модных лавок,
Они встают затем, чтобы узнать,
Что нынче носят. У меня к вам просьба.
Все что угодно. Можете считать,
Она уж выполнена.

Контарино. Вы так щедры,
Мне б вашу копию...¹⁷

Леонора. Ах, что вы, сэръ,
Ведь тень желанна только летом, я же
Вступаю в осень.

Контарино. Славная пора:
Сродни весне, но строже, благодатней,
Чем этот первоцвет, когда кукушка
Поет в лесу и молодой олень
Рогами обзаводится.

Леонора. Пожалуй.

Контарино. Я в зеркало пока смотрюсь без страха,
А ведь оно не лжет. Портрет вам нужен?
Я был бы вам признателен. Он станет
Моей реликвией.

Леонора. Меня подвергнуть
Хотите испытанию? У женщин
Меняется лицо, когда они

Позируют. Кто в жизни любит делать
Рот бантиком, кто губки поджимать,
Та расхихикается, эта щечки
Втянула, чтобы ямочки виднелись.
Но вот взялись позировать — и вмиг
Их не узнать. Еще бывает так:
И часу не прошло — а все лицо
Облезло.

Контарино.
Леонора.

Это как же?

В жаркий полдень,
Не ровен час, румяна вдруг растают¹⁸,
И, значит, переписывать портрет
Придется горемыке. Если кто-то
Захочет, чтоб я вышла, как живая,
Он схватит образ как бы между прочим,
В тот миг, когда в молитве я склонюсь
И неземною красотой лицо
Вдруг осветлит душа.

Контарино.

Великолепно!

Вы преподали красоте урок:
Как оберечь себя. Сужденья ваши
Так глубоки!

Леонора.

Милорд, ведь я вдова,

Примите во внимание мой опыт:
Перенимая у мужчин его,
Мы зорче видим. Сэр, скажите мне,
Вы сыну моему продать хотите
Свои владенья?

Контарино.
Леонора.

Да.

Зачем дворянам

От родовых имений отрекаться
И ездить в город по таким делам?
Нельзя, милорд, господские дома
И, главное, господские угодья
Так разбазаривать; уже и церковь
Теряет замки к радости мирян.
Спят сорок тысяч крон в моей шкатулке,
Скажите слово — и они проснутся...
Вы к ужину останетесь у нас?

Контарино.
Леонора.

Прошу простить покорно — не могу.
Не продавайте дом, придайте лучше
Ему блестящий вид. Надеюсь, сэр,
Вы поняли мои слова. Прощайте.

Леонора уходит.

Контарино.

Напал на золотую жилу! «Сэр,
Вы поняли мои слова», «надеюсь».
Умна-то как! Смекнула, что жениться
Хочу на дочке, стоило портрет

Ее самой мне попросить, в виду
Имея Иоленту. Вот письмо,
В котором та мне пишет, чтобы я
К полуночи явился. *(Читает.)*
Поговорить нам надо о делах,
Касающихся нас обоих.
Мне беспокоит. Ваша Иолента.
Я что-то не пойму: каких делах?
Не передумала бы. Поспешу.
Все женщины, увы, непостоянны, —
Как пчелы над цветочною поляной...

Уходит.

СЦЕНА 2
Входят Эрколе, Ромелио и Иолента.
Ромелио. Поторопись, сестра! пора портнихе
Шить свадебный наряд.
Иолента. Для гроба мерку
Ромелио. Пора снимать.
Для гроба? Что за вздор!
Тебе тут пишет сам король испанский.
(Протягивает ей бумагу.)
Иолента. Ты что, к суду меня привлек?
Ромелио. К суду?
Да ты шутница.
Иолента. Что это тогда?
Ромелио. Его Величества благоволение:
Он этого достойного синьора
Тебе в мужья дает.
Иолента. Какая честь!
Хотя мой долг — ему повиноваться,
Но, верю, он мне зла не причинит.
Ромелио. О чем ты? Он его здесь называет...
Иолента. Что? Соблазнителем?
Ромелио. Да ты рехнулась!
Синьором благородным.
Иолента. Королям
Видна лишь внешность. А скажи, письмо
Он сам доставил?
Ромелио. Что все это значит?
Иолента. А то, что мог он выклянчить его
У короля, и в общем-то напрасно:
Достойному синьору взять бы надо
Достойнее жену. А, эти письма...
Я слышала, их в университет
Шлют сотни, для детей ища протекций.
Письмо рекомендательное я

Хочу вернуть. С таким письмом наш рыцарь
Вдову подцепит, ту, что спит и видит
Себя придворной дамой.

Эрколе. Поверьте, несравненная, письмо
От короля испанского не только
Мне по заслугам воздаст, о чем
Судите сами, но вверяет также
До тридцати галер мне. Все богатство
Я был бы счастлив с вами разделить.
Ваш брат все подтвердит вам.

Ромелио. Посуди,
Какая здесь корысть мне?

Иолента. Ты мой брат.

Ромелио. А коли так, изволь к моим советам
Прислушаться. В таких делах, как брак,
Где надо взвесить все до мелочей,
Нельзя без руководства. А милорд...
Иолента. Так мало я принадлежу себе,
Что не могу принадлежать другому.

Ромелио. Ну хватит, не упрямясь! Мишурой
Ослеплена ты. Дался этот титул!
Не хочешь ли геральдикой заняться?
Достанем знатока. Иль антикварий
Милее сердцу твоему?

Эрколе. Довольно! Вы мне, сударь, нанесли
Такое оскорбление, какого
Не видел свет.

Ромелио. Но, сэр...

Эрколе. О нашем браке
Мне говоря как о решенном деле,
О нем вы растрезвонили повсюду,
Вы даже наняли законоведов,
Чтоб всем, чем я богат, жена владела.
Вы сделали посмешищем меня
В глазах как недругов, так и друзей!
Я ухожу, но мы еще сочтемся
За эту низость.

элио. Ах, милорд, постойте!
(В сторону.) Не ровен час, мне глотку перережет.
Повремени чуть-чуть, и ты увидишь,
Как я рассею эти бредни, этот
Туман высокородства, чтобы явь
Вконец ее сразила.
(Иоленте.) Выходи
За лорда Контарино.

Входит Леонора.

Леонора. Контарино?
Да он пять тысяч сряду проиграл

Намедни в кости, а затем, в ответ
На ставку в тридцать тысяч, он поставил
Свое именье.

Ромелио.
Леонора.

И его спустил.

Затем отвез, чин чином, в экипаже
Счастливи́чика к нотариусу, где
Все и оформили. Хорош, не правда ль?

Ромелио.

Ну да, они в кредит играть привыкли,
А как продуются, как их за глотку
Возьмут, — тут уж плати. Подумать только,
Мечтает о каком-то жалком лорде,
Когда пред нею доблестный Эрколе!

Леонора.

Неблагодарная! Я столько лет
Вам, детям, отдавала всю себя
И ради вас, ты слышишь, ради вас
Не вышла замуж снова. Ты взглядишь-ка:
Богат, и знатен, и хорош собой,

Леонора.

А главное, как любит! Между прочим,
Ему идти на турок, так что нам
Контракт бы надо заключить немедля.

Иолента.

Контракт? А я о нем и знать не знала!
Вы б дали зелья мне... Сойдя с ума,
Скорей бы я в бреду дала согласие
На все.

Ромелио.

Да ты и так сошла с ума.

И разум твой, клянусь, не просветлеет,
Пока не назовешь его супругом.

Эрколе.

Сударыня, я вас хочу оставить
Наедине с душою вашей, пусть
Она свой выбор сделает.

Иолента.

Слова

Достойные.

Ромелио.

Милорд, не торопитесь.

Леонора (*становится на колени.*)

О, если предпочтешь ты Контарино,
Пускай вся тяжесть моего проклятья
Обрушится на голову твою!

Эрколе.

Ну что вы, встаньте, небеса едва ли
Суровость вашу смогут разделить.

Иолента.

Отныне, как клеймо, на мне проклятье!

Эрколе.

Не бойтесь. Руку вашу...

Иолента.

Нет.

Ромелио.

А ну-ка.

(*Берет ее за руку.*)

Какое полотно рукою этой
Соткать ты можешь! А какие звуки
Ты извлекаешь из виолы!.. Нынче
Освой искусство новое.

- Иолента. О дьявол!
Не сердцем, так рукою заставляешь
Скрепить союз?
- Ромелио. Целуйте же ее.
А слезы? Если верить им, невинность
Заплесневеет. Слезы, что роса
Апрельским утром.
- Леонора. Ну, смелей, синьор!
Ромелио. Ну! Куклы ждут — подергайте за нитку.
Толкните-ка ослицу²⁰
- Леонора. Стало модным
Пред свадьбой плакать.
- Ромелио. Может, впрямь она
Так безутешна?
- Леонора. Показная скромность!
Ромелио. Ах, матушка! В делах и посерьезней
Такие церемонии не редкость:
Вон, прежде чем епархию принять,
Отказываться дважды надо²¹.
- Иолента. Боже!
(Пытается вырваться, но Ромелио соединяет
ее руку с рукой Эрколе.)
- Ромелио. Все! Ключ от этой двери вам вручен,
Как исстари вручался феодалам²².
Пусть поцелуй осушит слез поток,
Должна быть сладкой роза в росных каплях.
Горька, как желчь!
- Иолента. Уж эти мне девицы!
Ромелио. Сама — фитюлька, желчи в ней — фонтан.
У вас, у женщин, унции на две
Печенка больше мозга. Между прочим,
Вы замечали, сколько тратим сил
Мы на взаимовыгодные сделки?
Казалось бы, выигрывают все, —
Ан нет!
- Леонора. Легко ль сойтись двум гордецам?
Ромелио. ...Изобразив притом восторг на лицах.
От них, положим, этого не ждут.
Кто над толпой вознесся, тот причуду
Себе позволить может, — пусть толпа
Расходится, трезвонит — ведь на свадьбе
Немотствует язык колоколов!²³
- Леонора. Один с причудой... Ну а если оба?
Ромелио. Тут кровь кипит!
Да-да! Не поспевают
Детей рожать. От многих докторов
Я это слышал. Сэр, все это шутки.
Вы скоро их оцените, надеюсь.

Эрколе. Я вас оставлю, госпожа моя,
И вместе с вами оставляю сердце,
Как мне ни жаль расстаться с ним, но если
Вы позовете, — пусть придется ждать,
Как ждет школяр, пока получит степень, —
За сердцем я вернусь. Скажу, прощаясь,
Что я охотнее простился б с жизнью,
Доказывая преданность свою.

Иолента. Благодарю. Я помолюсь за вас.

Эрколе уходит.

Ромелио. Молись, молись, на то он и супруг твой,
Чтоб за него молиться.

Иолента. Что? Супруг?!
Леонора. Я дождалась счастливейшего часа.

Уходит.

Ромелио. Супруг, супруг! Хотя б улыбкой, плакса,
Меня за все труды ты одарила.

Иолента. Насилие, конечно, тяжкий труд...
Я тоже хороша — как воск, размякла!
Но ты не думай, что твоя взяла.

Входит Уинфрид, служанка.

Ромелио. А ну-ка, прачка, подойди.
Уинфрид. Синьор?

Ромелио. Коль жизнью ты и местом дорожишь,
Глаз не своди с хозяйки. Чтобы мышь к ней
Не проскочила! Знаю этих сводней,
Понавезут из-за границы тканей
Да побрякушек — и сейчас же к даме,
А в рукаве записочка. Другие
Гадать возьмутся или мозоль отпарить, —
Гони их в шею, так же, как торговок
Заморскими заедками, и плутов
С их дынями и мускусным орехом,
Шотландцев с их волынками, танцоров,
Гораздых только пыль пускать в глаза,
И кучеров, особенно французов.
А что случилось?

Уинфрид. Не пускать и все!
Ромелио. Чтоб пудинг из мозгов ни у кого

Не покупала: в них порой с начинкой
Такое сунут... Труд тебе по силам?

Уинфрид. Чего я только не переносила.
Ромелио. Скорей — кого, когда была брюхата.
А может быть, оно как раз и лучше:
Недаром, говорят, всего ревнивей
От вора и охотников до дичи

Оберегает заповедник тот,
Кто смолоду в разбойниках ходил,
А там, глядишь, перебесился.

Уинфрид. Мною

Вы смело можете располагать.

Ромелно. Избави бог! Не то опять тебе
Ходить, бедняжка, с брюхом. Я шучу,
Уинфрид, ну а шутка, что девица:
Все подмывает перейти границы.

Уходит.

Уинфрид. Ох, госпожа, как жаль мне вас, хоть плачь,
Ну да слезами горю не поможешь.
Удумали, гляди-ка, выдавать
Насильно замуж, супротив природы
И нашей прародительницы Евы!
Да это ж перед господом кощунство,
Почище огораживаний...²⁴

Иолента. Хватит!

Твоя, Уинфрид, песня так стара,
Что никакими новыми словами
Ее не подновить.

Уинфрид. К вам гость, он вам

И пособит.

Входит Контарно.

Контарно. Моя любовь в слезах?

Когда вы плачете, сама печаль,
Дурнушка, расцветает на глазах.

Уинфрид. Ну да, как же! Уж который день у нас расцветает!
Когда бы вы, сударь, слышали, как я за дверью, сколько она
з пролила, вы бы решили, что забил новый источник.

Контарно.

Могу ли я узнать у вас причину
Такой печали?

Иолента. Подайте мне шкатулку. Я хочу
Все перебрать, что дорого мне было.

Контарно.

Но для чего?

Иолента. Чтоб сделать вам подарок.

Контарно.

Вы — мой подарок.

Уинфрид.

Так-то оно так,
Но стань меж вами дьявол, вам придется
Делиться с ним.

Иолента.

О, дьявольские козни!

Контарно.

Да вы о чем?

Иолента.

Меня неволят выйти

За нелюбимого. Судите сами,
Не дьявол ли вершит моей судьбой?
Одно мне остается утешенье:
С постылой жизнью счеты поскорей
Свести достойно.

Контарино.

Но кто, скажите, кто все так подстроил,
Чтоб у меня похитить вас?

Иолента.

Контарино.

Эрколе? Свадебный его наряд
Для похорон... сойдет.

Иолента.

Его казня,
Увращать свою вы рану тшитесь,
Но будет только хуже. Полюбите
Ради меня достойного Эрколе,
Который так сочувствовал мне в горе.
Когда б вы только видели, как он
Со мной держался!

Уинфрид (в сторону).

Ах ты, вертихвостка!
Уже забыла, как ты на коленках
Сидела, как он баловал тебя.
А я-то, дура, любовалась ими,
Разиня рот. Мартышка, право слово:
Ластылась к. этому, теперь — к другому.
Попробуй кто им ласки запретить,
Они б того сожрали с потрохами.

Контарино.

Ну что ж, коль вел себя он так достойно,
Обиды на него я не держу.
Он жалок — замахнуться на такое
Богатство! Знаю, ваша добродетель
Зло матери искупит. Что до брата,
То лучше уж подделывать бумаги,
Чем в дружбе клясться, а потом предать.
Я только ради вас его прощаю.
Да вы дрожите! Полноте, не надо,
Он больше докучать не станет вам.

Иолента.

О, сэр, я как в горячке, и, хотя
Уже мне легче, страх берет при мысли,
Что завтра приступ повторится снова.

Контарино.

Но он уплыл!

Иолента.

Контарино.

Не ровен час, вернется.

Уинфрид.

Ну, так поженимся без лишних слов!
В постель бы вам без лишних слов забраться,
И все дела. Любой законник скажет
Вам то же самое.

Иолента.

Ну что ты мелешь!

Ступай-ка с богом.

Уинфрид уходит.

Контарино.

Сядьте, наконец.

Иолента. Сначала поклянитесь, что вы зла
Не держите.

Контарино. Клянусь вам.

Иолента. Слово чести?

Контарино.

Могу ли зло держать я на Эрколе?
Он благородно вел себя. На брата?
Одной вы крови. На плутовку мать?
Я женщинам не мщу. Мы завтра с вами
Поженемся, и, как бы нам сейчас
Ни досаждали, ни плели интриги,
Заветная возвышенная цель
Уже близка, и надо верить нам:
Как вспыхивает золото на черном,
Воспрянем мы, пройдя по тропам торным.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входят Криспиано и Санитонелла.

Санитонелла. Вас не узнать. Любой примет вас за купца.
И не только непонятно, синьор, какая причина побудила вас, одного
из самых блистательных адвокатов в Испании, человека светского,
кокто приехавшего из Ост-Индии, нарядиться вдруг купцом?
Криспиано.

Сюда, в Неаполь, страх меня привел

За сына — он живет здесь не по средствам.

Санитонелла. Вот оно в чем дело. Стало быть, в этом одеянии
вы рассчитываете выследить его?

Криспиано.

Отчасти так, но есть еще резон,

И поважнее этого.

Санитонелла. Ну и пусть себе транжирит! Разве от этого
обеднеет дон Криспиано, прославленный коррахидор Севильи, кото-
рому юридическая практика все десять лет со времени последнего
юбилея²⁵ приносит по тридцать тысяч дукатов в год?

Криспиано.

Урезать содержание ему

Я и не думал.

Санитонелла.

Вы серьезно?

Криспиано.

Да.

Я не могу и мысли допустить,
Чтоб сын мой, как бы он ни развлекался,
Такое же изведаль наслажденье,
Как я, приумножая капитал.
А коли так, пусть этот расточитель
До нитки спустит все, чем я владею,
Пускай он пустит по миру меня,
Я глазом не моргну.

Санитонелла. Что-то я вас не пойму. Если он сорит деньгами направо и налево, разве это доставляет ему меньше наслаждения, чем вам, тому, кто добывает их своим горбом? Да в тысячу раз больше, смею вас уверить, и любой из этих молодцов скажет вам то же самое.

Уже забыли вы, какого пота
Успех вам стоил? Как учили право,
Просиживая сутки напролет
За совесть, не за звонкую монету;
И как потом с рассвета дотемна
Докучливых клиентов вразумляли;
И бредили средь бела дня, молитвы
Ко сну приберегая? Может, голос
Вы не срывали, громко оглашая
Дни заседаний или приговоры?
Забыли видно, как я вас волок
Среди других собратьев очумелых,
Когда вы, ваша честь, лишались чувств
От слишком пылкой речи иль от мысли,
Что ляпнули не то... Шучу, шучу.

Криспиано.

Валяй.

Санитонелла. Да вы и есть не ели толком,
Глотали, как удав, чтобы потом
Часами переваривать.

Криспиано.

Да, да!

Ах, добрый друг, какое было время!

Санитонелла.

Договорились!

Криспиано.

Сын меня поймет,

Когда освоит право...

Санитонелла.

Право щупать.

Игра, знакомая всем адвокатам,

Как, скажем, карты.

Криспиано.

Щупать, говоришь?

А если это кончится болезнью?

Нет, разве лен наощупь иль тафта,

Холеный пальчик или грудь... приятней,

Чем, гонорар, который, на столе

Расставлен аккуратными столбцами?
Спросить не спросишь, только глаз скопишь:
Мол, что за столбики? не маловаты? —
И шапочку снимаешь (знак клиенту,
Что дело сделано).

Санитонелла. Ну, а забава
Со сворой гончих? Ведь господский нюх
Развиться может только на охоте.

Криспиано. Держать собак? В моей приемной, сударь,
Весь день толкутся люди. Этот шум
Милее мне, чем лай всех гончих мира.

Санитонелла. А вздумай сын ваш строить дом себе?

Криспиано. Недвижимость? Ну что же, это дело.
Пусть строит, я и слова не скажу.
Да только все там будет с гулькин нос:
В Испании и Франции сейчас
За моду взяли украшать фасады,
В самом же доме повернуться негде.

Санитонелла. Сквалыги!

Криспиано. Труб на крыше два десятка,
А дымоходов и пяти не будет.

Санитонелла. У этих выжиг все не по-людски.

Криспиано. Такие шельмы, чтоб им пусто было!

И не берись перечислять соблазны.
Ни женщины, ни яства, ни вино,
Ни тряпки иль иные наслажденья —
Приманки дьявола, чтоб нас сравнять
Ему с собой, — не могут дать мне счастья
Сродни тому, что дал я сам себе.
Коль сын удачливей — иди все прахом!
А вот и он. Скажи, что с ним за люди?

Санитонелла. Входят Ромелио, Джулио, Ариосто и Баптиста.
Вон тот, что с ним беседует, купец
Ромелио.

Криспиано. Ромелио? Занятно.
Глядит орлом и весел... Я знавал
Отца его и у него жил в доме,
Сыночка еще не было на свете.
Понес убытки он сейчас на море,
Да, видно, не слыхал о том.

Санитонелла (показывает на Ариосто). А этот,

В чулках, такой подвижный... уж не он ли
Сегодня утром был у вас?

Криспиано. Он самый.

Хотя, конечно, неказист он с виду,
Но адвокат!.. Такой на мировую
Пойти заставит двух врагов заклятых
И кончит свару до начала тяжбы.

Санитонелла.

Он адвокат?

Криспиано. О да, причем дает
Советы даром — платы ни за что
Не примет и о нем легенды ходят.
Законы знает вдоль и поперек.
Мечтает быть судьей!

Санитонелла. Да, странное желание у человека его профессии.
Он мог бы чудеса творить, будучи адвокатом.

Ромелио. Вот человек, который принес известие о смерти вашего
отца в Ост-Индии.

Джулио. Рассудок, я надеюсь, перед смертью
Ему не отказал, и я — наследник?

Криспиано. Да, синьор.

Джулио. В таком случае рассудок ему действительно не отказал.
Друг мой, в час скорби не рекомендуется предпринимать иных
действий кроме тех, что могут поднять нам настроение. Вот почему
я не стану вознаграждать тебя за добрые вести.

Криспиано. Синьор, я на это и не рассчитывал.

Джулио. Честный человек! Дай твою руку. Не иначе как ты
носил судейским рождественские подарки и привык делать это за
спасибо.

Ромелио (*показывая на Ариосто*). Сей почтенный синьор ут-
верждает, что он жил с вашим отцом под одной крышей, когда
оба они изучали право в Барселоне.

Джулио. Вы его знаете?

Ромелио. Да как вам сказать... Он недавно в Неаполе.

Джулио. Что привело его сюда?

Ромелио. Говорит, что хочет дать вам полезный совет.

Криспиано (*на ухо Ариосто*). Ну-ка всыпьте ему по первое
число.

Джулио. Совет? Какой же?

Ариосто. Оставить блуд, пока еще не поздно.

Джулио. Эк с места да в карьер! Оставить блуд?

Ариосто. Вы невоздержанны! Господь за это

Жестоко покарает вас.

Джулио. Да ну?

Впервые слышу, чтоб срамной болезнью

Болели боевые петухи.

Ариосто. Впервые вижу, чтобы человек не знал, какими дохода-
гами становятся петухи, дорвавшиеся до курятника. Спросите у тех,

кто вам поставляет шпанскую мушку, и они вам скажут: сэр, вы скоро не узнаете себя.

Джулио. Да вы прекрасно разбираетесь в природе некоторых явлений. Не иначе как вы лекарь, судя по этим мешковатым штанам. Между прочим, своей формой они мне напоминают чехол для урыльника. Все ясно, вы — лекарь.

Ариосто снимает шляпу.

Что вы делаете, сэр? Вы простудитесь!

Ариосто. Все ясно, у вас в голове гуляет ветер... и здорово загулял. А сами вы похожи на сахарную головку, сквозь которую можно смотреть на свет.

Джулио. Ах, как вы играете словами. *(Снимает, в свою очередь, шляпу.)*

Ариосто. Еще я играю в шахматы. И с пешками привык не церемониться.

Джулио. Поберегите шляпу, милорд. Как бы она не запылилась.

Ариосто. *Вашу* шляпу, сэр, я посоветовал бы вам надеть на болванку. Тогда она дольше сохранит свою изящную форму.

Джулио. Впервые в жизни меня так оскорбляют, и это при том, что я как джентльмен держу шляпу в руке!

Ариосто. Есть смысл ее надеть. Учтите, сударь,
Земля клиента часто к адвокату
Его отходит, а поместный дом
От дворянина может перейти
К его портному.

Джулио. То есть как — к портному?

Ариосто. А очень просто. Во Франции, например, портные; разбогатевают, становятся состоятельными чиновниками. Как вы думаете, господа, сколько дукатов пускает на ветер за год этот синьор из-за того, что посылает ему отец?

Джулио. «Сверх того, что посылает ему отец!» Милорд, уж не интересует ли вы произвести ревизию моим финансам? Прикажете выдать баланс к концу года?

Ариосто. Сотня дукатов в месяц уходит на одно венецианское судно, которое он разбивает вдребезги.

Джулио. Чему он научился у некоего английского рыцаря, который, насколько я понимаю, не дурак выпить. А гардероб один чего стоит!

Ромелио. И разные кружавчики, по фунту за складочку...

Ариосто. А эти ажурные чулки и огромные розетки на туфлях, прикрывающие подагрические лодыжки!

Ромелио. И подвязки, на которые идет больше материи, чем на оснастку фрегата...

Ариосто. Непременная верховая езда в кругу сиятельных вельмож!

Ромелио. Ставки на петушиных боях...

Ариосто. Проигрыши в триктрак...²⁶

Ромелио. ... Визиты к девкам в одолженном бархатном камзоле с золотыми галунами на заду...

Ариосто. А окажись вы в Падуе, и на ужин вам бы подавали телячьи ножки и ростбифы...

Джулио. Совсем затравили!

Ариосто *(в сторону)*. Хватит, пожалуй. Не стоит перегибать палку, а то еще подумает, что меня подослали устроить ему разнос.

Джулио *(тихо)*. И откуда его нечистая принесла?

Ромелио. Вы это обо мне?

Ариосто. В вашем городе хватает прощелыг. У кого своей земли нет — те какого-нибудь ротозея обрабатывают, глядишь, у них уже чуть не райские кущи взошли: забором огородились, а внутри вишни поспевают, а там, смотришь, абрикосы понесли своим дружкам из судейских. А какой-нибудь аптекарь приладится сбывать франтоватым юнцам выгодный товар; зачерпнет пять-шесть фертов разом в свое сито да так потрясет его над прилавком, что просеет всю их наличность, как кайенский перец. Не приведи господь нарваться на таких — в секунду разорвут, как собачья свора.

Ромелио. Бывают, наверно, и такие.

Ариосто. О, это страшные вымогатели, существа о шести руках и трех головах.

Джулио. Вы правы, чудища аидовы!

Ариосто. Остерегайтесь их, они распялят вас, как сукно на крючьях. Вы человек неглупый, так что прислушайтесь к доброму совету. Это ж до чего дошло: говорят, уже провозят по морю золото, приспособив для этого дела якоря! Прощайте, мы еще свидимся. Как знать, не придет ли час, когда вы будете меня благодарить.

Уходит.

Джулио. Он сумасшедший.

Санитонелла. Он мог бы стать отличным брадобреем: так язык наострил, что отбреет любого.

Уходит.

Криспиано.

Я прибыл, сэр, по делу к вам.

Ромелио.

Откуда,

Скажите?

Криспиано.

Из Ост-Индии.

Ромелио.

С приездом.

Криспиано.

Давайте отойдем в сторонку,

Я должен нечто важное сказать

По поводу ост-индских ваших дел.

Ромелио.

К услугам вашим, сударь.

Криспиано и Ромелио уходят. Появляется Эрколе.

Которые лишь портят поединок,
Как примесь портит вина, если можно
Вложить всю ярость в острое клинка!
У вас не хватит крови, чтоб во мне
Такую ярость утолить.

Эрколе.

Посмотрим.

Кто секунданты?

Контарино.

Да без них спокойней.

Эрколе.

Длина оружия?

Контарино.

По пути обсудим.

Смерть суждена иль жизнь нам, но держаться
Достойно будем, как и подобает
Сынам Италии.

Эрколе.

Я обниму вас!

Контарино.

Вы слишком близко подошли ко мне!
От итальянца можно ждать всего²⁷.
Вы, обнимая, верно, проверяли,
Не защищен ли я?

Эрколе.

Милорд, я знаю,

Что ваша честь вас защищает лучше
Любой брони, и, смею вас заверить,
Одет я так же: вся моя защита —
Простой камзол.

Контарино.

Ну что ж, я верю, сударь.

Эрколе и Контарино уходят. Появляются Джулио и слуга.

Джулио.

А где синьоры, знатный Контарино
И доблестный Эрколе?

Слуга.

Только что

Ушли, велев сказать вам, что вернутся
Чрез полчаса.

Входит Ромелио.

Джулио.

Вы встретили Эрколе?

Ромелио.

Лишь дьявола с ужасными вестями!

Джулио.

Но что стряслось?

Ромелио.

Я высыхаю, словно
Речное русло... я пропал, как щепка
В водовороте... Да, теперь все прахом!
А что Эрколе?

Джулио.

Только вы ушли,
Явился Контарино.

Ромелио.

Контарино?

Джулио.

Он самый, и они уединились,
Нас попросив оставить их вдвоем.
Ромелио. Час от часу не легче! Это пахнет
Дуэлью.

Джулио.

Что? Дуэлью?!

Ромелио.

Я прошу вас,

Джулио.

Поменьше слов, скорей найти их надо.
Тогда поищем в разных направлениях.
Боюсь, как бы они не повредили
Свои клинки во время поединка.
О господи, что с женщинами будет!

СЦЕНА 2

Входят Эрколе и Контарино.

Контарино.

Тақ вы мне не уступите Иоленту?

Эрколе.

Отвечу шпагой. Вы, милорд, готовы?

Контарино.

Пока мы не сошлись, я вам припомню
Всю недостойность ваших действий. Жаль,
Что вы последние четыре дня
Не провели в молитве покаянной.
Упорствуя во зле, свои грехи
Умножите вы.

Эрколе.

В проповедях ваших
Нуждаюсь я сейчас примерно так же,
Как в ваших указаниях бесценных
По поводу того, как шпагу мне
Держать. Учту я ваши пожеланья.
Так вы готовы?

Контарино.

Помните о той,

Чья красота свела нас в поединке.

Эрколе.

Я не забыл.

Начинают драться. Эрколе получает ранение.

Контарино.

Вы ранены, я вижу.

Эрколе.

Вы здесь зачем? Чтоб ставить мне диагноз
Иль драться до конца? Держитесь, сэр!

Контарино.

Ваш выпад... так... еще раз... Перед смертью
Вы б совесть облегчили, сняв с себя
Вину раскаяньем чистосердечным.

Эрколе.

Смерть ее снимет с одного из нас.

Продолжают дуэль.

Контарино.

Хороший выпад...

(Ранит Эрколе.) И ответ не хуже!

Эрколе.

Болтать не надо, сударь, вы не в зале.

Контарино.

Так молод, а уже отжил свой век!

Эрколе.

Не рано ль хоронить? Я, может быть,
Слаб для утех, но только не для боя.

Падая, ранит Контарино. Тот валится сверху.

Контарино.

Я чересчур открылся... Вашу шпагу!..

Эрколе. Ее отдам я смерти, а не вам.

Контарино.

Я вам дарую жизнь, коль вы меня
Попросите.

Эрколе.

Не столь я глуп, чтоб вас
Просить о том, что дать вы мне не в силах.

Входят Ромелио, Просперо, Баптиста, Ариосто
и Джулио.

Просперо. Чуть опоздали мы, они мертвы.

Ромелио. К монастырю святого Себастьяна

Снесем тела.

Контарино.

Я шпаги... не отдам... его... его...

Джулио.

Он жив еще! Так... взяли... Осторожней,
Чтоб кровь не била из открытой раны.
Вот это, брат, влюбленные!

Просперо.

О чем вы?

Джулио.

Держусь того я мнения, любезный,
Что только тот, кто по уши влюблен,
Готов повеситься иль утопиться.
А эти ради пассии своей
Взялись друг другу глотки перерезать.

Просперо.

Как вам не совестно: равнять отвагу
С насилием и глупым безрассудством!
Пусть помнит каждый, кто вам вторить рад:
Уходит мстительность корнями в ад.

Уходят.

КОНА 3

Входят Ромелио и Ариосто.

Ариосто.

Потери ваши, спору нет, огромны.
Смириться надо.

Ромелио.

Про мои потери

Я знаю, а вот вас не знаю я.

Ариосто.

Мы незнакомы, верно, но я послан
К вам теми, кто желает вам добра,
Призвать, на опыт свой сославшись, вас
К смиренью.

Ромелио.

Род занятий ваших, сударь?

Ариосто.

Я адвокат.

Ромелио.

Так вам сам бог велел
Учить, чтоб мы смиренно запасались

Терпением: весь христианский мир,
Когда б не ваше крючкотворство, мог бы
Черт знает до чего дойти. Я помню,
Вы Джулио учили жить. Смиреньем
Вы лечите?

Ариосто. Я им и сам спасаюсь.

Ромелио. А вы женаты?

Ариосто. Угадали, сэр.

Ромелио. Учил вас кто терпимости?

Ариосто. Конечно.

Ромелио. А вам жена рога не наставляла?

Ариосто. Рога?

Ромелио. Ну да. Без них терпимость ваша

Едва б достигла степени такой,

Что красной мантии достойна... Нет,

Вы бакалавр, но уж никак не доктор.

Да вы смеетесь!

Ариосто.

Ромелио.

Потерпите малость,

Мне впору плакать.

Ариосто.

Нет, как смели вы

Свой дерзкий мне вопрос задать, ни разу

Моей жены не видя?

Ромелио.

Он был задан

Затем, чтоб испытать терпимость вашу.

И вот вы сердитесь. Ваш гнев смешон.

Аж вздыбилась борода! Вы ее

Не одолжили часом у кого-то?

Ариосто.

Как это остроумно, но, увы,

Не в шутках ваше кроется спасенье.

Я здесь, чтоб вас на добрый путь наставить.

Ромелио.

Слыхали мы такие наставленья!

Они уже вот здесь у нас! Учить

Горазды вы, а сами как живете?

До праведности ль вам, когда вы желчью

Насквозь пропитаны? Вас только тронь!

А если кто обскачет вас, живьем

Зажарите. Но, возвращаясь к делу, —

Я трех галер не досчитался.

Ариосто.

Знаю.

Ромелио.

У наших берегов они разбейся —

Так пряности, что забивали трюмы,

Залив бы в сыворотку превратили...

Ариосто.

Все хворые бы лошади тогда

Заржали, радуясь потере вашей²⁸.

Ромелио.

Вы тоже, сэр, шутник.

Ариосто.

Зачем галеры

Назвали вы так странно, так нелепо,

Так дерзко? Вот, накликали беду.

Ромелио.

Есть имена, сулящие несчастья?

- Капуцин. Сэр, жить без страха значит без надежды.
Гордыня — это грех. Спаси вас, боже.
- Капуцин и звонари уходят.
- Ромелио. Бедняжка Иолента, вот так свадьба!
Что ей сказать? Зачахнет, как цветок,
Лежащий на могиле.
- Входит Просперо.
- Просперо. Что, Просперо?
Своей последней волей Контарино
Все завещал невесте, Иоленте.
- Ромелио. Несчастный мертв?
- Просперо. Да нет, пока живой.
- Ромелио. Живой! Вот уж некстати...
- Леонора. Некстати? Лучше вести быть не может,
Хотя она и прервала молитву.
- Ромелио. Ты рада?
- Леонора. Жить он должен, чтоб предстать
Перед судом как мерзостный убийца
Эрколе. Пospеши к нему на помощь.
Я снадобье чудесное пошлю
От обмороков и земли шепотку
Из мест святых: она поможет кровь
Остановить. Кто пользует больного?
Светила наши.
- Просперо. Часты ль перевязки?
- Ромелио. Одна была.
- Просперо. Я в этом знаю толк.
Вторая или третья нам покажут,
Есть ли надежда. Как бы я хотела
Быть с ним сейчас! Хотя бы кто сказал,
Мол, есть надежда.
- Ромелио. Что тебе за дело?
- Леонора. Я ж говорю, он должен пред судом
Предстать: закон нарушил он.
- Ромелио. И только?
- Леонора. И буду я счастливейшей из женщин.
- Леонора и Просперо уходят.
- Ромелио. Под маской доброты такая злобность!
О, сколько дум, одна другой страшнее!
Увидеть Контарино... чем не способ
Вернуть все то, что отдал присподней
Я так нелепо... Только взвесь получше,
Чтобы твоих убытков чаша вновь
Не опустилась: зло судьба карает
Тех, кто на повышение играет.
Так ветер мачту главную крушит,

Так рушатся вершушки пирамид.

Уходит.

СЦЕНА 4 Входит капуцин, ведя под руки Эрколе.

Капуцин. Сэр, ваше воскресение из мертвых,
Оно не без участия высших сил.
Уже вас бальзамировать хотели.

Эрколе. Мне стыдно вспомнить о моем поступке:
Быть злым и так упорствовать во зло!

Капуцин. Устами вашими вещает небо.

Эрколе. На то, за что я дрался, так же мало
Я прав имею, как душеприказчик.
На деньги сироты. Но я решил:
Уж лучше вечной жизни я лишусь,
Зато мой нрав горячий все увидят!
Так объявите о моей кончине;
Поскольку здесь предать меня земле
Не допустила б церковь, вы скажите,
Что прах мой на галере отвезут
В Сицилию или на Мальту.

Капуцин. Полно,
Зачем вам нужен этот слух?

Эрколе. Как будто
Жив Контарينو; пусть же он владеет
Тем, что ему принадлежит по праву, —
Прекрасной Иолентой. Если вдруг
Узнают, что я выжил, может кто-то
Их брак расстроить.

Капуцин. Да, но ваша смерть
Грозит ему судом, где он предстанет
Как ваш убийца.

Эрколе. У него есть козырь.

Его отец когда-то испросил
У императора для всей семьи
Большую привилегию: кого бы
Любой из них в открытом поединке
Ни уложил на месте, все ж он будет
Помилован; Карл Пятый даровал
Ту милость августейшим повеленьем
В тот день, когда родитель Контарينو
Был послан им снести ответ на вызов;
Что бросил сгоряча король французский,
Назначивший дуэль в нейтральных водах,
На плоскодонке...³² Верю, суд признает,
Что Контарينو дрался благородно.
Ваш локоть... мне идти нелегко.

Капуцин. Держитесь, сэр.

Эрколе. Во всем здесь виноват
Ромелио. Я слышал, у монашки
Ребенок от него.

Капуцин. В злодействах этих
Когда он не раскается, вовеки
Гореть ему в аду.

Эрколе. Мне жаль его.
Грех и раскаянье связала в узел
Прочнейшая из всех на свете нить.
Я должен этот узел разрубить!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I Входят Ариосто и Криспиано.

Ариосто. Сдержите, сударь, ваше обещанье
И объясните, почему вы здесь
Инкогнито.

Криспиано. Меня король испанский
Послал разведать, где сбывает ваш
Купец Ромелио свои богатства,
Которые текут к нему рекой
Из копей золотых в Вест-Индии.
Король обеспокоен также тем,
Что женщины большую власть забрали.

Ариосто. О наших бедах, вижу, он наслышан.
Мужей супруги взяли в оборот:
Рассказывают, в Нидерландах жены
Расчеты в доме взяли на себя
И задурили головы мужьям
Так, что иной, трудясь над завещаньем,
Не ведает, кого как осчастливит,
Поскольку сам не знает, чем богат;
А нашим дамам волю дай — они ж
На важных птиц охотятся ночами,
Ища для фаворитов синекуры,
Подсигивают, злобствуют, хитрят,
До вице-короля свои интриги
Уже простерли; если так пойдет,
Они проникнут, и довольно скоро,
В военный наш совет.

Криспиано. Хоть я зарекся
Участвовать когда-нибудь в кортесах,
Пожалуй, вновь я место там займу.

Ариосто. Чтоб только обуздать бесстыдниц этих.
 Не долго ж пустовать ему; надеюсь.
 Уходят.

СЦЕНА 2 Входит Ромелио в иудейском облачении.

Ромелио. Хорош я в этом одеянье! Право,
 Чем не еврей мальтийский?³³ Хоть сейчас
 Перехитрю я собственную тень,
 Сменю в минуту столько же обличий,
 Как тот кристалл, в котором сто оттенков,
 Плющом обвившись, удушю врага,
 Проникну ртутью в кровь, по волоску
 Повыдергаю бороду, а другу
 Дам яду, от которого он будет
 Лет девять угасать почти без боли,
 Чтоб смерть его естественной сочли.
 Подделать деньги, даму совратить,
 Открыть ворота туркам иль поджечь
 Весь христианский флот я нынче мог бы.
 Я словно царедворца съел живьем³⁴,
 Чья хитрость в кровь мою навек всосалась.
 Но хватит разглагольствовать; смотри,
 Вот этот дом, а жертва там, внутри.

 Входят лекари.

Первый лекарь.

 Вы ищете кого-то, сударь?

Ромелио. Я слышал, вам поручено лечение
 Синьора Контарино.

Второй лекарь. Правда ваша.

 И делали мы все, что в наших силах,
 Но он уж не жилец.

Ромелио. Неужто помер?

Первый лекарь:

 Хватил удар. Да что там говорить,
 Затронуты все жизненные центры:
 И вот, гнойник. Бессильны промыванья.
 Ну а вскрывать нарыв... он слишком слаб,
 Да сердце и не выдержит такого!

Ромелио. Что с завещаньем?

Первый лекарь. Он его составил.

Ромелио. В чью пользу? Иоленты?

Второй лекарь. Да.

Ромелио. А был

 Здесь брат ее, Ромелио, чтоб вам
 Своей рукою щедрой за труды
 Воздать сполна?

Первый лекарь. Не приходил покуда.

Ромелио. Друзья мои, я не могу смотреть:
Вы бессеребренники, право слово!
Я подскажу, как надо поступить,
Чтоб часть того, что завещал милорд,
К вам перешла.

Второй лекарь. Но как? Ведь все в руках
Ромелио, а он прижмист, сударь.

Ромелио. Послушайте меня. Я тоже врач.

Второй лекарь. Врач, говорите? А откуда сами?

Ромелио. Из Рима.

Первый лекарь. Вот как? Практика большая?

Ромелио. Двадцатерых залечивал я насмерть
За месяц, по утрам лишь принимаю.
Но шутки в сторону, теперь о деле.
Ближайший родич Контарينو в Риме,
Прямой его наследник, поручил мне
Больного осмотреть и сделать все,
Что можно, для несчастного страдальца,
Как и для вас, его врачей.

Лекари (*хором*). Для нас??

Ромелио. Могу больных я с помощью экстракта,
Пусть дара речи лишены, пускай
Зрачки недвижны, пульс молчит, — вернуть
На время к жизни, дав способность мыслить
И даже говорить. Все это с ним
Мы и проделаем, не сомневайтесь.
Он снова продиктует завещанье,
Но в пользу родича, и вот тогда-то
Я выдам десять тысяч вам дукатов,
После чего из-под больного мы
Подушку вынем, и душа его
Безгрешная пусть отлетит спокойно.

Первый лекарь. И мы тогда получим... десять тысяч?

Ромелио. Клянусь талмудом!

Второй лекарь. Что же, по рукам.
Вот пациент. Распоряжайтесь, сударь.

Ромелио. Он отдергивает занавес, за которым виден Контарينو в постели.

Ромелио. Похвально, сэр, вы честные врачи
И свято чтите клятву Гиппократата.
Хотел бы с глазу на глаз я...

Первый лекарь. Извольте.

Ромелио. И дверь плотней закройте.

Второй лекарь. Воля ваша.
(*Первому.*) Не нравится мне что-то иудей.

Первый лекарь (второму).

И мне, признаться, тоже. Хитрый, шельма.
Задумал же такое: полутруп
Расшевелить, чтоб вытянуть бумагу...
Тут что-то да не так. Подсмотрим в шелку.

Лекари уходят.

Ромелио.

Ну, вот и славно. Эти простак
Задаром отдали мне то, на что я
Не пожалел бы средств. Смотри-ка, дышит.
Дыши, дыши... А я тебе сейчас
Припомню смерть Эрколе и попутно
Свой план осуществляю, чего б мне это
Не стоило. С какой, скажите, стати
Он будет жить и мять сестру в постели
Мне назло? Он ведь может завещанье
Менять то так, то эдак... Врешь, не сможешь!
Не допущу! Сверкни же, мой стилет,
Мой грозный друг, способный притаиться
У женщин в волосах, среди булавок,
Острей, чем бритва, тоньше, чем игла.
Такими на Бермудах испокон
Свиной валили³⁵ с одного удара.
Срази ж, металл презренный, человека,
Войди и выйди, метки не оставив!
Великий Цезарь выжил после ран
От пик, и дротиков, и от мечей,
И топора, и камня из пращи,
Но роковой удар сапожным шилом
Вмиг из него, как воздух из мехов,
Через отверстие с ушко иголки
Всю душу выпустил...³⁶ Уйми ты дрожь:
Собаке смерть собачья! Отчего же,
Произнеся суровый приговор,
Ты медлишь? Иль себя уверить хочешь,
Что в жизни б на такое не решился,
Когда бы не нужда... Вздор, он сказал бы
Тебе спасибо только: ты спасаешь
Его от эшафота и одним
Ударом исцелишь его. Вот так!
(Закалывает Контарينو.)
Теперь бежать.

Входят лекари.

Первый лекарь.

Куда ты, иудей?

Ты весь вопрекл, не утолишь ли жажду
Расплавленным свинцом?³⁷

Ромелио.

Постойте, я ведь

Христианин.

Второй лекарь. Уж лучше будь свреем.
Избави бог, чтобы подобный грех
Взял на душу христианин.

Ромелио. Я друг ваш,
Смотрите, я Ромелио.

Первый лекарь. Ромелио!
Да, друг, ты нам и вправду удружил.

Ромелио. Я так оделся, чтобы...

Второй лекарь. Легче было
Кинжал припрятать?

Ромелио. Этот человек
Мой враг, он должен, должен был погибнуть!

Первый лекарь. Погибнуть? Да ведь он и двух часов бы
Не протянул...

Ромелио. И умер неотмщенным?
Вот золото. Едва ль какой богач
Молчание своей жены сварливой
За столько покупал, как я сейчас.
Вот вам дукаты за сохранность тайны.

Второй лекарь. Сэр, если хорошенько поразмыслить,
В убийстве вас не обвинит никто.
С таким же я успехом мог ирландцу,
Пускавшему в пучине пузыри,
Влить виски в глотку. Разве это грех?

Ромелио. Так будете молчать вы?

Первый лекарь. Как могила.

Ромелио. Тогда скорее золото иссякнет
В Вест-Индии, но не у вас.

Второй лекарь. Звучит,
Как золотой ручей.

Ромелио (в сторону). Чтоб так попасться!
Теперь два эти нищих, как вампиры,
Сосать меня начнут.

Уходит.

Первый лекарь. Вот так удача!
Считай, что все его богатства наши.

Второй лекарь. Решено, лечу теперь по большим праздникам,
и равно ж кататься буду как сыр в масле. Пусть выдает мне
раз в неделю вексель на две сотни дукатов. Заартачится — пускай
пеняет на себя.

Первый лекарь. Боюсь, а ну как изведет нас ядом?

Второй лекарь. Так не садись за стол, пока не вложишь
Себе за щеку кость единорога³⁸.

Контарино. О!

Первый лекарь. Застонал.

Второй лекарь. Скрипит еще телега?

Первый лекарь.

Вот это да-а-а... иди-ка полюбуйся:
Он точно в рану лезвие вонзил,
Тем самым сняв закупорку сосудов.
А гной-то, гной-то... так, гляди, и хлещет!
Вот так история.

Второй лекарь. Смотри, он дышит

Уже ровнее.

Первый лекарь. Знать, была на это

Господня воля: чтобы душегуб
Пришел казнить — да взял и воскресил!

Второй лекарь.

Подобное уже не раз случалось:
Кого-то Тауэр спас от подагры.
А мы спасем* вот этого, тогда
Сосать мы примемся обеих маток.

Первый лекарь.

Держать язык нам надо за зубами,
Пусть знать не знает ни о чем, и нас
Вознаградит сполна за исцеленье.
Ну, а теперь за дело поскорей:
Промой-ка рану и шипцы нагрей.

Уходят.

СЦЕНА 3 Стол с двумя восковыми свечами, череп, молитвенник.
Иолента молится, Ромелио сидит рядом.

Ромелио. Довольно убиваться. Посмотри,
Бледна, как смерть; еще решат, что раньше
Ты красилась. И впрямь, как будто носишь
Посмертную ты маску Контарино.

Иолента. О, умереть так рано!

Ромелио. Что блажишь?

Не век же мучиться! Тем хуже пьеса,
Чем дольше ждешь развязки.

Иолента. К злым деяньям

Не прибавляй хулу. Он при дворе
Блистал, как редкий камень.

Ромелио. Не сердись.

Не спорю, при дворе хороший камень
Отполируют: двор что зеркало —
Смотри и охорашивайся. Но
Когда бы внешний блеск спасал и душу,
В раю б жил Люцифер³⁹. Его гордыня...

Иолента в гневе встает и порывается уйти.

Постой, куда ты?
А ну-ка сядь и хорошенько слушай,
Тут план задумал я, всем планам план;
Коль выгорит, из смерти двух синьоров
Мы сможем возродиться, словно феникс
Из пепла...

Иолента.

На могиле ничего

Не выстроишь: гнилое основание.

Ромелио.

Да помолчи ты, выслушай сначала.

Тут, видишь, нужен обходной маневр,

Который очень часто в наши дни

Успех приносит. Вот какое дело:

Все земли Контарино отошли

К тебе; когда б под сердцем ты носила

Ребеночка Эрколе, мы б и эти

Прибрали земли быстренько к рукам.

Иолента.

Какой ребенок? Ты с ума сошел!

Ромелио.

Я — девственница, а милорд — покойник.

В делах не смыслишь, а туда же, в крик.

Я так устрою, что в подлунном мире

Не хватит адвокатов расхлебать

Всю эту кашу. В ордене Сент-Клер⁴⁰

Монашка есть — розанчик да и только.

Уже постригшись, поняла бабенка:

Ошиблась домом, — и, конечно, в слезы;

Тут я и появись на радость ей.

Ну, словом, зачастил я в монастырь,

И вот под монастырь подвел монашку:

Оставил с животом.

Иолента.

Придется, значит,

За дело повивальной бабке браться?

Ромелио.

Я рад, сестра, что ты повеселела.

Так, значит, мы объявим, что прошло

С тех пор, как понесла ты от Эрколе,

Два месяца. Чтоб избежать злословья,

Оформим предварительный контракт

(Он брачное свидетельство заменит),

Мол, вы с ним — тайно — мужем и женой

Давно уж стали. За вознаграждение

Мне стряпчий задним бы числом составил

Бумагу эту...

Иолента.

То есть твой ублюдок

Потом моим ребенком станет?

Ромелио.

Верно.

Когда ж моя монашка разродится,

Ори, как будто ты рождаешь.

Иолента.

Ловко,

Да только не смогу я.

Ромелио.

Почему?

Иолента. Чем делать вид, как будто я рожаю,
Не лучше ль вправду мне родить: ведь я...
Беременная.

Ромелио. Да что ты? От кого?

Иолента. От Контарينو. Погоди, не хмурься:
Мы предварительный контракт составим,
А я найду священника... имей он
Хоть три прихода⁴¹, лишь бы подтвердил,
Что поженит нас.

Ромелио. Вот так удружила!

Иолента. Скажи, что твой ребенок от Эрколе!
Какая жалость — плод твоих усилий
Землей не разживется.

Ромелио. Грех монашки
Покрывать мне надо... так... А что, занятно!..

Иолента. Допустим, та родит быстрее этой,
Тогда мы скроем первого ребенка,
Пока сестра не разрешится. Что ж,
Неплохо, а? Ты разрешишься двойней!

Иолента. Ты, кажется, про сходство позабыл:
Ведь близнецы должны быть как две капли.
Нам все едино, лишь бы наш ублюдок
Владел землей... О горький жребий мой,
Мое девичество сковал ты зимней стужей,
Теперь же, после стольких унижений,
Ты вознамерился меня ославить.

Ромелио. Да ты ж сама ославила себя!

Иолента. О нет, ведь я лгала, надеясь втайне
На чудо, сударь.

Ромелио. Что еще за чудо?

Иолента. Твою любовь и страх за честь мою.
Узнав, что я грешна, ведь ты бы должен
Вонзить кинжал мне в сердце. Но, увы,
Мне суждена иная смерть: терзаться
И угасать как свечка.

Ромелио (в сторону). Нет, шалишь...

Сам дьявол мне подсказывает выход:
Пусть это все чудовищная ложь,
Но грех ей не воспользоваться. (Вслух.)
Слушай,

Я поделюсь с тобой ужасной мыслью,
Я содрогаюсь, думая об этом,
Сама природа мне велит молчать,
Покуда наша мать жива.

Иолента. О чем ты?

Ромелио. Я не пойму куда ты клонишь?

Ромелио. Вспомни,
Как наша мать встречала Контарينو,
Как таяла. А что на ваш союз

Обрушилась — она глаза хотела
Всем отвести, в душе не сомневаясь,
Что вступите вы очень скоро в брак.
Мать влюблена в милорда, и они
Задумали, что, на тебе женившись
И ставши жить втроем под этой крышей,
Он сможет — дыбом волосы встают! —
Иметь — какой же дьявольский расчет! —
Свободный доступ в спальню к ней.

Иолента. Да-да,

Когда он ранен был, она, я помню,
У всех с утра до вечера справлялась,
Не лучше ли ему.

Ромелио. Подумать только,
Реликвию, нательный крест с камнями,
Который стоит тыщи крон, дарить
Тому, кто унесет его в могилу.

Иолента. Постой, но если так любил он мать,
Зачем меня наследницей он сделал?

Ромелио. Он был твоим законным женихом,
К тому ж он сделал это до дуэли.

Иолента. Что до дуэли? Как-то все нескладно:
Влюбился в мать — зачем же за меня
Он дрался насмерть...

Ромелио. Это дело чести.

У них, аристократов, с этим строго.
Эрколе был соперник, уступить
Не мог ему ни йоты Контарينو.
Я, как и ты, всех тонкостей не знаю,
Но ясно: он спасал дуэлью имя.

Иолента. Как ты-то раскопал всю эту грязь?

Ромелио. Сказал мне лекарь, сам же он подслушал,
Что тот шепнул духовнику за час
До смерти.

Иолента. Я бы вздернула мерзавца

За разглашение исповеди. Боже,
Какой удар! Ужель все это правда?
Нет, это ложь, и, кстати, при дворе
Ей обучают. Ну, подумать только!
Дочь выдать, чтоб ее супругом власть
Натешиться! А может, этот хлыщ

Ромелио. К тебе под юбку метил, а к мамаше
В шкатулку с драгоценностями? Малый,
Видать, не промах был. Но полно, полно...
Оставим дьяволу всю эту мерзость! —
Не рвать же нам на части нашу мать.

Иолента. О боже, я и верю и не верю,
Я, кажется, умру от этой пытки,
Все естество мое кричит, как будто

Сгораю я на медленном огне.
О, если правы чудаки, что нам
Твердят о жизни на луне, пусть небо
Зверей, замысливших прелюбодейство,
Туда забросит. Будь он трижды проклят!
Отныне память честного Эрколе
Я буду чтить.

Ромелио. А если б Контарино

Остался жить?

Иолента. Клянусь любой святыней,
Останься жив он, никакой закон,
Зовущий нас хранить друг другу верность,
Его не навязал бы мне. Раз мир
Со мной так лжив, и я с ним лжива буду.
Возьму я твоего ребенка.

Ромелио. Правда?

Иолента. Пусть жажду мести утолит обман.

Ромелио. Вот-вот. И ты злорадно улыбнешься
При мысли, что присвоит титул лорда
И земли заодно тот, у кого
На все на это прав ничуть не больше,
Чем у скопца турецкого паши.

Иолента. Теперь, я думаю, мое дыханье
Зловонным станет.

Ромелио. Отчего?

Иолента. Ну как же,
Ведь ты меня в зловонное болото
Затягиваешь.

Ромелио. Полно тебе, полно.

Иолента. К чему казнить так? Врать и краснеть...

Да что я в самом деле, всем вокруг
Оно не в тягость, ну а я чем лучше?
Как утка, переваливаться стану,
На дурноту ссылаться и чуть что —
Хлоп в обморок.

Ромелио. Овсянку ешь и фрукты
Зеленые, для бледности.

Иолента. Пусть завтрак

В постель несут.

Ромелио. А выходя к столу,

Нарращивай живот, бери подушки
Побольше.

Иолента. И еще одна идея:

Слыхала я, беременные часто
Мужей бьют чем ни попадя; так, может,
И мне бы для порядка не мешало
Портного, скажем, бить по голове?
А после бы его вознаградили.

Ромелио. Найдем такого: вяленой трески
Сговорчивее будет.

Иолента. Боже правый,
Ломаю здесь комедию в надежде
Стать на ноги! Увы, напрасный труд:
Когда толкает страсть к подобным шуткам,
Уймемся мы, лишь тронувшись рассудком.

Уходит.

Ромелио. Еще вчера ничто бы не смогло
Ее настроить против Контарино.
О ревность, ревность! ты из робкой лани
Способна сделать фурию в момент,
А сколько раз ты начинала тяжбу
И дьявола в союзники брала!
Ну что ж, теперь подкармливай исправно
Бесенка, что рассорит дочь и мать,
Води их за нос. Разыгравши фарс
О родах Иоленты, я внушу ей
В монахини постричься, дав обет
Безбрачия, тогда ее именье
Отдали б под мою опеку... Кстати,
В Вест-Индию отправить лекаришек;
Небось, тропическая лихорадка,
А то и сифилис вмиг отобьют
У них охоту языком чесать.

Входит Леонора.

Леонора. Плохая весть... Представь... моя сестра
Беременна.

Готова я к тому,
Что надвигаются одни несчастья:
Ведь беды, как монахи-францисканцы,
Поодиночке не заходят в дом⁴².
Что Контарино? Лучше ли ему?
Ты ведь сейчас оттуда.

ли о.

Как легко
Твою печаль сменило любопытство.
Так вот, в отсутствие его врачей
По доброте душевной оказал я
Страдальцу помощь, чтоб не ждать, пока
Врачи окажут: я убил его.

Леонора. На двадцать лет состарил ты меня.
Ромелио. Как так?

Леонора. Удар предательский нанес ты
Не только Контарино, но и мне.
Ромелио. Ну-ну. Сейчас я скорбь твою развею.
Ты испугалась, думая, что он
Отец ребенка нашей Иоленты,

Но та мне поклялась, что обрюхатил
Ее Эрколе. Ну, хитра сестрица:
Как замуж выходить, так ни в какую,
А как в постель, без уговоров — шмыг.
Голубка не уступит голубку,
Не пофорсив сперва.

Леонора. Мне что-то дурно...

Ромелио. Всегда ты так, расстроишься, и сразу
Тебе не по себе.

Леонора (*в сторону*).

Да, не по мне,
Что сын мой выродок.

Ромелио. Проведай дочку.

Сегодня у меня хлопот по горло.

Леонора. Ты разве не оплачешь смерть милорда?

Ромелио. А как же, он нам столько завещал.

Уходит.

Леонора.

Смотри, ты у меня еще поплачешь!

О, я сойду с ума: самой послать

Того, кто мог бы жизнь его спасти

И погубил ее! Ужель он мертв?

Чума и та соперничать не в силах

С моим желаньем, ибо страсть меня

Чумною сделала. Конец, конец!

Уже не воскресить того, чьей жизнью

Давно жила я больше, чем своей.

Перемудрила... сразу бы открыться!

В истории примеров сколько хочешь

Того, как дамы в возрасте влюблялись

В юнцов и на себе женили их.

От этих мыслей можно обезуметь!

Как любим мы последнего ребенка,

Так на предмет последней нашей страсти

Мы смотрим и не можем наглядеться:

Он и желанен нам, и всем хорош...

Последний урожай, последний всплеск

Реки перед зимой. О нас, о вдовах,

Недаром говорят, что нам дороже

Не то шитье, которым все пленялись,

А то, последнее, что ждет на пяльцах.

Всего лишить меня... и кто? мой сын!

Ну, берегись. Грудь правую, которой

Кормила, отсеку, как амазонка,

Чтоб застрелить тебя верней⁴³. Скорей

Я дам волчонку, что отстал в ночи

От стаи, эту грудь, чем своему

Зверенышу. А? Что вы говорите?

Нет, померещилось...⁴⁴ Иль злой мой гений

Меня зовет... Колокола звонят?
Мелькает все перед глазами... Сгните!
Дай, старость, желчи мне, как тем, кто счастье
Утратил безвозвратно... Дай мне власть
Превыше той, что сатана имеет...
Дай мне возненавидеть все, что юно...
Дай силы не робеть пред злом любим,
Каким бы мерзким ни было обличье...
Дай смерть мне, как той царственной особе,
Что отказалась от еды и сна,
Терзаясь, что казнен отважный граф,
Который мог бы жить на радость ей,
Когда б посредница не сплеховала...⁴⁵
Дай мне укрыться так, чтоб обо мне
Никто не вспомнил...

Леонора падает. Входят капуцин и Эрколе.

Капуцин.

Сэр, я подготовлю
Ее как исповедник. Обождите
Немного.

Эрколе отступает в нишу.

Мир вам, госпожа.

Леонора.
Капуцин.

Кто здесь?
Удобно вам, надеюсь, в этой позе,
Располагающей к раздумьям: ложем
Земля вам служит, вечной темой — небо.

Леонора.
Капуцин.

Молюсь я об убитом друге.
Вот как?
А я пришел сказать вам, что убитый
Дыханье вновь обрел.

Леонора.
Капуцин.

Отец, о ком вы?
О том, кого вы пестовать хотели,
Как собственных детей.

Леонора.
Капуцин.

Видать, господь
Меня услышал.

вцин.

Был он бездыханный,
Но где уже бессильно врачеванье,
Возможно чудо.

ора.

Да продлится век ваш,
Святой отец, и да услышит паства
Ваш зов, вознаграждая за труды!
А сын-то мне сказал, что довершил
Он тяжкий грех Эрколе, прямо в сердце
Больного поразив.

Эрколе (в сторону).

Она решила,
Что выжил Контарينو. То, что я
Сейчас услышал, может мне помочь.

Леонора.

Но где же он, мой несравненный, где?..

Эрколе (*выходя*).

Он перед вами.

Леонора.

Вы? О, все погибло!

Я ожидала увидеть героя,

А вижу смерть, укравшую его.

Эрколе.

Не убивайтесь так. Ну да, вы ждали,

Что выйдет к вам отважный Контарино.

Поверьте, как никто другой, я знаю

Про все его заслуги. Если вы

Оплакивать сейчас его начнете,

Я рядом стану.

Леонора.

Искупите жизнью

Другой свой грех, чтоб злые языки

Дочь не ославили. Она ведь носит

Теперь под сердцем вашего ребенка.

Эрколе (*в сторону*).

Вот случай состраданье проявить!

Она ребенка ждет, отец же мертв.

Кто оградит бедняжку, как не я,

Ее любивший больше всех на свете,

От светского злословья? Дело чести

И совести моей — усыновить

Ее дитя, став мужем и отцом.

Ее супруг — покойный Контарино,

Хоть церковь и не обвенчала их.

Ну а теперь я за нее в ответе!

(*Леоноре*.)

Синьора, я прошу вас передать ей,

Что ни один отец рожденью сына

Не радовался так, как я сейчас.

Я, разумеется, повременю с визитом,

Чтоб вы ее успели подготовить:

Когда я вас в смятение привел,

То при моем внезапном появлении

Она — с испугу ль; от конфуза — может

Лишиться драгоценного плода.

Скажите дочери, что предан ей

Эрколе. Мой поступок, видит бог,

Зачтется мне, ведь он совсем не плох.

Капуцин (*Эрколе*).

Однако будьте же благоразумны,

И мечь Ромелио, мечь, о которой

Мать проболталась, — в памяти держите.

Эрколе и капуцин уходят.

Леонора.

Какое благородство. Есть в нем что-то

От рыцарской манеры Контарино.

О, как смириться с мыслью, что он мертв!

Эй, где ты там?

Входит Уинфрид.

А ну-ка принеси
Картину мне из спальни.

Уинфрид уходит.

Я, похоже,
Сболтнула про недавний подвиг сына.
Ну ничего, оплошность я исправлю,
Ему я уготовлю худший жребий —
Мучительную медленную смерть.

Входит Уинфрид с картиной.

Нашла? Повесь-ка там. Один знакомый,
Даря ее... тому уже лет сорок...
Сказал, чтоб я смотрела на нее
В печальные минуты. Посмеялась
Тогда я, а сейчас, сдается мне,
Нашла я в ней ответ, как злее жалить.
Благая мысль! Настал черед войти
В игру и мне. Недавний шторм на море
Сыночка разорил; отцовы земли —
Вот все его богатство. Что ж, закон
И их лишит его... Поди-ка ближе,
Уинфрид, что-то важное скажу,
Но только прежде, чем тебе откроюсь,
Клянись молчать до гробовой доски.

Уинфрид.

Ах, госпожа, вы только прикажите,
Чтоб я сейчас припомнила свой грех,
В каком самой себе признаться страшно, —
Тогда друг дружке мы заклеим рот.
Леонора. Пожалуй что, придумано неплохо.
Твоя, Уинфрид, правда: наши планы,
Тем более когда они... с подвохом,
Осуществить нам легче с тем, чье рыльце
В пушкú. Сообщникам, идя на дело,
Знать не мешает о грешках друг друга;
Сближает это больше, чем идея
И даже вера.

рид.

Бог не даст соврать.
Кому-кому, а вам-то уж худого
Я не чинила. Хороши б вы были,
Когда б ехидну выбрали себе
В советчицы.

Леонора.

Со мною прожила
Ты сорок лет, состарились мы вместе,
Как старятся служанка с госпожой,
Без лишних слов, а часто и без дел:

Одна забота — что надеть — из спячки
Нас выводила. Для тебя была я
Хозяйкою... не хуже знатной дамы:
Платила щедро добрыми словами.
Пора воздать сполна. Мой сын владеет
Шестью именьями.

Уинфрид.
Леонора.

Ну да.
Осталось

Дня три ему владеть.

Уинфрид.
Леонора.

Он что, отравлен?

Пока что нет, но яд уже готов.

Уинфрид.
Леонора.

Ну коли так, дадим ему тихонько.

Тихонько? Я ему в суде, при всех,

Дам яду, и проглотит он его

Перед судьей. Коль будет через сутки

Хотя бы крохотный надел иметь он,

Пусть в благородстве уличат меня!

Уинфрид.
Леонора.

Что ж, поживем — увидим.

План узнав мой,

Ты ахнешь. Но сначала мы пойдем

К отцу святому, чтоб дала ты клятву

Не выдавать меня, а уж тогда

Я посвящу тебя в такую хитрость,

Что вылезти не смогут из сетей

Пять адвокатов и пятьсот чертей.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I

Через одну дверь входят Леонора, Санитонелла,
Уинфрид и секретарь суда, через другую —
Ариосто.

Санитонелла (*показывает секретарю на Уинфрида*). Поторопитеесь, сэр, записать ее предварительные показания. А то она так горячится, что у вас высохнут чернила.

Уинфрид и секретарь суда уходят.

(*Леоноре, показывая на Ариосто.*)

Вам лучше адвоката не найти,

Язык подвешен у него прекрасно:

А почему? — да порошки глотает,

Чтобы дышалось легче, и кайенский

Ест перец, чтобы рот не закрывался.

(*Ариосто.*)

Сэр, не возьмете ли вы дело этой

- Невинно пострадавшей? Подготовил
Я резюме⁴⁶. *(Подает Ариосто бумаги.)*
- Ариосто. И это резюме?
Да здесь, поди, листов полсотни будет.
Еще б вы сыру завернули в них
Или инжир! *(Начинает читать.)*
- Санитонелла. Вы, сэр, шутник, я вижу.
У нас доклад зовется резюме,
А тезисы мы на поля выносим.
- Ариосто. Сдается мне, вы слишком многословны.
История невинно пострадавшей
Не требует пролога.
- Леонора. Он не в духе.
- Ариосто *(читая)*.
Что-что? Вот это да! Подобной грязи
Я в практике своей еще не видел...
А сами кто вы, плут ее наемный?
- Санитонелла.
Ну что вы, сударь, я обычный клерк.
- Ариосто. Мерзавец и сутяга, вот вы кто!
Вам мало шлюх, позорящих приходы,
Опекунов, творящих произвол,
Дельцов, что водят за нос бедных вдов,
Разводо́в липовых и мерзких исков
По plus quam satis⁴⁷ *(всё интриги женщин)*!
Нет, вы свою соткать хотите сеть?!
Не зря твердит народная молва,
Что нету женской подлости предела.
- Санитонелла.
Ваш гонорар...
- Ариосто. Пусть черт его возьмет,
В таких делах он дока. Вы, я вижу,
В латыни не сильны. Небось, дружище,
Вы университетов не кончали?
- Санитонелла.
Нет, сэр, но я прошел весь курс наук,
Просиживая за своей конторкой.
- Ариосто. Весь курс наук? Да что вы говорите?!
Санитонелла.
Четыре года, сэр, не отлучался
Я с кафедры, внимая просьбам паствы.
- Ариосто. Ах, с кафедры! Внимая просьбам паствы!
Да за одно такое богохульство
Я пасквиль разорву. *(Вет бумаги.)*
- Санитонелла. Сэр, я писал
Четыре ночи!
- Ариосто. Лучше бы вы пили!
- Леонора. Без вас в суде дела быстрее бы шли.
Вы превышаете свои права!

Ариосто. Ах, вот как? Превышаю я права?
А вы не принижаете значенье
Высоких слов — таких, как Христианство
И Женственность? Якшаться с этим гнусом
И кляузником, с этим остолопом,
Способным расплодить лишь тараканов
Да залу выстудить, с лентяем этим,
Который в перерывах меж судами
Ножом, каким очинивают перья,
Привык срезать мозоли, а экзему
Вот этими чернилами выводит!
Леонора. Вы, сударь, забываетесь! Полегче!
Ариосто. Синьора, да вы тронулись рассудком,
Не адвокат, а эскулап вам нужен:
Не скрыть меланхолическую бледность
Румянами. Вчинить подобный иск!
Ведь это вызов судьям, а защитник,
Прося за вас, замкнет в смятенье слух;
Из-за таких, как вы, судебный пристав
Натягивает на уши парик!
Молись, безумная, и бес, которым
Ты одержима, тотчас выйдет вон
Иль небеса твой смертный час ускорят!
Не судьи, а истцы наш суд позорят.

Уходит.

Леонора. Ну и старик! Какой-то бесноватый!
Санитонелла. Чтоб ревматизм его совсем скрутил!
Когда б, как он, брались мы защищать
Порядочных, какой бы адвокат
Разбогател? Да, впрочем, вот синьор...

Входит Контилуло, щеголеватый адвокат.
Достойный Контилуло. Этот малый
Иной закваски. Черновой набросок
Я дам ему.

Контилуло. У вас ко мне есть дело?

Санитонелла.

У этой дамы.

Контилуло.

Я к услугам вашим.

Санитонелла протягивает ему черновик искового заявления.

Санитонелла.

С трудом вы разбираете мои
Каракули. Так вот вам горсть дукатов.
Теперь полегче?

Контилуло.

Несравнимо легче.

Санитонелла *(в сторону)*.

Прочел, касатик? Повезло, считай.
Всё — денежки! Что ни состряпай — мигом
Съедят, спасибо скажут.

Контилупо. Вот что значит

Vivere honeste!*

Санитонелла. Окститесь, сэр.

Коль встретите вы здесь хоть слово правды,
Вычеркивайте тут же.

Контилупо. Вот как? Ладно.

Где каллиграфии вы обучались?
У вас чудесный почерк, буква к букве.

Санитонелла.

Благодарю вас, сударь. Мне случалось
Бывать во Франции, так там я видел
Такую вязь!

Контилупо. Вы, право, молодец!

Санитонелла *(в сторону)*.

Попался б ты мне сразу, разлюбезный,
Так нет, связался с чертовым хрычом!
Клиентов поставляешь им, но что-то
Навару никакого. *(Вслух.)* Как вам дело?

Контилупо. Нет слов. Чтоб выдумать такое, надо
Иметь... святое сердце.

Леонора. Сколько горя

Изведало оно!

Контилупо. О, этот казус,

Беспрецедентный в судопроизводстве,
Войдет в анналы. Нам бы выйти с ним
На сцену, при битком набитом зале,
А не келейно, чтобы ваш пример
Всех женщин научил, как отстоять
Им правоту свою.

Санитонелла. Так вы беретесь?

Контилупо. Синьора может жить себе спокойно,
Забыв о том, что мозг ее сверлило,
Что и в могиле спать ей не давало б
До страшного суда.

Санитонелла *(в сторону)*. Вот это да!

Чтобы судейский вдруг заговорил
Про страшный суд!

Леонора. Весь гнев, всю желчь должны вы

Обрушить на него.

Контилупо. Не беспокойтесь.

Он вызван?

Санитонелла. Да. И времени в обрез.

Процесс начнется через полчаса.

* Жить честно *(лат.)*.

Контилупо. Вы речь свою продумали? Не бойтесь.
Сюда, синьора. Можете считать,
Что дело выиграно.
Уходят.

СЦЕНА 2 Судебные приставы готовят кресла для судей; с ними входит Эрколе, в маске.

Первый пристав. Вы сядете отдельно, сударь?

Эрколе. Да.

Второй пристав.

Пройдите в ложу. Вас там не увидят,
А слышно все оттуда.

Эрколе. Что ж, отлично.

Вот вам за хлопоты.

Второй пристав. Благодарю вас.

Входят Контарино, одетый как датчанин, и переодетые лекари.

Контарино. Ужель все так Ромелио устроил,
Что вас пошлют в Ост-Индию?

Первый лекарь. Увы.

Контарино. И вы поедете?

Второй лекарь. В Ост-Индию? Еще чего! Там, вишь, голландцы
вовсю развернулись: пряности закупают — селедку мариновать. Ну
ничего, наши им еще насыплют перцу на хвост¹⁸. А скажите, почему
вы не откроетесь, рана-то у вас, слава богу, затянулась?

Контарино. Пустили слух, что Иолента носит
Ребенка достославного Эрколе,
Вот я и думаю: во что еще
Все это выльется? А ловкий братец
Уже просватал, говорят, ребенка:
Родится девочка — ее возьмет
Племянник герцога австрийского,
А мальчик — породнится со старинной
Фамилией Паллавичини. Да уж,
Хитер наш бес! Вот только непонятно,
Что с матерью они не поделили.

Первый лекарь. Судейские промеж себя толкуют,
Что, мол, ему конец.

Входит Санитонелла с Уинфрид.

Санитонелла. Эй, как вас там,
Смотрите, чтобы близко на порог
Вы не пускали всяких борзописцев.

Первый пристав.

А как же?

Санитонелла. Слышали, что я сказал?
О том, что будет здесь, вигде ни слова.
А пищу для стишков и гнусных сплетен
Я сам подкину вам. Вы подкрепились?

Уинфрид. Нет, сударь.

Санитонелла. И напрасно, ох, напрасно:
Ведь дело не на час и не на два.
Я кое-что с собою прихватил.
Достать?

Уинфрид. А что это? Имбирный корень?

Санитонелла. Не корень никакой и ни шалфей,
Однако боль заговорит любую
Не хуже, чем они.

Уинфрид. Так что же это?

Санитонелла. Чудесная мясная запеканка,
Которая в чести у всех судейских.

Уинфрид. Да ну ее, мне нынче ничего
Не лезет в глотку!

Санитонелла. Вздор! Она сгодится.
Иной раз мысли в голову не лезут,
И думаешь — пропал, а съешь кусочек —
И снова умный! Там, глядишь, и выплывл.

Входят судьи, один из них Криспиано; за одну загородку
проходит Контилуло, адвокат, за другую — Ромелио и его
адвокат Ариосто; появляются также Леонора под черной
вуалью и Джулио.

Криспиано. Престранный иск. Что, Леонора здесь?

Контилуло. Да, ваша честь. Сюда, сюда, синьора!

Криспиано. Откройте же лицо. Вы что, стыдитесь
Ответчика?

Контилуло. Ей дурно, ваша честь...

Ариосто. От дури лечат темнотой⁴⁹.

(Ромелио.) Ну что же,

Я говорил, что нас сведет судьба.

Помните слова мои: и часу!

Не минет, как вас ярость захлестнет.

пиано. Здесь ли Ромелио?

лио. Да, ваша честь.

И заявляю свой протест, поскольку,

Увы, я не был ознакомлен с иском

И, в чем моя вина, до сей поры

Не знаю.

Криспиано. Налицо несоблюденье

Процессуальных норм. Я полагал,

Что адвокат истицы предъявил вам

Все обвинения.

Ромелио. Но кто, скажите,
Мой обвинитель?

Криспиано. Ваша мать, синьор.
Ромелио (в сторону).
Так, так... Она мне мстит за Контарينو.
Ну ладно, коль решила засудить
Она родного сына, я ей выдам
По первое число.

Криспиано. Мы вам готовы
Пойти навстречу: обвиненье только
Сегодня огласим, а суд отсрочим
На две недели, чтобы адвоката
Могли найти вы.

Ариосто. Соглашайтесь, ну же!
У вас у всех безумие в крови —
Того гляди, сорветесь.

Ромелио. Кто вы, сударь?
Ариосто. Ваш гневный друг, готовый бескорыстно
Помочь вам. Я берусь вас защищать
Не из любви к вам и не ради денег.
Ромелио. Держитесь лучше от меня подальше,
А то еще...

Ариосто. В Ост-Индии торгуя,
Одну вы пряность вывезли — гордыню.

Ромелио. Я так уверен, сэр, что неповинен
В деяньях низких, даже в низких мыслях, —
О матери ли речь, о всем ли мире, —
Что не страшусь хулы, а потому
Прошу лишь об одном: без проволочек,
Сию минуту слушанье начать,
В чем вижу беспристрастности залог.

Криспиано. Подумайте, вам есть чего бояться.
Ромелио. Бояться можно кораблекрушений,
Гроз, молний, извержения вулкана,
Но кто вознесся в помыслах своих,
Привык смотреть на страхи свысока.

Ариосто. Отлично сказано. Еще бы к месту...

Криспиано. Мы вашу просьбу удовлетворим.
Но если вас беспечность ваша сгубит,
Пеняйте на себя. Читайте иск.

Контилупо. Позвольте, уважаемые судьи,
Я изложу суть дела, между прочим
Столь редкого для практики судебной,
Что мы во всех томах гражданских дел
Едва ль найдем аналогичный случай.
Я представляю интересы дамы.
Весь гонорар мне выплачен. Хотя
Все, что скажу я, против подзащитной,
Ее я попытаюсь оправдать.

Итак, Ромелио стоит пред нами,
Я звания нарочно опускаю:
Прикрыл он наготу фальшивым блеском,
Что так же мертв, как отблеск светляка
И как огонь, изображенный кистью,
Как титул дворянина, что за взятку
Купить он может при своих деньжищах.
Но скоро, как Эзопова ворона,
Лишится он заемных ярких перьев
И голышом поскачет. Впрочем, к делу.
Уже, считайте, тридцать восемь лет
Ромелио в Неаполе слывет
Синьором важным. Он же, к высшей знати
Себя причислив, занял чье-то место
И, выскочка, день ото дня наглея,
Как гриб, который тем скорей растет,
Чем почва гниlostней, — затмить стремится
Всех Дориа, Фиесчи и Гримальди,
Цвет нашей знати, символ нашей мощи.
Он перед вами, сей плебей безродный,
Сей кукушонок, выросший в гнезде
У завирушки.

- Ромелио. Это обо мне он?
Ариосто. О вас, о вас!
Ромелио. Язык попридержите:
Ишь, вылез!
Ариосто. А, вы в бешенстве? Прекрасно!
Начнете скоро скрежетать зубами.
Контилупо. Как мне назвать фальшивый этот камень?
Мне этот лицемер напоминает
Страшиллу ярмарочного — цветную
Тряпицу на шесте. Она б сгудилась
Цыганам — развлекать честной народ,
А если сбыть ее за сто цехинов,
Считай, ты не в накладе.
Ариосто (Ромелио). Докатились:
Когда-то торговали кошенилью
И пряностями — нынче же торгуют
Самим, как чучелом.
лио. Вам петь дуэтом
сто. Сам бог велел.
елио. Вы этого хотите?
Могли б вы краснобаю вместе с чертом
Подсказывать, когда он вдруг запнется.
Криспиано. Синьору Контилупо суд велит
Прервать поток грубейших оскорблений.
Нам суть важна.
Контилупо. Вы правы, ваша честь.
Криспиано. Не странно ли, что опытный юрист

Свел обвиненье к брани площадной?
Когда б, синьор, могли себя вы слышать
Со стороны, я больше чем уверен,
Была бы ваша речь куда скромней.
Контилупо. Поверьте, ваша честь, от предисловий
Я к делу перейду сейчас. Так вот:
Ромелио — бастард.

Ромелио. Бастард? Ну, мать,
Держитесь: он поджарить вас намерен.

Контилупо. Забылись вы, она — ваш обвинитель.

Ромелио. Ах да, конечно. Что ж, я был зачат,
Когда отец мой в жены взял себе
Другую?

Контилупо. Не по адресу вопрос.

Ромелио. Тогда спрошу я мать (не знаю, как мне
Отныне величать тебя), ответь:

Была ль ты моему отцу супругой?

Леонора. Не знаю, как сказать... и да и нет.

Криспиано. Как так, вы не были женой Франциско?

Леонора. Он был моим супругом, ваша честь,
Но не отцом Ромелио.

Контилупо. Когда

Позволит суд, я в нескольких словах
Загадку разрешу, чтоб не осталось
У вас сомнений, хоть, вы согласитесь,
Едва ль найдется аргумент весомей
Признанья матери...

Криспиано. Синьор, короче.

Где доказательства?

Контилупо. Вот в двух словах:

Женившись тридцать девять лет назад,
На этой женщине и с ней прожив
Недели две, Франциско, муж ее,
Ответчика отец, как все считали,
Во Францию и Нидерланды отбыл;
Одиннадцать он месяцев провел
Вдали от дома, не забудьте цифру,
Она важна здесь. Уезжая, муж
Оставил в доме у себя синьора,
Испанца знатного и, по словам
Всех дам, красавца писаного (кстати,
Не евнуха). Души не чаял в нем
Франциско, но так в жизни и бывает,
Что тот, пред кем распахиваем двери,
Рога и наставляет нам. Короче,
Испанец наш, поправ гостеприимство,
Несчастную хозяйку обрюхатил...
Два месяца спустя вернулся муж.

Санитонелла (шепотом).

Отлично. Не забудьте про овчинку.
Контилупо *(шепотом)*.

Да-да.

Санитонелла *(шепотом)*.

Для памятки вас ущипну

За ягодицу.

Контилупо *(шепотом)*. Перестань болтать.

(Вслух.) И что же муж, вы спросите? Учтите, Франциско был простака в таких делах, Они ведь толком и не жили вместе. Так вот, вернувшись из далеких странствий, Нашел жену он страшно домовитой: Она велела прялки принести И приказала нить сучить прислуге, А льна там было — страсть, под потолок, Вообразите, сколько б вышло пряжи, Представить даже трудно.

Криспиано. Вы о чем?

Контилупо. О том, что у нее ума хватило

Не щебетать, что муж по возвращеньи Живот ей нагулял. А как прошло Семь месяцев и ей рожать приспело, Дождавшись схваток, преданной служанке Она велела — вроде бы случайно — Поджечь весь лен; ну, ясно дело, крики, Рыданья — и она, со страху будто, От бремени возьми и разрешишь, Не доносив два месяца ребенка.

Санитонелла *(шепотом)*.

Вверните про овчинку.

Контилупо.

Раздались тут,

Конечно, вопли повивальной бабки, Не выживет дитя, мол! и — в овчинку Скорей его, как под крыло птенца: Лишь нос торчит, поди тут разберись. Прижала сверток и кричит Франциско: Крести давай, не то помрет как нехристь! Ну, тот и окрестил, хотя его Никак нельзя причислить к пуританам, Которые кричат, что, дескать, может Ребенка окрестить родной отец⁵⁰. Довольно!

Криспиано.
Санитонелла.

Ваша честь, таких речистых

Грех прерывать. Он за хороший куш Разденет догола сестру родную.

Криспиано. Суть нам ясна. Итак, отлучку мужа
Одиннадцатью месяцами вы
Определили?

Контилупо.

Да.

- Криспиано. Со дня приезда
 Семь месяцев прошло, когда родился
 Ромелио, доношенным вполне?
- Контилупо. Все так.
- Криспиано. Откуда следует, что был он
 Зачат в отсутствие того, кто сыном
 Его назвал.
- Контилупо. Все верно, ваша честь.
- Криспиано. Да, странный случай. Я, признаться, вижу
 Впервые, чтобы через сорок лет
 Вот так, публично и без принужденья
 Призналась женщина в своем позоре,
 А тот, кто выступает адвокатом,
 Старался бы ее изобличить,
 И как! С таким ораторским искусством
 Расписывать поступок, каковому
 Нет оправдания... Да, странно, странно...
 Зачем бы матери так жалить ядом
 Свое дитя? В согласии ли это
 С законами природы? Нет, едва ли.
 И там, где человеческий закон
 Проводит грань меж низким и высоким,
 Природа их готова уравнивать,
 Являя снисходительность и щедрость,
 Подчас чрезмерные. Скажите, сударь,
 Не доводилось ли уже однажды
 Вам с матерью судиться?
- Ромелио. Нет, ваша честь.
- Криспиано. Делить имущество не собирались?
- Ромелио. Да нет.
- Криспиано. Быть может, ссорились друг с другом?
- Ромелио. Да что-то не припомню, ваша честь.
- Криспиано. И все-таки попахивает это
 Обычной женской мезьей, разве что
 Соединенной с дьявольским расчетом.
 Синьора, что ж так долго вы молчали?
- Леонора. Страшилась я, пока был жив супруг.
- Криспиано. А нынче-то зачем во всем признались?
- Леонора. Ах, ваша честь, да как с собой в могилу
 Грех унести? Уж лучше я стерплю
 Сейчас позор, сама себя ославив,
 Но испущю свой грех.
- Криспиано. А что, синьора,
 Для этого нужна вам непременно
 Аудитория? И не простая,
 А в зале для судебных заседаний?
- Леонора. Конечно, я могла бы все открыть
 Духовнику, однако справедливость
 Тогда бы, сэр, не восторжествовала.

Криспиано. К лицу ль теперь вам поминать, синьора,
О справедливости? Супруг ваш умер.

Леонора. Есть высшая, поверьте, справедливость.
Пусть к дочери, наследнице законной,
Все земли отойдут.

Криспиано. Так вот в чем дело:

Ариосто. Прошу я суд учесть один момент:
Он как бастард отдать все земли должен,
Она ж как шлюха — вдовью часть⁵¹ наследства.
Короче, им на пару побираться.

Санитонелла.

А кто же мне заплатит?

Криспиано. Спыхватился!

Ариосто. Теперь вам, несравненная, понятно,
Что под собою вы рубили сук?

Ромелио. Когда б раскаяться чистосердечно
Она желала, делая признание,
Я мог бы все снести, но, ваша честь,
Как верно вы сказали, ею движет
Одна лишь месть и дьявольский расчет,
А эти разговоры о душевных
Терзаньях и раскаянье скрывают,
Подобно лживым клятвам Гая Фокса,
Готовившего бунт пороховой⁵²,
Слепую ненависть. О, эти ведьмы!
Вы, женщины, в себе соединили
Весь ужас ада, злобность василиска,
Коварство приворотных трав.

Ариосто. Кипите?

Ромелио. Природа большей мерзости не знает.
Нет, с женщиной, гнуснейшей этой тварью,
Сравниться только женщина способна.
Она, как смерч, сметает все преграды,
Что на ее пути!

Ариосто. Сэр, тише, тише. Вы сорвете голос.

Ромелио. Не сердце в ней, а камень. Хоть пляши
На трупе...

Ариосто. ... муженька, вооружившись

Его костями, чтоб на них всю пряжу
Наматывать.

Ромелио. И что я, в самом деле,
Взбесился? Ну, бастард! Как будто мало
Таких средь сильных мира, чье рожденье
Для всех окутано густым туманом
И чьих отцов давно утерян след.
Подумаешь — грязь отрясти с подошв.
Один такой, без племени, без роду,
Не ведавший, откуда взялся он,
Пропавшая душа, в суде, представьте,

Сам видел, прямо гоголем ходил.
Ну, хватит! Адвокатишке, поганцу,
Я глотку-то заткну. Беру я суд
И целый мир в свидетели, что чист я
Пред богом и людьми, с какой бы грязью
Ни смешивала мать меня. Пусть вам
Ее признание правдой показалось,
Его я в грош не ставлю.

Криспиано. Что ж, обвиненье выдвинуто. Суд
Ждет доказательств. Как испанца звали,
Что соблазнил жену?

Контилупо. Дон Криспиано.

Криспиано. Откуда он был родом?

Контилупо. Из Кастильи.

Джулио (в сторону).

Уж не папаша ль мой так расстарался?

Санитонелла (в сторону).

Патрон мой?? Если так, не повезло ей.

Криспиано. Я с ним знаком. И если вы взаправду

Сын этого испанца, я скажу:

Вы — дворянин. В своих ниспроверженьях

Вы далеко зашли, сэр Контилупо.

Ну почему не стал мишенью вашей

Сын Карла Пятого Хуан Австрийский?⁵³

Бастард, случалось, прославлял семью,

Где он родился. Впрочем, я отвлекся.

Когда Ромелио зачат был? В дате

Не ошибитесь.

Ариосто. Да, нашла коса

На камень.

Контилупо. Ваша честь, в семьдесят первом.

Криспиано. В семьдесят первом... Битва при Лепанто

Тогда случилась. Время испытаний.

Сэр, до утех ли было? Кто еще,

Помимо Леоноры, факт измены

Здесь подтвердил бы?

Контилупо. Старая служанка,

Которая жила тогда с синьорой.

Криспиано. Она в суде?

Контилупо. Скажите, чтобы стряпчий

Привел ее.

Ариосто. Дорогу саквояжу⁵⁴

И содержимому!

Санитонелла. Вот, ore tenus.*

Криспиано. Что вы имеете сказать суду?

Уинфрид. С вашего позволения, я, ваша честь, была в этом деле
не последним человеком: я их сводила.

* Свидетель, дающий устные показания (лат.).

Криспиано. Ну-ну?

Уинфрид. И передала?

Криспиано. Записки?

Уинфрид. А то! Это же ты крутишься.

Криспиано. Сидишь на постели?

Уинфрид. Нет.

Криспиано. Ах так, до места действия, короче.

Снять туфли вы ему не помогали?

Уинфрид. Он сроду туфель не носил, милорд.

Криспиано. Допустим. Может, легкие сапожки?

Уинфрид. Нет, ваша честь.

Криспиано. Так, значит, путешествовал босой он?

Уинфрид. Милорд, он ходил в мягких теннисных тапочках⁵⁵, чтобы прислуга не слышала, как половицы скрипят.

Криспиано. Ну и что же он там... в своих мягких теннисных тапочках?

Уинфрид. Может, вы меня, ваша честь, по латыни пытаться будете, больно уж дело такое, сами понимаете. Вон секретарь ваш, тот меня к себе завел и с глазу на глаз расспрашивал, чтобы пощадить невинные уши.

Ариосто. Ну, если эта латунная ложка латыни зачерпнет, все черти сыты будут.

Уинфрид. Мне пришлось, милорд, малость подучиться, я ведь за проктора⁵⁶ замуж собралась. Перед началом новой сессии суда мы с ним хотим поездить на свет поглядеть.

Ариосто. Можно ближе к делу?

Уинфрид. Не ближе, чем позволит мне природная стыдливость. Так вот, всякий раз, как он приходил к ней, я готовила ему по приказу моей хозяйки горячий пунш, да только он вечно отказывался и просил подать ему крешонку.

Криспиано. Крешонку?

Ариосто. Сиропчику — подсластить пилюлю.

Уинфрид. Он говорил, что у него все нутро горит.

Криспиано. Какое это имеет отношение к делу?

Уинфрид. Прямое, милорд. Как они там веселились под балдахинами, даже полог иногда распахивался! И торчал он у нее до самого света. А мне все деньги совал. Даже прижал в уголке однажды, к богу. Верно, думал, что после этого я уж точно никому не пропущусь.

Антонелла (Уинфрид). Ну ты, я вижу, бой-баба! Не робей, иди дальше.

Криспиано. Вы замечали отпечатки двух тел на перине?

Уинфрид. Скажете тоже, ваша честь! Вы уж меня извините, милорд, но у них, я так думаю, были более тесные отношения.

Криспиано. Сударыня, а сколько вам годков?

Уинфрид. Да сорок шесть, милорд.

Криспиано.

Семьдесят первый...

Ромелио же тридцать восемь... Значит,
Вы сводней были в восемь лет. Однако
Не рановато ли?

Санитонелла (*в сторону*). Попалась пташка!

Уинфрид. По правде вам сказать, я давно в годах-то запуталась.
Вообще-то я старше буду. Как сейчас помню две холоднющие зимы,
и три великие чумы, и еще падение Кале, и даже как штаны с гуль-
фиком в моду входили. Вот и судите сами, какой мой возраст⁵⁷.

Санитонелла (*в сторону*).

Неужто выплыла?

Ариосто.

Матерый заяц,

Ишь, как следы-то замечает.

Ромелио.

Дабы

Процесс не превратился в балаган,

Милорд, я вас прошу закончить пренья

И вынести свой приговор.

Криспиано.

Последний

Вопрос к синьоре: мог ли Криспиано

Быть с вами близок раньше или позже,

Короче, не тогда, когда ваш муж

В отъезде был?

Леонора.

Не мог.

Криспиано.

Вы не ошиблись?

Леонора.

Клянусь душой, что именно тогда.

Криспиано.

Ну что ж, запомним, если что и было,

То это был... семьдесят первый год.

Постойте-ка, постойте... Я, синьора,

В те годы жил в Неаполе, и знал

Я дона Криспиано так же близко,

Как самого себя. Перед отъездом

Он вам оставил свой портрет, не так ли?

Боюсь, его не пощадило время.

Леонора.

Милорд, я сберегла его.

Криспиано.

Он здесь?

Леонора

Возможно ли? Он был мне очень дорог.

(*Уинфрид*).

Сходи за ним.

Уинфрид.

Сейчас.

Криспиано.

Нет-нет, постойте,

Сударыня, вы мне еще нужны.

Кто-то из судейских уходит за картиной.

Первый лекарь (*тихо*).

Пора бы взять за горло негодяя.

Сказать, как он пырнул вас?

Контарино (*тихо*).

Нет, молчите.

Второй лекарь (*тихо*).

А что? Ведь нынче принято толкать

Того, кто оступился.

Контарино *(тихо)*. Тише вы!

Как повернется, поглядим.

Криспиано. Синьоры,

Вот случай вам, когда забыта совесть.
Ведь сколько зла несет прелюбодейство!
Закон природы попран (это раз),
Запятнан дворянина славный герб,
Обман с наследством, осквернение брака,
Клеймо на детях... Принесли, однако!

Приносят картину.

Повесьте-ка ее. Ну что же, все
Претензии к Ромелио мы знаем.
И вот мой приговор: я приговор
Не вправе выносить.

Ариосто. Как так — не вправе?

Криспиано. Я должен быть допрошен как свидетель.

Санитонелла *(в сторону)*.

Свидетель! Вот оно и началось!
Чем, интересно, кончится все это?

Криспиано. Согласно королевскому указу,

(достает предписание)
Синьору Ариосто надлежит
Занять вот это кресло. Дальше медлить
Уже нельзя. Достоянейший, дай бог вам
Так мудро поступать на этом месте,
Чтоб вас никто не проклял.

Ариосто. Это дело,

Боюсь, настолько неугодно богу,
Что трудно услужить и королю.

Санитонелла *(в сторону)*.

Как? Честного — судьей?! Он всех засудит
И пустит по миру таких, как я.

Криспиано *(Ромелио)*.

Я предлагаю вам свои услуги:
Так обстоятельства сложились, сударь,
Что вы остались вдруг без адвоката.

Ариосто.

Я должен ясность сразу же внести.
Я безвозмездно взялся защищать
Ромелио — раз так, могу по праву
Быть обвиненным в присвоение взятки.
Синьор, мы слушаем вас.

Криспиано. Всех прошу

Взглянуть попристальнее на картину.

Леонора *(в сторону)*.

Не может быть... Ведь это Криспиано!

Джулио *(в сторону)*.

Отец! Теперь мне будет на орехи!

Уинфрид (*в сторону*).

Весь дьявольский расчет летит к чертям!

Криспиано.

Я — выцветшая копия с картины.
Все возраст! Вы отбросьте сорок лет,
И перед вами этот первоцвет.
Таким меня увидел живописец,
Да их полотна вроде эпитафий —
Они нам льстят и не жалеют красок.
Итак, я заявляю как свидетель:
В тот год, который назван был истицей
Не мог я с нею быть в любовной связи,
Поскольку четырем годами раньше
В Ост-Индию уехал и вернулся
В Европу в этом месяце. А так как
Она клянется, что не изменяла
Ни с кем другим, — скажите, что ей движет,
Как не желанье уничтожить сына?
Пусть суд, приняв все это во вниманье,
Ее накажет строго.

Санитонелла (*в сторону*). Всем нам крышка!

Клиентка оказалась честной дамой.

Уинфрид (*в сторону*).

Что, сударь, станется теперь со мной?

Санитонелла (*в сторону*).

Умоетесь слезами, исполняя
Павану под ударами хлыста⁵⁸.

Ариосто. Ну, как там наши тапочки, синьора?

И пунш — залить горящее нутро?

И обжиманья в уголку в надежде,

Что вы прикусите свой язычок?

Уинфрид. Ах, уважаемый судья, я неопытная девушка, которую обманым путем втянули в эту историю.

Ариосто. Неопытная? В сорок пять-то лет?

Уинфрид. Сорок пять, как бы не так! Мне и двадцати пяти-то не будет. Конечно, когда тебя заставят вымазать волосы бобовой мукой, тут всякий состарится. И потом у меня от леденцов все зубы гнилые. Если какой фельшер мне в рот заглянет, считай, за старуху принял. Ай, хозяйка, хозяйка, вы же, оказывается, честная женщина, как же это вы сподобились целый суд обморочить, и не стыдно?

Леонора. Уж если я грех на душу взяла
И опорочить собственного сына
Не побоялась, то всему виной
Лорд Контарино.

Контарино (*в сторону*).

Я? Вот это новость!

Ариосто (*Леоноре*).

Избранник Иоленты? Вы, наверно,

Хотели, чтобы земли Контарино
 Когда-нибудь достались вашей дочке?

Леонора. Ни слова больше из меня клещами
 Не вытяните. Я прошу у всех
 Прощенья.

Джулио. Как и я у вас, синьор.
 Криспиано.

Ну с вами, расточитель и повеса,
 Мы вскорости поговорим отдельно.

Джулио (*в сторону*).
 Поди считись с ним после стольких трат!

Леонора. Синьоры, я решила наказать
 Себя суровой, чем любые судьи.
 В монастыре затворницей хочу
 Я провести оставшиеся годы.

Контарино (*тихо*).
 Все на меня свалить! Как повернулся
 Язык у этой грешницы такое
 Здесь говорить? Пора открыться мне.

Эрколе (*снимая маску*).
 Ну, наконец я распахнуть могу
 Окно, чтоб свет пролить на это дело.

Контарино (*в сторону*).
 Он жив! О небо, вняло ты моим
 Молитвам.

Первый лекарь (*тихо*). Не спешите выходить
 Из скорлупы.

Эрколе. Синьоры, я — Эрколе.
 Ариосто. Убийца Контарино! Взять под стражу.
 Эрколе. Не склонен я противиться аресту.
 Ромелио. Милорд, своим чудесным воскресеньем
 Друзей вы радуете.

Эрколе. Я тебя,
 Злодей, разоблачу. Пока лишь честь
 Твоя была поставлена на карту;
 Я ставлю жизнь твою. Синьоры, он
 Добил своей рукою Контарино.

онтарино (*в сторону*).
 Откуда он узнал?

рколе. Все дело в том,
 Что раны, нанесенные синьору,
 Смертельны не были, но этот тать,
 По завещанию душеприказчик,
 Боясь, как бы не выжил Контарино
 И не раздумал земли отказать
 Его сестре, к нему прокрался в спальню
 И заколол беднягу.

Ромелио. Лжешь, подлец!

Ариосто. У вас есть доказательства?
Эрколе. Да, есть.
В отчаянье, что умер Контарино,
Обмолвилась об этом Леонора.

Контарино *(в сторону)*.
В отчаяньи, что... Вот оно в чем дело!
Какой же страстью надо было ей
Пылать ко мне, чтоб сына изничтожить!

Ариосто. Что вы на это скажете, синьора?
Леонора. Была я не в себе, я говорила
В бреду. А вам решать, была ли правда
В моих словах.

Ариосто. Я думаю, что нет.
Так ненавидя сына, лишний раз вы
Напраслину готовы возвести.
Сегодня все, что он имеет в жизни,
Отнять хотите, завтра — жизнь саму.

Леонора. Прошу я суд мне и моей служанке
Позволить удалиться в монастырь.

Ариосто. Мы вас не держим.
(Эрколе.) Чем вам досадил
Ромелио?

Эрколе. Мне дорог Контарино.
Ариосто. Ну да, вы доказали это шпагой.
Эрколе. Милорд, я полюбил его, когда
Возненавидеть мог: друг друга кровью
В тот миг мы окропили, и мне стало
Обидно, что рискуем жизнью мы
Не на галерах, осаждая турка,
А для обогащенья негодая.

Ариосто. Учтите, сэр, вы доказать не в силах,
Что он убил синьора, а не вы,
И спор ваш разрешить, пожалуй, может
Одна дуэль.

Контарино. Готов поклясться жизнью,
Что говорит он правду, ваша честь.

Ариосто. Вот, стало быть, и третий дуэлянт.
Ромелио. Хоть двадцать третий! Я сражусь со всеми.

Эрколе *(Контарино)*.
Я вас не знаю, сэр.

Контарино. Вы что, забыли,
Как мы плечом к плечу стояли насмерть,
От турок защищая Мальту?

Эрколе. Как же,
Датчане все — рубаки хоть куда.

Джулио *(в сторону)*.
Хороший случай доказать отцу,
Что я чего-то стою.
(Контарино.) Зря клялись вы,

Я б не дал и гроша за вашу клятву.
Вы, сударь, лжец, ничтожный, гнусный лжец!
Ах, если только суд позволит мне,
О, я обратно вам всю вашу ложь
Забью сейчас по самую печенку,
Чтобы потом в Кале или в Марселе
(Себе по вкусу выберите город!)
Вонзить вот эту шпагу⁵⁹ вам в живот.
И внутренности лживые прочистить!

Ариосто. Ромелио, в убийстве обвиненный,
Равно как и Эрколе, будут оба
Взяты под стражу. Суд постановил,
Что спор их завтра, до восхода солнца,
Решится здесь же, в честном поединке⁶⁰.

Ромелио. Прошу я суд под стражу также взять
Мою сестру, дабы не дать ей скрыться
В монастыре. Милорд, она богата,
И, если захотят прибрать к рукам
Отцы святые все ее наследство,
Она не устоит.

Ариосто. Мы проследим.

Криспиано.

А кто же, сэр, монашку обеспечит,
Которая от вас родит ребенка?

Ромелио. Не рано ль вы хороните меня?
Вот остужу свой жар в бою с Эрколе,
А там отвечу.

Уходит.

Эрколе.

Вот в какой тупик

Все эти хитроумные интриги
Способны человека завести.
Людские устремления, как в капле
Воды, сегодня отразились здесь.
Стремясь к вершинам, истекаем кровью!
Долина — вот что нужно для здоровья.

нитонелла.

Пойду в порядок приведу бумаги,
Чтоб случай этот сообщить французам.
Пусть видят, что еще один шажок —
И мы сравняемся по части склок.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I Женский монастырь. Входят Иолента и Анджиолелла с уже заметным животом.

Иолента. Вот радость-то! Ну, как ты? Иногда Мне кажется, что мы с тобой, две крохи, Резвились лишь вчера и с той поры Не поумнели.

Анджиолелла. Дорого пришлось мне За это заплатить.

Иолента. Зачем ты скрыла Лицо вуалью?

Анджиолелла. Ах, когда грешна, Легко ли, посуди, смотреть в глаза Того, чьей дружбой с детства дорожишь!

Иолента. Ого! Никак ты тяжела?

Анджиолелла.

Как видишь.

Иолента. А что, скажи, ты сразу догадалась, Что понесла?

Анджиолелла. Ну, тут ума не надо. Ведь ты сама попала в переплет.

Иолента. Что, ходят слухи? Вот уж смех так смех. Но воскресение Эрколе многих Заставило забыть про мой живот. А если честно, этот слух сама я Пустила.

Анджиолелла. Чтоб с тобою поменяться, Я все бы отдала.

Иолента. Ты что? Глупышка!

Все отдавать за то, что мы, девицы, Рисуем то и дело потерять.

Ну, не грусти! Девчонка или мальчик?

Анджиолелла.

То в высшей власти.

Иолента. Ставлю ожерелье.

Давай пари!

Анджиолелла. Не дам я и стекляшки.

Уже я прозакладывала честь.

Ты, верно, слышала, что завтра будет Дуэль?

Иолента. Да как не слышать? В ней сразятся Мой брат и мой жених.

Анджиолелла. Боюсь, дружок мой

Живым не выйдет. Что же мне теперь,

Сестрица, делать?

Иолента. То же, что и мне.
Раз мы не в силах помешать дуэли,
Бежим с тобой от этого кошмара
Как можно дальше.

Анджиолелла. Но куда?

Иолента. Неважно.
Бежим и все.

Анджиолелла. Ну ладно, ладно, только
Не морем. Я ужасно волн боюсь.

Иолента. Что, страшно снова на спину упасть?
Ну, не сердись. Отправимся мы сушей.
Твой сын отважным римлянином станет.

Анджиолелла. Так мы поедem в Рим?

Иолента. Слуга!

Входит слуга.

Снеси-ка,
Эрколе письмецо. Ну что, сестрица,
В дорогу?

Анджиолелла. Я как тень: везде с тобой.
Уходят.

СЦЕНА 2 · Входят Просперо и Санитонелла.

Просперо. Из вас, я думаю, выйдет не просто адвокат, а настоящий зубр.

Санитонелла. Почему бы и нет. Уж я-то возьмусь за дело по-новому. У нас вон адвокаты не успели гонорар получить, а уж клиента за его спиной хают, потешаются над ним.

Просперо. Действительно, нехорошо.

Санитонелла. Это еще что! Есть вещи и похуже.

Просперо. Например?

Санитонелла. Судите сами, в течение всей судебной сессии
году не разрешается после шести утра заглядывать в таверну.

Просперо. Интересно, почему?

Санитонелла. А потому, сэр, что клиент может с ним так
, что еще суд не начался, а их уже не разольешь водой.

Входят Эрколе с письмом и Контарино, оба в монашеских одеяниях⁶¹.

Санитонелла. Оставьте нас, синьоры.

Просперо и Санитонелла уходят.

Контарино (в сторону).

Зачем я так упорно не желаю
Себя назвать? Вот-вот прольется кровь,
И в этот раз она уж точно будет

На совести моей. Один вопрос,
И все решится.
(Эрколе.) Благородный брат мой,
Не разрешите ль вы мое сомненье:
Как вы, любя прекрасную Иоленту
И возжелав усыновить чужого
Ребенка, накануне вашей свадьбы
Бросаете вдруг вызов ее брату,
Грозя убить того, кто был доселе
Вам только другом?

Эрколе. Сэр, я вам отвечу.

Как я в суде недавно говорил,
Мне дорог Контарино, чьей кончины
Желал злодей. И то, о чем мне пишет
Иолента, подтверждает лишний раз:
Да, он достоин смерти.

Контарино. Что ж в письме?

Эрколе. Я ей писал, прося ее ответить,
Кто истинный отец ее ребенка,
Она же, знай, одно — поносит брата,
Виновника позора своего.

Контарино.

Кровосмешенье? Вот злодей!

Эрколе. Вы правы.

А я хотел покрыть ее позор,
Сочтя отцом ребенка Контарино.

Контарино.

Теперь все ясно мне. Готовы ль шпаги?

Эрколе. Да, сэр.

Контарино. Чтоб я хоть раз еще о ней
Подумал!

Эрколе. Вы о ком?

Контарино. Я говорю
О матери своей. Пойдемте, сударь.

Уходят.

СЦЕНА 3 Входят первый лекарь и Уинфрид.

Уинфрид. И вы так любите меня?

Первый лекарь. Ей-богу!

Уинфрид. И женитесь?

Первый лекарь. Да, я на все готов.
Хоть, как известно, принято у нас
Сначала женщин развратить, а после
На них жениться, я решил иначе:
Сначала сделаю тебя я честной,
Потом женюсь.

Уинфрид. Что значит «честной»? Объяснитесь, сударь.

Первый лекарь.

А то, что завралась ты на суде,
Покрыв себя позором. Если хочешь
Отмыться добела, придется честной
Побыть разок.

Уинфрид.

А что должна я сделать?

Первый лекарь.

Пойди сейчас и госпоже своей
Скажи: мол, жив, синьора, Контарино.

Уинфрид. Как жив?

Первый лекарь. А так. Как живы мы с тобой.

Уинфрид. Я не могу сказать ей.

Первый лекарь. Что так?

Уинфрид. Клятву

Я давеча дала, что с ней ни разу
Я не заговорю о нем.

Первый лекарь. Тогда

Судье все скажешь, Ариосто.

Уинфрид.

Что вы!!

Единожды совравши, кто тебе
Поверит? Не сходить ли к капуцину?

Первый лекарь.

Сходи, сходи. А юной госпоже,
Тебя подбившей, как ты мне сказала,
Бежать с ней, можешь смело подыграть.
А сам напялю я наряд, в котором
Изображал Ромелио еврея,
И, шум подняв, что вор меня ограбил,
Вернуть назад заставлю пассажиров,
А там откроюсь — и, глядишь, испугом
Безумье вылечу. Ишь, разбежалась!
Вот в чувство-то ее и приведем.
Ну, к капуцину ты идешь?

Уинфрид.

Да, сударь.

Уходят.

Замок, где содержатся под стражей Ромелио и Эрколе. Входят
Джулио, Просперо и Санитонелла.

Вот дурья-то башка!

На кой же черт ему я бросил вызов?

Послушайте, а если не прийти?

ро. Вас назовут, синьор, лжецом и трусом.

Датчанин вас велит забить в колодки

При всем честном народе, а не то

Привяжет вас к хвосту своей кобылы:

Извольте нюхать...

Джулио.

Нет, благодарю.

Уж лучше драться. Пан или пропал.

Просперо. Ромелио, набить желая руку,
Стал фехтовать с каким-то виртуозом
И чуть не порешил его!

Джулио. Возможно.
Поскольку речь зашла о фехтованье,
Вы знаете историю с валлийцем,
Что все моря избородил бесстрашно,
А как приехал в Рим...

Просперо. Ну-ну?
Джулио. Учиться

Стал фехтованью, ну и осрамился.

Просперо. А что ж случилось?

Джулио. Ему: «Ваш выпад, сэръ!» — а он, как рак,
Все пятится назад, и не заставишь
Его атаковать. Но вот однажды
Учитель видит, как вояка этот
Набрасывается на пармский сыр.
Наутро шишечку на острие рапиры
Он запекает в сыр, и нате вам! —
Валлийца не узнать⁶².

Просперо. Забавный случай.

Джулио. А мэтр не знал, куда потом деваться:
Валлиец так бросался на него,
Как будто всю дорогу в Рим постился.

Санитонелла.

Ну да, когда ты чуешь носом запах,
Рот сам собой откроешь, даже если
При этом шпагу заглотишь.

Джулио. Вы правы.

А что, передохнуть в дуэли можно?

Просперо. Ну, что вы!

Джулио. А попить?

Просперо. Ни в коем разе.

Джулио. О черт, ведь ярость страшно сушит глотку.

Просперо. Хотели вы сказать, наверно, *страх*?

Санитонелла.

От страха можно только обмочиться.

Джулио. Попав под дождь?

Санитонелла. Нет, в деревенский пруд,

Куда бранчливых окунают женщин,

К горшку их привязав.

Джулио. Да, тут промокнешь.

Входит Ромелио в глубокой задумчивости, за ним капуцин.

Капуцин (в сторону).

Служанка Леоноры сообщила
Мне странное известие о том,
Что Контарино жив. Заставлю я
Ромелио покаяться, а после

Открою всем я тайну, чтоб покончить
С неразберихой этой.

(Ромелио.) Мир вам, сударь.
Синьоры, не оставите ль вы нас?

(Джулио.) Не вы, синьор. Вы можете остаться.

Просперо и Санитонелла уходят.

Помолимся вдвоем?

Ромелио.

Еще не время.

Сначала счета с миром я сведу.

Капуцин.

Быть может, помолиться мне за вас?

Ромелио.

Молитесь на здоровье! Мне-то что?

Капуцин.

Одумайтесь, пред вами тяжкий путь.

Ромелио.

Я сам себе и проводник и путник.

А вы, святой отец, займитесь делом.

Капуцин.

Вы думали когда-нибудь о смерти?

Ромелио.

Еще чего! А впрочем, думал как-то,

Когда лежал в горячке. Но сейчас

Я думаю о жизни, да, о жизни!

Толедская, скажите, крепче сталь

Или миланская?

Капуцин.

Со сталью дела

Я не имею.

Ромелио.

Ну, а мне иметь

С ней дело скоро.

Капуцин.

Я б на вашем месте

На собственную тень смотрел с опаской.

Ромелио.

Будь я на вашем, я б на тень свою

Не мог смотреть без смеха. Кто вас нанял,

Чтоб труса сделать из меня?

Капуцин.

Я вас

Христианином сделаю.

Ромелио.

Тому,

Кто в жизни отличается бесстрашьем,

Негоже отступать, как вам негоже

Служить не господу, а Эскулапу⁶³.

Вам только волю дай, и сразу стану

К утру я сонной мухою; такую

Прихлопнут, а она и не проснется.

дин.

Вы правда закололи Контарино?

лио.

Какой коварный выпад!

пуцин.

Почему?

Ромелио.

Вопрос духовника или шпиона?

Капуцин.

Того, кто хочет дьявола из вас

Изгнать.

Ромелио.

Вы немощны для этой роли.

Он опытный боец и многим шею

- Свернул.
- Капуцин. Но чтобы поразить его,
Мощь не нужна.
- Ромелио. Пусть будет все как есть.
Я голоден. У вас не разживусь я
Какой-нибудь едой?
- Капуцин. Вот ваша пища.
(Протягивает ему Библию.)
- Ромелио. А, жвачка! Но ведь я не богослов.
Отец, духовной пищей сыт не будешь.
Мне драться надо, драться, вам понятно?
Само собой, не на пустой желудок.
Есть, думая о смерти?!
- Капуцин. Разве смерть
Ромелио. Не утоляет голод? А могила
Не пожирает все живое? То-то!
Знавал синьора я, ему на плаху,
А он решил приняться за еду,
Все для того, чтоб храбрости набраться
И с блеском перед смертью речь держать...
А мне ведь не болтать.
- Капуцин. Вы так спокойны,
Ромелио. Так верите вы в правоту свою...
А как же: тем возвышеннее смерть,
Чем тверже дух. Недаром же герои
Последними уходят с поля боя
Под градом пуль. И что такое смерть?
Надежная траншея, чтоб укрыться
От выстрелов судьбы. Бояться смерти —
Ведь это значит быть трусливей бабы,
Которая, рожая, во сто крат
Сильнее мучается.
- Капуцин. Страшно мне.
Какие страсти в вас сейчас клокочут,
Какая буря! Ваша вера шатка,
Вы не умели жить — и умереть
Не можете достойно, по-людски,
Но я сюрприз вам приготовил, сударь.
Как знать, не приоткроет ли он бездну,
Лежащую пред вами.
- Ромелио. Что ж, поглядим, я ко всему готов.

Входит Леонора, за ней слуги, несущие два гроба и два савана, скрепленные траурными цветами. Один гроб, показывает она, предназначается для сына; другой — для Джулио.

Какой наряд! А главное, из моды
Вовек не выйдет. Я готов смириться.

*Цветы весенние, отец,
Украсят скорый наш конец,
И человек, он что цветок:
Ему отпущен малый срок.
Нерасторжима круговерть:
Рожденье, возмужанье, смерть.*

Тихо вступает музыка.

*Прощайте, игры и пиры,
Безудержные до поры,
Дни нашей жизни отлетят,
Как тонкий вешний аромат!
На солнце набежала мгла,
И с ним весь мир заволокла,
Все символы людской тщеты:
Дворцы, трофейные щиты,
Которым суждено истлеть...
Мы только ветер ловим в сеть!*

Святой отец, вы совершили чудо —
Кремень стал воском. С помощью нехитрой
Мистерии меня склонили вы
К раскаянью.

Капуцин.
Ромелио.

Я рад преображенью.
Простить я должен зло, что причинила
Мне мать, тогда мне многое простится
В ином мире. Напомнил саван мне,
Как близко мы в минуту торжества
Стоим к могиле. Вот что, мать, пойдем
В ту комнату, я расскажу тебе
О деле первой важности, куда
Дуэль не началась.

Леонора уходит в соседнюю комнату.

Джулио (обматывая саваном шею).

Прекрасный шарфик
Для виселицы. Все предусмотрели:
И гроб есть и удавка!

и н.

Чудно, чудно.
Теперь, когда готовы к смерти вы,
Низринуты почти что до могилы,
Я подниму вас, окрылю надеждой,
Чтоб вы преображенными явились...

ли о.

К дуэли? Индальгенцию хотите
Нам дать? Вы так добры. Пройдите тоже
В ту комнату, там Требник на столе,
А рядом лист бумаги. Ждет вас мать.
А я сейчас.

Капуцин уходит. Ромелио запирает за ним дверь.

Ну вот, воркуйте вместе.
 Джулио. Что вы наделали?
 Ромелио. Как что? Закрыл
 В одной из самых дальних башен замка,
 Чтоб не совал он нос куда не след.
 Пускай, открыв окно, взывает к морю,
 Как лоцман, — на три мили ни души!
 Вы не устали от нравоучений?
 Джулио. О да, будь здесь песочные часы,
 Уж я бы, сударь, тряс их в нетерпенье.
 Ромелио. Постойте, вы ведь заперли и мать?
 Я думаю, что так оно спокойней:
 Не будет выть над бездыханным телом.
 Джулио. Стучится, слышите? Он вне себя.
 Ромелио. Пусть лоб он расшибет об эти двери.
 Джулио. Он там кричит, что Контарينو жив.
 Ромелио. Сказать он хочет: был бы жив — оставил
 Монастырю все земли. Спит и видит
 Он эти земли. Гляньте, рассвело.
 Нас с вами скоро позовут к дуэли.
 Джулио. Эх, одного я не успел.
 Ромелио. Чего?
 Джулио. Балладу написать. Теперь уж поздно.
 Со шпагой в животе, боюсь, хороших
 Стихов я не сложу. Не перешел бы
 Он от духовных наставлений к плотским,
 Пока они вдвоем! Случись такое,
 Сидеть им за решеткой; ну а там
 Истории бывают и похлеще.
 Ромелио. Нас ждут. Пора!
 Уходят.
 У окна, на верхней площадке, появляются Капуцин и Леонора.
 Леонора. Так Контарينو жив?
 Капуцин. Да, жив и секундантом у Эрколе.
 Леонора. Зачем он запер нас?
 Капуцин. Его злой демон
 Толкает к гибели. Мы в этой башне
 Отрезаны от мира. Так случилось,
 Упрямство ли его тому виной,
 Иль перст судьбы, но мы спасти не в силах
 Жизнь этому безумцу.
 Леонора. Бог с ним, с сыном.
 Капуцин. Но Контарينو! Что ж вы не кричите?
 Леонора. Нас не услышат.
 Капуцин. Вниз тогда я брошусь.
 Леонора. Хотя бы мертвая смогу, быть может,
 Дуэли помешать.

Капуцин.

Не вниз, а вверх
Смотрите: там спасенье их! О небо,
Что наши помыслы в твоей игре!
Он, убивая Контарينو, стал
Его спасителем, а я, желая
Спасти, все погубил. Злодею часто
Сопутствует удача, а другой —
Как ни молись, хорошего не жди.
Воистину, когда стремишься к свету,
Тебе от сатаны прохода нету.
Спаси их, господи! Ужель никто
Нас не услышит? То окно на город
Выходит? Так откройте!

Леонора.

Капуцин.

Да, синьора.

Скрываются из виду.

СЦЕНА 5

Заканчиваются приготовления к поединку. Входит офицер королевской гвардии. Криспиано и Ариосто занимают судейские кресла. Поодаль садится Санитонелла.

Офицер.

Трубите сбор участникам дуэли.

Дважды звучат трубы. Из одной двери появляются Эрколе и Контарينو, из другой выходят Ромелио и Джулио.

Прошу ответить: есть ли основанья
Для переноса поединка?

Дуэлянты.

Нет.

Ариосто.

Измерено и взвешено оружие?

Офицер.

Да, ваша честь.

Ариосто.

Тогда прошу начать.

Пусть небо невинного укажет.

Герольд.

Soit la bataille, et victoire a ceux qui ont droit⁶⁴.

Ромелио.

Постойте! Может всякое случиться.

Не худо бы позвать отца святого —

На крайний случай. Вот, возьмите ключ.

Я в башне замка запер капуцина

И мать свою. Скорей их отоприте,

Скорей же, ну, не то они застанут

Холодный труп.

Отсылают человека в замок.

теперь — Victoire a ceux qui ont droit!

Начинается дуэль. Она продолжается до тех пор, пока не появляются Леонора и капуцин.

Леонора.

Остановите их, остановите!

Ариосто.

Кто смеет поединок прерывать?

Капуцин.

Под стражу их! Держать их взаперти!

Мы взаперти и так уже сидели.

Эрколе. Опомнитесь, ведь Контарино жив!
Капуцин. Он жив?
Эрколе. Конечно. Вот он перед вами.
Вы были другом мне — отныне будьте
Мне братом.

Обнимаются.

Леонора. Чтобы быть в его объятьях,
Я все бы отдала.

Контарино. За вас, синьора,
Готов я жизнь отдать.

Ромелио. Я тоже счастлив,
Коль это все не сон.

Ариосто. Кругом обман!
Чтоб так куражиться над правосудьем!!

Входят Анджиолелла и Иолента, прикрывающая черное, как у мавра, лицо; за ними лекари, один из которых в иудейском облачении.

А это еще кто?

Второй лекарь.

Две редких птицы, что в мои силки
Попались. Эта, белая монашка,
Из ордена Сент-Клер, а та откуда,
Чернящая, не знаю. *(Открывает лицо Иоленты.)*

Ариосто. Да, черна.

Иолента. Как знать, где зло, а где добро?
Черно у ворона перо,
А тронешь — бархатно без меры,
Как мушка на щеке Венеры.
Я в этой маске неспроста,
Душа по-прежнему чиста:
Я не жалела жженой пробки,
Но взгляд, он все такой же робкий,
И кожа пусть черна моя —
По-прежнему безгрешна я.

Кто чище здесь, моя ль подружка,
Что образом светлей, чем стружка,
Иль та, на ком нет ни пятна,
Хотя лицом черным-черна?

Я душу бережно лелею —
Что красотой сравнится с нею!

Эрколе. Синьора? Вы? К чему такой театр?
Иолента. Милорд, поймите, я подальше скрыться
Надеялась от звона ваших шпаг,
А заодно от ложных слухов, будто
Меня склонил к прелюбодейству брат.

Леонора. Пусть суд закроет дело. Вот бумаги,
В которых эти все перипетии

Отражены.

Ариосто. Довольно! Суд выносит
Свое решение. Столкнулись мы
Со странным и головоломным делом,
Тем тщательнее надо взвесить все
Пред тем, как объявить вердикт, и, так как
Обман невинен, не карать сурово.
Итак: Ромелио (начнем с него)
Исполнит обязательства свои
По отношению к секунданту, пусть же
Он возместит ему ущерб моральный.
Ромелио. С готовностью, милорд.
Джулио. Благодарю. Хочу я выйти в море
С пиратами сразиться: хорошо бы
Под музыку, под небольшой оркестрик,
Который, если я осатанею,
Сыграет мне «Orlando Furioso»⁶⁵.

Санитонелла. Чтоб этих скрипунов завербовать,
Сулить им надо золотые горы.

Ариосто. Второе. Обвенчаетесь с монашкой.
Ромелио. Хоть завтра.

Анджиолелла. Долго же мне ждать пришлось.
Одна надежда, что другим девицам
Мой стыд послужит навсегда уроком:
Заманчив рай, но грех давать обет,
Когда его исполнить мочи нет.

Ариосто. Эрколе, Контарино и Ромелио
Снабжать семь лет галеры против турок,
По две на каждого. Анджиолелле,
Иоленте, Леоноре, оскорбившим
Святую церковь, на постройку храма
Дать деньги. Ну, а лекарям, сокрывшим
Выздоровленье Контарино, суд
Вменяет год — бесплатно — на галерах
Лечить команду. С этим вы идите
И постарайтесь для себя извлечь
Уроки из случившегося. В жизни
Решайте миром все, а не судом:
На зыбкой почве не построить дом.

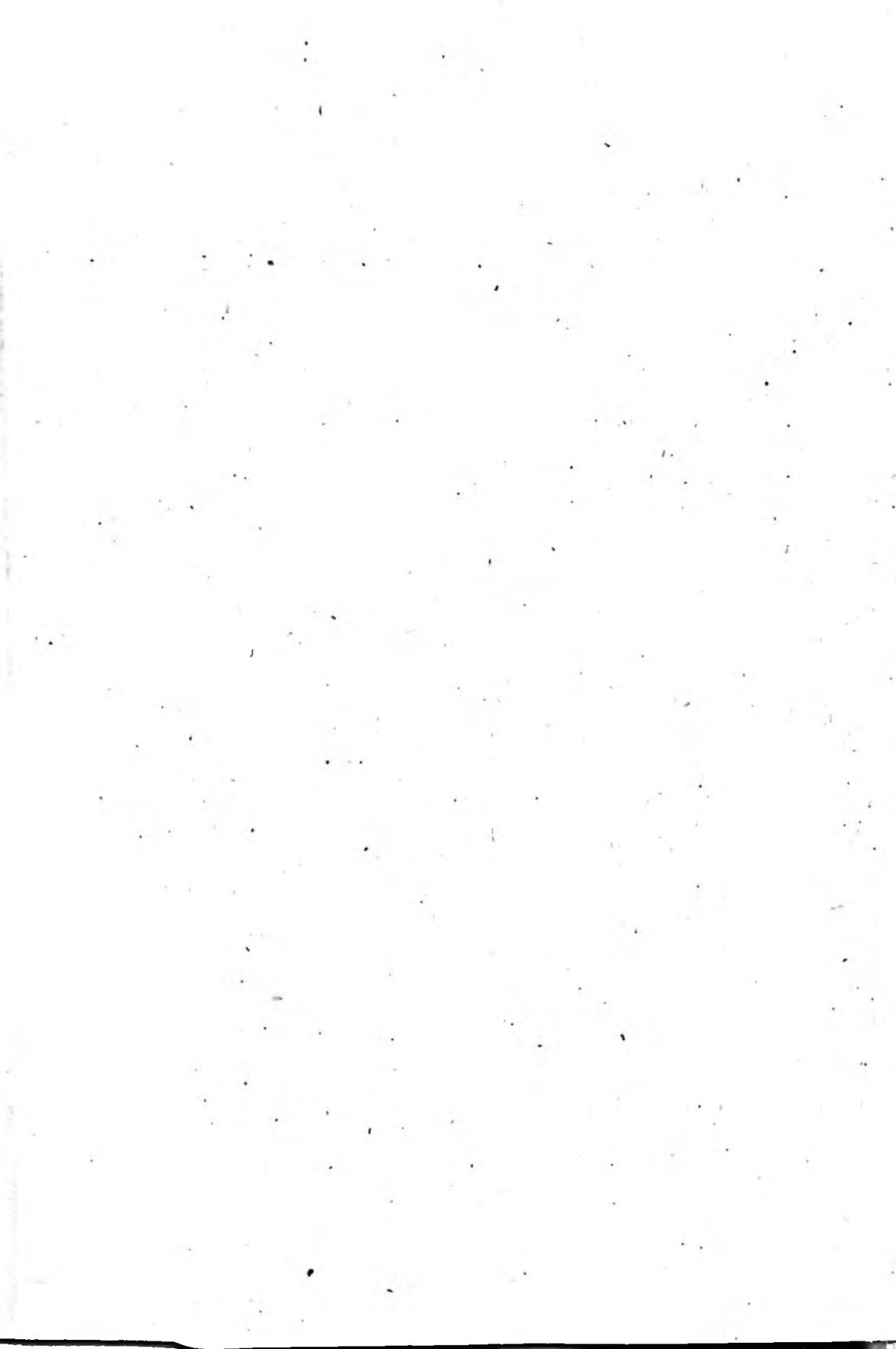
Все уходят.

Томас Мидлтон

БЕЗУМНЫЙ МИР, ГОСПОДА!

Комедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сэр Нараспашкью, престарелый богатый помещик.
Ричард Глупли, его племянник.
Кайус Грешен, провинциальный дворянин.
Лейтенант Черачилль }
Прапорщик Гавбой } приятели Глупли.
Остолоуп, горожанин.
Реалиус }
Потенциус } братья.
Уотерс, дворецкий сэра Нараспашкью.
Джаспер, слуга Кайуса Грешена.
Рэйф, слуга Остолоупа.
Первый джентльмен.
Второй джентльмен.
Констебль.
Суккуб, дьявол.
Сторожа.
Посыльный.
Мадам Остолоуп.
Бесс Хитроу, девица легкого поведения.
Мамаша Хитроу, сводня.
Сообщники Ричарда Глупли, слуги, гости на обеде
у сэра Нараспашкью.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I Входит Ричард Глупли с сообщниками, лейтенантом Червчиллем, прапорщиком Гавбоем и другими.

Червчилль. Мой капитан! Нет, бери выше — командор, центурион!

Гавбой. У меня нет слов, старина. Живчик ты наш, широкая благороднейшая душа!

Глупли. Да уж, без меня вы, обормоты, как без маяка. Не я ли, выволакивая вас пьяных из кабака, ставлю эти два трупа на ноги? Не я ли отмачиваю номера, без которых наша жизнь была бы не жизнь, а сплошная тухлятина? Я пустил карьеру побоку, верчусь ужом, выжимаю свои мозги, как прачка белье, и все ради вас, мерзавцы, ради вас, пройдохи, в которых я души не чаю, мы ведь повиты одной веревочкой.

Червчилль. Ты наш маяк! Дай я тебя...

Глупли. Отстань! Это вы меня сбили с панталыку. Я ведь был паймальчик, сквернословил только по воскресеньям, ходил трезвый, уж если возвращался домой «под мухой», так в аккурат перед постом, чтобы, стравив, желудок прочистить. Я же был для дядюшки — свет в окошке. И до чего докатился! Вырядился, понимаешь, пижоном, ругаюсь через слово, гуляю до того поздно, что уже — рано, напиваюсь так, что уже начинаю трезветь, падаю замертво в кабаке, а просыпаюсь в табачной лавке... Сам себя не узнаю. Бывало мимо бедняка проходил — денежку какую-никакую давал, а сейчас — черта с два, еще сам его как липку обдеру. Шляюсь без цели, ругаюсь без продыху, обжуливаю без пощады и пью без меры².

Червчилль. С последним я не согласен. Как бы ты ни перебирал, ты все равно пьешь в меру.

Глупли. Как так? Растволкуй, дружище.

Червчилль. А так, что трактирщик тебе ни в жизнь полную не альет.

Глупли. Вот светлая голова, черт меня дерит! Эдак любой забулдыжит как дважды два, что он пьет в меру. Послушайте, я что придумал, так что не мешало бы вам, мерзавцы, а себя серьезный вид. Хотя что я говорю: можно ли себя серьезный вид, после того как спустил послед-

Ладно, командор, чего краснеть-то!

Глупли. Я стою с вами, прапорщик. Когда ты, интересно, последний раз пил? Нет, этот божий дар никому из вас не грозит — великий дар с ваших щек остатки румянца, все, флаг приспущен³, так что ли? Да уж, пока в кошельках у вас не забренчит мелочишка, ни румянца, ни даже улыбки от вас не дождешься. Ладно, довольно об этом. Все вы знаете, какое мне скоро отвалит состояние. Пусть только мой дядюшка, сэр Нараспашкью, этот шутник и великий оригинал, даст дуба — и я заживу как король, все, что было его,

станет моим, ну а пока все его — при нем, а я — с носом. Сдается мне, у всех стариков одно на уме: пока живы — держать нас в черном теле, чтобы после, на их поминках, мы со вкусом пили за их здоровье. Пока, вишь, они еще дрыгают ножками, мы должны ходить с постными рожками, чего ж удивляться, что сынки так потом веселятся на папашкиных похоронах. Я ведь знаю, дядюшка уже спрятал в шкатулку свое завещание и по нему все ко мне отойдет, не в могилу же он эти деньжищи потащит; но понадобится мне сейчас паршивых десять фунтов, он удавится, а не даст; у него не то что в завещании, а и в мыслях-то этого нет, уж будьте уверены.

Червчилль. Никто и не сомневается, командор.

Глупли. Ну что же, хотя он при жизни ничего не отказал в мою пользу, я не откажу себе в удовольствии пожить за его счет, пока он не отдал концы. Сейчас поймете, к чему я веду. Кому-кому, а вам, олухи царя небесного, хорошо известно, что мой дядюшка, рыцарь старой закваски, разжился не одной тысчонкой, это вам не нынешняя голь, что из грязи да в князи; и дом он держит открытый, двери нараспашку, оно и понятно, имя обязывает; а уж как он фордыбачится: и прислуга у него расприслуга, и развлечения, какие хочешь, и кухня самая громадная, и кладовая самая вместительная, и подпол от жратвы ломится... и случись какому фон-барону или статс-даме оказать честь его чести, как он уже на седьмом небе от счастья и давай все метать на стол. Сложить все это вместе — и мои шансы явно повысятся, удача, можно сказать, сама плывет к нам в руки. Короче, чтоб не рассусоливать, не заделаться ли мне лордом ради дядюшки?

Червчилль. Это еще как, командор?

Глупли. Пышные брыжи, бороденка, пачули, которые за версту в нос шибают, — и все дела. А вам возьму напрокат голубые ливреи у Вестминстера, чтоб уж комар носа не подточил.

Червчилль. Но, командор...

Глупли. Никаких но. Я же вас насквозь вижу. Вам ведь одно подавай — бабки.

Червчилль. Твоя правда, обалдуй, мы как жеребцы: пока бабки не подбили — ни шагу.

Глупли. Ну что ж, если не сорвется наш спектакль, то мы сорвем приличный куш.

Входит Кайус Грешен.

Гавбой. Вот слова истинного патриция! Эге, да это никак почтенный Кайус Грешен.

Все, кроме Грешена, уходят.

Грешен. Любезнейший Глупли, куда же вы?.. Вот у кого мозги набекрень. Чего он только не вытворяет, и во всем первый, всему голова, не дай бог, чтобы другой такой же испорченный его обставил! У него фокусов больше, чем карт в колоде, а что карты крапленные, это уж будьте уверены. Этот ни под чью лудку плясать не станет, ему и в жизни-то ничего не надо, лишь бы верховодить и знать,

что без него вся компания тут же развалится. Ну а его стервятники, понятно, уж тут как тут, слетелись к нему, как на добычу, и рвут куски пожирней.

Но что я? Осуждаю за безумства,
А сам греховным пламенем объят.
Додумался — горячим жеребцам
Пенять на то, что удила грызут!
Ведь я и сам едва стою на месте —
Такой вдруг разыгрался аппетит,
Что нету мочи. И в кого влюбился!
В супругу Остолоупа! Да он,
Ревнивец (от бессилья, видно), глаз
С нее не сводит, держит взаперти.
Пришлось мне взять пример с того, кто в средствах
Не очень-то разборчив, и прибегнуть
К испытанному средству — к куртизанке.
Ему и невдомек, какие шашни
Та завела — мамаша же за сводню! —
Вот он и позволяет ей бывать
В компании жены, и та, плутовка,
Супругу обрабатывает ловко,
Плетет интригу у него под носом,
Уже и день примерки назначает,
Чтобы проверить, как ему идут
Ветвистые рога, — а он и рад
Свою пустую голову подставить⁴.

Входит Бесс Хитроу.

А вот, гляди, и наша мастерица.

Бесс Хитроу. Кайус Грешен! Это вы, сударь?

Грешен. Какие новости, крошка? Чем меня порадует мой цыпленок?

Бесс Хитроу. Везет вам, праведникам. Она податлива, как воск, что можете мять в свое удовольствие. Я только начала нащупывать к ней подходы, как ее уже сама к вам повело.

Грешен. Так она ответила мне взаимностью? Значит, наши желавания овладевают?

Бесс Хитроу. По-моему, они звучат в унисон. Вот только ее интонация, этот фальшивый альт, вносит в вашу музыку явный диссонанс.

Грешен. Ох, уж это мне недреманное око!

Бесс Хитроу. Не отчаивайтесь, сударь. Положитесь во всем на меня. Для меня вопрос чести — довести это дело до конца. Я должна прийти к вам на помощь, не то... плакали мои денежки.

Грешен (*в сторону*). Не в суде ли мы часом? Шлюха в роли адвоката! Ну и времена. Благочестие теперь обитает в публичном доме! (*Бесс Хитроу.*) Прощайте, мадам.

Грешен уходит.

Появляется мамаша Хитроу.

Мамаша. Здравствуй, доченька.

Бесс Хитроу. Что слышно, матушка?

Мамаша. Принесли вот гостинец от твоего лесничего.

Бесс Хитроу. От сэра Нараспанкью, что ли? А что, он и вправду у меня лесничий. Правда, оленины в его лесных угодьях все меньше и меньше, а он про это ведать не ведает. Нет такой заповедной дичи, которая бы, при самой бдительной охране, не доставалась время от времени браконьеру. Мяса-то всем хочется. И потому, как женщину ни оберегай, она свое всегда возьмет. Дураку должно быть ясно, что в одиночку с таким большим хозяйством, как женщина, никакому лесничему не управиться.

Мамаша. Ох, девка, не зарывайся!

Бесс Хитроу. Вы за меня, матушка, не беспокойтесь.

Мамаша. Все вы, нынешние, горазды на выдумки да уловки. Вон и тенетник свои сети плетет все затейнее да мудренее, чтоб верней муху в нее заманить.

Сегодня скажет вам любой мужлан,
Где правда, ну а где один обман.
Гнет на помещика работник спину
И, смотришь, уворует половину.
Поймай нас кто на честности, тогда
Сгорим ведь, право слово, со стыда.
Пятнадцать раз тебя я продавала
Как девушку, чтоб сколотить тебе
Приданое, а этот старый пентюх
Все носится, как с писаною торбой,
С твоей невинностью! Да, претенденты
На девственность твою платили щедро.
Но разве золотые дни прошли?
Не все еще твоей вкусили чести:
Взять тех же итальянцев... иль французов...
Да и среди англичан, я чай, немало
Еще охотников. Запомни, дочка,
Ты, главное, будь скромницей, кажись
Простушкой, но к себе не подпускай,
Все как один они клюют на это.
Увидишь простофилю побогаче,
Который будет на тебя смотреть,
Как пастушок на аленький цветочек, —
Хватай и на себе его жени.
Усвой простое правило, дитя:
Мы имя не должны свое порочить,
Грешить же, право, можно днем и ночью.

Бесс Хитроу.

Что, матушка, ученую учить?

Уж как-нибудь.

Мамаша.

Э-э, знаем вашу прыть!

Ну да живи своим умом... Два брата

Сюда идут. Ты бы ушла покамест.

Бесс Хитроу уходит.
Входят Реалиус и Потенциус.

Потенциус. В добрый час мы вас встретили, госпожа.
Мамаша. Доброго вам утра, господа Реалиус и Потенциус.

Реалиус. А где юная госпожа, ваша дочь, сударыня?

Мамаша. За Священным писанием.

Потенциус. Она так набожна?

Мамаша. С малых лет, сударь, с малых лет.

Потенциус. Не удостоит ли нас сударыня счастья лицезреть юную госпожу?

Мамаша. При одном условии, господа. Чтобы никаких богохульных речей, и игривых комплиментов, и непристойных слов, и всяких там амуров! Для моей дочурки это, знаете ли, хуже смерти. Ухаживайте честь честью, как порядочные женихи.

Потенциус. Помилуйте, мадам, да я худого звука не произнесу.

Реалиус (*Потенциусу*). Про звук, братец, это ты кстати ввернул. Ведь у тебя что ни звук, то х.., хрен знает какая похабщина.

Все уходят.

СЦЕНА 2 Входит Остолоуп.

Остолоуп. А ну как ночью кто-то ходит к ней!

Они ведь как коты, что по ночам

Охотятся.. И ей, покуда темень,

Впустить мужчину было бы с руки.

Нет, глаз да глаз за нею, глаз да глаз!

Входят сторожа.

Первый сторож. Бог в помощь твоей милости.

Остолоуп. И вам, любезные. Пособите-ка мне в одном деле чрезвычайной важности. Задумали против меня хитрые каверзы, дом, понимаете, обокрасть хотят. Да я об этом проведал. Вот только не знаю, в какую ночь придут, но что в этом месяце — это доподлинно вестно.

И вот что мерзость: взять хотят уменьем,

А не числом; придет один приятель,

Ко мне в доверье втершийся, и кто-то

Из слуг — его сообщник, надо думать, —

Откроет, вероломный, дверь ему

И весь мой дом отдаст на разграбленье.

Первый сторож. Страсти-то какие!

Остолоуп. Смотрите в оба. В этом деле вам помогут ангелы... не те, а эти⁵. Чтоб он обутым в рот ко мне не влез! (*В сторону.*) Хорошо еще, если в рот... Что делается: вор на мошеннике! Такой перл, как у меня, итальянцы под семью замками держат, а мы, англичане, народ легкомысленный... Словом, любезные, я вам все сказал.

Второй сторож. А мы все сделаем, сударь.

Уходят.

Остолоуп. Не разошлись бы только слово с делом.
А впрочем, краденое порося
В ушах визжит — теперь к нам только сунься!
Нас голыми руками не возьмешь.

Входит Бесс Хитроу.

Леди Бесс Хитроу! Единственная наперсница моей супруги! Рад вас видеть. А как поживает добросиятельная ваша матушка-благодетельница? Если в мире еще сохранились остатки благочестия, то не иначе как ее молитвами. Вот женщина, которая всегда и везде показывала себя с лучшей стороны, будь то двор, город или деревня. Бесс Хитроу. Ваша правда, сударь, в любом из этих мест она хорошо справлялась со своими обязанностями. (*В сторону.*) Умный ты был бы, кабы не дурак! (*Вслух.*) Как поживает ваша, сударь, сударыня? А я вот опять к ней в гости.

Остолоуп. Ах, непорочное дитя, душа моя не нарадуется, когда вы вместе. Я оставил ее за лютней. Идите и наставьте ее добрым советом.

Бесс Хитроу. Ее ли наставлять, сударь!

Остолоуп. Будет вам, будет! Лишнее напутствие ей не повредит.

Бесс Хитроу. Я, сударь мой, все силы на нее положу.

Остолоуп. Да уж, не скупитесь... Я-то давно убрал от нее подалее всякие прелестные книжки вроде «Геро и Леандра» или «Венеры и Адониса»; это ведь для неискушенной женщины такая тля-пагуба, хуже пирога из мозгов. Вот возьмите почитайте-ка ей лучше что-нибудь из «Необоримости духа»⁶.

Бесс Хитроу. Он у нее уж и так, сударь, необорим.

Остолоуп. Верно, верно, но это ее душе прежнего укрепит. Там есть глава о преисподней — как раз чтоб согреться в эту стыть. Вы уж напустите на нее страху, вычитайте там что-нибудь про ужасную расплату за мерзкий блуд, про муки адовы за любодеяние, раскройте перед ней ее собственные мысли, ее сокровенные мечтания. Не стесняйтесь в выражениях, представьте ей жизнь потаскухи во всей наготе и безобразности.

Бесс Хитроу (*в сторону*). Эдак он скоро уговорит меня выставить саму себя на поруганье, заставит чернить свое же ремесло.

Уходит.

Остолоуп. Пускай мужья берут с меня пример.
Жену решил держать я в черном теле:
Хлопочет у меня весь день по дому,
А за порог — ни-ни! Обеспечение
Я ей урезал, чтоб едва хватало
На мелкие расходы. А развлечься
Она и с Бесси может преотлично.
Держать жену в ежовых рукавицах!

Входят мадам Остолоуп и Бесс Хитроу, разговаривая между собой.

Мадам Остолоуп. Скорей бы уже его увидеть...

Бесс Хитроу. Ишь ты, ишь ты! Какие мы приткие! Не теряйте голову, дорогая.

Остолоуп. Как она ее взяла в оборот! Не иначе как к нам залетела безгрешная душа из «Братства любви»⁷. Она ее мигом образумит.

Бесс Хитроу. Не с того конца беретесь.

Мадам Остолоуп. А с какого мне прикажете братья? Мне бы увидеть его да обняться с ним покрепче...

Бесс Хитроу. Вы дадите мне слово сказать? Вот что, дорогая...

Остолоуп. Не слишком ли круто она с ней?

Бесс Хитроу.

Когда супруг ревнив, как сатана,
Как бес, хитроющей быть должна жена.
Невинною кажитесь голубицей,
И ревности своей он устыдится.
Пусть заклинает именем небес
Принять мужчину — друга! — наотрез
Отказывайте. Это все ловушки
Для вас, такой доверчивой простушки.
Скажите — от мужчины мне услуг
Не надобно, будь он хоть трижды друг.
Бегите всяких радостей. Коль скоро
Придет кто к мужу — дверь на все запоры.
А если муж застигнет вас врасплох,
На этот случай не ловите блох,
Тотчас за патерик и — вслух цитаты,
А выйдет вон — и из-под юбки вновь
Достанете книжонку про любовь.
С умом все надо делать, моя радость.
Когда свой интерес блюдешь тайком,
Сомнения не вызовешь ни в ком.
До шепота сведите голос плоти
И верною супругой прослывете.
Остолоуп. Подумать только, как красноречива!
О чем толкуют, не пойму, но вижу —
О чем-то благородном. Удаюсь.

Скрывается.

Мадам Остолоуп.

Ему я сердце вместе с этим перстнем
Хочу послать. В накладе не останусь.
Скажите, что по-прежнему меня
Муж держит в заточенье, под замком.
Как ревность не дает ему вздохнуть,
Так не дает он мне вздохнуть свободно.

Он вроде надзирателя в тюрьме:
Закрыв меня и сел с ключом под дверью,
Но если вдуматься, то оба мы
Страдальцы-узники одной тюрьмы.

Бесс Хитроу.

Я вылезу, поверьте, вон из кожи.
Зазря товару пропадать негоже!

Мадам Остолоуп.

Не знаю, как мне вас благодарить.
Надеюсь, муж воздаст вам за труды.

Бесс Хитроу. Воздасть-то он воздаст... Вот только чем?

Собирается уходить. Входит Остолоуп.

Остолоуп. Как, и это всё?! Нет-нет, сударыня, назад! Не покидайте ее так скоро, добрая душа. Нельзя же так. Ну-ка, ну-ка...

Бесс Хитроу.

Я просто, сударь, выбилась из сил,
Уж я с ней так и эдак, но она
Как стала на своем — и ни в какую.

Остолоуп. Вот как? Сейчас поглядим. Ты что ж это, жена, артачишься? Нехорошо. Так на чем же она стоит?

Бесс Хитроу.

Твердит, как заколодило, одно:
Мол, всякий грех достоин осужденья.

Остолоуп. Так и сказала? Ну, ну, ну... это уж ты слишком! Стыдись, жена! Нельзя быть такой нетерпимой. Что же, по-твоему, давать в рост грешно? Может, и барашка в бумажку завернуть тоже грех? Хороший бы из тебя вышел купец! А что же тогда делать с пронырливостью судейских? С кичливостью церковников? С обжорством придворных? Эдак тебя ни один олдермен с собой за стол не посадит.

Один есть смертный грех — прелюбодейство.
Оно, как червь, истачивает женщин,
Все тело изъязвляет, как проказа.
Запомни: то — грешки, а это — грех,
И он один страшнее прочих всех.

Бесс Хитроу (*Остолоупу*). Я постаралась наставить ее.

Остолоуп. Она всенепременно последует вашим советам.

Бесс Хитроу. Если бы!

Остолоуп. Ручаюсь головой. Ну а пока,
Дабы у вас в долгу не оказаться,
Вот вам за ваши хлопоты рубин.

Бесс Хитроу. Ну что вы, сударь, какие там хлопоты! Никудышная из меня советчица.

Остолоуп. Берите! Я слышать ничего не желаю.

Бесс Хитроу. Воля ваша, сударь, а только я этого не заслужила.

Остолоуп. Еще как заслужили. Прощайте, невинное дитя, и не забывайте нас, слышите?

Бесс Хитроу (*в сторону*). Вы не забывайте всякий раз презентом одаривать, а уж я к вам зайти не забуду.

Уходит.

Остолоуп. Жена, ты часть своей любви ко мне
Ей удели. Прислушайся к советам,
И успокоится душа твоя,
И благость переполнит сердце. Видишь,
Едва могу я слезы удержать.

Мадам Остолоуп.

Ну, полно... Вы бы их приберегли.

Остолоуп. Когда б разок ты сладкий плод вкусила,
Узнала б, что за чудная в нем сила.

Мадам Остолоуп.

Бог даст, узнаю, сударь.

Остолоуп.

Дай-то бог.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входит сэр Нараспашкью с двумя джентльменами.

Первый джентльмен. Сэр Нараспашкью, вы, как всегда, верны своему имени.

Сэр Нараспашкью. Вы слишком добры ко мне, джентльмены. Хотя, вы правы, я всегда рад гостям. Милости прошу, сэр Эндрю Хориок. И вас прошу пожаловать, любезнейший Филлок, сэр.

Джентльмены. Покорно благодарим, добрейший сэр.

Уходят через одну дверь.

Через другую вбегает посыльный.

Посыльный. Ваша... уфф... милость... уфф... скажите... уфф... ф...

Сэр Нараспашкью. Эй, гонец-тридцать-миль-в-один-конец, ты же будешь?

Посыльный. Скажите... ваша милость.. уфф... уфф... что, милорд здесь?

Сэр Нараспашкью. Милорд? Это еще кто такой?

Посыльный. Мой господин, лорд Приживал.

Сэр Нараспашкью. Лорд Приживал! О, я о нем много слышал. В городе о нем только и говорят. К нему в друзья, я слышал, кто только ни набивался.

Посыльный. И посейчас, сударь, набиваются. Только он, когда приезжает в Лондон, никого к себе не подпускает. Он, слава богу, почетный член гильдии, так что на кредиторов ему тьфу, пусть только подойдут!

Сэр Нараспашкью. А подойдут, сами не рады будут. Он их под орех разделяет! Да, о твоём господине я много доброго слышал, а вот лицезреть до сих пор не сподобился. Да точно ли он сюда пожалует? Может, ты перепутал?

Посыльный. Может, и перепутал. Прощевайте, сударь. (*Собирается уходить.*)

Сэр Нараспашкью. Куда ты? Стой, пострел! Стой, тебе говорят!

Посыльный. Вы меня звали, ваша милость?

Сэр Нараспашкью. Поди-ка сюда. Твои бы речи да богу в уши. Ты мне вот что скажи, любезный: не помнил ли часом твой господин башню, что над домом?

Посыльный. Нет, сударь, не помнил.

Сэр Нараспашкью. Поди сюда, говорю! Может, он про золотые занавески тебе сказывал?

Посыльный. Нет, сударь. Чтоб мне ни пить ни есть!

Сэр Нараспашкью. Да стой же ты, бесово отродье! У меня уже от тебя в глазах рябит.

Посыльный. Бежать мне надо, ваша милость.

Сэр Нараспашкью. А не было ли разговора о прекрасном органе, или о громадном золотом подсвечнике, или о серебряных щипцах, какими нагар снимают?

Посыльный. Врать не стану, сэр, не было.

Сэр Нараспашкью. Чтоб тебе первым куском подавиться! Ты можешь на одном месте постоять?

Посыльный. Ваша милость погубит меня.

Сэр Нараспашкью. Не говорил он про большую столовую? Про огромную кухню? Про несметные запасы в кладовке?

Посыльный. Что же вы, сударь, сразу-то про запасы в кладовке не сказали? У меня даже в животе заурчало.

Сэр Нараспашкью. Имя он тебе назвал?

Посыльный. А то как же! Сэр Нараспашкью.

Сэр Нараспашкью. А-а-а, то-то же! А я кто, по-твоему, олух ты эдакий с шилом в одном месте?

Посыльный (*со смехом*). Эвона!

Сэр Нараспашкью. Я знал, знал, что рано или поздно он ко мне заглянет! Ни один лорд, храни их господь, мимо моего дома не проходит. Носом чуют, где можно погулять на славу. Я ведь не какой-нибудь захоластный рыцаришко, у меня дар гостей принимать, и они это чувствуют. Кто еще во всем графстве умеет так быстро, как я, удовлетворить любого аристократа, удовлетворить любую знатную даму? Это своего рода талант, искусство, которым природа щедро наделила меня. Я и сам, веришь ли, не знаю, как это у меня само собой получается. Ах ты, мать честная, совсем заболтался. Эй там!

Входит слуга.

Слуга. Чего изволите?

Сэр Нараспашкью. Ну-ка сбегай да покличь мою золотую цепь, то бишь дворецкого. Одна нога здесь, другая там!

Слуга уходит.

Так как поживает милорд? Жаль, не привелось раньше с ним встретиться. Подать посыльному бастарду полную чашу!

Посыльный. Милорд свой живот почитай пятый год в разъездах проводят.

Сэр Нараспашкью. Это сколько же он за пять лет детей нагулял? Я ведь сказал: бастарду! Где бастард?

Посыльный. Да, кажись, ваша милость, у него нет ни одного бастарда⁸.

Сэр Нараспашкью. Эй, подайте-ка вина гонцу! А то он, сдаётся мне, малость умом повредился.

Входит дворецкий.

Наконец-то! Слушай меня внимательно: пошли к достопочтенному Эндюку за курятиной. Куропатка у нас вроде есть.

Дворецкий. У нас и гуси есть, ваша милость.

Сэр Нараспашкью. У нас и вальдшнепы должны быть твоей милостью.

Дворецкий. Есть и вальдшнепы. Я хотел сказать вашей милости...

Сэр Нараспашкью. Не забудь про павлина. Вели подать перепелов, да пусть пяток вальдшнепов зажарят. Небось лорда ждем! Ну, чего стоишь?

Дворецкий. Я хотел сказать вашей милости, что вас дожидается лорд со свитой.

Сэр Нараспашкью. Что же ты стоял, как пень! Пошел с глаз долой. Эй, музыку, музыку! Вот и он.

Входит Глупли, одетый как лорд, за ним его приятели в голубых ливреях⁹.

Глупли. Посыльный!

Посыльный. Что прикажете, милорд?

Глупли. Беги к сэру Брилли Анту. Передашь поклоны и скажешь, к утру мы будем у него.

Посыльный. Будет исполнено, ваша светлость.

Уходит.

Глупли. Если не ошибаюсь, такой благообразный и учтивый члтьмен должен быть не кто иной, как сэр Нараспашкью?

Сэр Нараспашкью.

Ах, как вы проницательны, милорд!

Почту за честь принять вас у себя.

Глупли.

Простите за внезапное вторженье.

Хоть вы меня не знаете, а я

Не знаю вас, однако же я знаю,

Что ваша щедрость и гостеприимство

Снискали вам заслуженную славу.

Сэр Нараспашкью. Ежели ваша светлость наслышаны о моем гостеприимстве, считайте, что мы с вами давным-давно знакомы. Тем большую честь вы оказываете моему дому.

Глупли. Благодарю вас.

Сэр Нараспашкью. Это я должен вас благодарить. Высоко чтя ваши заслуги, ревниво внемля отголоскам вашей безграничной славы, я давно мечтал, милорд, что светозарный лик вашей светлости вдруг воссияет в этой недостойной обители... Между прочим, вы слышали мой орган?

Глупли. Я много слышал о нем, хотя и не слышал его.

Сэр Нараспашкью. Милорд, на нем двойная позолота! Если вы захотите изготовить такой орган, это вам обойдется в сто пятьдесят фунтов.

Глупли. Что вы говорите!

Сэр Нараспашкью. Милорд, у меня к вашему сиятельству одна просьба.

Глупли. Просьба? Что ж, самое подходящее время, дорогой сэр. Я весь к вашим услугам.

Сэр Нараспашкью. Вы давно путешествуете, милорд?

Глупли. Да уж лет пять, сэр.

Сэр Нараспашкью. Видите ли, милорд, у меня есть племянник. И как я люблю его, то решил я перед смертью его облагодетельствовать. Но вот беда, ваша светлость, непутевый он.

Глупли. Все мы такими были.

Сэр Нараспашкью. Вы правы, милорд. Я рад, что вы к этому отнеслись с пониманием. Он, конечно, порядком проказничает, но, клянусь своими доходами, это честная и благородная душа.

Глупли. А это — самое главное, сударь.

Сэр Нараспашкью. И опять вы правы, милорд. Вот я и откажу ему все после моей смерти. *Imberbis iuvenis**. У него же подбородок еще гладкий, как у девушки, так что есть надежда... Дума ведь что борода — лишняя тягота. Вы уж простите мне мою беспардонность, если я возмечтаю, что этот Ганимед¹⁰ будет подносить вашей светлости чашу с напитками.

Глупли. Помилуйте, какая там беспардонность. Право сударь, вы умаляете его достоинства и ваше великодушие. Я слышал много хорошего об этом молодом джентльмене.

Сэр Нараспашкью. Смышленный юноша, ничего не скажешь.

Глупли. И весьма великодушный.

Сэр Нараспашкью. Вам так сказали, милорд? Я, знаете ли, тоже кое-что слышал о его делишках... Я покажу вам мое завешание. Оно у меня наверху, в шкатулке припрятано. Люблю я его, сукина сына, пускай же все к нему перейдет. Но куда я жив, не видать ему этой бумаги, как своих ушей.

Глупли. Ради вас, сэр, и ради его блестящего будущего я готов оставить за ним место поверенного во всех своих тайнах.

* Безбородый юноша (лат.).

Сэр Нараспашкью. Понимаю, милорд. Вы хотите сделать его своим секретарем. Музыка! Музыка в честь моего дорогого гостя!

Звучит оркестр. Сэр Нараспашкью начинает исполнять какую-то замысловатую фигуру, но сбивается с такта.

Как вам наша музыка, милорд? Неплохо, не правда ли?

Глупли. Выше всех похвал.

Сэр Нараспашкью. Это мой домашний оркестр.

Глупли. Не может быть!

Сэр Нараспашкью. Музыкантов и дюжины не наберется, зато все недюжинные. А сейчас, ваша светлость, хотите послушать мой оргán?

Глупли. Сделайте одолжение.

Сэр Нараспашкью. Начинай!

Вступает орган. Слуги обносят гостей различными блюдами.

Ну что, милорд? Как звучит мой оргán?

Глупли. Величаво, сэр, ничего не скажешь.

Сэр Нараспашкью. Еще бы! Как-никак на нем валлонец играет, а валлиец раздувает мехи¹¹.

Начинает петь под орган.

СЦЕНА 2 Сэр Нараспашкью сопровождает Глупли и его приятелей в их апартаменты.

Сэр Нараспашкью. Вы уж простите нас, милорд: отобедали чем бог послал. Дичиною я вас все же побаловал. А сейчас, ваша светлость, хочу предложить вам мою убогую опочивальню. Видите, и постель жесткая, всего пять матрацев, и простыни никудышные, батистовые, и балдахин из тонкого ажурного полотна. Занавески, между прочим, венецианской работы; смотрите, как искусно изобразили на них сюжет о блудном сыне, все шелк да золотошитье, а что свиней не выткали¹², так это чтоб зазря красоту такую не губить.

Глупли. И правильно сделали.

Сэр Нараспашкью. Ну, спите с богом. Пусть вам на мягкой подушке пригрезятся красотки-душки.

Глупли. Того же и вам, добрейший сэр.

Сэр Нараспашкью. Э-э-э, милорд, где мне за вами угнаться! Староват я так высоко в мечтах возноситься.

Глупли. Кто стар, тот спит сладко.

Сэр Нараспашкью. Золотые слова, милорд. Заўтра я покажу вашей светлости моих кочетов, мои рыбные ловли, мой парк, мои заливные луга. И в конюшни сходим. Они вам покажутся, вот увидите.

Глупли. Вы слишком добры ко мне, сэр.

Сэр Нараспашкью. Еще раз желаю сладких грез вашей светлости. Не смею вас больше задерживать.

Уходит.

Глупли. Покойной ночи, сэр. Эй, ряженные, выходи! Где наши маскарадные костюмы?

Червчилль. В вашем кофре, милорд.

Глупли. Спокойно, лейтенант!

Червчилль. Чересчур кругом спокойно, капитан.

Глупли. Не дрейфь. Он возвращает нам долги.

Дурак! Дают — бери, а бьют — беги.

Червчилль. Ладно, командор, когда дойдет до дела, я за твоей спиной отсиживаться не стану.

Глупли. Тогда вперед! Не забудь только физиомордию маской прикрыть.

Червчилль уходит.

Хорош сидеть на хлебе и воде!

Я, дядюшка, любимый твой племяш, —

Что ж, золотой, озолоти другого.

Ведь твой наследник — я? Позволь же взять

То, что по праву мне принадлежит.

Сочтемся. Я по первому разряду

Тебя похороню, и закажу

Большой молебен, и велю поставить

Чугунную ограду. Лом железный

В обмен на золотишко: quid pro quo¹³.

Усни скорей, чтоб я проснуться смог

Для новой жизни. Так уж повелось:

Одни уходят, чтоб другим жилось.

Уходит.

СЦЕНА 3 Входит Бесс Хитроу, сопровождаемая слугой.

Бесс Хитроу. Знаешь, где дом почтенного Кайуса Грешена? Тогда беги что есть духу и подними его с постели. Ему, горемыке, все равно не до сна.

Скажи ему, что средство я нашла,

Как разогреть немеющие члены.

Согласьем он ответит непременно, —

Давно уж он, я знаю, рвется в бой.

Уходят.

Голоса за сценой. Помогите!

СЦЕНА 4 Входит переодетый Глупли с маской в руке.

Глупли. Давай, ребята, вяжи их.

Голоса за сценой. Воры! Воры!

Глупли. Заткните ему пасть. Будь он самим дворецким моего дядюшки, можете с ним не церемониться... Ну как?

Входят его сообщники в масках.

Червчилль. Провернули в лучшем виде. Все слуги связаны, никто и пикнуть не успел. Надевайте, сударь, маску.

Глупли. Сэтим, значит, покончено. Тогда за мной, каналы! Сейчас я вознесу вас на вершину благополучия: держим курс на сокровища моего дядюшки.

Червчилль. Полный вперед!

Гавбой. За тобой в огонь и в воду! Светлая у тебя голова, командор.

Уходят и вскоре появляются вновь, ведя перед собой сэра Нараспашкью в ночном халате.

Сэр Нараспашкью. Простите, джентльмены... любезнейшие джентльмены... откуда вы?

Глупли. Из Линкольншира, сударь.

Сэр Нараспашкью. Вот как? Рад слышать.

Глупли. С чего бы это вам радоваться?

Сэр Нараспашкью. Ну как же, все честные воры, все добряки и смиренники родом из Линкольншира. Уж если они грабят, так по совести. Зазря мухи не обидят. Их, говорят, даже слеза прошибает, когда надо в карман лезть, такие жалостливые.

Глупли. Ты нам зубы не заговаривай. А ну, гони монету!

Сэр Нараспашкью. Так вот вы зачем пожаловали... А я-то, злодей, давеча все деньги отдал. Ай-яй-яй, как же я вас подвел, господа! Делать нечего, милости прошу в другой раз.

Глупли. Цыц, говорят! И деньги на бочку.

Сэр Нараспашкью. Ах, сударь, пожалуйста, не так громко. Какие вы все, господа, шумные. У меня ночует лорд в доме. Не дай бог его чем-то обеспокоить.

Глупли. Какой там еще лорд? Приживал, что ли? С ним мы уже разобрались — лежит, связанный, в своей постели. И все его люди тоже.

Сэр Нараспашкью. Как? Вы связали его светлость? Да что же это вы, люди добрые! Нешто он несвязанный не мог смирнехонько жать себе в постели? Что мне теперь грабеж! Вы ж меня без ножа чезали.

Глупли. Где ключ? Живо!

Сэр Нараспашкью. Нет, теперь я вижу, ни из какого вы не Линкольншира, нету в вас этого благородного духа; вы из Бедфордшира, не иначе, раз вы не даете людям спать спокойно в кровати. Берите же, господа, сколько унесете, мое имя — сэра Нараспашкью, и дом мой всегда открыт, здесь все на виду, хватайте без разбору. Веселенький мир, скажу я вам! Кто еще стал бы держать по ночам двери нараспашку? Нет, должна быть какая-то справедливость, только поди сыщи ее!

Глупли. Довольно с ним чикаться. Вяжите давайте.

Сэр Нараспашкью. Что ж у вас за странный суд такой? Разве обязательно связывать меня, чтобы развязать мой кошелек? А впрочем, валите, вяжите, оно даже лучше. А то я нынче в щедрости

совсем удержу не знаю. Свяжите мне руки, да нет, покрепче; это ведь мне счастье привалило — составить компанию его светлости. Вовремя вы пришли, господа. Когда-то меня посвятили в рыцари в Вестминстере; еще две такие ночи — и я посвящу остаток дней тихим радостям, как верный рыцарь Виндзора¹⁵. Я восхищен вами, господа, и прошу всех отобедать со мной завтра. Вы окажете мне честь своим присутствием. Я буду ждать вас с нетерпением.

Глупли. Гоп-ля, сударь!

Сэр Нараспашкью. Только, бога ради, не трогайте мой орган, не то вы его расстроите.

Глупли (*бренча золотыми*). Не знаю, как он, но мы бы определенно расстроились, когда б не эта музыка.

Сэр Нараспашкью. Чтоб вам оглохнуть на оба уха!

Глупли. Уберите его с глаз долой.

Сэра Нараспашкью уводят.

Ну что ж, дядюшка, широкая душа, ты и вправду весь открылся перед нами нараспашку. Сначала, правда, поупирался малость, оно и понятно, ни с чем эти старые сычи не расстаются так неохотно, как со звонкой монетой; она одна и держит их на этом свете, когда ноги уже не держат. Где наш кофр?

Червчилль. Вот он, мой доблестный капитан.

Глупли. Кидай туда добро. И пусть стоит под рукой, так оно будет надежнее.

Входит Гавбой.

Что, все тихо?

Гавбой. Так точно, командор.

Глупли. А теперь вот что: давайте, висельники, вязать друг друга. Ну-ка, стервецы, кому я сказал! Это все для спасения нашего барахла, а заодно и собственной шкуры, так что пошевеливайтесь. Что, никак до вас не допрет? Поутру они должны найти всех связанными, и лорда и его свиту. Напомнить вам, кто у нас лорд?

Червчилль. Слушай, ты гений!

Глупли. А вы никогда не думаете об отходе. Чтобы все было шито-крыто.

Гавбой. Ладно, начнем мы друг друга вязать... а кто последнего свяжет?

Глупли. А-а, черт с ним, пускай посыльный даст тягу!

Посыльный. Я то есть? Вот спасибо, сударь.

Глупли. Кому и ускользнуть, как не ему, ведь он на ночь не раздевается, лежит до света во всей одеже. Порядочный посыльный спит в яслях вместе с лошадьми. Вот он один и улизнет, а нам это на руку, должен ведь кто-то развязать утром нашего рыцаря, что бы мы могли от души повеселиться. Наступает самый хитрый момент: ограбив — выйти из игры, залечь в сторонке и ловить свой шанс. Тут, ребята, дело такое, зазевался — все, крышка, но уж если я взялся за этот спектакль, доведу его до конца, пусть даже и мне с ним придет конец. Либо уйду отсюда лордом, как пришел, либо дам себя

вздернуть, как зачуханного воришку. Это мое последнее слово. Червчилль. И наше тоже, командор.

Уходят.

СЦЕНА 5 Входят Бесс Хитроу и Кайус Грешен.

Бесс Хитроу. Ах, наконец-то, досточтимый Кайус Грешен!

Кайус Грешен. Чем это вы, милейшая леди, так взволнованы?

Бесс Хитроу. Есть, сударь, одна мыслишка, трюк¹⁶, если хотите, который позволит вам очутиться на верху блаженства, если... если, конечно, вы вовремя мною козыриете.

Кайус Грешен. Мне бы только прижать ее к себе покрепче, а уж ты на этом не прогадаешь.

Бесс Хитроу. Я вам верю, сударь. Хотите знать, с чего это я велела поднять вас с постели в такую рань? Хотя по глазам вижу, что вы всю ночь без сна проворочались. Слушайте же:

Вы без ума от миссис Остолоуп,

Да и она о вас, бедняжка, грезит...

Однако вот вопрос: где вам сойтись?

Меня во сне как будто осенило...

Кайус Грешен. Ну, не томи же!

Бесс Хитроу.

Ревнивый муж ее, как вам известно,

Ей видеть разрешил одну меня.

Кайус Грешен. Ну-ну. И что же?

Бесс Хитроу. Да, сударь, одна я с ней и вижу, только вам от этого не много проку. Я ведь не могу, как вы понимаете, совершить за вас этот прекрасный ритуал. И тогда я придумала способ: притворюсь, будто у меня случился приступ сильнейшей болезни.

Кайус Грешен. Так, хорошо.

Бесс Хитроу. Чего уж тут хорошего? Но вам от этого, глядишь, полегчает.

Кайус Грешен. Я это и имел в виду. Я, правда, в толк не возьму, к это возможно, чтобы вдруг такой сильный припадок?

Бесс Хитроу. Скажете тоже! Всем известно, что женщина чуть-чуть, на спину падает. Нам заболеть — раз плюнуть. Веером обмахиваться — уже озноб, съела лишний кусочек — дурно, успевай подносить лекарства. Женщине вообще лучше лежать, она к этому самой природой предназначена. Подумаешь, великое искусство — хлопнуться в обморок, наша сестра это вам мигом. Мы и здоровые кого хочешь обморочим. Бог создал нас хилыми, слабыми существами, поэтому с нами столько мороки. Итак, когда я упаду без чувств, явитесь вы, одетый лекарем...

Кайус Грешен. Я? Лекарем? Нет уж, увольте, сударыня. Да я опозорю всю лекарскую братию.

Бесс Хитроу. Пф! Будет вам! Неужто не выучите десяток шарлатанских слов? Кстати, меня совсем замучили эти два брата, что парой ходят; они наконец-то ощутили недавно пьянящий аромат быстрой

карьеры, и я очень рассчитываю на то, что вздутие их кошелечков может благотворно подействовать на мою душу и поправить мое пошатнувшееся здоровье. Не пожалейте для них хорошего груза, чем больше — тем лучше, это молодые откормленные ослы, которым все по силам. Кладите же побольше золота, янтаря и маргарита¹⁷, без этих ингредиентов вам не приготовить настоящего питательного бульона, зато, изготювив это хитрое варево, вы и меня вознаградите за всю мою беготню по вашим амурным надобностям, и с мадам Остолоуп через меня соединитесь к вашему обоюдному удовольствию.

Кай ус Грешен. Bravo! Дай я тебя обниму и расцелую.

Уходят.

СЦЕНА 6 За сценой.

Сэр Нараспашкью. Эй, дворецкий!

Глупли. Кастраттер!

Первый голос. Дженкин, поди сюда, бесово отродье!

Второй голос. Ограбили!

Первый голос. На помощь!

Глупли. Посыльный! Эй, где ты там!

Посыльный (*обращаясь к сэру Нараспашкью*). Господи, беда-то какая! Дозвольте, я помогу вашей милости.

Входит сэр Нараспашкью, наполовину еще опутанный веревкой, за ним — посыльный.

Сэр Нараспашкью. Как это тебе, честная душа, удалось спастись от этих бандитов?

Посыльный. Чудом, сударь! Я ведь, ваша милость, одетый лежал.

Сэр Нараспашкью. Вот оно в чем дело. Жаль, что мне невдогад было одетым спать лечь, тогда и я бы от них ушел, притворился бы нищим и ушел, а теперь по их милости я действительно нищий, во всяком случае здорово поиздержался. Но что особенно меня удручает, господин землемер по казенной надобности, так это то, что злодеи столь грубо обошлись с его светлостью. Как представляю себе его связанным по рукам и ногам, сердце кровью обливается! Спасибо тебе, дружище. А сейчас беги и развяжи их. Скорее, слышишь, скорее!

Посыльный. Вы уж меня, дурака, простите, а только, сударь, они давно развязаны. Теперь ихнее дело господское — кушать, спать да ветры пускать.

Уходит.

Сэр Нараспашкью. Презренный сарацин, вот я кто, если боюсь смотреть в глаза его светлости. Мило-о-орд!

Глупли (*из-за занавесок*). Кого еще там принесла нелегкая?

Сэр Нараспашкью. Господи Иусе, они его, кажется, до смерти напугали.

Глупли. Это ты, Кастраттер?

Сэр Нараспашкью. Кастраттер? Ну, это явно не меня.

Глупли. Ты, Дью Ралей?

Сэр Нараспашкью. Дью Ралей? Нет, это тоже не по моему адресу. Я, может, и выжил малость из ума, но ведь не настолько!

Глупли. Да кто же там, черт меня подери?

Сэр Нараспашкью. Это я, милорд. Доброе утро.

Глупли. Доброе утро. Извините, сэр, что не могу при всем желании пожать вам руку. А что, в ваших краях всегда так радушно встречают гостей?

Сэр Нараспашкью.

Милорд, вы разрываете мне сердце.

Весь мой урон — ничто в сравнение с этим:

На вас, как на чижа, набросить сети!

Глупли. Я-то думал, сэр, что все в округе души в вас не чают. А у вас, оказывается, есть враги, и нам, вашим друзьям, очень больно это видеть. Ваши речи, сударь, пришлись мне по душе больше, чем ваше жилище; вообразите, за целую ночь ни разу глаз не сомкнул. Как вы думаете, сэр, что это были за грабители?

Сэр Нараспашкью. Разбойники из Линкольншира, милорд.

Глупли. Из Линкольншира? Ну что вы, сударь, что вы! Это какие-нибудь местные молодчики, помяните мое слово.

Сэр Нараспашкью. Вы так думаете, милорд?

Глупли. Даю вам голову на отсечение. Они хозяйничали у вас, как у себя дома, знали все ходы и выходы.

Сэр Нараспашкью. Вот и держи открытый дом! А мы после этого еще удивляемся, что многие запирают двери, как только дело идет к обеду.

Глупли. Нахрапистые были молодчики, ничего не скажешь. Я ведь открылся им, кто я есть, и дал слово джентльмена, что не выдам их, пусть только уберутся подобру-поздорову.

Сэр Нараспашкью. Отпетые негодяи!

Глупли. Вы думаете, они поверили моему слову?

Сэр Нараспашкью. Неужели нет?!

Глупли. Представьте себе. Они ответили мне, что слово лорда свято, как чахотка, что не пройдет и часа, как мое честное слово, можно будет хоронить. Сосунки! У них еще молоко на губах сохло, а туда же! Но что делать, я — лорд, я должен сдержать слово.

Сэр Нараспашкью. Неслыханные мерзавцы!

Глупли. Совершенно с вами согласен, сэр. Мой приезд принес вам несчастье.

Сэр Нараспашкью. Напротив, ваша светлость. Это я принес вам несчастье.

Глупли: Ах, сударь, меня-то что жалеть?

Сэр Нараспашкью. Помилуйте, милорд, у вас никак синяк на плече? Срази их моровая язва!

Глупли. Где, сэр? Здесь?

Сэр Нараспашкью. Больно, когда нажимаете?

Глупли. Ох, больно!

Сэр Нараспашкью. Вот и у меня в этом месте болит. Чума на их головы!

Глупли. Но где особенно, сударь, ноет, так это здесь.

Сэр Нараспашкью. Запястье? Ну точно! И у меня оно распухло и поначалу словно онемело.

Глупли. Точь-в-точь как у меня.

Сэр Нараспашкью. Это потому, милорд, что кровь сюда долго не поступала.

Глупли. Похоже, вы правы.

Сэр Нараспашкью. Ноет и ноет. Разрази их гром!

Входит Червчилль.

Червчилль. Черт-те что! Ну и дом! Привидения так и шастают.

Сэр Нараспашкью. Можно вас, сударь, на полслова.

Глупли. Какие новости, Кастраттер?

Червчилль. Мне очень жаль, ваша светлость, но вы лишились...

Сэр Нараспашкью. Тсс, тсс, тсс...

Глупли. Чего я лишился?

Сэр Нараспашкью. Сна, милорд, только и всего.

Глупли. Так чего я лишился? Отвечай, тебе говорят!

Червчилль. Ну да, милорд, сна, больше ничего.

Глупли. Еще бы! Уж какой там сон. Одеваться!

Занавески задергивают.

Червчилль. Платье его светлости! Его светлость будут вставлять.

Сэр Нараспашкью. Молодцом, что поддакнули. Идите-ка ближе. Так что там потерял милорд? Шепните мне на ухо.

Червчилль. Я должен доложить об этом его светлости.

Сэр Нараспашкью. Да тише вы! Скажите мне.

Червчилль. Вы очень огорчитесь, сударь.

Сэр Нараспашкью. Пустое. Говорите все как есть.

Червчилль. Если так угодно вашей милости, то у моего господина украли бриллиант на голубой шелковой ленте, который обошелся ему в сотню фунтов, и еще на столько же золотых империялов.

Сэр Нараспашкью. Итого, значит, двести фунтов?

Червчилль. Ваша милость принимает это слишком близко к сердцу.

Сэр Нараспашкью. Идите за мной. Я отсчитаю вам всю сумму. Его светлости об этом, разумеется, ни звука.

Червчилль. Извините, сэр, но мне как-то совестно. Если милорд узнает, мне не поздоровится.

Сэр Нараспашкью. А почему он должен узнать? Вы же единственный его поверенный, и, сколько я понимаю, вам надо хорошо заплатить, чтобы у вас язык развязался. А я готов дать вам вдвое только за то, что вы будете держать язык за зубами. Договорились? А теперь идите за мной.

Червчилль. Не беспокойтесь, сэр, у меня и времени-то на разговоры с ним не будет. Милорд сейчас съехать от вас желают.

Сэр Нараспашкью. Сначала милорд со мной отобедает. Без обеда я его не отпущу. Слушайте, вдруг вспомнил: вот так штука, я же сам пригласил нынче ночью всю эту шайку стервецов к сегодняшнему обеду. Хорошая будет за столом компания! Ах ты, язви меня!

Уходит.

Червчилль. Ручаюсь, что кроме нас, сэр, других вам гостей не видеть. А мы уж расстараяемся, чтобы ваша милость не скучали.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I Входят Остолоуп с Реалиусом и Потенциусом.

Потенциус. Простите нас, достопочтенный Остолоуп, за это внезапное вторжение.

Остолоуп. Входите, дорогой Потенциус. Рад вас видеть, милейший Реалиус.

Реалиус. И все же извините нас, сударь, за навязчивость.

Остолоуп. Рэйф!

Входит Рэйф.

Рэйф. Я здесь, хозяин.

Остолоуп. Попроси свою госпожу сойти вниз к этим джентльменам, моим друзьям.

Рэйф. Слушаюсь, хозяин.

Уходит.

Остолоуп (*в сторону*).

Посмотрим, как она держаться будет.

От глаз моих ничто не ускользнет,

Ни брошенный украдкой томный взгляд,

Ни знак условный, пусть невинный с виду.

Любая хитрость — и она пропала:

Возьмет ли с ними слишком строгий тон

Иль будет чересчур непринужденна.

Потенциус. Досточтимый Остолоуп...

Остолоуп. Вот именно. Что вы сказали?

Потенциус. Я только *хотел* сказать, сударь.

Остолоуп. Я и говорю: вот именно.

Потенциус. Не кажется ли вам странным, что нашу очаровательную леди Бесс Хитроу так внезапно подкосило?

Остолоуп. На то она и хворь: уходит, умучит, согнет да скрючит. Особенно же она с девицами немилосердна.

Лицо покрывает бледность, а в глазах

Запляшут мальчишки... Едва успели

Раскрыться лепестки, как уж увяли.
Вот так блюдет хозяйка свой цветник,
А смерть пришла — и вытоптала вмиг.

Я тут шутки шучу, господа хорошие, а сам-то я хворобе этой пре-
славной девственницы ох как не рад! Она была единственной отра-
дой моей супруги.

Она, бедняжка, — верите ли, нет —
И, будучи в беспамятстве, в бреду,
Мою жену все время поминала.

Когда я зашел к ней, по одну сторону кровати стоял врач, а по
другую — нотариус. Страшно зрелище, доложу я вам, видеть двух
этих антиподов: нотариус скрепляет отношения умирающего с живы-
ми, врач же расторгает их¹⁸.

Потенциус. Что же, и все их обязательства тоже?

Остолоуп. Помилуйте, сударь, как можно! Эдак каждый встреч-
ный и поперечный, который лечебное зелье за отраву почитает,
пил бы его как не в себя. Так вот, господа:

Она продиктовала завещанье
И самый свой огромный бриллиант
Моей жене, представьте, отказала.

Когда я перечел эту запись своими глазами, у меня навернулись
слезы. Конечно, пускай жена навещает несчастную, надо же выказать
ей свое сострадание.

Входит Рэйф.

А где же твоя госпожа?

Рэйф. Она просит вас и ваших друзей покорнейше извинить ее. У
ней случился такой приступ озноба, что ее аж трясет.

Остолоуп. И где ж он ее, интересно, трясет?

Рэйф. Везде, хозяин.

Остолоуп. Везде, говоришь? Озорник, однако, этот озноб! Я начи-
наю ревновать ее к нему. Пройдите пока туда, господа. Я сейчас.

Потенциус и Реалиус уходят.

Рэйф. Коль скоро они не слышат — с ней все в порядке, хозяин.

Остолоуп. Чего-чего?

Рэйф. Хозяйка в добром здравии, хозяин,
И просит вас дозволить ей не видеть
Ни одного мужчины, кроме вас.
Едва слегла в постель ее подруга,
Весь мир ей опостылел в тот же час.

Остолоуп. Вернись же к ней, дружок, и передай,
Что господа ушли, что, мол, один я
И жду ее на пару слов. Иди.

Рэйф. Так и скажу, хозяин.

Уходит.

Остолоуп. Болван я! Бесноватый! Живорез!
Нашел кого подозревать! Да это

Не женщина, а золото. Она
Сама себе и сторож и защита.
Изъяны видеть там, где нету их!
Нет, право же, я изверг, сумасброд:
Супругу ограждаю от того,
К чему она питает отвращенье.
Она мне это трижды доказала.
Я в комнату прокрадывался к ней,
И всякий час она там благочинно
Сидела над Писанием — с закладкой
На тех страницах, где как раз пример
Людской гордыни и преступных связей.
Отбрось же ревность, этот тяжкий груз, —
Ведь ей не страшен никакой искус.
А вот и несравненная супруга.

Входит мадам Остолоуп.

Ну, смелее, они ушли. Да что ж ты такая трусишка, или ты мне не веришь? Боишься, что я устроил тебе ловушку? Клянусь тебе, они ушли. Иди же сюда. Наша общая любимица и твоя единственная наперсница, дававшая тебе столько неоценимых советов, внезапно занемогла, вернее сказать, тяжело заболела, и пока, увы, ей легче не становится.

Мадам Остолоуп. Мы, ее друзья, весьма огорчены этим, сударь.
Остолоуп. Она тебя все время спрашивает, поминутно о тебе вспоминает, просто бредит тобой. «Где же, где же мадам Остолоуп?» — взывает бедняжка.

Мадам Остолоуп. Спаси, господи, эту добрую душу!

Остолоуп. Когда я узнал, что она завещала тебе свой бриллиант, у меня, веришь ли, слезы хлынули из глаз.

Мадам Остолоуп. До последнего вздоха она — сама чуткость.

Остолоуп. Возьми же кого-нибудь из моих людей и сходи проведай ее.

Мадам Остолоуп. Осмелюсь заметить вам, сударь, что мой визит, увы, ничем не облегчит ее страданий.

столоуп. Ну почему же? Одно твое дружеское участие... (В сторону.) Она по-прежнему верна себе. (Вслух.) Возьми же моего

дам Остолоуп. Я бы, сударь, не прочь и сходить, но только с вашим слугой.

столоуп. Это еще почему?

Мадам Остолоуп.

Ах, сударь, мир настолько извращен,

Что может очернить кого угодно;

Мир так погряз в растлении своем,

Что все о людях судят по себе.

Со всех сторон одни лишь оговоры:

Тот скажет — он ее содержит, этот —

Что промышляют ею, третий скажет —

Она гуляющая, ну а четвертый —
Что сам ее... Послушать — уши вянут.
Начнут судить, как ходишь, как одета...
Когда же рядом муж, молва молчит, —
Яд копится, но он нейдет наружу.
Хотите, сударь, чтобы я пошла,
Извольте мне компанию составить.

Остолоуп. Пойти *мне* с тобою? Но ведь я сейчас оттуда.

Мадам Остолоуп. Так что ж? Проводите меня до дверей, а там, воля ваша, можете в дом и не входить.

Остолоуп. Бог свидетель, какая у меня жена! До дверей я тебя, пожалуй что, провожу, но подниматься, уволь, не стану.

Мадам Остолоуп. Вот и хорошо. И незачем вам, сударь, подниматься.

Остолоуп. Что ж, пойдём?

Мадам Остолоуп. Позвольте вашу руку, сударь.

Остолоуп. Ну уж нет, скорее губы. (*Целует ее.*)

Мадам Остолоуп. Я готова следовать за вами.

Остолоуп (*в сторону*).

Со мною и ни с кем другим! Природа
Такой жены еще не создавала!

Уходят.

СЦЕНА 2

Бесс Хитроу в постели. На столике пузырьки с лекарствами, аптекарские склянки, песочные часы. При ней Кайус Грешен, изображающий доктора.

Кайус Грешен. Леди!

Бесс Хитроу. Что там?

Кайус Грешен. Прибыл сэр Нараспашкью на лошади под расшитой попоной. И он и она ожидают у входа.

Бесс Хитроу.

Мой тайный покровитель! Вот некстати.

Плюгавенький такой? Толстяк в камзоле?

Кайус Грешен.

Он самый. Я тотчас его узнал.

Бесс Хитроу.

Он — это все: стол, деньги, туалеты.

Займитесь им... а то я так слаба.

Кайус Грешен. Я готов, леди.

Входит сэр Нараспашкью.

Сэр Нараспашкью. Ну, где моя неженка? Где мое пухленькое чувствительное создание?

Кайус Грешен. Вы, собственно, к кому, сударь?

Сэр Нараспашкью. Что значит, к кому? А вы кто такой, что от вас чумой пахнуло?

Кайус Грешен. Я лекарь, если вам угодно.

Сэр Нараспашкью. Тогда ясно. Все вы, лекари, чумные.

Может, вам клистир поставить, чтобы желудок очистить?
Кайус Грешен (*в сторону*). Тебе уже никакой клистир не нужен, и так любой обчистит.

Бесс Хитроу (*слабым голосом*). Ах... это вы, сэр...

Сэр Нараспашкью. Ну, как ты? Полегчало?

Бесс Хитроу. Ах, добрейший сэр...

Сэр Нараспашкью. Как же ты изменилась, черт меня дери! Что, старина Гарри, занедужила твоя Розамунда?¹⁹ Ну и видок! Вся охота пропадет... Я ведь к тебе шел с самым твердым намерением, а сейчас, чувствую, совсем, дьявол, обмяк... Помираешь что ли? Так и мне скоро выкоют ямку на два метра вглубь, эх-эх-эх... Пст, доктор! Можно вас на два слова? У нее часом не бубонная, а? Кайус Грешен. Чума? Ну что вы!

Сэр Нараспашкью. Вот и ладно.

Кайус Грешен (*в сторону*). Ему бы спросить, не сифилис ли... Из всех болезней, какие она могла бы подхватить, эта самая вероятная.

Сэр Нараспашкью. Ну как ты, моя куколка? Что с тобой?

Бесс Хитроу (*кашляя*). Кхе, кхе. Слабость у меня, сударь. Кхе, кхе.

Кайус Грешен (*в сторону*). Тут ты правду сказала — у тебя к мужчинам слабость.

Сэр Нараспашкью. Где ж тебя, милая, прихватило?

Бесс Хитроу. Ах, сударь, везде.

Кайус Грешен (*в сторону*). И это правда. Понимай так, что нигде.

Сэр Нараспашкью. Слушай! Не новое ли яблочко в тебе там наливается? Мать честная, может, я сделал тебе ребеночка?

Бесс Хитроу. Я уж тоже, сударь, грешным делом, об этом подумала.

Сэр Нараспашкью. То-то бы я гульнул на радостях! Еще один Нараспашкью.

Бесс Хитроу. Да уж, вы, сударь, постарались.

Сэр Нараспашкью. Теперь мне яснее ясного, это все от необузданности моего темперамента: натворил дел, даром что старый хрыч! Чичего, раз уж у меня хватило сил тебя уложить, хватит и денег в че, чтобы поставить тебя на ноги. — Эй, доктор!

с Грешен. Да, сэр?

Нараспашкью. Скажите-ка мне, что вы ей прописали?

с Грешен. Сердечные капли, дорогие пилюли — для поднянуса, ну и, разумеется, настой лечебных трав — для релак-

Нараспашкью. Так, так... понимаю...

Кайус Грешен. А также толченый коралл, немного янтаря, кость единорога в гранулах и одну восьмую унции «жемчужина регина».

Сэр Нараспашкью. О!

Кайус Грешен. И еще, в малых дозах, мочу молодого поросенка, слиткум золотаре (можно в виде тинктуры) и...

Сэр Нараспашкью. Ценный, однако, рецепт.

Кайус Грешен. ... и бриллиантис вульгарис. Все это надо будет тщательнейшим образом перемешать и растворить в спиритус вини.

Сэр Нараспашкью. Побойтесь бога, сударь!

Кайус Грешен. Вы требуете невозможного. Моя профессия обязывает меня не бояться, но, напротив, напускать страх на других.

Сэр Нараспашкью. Ах да, вы же эскулап.

Кайус Грешен. Все это надо будет...

Сэр Нараспашкью. Это уже *было*, сударь.

Кайус Грешен. Все это, повторяю, надо будет *апробировать*, то есть, проще говоря, профильтровать. Рекомендую также содрать свежего березового лыка и спустить шкуру с годовалой свиньи.

Сэр Нараспашкью. Спустить шкуру? Я слышал, этот способ пользуется большим успехом среди тех, кто сидит в наших долговых тюрьмах.

Кайус Грешен. Вы правы, сударь, там его давно практикуют.

Сэр Нараспашкью. А ну-ка, моя куколка, выше носик! Вот тебе золотишко для поднятия тонуса. (*Обращаясь к «доктору».*) Она ни в чем не должна себе отказывать. В ней теперь течет моя кровь, так что я о ней уж как-нибудь позабочусь. (*В сторону.*) А тебе, коновал, жирный кукиш! (*Вслух.*) Ну, улыбнись же, мой котик. Недолго тебе страдать. Тяжело, конечно, но ты ведь справишься. (*В сторону.*) Да уж, отяжелил я тебя, ничего не скажешь, ха-ха-ха! Старый кочет, а все бы кур топтал. На то мне и шпоры даны, чтоб вас, молодушек, объезжать.

Кайус Грешен. Золотой вы наездник, сударь, ничего не скажешь. Только и вам это обойдется в один золотой.

Сэр Нараспашкью. Ваше дело, господин доктор, следить за тем, чтобы она ни в чем не знала недостатка. А что до золотых, то она свое уже получила, так-то, ха-ха-ха!

Уходит.

Бесс Хитроу. Что, вышел?

Кайус Грешен. Я бы сказал — выжил... И вышел и из ума выжил.

Бесс Хитроу. Вот с кем легче легкого договориться. Ему дай повод, он сам себя расхвалит и все недостатки обратит в достоинства. Уж и поверил, что это его работа, а я и без веры знаю, что он уже лет сто, как на это дело не способный... Вот так, господин доктор, не было счастья, да несчастье помогло.

Кайус Грешен. Тсс! К вам братья-женихи.

Бесс Хитроу. Этим я всегда рада. Они без денег не приходят.

Входят Реалиус и Потенциус.

Потенциус. Почтенный доктор...

Кайус Грешен. Я к вашим услугам, джентльмены.

Потенциус. Ну как она?

Кайус Грешен. Боюсь, все так же.

Реалиус. Скажите, сударь, есть надежда, что она выживет?

Кайус Грешен. Пока я что-то в ней признаков смерти не обнаружил.

Потенциус. И на том спасибо. Не нужно ли чего-нибудь?

Кайус Грешен. Нужно, нужно! Чем больше ей сейчас давать, тем быстрее дело пойдет на поправку. Что с вами, сударь? У вас воротничок в крови.

Реалиус. Расчесал, сударь. Зуд меня замучил.

Кайус Грешен. *Diversa genera scabierum*, как говорит Плиний²⁰, что в переводе означает — зуд зуду рознь.

Реалиус. А что, разве зуд бывает разный?

Кайус Грешен. Зуд с красной сыпью — от потаскухи; зуд в мошне — от ростовщика; зуд в одном месте — от любопытства; зуд в сердце — от ревности; зуд в темечке — от ловкого пройдохи; но, если хотите знать всю правду, самый страшный зуд, головной, терзающий нынче многих, — от новоиспеченных чиновников.

Реалиус. Что касается моего зуда, то он явно последнего происхождения, ибо как раз сегодня один из этих шакалов так заморочил мне голову, что я до сих пор чешусь.

Кайус Грешен. Вот видите, я как в воду глядел.

Реалиус. Все равно ваш брат лекарь малость того...

Кайус Грешен. Наш брат лекарь проникает все стороны человеческой природы. Астроном ищет наверху, а мы внизу, но, вообще говоря, человека мы знаем сверху донизу.

Реалиус. Что правда, то правда.

Потенциус. Как вы себя чувствуете, сударыня?

Бесс Хитроу. Пока чувствую... О-ох!

Потенциус. Вот беда-то.

Бесс Хитроу. Все никак не отпустит... О-о-о!.. Вы всегда были так щедры ко мне, господа.

Реалиус. Не надо об этом, сударыня. Состояния не жаль за ваше драгоценное здоровье. Почтенный доктор, пользуйтесь открытым кредитом.

Потенциус. Вот, сударь, берите сколько надо.

Бесс Хитроу. Господа, как можно! Немедленно спрячьте свои кошельки. Ах, вы же видите, у меня нет сил с вами бороться, а то я бы вас мигом урезонила... Вы пользуетесь моей беспощадностью, как вам не совестно! О-ох, только бы мне выжить, а там я сумею за все вас отблагодарить.

Реалиус. Успокойтесь, сударыня. Мы и так уже более чем вознаграждены.

Потенциус. Мадам Остолоуп, сударыня, намеревалась нанести вам визит.

Бесс Хитроу. Вот как? Прекрасно!

Кайус Грешен (*в сторону*). Наступает, наконец, минута, когда все мои сокровенные желания расцветут пышным цветом! Но вот незадача, как мне от этих двоих избавиться?

Бесс Хитроу. Какая жалость, господа, что вам, наверное, уже пора уходить.

Реалиус. Вот уж нет, сударыня.

Кайус Грешен (*в сторону*). Хитро задумано, но номер не прошел. Их не так просто спровадить. (*Вслух.*) Господа, можно вас на минутку?

Реалиус и Потенциус (*вместе*). Да, доктор?

Кайус Грешен. Ей нужен покой, чтобы прийти в себя. Немного здорового сна, господа, и организм ее окрепнет.

Потенциус. Да-да, вы правы.

Реалиус. Дайте ей сонного, доктор, а мы посидим рядышком, оберегая ее покой.

Кайус Грешен (*в сторону*). Чтоб вас так черти оберегали! Их никаким калачом отсюда не выманишь. Какой прок от мыслей о блаженстве и о земле обетованной, когда до исполнения моих желаний, как до Геркулесовых столпов!²¹

Бесс Хитроу. Доктор! Доктор!

Кайус Грешен. Я здесь, сударыня.

Бесс Хитроу. Скорей помогите мне встать! Ваш порошок подействовал!

Потенциус. Прощайте же, сударыня.

Реалиус. До свидания, доктор.

Оба уходят.

Бесс Хитроу. Ну вот.

Кайус Грешен.

Ты бесподобна! У мужчины ум,
Как жалкий месяц, убывает втуне,
Но женский... это вечно полнолуние!

Входит мадам Остолоуп.

Звезда с небес спускается ко мне.

Как ослепительно ее сиянье!

Ужели наступил мой звездный миг?

Бесс Хитроу. Надеюсь, дорогая, через несколько минут вы сможете воздать должное моей хитроумной уловке. Вот предмет вашего вожделения, а вон комната, где вы сумеете всю развернуть.

Мадам Остолоуп. Понимаете, какое дело...

Бесс Хитроу. Что такое?

Мадам Остолоуп. Я пришла в сопровождении мужа. Он стоит сейчас за дверью и дожидается меня. У ревности уши на макушке; пошевели мы пальцем — и он услышит.

Бесс Хитроу. Не трус таракан, да ножки хрупки... Положитесь на меня, мадам. Ваше дело амурное, а мое — дежурное²². С богом!

Кайус Грешен.

Блаженный миг!

Мадам Остолоуп.

Счастливая минута!

Кайус Грешен.

Скорей, любовный морок, нас окутай.

Кайус Грешен и мадам Остолоуп уходят. Входит Остолоуп и принимает ухом к ширме, за которой лежит Бесс Хитроу.

Остолоуп. Послушаю ее предсмертный бред.
Перед кончиной женщины нередко
Выбалтывают вдруг такой секрет,
Который хоронили много лет.

Бесс Хитроу. Садитесь на эту скамеечку. Как это мило, дорогая, что вы пришли. Ох, дайте мне вашу руку... о-ох... какая холодная. Прямо как ваш супруг, человек достойный и в высшей степени умный. Такой мужчина — истинная находка для женщины, которая... о-оох, поглядывает налево... о-ооох... и направо. Любите его, уважайте, не отходите от него ни на шаг: он знает, чего вам как женщине не хватает, и обеспечит вас всем необходимым.

Остолоуп. Верно. Это дело чести всякого мужа.

Бесс Хитроу. Он предоставил вам полную свободу: ступайте, куда хотите, встречайтесь, с кем хотите, и гарцуйте, сколько хотите.

Остолоуп. Это, положим, она хватанула. Жена у меня знает свое место.

Бесс Хитроу. А что, разве нет? И в благодарность за то, что он на все смотрит сквозь пальцы, вы, дорогая, должны его холить и нежить. Эт-то еще что такое? Вы плачете? И не совестно вам расстраивать больную?

Остолоуп. Плачет! Ее растрогало напоминание о `мосей доброте. Какая отзывчивая душа!

Бесс Хитроу. Ну вытрите же слезки... Ай-яй-яй, какие мы чувствительные! Ну хватит, нельзя же так... Бедняжка! Так рыдает, что слова не может вымолвить. Перестаньте сию же минуту, не то я вас прогоню.

Остолоуп. Очистительные слезы! Пускай поплачет, хотя это и разрывает мне сердце. Пусть выплачется, я готов простоять здесь до утра. Я слишком великодушен, чтобы ее сейчас потревожить.

Бесс Хитроу. Дорогая, еще раз приложите сюда руку. Нет, не сюда, вот сюда... о-о-о! какая боль... Это невыносимо.

Остолоуп. Несчастливая, как она страдает.

Бесс Хитроу. Бульон? Да-да, выпила, час назад.

Остолоуп. Вот и хорошо. Авось, все еще обойдется.

Бесс Хитроу. Сердце, сердце давит!

Остолоуп. Нет, видать, все же не выживет.

Бесс Хитроу. Желудок? Не думаю. Утром у меня все было в

э.

Остолоуп. Рад слышать. Прекрасный признак. Я просто-таки радосом, она оклемается.

Бесс Хитроу. Как? Уже уходите?

Остолоуп. Пора за дверь. Она сейчас выйдет.

Бесс Хитроу. Я вам так признательна, дорогая. Навещайте же меня почаще. И не забудьте передать мой низкий поклон достойнейшему джентльмену, вашему супругу.

Остолоуп. Я и сам теперь могу это сделать.

Бесс Хитроу. Кланяйтесь также моему дядюшке Брашпилю и тетушкам Белилам, и кузену Фальцету, и кузине Подлиззи, и кузену Ловеласу, и всем моим дорогим братьям и сестрам в Клеркенуэлле и в монастыре святого Иоанна²³.

Входят мадам Остолоуп и Кайус Грешен.

Мадам Остолоуп.

Муж послезавтра едет по делам.

Кайус Грешен.

О счастье! Будешь ты опять моею.

Мадам Остолоуп.

Была б на это только вря божья.

Сейчас же вновь запрут меня, похоже.

Еще раз, дорогая, желаю вам побольше спать и набираться сил. Прощайте, моя милая плутовка. Добрейший доктор, не оставьте ес телесный недуг своим попечительством. Вы доказали, что в искусстве врачевать вам нет равных.

Бесс Хитроу. Идите же. Хорошего помаленьку. Прощайте, мадам.

Мадам Остолоуп выходит на улицу.

Остолоуп. Рад тебя видеть, жена. Позволь, я тебя расцелую. За те полчаса, что ты отсутствовала, ты доставила мне ни с чем не сравнимое наслаждение.

Мадам Остолоуп. Вы хотите сказать, сударь, что вы все слышали?

Остолоуп. Да-да, вообрази. Я тебя невинно обманул, зато как я все это время блаженствовал! Приятно вспомнить.

Прошу, нет, даже требую, жена,

Чтоб ты и впредь меня не огорчала

И каждый день больную навещала!

Мадам Остолоуп.

Ах, что за пыл! Вас слушаться — мой долг.

Остолоуп. Он, вижу, продиктован сильным чувством.

Уходят.

СЦЕНА 3

Входит Глупли и с ним Червчилль, Гавбой и прочие сообщники.

Глупли. Ну что, жулье, здорово я это дело обтяпал? По первому разряду, а?

Червчилль. Блеск! Чтоб нам, командор, всегда так легко обламывалось.

Глупли. Легко, говоришь? Да я клешами вытягиваю из него каждый фартинг, который ему, считай, даром достается. А если ему случалось облапошивать простачков, то мне тем более сам бог велел за них посчитаться. Если он, скажем, чью-то вдову поприжал, то, выходит, поделом ему от меня, безотчего, досталось. Словом, все

как по-писаному: не мытьем, так катаньем. Хошь не хошь, а рано или поздно чужие слезы тебе отольются! Пережми пружину — она тебя же стеганет, переложит в мушкет пороху — разорвет ко всем чертям, не то руку отчекрыжит. Вот и ростовщик: перегнул малость палку, а она, смотришь, его же в лоб да на тот свет. Ну и чудила мой дядюшка, скажу я вам! У него и в мыслях не было, что это мы его ночью обчистили, и вот, пожалуйста, еще и обедать нас зазвал. Ладно, попомнишь ты у меня этот обед — все, что первый раз недодал, сейчас выложишь.

Червчилль. Не зарывайся. Мы ж унесли двести фунтов золотыми монетами.

Глупли. Отвяжись. Он так и так не уснет, пока не отблагодарит нас за то, что мы его обобрали. Он ведь иначе не может. Все они, толстосумы, так: закармливают тех, кому уже и так ничего в глотку не лезет, а они пихают, пихают... Разве это не называется — швырять деньги на ветер? То-то же.

Червчилль. Но что ты задумал?

Глупли. Да вот пошевелил, брат, извилинами, и родилась мыслишка, как сорвать неплохой куш.

Червчилль. И как же, сударь?

Глупли. Это точно, лейтенант, что мой дядюшка взял на содержание какую-то шлюшку?

Червчилль. Абсолютно.

Глупли. Эдак они меня могут на кривой объехать: она отхватит львиную долю его состояния, а мне останется пшик. И на земли его, глядишь, наложит лапу.

Однако! Этот старый греховодник,
Который, если что еще и может,
Так только слюни по ночам пускать,
Все раздает направо и налево,
А эта размалеванная шлюха
К наследству подбирается; попутно
Свою болезнь мне, дурню, завещая!
Неплохо. А откуда ты узнал?

Червчилль. Из разговоров. Мне не удалось
Лишь имя выведать... девицы этой.

Глупли. Ну и фефела же ты, братец мой!

Червчилль. Но зато я пронюхал, как она приезжает к нему.
Глупли. И как же она приезжает?

Червчилль. Обыкновенно, сударь. В наемном экипаже.

Глупли. Куда уж обыкновеннее! Экипажей-то вон сколько, и кто
Сколько в них нынче не ездит!²⁴ Чтоб ты знал, в наемном экипаже...

Червчилль. Знаю, командор. И с ней целая свора сутенеров.

Глупли. Не считая кучера?

Червчилль. Не считая. А в дом ее впускает дворецкий. С черного
хода.

Глупли. Дворецкий? А-а-а, это тот, что с золотой цепью. Поди ж ты, ходит павлином, весь в бархате и с цепью на шее, а сам туда же, сводничать!

Червчилль. Затем он идет к вашему дядюшке, докладывает ему на ухо о ее прибытии, тот ему, ровно какой иезуит, незаметно дает ключ, и тогда уже дворецкий проводит ее тишком в кабинет, где она и ждет своего часа: либо ваш дядюшка велит подкинуть ей денег, либо сам к ней пожалует, хлебнув предварительно горячего пунша, чтоб стоять перед ней молодцом, навытяжку.

Глупли. Довольно! Я уже сообразил.

Червчилль. О чем ты?

Глупли. Не иначе как мою
Фантазию злой гений окрыляет.

Гавбой. Да что такое, командор?

Червчилль. Скажи нам!

Глупли. Имейте же терпенье! Я придумал,
Как дядюшку еще раз пощипать
И к девке у него отбить охоту.

Червчилль. Этак ты бы сразу двух зайцев убил: и карман набил бы, и эту шлюшку от дома отвадил.

Глупли. Заметь: одним выпадом!

Гавбой. Хотел бы я посмотреть, старина, как это у тебя получится.

Глупли. Увидишь, и очень скоро. Была бы хорошая краска — и цвет выйдет что надо. А ну-ка, лейтенант, отойди в сторонку. Если не ошибаюсь, там висят женские панталоны, судя по кружавчикам, а также вуаль и шейный платок. Неси их сюда и не обращай с ними, как дикарь! Мы же не в борделе, а в приличном доме. Учишь вас, учишь!

Червчилль уходит.

Гавбой. Интересно, что ты собираешься делать с женскими панталонами?

Глупли. Что? Разумеется, использовать по назначению.

Гавбой. А-а-а. Вопросов больше нет.

Возвращается Червчилль.

Глупли. Вот и чудно. Лейтенант...

Червчилль. Что ж дальше, командор?

Глупли. Дальше ты увидишь, как можно в мгновение ока стать женщиной.

Червчилль. Но ведь это будет насилие над природой, сударь. Обычно девицы к этому долго готовятся.

Глупли. А то они не совершают каждый день насилия над природой! Разве путаться со своим конюхом — это не насилие над природой? А трести гривой из чужих волос — это тебе не насилие над природой? А спаивать мужчину до того, что у него уже ноги разъезжаются, разве это, скажи, не насилие над природой? Так что, лейтенант, помалкивай. Чем позволять, слепец, Купидону вертеть тобой, как хочет, лучше завязывать им, бабам, юбки над головой и пускать их на все четыре стороны.

Червчилль. Ладно, капитан, делай как знаешь. Я ведь не меньше тебя люблю отмачивать всякие штуки... Слушай, на кой черт ты корсет напяливаешь?

Глупли. А ты пораскинь мозгами. Не видишь, я обряжаюсь.

Червчилль. Обряжаешься?

Глупли. Жилет нынче в моде, особенно если надо бюст подчеркнуть. Мы ведь только до талии мужчины, а выше талии все мы — просто человеки. Наступают времена амазонок: скоро жен от мужей будет не отличить... Так, лейтенант, сзади у меня из-под шляпы должны выбиваться два-три локона. Ну-ка, поколдуй там. Главное, чтоб прическа была по моде, тогда не к чему будет придраться, самый дошлый критикан не подкопается.

Червчилль. Особенно если сзади смотреть. Кукла на вате. Вылитая!

Глупли. Кукла на вате? Это ты так о своем командоре? А впрочем, ватой, говорят, хорошо шели затыкать... Ну что, пустобрехи, разве я не обещал показать вам, как в мгновение ока сделаться женщиной?

Говбой. Лихо, капитан!

Глупли. Теперь черед вуали и платка. Подай-ка их сюда.

Червчилль. А их, вроде, уже никто не носит.

Глупли. Так... Теперь вопрос, где взять сутенеров? Лучше вас для этой роли мне все равно никого не найти. Раз уж я заделался магдалиной, смотрите, блюдите меня хорошенько! Не забывайте, времена нынче такие, что порядочной женщине прохода нет. Того и гляди, нарвешься на шальную компанию. Заташат в лодку, увезут куда-нибудь на Хуттон...

Червчилль. Вот смеху-то будет!

Глупли. А потом очнешься в Пизе.

Червчилль. А что, самые подходящие уголки для разврата — Хуттон и Пиза.

Глупли. Заткнись! Мое дело предупредить. Куделечки вьются у меня из-под шляпы, точно флажок над театром, приманивающий публику. А шейный платок такой душка, что, клянусь, будет всех притягивать ко мне, как магнитом.

Червчилль. За нас, капитан, не беспокойся. Пусть только кто попытается назвать тебя шлюхой, да мы его по судам затаскаем!²⁵

Глупли. Тогда пошли. И раз уж вы так презираете дешевые борводников и всяких там вымогателей, охраняйте-ка меня, чтобы ко мне не липли, как к стойке, и чтобы мне не пришлось держаться стойко, как липке, когда ее обдирают.

Червчилль. Вперед, командор! Мы расшвыряем всех, как

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I Из своего кабинета выходит Кайус Грешен с раскрытой книгой.

Кайус Грешен.

Прочту еще раз. Вот: «Прелюбодейство
От неба отлучает наши души».
Страшись быть отлученным от небес!
Беспечный расточитель тот, кто вечным
Блаженством мог пожертвовать во имя
Минутной прихоти, животной страсти,
Кто отогнал возвышенные мысли
И слепо бросился на голос плоти,
Ужасной этой ведьмы, всех подряд
Заманивающей в кромешный ад.
Что кровь? она поет, пока поется;
Душа же... о, душа не столь проста —
Чужда душе нетленной суета.
А я! Прекрасно зная цену жизни,
Греховности и воздержанья цену,
И, осознав, что слава человека
Почти сродни бессмертию творца, —
Я опустил до греха, до грязи.
До женщины! А что она такое
Без мишуры? Никчемный механизм,
Точь-в-точь как все немецкие часы:
Так много шестеренок и пружинок,
Что вечно что-нибудь да заедает,
То отстают безбожно, то спешат,
А то, глядишь, трезвонят невпопад.
...Мой бог, ведь нам встречаться послезавтра!
Что ж, душу прозакладывать зазря?
Ну нет! грешить я больше не намерен.
Она не знает, где моя обитель,
И не пайдет меня... Прочь, ведьма! Прочь!

За спиной Кайуса Грешена вырастает Суккуб — дьявол, принявший обличье мадам Остолоуп²⁶, и хлопает его по плечу.

Суккуб. Я вижу, ты готов? Ну так пойдём!

Кайус Грешен. Обороните, ангелы-воители!

Суккуб. Что с тобой? Или мое появление так тебя напугало?

Кайус Грешен. Защитите, святые отцы-заступники!

Суккуб. И не совестно тебе? Такими словами встречать женщину!

Кайус Грешен. Дьявол ты, а не женщина.

Суккуб. Дьявол, говоришь? А ты потрогай. Где ты видел дьявола из плоти и крови?

Кайус Грешен. Я распознал в тебе эту нечеловеческую силу...

Суккуб. Зачем над слабой женщиной глумиться?
Еще вчера ты клялся мне в любви.
Что ж, совратил — и тотчас же бросаешь?
Пусть котик поцелует свою киску.

Кайус Грешен. Прочь!

Суккуб. Или ты забыл..?

Кайус Грешен. Прочь, говорю!

Суккуб. К тебе я вырвалась с трудом,
А ты как будто скован льдом.
Я рада вокруг тебя обвиться,
А ты весь сжался, как девица!
Нам выпал долгожданный миг,
Так отчего ты вдруг поник?
Целуй меня, раскрой объятия,
Не то не избежишь проклятья!
Ну что стоишь, как пень, чудак!
Забыл неужто, что и как?
Так я тебе сейчас напомним...

Кайус Грешен. Стой! Не приближайся ко мне!

Суккуб. Тогда ты сам ко мне прильни!
Грех упускать удачный случай.
Ну, не дразни меня... не мучай!
Куда пропал твой юный пыл?
Ведь ты, я знаю, полон сил,
Так обними же что есть мочи!
Мы страсть как до любви охочи.
Робеешь? Ничего, пройдет.
Стаканчик пунша и — вперед!
Тра-ля-ля, тир-лям-пам-пам,
Тра-ля-ля-ля, пим-пам, пим-пам!²⁷

Кайус Грешен. О, не терзай меня!

Суккуб. Ти-та-ти, ти-та-ти, ти-ти-та!

Кайус Грешен. Помогите!

Суккуб. Та-ти-та, та-ти-та, та-ти-та!

Кайус Грешен. Прочь, дьявол! Я узнал твой мерзкий голос.
Пока ты не обвил меня хвостом,
Я трижды осеню тебя крестом.

Суккуб с проклятиями исчезает.

Кайус Грешен.

Поддействовало! Ах, я весь дрожу.

Эй, где ты, Джаспер? Слышишь? Джаспер! Джаспер!

Входит его слуга Джаспер.

Джаспер. Случилось что, сударь? Эк вы переполошились!

Кайус Грешен. Плывет все перед глазами... И тошнота. Что, ушла мадам Остолоуп?

Джаспер. Мадам Остолоуп, сударь?

Кайус Грешен. Ушла она, я тебя спрашиваю?

Джаспер. Так она вроде как и не приходила.

Кайус Грешен. Не приходила?

Джаспер. Нет, сударь.

Кайус Грешен. А ты уверен?

Джаспер. Уверен? Как в том, что я — это я.

Кайус Грешен. Ох, не нравится мне это! Ты где был?

Джаспер. В соседней, сударь, комнате.

Кайус Грешен. Где же тогда твои глаза были? Она ведь мимо тебя прошла!

Джаспер. Вы меня, сударь, никак за полоумного держите. Чтобы женщина мимо прошла, а я не услышал? Вот те на! Да их за милую слышать, как они юбками шуршат.

Кайус Грешен.

Ну ладно, верю... Верю, да не очень...

Я буду чист перед ее супругом,

Тогда нечистая мне не страшна:

Тиранит только грешников она.

Джаспер (в сторону). Что это с ним? Бредит женщинами, а глаза открыты!

Уходят.

СЦЕНА 2 В одну дверь входит сэра Нараспашкью, в другую — его слуга Уотерс.

Сэр Нараспашкью. Что это ты разлетелся? Есть новости?

Уотерс. Я должен вам кое-что сообщить, ваша милость.

Сэр Нараспашкью. Ну так сообщай. Говори.

Уотерс. Простите, сэра, но я не так воспитан.

Сэр Нараспашкью. Что ты этим хочешь сказать?

Уотерс. Я должен шепнуть это вам на ухо.

Сэр Нараспашкью. О-о-о! Ну и зануда! Я и так все понял. Что, пришла?

Уотерс. Пришла, сэра.

Сэр Нараспашкью. Значит, выздоровела, раз на ногах?

Уотерс. Боюсь, что да, сэра.

Сэр Нараспашкью. Боишься?

Уотерс. У нее нос повязкой закрыт.

Сэр Нараспашкью. Ха-ха-ха! Ну уморил! Это ж мода, болван, теперь такая.

Уотерс. Не знаю, сударь, нынешнюю моду,

А в старопрежние-то времена,

Как королеву сватали у нас²⁸,

Смотрели очень косо мы на это.

Сэр Нараспашкью. Вспомнил тоже! Жидковатые, Уотерс, тогда времена стояли. Нынче век потверже будет — мы ведь огонь и воду прошли. И срамная болезнь сейчас — дело обычное, все равно что лихоманка по весне. Не стоит даже лечиться: только даром снадобья переводить. Вот что, бери-ка ты ключ, а что делать дальше, сам знаешь. Пускай затопят в спальне да поставят выпивку. Слышишь, что я толкую?

Уотерс. Как прикажете, сударь.

Уходит.

Сэр Нараспашкью. Гоняться за Дианой в мои годы — это, господа хорошие, дорогое удовольствие. Тут нужен размах.

Уходит.

СЦЕНА 3 Входят Уотерс вместе с Глупли, одетым как Бесс Хитроу и с лицом, скрытым под вуалью.

Уотерс. Милости прошу, леди. Чувствуйте себя как дома.

Глупли. Благодарю вас, милый Уотерс..

Уотерс. Узнали старый кабинет?

Глупли. Еще бы, сударь.

Уотерс. Видите эту шкатулку? Получать бы мне в год столько жалованья, сколько спрятано в этой шкатулке. Мне ведь платят пятьдесят фунтов, сударыня.

Глупли. Не считая расходов на платье?

Уотерс. Это уж как водится.

Глупли. Вы, верно, включили сюда стоимость вашей золотой цепи? Уотерс. О нет, сударыня, цепь — это особая статья. Так что, сами видите, дорогая моя, я для вас очень даже выгодный поклонник.

Глупли. Что вы делаете, сударь? Оставьте меня!

Уотерс. Ну, ну, ну... Такое сокровище само плывет к вам в руки, а вы толкаться! Я ведь тут за главного, все хозяйство на мне. И провизия вся проходит через мои руки²⁹.

Глупли. Перестаньте, сударь, тискать меня.

Уотерс. Будет вам кобениться. Клянусь, сударыня, про это дело ни зая душа не узнает.

Глупли. Знаю я, чего стоят ваши клятвы. Все вы, мужчины, обман-

Это я-то обманщик? Да я ручаюсь головой...

Глупли. Голова вам еще пригодится. Поручитесь лучше вот этой цепью, что придете завтра в сад между девятью и десятью.

Уотерс. Клянусь, сударыня. Или пусть я лишусь вашей любви и всех своих сбережений.

Глупли. Что ж, посмотрим. А сейчас идите.

Уотерс. Прощайте, дорогая моя.

Целует Глупли и уходит.

Глупли. Сам, хлыщ, идешь в мои сети. Неплохая прелюдия, черт возьми! Судя по его пошлой болтовне и фривольному обхождению, он уже не первый раз к ней подъезжает, а девка она себе на уме и такую лакомую поживу наверняка не упустит. Значит, мне сам бог велел спасти его заблудшую душу... и тело тоже. Я покажу этому холопу, как лезть на рожон. Ишь ты, берейтор выискался—хозяйских кобыл объезжать! Так. Теперь шкатулка. Издали, правда, я ее видел, ан по фасаду не судят. Иной раз с виду загляденье, а внутри хоть шаром покати. О! Вот она, клянусь печенкой, моя дамочка! У этой все на месте, приятно пощупать: алмаз... рубин... сапфир... опух сип голе силехце³⁰. Может, я межеумок какой, что в толк не возьму: и как эта девка на такой соблазн не польстилась? Всего-то и надо было, чтобы черт пальцем ткнул... или черта рядом не оказалось? Ну что ж, тем лучше. Вот что значит, дядюшка, заводить шашни на старости лет. Скажешь спасибо своей потаскушке. И не стыдно тебе, старая песочница, ставить какую-то девку вперед своего родного племянника! Это, черт меня дерн, вызов самой природе. Ты об этом еще пожалеешь... Но мне пора. Там внизу мои разбойники совсем, наверно, меня заждались.

Воистину, тому, брат, не страшны
Ни вор, ни враг, ни тяжкие недуги,
Кто умудрился шлюху взять в подруги.

Уходит.

Входит сэр Нараспашкью.

Сэр Нараспашкью. Ну вот, Уотерс, я освежился, подкрепился и раздумячился и стал совсем как огурчик. Знаешь, а она здорово изменилась после болезни. Но теперь она мне, чертовка, еще больше по вкусу. Я чмокнул ее на лестнице, и мне показалось, что от моего птенчика изрядно пахнет: этаким букетом из вина, пива и табака. Особенно от нее табаком разило.

Знать, перепичкали ее отравой,

А может быть, меня подводит нюх,

Но был какой-то в ней мужицкий дух.

... Ну что, моя крошка, поправилась? Небось, уже пынешь здоровьем, а? Что ж ты молчишь? Эй, сударыня-а! Бесси!.. Разрази меня гром, никак шкатулка взломана... Ну точно, открыта. Мои драгоценности! Сюда, Уотерс!

Уотерс (*из-за кулис*). Сейчас, сударь, сейчас...

Сэр Нараспашкью. Живо, кому говорят!

Уотерс (*из-за кулис*). Мне, сударь, право, неловко. Я чуток по времени, пока вы там не управитесь.

Сэр Нараспашкью. Уотерс!

Уотерс. Бегу, бегу! Вы, сударь, вгоняете меня в краску.

Сэр Нараспашкью. Где она?

Уотерс. Кто, сударь?

Сэр Нараспашкью. Это чудовище со зловонным дыханием³¹.

Уотерс. Дикая свинья, что ли?

Сэр Нараспашкью. Неблагодарная, во всяком случае. Куда ты, бестия, повел ее?

Уотерс. О ком вы, сударь? О вашей подруге?

Сэр Нараспашкью. О моей воруге.

Уотерс. Как вы сказали, ваша милость, в ваш кабинет.

Сэр Нараспашкью. Оно и видно, чума на вас всех! Взгляни, что со шкатулкой.

Уотерс. Моя цепь, моя цепь, моя цепь, моя единственная цепь!

Убегает.

Сэр Нараспашкью. Что, сразу проснулся?.. Ну и ну, мало ей было распутничать, еще и на воровство потянуло! Шлюха-воровка! Нет, определенно это болезнь так на нее подействовала — она стала еще более испорченной. Клянусь дьяволом, я ей этого не прошу.

Я дал ей все. Чего ей не хватало?
Ну, старый пень! Все девке отдаешь,
А родственникам — ничего... Хорош!
Ох, это уж мне имя — Нараспашкью!
Позор, позор, позор... Но эта, эта!
Да как же, девка, плюнуть ты могла
В колодец, из которого пила?
Не заявить ли о пропаже? Может,
Она уже все скупщику несет?

О дьявол! Представляю, как судьи будут надо мной потешаться. Наверняка присоветуют ей потянуть из меня, старого греховодника, еще денег. И ведь потянет! Помнится, как раз такое дело разбирали в Ньюбери на прошлой сессии.

Ограбили и поминай как звали!
Ну ладно уж, справлюсь как-нибудь.
Не дам себя еще раз обмануть,
С меня довольно, слышите, довольно!

Уходит.

4 В дом стучится Кайус Грешен.
К двери идет слуга.

о там?
ешен. Свои.

Слуга впускает его.

его изволите?
грешен. Что, дома достопочтенный Остолоуп?

Слуга. Нет, сударь. Только-только ушел.

Кайус Грешен. А досточтимая его супруга где?

Слуга. Госпожа дома.

Кайус Грешен. Скажи-ка мне, давно ли она вернулась?

Слуга. Госпожа-то? Да она, вроде, и не выходила вовсе.

Кайус Грешен. Не выходила? А мне, понимаешь, показалось,

что я видел ее. Мне бы ей два словечка сказать.

Слуга. Пойду доложу.

Кайус Грешен. Будь добр. Ох, не нравится мне это все.

Входит мадам Остолоуп.

Мадам Остолоуп. Вы, сударь? Какой вы отчаянный! Я вас уже сегодня, признаться, не ждала.

Кайус Грешен. Вот как? Что же вас заставило прийти ко мне домой полчаса назад?

Мадам Остолоуп. Я? К вам домой?

Кайус Грешен. Только не хитрите. Сознайтесь прямо, что приходили.

Мадам Остолоуп. Как вы можете, сударь!

Кайус Грешен. А что, собственно?

Мадам Остолоуп.

Известно вам, как стерегут меня.

К тому ж не знаю я, где вы живете.

Кайус Грешен.

Ну ладно, будет вам... Однако плохи

Мои дела.

Мадам Остолоуп. Да что сегодня с вами?

Кайус Грешен.

То дьявол принял облик ваш.

Мадам Остолоуп.

Что-что?

Кайус Грешен.

Он самый! Но от вас не отличить:

Лицо, повадки, голос, эта шляпка,

Цвет парика, одежда, все точь-в-точь,

И юбка с фижмами на нем сидела

Вот этак же, и так же он ходил, —

Ну, словом, как бы взял вас напрокат...

Мадам Остолоуп.

Спаси нас, грешных!

Кайус Грешен.

Рассказал, какие

Измыслил он уловки, чтобы нам

Увидеться; припав к моей груди,

Ласкался и тащил меня на ложе;

Слова твердил, которыми друг другу

В любви клялись мы, и прельщал стихами,

И пел, и танцевал вокруг, как фея...

Так искушал, короче, что едва

Смог устоять я против колдовства.

Мадам Остолоуп.

Я стала жертвой! собственных страстей!

Как быть?

Кайус Грешен.

Очиститься от скверны! Дьявол

Не принимал обличья тех доньне,

В ком не живут ни похоть, ни гордыня.

От праведника так же он чумует,

Как нечестивец — от него. Пусть он
Бойтся нас... и будет посрамлен!
Простите же, сударыня, того,
На чьей душе лежит вина двойная:
Страсть низкая и низменный поступок —
За что и суждено мне, наконец,
Принять сей мученический венец.
О женщины! В объятья стоит взять их,
Как мы уже у дьявола в объятьях;
Онц друг с другом снюхались давно,
И различить их стало мудрено.
Ну как нам жить-то? Плакаться да охать!
Одна религия осталась — похоть:
Сменился пыл души альковным пылом,
Лицо — личиной, постоянство — модой,
И собственные волосы — шиньоном.
Извилистою сделалась стезя!
Уже нам без любовницы нельзя,
И собираемся своим мы кругом,
Чтоб только похвалиться друг пред другом.
К чему теперь нам вывеску блюсти,
Когда за нею — господи прости!

Входит Остолоуп.

Живите честно, век свой коротая.
Та, что лишь мужу отдалась, — святая.
Любите мужа, больше никого.
Ведь сердце-то — оно для одного.

Мадам Остолоуп.

Анафеме предам я волокит!
Не осквернить им, как бы ни хотели,
Вовек моей супружеской постели.

Кайус Грешен.

Отныне я ваш самый верный друг.
А я — *ваш* друг. Отныне и вовеки.
Позвольте вас обнять. В моей душе
С моей женою вы теперь живите.
Обрел я две жемчужины: супругу
Безгрешную и преданного друга.
Все страхи прежние, прости-прощай!

Кайус Грешен.

Остолоуп. Да воцарится радость в вашем сердце!
Вы так любезны, сударь.

Входит слуга.

Слуга.

Что такое?
Пришел гонец от сэра Нараспашкью.
Вас и супругу будут ждать к обеду,
Назначенному на ближайший вторник.

Остолоуп. Скажи, придем. Премного благодарны.
(Кайусу Грешенцу.)

А вы уж нам компанию составьте.

Кайус Грешен.

Вы это мне?

Остолоуп.

Ну да.

Кайус Грешен.

Почту за честь.

Остолоуп. Без вас не стану я ни пить, ни есть.

Уходят.

СЦЕНА 5 Входит Бесс Хитроу, вырываясь из объятий Глупли.

Глупли. Ну чего ты ломаешься, как копеечный пряник? Иди ко мне, глупенькая.

Бесс Хитроу. Вы меня, сударь, с кем-то путаете. Я не из этих.

Глупли. Но позвольте мне...

Бесс Хитроу. Позвольте мне вам не позволить.

Уходит.

Глупли. Что за чертовщина! Первый раз встречаю девицу, которая бы так упиралась. Даже приволокнуться за собой и то не дает. Интересно, на сколько ее хватит? Покажите мне дерево, которое бы плодоносило, не дав сначала завязи. А что такое ухаживания, как не завязь отношений, от чего нередко бывает сочный плод через сорок недель. И дернул меня черт наскочить на нее! Нет, она будет моей, сейчас или никогда. Я, кажется, готов выкинуть самый безумный фортель из всех, какие выкидывал. Ей-богу, уже созрел.

Мне не хватало только безрассудства —

Искать любовь там, где одно распутство.

Ни разу не задумывался я,

С какого к женщине конца подъехать,

Все было просто... А сейчас впервые

Я словно околдованный стою.

Смех да и только — угодил-таки в силки! Нет, как хотите, но я ее увижу. И будь что будет!

Входит мамаша Хитроу.

Мамаша. Рада вас видеть, сударь.

Глупли. Вы случайно не знаете юную госпожу, которая сейчас вышла отсюда?

Мамаша. Мне ли не знать ее, сударь. Ведь она моя дочь.

Глупли. Тем лучше. Она мне очень понравилась. Настоящая красотка.

Мамаша. Вы правы, сударь. Чем-чем, а красотой природа ее не обделила.

Глупли. Но у нее есть один существенный недостаток.

Мамаша. Что вы говорите?

Глупли. Клянусь печенкой, она робеет мужчин.

Мамаша. Это от стыдливости, сударь. Она боится за свою честь. Глупли. Вот как? Клянусь своими потрохами, я не могу лишиться ее девственности одним дыханием, точно так же как она не может уронить свою честь только оттого, что произнесет лишнее слово. Мамаша. Верно, сударь, верно. И я ей сколько раз об этом толковала, но что вы хотите от этой дурочки? Останусь, говорит, в девицах — и хоть кол ей на голове теши! Разве б я жила, сударь, так скромно, держись она с мужчинами посмелей да посвободней? А она — глаза долу, и чуть что — бежать. От этой ее робости ни ей, ни мне, сударь, житья нет. Какие женихи, какие брильянты, какие предложения ей делали! Мы ведь обе с ней словно созданы для красивой жизни. А она! Только завидит мужчину, как, верите ли, сразу шмыг в норку и носа не кажет. Уж так блюдет себя, так блюдет, что просто ни в какие ворота.

Ей замуж бы... Ведь золото девица.

На жен таких мужья должны молиться.

Глупли. Неужели вы не можете своей властью заставить ее выйти ко мне?

Мамаша. Даже не знаю, сударь. Пойду попробую.

Уходит.

Глупли. Черт меня дерит, но я, кажется, врезался в нее по уши. Своей робостью эта недотрога словно цепью меня к себе приковала. Ничто нас так не распаляет, как лакомый кусок, когда око видит, а зуб неймет. Вот ведь жены торговцев никогда за ценой не стоят, лишь бы свое заполучить. А мне подавай женщину, какой ее природа создала, — простую, неиспорченную, вроде этой молодки. Когда я вижу, как они ловчат, морочат нам голову и расставляют сети, меня с души воротит. Есть ведь такие бесстыжие, что кого угодно в краску введут; такого наговорят, что хоть уши затыкай. Считается, что это придает женщине мужественность. Оно, возможно, и так, да только женственности у них от этого явно не прибавляется.

Но той, кого дано мне полюбить,

Невинной, как голубка, надо быть.

Входит мамаша Хитроу, таща за собой упирающуюся дочь.

Хитроу. Отпустите меня! Что вы делаете, сударыня? Неужетаким образом будете праздновать победу? Великая слава, сказать, сломить сопротивление беззащитной и простодушной!

ли.

Есть ли такие уголки земли,

Где девственность еще бы так блюли?

Мамаша.

Упрямица! Стыдливость ум отшибла.

Ну что дрожишь, как будто ты погибла?

Ужель я допустила бы разбой?

Не зверь же, а мужчина пред тобой.

Поверь мне, доченька, этот джентльмен имеет самые чистые и благородные намерения. Не правда ли, сударь?

Глупли. Святая правда, мадам.

Мамаша. Ну, слышала? Что ты теперь скажешь? Все еще опасаясь за свою честь?

Иль носом чуешь развращенный дух?
Иль оскорбился твой невинный слух?
Нельзя мужчин одною меркой мерить:
Мол, все их чувства — это напускное,
На языке одно, в уме другое.

И среди них найдется честный — тот,
Кто принципы, как ты себя, блюдет! —
Ну вот, я проломила, сударь, брешь,
Теперь в нее вы сами устремляйтесь.

Глупли.

Иди сюда, дикарка... Да не бойся.
Скажи, ты улыбаться-то умеешь?
Ведь я не волокита и мои
Желания серьезны.

Бесс Хитроу.

Объяснитесь.

Глупли.

Да я готов жениться, черт возьми!

Мамаша.

Теперь ты видишь, с кем имеешь дело?

Глупли.

Я вам без околичностей скажу:
Я беден, но мой дядюшка по смерти
Все свои тысячи оставит мне.

Мамаша.

Его я знаю. Дочь моя тем паче.

Глупли.

Тогда вам должно быть известно, что я вас не обманываю.

Мои дела, увязшие было в болоте, пойдут теперь в гору.

Мамаша.

Ты слышала, он правду говорит.

Глупли.

Жену свою, как куколку, одену,
Отделаю карету, как игрушку.

Мамаша.

Картина будет просто загляденье!

Глупли.

Так по рукам? И поцелуй впридачу!

Мамаша.

Готово. Все было сделано при свидетеле.

Глупли.

Позвольте, мамаша, я обниму вас.

Мамаша.

И я тебя, сынок. Мой тебе совет, пока она в благодушном настроении, беги-ка ты за священником и покончим разом это дело.

Глупли.

Отличная идея, черт возьми.

Мамаша.

Ее богатство — красота, однако,
Хоть этого для женщин и довольно,
За ней приданого на триста фунтов.

Глупли.

Клянусь потрохами, нам этого хватит, чтобы до дядюшкиной смерти продержаться. Поверьте, он в лучшем случае до осени протянет, у меня глаз наметан. Можете удавить меня, если он не окочурится ко дню всех святых.

Мамаша.

Ты прав, сынок. Уж очень он в свои лета беспутствует.

Глупли.

Да уж, охоч этот старый кобель до женского полу. Он, представьте, и шлюшку взял на содержание.

Мамаша.

Фи!

Глупли.

Только не говорите об этом моей женушке.

Мамаша.

Не буду... да вроде как и незачем.

Глупли.

Одиннадцатого числа, во вторник, мой дядюшка закаты-

вает настоящий пир. Там будет разыграно небольшое представление. Я хочу проделать с дядюшкой одну шутку. Приходите на обед вдвоем в качестве моих гостей, заодно увидите мою проделку. А после, вечером, мы там встретимся. Вся шутка в том, что, сам того не зная, он затянет пир как бы в нашу честь, это будет наш свадебный обед. Мы отпразднуем по-королевски и без подарков, я думаю, не уйдем.

Мамаша. Отлично задумано, ничего не скажешь. И денежки целей будут! Ай да зятек мне попался: еще жениться не успел, а уже как бережлив!

Глупли. Где сбережем, где облапошим честно,
А дядюшка не вечен, как известно.

Уходит.

Мамаша. Попалась птичка в клетку.
Бесс Хитроу. На сей раз — да. Но как быть с его дядюшкой?
Не думаю, что он будет в восторге.

Мамаша. Не все ль равно, откуда плод упал.
Бери да ешь... Важнее, что ты стала
Порядочной.

Бесс Хитроу. Да, это ведь немало.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I Деловито входит сэр Нараспашкью, отдавая распоряжения Уотерсу и слугам относительно предстоящего пиршества.

Сэр Нараспашкью. Эй, голубые ливреи, смотрите мне! А ты, Уотерс, не зевай, приглядывай за этими мошенниками, особенно на кухне. Нынче у всех родни развелось! То кузен, то кузина, и все норовят пожирней кусок урвать. Пока обед не закатишь, так и не узнаешь, сколько сидит на твоей шее нахлебников. Весь дом людьми шмя кишит, как Варфоломеева ярмарка³² мухами, въезжающими ржом на мясных тушах. Вот черти, за десять миль унюхивают, им пахнет у меня на кухне.

Входят супруги Остолоупы и Кайус Грешен.

Достопочтенный Остолоуп и его милейшая половина! Покорнейше прошу.

Остолоуп. Позвольте, сударь, представить вам нашего дорогого друга. Мы взяли на себя смелость пригласить его к вашему столу.

Сэр Нараспашкью. Чрезвычайно вам признателен за эту смелость, добрейший Остолоуп. Так это ваш друг, сэр?

Остолоуп. Не только мой, но и моей супруги.

Сэр Нараспашкью, Тем более всенижайше рад вас приветствовать, сударь.

Кайус Грешен. Благодарю вас, сэр, в восьмикратном размере; октавою.

Сэр Нараспашкью. Достойный ответ, клянусь честью. Мы рады всякому остроумному гостю. Я знаю толк в приветствиях и умею оценить их по достоинству. Входите, господа, входите. В гостиной уже горит камин. Извините, я вынужден на минутку лишиться вас своего присутствия.

Остолоуп. Конечно, конечно, дорогой сэр.

Сэр Нараспашкью. Я сейчас, господа.

Гости скрываются.

Входит слуга.

Ну что ты там мешкаешь? Какие новости?

Слуга. В наши края заехали какие-то актеры, сэр. Они хотят показать свое искусство вашей милости.

Сэр Нараспашкью. Актеры? Ну конечно, зови их, они украсят мой праздник. Только ты зря назвал их «какими-то». Мне случалось видеть в своей жизни совершенно *никаких* актеров: скачут, изображают что-то, а сами не имеют понятия, что играть, где играть и когда играть. Что играть для идиотов-критиканов, где играть для идиотов-пуритан и когда играть просто для идиотов, которые всего боятся. Ладно, иди зови их.

Слуга уходит.

Вовремя эти сукины дети подвернулись. Я и сам уже подумывал о чем-нибудь этаким.

Входят Глупли, Червчилль, Гавбой и прочие, переодетые актерами.

Рад вас видеть, рад вас видеть, друзья!

Глупли. Так май не наслаждается цветами,

Как мы пришли в восторг от встречи с вами.

Сэр Нараспашкью. Красиво сказано, весьма польщен. Верно, это ваш лучший актер?

Слуга. Он у них застрельщик, сэр. Один может весь спектакль разыграть.

Сэр Нараспашкью. Это еще что такое? Наденьте вашу шляпу, сударь, прошу вас. Я уважаю амплу героя. Пусть обнажают головы те, у кого на шляпе меньше перьев. Чьи вы будете? Да не снимайте же вы шляпу!

Глупли. Наш патрон, сударь, лорд Приживал.

Сэр Нараспашкью. Лорд Приживал? В таком случае, вы, черт возьми, самые мне близкие друзья! Дайте я пожму вам руки. Так вы служите этому благороднейшему человеку? Однажды, ночуя у меня, он пережил налет грабителей и, знаете, так достойно держался и уехал безо всякой обиды. Я устроил ему великолепную трапезу. В жизни не встречал джентльмена, который бы так мужественно

переносил невзгоды. Актеры лорда Приживала! Как же я рад случаю принять вас у себя. Подать бастарда актерам милорда! А где же остальные ваши товарищи?

Глупли. Они придут с повозкой, сударь.

Сэр Нараспашкью. Отлично, отлично... Ну, и кто тут у вас главный макиавеллист?³³ Кто держит всю компанию в узде и лучше всех расшаркивается перед сиятельными лицами и облачается в парадный костюм, когда надо пойти и похлопотать за остальных? Кто он, признавайтесь?

Глупли. Я, сударь.

Сэр Нараспашкью. Опять же ты? Дай-ка я разгляжу тебя получше. Слушай и заруби на носу: пока ты, повеса, живешь как пережаренное мясо, не склотишь тебе состояния, помани мое слово... И какую же вы, господа, пиесу разыграете?

Глупли. Веселую и остроумную комедию, сударь.

Сэр Нараспашкью. Да, да, да, непременно комедию, чтобы я и мои гости могли вволю посмеяться. И как же она называется?

Глупли. «Подделка», сударь.

Сэр Нараспашкью. «Подделка»? Хорошенькое название, ничего не скажешь, и такое бойкое. Идите же и подделайте все как можно скорее. Накройте стол актерам. Прежде всего позаботьтесь о главном лицедее. Он малый, вижу, не промах и ест, наверно, в три горла. И подайте шерри актерам милорда, живо! Уж пир так пир, чтоб не хуже, чем в самой «Митре», прославленной лондонской таверне, с пьесой и всем прочим! Огней, огней!

Глупли с сообщниками уходит.

Я уже, кажется, разошелся. Требую огней, когда и этих двух хватило бы на целый дом.

Входят мамаша Хитроу и Бесс Хитроу.

Как? Воровка осмелилась глядеть мне в глаза? Какое падение нравов! Что ж, ваяяй, притворяйся.

Мамаша. Храни вас бог, сэр.

Сэр Нараспашкью. Добро пожаловать, воровка, шлюха и я. Рад вас всех троих видеть.

Мамаша. Но нас только двое, сэр.

Сэр Нараспашкью. Правда? А я принял вашу дочь за двоих. Ну, в ней промелькнуло что-то двуликое.

Мамаша. В одной оболочке?

Сэр Нараспашкью. А почему бы и нет? Или у меня в глазах двоится?

Мамаша. Нет, сэр. Пожалуй, вы правы. Моя дочь теперь как бы едина в двух лицах: она вышла замуж.

Сэр Нараспашкью. У-у-у!!

Мамаша. Вы решили, сэр, что ее муж — шакал? Что вы, это настоящий волк! Вот погодите, сами увидите.

Сэр Нараспашкью. Будет вам. Представляю, какое это, должно быть, отребье. Проходите же, незваные гости, проходите.

Мамаша уходит.

Теперь я вижу, на что пошли мои драгоценности. Подарок к собственной свадьбе!

Бесс Хитроу. Вы не хотите мне ничего сказать, сэр?

Сэр Нараспашкью. Пожалуй... Ответьте, зачем вам понадобилось устраивать мне эту подделку позавчера? Прошу заметить, я выразился более чем мягко.

Бесс Хитроу. О чем вы? Что-то я с вами запуталась.

Сэр Нараспашкью. Вы, наверное, хотите сказать, я слишком стар, чтобы вам со мною путаться? Надеюсь, вы по крайней мере не станете ничего отрицать?

Бесс Хитроу. Стану, сэр, ибо моя совесть чиста.

Сэр Нараспашкью. Чиста?! Позвольте же вашу ручку, сударыня... Засим прощайте. Отныне я вас не знаю.

Бесс Хитроу. Я не прощаюсь, сэр. У нас еще все впереди.

Уходит.

Сэр Нараспашкью.

Да-а-а, держили — спокойно лгут в глаза!

Все отрицать, когда у ней на пальце

Сидит рубин, что из моей шкатулки,

Краснея за нее! К чему пришли?

Накуролесим так, что все вверх дном,

А чуть прижмут — за шутку выдаем!

Да, не соскучишься.

Входит Глупли.

Ну что, готовы?

Глупли. Почти, сударь.

Снимает шляпу.

Сэр Нараспашкью. Зачем вы сняли шляпу?

Глупли. У меня к вам просьба, ваша милость.

Сэр Нараспашкью. Ах, вот оно что. Ну, тогда другое дело.

Глупли. Нам бы хотелось, чтобы наша пьеса, сударь, дышала своей жизнью. Тогда и вы, ваша милость, останетесь довольны и наша комедия выиграет.

Сэр Нараспашкью. Прекрасно. За чем же дело стало?

Глупли. Дабы избежать досадных огрехов, мы, по установленному обычаю, просим содействия вашей милости.

Сэр Нараспашкью. Рад помочь. В чем вы нуждаетесь, говорите.

Глупли. Во-первых, нужна золотая цепь. Для судьи.

Сэр Нараспашкью. Ради бога, ради бога. Вот, берите, прохвосты. Подойдет? Что еще?

Глупли. Хорошо бы колечко с камнем.

Сэр Нараспашкью. Э-э-э, нет, никаких колечек! Я и так уже роздал слишком много колец за последнее время. Вот, возьмите этот камень взамен. Годится?

Глупли. Сойдет, сударь.

Сэр Нараспашкью. Ну что, теперь все?

Глупли. Все, сударь, только... в середине пьесы, знаете ли, у нас появляется Время³⁴, поэтому мне понадобятся часы вашей милости.

Сэр Нараспашкью. Часы? Изволь. Не забудьте сказать вашему Времени, чтобы оно с ними не убежало.

Глупли. Как можно, сударь!

Сэр Нараспашкью. Ну вот, теперь у вас есть все необходимое, так что провадивай, дружище.

Уходит.

Глупли. Охотно. И чем быстрее, тем лучше. Пусть эти каналы бегут первыми и повеляют дурака на свободе, а то они здесь уже засиделись. А я задержусь. Прочту пролог и двину за ними. Надо иметь совесть в конце концов. Не могу же я сбежать, не произнеся перед ними ни одной фразы! Дядюшка-то эвона как расщедрился, придется отблагодарить его.

Уходит.

СЦЕНА 2 Входит сэр Нараспашкью вместе со своими гостями.

Сэр Нараспашкью. Побольше света, побольше стульев! Прошу рассаживаться, начинаем.

Остолоуп. У вас есть актеры, сэр?

Сэр Нараспашкью. Специально для вас, уважаемый. Пять комедиантов, все умницы и, по-моему, неплохие актеры.

Кайус Грешен. Интересно, чьи же это люди, сударь?

Сэр Нараспашкью. О, они служат не кому-нибудь, а досточтимому джентльмену по имени лорд Приживал.

Остолоуп. Лорд Приживал? Он недавно вернулся из Ирландии, если не ошибаюсь. А как называется комедия, ваша милость?

Сэр Нараспашкью. Представьте себе — «Подделка»!

Остолоуп. «Подделка»?

Сэр Нараспашкью. Именно. Сейчас они начнут пролог, чтобы делаться под живых персонажей.

Остолоуп. Интересно, очень интересно.

Входит Глупли и начинает пролог.

Глупли.

О странствующих рыцарях рассказ

Мы нынче приготовили для вас.

То здесь, то там, изменчивы обличьем.

Всегда в седле, они смелы, как Бичем³⁵.

Изъян найдет, быть может, в пьесе зал:

Мол, коротка... изящна, я б сказал!

На сессию суда похож наш раус³⁶:

Немного слов и очень много пауз.

Итак: «Подделка»! Пьеса хоть куда.

Засим я удаляюсь, господа.

Уходит.

Сэр Нараспашкью. Великолепная игра и весьма тонкий замысел.

Остолоуп. Да, пролог был очень мил.

Кайус Грешен. А как он ушел!

Сэр Нараспашкью. В этом-то вся соль, джентльмены: уметь красиво уйти.

Бесс Хитроу. Ах, не будь я замужней женщиной, я бы, право слово, влюбилась в этого актера и пригласила бы его к ужину. Нынче в городе это принято. Кое-кто устраивается в дешевых номерах и так входит в роль зазывалы, что к утру гости трутся друг о друга, как сельдь в бочке; на сцене и то посвободней будет, хотя там вся знать сидит³⁷.

Сэр Нараспашкью. Что-то долго нет этих мошенников. Уж не сбежали ли они? Сколько можно копаться?

Кайус Грешен. Имейте, сударь, терпение. Им ведь надо загримироваться до неузнаваемости.

Сэр Нараспашкью. До неузнаваемости, говорите? Пока что я не узнаю себя. От возмущения.

Возвращается Глупли в совершенной ярости.

Глупли (*в сторону*). Это ж надо так влопаться. Весь замысел насмарку. Теперь все откроется! Вон, идут голубчики в сопровождении констебля. Дернул меня черт связаться с этими молокососами! Что же делать? Так опростоволоситься перед всей этой шушерой и собственной женой впридачу... А, черт..! Стой! Я, кажется, придумал, как выкрутиться. Золотая цепь! Да-а, голь на выдумки хитра; глядишь, опять выплывем... Что ж, попробую.

Сэр Нараспашкью. Да где же эти актеры?... А, вот один. Наконец-то! Я было уже хотел послать за ними.

Остолоуп. Смотрите, как он задумчив. Кого это он изображает?

Сэр Нараспашкью. Судью, клянусь богом! Видите, цепь на нем?

Глупли. Ах, горе-правосудие, ей-богу...

Сэр Нараспашкью. Ну, что я говорил!

Глупли. Не горе ли — племянника судить?

Вон, как преступника, его ведет

Констебль, а также всех его дружков,

Не ведая о том, что мы в родстве.

Уже я дважды их из лап закона

Спасал; придется, видно, в третий раз

Закрывать глаза на все их сумасбродства.

Сэр Нараспашкью. Ха-ха, правосудие, закрывающее глаза!³⁸

Глупли. Готов себя подставить под удар,

Чтоб выручить его. Узнает кто,

Что мы — родня, не избежать скандала.

Спасу его во что бы то ни стало!³⁹

Входит констебль, сопровождающий Червчилля, Гавбой и всю компанию.

Сэр Нараспашкью. Вот это, я понимаю, правосудие! Констебль. Спасибо, добрые люди, за содействие, теперь я и сам справлюсь.

Червчилль. Ты еще здесь?

Гавбой. Сидит себе как ни в чем не бывало!

Первый сообщник. Глупли, ты что это?

Второй сообщник. Эй, командор!

Глупли. Что скажете, констебль?

Констебль (*сэру Нараспашкью*). Вот, ваша милость, поймал шайку разбойников.

Сэр Нараспашкью. Я-то тут при чем? Обращайся, осел, к правосудию. Никак новый персонаж! И как всегда: самый придурочный — констебль.

Глупли. Так в чем же дело, констебль?

Констебль. Вам, сударь, мне нечего сказать. (*Обращаясь к сэру Нараспашкью.*) Они все ехали верхом, ваша честь.

Сэр Нараспашкью. Опять ко мне? Ну и дубина! В борделе все верхом ездят... что ж теперь, хватать каждого?

Констебль. Конюх, сэр, сказал мне, что они подозрительные люди.

Глупли. Констебль, теперь я вижу — вы пьяны.

Червчилль. И нам так сразу показалось, ваша честь. Надо бы его призвать к порядку: так набраться при исполнении служебных обязанностей! Мы подчинились только из уважения к нему как к представителю власти; решили не оказывать никакого сопротивления, добровольно отдаться, так сказать, в руки закона. Но я протестую, ваша честь. Задерживать людей только потому, что они верхом!

Глупли. Это единственная причина?

Червчилль. Клянусь душой. Он больше не мог предъявить нам никаких обвинений.

Констебль. Не хотите ли вы этим сказать, что вы никуда не пойдете?

Червчилль. А что еще, сэр, можно делать, сидя на лошади?

Глупли. Логично, сударь.

Нараспашкью. Молодец, судья. Здорово выгораживает родственника.

Глупли. Неужели, сэр, вы требуете наказания для этих джентльменов за то лишь основание, что они ехали верхом? Что ж, по-вашему, вскочив в седло, как Смаг на своего белого скакуна⁴⁰, они должны были после этого стоять на месте как вкопанные? Да у вас мозги расплавились, сэр! Придется наказать вас, чтобы другим констеблям неповадно было напиваться на службе и оскорблять правосудие. А ну-ка, привяжите его к стулу.

Констебль. Привязать к стулу? Меня?

Глупли. Если нет под рукой веревок, используйте подвязки.

Констебль. На помощь! На помощь!

Червчилль. Накрепко привяжем, будьте покойны, ваша честь.

Констебль. Разбой! Насилие!

Глупли. Осталось кляп вставить. Очень уж этот шельмец разбушевался.

Констебль. Помогите! О! О!

Ему затыкают рот кляпом.

Сэр Нараспашкью. Ха-ха-ха!

Глупли (констеблю). Что ж ты притих? Когда тебе понадобится влезть в стремя, позови на помощь. Всегда к твоим услугам.

Глупли уходит вместе со всеми своими сообщниками.

Констебль. Мм... мм...

Сэр Нараспашкью. Ха-ха-ха! Такого безумного правосудия, господа, мне в жизни своей видеть не доводилось, клянусь богом!

Остолоуп. Чего-чего, сэр, а безумия хватало.

Сэр Нараспашкью. Если дальше не будет так же смешно и остроумно, я буду обманут в своих ожиданиях.

Кайус Грешен. Бедняга констебль, сидит с разинутым ртом и ни одного тебе умного слова.

Сэр Нараспашкью. Для него что молчать, что говорить — разница невелика. Пусть уж лучше молчит. Когда он так сидит, с разинутым ртом, у него очень умный вид. Ха-ха-ха, смотрите, как этот телок объясняет мне что-то мычанием. Ну, что мне, скажи,

за дело до того, уезжают они верхом или нет? Да пусть себе катятся!

А тебе, дубина стоеросовая, поделом досталось, клянусь богом.

Кайус Грешен. Но что же дальше, сэр? Пора бы уже, мне думается, появиться кому-нибудь и пособить констеблю.

Сэр Нараспашкью. Вы правы, черт возьми. А ну-ка, как тебя там, сходи за ними. По-моему, они забылись. Кликни давай этих проходимцев, не то безумие заведет их слишком далеко.

Констебль. Мм... мм...

Сэр Нараспашкью. Смотрите-ка, поддакивает. Хочет, небось, сказать: они уже заехали так далеко, что дальше некуда. Ха-ха-ха!

Уотерс. Никак, сэр, ему сидеть надоело.

Входит слуга.

Сэр Нараспашкью. Ну что, идут?

Слуга. Вы уж простите, ваша милость, а только никого там, сударь, нет.

Сэр Нараспашкью. Как так?

Остолоуп. Что он такое говорит?

Слуга. Ни людей, сударь, ни лошадей.

Сэр Нараспашкью. Врешь, поганец!

Слуга. Ей-богу, след простыл.

Остолоуп. Что же это значит, сэр?

Сэр Нараспашкью. Мы в дураках, вот что это значит! Вытащите кляп изо рта этого мерзавца. Я его вздерну на ближайшем дереве, если он не вернет назад своих приятелей.

Слуга вынимает кляп.

Констебль. Разве я вас не предупреждал, ваша честь, что они подозрительные люди? А вы не послушались, позволили им уйти. У меня челюсть заболела делать вам знаки. А вы, ваша честь, потешались надо мной, называли дубиной стоеросовой.

Сэр Нараспашкью. Что-то я... ничего не понимаю.

Остолоуп. А я, кажется, начинаю догадываться.

Сэр Нараспашкью. Постойте, постойте... Разве констебль — это не ваша роль в комедии?

Констебль. В комедии? К вашему сведению, я честно исполняю эту роль в жизни, сэр.

Сэр Нараспашкью. Облапошили! Ох, облапошили! Слушайте, а когда вас успели назначить?

Констебль. В четверг, сэр.

Сэр Нараспашкью. Черт меня подери, теперь все ясно.

Кайус Грешен. Видал я, как люди шутят, но чтоб так!

Остолоуп. Да, неслыханно.

Сэр Нараспашкью. Джентльмены, могу я вас попросить об одолжении?

Остолоуп. Да, сэр?

Сэр Нараспашкью. Прошу вас, не смейтесь надо мной до конца своих дней.

Кайус Грешен. Что вы, сударь! Это значило бы смеяться над собственной глупостью: ведь нас тоже, в сущности, обвели вокруг пальца.

Сэр Нараспашкью. Ну и хорошо, сразу немного от души отлегло. А здорово они нас, ха-ха-ха! Надо отдать им должное. Откровенно потешались над нами, а мы, дураки, себя же на смех поднимали!

Кайус Грешен. Эти прохвосты, сударь, мастера на всякие подделки.

Сэр Нараспашкью. Они и не скрывали этого, сами сказали, что будут играть «Подделку», и сдержали свое слово. Одна надежда, что правосудие окажется не настолько бессовестным, чтобы прикарманить мою золотую цепь.

Остолоуп. Цепь, сэр?

Сэр Нараспашкью. Ну да. А также драгоценный камень и чьи-то часы на цепочке.

Остолоуп. Как это вас, сударь, угораздило?

Сэр Нараспашкью. Надеюсь, актеры лорда Приживала не особенно презирать меня за мою доверчивость. Может, они вернутся и все отдадут мне... Отдадут, как же, держи карман шире!

Входят Глупли и вся компания в своих обычных костюмах.

Глупли. Благословите меня, дядюшка, прошу вас.

Сэр Нараспашкью. А-а, Глупли? Это ты, племянник...

Глупли (в сторону). Опустимся на одно колено, как актеры после представления для знатного вельможи⁴¹, и возблагодарим

достопавного лорда Приживала и его добрую супругу, моих покровителей.

Сэр Нараспашкью. Встань же, очищенный моим благословением. И добро пожаловать.

Глупли. Спасибо, дядюшка. Я взял на себя смелость привести с собой этих джентльменов, моих друзей.

Сэр Нараспашкью. Рад всех их видеть. Можешь представиться моим друзьям, а я тем временем отрекомендуюсь твоим. Иди знакомься.

Остолоуп. Мое почтение, уважаемый Глупли.

Глупли. Я благодарен судьбе, сударь, за то, что она свела нас.

Сэр Нараспашкью. Погоди, ты меня еще не знаешь.

Глупли. Кого я вижу? Милейшая мадам Остолоуп!

Сэр Нараспашкью. Всеу есть предел.

Глупли (*Бесс Хитроу*). Он уже знает, что мы поженились?

Бесс Хитроу (*Глупли*). Нет.

Глупли (*Бесс Хитроу*). Тем лучше.

Сэр Нараспашкью. Жаль, друг мой, что все вы не пришли чуть раньше.

Глупли. Почему, дядюшка?

Сэр Нараспашкью. Для нас тут разыгрывали пиесу.

Глупли. Пиесу? Что вы говорите?

Сэр Нараспашкью. Да-да. Чтоб ее автору провалиться на месте!

Глупли. Помилуйте, ужели, сэр, они так гадко вели себя?

Сэр Нараспашкью. Уж куда гаже!

Глупли. Что, какие-нибудь неотесанные мужланы?

Сэр Нараспашкью. О нет! Пройдохи те еще, к тому же нечистые на руку.

Глупли. Не может быть!

Сэр Нараспашкью. Какой дорогой вы ехали? Вы не должны были с ними разминуться.

Глупли. В самом деле, нам встретилась компания с какими-то узлами.

Сэр Нараспашкью. Это они, они, чтоб им самим в узел завязаться!

Глупли (*в сторону*). Можешь еще раз нас всех благословить.

Сэр Нараспашкью. После них, сударь, хоть иди с узелком побираться.

Глупли. Это еще почему, сэр?

Сэр Нараспашкью. Почему?! Я одолжил этим негодьям реквизи́т для их пьесы: драгоценный камень, цепь, часы для некоего Времени, а они улучили время и поминай как звали.

Глупли. Да как же они посмели?

И тут в кармане Глупли раздается бой часов.

Сэр Нараспашкью. Что это? Вы слышали, господа? В его кармане побили мои часы! Мои либо их точная копия... Так чьи же?

А ну-ка... У тебя, племянник, есть часы? Позволь твоему дядюшке взглянуть на них. А вдруг нашлась моя пропажа? (*Извлекает из кармана Глупли часы.*) Они! Здравствуйте, родные мои! Ты заслужил награду, племянник. Приз ему, господа, приз!

Остолоуп. Большой или маленький?

Сэр Нараспашкью (*извлекая на свет все ворованные вещи*).

Вот так да! Все нашел разом: и цепь, и часы, и камешек!

Кайус Грешен. Легкая у вас рука, сударь.

Остолоуп. Это ж надо, все разом!

Червчилль. Наскочил топор на сучок.

Глупли. Что же это, от констебля ушел, а на часах попался?

Бесс Хитроу. Неужели мне, матушка, на роду было написано за вора замуж выйти?

Мамаша. Успокойся, дочка, ему за тобой не угнаться. И вообще у вас еще все впереди.

Сэр Нараспашкью. Ну, племянничек, и вы, господа, давно ли вы ходите в слугах лорда Приживала?

Глупли. Ах, дядюшка, сказать ли всю правду?

Сэр Нараспашкью. Давно пора. А то уж вон до чего докатился.

Глупли. Зная о дне вашего пиршества и о том, какой вы любитель повеселиться и поразвлечься, я, сударь, решил испытать ваше терпение доброй шуткой в надежде, что это продлит ваши дни и ...

Сэр Нараспашкью. Вот как! Может, ты и цепь прихватил для того, чтобы мои дни продлить?

Глупли. Что нет, то нет. Но, смею вас заверить, сэр, с завтрашнего дня я начинаю новую жизнь, жизнь солидного человека.

Сэр Нараспашкью. Что так?

Глупли. Я женился.

Сэр Нараспашкью. Женился?! Это где же сыскалась такая дура, пожелавшая выйти за помешанного? Не иначе как в Бедламе.

Глупли. Да будет вам известно, сэр, она из знатной семьи и невинна, как голубка.

Сэр Нараспашкью. Постой, постой! А могу я ее увидеть?

Глупли. Разумеется. Вот она.

Сэр Нараспашкью. Ах так? Ха-ха-ха! Ну уморил! Это искупает

ли. Что вы хотите сказать, сэр?

чилль. Слушай, командор, ты что, взаправду женился на

и. Представь себе. А в чем дело?

чилль. Тогда мне тебя жаль.

Нараспашкью.

Всех обдурить в таком отменном духе —

И дать себя обставить потаскухе!

Глупли. Потаскухе?!

Бесс Хитроу.

Что было в прошлом, поросло быльем.

По-новому мы заживем вдвоем.

Глупли. Так вот в чем дело? Сам попал в ловушку?

Сэр Нараспашкью.

Брось! Мы, родня, всегда пойдем друг дружку.
Я сливки снял — тебе досталась муть;
Чтоб это дело подсластить чуть-чуть,
Вот тыща марок.

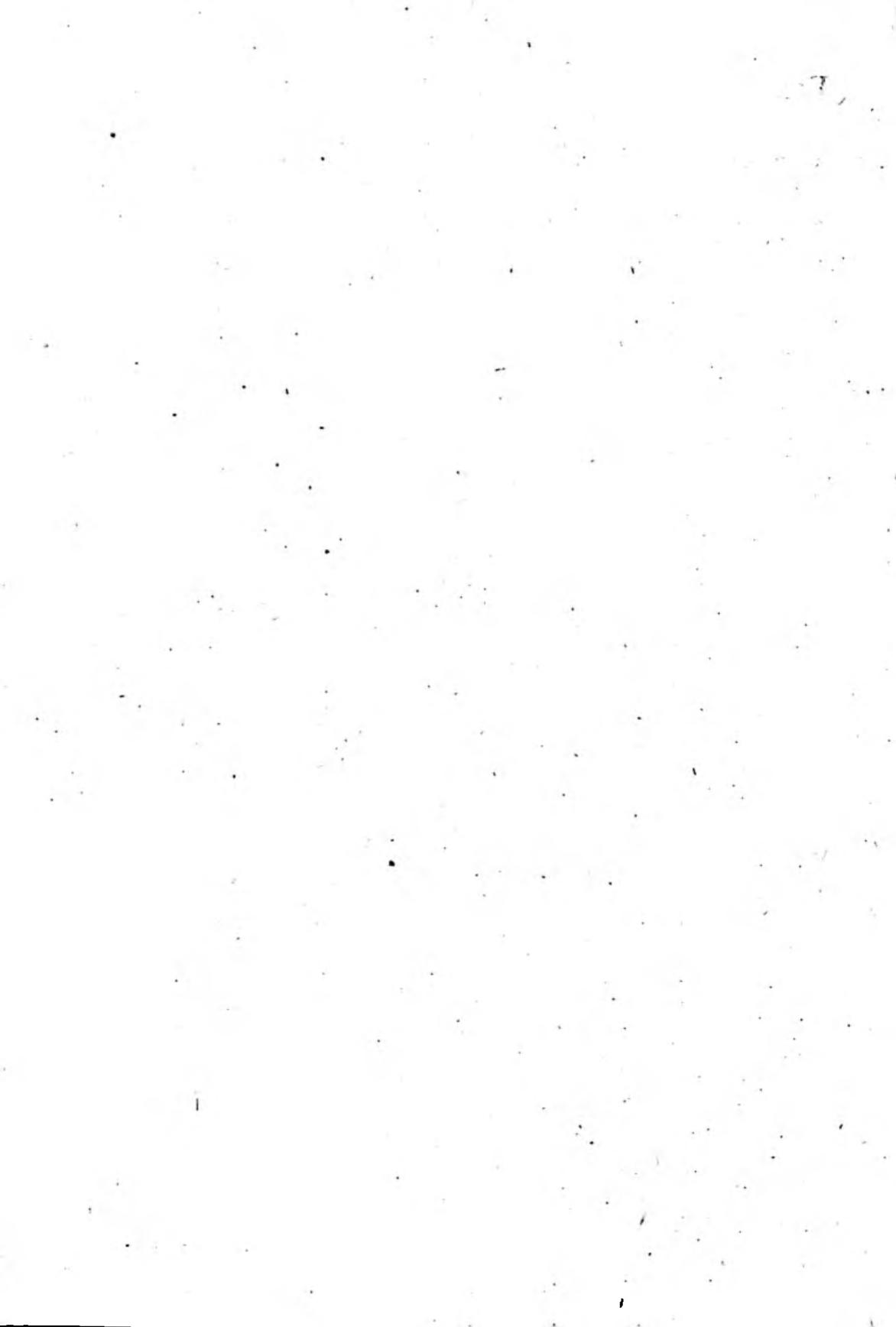
Глупли.

Нет нектара слаще
Тому, кто жил, как холостяк пропащий.
Без прибыли в женитьбе что за прок?
И грог без пряностей уже не грог.

Сэр Нараспашкью.

За стол, друзья! Что ж нам, поститься? Дудки!
Потешив слух, потешим и желудки⁴³.
Не рой другому яму — сам туда
Провалишься. Вот так-то, господа!

Все уходят.

Бен Джонсон

ЧЕРТ ВЫСТАВЛЕН ОСЛОМ

Комедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сатана¹, сущий дьявол.
Паг, чертенок.
Беспутство, порок².
Фицдупель³, помещик из Норфолка.
Госпожа Франсис, его жена.
Меерплут, прожектор.
Драчлифф, его защитник.
Смелтон, юный кавалер.
Гудмэн, его друг.
Крюквелл, торговец поношенным платьем.
Шлейфус, слуга Меерплута.
Подпилок, ювелир.
Плутарх, его сын.
Сэр Поль Флюгер, законник и судья.
Леди Флюгер, его жена.
Леди Веерхвост, прожектриса.
Ловли, ее служанка.
Сбруингс, дворецкий леди Веерхвост.
Кувалда, кузнец, он же констебль.
Засов, ньюгейтский тюремщик.
Сержанты, тюремщики, слуги.

ПРОЛОГ

«Черт выставлен ослом» — название пьесы,
В которой нынче осрамятся бесы.
Но вы, почтеннейшие господа,
Изволившие к нам прийти сюда,
Должны актерам уступить их место!
Хоть дьявол, верно, из такого теста,
Что может уместиться в перстенок, —
Но как на сцену втиснется Порок?⁴
А он ведь тоже персонаж. К тому же,
Себе вы только сделаете хуже,
Когда актерам станете мешать,
Вертеться и под локти их толкать,
И каждый раз просить поворотиться,
Чтоб лучше слышать или видеть лица, —
Как будто мы все время, как компас,
Должны глядеть единственно на вас!⁵
Иль сделаться прозрачнее вуали,
Чтоб мы друг друга вам не заслоняли!
Нетрудно же в конце концов понять:
Актерам нужно место, чтоб играть.
Так будьте умниками и не спорьте,
Как давеча на «Эдмонтонском черте»⁶.
Коль выпадет удача — пополам
Разделим славу, ну а если вам
Придется не по нраву представленье,
Так дьявол тут замешан, без сомненья!⁷

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА 1⁸

Входят Сатана и Паг.

Сатана.

Хо, хо, хо, хо! Хо, хо, хо, хо!

На землю? Для чего на землю, дурень?

Да что ты будешь делать на земле?

г.

Там будет видно, о мой повелитель!

Прошу лишь месяц сроку, как дается

Любому недорослю из чертей.

А там, клянусь, ад обо мне услышит!

Сатана.

О чем? Ну, коровенку охромишь,

Свинья опоросится раньше срока,

Кобыла по дороге в Тоттенхэм

Упрется у торговли. Вот предел

Твоих возможностей, глупыш. Ты можешь

Испортить, например, пивные дрожжи

Иль сделать так, чтоб масло не сбивалось —

Хоть выкини проклятую мутовку! —
Или старушку в Хогсдене иль в Кенте,
Мешавшую тебе творить проказы,
Под виселицу подвести как ведьму⁹:
Ты сквасишь сливки всем под воскресенье,
А обвинят ее, и скорый суд
Свершится — к удовольствию соседок,
Которым только б языки чесать.
Нет уж, чертенок, знай свои силенки
И не касайся до высоких сфер!
Ты слишком глуп, чтобы тебе доверить
Какое-нибудь стоящее дело,
Преумножающее нашу славу.
Что толку в пустяках? Нет, адский двор
С разбором назначает слуг. Ты, малый,
Годишься быть агентом в Ланкашире
Иль где-нибудь в глуши Нортумберленда.
Вот дело по тебе.

Паг.

О повелитель!

Вы плохо знаете мои таланты.
Лишь предоставьте мне хотя б неделю
И дайте в спутники любой Порок, —
Увидите тогда, на что я годеи.

Сатана.

Какой Порок? Какой ты хочешь вид
Порока?

Паг.

Все равно, мой повелитель.

Ложь или Скупость, госпожу Гордыню
Иль старое пузатое Беспутство;
Сейчас я позову его сюда.

Входит Беспутство.

Беспутство. Эй, кто меня звал, кому нужен Порок?¹⁰
Ты только подумал, а я шасть на порог!
Всегда я под боком, как кот возле мышки:
Здорово, приятель! Что — в кости, в картишки?
Тебя научу я, как в долг напиваться,
Мошенничать, хвастать, бузить, задиаться,
Буянить, горланить, божиться нещадно,
В плаще длиннополом и в шляпе громадной,
В распыженных бриджах, с раздувшимся брюхом
Жевать корешки и таскаться по шляхам!

Паг.

Неправда ли, милорд, какой он шустрый?

Беспутство. Это так еще, шутки! Мы скажем с тобой, друг,
С колокольни Сент-Пола на Большой акведук¹¹,
Мы пройдемся вприпляску по веселым местам,
И, как нить за иголкой, — ты за мной по пятам!
Мы обшарим предместья, все дурные дома
От села Нижней Юбки до Двойного Холма,
Мы заглянем в Уайтчепель и в голландский квартал,

У святой Катерины опрокинем бокал¹²,
В кабачке у таможни, где галдеж и содом,
С захмелевшим купчишкой лихо кости метнем,
И, содрав с него тихо в пользу умных налог,
Проедим его с шиком в таверне «Клинок»!
Паг. Вот так Беспутство! Подойдет, милорд?
Беспутство. У Биллинггейта¹³ к девкам в заведенией зайдем,
Где запивают устриц португальским вином,
Оттуда через мост в погребок «Три девчонки» —
Взглянуть, как там буравчики дырявят бочонки.
А если хочешь — к Стрэнду¹⁴, поглядеть, как ползет
Там стадо адвокатишек, чернильный народ,
И как они бормочут про статьи и поправки,
Присасываясь к простакам жадней, чем пиявки!
Уж мы повеселимся!

Бесподобно!
Паг. Ну, хватит, старый хрыч! А ты, бесенок, —
Сатана. Невежда, если этим восхищен.
Иль думаешь, по нашим временам
Такой Порок сгодится? Ты припомни,
В каком году живешь. В тыща шестьсот
Шестнадцатом! Лет на полста пораньше,
Когда при каждом важном персонаже
Стоял Порок с кинжалом деревянным, —
Ты со своим напарником, возможно,
Сумел бы господина искусить
Тем, что теперь — обыденное дело
Для всех его лакеев. Ты подумай:
В наш век — кому вы будете нужны?
Кто с вами ныне пожелает знаться?
На что способен твой Порок — в таверне
Шута ломать, взобравшись на скамью?
Где Веннор вхож¹⁵, туда его не пустят.
Допустим, на обеде у шерифа
Он может, прокричав стишок нелепый,
Скакнуть двумя ногами в блюдо с кремом,
Чтоб у сестер и у жены лорд-мэра
От смеха набок чепчики сползли.
А толку что? Нет, на земле в ходу
Пороки почуднее, — что ни час,
Все новые — не уследишь за модой!
Их вскачь гоняют, словно лошадей,
И каждую неделю легионы
Усталых, насмерть загнанных пороков
К нам возвращаются. Не успеваем
Плодить им смену. Посылаем новых —
А нам их заворачивают сходу.
Сдается мне, что у людей теперь
Свой племенной завод, который может

Оставить нас и вовсе не у дел,
И прогорит вся адская контора.
Лишь модные, нарядные пороки
Нам удастся сбыть. Извозчик ныне
Белье крахмалит только в желтый цвет¹⁶,
А трубочисты нюхают табак
И обарни¹⁷ предпочитают пиву.
Нет, нам нужны изящные пороки,
Чтоб славу ада поддержать — не этот
Занюханый товар, твое Беспутство.
Учти, пришли другие времена,
Теперь порок похож на добродетель,
Не отличишь никак: наряды те же,
Обеды, и постели, и кареты
Четверкой лошадей запряжены, —
Все в точности, как у людей достойных.
Парча, подвязки, пряжки башмаков
По сорок фунтов пара, кружевные
Чулки, фламандской вышивки сорочки —
Теперь такие ж признаки разврата,
Как прежде — истинного благородства.
Но если, Паг, ты впрямь горишь желаньем
На пользу ада потрудиться, ладно:
Я отпущу тебя на сутки к людям.
Но тело должен раздобыть ты сам
И действовать в их смертной оболочке,
Подверженной всем впечатленьям плоти.
Даю тебе совет: сегодня утром
Повешен в Тайберне¹⁸ воришка юный.
Душа рассталась с телом, так что можно
Тебе в него вселиться; а одежду
Потом приобретешь у палача¹⁹
Иль у старьевщика. В таком обличье
Ты должен, пообтершись меж людьми,
Явить свои таланты (там пороков
Хватает, нет нужды их брать с собой).
А ночью ты вернешься в ад с отчетом
И, коль оумеешь оправдать доверье,
Получишь назначение и должность.
О мой великодушный повелитель!
Еще одно условие: ты наймешься
На службу к первому, кого увидишь.
Вот этот человек идет, гляди!
(Он показывает Пагу Фицдупеля, выходящего на сцену.)
Он будет первым, с кем столкнешься ты
После того, как раздобудешь платье.
Наймись к нему и будь ему слугой,
Пока не прокричит петух полночный.

Паг.
Сатана.

Паг. На все согласен.
Сатана. Ну, тогда ступай.

Уходят.

СЦЕНА 2 Входит Фицдупель.

Фицдупель. Теперь вот Бретнор на устах у всех,
Как раньше Грешэм был и доктор Формен,
Фиск, Савори и знаменитый Франклин²⁰.
Но ни один из них не мог на деле
Вам дьявола представить, ни один!
Конечно, все при них: кристаллы, кольца,
Магические кости, амулеты,
И черепа, и вороновы крылья,
А толку что? Я б все их побрякушки
Отдал за то, чтобы единый раз
Увидеть дьявола воочию. Право,
Порою кажется (будь я рогат,
Коли не так) — мне кажется порою,
Что существует он лишь на картинках.
Иначе попадался б на глаза
Хоть изредка. Неужто б он позволил,
Чтоб родовитый дворянин, носящий
Фамилию Фицдупелей, страдал
И мучился, к нему взывая тщетно.
Уж целый год! А если нет его,
То как же те, что с ним вступают в сговор?
А если нету таковых, откуда
Законы против них? Я передал
Немало денег просвещенным людям
И в Оксфорде, и в Кембридже, и в Кенте,
Чтоб вызвали его, но все напрасно.
И, черт возьми, я стал подозревать,
Что все искусство их — круги чертить
И выкликать чудовищные клички.
Мне говорят: он явится к тому,
Кто расположен к этому общенью.
Так кто же расположен, как не я?
Приди, молю! Когда бы от тебя
Я был брюхат, я не молил бы жарче!
Приди ко мне, могучий Вельзевул!
Имей он жалость или состраданье,
Он бы не стал так мучить человека.
А я бы обошелся с ним учтиво,
Клянусь! И кротко б искушенья снес.
Уж я не стал бы, как иные маги,
Держать его в цепях или гонять
За тыщи миль по разным порученьям, —

Какая блажь! Вот отчего, должно быть,
Он не является; и справедливо.
Кто добровольно променяет волю
На рабство? Вот ошибка. Нет, уж я бы
Сумел его принять, как подобает,
За кушаньями проследил бы сам,
Подушечек прислал бы кружевных
Из спальни жениной, а захоти он,
Я б и жену ему прислал — из дружбы
И уваженья. Для кого другого
Стараться бы не стал, но для него...
Ах, если б он сейчас меня услышал
И появился, юный и прекрасный,
Чтобы поймать на слове... Ба! Кто это?²¹

Входит Паг.

- Паг. Прошу прошенья, сэр, что нарушаю
Уединение. Я — дворянин
И младший сын в семействе²², да к тому же
В разладе с близкими и оттого —
Без всяких средств к существованью. Сударь,
Я бы хотел наняться к вам на службу.
- Фицдупель *(пристально разглядывая его ноги, в сторону)*.
На службу? Черт возьми! А я уж думал...
Мне показалось, что такие пряжки
Могли бы скрыть козлиные копыта. *(Пагу.)*
Вакансий нет, мой друг. Я обхожусь
Одним слугой. Я все ему доверил —
От щетки до метлы: он мой швейцар,
Мой повар, поставщик, мой камердинер,
Он у меня за лошадыю следит
И за женой глядеть мне помогает;
На кухне, в спальне, в кладовой, в конюшне,
На козлах, на запятках — всюду он.
- Паг. Но, сэр, я вашу милость не введу
В большой расход; я буду вам служить
За пропитанье лишь, а ем я мало.
- Фицдупель. Что, что? Без платы? Я б тебя послушал
В другое время, но сейчас я занят.
Прошу, не докучай мне. Будь ты чертом,
Тогда бы я с тобой поговорил.
- Паг. Но, сэр, я — черт.
- Фицдупель. Что-что?
- Паг. Даю вам слово.
- Фицдупель. Врешь, милый друг. Уж ты меня прости,
Но я умею различить, где ноги,
А где — копыта. Ведь копыт-то нет?
- Паг. Сэр, это заблужденье повсеместно.
И все-таки я — то, что вы слышали.

Фицдупель. А как тебя зовут?

Паг. Черт, ваша милость.

Фицдупель (*снова разглядывая его ноги*).

Да правда ли?

Паг.

Сэр, истинная правда.

Фицдупель. Вот интересно! Ты откуда родом?

Паг. Из Дербишира я, с Дырявой Горки.

Фицдупель. Она принадлежала вашему предкам?

Паг. Да, сэр; она звалась Чертов Зад.

Фицдупель (*в сторону*).

Возьму его за это совпадение.

А прежнего слугу уволю: этак

Я сберегу четыре фунта в год,

Отлично! Пусть теперь придет сам дьявол!

(*Пагу.*) Друг, я беру тебя к себе на службу.

Но ты учти, что если провинишься,

То будешь бит. Таков обычай мой,

Без этого нельзя.

Паг.

Коль провинюсь,

Пожалуйста.

Фицдупель. Да, черт, и очень крепко.

А звать тебя я буду просто чертом.

Мне нравится фамилия твоя.

Входят Крюквелл, Смелтон и Гудмэн.

Крюквелл. Вот он гуляет, сэр. Одну минуту,

Сейчас я подцеплю его для вас.

Смелтон. Но осторожнее, любезный Крюквелл,

Чтоб не сорвался. Рассчитай все точно:

По действиям и пунктам; докажи,

Что ты — математический старьевщик.

Крюквелл. Пари на совершен²³, сэр.

Смелтон.

Принимаю.

Крюквелл направляется к Фицдупелю и заговаривает с ним.

Гудмэн. Вы думаете, дурень согласится?

Смелтон. Я ничего не думаю. Посмотрим.

Гудмэн. А правда, что его жена красива?

Смелтон. С тех пор, как воротился я из странствий,

Я не встречал ее, но говорят,

Она не изменилась. Посуди:

Лишь раз ее я видел до отъезда,

А до сих пор она перед глазами!

н. Да, красота для наших взоров, друг —

Такой жилец, который неохотно

Съезжает с постоянного двора...

А как ее содержит он?

Смелтон.

Отменно.

Сам — скупердяй ужасный, но жену

Гудмэн. Стараётся он ублажить нарядом.
А для себя подержанное платье
Находит в лавке Крюквелла?

Смелтон. Ну да.
Сегодняшний его костюм, к примеру,
Взят напрокат для посещения пьесы
«Черт выставлен ослом» (доход изрядный
Старьевщику, притом еженедельный);
Наш дурень не пропустит ни за что
Ни представленья в театре, ни обеда,
И, как в обновке, всюду шеголяет
В чужом старье.

Гудмэн. Так он поесть любитель?

Смелтон. Поесть он любит; но не в брюхе дело,
А в гордости. Он до того уверен
В своем уме великом, что оспорит
Все человечество, и пуще смерти
Бойтся пропустить малейший повод
Блеснуть пред обществом своим искусством
В речах, полемиках, опроверженьях
И диспутах...

Крюквелл уговорил Фицдупеля примерить плащ.

Смотри-ка, примеряет.

Фицдупель. Роскошный плащ, клянусь душой!

Крюквелл. Он стоил.

Полсотни фунтов, сэръ, никак не меньше;
А тридцать вам всегда дадут. Плюш стоит
Три фунта десять шиллингов за ярд.
А кожа! а тесьма! а бархат, сударь!

Фицдупель. Он будет мне к лицу. А ты уверен,
Что эту пьесу ставят?

Крюквелл. Вот афиша. (Дает ему афишу.)

Глядите.

Фицдупель. А! «Черт выставлен ослом».

Отлично, Крюквелл! Но скажи, любезный,
Ужели этот кавалер так глуп,
Так обуян безумьем, что готов
Плащ уступить мне на таких условиях?

Крюквелл. Доверьтесь Крюквеллу. Коль подведу,
На мелкие кусочки изломайте,
Как старую телегу! Да вы сами
Поговорите с ним.

Фицдупель. Поговорю. (Смелтону.)

Скажите, джентльмены, кто из вас
Такой поклонник женской красоты
И так при этом щедр, что предлагает
За краткую беседу в четверть часа
С моей женой мне уступить свой плащ?

Смелтон. Я — этот доброволец, сэр.
 Фицдупель. Отлично.
 Зовут вас Смелтон?

Смелтон. Совершенно верно.
 Фицдупель. Вы посмуглили в странствиях, — но ум
 У вас остался светел, я надеюсь?

Смелтон. Должно быть, сэр. У каждой головы —
 Свой путь развития.

Фицдупель. Но ваш отец,
 Который вам оставил состоянье,
 Должно быть, не учил подобным сделкам?

Смелтон. Нет, сэр; но он учил, начавши дело,
 Не возвращаться вспять.

Фицдупель. Так вы решились?

Смелтон. Да, сэр.

Фицдупель. По-видимому, красота —
 Такой кумир, которому готовы
 Вы поклоняться и в одной рубашке?

Смелтон. Но я зато украшу вашу милость.

Фицдупель. Я буду вам обязан, сэр.

Смелтон. Не стоит.
 Носите на здоровье.

Фицдупель. Ближе к делу.
 Итак, сэр, вы желаете всего лишь
 Поговорить с моей женой?

Смелтон. Всего лишь.

Фицдупель. В моем присутствии?

Смелтон. Конечно, сэр.

Фицдупель. Так, чтоб я слышал все?

Смелтон. Да, но с условием
 Не прерывать нас.

Фицдупель. Краткую беседу,
 На четверть часа, как вы говорите,
 Всё тщательнейшим образом обдумав
 И взвесив обстоятельства
 (заворачивается в плащ), я склонен
 Вам предоставить.

Смелтон. Этого довольно.

Фицдупель. Идемте, сэр. У вас в распоряженье
 На разговоры будет четверть часа —
 И ни секундой больше. Удлинение
 Опасно в этих встречах; чем длинней,
 Тем может дальше и зайти. Но, сударь,
 Без всяких поцелуев! Поцелуй —
 Безмолвные ходатаи влюбленных.
 Влюбленных? Что за мысли!

он.
 дупель. Знаю, знаю.
 И повторяю: ничего губного.

Смелтон. Я не охотник до запретных лакомств.
В неподобающих поступках — зло.
Фицдупель. Вот именно, что зло! Вы правы, сударь.
Поэтому — без рук, без обниманий,
На расстоянии свершите дело.
Любовь с невинных пожиманий ручек
И начинается, ее зачатые —
В ладонях. Так что я кладу запрет
На все прикосновенья, даже пальцем.
Беседуйте, — но действий никаких!
А языком уж как вы захотите:
Пустите в ход и тропы, и фигуры,
Все риторические ухищренья,
И да поможет вам Квинтилиан!²⁴

Крюквелл. Удачи вам!

Смелтон. Еще одно условие:

Пусть рядом с нами будет, как свидетель,
Вот этот джентльмен.

Фицдупель. Пускай; но молча.

Гудмэн. Да, сэръ.

Фицдупель. Вперед, мой черт! Тебя я сразу

Приставлю к делу; но сперва сведу

Хозяйке показать. Тебе везет!

Иные платят, чтоб ее увидетьь.

Надеюсь, что и ты мне принесешь

Удачу.

Паг. Постараюсь, мой хозяин.

Уходят.

СЦЕНА 3 Входят Смелтон, Гудмэн и Крюквелл.

Смелтон. Ну, Крюквелл, я проспори́л. Вот монета.
Ступай.

Крюквелл уходит.

А у тебя, дружище Гудмэн,
Кто здесь, признайся?

(Хлопает своего друга по груди.)

А, молчишь? Скала!

Гудмэн. Я просто раздираем любопытством,
Чем кончатся твои переговоры!

Смелтон. Не беспокойся, все увидишь сам.
Как он тебе понравился?

Гудмэн. Нет слов!

Смелтон. Но что ты думаешь?

Гудмэн. Я в изумленье.

Ни в Африке, ни в амазонских дебрях —
Со всеми чудищами их — не встретишь
Такого чуда!

Смелтон. Мог ли ты поверить,
 Не убедаясь воочию, что есть
 Столь низкие, бессовестные души,
 Ключущие на дорогую тряпку?

Гудмэн. Теперь всему поверю. Хоть, признаться,
 Его пороки — это совершенства
 В своем нелепом роде²⁵. Но за что
 Так дьявола он любит?

Смелтон. Сэр, он верит,
 Что черт ему укажет скрытый клад,
 И столько в нем вообразил сокровищ,
 Что платит деньги ведунам и магам,
 Надеясь после возместить расход;
 А те сулят ему золотые горы,
 И скряга расточительствует пуше.

Гудмэн. А ты уверен, что он сдержит слово?

Смелтон. Конечно. Тот, кто сделал низость раз,
 Тот сделает и во второй. Гляди,
 Вот он ведет сюда свою жену.

Гудмэн. Мой бог, какое милое создание!

Входят Фицдупель и госпожа Франсис.

Фицдупель. Входи, жена. Вот этот джентльмен.

Франсис. Что это значит, сэр? Где ваш рассудок?

Фицдупель. Я вроде не давал его взаймы
 И ничего не съел, что бы могло
 Его испортить. Так что, дорогая,
 Не спорь со мной, ведь добродетель жен
 В повиновенье.

Франсис. Разве мало толков
 О вас идет по лондонским гостиным,
 Что вы хотите дать им новый повод?

Фицдупель. Подумаешь, им лишний повод дать!
 Пусть будет сплетней больше или меньше.
 Зачем волнениями и суетой
 Ты портишь удовольствие супругу?
 Тебе ведь от того ущерб нет.

Франсис. Нет, есть. Позор падет и на меня,
 Когда над нами все смеяться станут.

упель. Смеяться, милый птенчик? Пустяки!
 Ну, ну, смелее, робкий соколенок!
 Смеяться? Вздор! Кто из высокой знати
 (Конечно, не у нас, а за границей) —
 Кто из французской знати не давал,
 Хотя бы раз в семь лет, для смеха повод?
 Заметь, я говорю: не семь недель,
 Не семь часов — я не стесняю сроком;
 Хотя бы раз в семь лет, я говорю,
 Над кем из них (во Франции, конечно).

Не потешаются? Пускай смеются,
Не плакали бы только! Этот плащ,
Ценой в полсотни фунтов, я свободно
Продам за тридцать, поносив немного.
Сегодня я пойду на представленье
К «Доминиканцам»²⁶, сяду на виду,
Отдам поклоны дамам и знакомым,
А в перерыве встану, развернусь,
Чтоб как бы ненароком показать
Свой плащ во всей красе (ведь в этом радость,
А не в кривлянии комедиантов),
И дамы спросят: это кто такой?
(Они ведь ходят поглядеть на нас,
Как мы на них.) Так жертвовать ли этим
Из опасенья лжного, что кто-то
Смеяться будет? Пусть себе смеются!
Пусть ржут, как молодые жеребята,
Всем табуном, раз нет у них ума.
Лишь ушко предоставь свое, голубка!
(Смелтону.)

Сэр, вы поставили часы?

(Франсис.) Ну, птенчик,
Последний мой совет — нет, приказанье
Супружеское: как бы он ни льстил,
Ни выражал восторг или любовь
(Они ведь хитрецы!) или, допустим,
Как ни бранился бы, — на все уловки
Ты отвечать должна одним и тем же:
Молчанием упорным. Я их знаю,
Самоуверенных юнцов, и здесь
Я их побью их собственным оружием.
(Смелтону.)

Часы готовы?

(Франсис.) Я поставил парус;
Лавируй против ветра, катерок!

Он отводит жену на ее место и пускает часы.

(Смелтону.)

А ваши где часы?

Смелтон.
Франсис.
Гудмэн.

Пускаю, сударь.
Увы, я повинуюсь поневоле.
Ее застенчивость и красота
Подстать друг другу. Жалости достойно,
Что муж у ней — такой дурак.

Фицдупель.

Итак,
Начнем. Но разрешите вкратце, сэр,
Напомнить вам условия. Я стою,
Одетый в этот превосходный плащ,
Вот здесь, а вы свободно говорите

С моей супругой ваши четверть часа,
Держась отмеренного расстоянья
В ярд или больше, но никак не меньше,
От вышеупомянутой супруги.
Таков ли будет уговор?

Смелтон.

Да, сэр.

Но время уж идет.

Фицдупель.

Верните вспять

Часы на это время.

Смелтон.

Я надеюсь,

Что обойдусь и так.

Фицдупель.

Сэр, начинайте.

Но за границу чтобы ни ногой!

Смелтон.

Но перебьете, сэр, — с плащом проститесь.

(*Франсис.*)

Срок дан мне небольшой; и потому,

Чем бережливей им распоряжусь,

Тем легче вы меня простите, леди.

Я здесь не для того, чтоб говорить,

Как вы красивы или грациозны, —

Вам зеркало расскажет это лучше,

Красноречивей, чем уста мои.

На этой почве мудрый и глупец

Сойдутся в мнениях. И я уверен:

Для вас, отлично знающей свои

Достоинства, такие откровенья

Излишни. Что вы замужем за старой

Вороною, в которой даже нет

Души, чтоб плоть безвкусную подперчить, —

Не нужно и доказывать. Постель

Холодная и гаснущая свечка,

Следящая все ночи напролет,

Как, черствый к нежным чарам красоты,

Ваш чертом данный муж, угодник бесов,

Вас покидает, чтоб бродить в потемках

Под вязами в аллеях Линкольнз-инна²⁷,

Взывая к дьяволу, — постель и свечка

Жалеют вас.

дупель.

Я ожидал подарка!

тон.

Какой ужасный жребий! Он вас сделал

Затворницей, заложницею мрака!

Да вы неделями лица живого

(Помимо заклинателей чертей,

Таких же черствых и шальных, как он)

Не видите; а чтобы вас увидеть,

Так нужен подвиг. Леди, ваше сердце

Измученное подтвердит само

Правдивость этих слов. Я говорю,

Что это положение нестерпимо.

Я действую без чар, без заклинаний
И снадобий фальшивых...

Но позвольте...

Фицдупель.

Смелтон.

Сэр, вас раздеть?

Фицдупель.

Молчу же!

Смелтон.

Я хочу

Сказать вам, леди, что сама Любовь,
Служанка преданная Красоты,
И с ней Фортуна, Смелости подруга,
Вам предлагают выход на свободу —
Довольно только руку протянуть.
Я полюбил вас с первого же взгляда;
С тех пор, где б я ни странствовал, я жил
Лишь для того, чтоб снова вас увидеть.
Подумайте, пусть ум ваш будет действен,
Как ваша красота. Взгляните, леди,
На вид мой, на манеры и на возраст.
Подобное сближается с подобным,
И радость в равенстве заключена.
Не бойтесь мужа, посмотрите смело
В глаза своей судьбе — и наслаждайтесь,
Пока царит весна. Цветы прекрасны,
Но быстро вянут. Мы стареем с вами,
Пока я говорю. Несчастлив тот,
Кто не умеет пользоваться часом.
Когда за нас Фортуна и Любовь,
Чего еще нам ждать? Я все сказал —
И жду ответа, леди. (*Стоит, ожидая ответа.*)

Фицдупель.

Вот забавно!

Пусть ждет себе, пусть ждет... Песок течет,
И времечко уходит.

Смелтон.

Как! Ни слова?

Нет! Это лишь уловка; я не буду
Так недоверчив к собственному чувству,
Чтоб усомниться в вашей доброте.
Суровость эта, вижу, показная.
И так как ваш тюремщик зоркий рядом,
И несвободны вы в своих желаньях,
Позвольте мне считать молчанье ваше
Согласием (как исстари толкуют)
И дать ответ за вас, насколько я
Могу вообразить, что б вы сказали.

Фицдупель.

Нет, нет, не надо!

Смелтон.

Сэр, я отниму!

Гудмэн.

Что это значит, сэр?

Смелтон.

В последний раз

Предупреждаю: перебьете снова —
Останетесь в одних штанах с чулками.
Молчите лучше. — Вот ее ответ...

Гудмэн.
Смелтон.

Ну, прямо пьеса!

Встань сюда, дружище.

Ты будешь за меня.

(Ставит Гудмэна на место Франсис и говорит за нее.)

Сэр, это правда — все, что вы сказали

Здесь о моем неравном, горьком браке

И о его невыносимых узах.

Мой муж, хоть и кичится остроумьем,

Настолько туп, что лишь чулки да пряжки

Его и отличают от осла.

Он стал такую притчей во языцех

Для всех, что без малейшего сомненья

Его б я наградила украшеньем

Заслуженным. Одно лишь то, как он

За плату выставил свою жену

Перед женщиной, обличает явно

Его ослиное нутро. Но, сударь,

Когда вы так же благородны сердцем,

Как видом, вы не сможете предать

Доверчивую женщину. А я

Была б неблагодарною, отвергнув

Вас, кто находчивостью и умом

Преодолея преграды к этой встрече.

Я вас прошу: подумайте теперь

О безопасности. Я вам вверяю

Любовь и честь свою, распоряжайтесь

Свободно ими. Если нам удастся

Большие уши моего супруга

Дополнить украшением таким,

Чтоб из осла он сделался оленем,

То поделом ему. Сегодня, сударь,

Он собирается на представление.

И вряд ли даже королевский билль

Его бы дома удержал — тем паче,

Когда на нем такой роскошный плащ!

А мы, едва подобные отлучки

(Сегодня иль потом — в любое время)

Нам предоставит случай, будем с вами

Встречаться, и любить, и веселиться,

Как вздумается. — Леди, я смиренно

Благодарю вас.

пель.

Сударь, там черта!

эн.

Раздеть?

пель.

Молчу.

гон.

Когда б не договор,

Поставивший ревнивую границу

Меж мной и вами, я бы научил вас,

Как можно на губах запечатлеть

Слиянье душ. Но должно подчиниться

Необходимости. Поверьте, леди,
Что я умею целовать, шептать,
Ласкать, смеяться и свершать все то,
О чем не говорят при посторонних.
Но связан я условиями сделки...
Обидой грубой было б домогаться
Того, что щедрая душа сама
Готова дать. Но я люблю вас, леди,
Так искренне и пылко, как, надеюсь,
Полюбите и вы! — Я кончил, сэр.

Фицдупель.
Смелтон.

Итак, я дело сладил.
Сэр, я тоже
Как будто сладил дело.

Фицдупель.

О, конечно!
Я срочно озабочусь, чтоб жена
Вывешивала вымпел из окошка,
Когда меня нет дома. Да найму
Трех скороходов, чтоб носить записки.
А также срочно закажу карету,
Чтоб вы могли с ней ездить на прогулки
В Гайд-парк, к доминиканцам заезжать,
К художникам²⁸, рассматривать картины
И ценные советы подавать.
А может быть, вам подыскать старушку,
Чтобы к себе пускала — под предлогом
Изготовленья редких притираний
С миндальным молочком? Сэр, я немедля
Займусь всем этим. А пока прощайте.
Я договор соблюл, и плащик — мой.

Смелтон.

Носите на здоровье! Но боюсь,
Что он вам слишком дорого достался.

Фицдупель.

Как остроумно! До свиданья, сэр.
(Франсис.)

Гудмэн.

Ну, вот и все, жена. А то, что было,
Забудь скорее, словно сон дурной.
Диковинней не видел представленья!

Смелтон и Гудмэн уходят.

Фицдупель.

Ну, стал ли хуже плащ из-за того,
Что мы с тобой немного потерпели?
Ты думаешь, они сейчас смеются?

Франсис.

Сэр, вам должно быть самому понятно,
Что скоро этот юный джентльмен
Расскажет всем...

Фицдупель.

Что?! Юный джентльмен!
Проклятье! Ты влюбилась, признавайся?

Франсис.

Зачем не просто джентльмен, а юный?
А ну-ка, живо, в комнату к себе!
Скажите лучше — в клетку!

Фицдупель.

Да, мой птенчик.

Там почирай! Ты б сейчас хотела
Сбивать с ним бланманже, я понимаю.
Ступай наверх к себе!

Госпожа Франсис уходит. Входит Паг.

Что скажешь, черт?

Паг.

К вам Крюквелл, сэ, с каким-то сообщеньем.

Фицдупель. Я ждал, что он появится. Зови!

Паг уходит. Входит Крюквелл.

Крюквелл.

Ну что, любезный Крюквелл? Снова плутни?
Нет, сэ. Крупнейший, глубочайший ум,
Тот самый грандиозный прожектер, —
О нем я сообщал вам, — прибыл в город.

Фицдупель. Так где ж он?

Крюквелл.

Здесь. Он не успел разуться,
Как я к нему явился и привел
Сюда — для дела.

Фицдупель.

Но скажи мне, Крюквелл,
Что значит прожектер?

Крюквелл.

Изобретатель
Проектов, как разбогатеть: путем
Предпринимательства, женитьбы, тяжбы —
Кому какое средство подойдет.

Фицдупель.

А он умеет духов заклинать?

Крюквелл.

Как видно, да. Но с некоторых пор
Так притесняют ведунов и магов,
Что им пришлось оставить ремесло.

Фицдупель.

А я с тех пор — как поле, что под паром.

Крюквелл.

Сэ, вы разбогатеете иначе.

Фицдупель.

Надеюсь. Но не слишком ли ты, Крюквелл,
Хлопочешь о моих делах? Тот щеголь,
Чей плащ на мне, был так осведомлен...

Крюквелл.

Не от меня ли?

Фицдупель.

От кого ж еще?

Крюквелл.

Сэ, вы его не знаете. Пройдоха,
Сорит деньгами, собирает сплетни,
Все составители календарей²⁹ —
Его знакомцы.

Фицдупель.

Неужели?

Крюквелл.

Сэ,

Вас ждет другой. Он светский человек
И любит точность.

Фицдупель.

Важная персона?

Крюквелл.

Он к вам явился в верховом костюме,
В котором ездил ко двору. Примите
Его со всевозможным уваженьем.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Входят Меерплут, Фицдупель, Крюквелл, Шлейфус и слуги.

Меерплут. Сэр, деньги — это шлюхи, девки, слуги,
Которых я гоняю, как хочу,
С посылками. Живей! *Via, resupia!*³⁰
А надорвутся — можно отпоить
Живой водой из старой толстой бочки.
Пока вина остаток есть и пиво
На донце, деньги будут. Отчеканю
Из грязи их, из паутины. Мехом
Заставлю курьи яйца обрасти,
Травой — окорока, но раздобуду!
(*Первому слуге.*)
Эй, передай поклон своей хозяйке,
Скажи, пускай готовит тыщу фунтов —
И деньги будут!

Первый слуга уходит.

Покажите мне
Такого человека во плоти,
Хоть принца, чтобы он сумел растратить
Все те мильоны, что я дам ему.

Фицдупель. Как он сказал — мильоны?
Меерплут (*второму слуге.*) — Твой хозяин
Получит завтра мой отчет, ступай.

Второй слуга уходит.

Да, что сказал я, то и совершу,
Причем впрямую, без нечистой силы,
Все по закону, честно, благородно.

Крюквелл. Сэр...
Меерплут (*третьему слуге.*) Мистеру Вудкоку передайте,
Что вечером мы свидимся на бирже,
Пусть принесет бумаги, — и тотчас
Покончим с делом.

Третий слуга уходит.

(*Фицдупелю.*) Сэр, вы — джентльмен
Приятной внешности и обхожденья.
К такому бы стволу привить хотелось
Достойный титул. Я задумал сделать
Вас герцогом, и в самый краткий срок.
Коль по душе вам это предложенье,
Должны вы слушать все, что я скажу.

Крюквелл. Что, слушать? Вы как будто усомнились
В его ушах? Да знаете ли вы
Фицдупеля?

Фицдупель. Нет, он меня не знает.

Меерплут. Спасибо, Крюквелл, хорошо сказал.

Меерплут. Отлично! Крюквелл, выслушай, в чем дело
(Ты всем известен, как разумный малый);
Я предлагаю выгодный проект,
Расходов никаких.

Крюквелл. Отлично, сударь!

Меерплут. Потребуется лишь его поддержка
И выгодная внешность, чтоб явиться
Перед вельможами (за это вскоре
Я и его введу в их сферу). Денег
Не нужно ни полпенни. Я достану
Ему патент. Мы вовлечем купцов,
Ремесленников, чтоб несли расходы.
А после сдуем их, как дохлых мух,
Когда наладим дело. Речь идет
Об осушении земель прибрежных.
Конечно, доля отойдет короне;
А если земли частные, — часть доли
Короне, часть владельцу; ну, и нам
Оставшаяся доля — за идею.

Крюквелл. По всей стране?

Меерплут. Да, что составит сумму
В восемнадцать миллионов, семь из них —
За первый год. Все высчитано точно,
До акра. Я начну не с мелководья,
Как кое-кто пытался неудачно,
И все у них разрушило и смыло:
Рвы, дамбы, сваи... Нет, я с глубины
Начну: я знаю настоящий метод!

Крюквелл. Кусок земли получится изрядный!

Меерплут. Он даст по фунту с акра. Для почину
Дешевле будем отдавать. Но, сударь,
Для вас, наверно, это слишком крупно.
Есть и помельче планы. *(Указывает на Шлейфуса.)*

Поглядите:

На вид — простецкий парень, но в руках
Он держит сумку, полную бумаг,
Иные из которых стоят графства.
Эй, вытащи любую наудачу!

Шлейфус достает бумагу.

Проект четвертый. О собачьих шкурах.
Двенадцать тысяч фунтов. Самый мелкий!
Позвольте поглядеть.

Фицдупель.
Меерплут.

Да нет, пустяк!

Фицдупель. Двенадцать тысяч за собачьи шкуры —
Пустяк?

Меерплут. Мой способ обработки кожи
Дает такое качество товара,
Как у испанских винных бурдюков.
Мне предлагали сразу девять тысяч
За этот способ.

Крюквелл. Кто? Не королевский
Перчаточник?

Меерплут. А ты откуда знаешь?

Крюквелл. Сэр, соглашайтесь.

Меерплут. Поглядим. Ну, парень,
Тяни еще. На этот раз, быть может,
Счастливей вынется? Тьфу, так и знал:
Почти такой же ерундовый случай —
Всего двадцать четыре тыщи фунтов!
Бутылочное пиво. Ну, тяни
Другую... или две.

Фицдупель. Пстойте, друг!

Меерплут. Двадцать четыре тысячи — на пиве?
Да, сэр. Вот видите — на обороте —

Расписано все точно, до гроша.
Я выиграю на воде, на бочках,
На солоде, на варочных котлах,
На ячмене особом, на бутылках, —
Для них такую надо вырыть глину,
Так выщелочить и перемешать,
Так размельчить и так обжечь, что выйдет
Не хуже, чем фарфор. Вы поразитесь
Размаху моему, лишь дайте срок!
Я на одних лишь пробках, на затычках
Три тыщи сэкономлю. Как? А так:
Специальным полукруглым долотом
Их выбивать — и точно под размер,
Ни в коем случае ножом не резать,
Отсюда — все убытки.

Шлейфус достает еще бумагу.

Что, еще?

Измюное вино? План этот вызрел,
Но не вполне.

Крюквелл. Вино, сэр? Из изюма?

Меерплут. Ну да, и не уступит лучшим винам
Испанским, итальянским и французским.
Тут главное — лоза и сорт изюма.
Канарский виноград, мускат, кларет
Дадут свой вкус и аромат. Причем
За полцены. В масштабах королевства
Получится неслыханная прибыль.

Крюквелл. А ежели изюм подорожает?
 Меерплут. Так пустим в дело клюкву, ежевику —
 И все в порядке. Будет посложнее,
 Зато дешевле.
 (Шлейфусу.) Доставай еще.

Фицдупель. Не надо, сударь мой, не утруждайтесь.
 Вернемся лучше к первому проекту,
 К прибрежным землям. Это — то, что надо.
 Не правда ль?

Меерплут. Тут не место и не время
 Входить в подробности. Но заверяю:
 Вы станете кем будет вам угодно —
 Наперекор ходячему суждению,
 Что герцогов Британия не может
 Рождать³¹. Владя землями в избытке,
 Вы титула достигнете. А если
 Захочется вам в деньги обратить
 Имение, то кто вам помешает
 Купить на них потом, что захотите?
 При этаким богатстве! Я и сам
 Намерен выложить часть капитала
 За стоящее княжество — к примеру,
 В Италии. Но, вероятно, сэр,
 Милее вам английские туманы?
 Итак, найдется ли у вас местечко,
 Где можно все спокойно обсудить?

Фицдупель. О да. Эй, черт!

Меерплут. Подобные дела
 Ведутся осторожно.

Фицдупель. Понимаю.

Входит Паг.

Паг. Черт, где сейчас хозяйка?
 Наверху,
 В своих покоях.

Фицдупель. Это хорошо.
 Тогда пройдемте, сэр, сюда.

Меерплут. Охотно.
 Дай сумку, Шлейфус. А теперь ступай
 И засвидетельствуй мое почтение
 Милейшей леди Веерхвост. Скажи,
 Что наше дело движется недурно
 И чтоб она тебе передала
 Для сэра Поля Флюгера, судьи,
 Сто ангелов. Я к ней зайду сегодня
 Попозже и подробный дам отчет.

Шлейфус уходит.

Крюквелл (Фицдупелю).
 Не правда ли — какой проворный малый?

Меерплут. Да, кстати, Крюквелл, ты давно видал Кузена Драчлиффа? Он до сих пор Изволит обретаться на Бермудах?³²

Крюквелл. Да, сэр, сегодня он писал все утро.
 Меерплут. Не говори ему, что я приехал.
 Я провернул кое-какое дело
 Ради него, но не хочу заранее
 Оповещать.

Крюквелл. Оно завершено?
 Меерплут. Пока что нет, но близко к завершению.
 Крюквелл. Сэр, ваша милость так неутомима
 В своих заботах.

Меерплут. В дружбе я ценю
 Энергию, — безделье развращает.
 Крюквелл. И вам во всем сопутствует удача.
 Меерплут. Да, на судьбу я не в обиде.
 (Фицдупелю.) Сэр,
 Уединимся.

Фицдупель. Вот сюда, прошу.
 Меерплут. Чтоб нам не помешали.

Уходят Меерплут и Крюквелл.

Фицдупель. Вот что, черт:
 Закрой дверь с улицы, чтобы никто
 Не беспокоил нас (за исключением
 Посыльных разве к гостю моему).
 Понятно? Как ты нынче убедился.
 Твоя хозяйка — лакомый кусочек,
 И, значит, есть нужда ее стеречь.
 Следи же в оба, черт, и не пускай
 Ни кружевниц, ни девок, что разносят
 Французские манжеты и куплеты,
 Ни старых бестий с вафлями, в которых
 Упрятаны записки, ни юнцов,
 Наряженных крестьянками, с их маслом
 И пудингом. Я знаю, сколько плутней
 И всяких непристойных ухищрений
 Таится в пудингах. У, ловкачи!
 Сосед ли постучит — не отворяй,
 Хотя бы он пришел просить огня,
 Но загаси скорее печь, чтоб дыма
 Не видели; а за водой придут —
 Всю выплесни и колоти сильней
 В пустые бочки, чтоб слышали — нету!
 Попросят ложки одолжить, скажи,
 Что нас ограбили. Придет ли Счастье,
 Благословенье божье, — не пускай,

Пока я занят.
Паг. Буду начеку.
Не беспокойтесь, сударь.
Фицдупель. Ну, смотри же.

Уходит.

Паг. Не служба, а сплошная скукота.
Да и хозяин — нудный. Право, лучше
Сидеть в аду. Тащить сюда порок —
Такое же бессмысленное дело,
Как в Англию ввозить сукно, а фиги —
В Испанию. Теперь я вижу: прав
Был повелитель мой. Таких пороков,
Какие тут произвели Природа
С Искусством совокупно, не отыщешь
Среди чертей. Обидно даже стало.
Разобрало всего! Неужто люди
Так скоро обошли нас? Поглядим.
Мой первый подвиг будет — орогатить
Хозяина, — несложная работа.
Я так перед хозяйкой отличусь
Сперва сочувствием, потом советом,
Потом храненьем тайны, что — поверьте! —
Кто б ни был первым, буду я вторым.
Ах, этой нежной, этой грешной плотью
Я овладею! Если б можно было
Замедлить время! Полночь слишком скоро
Прервет мои улады...

Входит Франсис.

Франсис. Посмотри,
Паг (в сторону). Кто там стучится.
Хороша, чертовка!

Уходит.

Франсис. Нейдет из головы тот джентльмен
И беспримерная его проделка
С плащом. Чудно; но, что ни говори,
Изящно! Он сочтет меня, наверно,
Безмозглой курицей — и будет прав, —
Коль не смогу я отблагодарить
Его за эту смелую попытку.
Он на мою догадку положился,
И стыдно будет, если не найду
Возможности ответить.

Входит Паг.

Кто там, черт?

Паг. Сейчас скажу, хозяйка, — но сперва
Позвольте мне заверить вашу прелесть
В своем усердьи. Ничего, что я —
Слуга хозяина. На самом деле,
Я — ваш слуга, хозяйка, верный раб
Всех ваших тайн, желаний сокровенных
И нежных мыслей.

Франсис. Это что за вздор?
Приди в себя, припомни роль свою,
И отвечай: кто там?

Паг. Тот джентльмен,
Что давеча с плащом сюда являлся
И с вами говорил. Он ждет от вас
Любых приказов, вашей красоты
И обхожденья милого достойных.
Так он сказал.

Франсис. Он снова за свое!
И, видно, приплатил тебе, любезный,
За порученье? Передай ему,
Чтоб выбросил соломинку надежды
И не раскидывал напрасно сети.
Фицдупеля он мог поймать легко,
Но я — другая дичь, ко мне так просто
Не подкрадешься. И скажи еще,
Чтобы не смел он больше появляться
В окне гостиницы — том, что напротив
Балкона моего. А то, клянусь,
Супругу расскажу про эту блажь
И справедливой ярости его
Предам безумца. Пусть получше взвесит
Мои слова, не то сумею я
Иначе удовлетворить обиду.
Вот так дословно все и передай.
Досталось дурню!

Паг.

Уходит.

Франсис. Если он догадлив,
Поймет, надеюсь. Говорить ясней
Я не могу. Не нравится мне этот
Назойливый слуга. Он, несомненно,
Приставлен мужем, чтоб за мной шпионить.
Но если он все точно передаст,
Не может же влюбленный не смекнуть,
В чем дело. Не хочу, чтоб он считал
Меня немым, бездушным истуканом,
На чувство не способным.

Входит Паг.

Передал?

Паг.
Франсис.
Паг.

Да, госпожа.

И что же он ответил?

То, что и я сказал бы, если б смел.
Сказал, что вы — гордячка, и к тому же
Не понимаете своей же пользы
И (я прошу прошенья, госпожа)
Не столь умны, коль, в браке состоя
С таким болваном, у кого на лбу
Написана его судьба оленья,
Вы из каких-то ложных опасений
Его томите долгим ожиданьем;
А он уж так старается, бедняга,
Стать рогоносцем, так стремится к цели...

Франсис (*в сторону*).

Не сам ли он тебя и подослал?

Паг.

Подумайте...

Франсис (*в сторону*). Да, здесь его работа.

Слуга бы не решился так дерзить.

Паг.

Когда бы он так важно не носил
Венец тщеславья своего, — зачем бы
Он стал держать вас в задней комнатушке,
Чтоб вы в окошко не перемигнулись
С каким-нибудь прохожим кавалером?
Зачем перо, чернила отнимать,
Как яд крысинный? Проверять вино —
Не скрыто ль что-нибудь на дне кувшина?
И яйца, принесенные с базара,
Рассматривать над свечкой — нет ли букв
На скорлупе? Хотите, я открою
Вам правду, госпожа? Да, я приставлен
Следить за вами, не спуская глаз,
И каждый шаг, взгляд, вздох — передавать
Ему. Но если вы, о госпожа,
На деле — госпожа своих желаний, —
Мы в дураках оставим господина,
Мы сделаем его ослом набитым,
Усерднейшим ослом, везущим все,
Что на него мы взвалим. Я устрою
Так, что вы будете свободно ездить
На пьесы, маскарады и пиры.
А то к чему тугие паруса
И вся эта роскошная оснастка,
Коль ваше судно, жаждущее ветра,
Не выйдет смело на простор морей?³³
Забрасывайте шире ваши сети!
Вот промысел для вас. Вы обретете
Себе друзей, поклонников и слуг.
Я буду ваш поверенный, посыльный,
Исполню все, что ваша красота

И страсть прикажут. И тогда, о леди,
И мне порою, для разнообразья...
Хоть я фигурою не так осанист
И, может быть, не так хорош лицом,
И не ношу воротничков французских,
Чтоб хвастать перед дамами, — а все же
И я гожусь для дела, госпожа.
Ну, поцслуемся!

Франсис.
Паг.

Что, что?

Не бойся!

Я — раб твой, я — твой нежный червячок,
Твой песик, твой кузнечик, твой чертеноч,
Который жаждет ласк!..

Франсис (*полагая, что муж подслушивает*). Сэр, вы слышали?
Не утруждайте прятками себя,
Скорее появитесь из засады
Рукоплесканьем наградить слугу
За исполненье роли.

Входит Фицдупель.

Фицдупель.

Что случилось,

Мое сердечко?

Франсис.

Ах, вам непонятно?

Не вы послали этого прохвоста
Нахально, непристойно искушать
Супругу вашу?

Фицдупель.

Это правда, черт?

Франсис.

Не знаетс? Вы, значит, не таилсь
На лестнице или за этой ширмой,
Подслушивая? Кто же вам поверит!
Он не дерзил бы так, не получив
От вас приказа.

Фицдупель.

Ты сейчас увидишь,
Как он расплатится за эту дерзость.

Уходит и возвращается с дубинкой.

Паг.

Франсис.

В уме ль вы, дорогая госпожа?
Ах, ты, мошенник! Негодяй отпетый!
Пес окаянный! Адское отродье!
Достойный господин мой!

Паг.

Фицдупель.

Плут достойный!

Достойный вор, предатель! Вижу, черт
В тебе сидит. Так обмануть доверье!
При первом же заданье, в первый день
Хозяйку совращать?!
(*Бьет Пага.*) Смотри-ка женка,
Как я его учу!

Франсис.

Сэр, где ж вы были?

Фицдупель. Еще разок-другой, для упражненья.

(*Бьет его снова.*)

Ведь я предупреждал!

Паг.

Довольно, сэръ!

Фицдупель. Жена, я свел знакомство с человеком
Редчайших качеств...

(*Снова бьет Пага.*) Получай еще —

На память!.. Что за смелый ум, жена!

Какие превосходные проекты

Осуществляет он!

(*Пагу.*) В тебя вселился

Беслюбопытства? Шорох женских юбок

Тебя смутил?

Паг.

Мой добрый господин!

Фицдупель. Прочь с глаз моих! Когда б ты прозывался

Не чертом, я б тебя и на порог

Не допустил. Вон! — нет, стой! — нет, вон!

Займись тобой, когда уйдет мой гость.

Я вылечу тебя от заиканья!

Паг уходит.

Ах, что за человек! Какие планы!

Он в герцоги меня произведет.

Запомни! Будешь ездить шестерней,

При полной сбруе! Мы сейчас по карте

Поместье выбираем. Зря смеешься!

Меня не так-то просто одурачить.

Смотри! Как доберусь до миллионов,

Найду себе другую герцогиню,

Коль ты не веришь мне.

Франсис.

Боюсь, напрасно

Доверились вы духу честолюбья!

Фицдупель. Не духам я доверился — уму!

Мой друг презрел чертей и положился

Всецело на свои изобретенья

И Крюквелла. Он выдумал, к примеру,

Плуг парусный, который вспашет вам

По сорок акров в день. Или насос,

Который сразу высушит болота

На десять миль в округе. Все низины

От Кроулэнда и до Линкольншира

Мы приберем к рукам. Все учтено,

Подсчитано, как должно, по масштабу.

Обширнейшие земли! Мы считаем,

Они дадут семнадцать миллионов,

Никак не меньше. Так что ты заране

Обдумай, женка, где б тебе хотелось

Быть герцогиней — здесь иль за границей,

Во Франции, в Италии... Решай,

Франсис. А за деньгами дело уж не станет.
Вы бредите, должно быть...

Входят Меерплут и Крюквелл.

Меерплут. Где вы, сэр?

Фицдупель. Тебе не растолкуешь... Ну; ступай же
К себе наверх, цыпленочек. Мы сами
Все это обмозгуем.

Франсис уходит.

Меерплут. Сэр, есть место,
Которое вам подошло бы — Глостер.

Фицдупель. Не подойдет.

Меерплут. Как?

Фицдупель. Место роковое.

Меерплут. Да, вы, пожалуй, правы. Младший Спенсер
Там встретил смерть. Но он был только граф.

Фицдупель. Не знаю, сэр, не знаю... Томас Вудсток
Был несомненно герцогом — и все же
Погиб в Кале, а герцог Хэмфри — в Бэри.
А вспомните, как кончил Ричард Третий!³⁴

Меерплут. Да вы — знаток истории, ей-ей!

Фицдупель. Да, я историй этих поднабрался
Из пьес: источник верный!³⁵

Крюквелл. Безусловно.

Меерплут. А не годится ль вам...

(Шепчет ему название.)

Фицдупель. Нет, на него

Имеет виды знатное семейство.

Перебегать дорогу не хочу.

Меерплут. Я мог бы предложить вам напоследок...

Фицдупель. Что именно?

Меерплут. Стать герцогом земель,

Которые затоплены покуда,

Но будут вами же осушены;

И титул выбрать: герцог Утопийский,

Иль просто: герцог Топей.

Фицдупель. Это мысли

Звучит неплохо; герцог Утопийский.

Крюквелл. С «Утопией» созвучно³⁶, сэр.

Меерплут. Ваш подвиг

В потомство перейдет и сохранится

В самом звучанье имени.

Фицдупель. Чудесно!

Владелец Утопийский должен жить

В Утопии!

Меерплут. Конечно, вам придется —

Увы! — покинуть этот мир однажды,

И через тридцать-сорок поколений

Какой-нибудь потомок злополучный
Утратит разом титул и именье,
Запутавшись в долгах иль согрешив
Перед короной; так ведется в мире:
Владения клиентов переходят
К их адвокатам, земли вертопрахов —
К портным и ювелирам. Таковы
Превратности природы и фортуны.
Нет вечного под вечною луной.

Фицдупель. Вы правы, сэр. Пройдемте в кабинет
И там договорим.

Входит Паг.

Опять ты здесь?
Ну, я еще с тобою потолкую!

Фицдупель, Меерплут и Крюквелл уходят.

Паг.

Он, несомненно, вырвет мне язык
Иль оскопит — да, да, одно из двух.
Осел! Мужлан! Но деру дать нельзя,
Раз напросился сам на это дело.
Такое мое чертово везенье!
Кто бы подумать мог в конце концов,
Что женщина в такой роскошной сбруе,
Разряженная в дорогие юбки,
В сорочки шелковые, кружевные,
Которых просто жаль не показать, —
Поступит так? Вот дьявол! В чем причина?
Не угожденье же болвану-мужу,
Или фамильным выцветшим портретам,
Иль собственной персоне ненаглядной,
Что в зеркале? А почему бы нет?
Я знал немало женщин, что, ступив
На путь соблазна, соступали вдруг
С дороги (черт их знает, что им надо).
Они способны целые часы
Беседовать с собой и наслаждаться
Своею тенью в глубине стекла.
Но в этом ли их суть? Нет, здесь иное.
Не станет женщина так наряжаться
Лишь для себя самой. Я доберусь
До подоплеки, дайте только время.

Уходит.

СЦЕНА 2

Входят Смелтон и Гудмэн.

Смелтон.

Вот так удача! Мог ли я подумать,
Что эта комната — твоя? Итак,

Устранена важнейшая загвоздка.
Не это ли окно?

Гудмэн.

Должно быть, это.

Да, помнится, что женщину напротив
Я видел, но не обратил вниманья.

Смелтон.

Иль у тебя ледышка вместо сердца?

Гудмэн.

Да нет, порою я интересуюсь

Такими видами.

Смелтон.

Нет, ты — кремень.

А я, дружище, восхищен теперь

Ее умом сильнее, чем красотой,

Которую хвалил так пылко утром.

(Протягивает ему листок, на котором записаны слова песни.)

Вот, прочитай стихи. Они ложатся

На твой мотив любимый. Спой, — быть может,

Она услышит и придет к окну.

О, небеса! Она! Ну, пой скорее!

В окне комнаты, что напротив, появляется Франсис.

Франсис.

Иль он меня не понял, иль слуга

Не точно передал мои слова...

Напрасно я пренебрегла, быть может,

Услугами прохвоста; этим самым

Себе самой я нанесла урон.

Гудмэн начинает петь, входит Паг и все видит.

Как! Музыка? Так, значит, он пришел!

Паг *(в сторону)*.

Ах, вот что! Тут свидание! Отлично.

Ну, милая, ты у меня в руках!

Черт выставлен ослом, избит, надут

И обморочен, как последний олух!

Что ж! Если вы, хозяйка, показали

Свою зловредность женскую и хитрость,

Я тоже покажу, на что способен

Малютка Паг, и отомщу за все.

Не столько даже больно, как обидно:

Чуть шкуру не спустили. Вот так черт!

Уходит.

Смелтон.

Она к окну подходит, скройся!

Гудмэн.

Ладно.

Я отлучусь покуда. Есть дела.

Следующая сцена играется возле двух окон почти соприкасающихся домов³⁷.

Смелтон.

Прекраснейшая!

Франсис.

Я принуждена

Смелтон. Краснеть по вашей воле, сэръ! Ну что ж, Прекрасен этот цвет и так естествен! Я утром получил распоряженье От вас, мадам, но смысл его был столь Завуалирован, что я боялся Его не так истолковать; однако Я не ошибся, раз я вижу вас.

Франсис. Здесь кто-то был?

Смелтон. Я здесь один. Так вышло, Что в этой комнате живет мой друг. Здесь очевиден заговор Фортуны, Которая благоволит влюбленным.

Франсис. А кто здесь пел сейчас?

Смелтон. Он, госпожа; Но удалился тотчас же, едва Вы подошли к окну, — как я просил. Он верный друг и благородный рыцарь.

Франсис. Сэръ, если вы теперь в моем поступке Увидите лишь внешнее обличье, Лишь легкомысленность и безрассудство, То вы подумаете, что пред вами — Дурная женщина. Но если вспомнить Все обстоятельства моей судьбы — О чем вы сами говорили утром, — То, может быть, найдется для меня Хотя б какое-нибудь извиненье, Коль оправданья нет.

Смелтон. Нет оправданья? Тогда нет оправданья ни любви, Ни красоте, ни всеблаготворности природе, Что так красноречиво говорит Певучим вашим голосом. Я думал, Что утром все сомненья разрешил И предоставил вам все оправданья, Разоблачив того, кому отныне Не может быть малейших извинений! Да все, что ни свершите вы над ним, Все будет поделом и по заслугам! Но кончено об этом! Я хотел Вам показать сейчас, как шаг за шагом Амур становится непринужденней; Ведь то, что совершил он нынче утром, Являлось лишь прелюдией к свиданью... *(Он становится смелее, ласкает ее грудь, целует руки и т. д.)* Теперь, когда любви разрешено Приблизиться к сестренкам-близнецам Грудь волнующейся, прикоснуться

К ладошкам розовым, она сумеет
С них поцелуями собрать нектар,
Спуститься шаловливыми прыжками
С уступа этого в долину роз
Смелей косули и затеять игры,
Как скачущий воробышек, как белка,
В кудрявой этой роше, завернуться,
Как шелкопряд, в густые эти пряди,
Ловить порхающего Купидона
Меж завитков, купаться в ароматах
И зябнущие пальцы согреть,
Лаская этот теплый, круглый, нежный
Прелестный подбородок — и резвиться
На этих губках — берегах любви, —
Сбирая урожай поцелуев.
Сколь дивны, сколь благословенны тайны,
Которые скрывает красота!
Сударыня, прямое богохульство
Свершил я, заявив, что зеркала.
Расскажут вам о вашем совершенстве
И что оно понятно дуракам!
(Поет.)

*О взгляни в эти очи, взгляни! —
Мир любви в них сияет.
Эти волосы видишь? Они,
Как огонь, обжигают.
Этот лоб чистотою своей
Только с небом сравнится.
Из-под выгнутых аркой бровей
Свет чудесный струится,
Чтобы душам людским ниспослать
Упоенье, тревогу, восторг, благодать!
Ты лилею видал на лугу,
Что сорвать не успели?
Ты видал ли равнину в снегу
Сразу после метели?
Ты вкушал ли нектарный настой
Из ячейки пчелиной?
Трогал соболя мех дорогой
Или пух лебединый?
Это все воплотила она:
Так бела и мягка, так сладка и нежна!*

За спиною Франсис появляется ее муж.
Фицдупель. Неужто, сэр? Но если это так,
Придется и хранить ее особо.
Я позабочусь, чтоб над нею больше
Никто не вился здесь и не жужжал.
Засиженная мошками жена

Не столь приятна.
(Жене.) Ну-ка, отодвинься!
(Говорит, высунувшись из окна.)
А вы... смотрите, сэр!

Смелтон. Я и гляжу.
Фицдупель. Смотрите, вам придется расплатиться
За это!

Смелтон. Сэр, так я же заплатил.

Фицдупель. Я вам скажу, кто вы такой!

Смелтон. Кто, сэр?

Фицдупель. Скажу, когда вам глотку перережу.

Смелтон. Молчите, вы, осел!

Фицдупель. Клянусь вам, сэр!

Смелтон. Без клятвы ясно.

Фицдупель. Я вам все припомню.

Смелтон. Прочь, барахольщик, низкая душа!

Фицдупель. Сэр, если вы ударите меня,

То я ее ударю. (Бьет свою жену.)

Смелтон. Негодяй!

Когда б я мог пронзить его насквозь
Глазами иль зубами впрыснуть яд,
Который убивает рогносцев!
Что за чудовищный удар судьбы!
Нет сил терпеть; вся кровь во мне вскипела,
Мозг содрогнулся, видя эту подлость.
Какая мука! Сердце разорвется!..

Уходит.

СЦЕНА 3. Внизу появляется Паг.

Паг. Так! Вот начало мщенья моего.
И все ж пока я мало потрудился
На пользу аду, помешав их шашням.
Ну, ничего, еще я наверстаю,
Ад обо мне услышит!

Появляется спустившийся вниз Фицдупель со своей женой.

Фицдупель. Ах, малютка,
Как ты могла? И за моей спиной!
Сейчас, когда твоей же пользы ради
Я погрузился с головою (глубже,
Чем земли, что надеюсь осушить)
В заботы и труды? Я размышлял,
Каких тебе нанять швейцаров важных,
Лакеев и почтительных пажей,
Из скольких знатных дам составить свиту,
Какую благородную особу
Привлечь для переписки с заграницей,

Чтоб ты могла за модой поспевать...
Ты оскорбила мужа в лучших чувствах,
Втоптала в грязь сладчайшие мечты
И чистые стремленья. Я склоняюсь
Найти себе другую герцогиню.
Ступай же.

(Пагу.) Черт, ты искупил вину
И я тебя прощаю. Жди награды.

Паг уходит.
Входят Меерплут и Крюквелл.

Меерплут. Что за прогулки, сударь? Где вы были?

Фицдупель. Так... Мелкий случай, легкая досада.

Меерплут. Сэр, мелкие невзгоды не должны

Касаться вашего чела. Его

Великая украсит скоро-слава.

Готовьтесь.

Фицдупель. Я готов.

Меерплут. Вас ожидает

Судьба прославленного мужа, сэр.

Крюквелл. Вот именно.

Меерплут. Отныне вы должны

Начать другую жизнь, ни с кем не знаясь

Из тех, с кем прежде знались...

Крюквелл. Будь он другом

Еще позавчера.

Меерплут. Позавчера?

Сегодня утром! Ты не знаешь, Крюквелл,

Какие привилегии дает

Высокий титул и как быстро. Словом,

Когда он станет лордом...

Фицдупель. Понимаю.

Не беспокойтесь, я сумею, сэр.

Но вот жена... Сумеет ли она

Блюсти себя, как должно? Я, признаться,

Ее обескуражен поведением.

Меерплут. Так надобно воспитывать.

Фицдупель. Но как?

Нет дамских школ и женских академий.

Мужские только... Я в них сам учился

Осанке и поклонам.

Крюквелл (тихо, Меерплуту). Сэр, я вспомнил

О редкой вещи, что видал у вас, —

Испанском платье.

Меерплут. Ха! Спасибо, Крюквелл.

Блестящая идея!

(Повернувшись к Фицдупелю.) Сэр, есть дама
Здесь, в городе, — ее зовут испанкой,
Хотя она и англичанка родом, —
Затем, что, путешествуя по свету
С покойным мужем, долго прожила
В Испании и носит до сих пор
Наряд испанский. Редкая особа!
Весь наш изящный пол ее считает
Своим кумиром, образцом — и верит
Ей так, как Формену³⁸ в былое время.
Какие чудные рецепты есть
У ней для мазей, кремов, притираний,
Духов, помад, лекарств et cetera —
Непостижимо! И притом она —
Знаток манер и может обучить
Хоть даму, хоть гулящую девчонку,
Как правильно себя вести.

Фицдупель. О, сударь,
Сколь рад я это слышать! Где ж она?
Достаньте мне ее.

Меерплут. Чуть-чуть терпенья.
Тут нужен способ, чтоб свести знакомство.

Фицдупель. Сэр, умоляю!

Меерплут. Надобно обдумать.

Фицдупель. Сэр, если мне чего-то захотелось,
Оттягивать я не люблю. Учтите,
Уж я таков!

Меерплут. Супруга ваша, сэр,
Должна послать ей небольшой подарок,
Чтоб засвидетельствовать уваженье.
Так делают все дамы.

Фицдупель. Я согласен.
Но что послать?

Меерплут. Какой-нибудь пустяк.

Ну, например, колечко с бриллиантом
Ценою фунтов в сорок-пятьдесят
Вполне достойным будет подношеньем.

Фицдупель. Тотчас пойду, скажу жене.

Уходит.

рплут. Отлично!

Наряд у нас готов, но где взять даму?
Найти бы нам смышленного мальчишку
И натаскать на роль³⁹. А этот дурень
Проглотит все.

юквелл. Сэр, надо взять актера.

Меерплут. Нет, ненадежно. Разболтают сразу
Поэтам.

Крюквелл. Ну и что? Пусть эта шутка
Послужит сцене. А среди актеров
Есть славные ребята. Например,
Дик Робинсон⁴⁶. Миляга! Он знаком
С одним моим приятелем. Однажды
Был этот джентльмен (приятель мой)
На ужин зван к соседке — и с собою
Взял Дика, нарядив его для смеха
Женой судьи. Вот это номер был!
Умора! Вы бы только поглядели,
Как он ломался, толковал законы,
И сыпал непристойности, и пил,
И слал записочки! На вас бы, сэр,
Ни пуговицы целой не осталось,
Ни шва!

Меерплут. Да, я слышал, он ловкий парень.

Крюквелл. А платье носит — что там ваши дамы!

Меерплут. Я в этом не знаток. Так говоришь,
Он согласится?

Крюквелл. Сэр, мой друг сумеет
Его уговорить. Идет?

Меерплут. Ну, ладно.

Входит Фицдупель.

Фицдупель. Проклятье! Ни за что не хочет дать
Колечка, вот упрямая мартышка!
А у самой их два.

Меерплут. Не стоит, сэр,
Настаивать. Пошлите к ювелиру,
Чтоб ей урона не было.

Фицдупель. Урона?
Ведь все же делается для нее!

Меерплут. Сэр, проявите щедрость. Будет лучше.
И что вам сорок фунтов?

Фицдупель. У меня
Лишь сто монет наличных; не хотелось
Их разбивать.

Меерплут. Сэр, вам дадут и в долг.
Я напишу записку ювелиру.

Входит Шлейфус.

Шлейфус. Вот мой слуга идет. Он все исполнит.
Ну, Шлейфус, как дела? Как наши птички?
Кузен ваш Драчлифф отлупил меня
За то, что я ему не рассказал,
Где вы находитесь. Кажись, он следом
За мной сюда приплелся.

Меерплут. Ничего.
Ты сможешь выйти черным ходом, Шлейфус.

Во что бы то ни стало приведи
Подпилока сюда!

Шлейфус. Он не пойдет, сэръ.

Фицдупель. Скажи, что здесь имеется дичина.

Я угощу его, да и жене

Пошлем фазана.

Шлейфус (*Меерплуту*). С места он не встанет,

Покуда не вернете сорок фунтов;

Что брали прошлый раз. Такая мелочь

Его сильней приводит в беспокойство,

Чем восемь сотен под залог земли.

Меерплут. Скажи, что мы дадим обеспечение,

И распиши Фицдупеля ему

Поживописнее, как богатея.

Шлейфус. Попробую, да вряд ли согласится.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I Входят Подпилок и Плутарх.

Подпилок. Чтоб сделать тебя, сын мой, джентльменом,

Пойду на все. Не для того ль тебя

Я к сэру Полю Флюгеру приставил,

Чтоб ты законов разных поднабрался

И выгоду свою умел блюсти?

Он опытный судья; ты за год с ним

Узнаешь больше, чем за двадцать лет

Ученья в Оксфорде или в Париже.

Сейчас я спешно вызвал Меерплуту,

Чтоб мистеру Фицдупелю (две тыщи

Дохода в год, по наведенным справкам)

Отдать в кредит колечко с бриллиантом

За сорок фунтов, хоть оно не стоит

И тридцати. И это для того,

Чтоб сделать тебя, сын мой, джентльменом.

Плутарх. О папочка, ты чересчур легко

Даешь в кредит!

Подпилок. Мы тем живем, сынок,

Что открываем дуракам кредиты.

Гроссбухи наши — пастбища, куда

Мы запускаем их, чтобы потом

Отправить прямо в долговую яму.

Мы, горожане, не ссужаем в долг,

А надуваем; если нам заплатят,

То должников, а если нет — себя.

- Ну что ж! приходится идти на риск,
Чтоб сделать тебя, сын мой, джентльменом.
- Плутарх. Но, папочка, я вовсе не хочу.
Так мы и сами через поколение
Окажемся на месте тех, кого
Мы надуваем. Мне б хотелось лучше
Остаться при отцовском ремесле.
Со временем, держась друг друга крепче
И укрепляя браками родство,
Мы бы могли надуть их повсеместно
И вовсе выжить из *Regum natura*⁴¹.
- Подпилок. Сначала нам пришлось бы запретить
Своим наследникам блажным жениться
На дочках их и собственных невест
С большим приданым выдавать за знатных.
Вот что, сынок, запутывает дело...
- Плутарх. И помеси плодит. А залучив
Деньжата, нас же поднимают на смех
И с лестницы спускают. Мы должны
Их надувать, а не ссужать деньгами.
- Входит Меерплут.
- Меерплут. Я был уверен, он не подведет!
Добро пожаловать, мистер Подпилок!
Я вас просил прийти, чтоб оказать
Любезность джентльмену. Речь идет
О пустяке, брильянтовом колечке
Фунтов в полста иль шестьдесят. Назначьте
Ценою сто, а лишних сорок будут
Обеспечением под мой должок.
Он человек и, без того богатый,
А вскоре так возвысится, что только
Сумейте угодить, — и, без сомненья,
Он вас осыплет золотом. Согласны?
- Подпилок. Ей-богу, не могу; кругом прорехи.
Меерплут. Прорехи? В честности или в уме?
Ну, скопидомы...
- Плутарх. Папочка, не надо
В кредит им верить.
- Меерплут. Нет уж, Том Подпилок,
Должна охотной быть услуга ваша.
Он человек такой: скорей заплатит,
Чем будет клянчить. Честь его пока —
Не проститутка!.. Это кто? Ваш сын?
Прелестный юноша; как его имя?
- Подпилок. Плутарх, сэр.
- Меерплут. Как? Плутарх? Чья это мысль?
- Подпилок. Сэр, в год его рожденья я как раз
Купил Плутарха «Жизнеописание» —

И до того влюбился в эту книгу,
Что сына в честь ее назвал. Быть может,
И он со временем опишет жизнь
Виднейших наших граждан.

Меерплут. Горожан?

И вы его склоняете к тому?

Подпилок. Сэр, ум его склоняется и сам
На эту сторону.

Меерплут. Великолепно.

Подпилок. Но я б охотнее его женил
И поселил в деревне, чтобы мирно
Жил-поживал там, пользуясь наследством.

Меерплут. Помилуйте! Лишить его всех благ
И преимуществ города, где вы
Его могли бы с юных лет готовить
В старейшины! Опомнитесь, мой друг!
Купите ему должность капитана,
Пусть марширует с перевязью пышной,
С пером на шляпе, вдоль всего Чипсайда⁴²,
Красоток покоряя; пусть подцепит
Жену с приданым в десять тысяч фунтов.
Вот это будет жизнь для молодца!
Солдатиков расставить на столе,
Раскрыть альбом артикулов военных
И невзначай за юбку зацепить
Служаночку, чтоб показать ей в красках
Сражение при Фьюсбери...

Подпилок. Я, сударь,

Его отдал к судье, чтоб он на совесть
Законы изучил.

Меерплут. Одно из двух —

Законы или совесть... Повернись-ка,
Плутарх, — не зря Плутархом ты зовешься,
Я вижу, ты рожден героем быть
И в ополченье лондонском служить!
Вот твой талант. — О, дорогой кузен!

Входит Драчлифф.

рчлифф. Ах, вот вы где! Прошу вас на минуту.

Отходят и говорят между собой.

рх. Отец, поверьте ему в долг, прошу!

лок. Так я и собираюсь. Но не вдруг же!

Нет, с господами надо поступать,
Как с нами — господа. Явись я сам
К кому-нибудь из них, поверь, сынок,
Уж я наждался бы! Пусть дело спешно —
Волынить будут месяц или два
Для развлечения, чтобы сделать гуще

Толпу просителей и насладиться
Своим величием. Без задержки можно
Лишь оскорбленье получить от них:
Вот это вмиг! А доброго чего-то
Поди дождись-ка!

Плутарх.

Папочка, прошу:

Поверьте ему в долг.

Подпилок.

Ну, поглядим.

Драчлифф.

Нет, вы обязаны — ведь я же гибну!

Поймите, сэръ, я к леди Веерхвост
На ужин приглашен, а мой костюм
В закладе. Я сегодня разослал
Штук двадцать писем — все без результата.

Меерплут.

А я предупреждал, я говорил,
К чему ведут подвязки шегольские,
Розетки пышные на башмаках,
Пурпурные жилеты, галуны
И кружева; к чему ведут фазаны
И куропатки, театры и таверны,
Бахвальство и разряженные девки!
Когда бы вы довольствовались сыром,
Селедкою и маслом в Нидерландах,
Простыми бумазейными штанами,
Девчонкой местною из гарнизона,
Голландской шлюхой или маркизанткой⁴³,
Вы б не сидели нынче на мели,
Не рассылали слезные посланья
К знакомым; уж и так вас сторонятся,
Точь-в-точь, как вы — судебных приставов.
Да провалитесь вы! Мне не советы
Нужны, а деньги.

Драчлифф.

Меерплут.

Вы не позабыли,

Что мне уже должны?

Драчлифф.

Вздор! Вам должны

Те, что намеревались заплатить,
А я, клянусь, об этом и не думал.
Предупреждаю: я могу испортить
Все ваши плутни.

Меерплут.

Да, любезный мой,

За вами, вижу я, не пропадет!

Драчлифф.

А как же.

Меерплут.

Вам когда-нибудь придется
Расстаться и с империей своей
И с податями всеми.

Драчлифф.

Не морочьте

Мне голову!

Меерплут.

А не хотите вместе

Со мною обморочить кой-кого?

Драчлифф.

Не знаю... Впрочем, стоит попытаться.

Я не всегда такой уж тугоплавкий,
Договориться можно и со мной.

Входит Фицдупель.

Меерплут. Мистер Фицдупель, я прошу теперь
Великодушного соизволения
Покинуть вас. Внезапность обстоятельств
Торопит *(делает вид, что собирается уходить)*.

Фицдупель. Сударь, как же так?

Меерплут. Я должен

Прийти на помощь этому джентльмену,
С которым мы в родстве.

Фицдупель. Сэр, я обижусь.

Меерплут. Я сожалею, сэр; но речь идет
О назначении его на должность,
Которой добивался он давно:
Магистра препирательств. Этот чин —
Моя идея; были возраженья;
Но после многих споров и писаний
По поводу дуэлей государству
Пришлось признать его необходимость
И должность утвердить. Вот суть ее:
Поскольку ежедневно среди дворян
Случаются раздоры — и доходит
Порой до буйства и до преступления,
А безупречным рыцарям — немногим,
Достойным зваться так, — претит бахвальство,
Им надлежит теперь адресоваться
К Магистру — и любой, кто нарушает
Законы чести, будет оштрафован.

Фицдупель. Клянусь, отличное учреждение!

Меерплут. Подобие третейского суда.

Фицдупель. Он может мне понадобиться вскоре,
Есть у меня обидчик.

Меерплут. Но куда
Не смажешь кой-кому маститой лапы,
Бумаги не подпишут. Так что деньги
Нужны тотчас, и это все на мне, —
Как будто я — монетный двор! Сто фунтов,
Вы говорите?

и ф ф. Да, сэр, эта крыса

Потребовала сотню.

лут. Что ж, придется

Их доставать. Сэр, завтра я всецело
К услугам вашим, а сегодня нужно
Помочь кузену; медлить я не в праве.

Фицдупель. Ни в коем случае!

Меерплут. Сэр, я обязан

Достать ему сто фунтов и достану.

- Фицдупель. Я заявляю, сэр, что сам скорее
Достану деньги, чем позволю вам
Меня покинуть.
- Меерплут. Неужели, сударь,
Вы полагаете, что воспитанье
И принципы позволят нам их взять,
Как бы радушно вы ни предлагали?
- Фицдупель. Ну да!
- Меерплут. Отказываюсь в это верить.
Нет, сударь, честь нам запрещает вашим
Великодушьем злоупотреблять.
Прощайте же. *(Делает вид, что готов уйти.)*
- Фицдупель. Сэр, если вы сейчас
Откажете мне, значит, вы меня
Не уважаете.
- Меерплут. Сэр, я вас чту
Так высоко, как ваше благородство
Заслуживает. Но какой вам смысл?
Ведь незнакомы вы.
- Драчлифф *(тихо Меерплуту)*. Ты все испортишь
Избытком хитрости.
- Фицдупель. Не все ль равно!
Хотя бы это было лишь причудой.
Но у меня к тому же есть и дело,
С которым я, быть может, обращусь
К его заступничеству.
- Меерплут. Коли так,
Я должен сдать ся.
- Фицдупель. Да, и мне б хотелось,
Чтоб это было самым первым делом
Такого рода. Я могу просить?
- Драчлифф. Чтоб оно стало как бы образцом?
- Фицдупель. И станет; я ручаюсь вам, что станет.
- Меерплут. Сэр, честь его порукой служит в том!
- Драчлифф. И слава учрежденья, сэр!
- Фицдупель. Иначе
Не стал бы затевать и разговора.
Ведь не осел же я, на самом деле.
Однако как ведется рассмотрение?
Каков процесс?
- Меерплут. Да, расскажите все
В подробностях.
- Драчлифф. Во-первых, подается
Прошение с полным изложением дела
И требованием выступить в защиту.
- Фицдупель. Так, сэр. А вы на это что?
- Драчлифф. Мы сразу
Исследуем исходную причину,
Все обстоятельства и сущность дела,

- И, если признаем по рассмотренью,
 Что случай сложный и закоренелый
 И соглашение недостижимо,
 Мы принимаем случай к производству.
- Фицдупель. Итак, он принят, сэр; а дальше что?
 Мне нравится следить за процедурой.
- Драчлифф. Потом истцу мы предлагаем (если
 Он человек имущий) привести
 В порядок все свои дела и сделать
 Распоряжения, хотя б для вида,
 Чтоб люди видели серьезность распри.
 Мы называем это оглашеньем.
- Фицдупель. Очень разумно, сэр. А дальше что?
 Драчлифф. В дальнейшем, сэр, возможны два пути:
 Картель⁴⁴ иль oge tepus — устный вызов,
 В котором вызвавшая сторона
 (Ваш провocadoг, если по-испански)
 Уславливается со своим партнером
 (Иначе провocado) об оружье
 И месте схватки...⁴⁵
- Фицдупель. Чудно, чудно, сударь!
 И все — за сотню? Я бы дал и двести.
 Ваш человек расписку примет?
- Меерплут. Да,
 Конечно, сэр. Но эти горожане —
 Жадней акул.
 (Шепотом Фицдупелю.)
 Должок есть в сорок фунтов;
 Я поручился, а должник дал деру
 Куда-то на Бермуды. Вот Подпилон
 И требует, чтоб их сперва вернуть.
- Фицдупель. Пускай! Кольцо, должок и сто монет
 Составят двести.
- Меерплут. Как вы ловко, сударь:
 Раз, два — и сосчитали!
 (Тихо Подпилону.) Недурная
 Наклюнулась рыбешка. Подсекайте —
 И двадцать фунтов ваши.
- Подпилон. Двадцать фунтов?
 тарх. Ну, папочка!
 плут. По-прежнему хитрите?
 У вас возможность, милый, благородно
 И сразу службу сослужить — так нет,
 Вы мнетесь, и учтивость ваша лезет
 Из вас с невероятною натугой
 И страшной вонью. Легче селезенку
 Из вас достать, чем деньги. Ну и ну!
 Будь маленький Подпилон той же стали,
 Я б не любил его. А он — добряк;

Ишь, губы оттопырил!
(Треплет Плутарха по мордашке.)

Ваша мать

Была, видать, из благородных? Да, сэр.

Плутарх.
Меерплут.

И ко двору являясь в рождество.
Гвардейцам вешала на шею цепи?

Плутарх.
Меерплут.

Жемчужные и золотые. сэр.
Я знал, что щедрость у тебя в роду.
Ты не похож на лавочника. Скоро
Ты станешь капитаном, будешь пить
Во всех тавернах, в Пимлико⁴⁶ гулять,
От баб не знать отбою!
(Поворачиваясь к ювелиру.)

Что за камень

У вас, Подпилок? Бристольской слюды
Кусок иль корнуэльская обманка?⁴⁷

Подпилок.

Да что вы, сэр! Взгляните, что за блеск;
Хоть в жернова засуньте для проверки;
Отличный, настоящий парагон!
Что за огранка!

Меерплут.
Подпилок.

Желтоват немного.
Чистейшей, изумительной воды
Брильянт — и без малейшего изъяна!
Будь желтым он, отдал бы по дешевке.
А сколько стоит? Фунтов тридцать?

Нет, сэр,

Меерплут.
Подпилок.

Он стоил мне полсотни самому.
Полсотни эквивоков и уловок?
Вы в том иезуитов превзошли.
Но помните, кольцо пойдет туда,
Где разбираются в камнях. Итак,
Полсотни фунтов — и ни пенсом больше.
(Фицдупелю.)

Меерплут.

Чтобы не мешкать, я отправлюсь тотчас
Устроить встречу с дамой. Вы же, сударь,
Могли бы, под рукой имея сотню,
Вручить ее немедленно джентльмену,
Чтоб он охотней вам потом служил,
А деньги вам вернет назад Подпилок
По завершенью сделки.

Фицдупель.
Меерплут.
Фицдупель.

Я согласен.
Так и покончим с этим сразу.

Вот:

Здесь ровно сто монет, я дважды в день
Их пересчитывал последний месяц.
(Вынимает деньги.)

Меерплут.

Идите, сэр, составьте договор.
Мы будем ждать вас.

Финдупель, Подпилок и Плутарх уходят. Меерплут с кузеном начинают делить деньги.

Драчлифф. Ну, гони монету!
Меерплут. Потише, сэр.
Драчлифф. Давай! Я ждать не буду!
Меерплут. А слушать?
Драчлифф. Прежде деньги!
Меерплут. Хорошо.
Вот ваша доля — сорок фунтов.
Драчлифф. Как?!

Меерплут. Здесь половина. Двадцать должен взять Подпилок.
Драчлифф. А кольцо? Что — тоже вам?
Меерплут. Кольцо — для дамы.
Драчлифф. Так я и поверил!
Меерплут. Как перед небом!
Драчлифф. Ну, тогда еще
Мне десять фунтов, ну!
Меерплут. С какой же стати?
Драчлифф. А за Подпилока!
Меерплут. Но нужно долю
Дать и ему.
Драчлифф. Вам, может быть, и нужно.
А мне — нисколько. Десять фунтов, сударь,
И поживей!

Меерплут. Да по какому праву?
Драчлифф. По праву льва. Хотите, зарычу?
Меерплут. Ну, ладно.
Драчлифф. Вы слышали, как осел
Делил добычу мудро?⁴⁸
Меерплут. Так выходит,
Что я — осел? Благодарю.

Драчлифф. Не стоит.
Меерплут. Но я покончу с этой тиранией!
Драчлифф. Нет, сэр, пока вы пьете и едите
И доите чужие сундуки,
А я поддерживаю к вам доверье,
И выгораживаю, и спасаю
Вас от плетей, и помогаю вам
Знакомства заводить для новых плутней,
Как в этом деле с леди Веерхвост;
Забавнейший проект, но вот в чем штука:
Как выпутаться из него?
Спокойно!
Ведите дело, как договорились.
А у меня промашек не бывает.
Драчлифф. С таким помощником, как я! еще бы!
Неблагодарный!.. Ладно, понимаю,
Сейчас вам требуется в одиночку

Обстригать дельце. Я вас разыщу
Потом — и призову на страшный суд.

Драчлифф уходит.

Меерплут. Проклятье! Я совсем забыл: ведь надо
И Крюквеллу дать что-то. Это иго
В конце концов несносно! Я избавляюсь
От рабства своего...

Входят Крюквелл и Смелтон.

А, вот и Крюквелл!

Что слышно?

Крюквелл. Все отлично.

Меерплут. Удалось?

Где Робинсон?

Крюквелл. Вот этот джентльмен

Его заменит. Он уж в курсе дела.

Меерплут. Но почему же он?

Крюквелл. Так предложил

Сам Робинсон. Он, видно, не решился

Такую шеголиху представлять.

А этот джентльмен весьма остер,

К тому ж бывал в Испании и знает

Все моды. Положитесь на него,

Он обещает нас повеселить.

Меерплут. Но рост!

Крюквелл. Он будет говорить, что носит

Siopinos на огромных каблуках,

Как все испанки. Робинсон к тому же

Не ниже.

Меерплут. В самом деле?

Крюквелл. Ни на йоту.

Меерплут. Раз так, то я из них двоих доверюсь

Скорее джентльмену.

Крюквелл. Подойдите

И поздоровайтесь с ним.

Меерплут (Смелтону). Сэр, мой друг

Вас ознакомил с этим делом?

Смелтон. Да.

Занятный случай! Герцог Утопийский

С прекрасной герцогиней, не так ли?

Меерплут. Так, сударь. Заклинателями духов

Оставлен он и одолжен на время

Моим заботам.

Смелтон. Я надеюсь, с целью

Употребить его как можно лучше?

Меерплут. Так, сударь.

Смелтон. Что касается меня,

Не беспокойтесь: я сыграю роль

И распотешу вас на славу.
 Меерплут. Верю.
 Смелтон. Где мне переодеться?
 Крюквелл. У меня.
 Меерплут. Он вам достанет, сударь, все что нужно —
 И ни на пенни меньше.
 Смелтон. Сэр, простите,
 Но я участвую лишь в развлеченьях,
 А не в расчетах ваших. Обеспечьте
 Меня экипировкою испанской,
 Каретой и лакеем.
 Меерплут. Безусловно.
 Будьте спокойны, сэр. Ну, а теперь,
 Раз я доверился вам в полной мере
 И положился на таланты ваши,
 Добавлю кое-что. Поскольку в деле
 Понадобится женская поддержка,
 Чтоб направлять и поощрять беседу,
 То сценой для задуманного фарса
 Избрали мы дом леди Веерхвост.
 Смелтон. Знаком: и с нею, и с ее дворецким.
 Меерплут. Достопочтенным Сбруингсом?
 Смелтон. Да, с ним.
 Меерплут. Признаюсь вам без ложного стыда,
 Что мы, малоземельные дворяне,
 Порой принуждены копать болванов
 И вспахивать богатых дам взамен
 Недостающих акров. В этой леди
 Обрел я плодороднейший надел.
 Мы разрабатываем с ней проект
 Обеспечения женщин новым кремом
 Для кожи (наподобие румян).
 Она мечтает получить патент
 И монополию.
 Смелтон. С какой же целью?
 Меерплут. Чтобы прославиться своим открытием.
 Но вместе с тем надеется на прибыль,
 Назначила экспертом по сырью
 Мистера Сбруингса, притом ему же
 Доверены бухгалтерские книги
 И руководство в целом. Если вдруг
 Она свернет при вас на эту тему
 (Ведь я представил так, что вы могли бы
 Помочь советом делу как особа.
 Объездившая свет), присочините
 Ей что-нибудь о заграничных средствах,
 Подсыпьте ей диковинных названий
 Каких-нибудь...
 Смелтон. Задача мне ясна.

Меерплут. Так не пора ль заняться подготовкой?
Крюквелл. Да, сэр.
Меерплут. Наш дурень движется сюда.
Ступайте же.

Уходят Смелтон и Крюквелл.
Входит Фицдупель.

Фицдупель. Как быстро вы вернулись!
Сэр, сделку совершил я. Вот кольцо.
А денег, он сказал, не подвезли
Еще с монетного двора.

Меерплут. Ах, плут!
Чума его возьми!

Фицдупель. Но он клянется!
Меерплут. Такое ремесло его, чтоб клясться.
Напрасно вы поверили.

Фицдупель. Вернусь
И отлуплю его!

Меерплут. Теперь уж поздно.

Фицдупель. Я так горел желанием скорей
Послать кольцо.

Меерплут. Вы правы. Я узнал,
Пока вас не было, что эта дама
Обедает у леди Веерхвост,
Неподалеку.

Фицдупель. Рядом, в переулке?

Меерплут. Да, сэр. У вас имеется слуга —
В приличном платье, бойкий на язык,
Не заикающийся, не гнусавый,
Чтоб передать почтенье и привет
От имени супруги вашей?

Фицдупель. Есть
Пригожий парень, джентльмен по виду.
Его хочу назначить я дворецким
К супруге — Утопийской герцогине.
Вот только имя у него чудное.

Меерплут. Не имя важно тут, а порученье.

Фицдупель. Эй, черт!

Входит Паг.

Ну, как он вам?

(Показывает своего Пага.) Теперь пройдишь.
Взгляните на походку, на осанку.

Меерплут. Он подойдет, сэр. Пусть возьмет кольцо.
И отправляется со мной.

Фицдупель. (Пагу). Смотри же,
Любезнейший, исполни дело с честью,
Иначе повышенья не видать.

Меерплут. Ты понял? Сэр, он справится с задачей.

- Фицдупель. И не забудь воздушный поцелуй
Послать и поклониться по-французски,
Вот этак, спину изогнув... Понятно?
А что до слов...
- Меерплут. Слова я подскажу.
- Фицдупель. Но я же обучался им в колледже!
- Меерплут. Сэр, вскоре вам представится возможность
Блеснуть — после обеда, вечером;
Ведь вы же званы в гости.
- Фицдупель. Вечерком?
- Но в это время — представленья пьесы.
- Меерплут. Сэр, если леди вас желает видеть,
Придется представленья пропустить,
Она же — президентша.
- Фицдупель. Но сегодня
- В афише «Черт»!
- Меерплут. Черт или даже дьявол —
Но надо всем пожертвовать иль сразу
Все потерять.
- Фицдупель. Хотя бы на полпьесы...
- Меерплут. Сэр, невозможно.
- Фицдупель. Хоть на первый акт
Явиться, быть замеченным, подняться
И выйти, чтобы досадить актерам
И наказать поэта — пусть трепещет!
- Меерплут. А если он не станет трепетать?
- Фицдупель. Так сам хотя б расплатится за ужин!
- Меерплут. Он предложит бы заплатить вдвойне,
... ж, забудьте
... у так
... циально),
... венных делах.
Вы, каж ели обратиться
К Магистрату ириательств?
- Фицдупель. Да, хотел.
- Меерплут. Но почему б, милорд, вам самому
Не разрешить вопрос? Пусть мир увидит,
Что вы способны сами отстоять
Себя в вопросах чести. Пусть я этим
Обижу родича, — мне ваше благо
Всего дороже.
- Фицдупель. Я весьма польщен.
- Но перейдем...
- Меерплут. Конечно, к оглашенью.
Вы вашу волю изъявить могли бы
Немедленно, оставив лишь пробел,
Чтобы вписать туда опекунов⁴⁹
Двух или трех, как захотите.
- Фицдупель. О!

Благодарю сердечно, сэр. Ни слова
Об этом больше, умоляю вас.
Мне что-то нездоровится.
(*В сторону.*) | Когда бы
Я мог так беззаботно рассуждать...
Вот впутался же, дурья голова!

Уходит.

Меерплут.

Ну, нам пора.

Паг.

А это далеко?

Меерплут.

Здесь в двух шагах.

(*В сторону.*) ^ Колечко б надо было

Отнять пораньше. Хоть моя испанка —

Достойный джентльмен и отвергает

Участье в барыше, а вдруг прельстится?

Характер переменчивый у дам.

Паг.

А эти дамы хороши собою?

Меерплут.

О да!

Паг.

И я представлен буду им?

Входит Шлейфус.

Меерплут.

А как же!

(*Тихо, Шлейфусу.*) Накладная борода

С тобою?

Шлейфус.

Да.

Меерплут.

А этот плащ двойной?

Шлейфус.

Да, двухсторонний, сэр.

Меерплут.

Итак, готовься.

Уходят.

СЦЕНА 2

Входят Меерплут, Паг, Ловли.

Меерплут.

Ах, Ловли, дай тебя я поцелую,

Моя ловушечка!

Ловли.

Прочь!

Меерплут.

Не волнуйся,

Я вновь тебя налажу. Что, никак

Не ловятся пичужки? Вот досада!

Ну, подожди: настанут холода,

Я помогу тебе поймать синичку.

Кто у хозяйки?

Ловли.

Я сейчас узнаю.

Быстро уходит.

Меерплут.

Побудьте здесь пока, я отойду.

Уходит вслед за Ловли.

Паг.

Ужасно как охота распуститься,

Попробовать от каждого греха,

Уж раз я в человеческом обличье.

(Подскакивает к вернувшейся Ловли.)
Милашечка!

Ловли.

Что вы хотите, сэр?

Паг.

Попастся в сети к вам, быть вашей птичкой,
Как выразился этот джентльмен,
Лежать близ вас дрозденком прирученным.
Вот золото, вы сможете на это
Купить себе в два раза больше юбок,
Чем я сниму с вас...

Входит переодетый Шлейфус.

Шлейфус.

Сударь, вы должны

Паг.

Мне передать кольцо для джентльмена.
Возьмите.

Шлейфус уходит.

Ну пойми, глупышка Ловли!..

Ловли.

Какая наглость!

Паг.

Ловли, дорогая!

Ловли.

Я закричу, ей-ей!

Входит Меерплут.

Меерплут.

Ну где ж вы, сэр?

Паг.

Кольцо при вас? Идемте.

Меерплут.

Но ведь я
Вам отослал кольцо.

Паг.

Как — отослали?
Когда? И с кем?

Меерплут.

Да только что от вас
Являлся человек.

Я никого
Не посылал. У вас же был наказ
Вручить кольцо собственноручно даме.
Вы знаете, того, кто приходил?

Паг.

Нет, сэр.

Входит Шлейфус.

Меерплут.

Ты видел посторонних, Шлейфус?

Шлейфус.

Нет, сэр.

Паг.

Его видала камеристка.

Меерплут.

Расспросим.

Паг *(в сторону)*.

Черт! Я так увлекся ею,
Что не заметил ничего... Позор!
Телесный вид, в который я облекся,
Так неудобен, так обременяет —
Я в нем как будто слепну! До сих пор —
Одни промашки.

Шлейфус.

Сэр, она сказала,
Что не заметила тут никого.

Паг. Должно быть, сатана сюда являлся
 Меня морочить.

Меерплут. Странная беспечность.
 Что же теперь вам делать, сэр?

Паг. Одно:
 Из шкуры выпрыгнуть своей, бежать
 Из этой глупой, смертной оболочки!
(В сторону.)
 Позор! А предстоит еще ответ
 Перед моим эрцгерцогом. Ох, ноет
 Спина, предчувствуя дубинку!
(Меерплуту.) Сударь,
 Вы мне не можете помочь?

Меерплут. Но как?
 Что можно сделать в данную минуту?

Паг. Сэр, я прошу вас дать мне в долг. До завтра.

Меерплут. Нет, сударь, не успеть. Один лишь выход:
 Просить мадам. Она так благородна,
 Что не откажет в просьбе джентльмену
 И скажет, что подарок ей вручен.
 Вы думаете?

Паг. Я уверен в этом.

Меерплут. Особа эта — превосходных качеств.
 А если выдаст?

Паг. Ни за что! Не бойтесь

Меерплут. И смело доложите господину,
 Что президентша приняла кольцо,
 Великодушно выразив готовность
 Служить хозяйке вашей, герцогине.
 Добавьте, что она весьма учтива
 И заверяет, что ее мечта —
 Полезной быть прекрасной госпоже,
 Что жаждет познакомиться и просит,
 Не мешкая, пожаловать сюда.
 Просите же господ поторопиться.

Паг. А вы уж там похлопочите, сударь!

Меерплут. Да полно вам! Ваш страх велик не в меру.

Паг. Но стыд мой пуше страха.

Меерплут. Я избавлю
 От страха вас — равно, как от стыда.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I Входят леди Веерхвост и Меерплут.

Леди Веерхвост.

Чума их заведи! Опять оттяжки!
Давно пора бы утвердить патент.
Вельможи ваши — медленней улиток.

Меерплут. Мадам, все постепенно, по порядку,
Не сразу — прыг да скок!

Леди Веерхвост. Джон Денегпуд

Небось одним прыжком достиг решенья!

Меерплут. С такими связями — и не достигнуть!

Но, милая сударыня, не всем же
Скакать через канавы — есть мосты.
Труднейшие препоны позади,
За малым дело. Между прочим, дамы
Все, как одна, за вас горой.

Леди Веерхвост. Все дамы?

Меерплут. Они свою прислали президентшу —

Испанку — вас поздравить.

Леди Веерхвост. Я должна

Им передать привет и благодарность.

Меерплут. Да, и ответный нанести визит.

Где Сбруингс?

Леди Веерхвост. Он пропал куда-то нынче.

Меерплут. Пропал?

Леди Веерхвост. Запропастился. Говорят,

Что он не ночевал сегодня дома.

К тому же ваш кузен и мистер Гудмэн

Повздорили.

Меерплут. Да, я слышал, мадам.

Как это вышло?

и Веерхвост. Говоря по чести,

Ваш родич отличился. Я надеюсь,

Вы знаете, что Гудмэн — мой поклонник?

лут. Догадываюсь.

Веерхвост. Гудмэн попросил,

Чтоб ваш кузен мне, как бы незначай,

Достоинно расписал его.

ерплут. А тот?

Леди Веерхвост.

Явился — и, напротив, стал бранить

И поносить его.

Меерплут. Вот как? А Гудмэн?

Леди Веерхвост.

Конечно, не стерпел, облил презреньем

И оскорбил; да так, что я дивлюсь,

Как ваш кузен спустил ему. А впрочем,
Мужчины только на словах храбры.

Входит Гудмэн.

Меерплут. А вот и Гудмэн.
Гудмэн. Разрешите, леди,

Откланяться.
Леди Веерхвост. Нет, я прошу остаться.
Я покажу вам чудную особу —
Испанку.

Гудмэн. В следующий раз, мадам,
Я буду рад служить, но не сегодня.

Леди Веерхвост. Оставайтесь, сэр, прошу. Я все улажу
И помирю вас.

Гудмэн. Тщетная затея.

Леди Веерхвост. Зачем же волноваться так чрезмерно?

Гудмэн. Мадам, нельзя забыть обиду.
Леди Веерхвост. Сэр,

Вот родственник его. Он сожалеет
Об этом случае.

Меерплут. О нет, мадам,
Мы не в родстве; мы лишь зовем друг друга
Кузенами; а будь мы и в родстве,
Я за его грехи не отвечал бы.

Гудмэн. Я обвиняю только лишь себя,
Хотя меня и предал он бесчестно, —
Сам виноват; как мог я доверяться
Тому, кто этой выходкой своей
Лишь подтвердил свою дурную славу?

Леди Веерхвост.

Он, может быть, исправится?

Гудмэн. О нет,

Наивно ожидать, что человек,
Всосавший с материнским молоком
Порок, вдруг переменится. А если
Его призванье в том, чтоб предавать,
Зачем увечить в нем его природу,
Зачем пытаться?

Леди Веерхвост. Сэр, но акт доверья
Его бы мог исправить.

Гудмэн. Даже акт
Парламента, сударыня, не может
Горбатого исправить.

Входит леди Флюгер.

Леди Веерхвост. Леди Флюгер!
Где, душечка, вы столько пропадали?

Леди Веерхвост. Я о нем не знаю.

Леди Флюгер.

Так знает, верно, мистер Меерплут.

Меерплут в это время разговаривает с Гудмэном.

Меерплут. Мадам?..

(Гудмэну.) ...Ну, одним словом, он таков,
Что если б я кому-то дал совет
Довериться ему, я был бы сам
Обманщиком.

Гудмэн.

Сэр, не могу сказать,

Что вы меня утешили.

Меерплут.

Что делать!

Я вам поведал мнение свое.

Судите ж' сами.

Гудмэн.

Я могу судить,

Что дружба с ненадежными людьми,
Надежной не бывает.

Леди Веерхвост (Меерплуту). Сэр, скажите:

Что это за проект о зубочистках?

Меерплут.

Как раз я собирался посвятить

Вас в это дело.

Леди Веерхвост.

В чем же его сущность?

Меерплут.

Суть в том, чтоб зубочистками снабдить

Всю Англию. Я показал, во-первых,

Сколь неумело их употребляют,

И, во-вторых, что заражение десен

И многие болезни происходят

Из-за гнилой и скверной древесины.

Я предлагаю вот что: учредить

Особую Палату для проверки

Всех зубочисток; проставлять клеймо,

А за подделки штрафовать. А также

Издать пособие по ковыряню,

Чтобы любой мальчишка в королевстве,

Умеющий читать, его усвоил;

Полезными советами дополнить:

Не спать с открытым ртом, жевать мастику

Для свежести во рту — и в то же время —

Для белизны зубов...

Входит Шлейфус и что-то шепчет ему.

Ха! Неужели?

Леди Веерхвост.

Клянусь душой, хорошенькое дело!

Леди Флюгер.

И мистер Флюгер то же говорит.

Меерплут: Она приехала.

Леди Веерхвост.

Испанка, сударь?

Скорей ее просите.

Меерплут уходит.

Как некстати

Пропал мой Сбруингс. Флюгер, дорогая,
Как выгляжу я?

(Достает зеркальце.) Правда, элегантно?

Леди Флюгер.

О да, мадам.

Леди Веерхвост. Оставь свое «мадам»

В конце концов!

Леди Флюгер. Отлично, Веерхвост!

Леди Веерхвост.

Звучит куда изящней, правда, Флюгер?
Что на тебе за скверные белила?

Леди Флюгер.

Жемчужные.

Леди Веерхвост. Жемчужные? Куда там!

Из устричных ракушек, дорогая.

Не спорь, не спорь! Сейчас сюда придет

Испанка — элегантнейшая штучка!

Она от имени придворных дам

Меня поздравить хочет. Присмотрись,

Подметь все недостатки в ней, а после

Мы их переберем и посмеемся.

Леди Флюгер.

Охотно, Веерхвост!

Меерплут вводит Смелтона, переодетого испанской дамой.

Леди Веерхвост. Вот великанша!

Меерплут. Мадам, вот благородная особа,

Которая желает передать

Вам дружеский привет от многих дам

И засвидетельствовать уваженье.

Веерхвост.

Сэр, это для меня большая честь.

гон (извиняется за то, что избегает поцелуя).

Прошу простить, в Испании при встрече

Объятие заменяет поцелуй.

Мадам, надеюсь, будет не в обиде?

Леди Веерхвост.

Все, что вы скажете, для нас — закон.

Прошу садиться, дорогая леди.

Смелтон. Благодарю. Я слышала столь много

О ваших добродетелях, мадам,

Что счастьем бы почла вам предложить

Свои услуги.

Леди Веерхвост. И свою любовь, —

Иначе обесценятся услуги.

- Смелтон. Мадам, располагайте ими вместе
В великих ваших начинаньях.
- Леди Веерхвост. Что вы!
Великими назвать их слишком громко.
Хоть чем-то полу своему помочь
По мере сил — одна моя надежда.
- Смелтон. Исполнена величья ваша скромность.
Вся женская республика, мадам,
Вас будет прославлять.
- Леди Флюгер. За исключением
Завистниц.
- Смелтон. Да, они всегда найдутся.
Одна из них, я слышала недавно,
Пыталась опорочить ваш проект.
- Леди Веерхвост.
- Смелтон. Каким же способом, мадам?
- Смелтон. Не стоит
И говорить. Противная особа,
Давно утратившая все надежды
Похорошеть.
- Леди Веерхвост. Однако мне б хотелось
Услышать доводы ее.
- Смелтон. Извольте.
- Леди Веерхвост. Она, насколько помню, говорила,
Что краска ухудшает цвет лица.
- Смелтон. Ну, это — старый довод.
- Смелтон. Есть другие:
Сквернит дыханье, поцелуи портит, —
Так, что они уже не наслажденье,
А ритуал, а скоро превратятся
И в наказание, — разрушает зубы
И причиняет массу неудобств;
Свободно веселиться и смеяться —
И то нельзя, чтоб не осыпать краской
Друг друга...
- Гудмэн (*в сторону*). Этот голос мне знаком,
Да и лицо знакомо.
- Смелтон. Говорят,
Она особенно вредна тем дамам,
Что собственным, как говорится, потом
Желают зарабатывать на жизнь.
Ведь от тепла и сильного движенья
Румяна начинает течь, ползти
И так размазываются по щекам,
Что гости убегают в беспорядке,
Прервав занятые и не заплатив.
- Леди Флюгер.
- Смелтон. Ну, эти сплетни — клевета поэтов,

Чума их побери!
 Леди Веерхвост. Их распускает
 Какая-нибудь ведьма, у которой
 Поэт на содержанье.
 Леди Флюгер. Мистер Флюгер
 Недаром говорит, что всех поэтов
 Пора послать к чертям.
 Меерплут. Мистер Фицдупель
 С женою.
 Смелтон. Где?
 Входят Фицдупель, Франсис и Паг.
 Меерплут. Вот без пяти минут
 Сиятельнейший герцог Утопийский.
 Смелтон. Так это он?
 Меерплут. Он самый.
 Фицдупель. О мадам,
 Я — ваш слуга.
 Смелтон (*шепотом Гудмэну*). Что — сердисься, дружище,
 Что я раскрыл убежище твое?
 Гудмэн. Да, нет, дивлюсь на эту авантюру.
 Смелтон. Она тебе должна раскрыть глаза
 На свойства дам.
 Гудмэн. Я полагаю, это —
 Отличное лекарство от женитьбы.
 Смелтон. Смотри и пользу извлекай.
 Меерплут. Мадам,
 Вот леди, приведенная сюда /
 Супругом ради ваших наставлений.
 Он представляет госпожу Фицдупель.
 Смелтон. Мадам, прошу садиться.
 Меерплут (*Фицдупелю*). Президентша!
 дупель. Значительная дама! Но, однако,
 Колечко где?
 лут. Колечко у нее.
 Зеерхвост.
 Мадам, все эти доводы ничтожны.
 он. Я так и заявила ей, мадам,
 Что новый крем, который к производству
 Готовит ваша милость, не содержит
 Ни одного такого компонента...
 Леди Веерхвост.
 ...Который я бы не решилась съесть.
 Смелтон. В Испании везде такие кремы.
 Леди Веерхвост.
 Ах, сделайте любезность, расскажите
 Нам об испанских кремах!
 Смелтон. Всех рецептов

- Не счесть.
- Леди Веерхвост. Но их состав?
- Смелтон. Они содержат
 Укропную водичку, сок морковный,
 Цветы чертополоха, розмарин,
 Мед, тыквенный отвар, сырое тесто,
 Хлебные крошки, козье молоко,
 Яичные белки, жир лебединый,
 Мозги телячьи, корешки нарциссов,
 Заячий хвостик, камфору, лимон,
 Горошек, портулак...
- Леди Флюгер. Какой восторг!
- Смелтон. Какие дивные ингредиенты!
 Довольно заурядные, мадам.
 Но есть и редкостные: *alvagada*
 И *argentata* герцогини Альбы.
- Леди Веерхвост.
- Смелтон. А их состав, сударыня, каков?
 Состав их сложный: *alum scagliolo*,
 Иначе *pol di pedro, zuccharino*,
 Тунисский скипидар, *grasso di serpe*,
 Зола от шишек, в девяти водах
 Промытая, касторовое масло,
 Смола *lentisco, benjamin di gotta*,
 И *zucche mugia*⁵⁰ — в надлежащей смеси
 Дают вам притиранье для лица
 Волшебных свойств; две капли превращают
 Шестидесятилетнюю старуху
 В красавицу осьмнадцати годов.
 Но подлинное чудо: эликсир
 Из белых кур сеньоры Эстефаньи!
- Леди Веерхвост.
- Смелтон. О да, я слышала о нем, мадам.
 Как он готовится?
- Смелтон. Извольте,
 Скажу. Берете курочку, мадам,
 Ощипываете и потрошите
 И, мелко нарубив (с костями вместе),
 К ней добавляете *sarravicinus*
 И унцию египетского мыла;
 Отвар процеживаете и потом
 Храните в глазированной горшочке.
 Три капли эликсира вас избавят
 От пятен, желтизны, прыщей, морщин,
 От бородавок, солнечных ожогов,
 И вашу кожу *in decimo sexto**
 Навечно сохраняют; не зря зовется
 Он молочком девичьим для лица
- * Как в шестнадцать лет (*лат.*).

И oglio reale. Ни жара,
Ни холод не страшны ему; а в смеси
С цветами cataputia (левкоя)
С бальзамом миртовым и govistico
Получите вы лучший в мире крем,
Истинный muta!

Леди Веерхвост. Дорогая леди,
Ах, как бы нам сойтись поближе с вами!

Смелтон. Сударыня, всегда к услугам вашим.

Меерплут (Фицдупелю).

Как вы ее нашли?

Фицдупель. Я восхищен.

Однако — где колечко?

Паг. Сэр?

Меерплут (в сторону). Я должен
Отдать кольцо, чтоб не испортить все.
Дурак волнуется.

(Смелтону.) Мадам... (шепотом)

... наденьте

Вот этот перстенок, он послан в дар

Его женой. Смотрите, не забудьте

Благодарить ее.

(Пагу.) А вы не трусьте!

Паг. Спасибо, сэр.

Леди Веерхвост. Уж коль вы так добры,
Поведайте нам, дорогая леди,

И об испанских вкусах. Это правда,

Что там все дамы очень утонченны?

Смелтон. Не все, а лишь грандессы — с длинным шлейфом,

Который можно распустить до пола,

А можно через руку перекинуть —

Вот так..

Леди Веерхвост. А носят ли они cioppinos?

Смелтон. Да, если одеваются in ripto*.

Леди Веерхвост.

И с позолотой?

Леди Веерхвост. С золотой чеканкой

И бриллиантами, а верх сработан

Из тонкой и благоуханной кожи.

Леди Веерхвост.

Должно быть, трудно в них ходить, мадам?

Смелтон. Сначала нелегко.

Леди Веерхвост. А вы, мадам,

Не падаете?

Смелтон. Никогда.

Леди Флюгер. Клянусь,

Я падала бы каждую минуту!

* Здесь: точно по моде (лат.).

Леди Веерхвост.

Но если упадете вы, найдутся
Мужчины под рукой, чтоб вам помочь?

Смелтон. Лишь старичок-служитель, вот такой!
(Указывает на Шлейфуса.)

Леди Флюгер.

Увы! Но он ведь ничего не может!

Смелтон. Сударыня, я видела в Мадриде,
Как знатная сеньора растянулась
В присутствии монарха. На полу
Она лежала, как раскрытый зонтик,
С поломанными обручами юбок,
Но ни один мужчина не посмел
Приблизиться, пока старик-служитель
(Единственный, кому разрешено
Ее касаться, да и то лишь пальцем)
Ей не помог.

Леди Флюгер. Но разве нет у дам
Друзей, поклонников?

Смелтон. Лишь эскудеро,
Который следует за ней в отдельной
Карете, на приличном расстоянии,
А на прогулке и во время танцев
За край платочка держит, — но коснуться
Не смеет и подумать.

Леди Флюгер. Чересчур

Уж это церемонно! Наш обычай
Куда милей!

Леди Веерхвост. Галантней и милей!

Леди Флюгер. Милей, галантней и непринужденней!
Здесь, в Лондоне, мы можем строить куры
Хоть дюжине поклонников зараз.

Леди Веерхвост.

При муже.

Леди Флюгер. Муж? Клянусь своею честью,
Когда б меня любил один лишь бедный
Мой муженек, я б удавилась!

Леди Веерхвост. Что ты,
Подружка! Для такой прелестной шейки —
Такой противный воротник!

Леди Флюгер. О да,

Клянусь своею красотой!

Смелтон (Франсис). Мадам,
Подарок ваш получен; он мне дорог,
Как первый знак вниманья.

Фицдупель (Меерплуту). Я доволен!

Меерплут. Порядок, сэр.

Смелтон. Но если вы теперь

Мне дарите божественное счастье,
Узнать вас ближе, — я прошу, мадам,
Чтоб вы носили этот перстенок
Ради меня. (*Передает кольцо Франсис.*)

Франсис (*в сторону*). Какой знакомый голос!
Меерплут (*шепотом Смелтону*).

Что это значит, сэр?

Смелтон. Не мелочитесь.

Мы наверстаем в чем-нибудь другом.

Меерплут и Шлейфус уходят.

Фицдупель. Пустяк, а все ж таки я не в накладе.
Жена, послушай, я тебя привел
В такую школу, где тебя научат
Всему! Как быть изящной, важной, гордой,
Ну, и так далее. Став герцогиней,
Меня ты не посмеешь упрекнуть,
Что к славе я тебя не подготовил.
Вот скольким я пожертвовал сегодня
Ради тебя: (*достает список расходов*)

во-первых, за кольцо

Отдал полсотни фунтов; во-вторых,
На пьесу не пошел; чего же больше?
Теперь, ей-богу, вправе я воскликнуть:
Глаза мои и уши, подтвердите,
Я сделал все, на что я был способен...
Чтоб душой выставить жену.

Франсис.

Фицдупель. Ты зла,

И потому превратно все толкуешь.

Но я останусь добрым — вопреки
Твоим порочным свойствам. Так и знай.
Склони же шею своего упрямства.

Леди Веерхвост (*Смелтону*).

Мадам, через кого там шлют записки?

Смелтон. Через рабов, мадам.

Веерхвост. И ваша милость
Находит это верным?

Нет, конечно.

Куда верней, как в Англии, учтивый
Дворецкий или ловкий юный паж.

ель. Мадам, я полностью согласен с вами.

У нас дворецкий — это образец
По исполнительности и манерам.

Смелтон. Когда он хорошо натаскан, сударь.

Фицдупель. Само собой, мадам.

Смелтон. Такие люди

Распорядительны. Они вполне

Годятся в эскудеро.

Фицдупель. Безусловно.

- Смелтон. Допустим, я хотела бы, мадам,
Вам сообщить, как можно приготовить
Пастилки герцогини Де Браганца,
Coquetias, almoiavapos, mantecadas,
Alcoreas, mustaccioli, aqua panfa,
Иль, скажем, peladoge Изабеллы,
Или пилюли от чесотки, или
Жасминовую мазь маркизы Мухи,
Крем для волос, для кожи, — не раба же
С подобным порученьем посылать!
- Фицдупель. Конечно, не раба, но джентльмена.
- Смелтон. Ну, скажем, чтобы одолжить
Ароматический испанский уголь,
И раб сгодится. Но нельзя ж ему
Доверить тайны женских будуаров!
- Фицдупель. Пленительные тайны! *(Подходит ближе к дамам.)*
Совершенно
Вас понимаю. Я умею думать
По-женски, а не только по-мужски.
Я знаю, что по вкусу нашим пылким,
Изящным дамам.
- Смелтон. Вы бы и жену
Такой хотели видеть?
- Фицдупель. Да, мадам, —
Живой и резвой. Речь не о беспутстве,
Но об умении скользить по грани.
- Смелтон. Я понимаю, сэр. Нельзя доверить
Свободу даме, коль она не может
Быть честной от греха на волосок...
- Леди Веерхвост. И в то же время, ради светской славы,
Так пылко предаваться развлеченьям...
- Смелтон. Как только можно: ездить в Пимлико,
Визжать, скакать, танцуя сарабанду,
Шутить скабрезно, хохотать, беситься
И прочее...
- Леди Флюгер. В компании подруг...
- Леди Веерхвост. И кавалеров. Если это лорды
Иль щеголи, тогда святой наш долг —
Их чем-то развлекать...
- Фицдупель. Святое дело!
- Паг *(в сторону)*. Вот это да! Ад — приходская школа
В сравненье с этим университетом.
- Леди Флюгер. А дрянь холщовую — не замечать...
- Леди Веерхвост. И грубых увальней.

Смелтон. По платью нужно
И по компании решать — кого
И как приветствовать.

Фицдупель. И я ей то же
Всегда втолковывал; я объяснял,
Что неприличности, по сути дела,
Не менее приличны в разговоре...

Смелтон. Чем все другие здешние дела.

Фицдупель. Но ей никак наука не дается,
И уговоры все мои — впустую.
Я нанял джентльмена без наследства,
Чтобы приставить к ней, как эскудеро
(Ввиду определенных опасений), —
Так нет, она его не хочет видеть.

Смелтон. А как его зовут?

Фицдупель. Черт Дербиширский.
(Показывает Пага.)

Леди Флюгер.
Помилуй боже!

Леди Веерхвост. Вы сказали — черт?
Не лучше ль будет звать его Да Чьорте?

Фицдупель. Как вам угодно.

Леди Веерхвост. Так куда изящней!

Леди Флюгер.
Да, так звучит совсем по-итальянски —
Да Чьорте!

Гудмэн. Вот же чертовы бабенки!
И как это природа сотворила
Подобных дур! Нет, хватит обольщаться!

Уходит, исполненный негодования.

Смелтон. Что он умеет?

Леди Флюгер. И на что годится?

и Веерхвост. Давайте спросим.
ль. Черт, стань вот сюда.
рону).

ль. Стой прямо, чтобы дамы
Могли тебя получше рассмотреть.

Флюгер.
Какие отвратительные ноги!

Леди Веерхвост.
Ужасные!

Смелтон. Для черта подойдут.

Леди Веерхвост.
Мадам, прошу вас говорить: Да Чьорте.

Смелтон. Да Чьорте! Что, по мнению твоему,

Является важнейшим в эскудеро?
 Фицдупель. Ну, что молчишь?
 Паг. Степенная походка,
 Сударыня.
 Смелтон. Нет, крепкая башка,
 Подобье голой и пустой скалы,
 Чтобы сносить все молнии и громы.
 Фицдупель. О да, мадам, гроза необходима,
 Чтоб сделать плодородной эту пустошь.
 Не мог сообразить? Так получай! (*Лунит Пага.*)
 Паг. Мой добрый господин!
 Смелтон. Довольно, сударь.
 Он все сообразил.
 Фицдупель (*Пагу*). Из-за тебя
 Я должен вечно с палицей ходить,
 Как Геркулес.
 Паг (*в сторону*). О повелитель мой!
 Молю, скорее забери меня
 Обрато в ад! (*Молится.*)
 Фицдупель. Ты что, болван, бормочешь?
 Паг. Молчу.
 Смелтон. Синьор Да Чьорте, в чем вершина
 Искусства истинного эскудеро?
 Фицдупель. Ну, отвечай же.
 Паг. В том, чтоб разузнать
 И описать вам действие любого
 Слабительного в элегантной форме.
 Смелтон. Да, это важный пункт и деликатный.
 А что еще?
 Фицдупель. Вожжой бы подстегнуть!
 Паг. Найти хорошего жнеца для дамы.
 Леди Веерхвост. Нахал!
 Флюгер. Какое варварство!
 Фицдупель. Ты что —
 Меня позоришь? Ах ты, окаянный!
 Паг (*в сторону*).
 О, каюсь, каюсь! Жизнь моя в аду
 Была в сравненье с этой просто раем!
 Леди Веерхвост.
 Напрасный труд, мадам.
 Леди Флюгер. Он безнадежен:
 Тупой...
 Леди Веерхвост. И без малейшего понятия.
 Ах, если бы тут был мой верный Сбруингс!
 Леди Флюгер.
 О да! Но где еще найти такого?
 Смелтон. Теперь, синьор Да Чьорте, предположим,
 Что у одной из этих дам есть сучка,

А кобелька достать велели вам,
На что тут нужно обратить вниманье?
На цвет и на размер.

Паг. На что еще?

Смелтон. На серп луны, болван, на серп луны!

Фицдупель. То есть растет луна или стареет.

Смелтон. И отзывы о резвости важны.

Леди Веерхвост. Ну, а когда появятся щенки,
Что делать, сэр?

Смелтон. Составить гороскопы.

Паг. Так. А еще?

Смелтон. Астрологов спросить,
Который будет меньше всех, смирней...

Паг. Который чистоплотней. Это верно.

Смелтон. Ну, а куда сучка ходит с брюхом?
Выгуливать почаще.

Паг. Хорошо.

Смелтон. И блох у ней ловить прилежно?

Паг. Да, сэр.

Смелтон. Мне кажется, что он вполне годится.

Паг (в сторону). Воистину, вот адский катехизис!
Ну надо же! Черт выставлен ослом.

Фицдупель (восхищается Смелтоном). Вот ум! Вот высочайшая из женщин!
Я восхищаюсь каждым ее словом!

Леди Веерхвост. Миледи, разрешите мне его
Еще немного испытать в сторонке.

Смелтон. О да, а я пока уединюсь
Вот с этой милой дамой. Почитаю
Ей наставленья.

Леди Веерхвост. Ну, синьор Да Чьорте...
(молится). Спаси меня, мой добрый повелитель!

Паг и Веерхвост уходят.

Смелтон. Мадам, пройдемте вслед за ними. — Сэр,
Вы не ревнуете?

Фицдупель. Мадам, как можно!
Я в полное распоряженье вам
Жену вручаю. Можете с ней делать,
Что захотите: плавить, мять, лепить
По-своему — и свежую печать
На ней оттиснуть, чтоб из ваших рук
Она вернулась к мужу обновленной!

Все уходят.

СЦЕНА 2 Входят Меерплут и Фицдупель.

Меерплут. Ну, как ваш препирательский процесс?

Фицдупель. Продвинулся. Я виделся сейчас
С магистром.

Меерплут. Изложили ваше дело?

Фицдупель. Да, как и собирался. А иначе
Он оскорбился бы пренебрежением
К его посту — и это привело бы
К дальнейшим препирательствам. Но он
Был в духе и пообещал мне твердо
Свое содействие.

Меерплут. Пообещал;

Но сделает ли?

Фицдупель. Я как раз спешил
Сюда с женой и очень был доволен,
Что мы столкнулись. Он пошел тотчас
К судье, что здесь живет неподалеку, —
Тот рыцарь, ваш знакомый...

Меерплут. Сэр Поль Флюгер?

Фицдупель. Он должен с ним оформить все бумаги
И грамоту по делу об опеке.

Меерплут. Да, но кого ж в опекуны? Надеюсь,
Не Драчлиффа?

Фицдупель. Я не решил еще.

Там будет видно.

Входит Ловли.

Меерплут. А, малышка Ловли!

Ловли. К вам мистер Драчлифф. Он хотел войти,
Но спрашивает, тут ли мистер Гудмэн.

Меерплут. Скажи, что нет. Пускай идет спокойно.

Ловли уходит.

Сэр, этот Драчлифф — человек никчемный,
Не стоящий доверья.

Фицдупель. Это ж надо...

Входят Драчлифф и Плутарх.

Драчлифф. Вот ваша грамота.

Меерплут. Плутарх, дружочек,
Ты от судьи? Заверил он бумагу?

Плутарх. Да, подписал.

Меерплут. Пойдемте, господа,
Прочтем ее.

Фицдупель. Идемте.

Драчлифф (тихо Фицдупелю). Погодите.
Сэр Поль велел мне вас предостеречь
Насчет опекуна; ведь вы ему

Доверите все ваше состоянье.
А мой кузен, хоть человек достойный,
Но, между нами говоря, игрок,
И честь его при этом под сомненьем.
Ни слова больше. Я вас известил
Для вашей пользы. Если ж разгласите,
Я отрекусь.

Фицдупель.

Большое вам спасибо.

Все уходят.

СЦЕНА 3

Входят Смелтон и Франсис.

Смелтон.

Не бойтесь, милая, — я не насильник,
Но ваш слуга, который может стать
(Коль вы его доверьем наградите)
Надежным другом.

Появляется Гудмэн незамеченный.

Франсис.

Я нуждаюсь в друге,
Но не с такою целью. Сознаюсь,
Что к вашим предприимчивым попыткам
Я не могла остаться равнодушной;
Но у меня намеренья другие.
Я думала (хотя и не успела
Еще вам высказать), что человек
Такого красноречья и ума,
И смелости — сумел бы их направить
Стезю добродетели и чести
И благородную доставить помощь.
Сэр, перед вами женщина, чье горе
Вы можете понять; мой муж — безумец,
Что с каждым днем все ближе к разоренью;
Приданое мое он все растратил,
Не выделив мне даже вдовьей части⁵¹.
Я — в тупике, мне неоткуда ждать
Поддержки и разумного совета.
Вот почему я так нуждаюсь в вас,
Но лишь как в друге. Помогите мне
В моем несчастье.

Гудмэн, до этих пор таившийся, появляется перед ними.

Гудмэн.

Друг, не отвергай
Возможности, какую добродетель
Тебе дает, Я наблюдал за вами,
Боясь, что может победить соблазн;
Но, увидав в слабейшей стороне
Такую чистоту и безгреховность,
Сильнейшей стороне я говорю:

Смелтон. Уйми порок и помоги невинной!
О друг, невинности не нужно дважды
Меня просить; а твой совет — приказ.
(Франсис.) Мадам, я добронравье в вас ценю
Превыше красоты. Располагайте
Моею преданностью. Я мечтаю
Пред вами быть оправданным.

Входит Меерплут.

Меерплут (тихо Смелтону). Миледи,
Мы можем вновь болвана околпачить.
Он тут ввязался в ссору и намерен
Избрать опекуна, чтобы доверить
Ему все состояние. Бумага
Уже готова, а в опекуны
Он прочит вас. Ну, право, как безумный
В свою фантазию, он в вас влюбился!
Но ваше имя в этой обстановке
Не может обладать законной силой, —
Так посоветуйте вписать меня.

Входят Фицдупель, Драчлифф и Плутарх.

Фицдупель. Вот он идет. Сэр, вы войдете в долю.
Миледи, у меня к вам предложение.
Но вы заранее мне обещайте
Не отказать.

Смелтон. Мне нужно знать, в чем дело.

Фицдупель. Зачем же нужно? Впрочем, так и быть,
Скажу, мадам. Я вас хочу назначить
Своим опекуном и передать
Вам состояние свое, — пустяк,
Каких-то восемнадцать сотен фунтов.

Смелтон. Увы, я в этом ничего не смыслю.
Я — женщина и, право, не хотела б
Себя обременять.

Фицдупель. Не обижайте
Меня отказом.

Смелтон. Как? Вы на меня
Обидеться готовы?

Фицдупель. Нет, миледи.

Другой обидой озабочен я:
Из-за нее-то и затеял дело.
Меня ведь могут запросто убить.

Смелтон. Но, сэр, у вас немало есть друзей,
Чтоб сделать выбор.

Драчлифф. Сэр, она права!

Фицдупель. Права иль не права, что в этом толку!

Смелтон. Сэр, если есть у вас ко мне доверье,
Я б назвала вам имя.

Фицдупель. Назовите.
 Кто он, мадам?

Смелтон. Вот этот джентльмен!
(Указывает на Гудмэна.)

Фицдупель. О нет, миледи, он ведь друг того,
 С кем у меня раздор.

Смелтон. С кем это, сударь?

Фицдупель. Да с неким Смелтоном. Слыхали имя?

Смелтон. Он — друг его? Да что вы говорите!
 Не более, чем я, даю вам слово.

Фицдупель. Вы можете ручаться за него?

Смелтон. Вполне.

Фицдупель. Как его имя?

Смелтон. Юстас Гудмэн.

Фицдупель. Откуда родом он?

Смелтон. Из Мидлсекса.

Фицдупель. Мадам, ни слова больше. Клерк, пишите
 Так: Юстас Гудмэн, сквайр из Мидлсекса.

Меерплут *(тихо Смелтону)*.
 Что вы наделали?

Смелтон. Не бойтесь, сэр.
 Он верный человек. А вас назвать
 Не мог-я, чтоб не вызвать подозрений.

Фицдупель. Прошу вас, джентльмены, расписаться
 Свидетелями.

Гудмэн. Что все это значит?

Драчлифф. Сэр, это значит, что на вас пал выбор
 Достоинейшего джентльмена.

Гудмэн. Вряд ли
 Я слышу это из достойных уст.
 Из ваших это — брань.

Драчлифф. Сэр, я готов
 Вам дать любое удовлетворенье.

Гудмэн. Тогда молчите. Ложь не хвалит правды.

Плутарх. Сэр, это все передается в руки
 Мистера Гудмэна?

Фицдупель. Да.
(Гудмэну.) Сэр, скажите,
 Где этот Смелтон? Я уже готов
 Для препирательств; это — оглашение.
 Я покажу ему, как строить куры
 Моей жене!

Гудмэн. Сэр, вы уж показали;
 Свидетелем тому — вот этот плащ.

Фицдупель. Что, что?!
(Смелтону.) Мадам, вы можете ручаться?

Смелтон. В чем, сударь?

Фицдупель. Что он Смелтону не друг?

Смелтон. Да что он сделал?

Фицдупель. Ах, она не знает!..
 Миледи, этот желторотый Смелтон
 Пытался совратить мою жену —
 Наставить мне рога, вообразите,
 Через окно! Но тут я налетел
 И вырвал жертву из когтей мерзавца.
 Я ему уши оборву, клянусь!
 Смелтон. Ну что ж, попробуйте. Он — перед вами.
 (Показывается в своем истинном виде.)
 Фицдупель. Как? Смелтон?
 Смелтон. Уж, конечно, не испанка.
 Гудмэн. Он самый — Смелтон.
 Фицдупель. Неужели нынче
 Я стал — ну, этим...
 Смелтон. Рогачом? Нет, сэр.
 Хотя были к этому весьма близки,
 Скажу вам честно.
 Гудмэн. Но жена у вас,
 По счастью, добродетельная дама.
 Смелтон. Ее сейчас проводим мы домой.
 Ну, до свиданья, герцог Шоредича!⁵²
 Фицдупель. Плуты! Грабители!
 Смелтон. Еще лишь нота —
 И я попорчу вашу флейту, сэр.
 Фицдупель. Отдайте хоть бумагу!
 Смелтон. Нет, придержим
 Ради супруги вашей; уж она
 Сумеет лучше ей распорядиться.
 Фицдупель. Прокутит с вами денежки мои?
 Смелтон. Молчите, сэр, пока я не заткнул
 Вам глотку. Вот и снова будет повод
 Для препирательства. Прощайте!
 Отстраняет Фицдупеля и выходит.
 Фицдупель. О!
 Что скажут уважаемые духи
 Моей достойной матушки, отца
 Ученого и прадедов почтенных?
 Что их потомок выставлен ослом
 И рогоносцем? Что его лишили
 Всего имения и вот-вот зарежут, —
 И все из-за нее!
 Меерплут. Сэр, нас надули!
 Фицдупель. И вы молчали?! Не могли вступитьсь!
 Оставьте, мне не надо никого.
 О, я несчастный герцог Утопийский!
 Меерплут. Сэр, это можно все переиграть.
 Фицдупель. К азартным играм я не расположен,
 Оставьте...

Меерплут. Вы нуждаетесь в совете.
 Фицдупель. Будь они прокляты, советы ваши!
 Будь проклята зловредная жена!
 Меерплут. Мы все исправим, если только вы
 Начнете действовать.
 Фицдупель. Я не желаю
 Ни действовать, ни говорить, ни слушать.
 Уж лучше мне рехнуться, чем опять
 Поддаться доводам и уговорам.
 О да! Не будь я Фабиан Фицдупель⁵³,
 Черт побори!
 Меерплут. Последуем за ним.
 Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I Входят Сбруингс и Ловли.

Сбруингс. Я нужен был хозяйке?
 Ловли. Чрезвычайно.

Она хотела вас гостям представить
 Как образец дворецкого; там был
 Один простак, который претендует
 На это званье.

Сбруингс. Вызови, подружка,
 Мне Меерплута — только на два слова.

Ловли уходит.

Боюсь, что этот неприятный случай
 Мне может стоить места.

Входит Меерплут.

Меерплут. Мистер Сбруингс?

Что скажете?

Сбруингс. Я умоляю, сударь,
 Помочь мне оправдаться пред хозяйкой
 За долгую отлучку.

Меерплут. Это все?

Даю вам слово.

Сбруингс. Я вам расскажу,

Как все случилось.

Меерплут. Только покороче.

Сбруингс. Резвее, сударь мой! — я тороплюсь.
 Вы будете смеяться надо мною,
 Но получилось так: один мой друг
 Сказал мне, что я слишком целомудрен
 Для моего сложенья, слишком строг

Для занимаемого положенья,
И дал совет: ради моей же пользы
(А я ее блюду)...

Меерплут.
Сбруингс.
Меерплут.

Прибавьте ходу.
...Дать выход сокам.
Ну, и вы пошли

Сбруингс.

В веселый дом?
Нет, сэр, я не дерзнул
(Чтоб как-нибудь не просочились слухи,
Куда не нужно), но договорился
(начинает говорить с необычайной скоростью)
С одной служанкой, и, уйдя подальше,
Расположился с ней на акведуке,
Что возле Тайберна, — как говорится,
Возле приемной залы у лорд-мэра⁵⁴,
Но в это утро намечалась казнь,
А я не знал про это, сэр; как вдруг
Раздался конский топот, шум и крики;
Мы с бедною служанкой затаились,
Боясь пошевелинуться, до тех пор,
Пока все не окончится — и как-то
Нечаянно заснули в это время...
(В изнеможении умолкает.)

Меерплут.

Ну, если вы так выдохлись от скачки,
То я пошел.

Сбруингс.

Когда я пробудился,
Моя одежда, новый мой камзол,
Все деньги, кошелек, мои печати,
Чернильница, перо, сургуч, духи,
Все записные книжки, зубочистки —
Ну, словом, все пропало! Даже туфли
Служанки с бантиками — мой подарок —
Исчезли; мне пришлось отдать свои;
А сам я, обмотавшись женским пледом,
Босой, едва дождавшись 'темноты,
Побрел к Сент-Джайлзу...

Меерплут.

Вот ведь наказание
Ирландское!.. И это все?

Сбруингс.

Довольно,
Чтобы смягчить хозяйку.

Меерплут.

Обещаю.

Сбруингс.

Вот горе!

Меерплут.

Соболезную вам, сэр,
А также поздравляю с возвращением.
Уходит.

Сбруингс.

Достойный джентльмен, но непоседа.
Дела, проекты; — вечно впопыхах!

Уходит.

СЦЕНА 2

Входит Паг.

Паг.

О, повелитель, прикажи мне лучше
Лисиц впрягать в ярмо, доить козлов,
Веревки вить из глины, воду в ступе
Толочь, ловить сетями ураган
Или вычерпывать скорлупкой море,
Из трупов добывать дурные ветры,
Считать атомы воздуха, — все пытки,
Какие может ад изобрести,
Приятней этой жизни. Лучше блох
Пасти хоть тыщу лет, ведя учёт
Их поголовья, прыти и привеса,
Чем полминуты провести вдвоем
С изящной дамой. Вот где сущий ад!
Скорей бы в пекло — отдохнуть немного.

Входит Сбруингс и разглядывает его.

Сбруингс.

Вот мой камзол, а вот и эти туфли!

Паг.

Нет, целая коллегия чертей

Не выдумала б хуже наказанья!

(Замечает Сбруингса и вздрагивает.)

А, вот кого застал я спящим с девкой

И пообчистил. Как бы увильнуть?

Сбруингс.

Эй, сударь!

Паг *(в сторону)*.

Отвечать, но не попад.

Сбруингс.

Как вас зовут?

Паг.

А что, уже так поздно?

Сбруингс.

Я не про время вас спросил — про имя.

Паг.

Благодарю. Все в том же состоянье.

Сбруингс.

Кто — в состоянье?.. В состоянье, сэр,

Вы мне ответствовать: чье это платье?

Паг.

Премиленькие кружева! И все же

Портной меня надул.

Сбруингс.

Нет, вы надули!

Ограбили меня!

Коль вы хотите

В картишки, по три пенса, я согласен.

Сбруингс.

Чума на ваши карты! Вы дадите

Прямой ответ?

Сэр, вам ответит лучше

Хозяин мой.

Сбруингс.

Вот как! Кто ваш хозяин?

Паг.

Допустим, в полночь с четверга на среду.

Сбруингс.

Что будет в полночь?

Паг.

Том-лунатик, сэр,

Споет вам песню.

Сбруингс.

Сами вы лунатик...

(В сторону.)

Иль он меня морочит — или сам я
Не в силах правильно задать вопрос?

(Пагу.)

Как ваше имя, сэр?

Паг.

Кулик да утка.

И дупеля подстрелим — дайте срок.

Уходит.

Сбруингс.

Он хочет отвертеться от меня,

Как этот... как его там?.. скептик, что ли...

Ну попадись еще мне этот чижик. —

Он у меня иначе запоеет!

Уходит.

СЦЕНА 3

Входят Меерплут, Фицдупель и Драчлифф.

Меерплут.

Сэр, это очень просто будет сделать.

Вращайте лишь глазами пострашнее

И выпускайте пену изо рта

(Для этого помажьте губы мылом);

А пламя изрыгать поможет вам

Зажженный трут в ореховой скорлупке.

Все это трюки Дэррела⁵⁵. Слыхали

О деле Соммерса из Ноттингема⁵⁶,

О семерых ребятах ланкаширских

И мальчике из Бертона?⁵⁷ Вот так

Они и делали. А мы объявим,

Что вы, сэр, околдованы женой...

Драчлифф.

При помощи двух этих негодяев...

Меерплут.

И были не в себе, не compos mentis⁵⁸,

Когда подписывали ту бумагу.

Другого средства нет вернуть потерю...

Драчлифф.

...И их к суду привлечь.

Меерплут.

Ведь очевидно,

Что здесь — коварный умысел жены

Присвоить ваши земли.

Фицдупель.

Очевидно.

Драчлифф.

Тут все понятно, сэр.

Меерплут.

А мой кузен

Видал, как эти двое ловкачей...

Драчлифф.

Продельвали фокусы свои,

Причем один из них — в обличье дамы.

Меерплут.

Так нагло обмануть! Я был уверен,

Что перед нами женщина.

Фицдупель.

И я!

Меерплут.

Но мы им отомстим.

Драчлифф.

Да еще как!

Меерплут.

Жена, свернувшая на путь измены...

Фицдупель. Отныне мне чужда, клянусь душой!
 Да будет лишена она отныне
 Всех радостей, что ей дарил супруг,
 Ее любимый Дупель!

Меерплут. Мудро, сэр.
 Решенье in potentia⁵⁹, в вашем духе.

Входят Подпилок, Плутарх, Кувалда и сержанты.

Меерплут. Ну, как дела, Подпилок?
 Фицдупель. Как мои
 Сто фунтов — принесли?

Подпилок. О да. Сержанты,
 Арестовать его.

Фицдупель. Кого — меня?
 Сержант. Вы арестованы.
 Кувалда. Спокойно, сударь.
 Фицдупель. Арестовать меня? Но почему?
 Подпилок. Как должника. Мой сын Плутарх сказал,
 Что вы несостоятельны.

Плутарх. Да, папа,
 Их милость потеряла состоянье.
 Я знаю: сам ведь составлял бумагу.
 Фицдупель. Вот чем вы занимаетесь!

Подпилок. Да, сударь. —
 Сержант, и этого арестовать
 По иску моему: (*Указывает на Меерплута.*)

Кувалда. И моему.
 Два года он не платит за квартиру.
 Меерплут. Да что вы, господа, с ума сошли?
 А я-то столько при дворе старался,
 Чтоб вам добыть патент!

Подпилок. Какой патент?
 Меерплут. Патент на вилки.
 Кувалда. Это что такое?
 Меерплут. Мой план — ввести повсюду в обиход
 Употребленье вилок (как ведется
 В Италии), что сэкономит салфетки
 И в умыванье сократит нужду.
 Такое дело вмиг раздует горны
 И в вашей кузне и в печи плавильной
 Подпилока. Я все почти уладил
 И даже втайне переговорил
 С мануфактурщиками и ткачами
 (Они могли бы погубить проект,
 Ведь будет экономия на ткани).
 А прибыль вам: Подпилоку — поставки
 Серебряных и золотых изделий
 Для публики почище, а Кувалде —
 Железных вилок для простого люда.

И я уже добился монополий;
Но вы мне помешали, — что ж, спасибо!
Сэр, я возьму назад свой иск, поверьте.
Уж как хотите.

Кувалда.
Меерплут.
Плутарх.
Подпилок.

Папочка, и вы!
А что? Удачная идея — вилки!
Мудреного в ней нету ничего;
Как раз подходит для простых голов,
Таких, как наши. — Господа сержанты,
Вы можете идти.

Сержанты уходят.

Меерплут.

Но сознаюсь:
Я опечален вашим поведением.
Нельзя же так испытывать друзей!
Плутарх, малютка, отвращай отца
От этих выходов. Как! беспокоить
Такого дворянина из-за жалких
Пятидесяти фунтов? Ай-яй-яй!
Немедля принесите сто монет,
Что вы ему должны. А там посмотрим!

Подпилок и Плутарх уходят. Входят Сбруингс и Паг.

Сбруингс.

О господин констебль, вы тут? Прекрасно.
Вот человек, повинный в фелонии⁶⁰.
Его одежда — главный обвинитель.
Кто? Мистера Фицдупеля слуга?
Да, вы ошиблись, сэр.

Меерплут.

Сбруингс.

Вот эта сбруя,
Клянусь, моя. А эти башмаки
Принадлежат служанке, о которой
Вы слышали. Я требую суда.
Хозяин, заступитесь за меня.

Паг.

Сбруингс.

Фицдупель.

Ах так? Теперь запел ты по-другому?
Не заступлюсь, раз ты такой мошенник.
Пускай тобой судейские займутся.
Позвольте, сэр, два слова по секрету!
(Отводит Фицдупеля в сторону.)

Паг.

Фицдупель.

Паг.

Ну, говори, да только живо.
Сэр,
Признаюсь честно: я и вправду черт,
Из пекла прибыл только нынче утром,
Чтоб вам служить, — и тут вселился в тело
Казненного воришки, а потом
Украл костюм, чтоб как-нибудь прикрыться.
Ах, сэр, не дайте мне попасть в тюрьму;
И так я время потерял впустую,
Без всякой пользы. Я вам помогу
Обстряпать дело с колдовством; я знаю

Все эти трюки, я вас научу,
Как раздувать живот, вращать глазами,
Зубами скрежетать, пускать слюну,
Вещать чужими голосами...

Фицдупель.

Вон,

Прохвост! Изыди, мерзкий самозванец!
Ты думаешь, меня легко надуть
Эзоповыми баснями? — Возьмите
Мошенника, я от него отрекся.

Паг.

Сэр!..

Фицдупель.

Прочь, я не желаю больше слушать.

Кувалда уводит Пага.

Меерплут.

Что он сказал вам?

Фицдупель.

Лживый негодяй

Мне клялся, что он черт.

Меерплут.

Вот это шутки!

Фицдупель.

И что меня готов он научить
Своим бесовским трюкам.

Драчлифф.

Ну и черт с ним!

Меерплут.

Вы мудро поступили с этим плутом.

Прекрасно обойдемся и без черта.

Ложитесь, сэр, в постель, скажитесь хворым.

Нам всем покуда стоит удалиться.

Потом, когда пойдут у вас припадки,

Мы будем тут как тут.

(Драчлиффу.)

Ты следуй к дамам

И обработай их. Я сам пойду.

К судье. А в это время Шлейфус

Разыщет Крюквелла, чтоб вместе с ним

Повсюду раззвонить об этом. Надо

Травить все шкоты, на ноги поднять

Всю агентуру. Сэр, я вам пришлю

Кузнечный горн и бычьи пузыри.

А черта превзойти не так уж трудно;

Любой сопливый уличный мальчишка

Его в минуту выставит ослом.

пель.

Пора за дело. Нет, им не удастся

Меня надуть.

лут.

Да, да, пора.

и ф ф.

Идемте.

Сэр, ваша роль проста; а нам придется

За вас еще порядком попотеть.

Меерплут.

Оставьте, дорогой кузен...

Фицдупель уходит.

Драчлифф.

И все же:

К чему вы затевали маскарад

С испанской дамой?

Паг.

Безобразных и пьяных, что сыплют проклятья
Вперемешку с мольбами, — отпетых злодеев
Привлекающих в Тайберн толпу ротозеев.
Да, он недаром — повелитель наш,
Воистину он в злобе — сущий дьявол,
Нет, больше — архидьявол! Он ведь знает,
Как я страдаю в этой оболочке,
В обличье невезучего воришки, —
И наслаждается моим бессильем.
Ему, конечно, это все потеха;
А мне-то какво?

Входит Сатана.

Сатана.

Нахальный бес!
Заткни свой лживый рот! Тебе не стыдно
Винить в своей бездарности проклятой
Чужое тело? У того, кто прежде
Им обладал, в мизинце было больше
Фантазии, чем у тебя в башке.
Что путного сумел ты совершить
За целый день? Во-первых, чуть не сразу
Дал дураку себя отколотить, —
Какой позор! Но это лишь начало.
А чтобы отомстить, ты помешал
Прелюбодейству; кто бы мог подумать,
Что черт способен на такую глупость!
А как тебя вокруг пальца обвели
С фальшивой бородою и плащом,
Одетым наизнанку? Тот воришка,
Предшественник твой, никогда бы в жизни
Так не попался. Выродок ты чертов!
Из-за тебя людишки возомнят,
Что могут беса превзойти в проделках;
Вот как ты опозорил наше званье!
С кем бы сегодня ни имел ты дела,
С мужчиной или женщиной, — любой
Тебя дурачил. И еще мечтаешь
О славе? Может быть, тебя назначить
Архиепископом у шулеров
Или послом у шлюх? Я представляю,
Какие ты бы присылал отчеты!
Ну нет, ты больше не протянешь когти
За новым назначеньем; я найду
Смолу и серу, чтобы подпалить их!..
Нельзя, однако, допустить такое
Бесчестье, чтобы черт повешен был
В том самом теле, что увел из петли.
А ну, садись верхом. — Скачи, Порок!

Беспутство берет Пага на закорки.

Беспутство. Влезай и не бойся решеток и стражи!
Кто беса везет, тот уверен в поклаже.
Обычно нечистый пороки уносит⁶²,
А нынче Порок черта в пекло забросит.

Уходят. Раздаются грохот и крики, вбегают перепуганные тюремщики.

Засов. Сюда!
Первый тюремщик.

Что тут произошло?

Второй тюремщик. Стена
Обрушилась.

Третий тюремщик.

ТЬфу, жженой серой пахнет!

Четвертый тюремщик.
Глядите, только что прибывший малый,
Кажись, отдал концы.

Засов. Где?

Четвертый тюремщик. Посмотрите.

Первый тюремщик.

Черт побери, да это Джилл Карманник,
Которого повесили сегодня.

Засов. Он самый.

Второй тюремщик.

Видно, тут замешан дьявол.

Третий тюремщик.

Что ж теперь делать?

Засов. Доложить шерифу.

Первый тюремщик.

И судьям тоже.

Четвертый тюремщик. Это очень странно!

Третий тюремщик.

Определенно дьявольщиной пахнет.

Второй тюремщик.

Как будто уголек из адской кухни
Застрял в носу.

Первый тюремщик. Тьфу!

Засов. Отнесем его.

Первый тюремщик.

Ну взяли живо!

Второй тюремщик. Как же здесь воняет!

Уходят, унося тело.

СЦЕНА 5
Фицдупель в постели, леди Веерхвост, леди Флюгер, Сбруннгс, Шлейфус, Ловли. Входят сэр Флюгер, Меерплут и Драчлифф.

Сэр Поль Флюгер.
Коварней заговора не бывало.

Меерплут. Чудовишно! Он опоен был зельем,
 Которое его приворожило
 К испанке мнимой.

Драчлифф. А потом открылись
 Припадки; колдовство здесь очевидно.

Леди Веерхвост. Сэр Поль, прошу, взгляните на больного
 И накажите плутов.

Сэр Поль. Для того
 Я и пришел, мадам.

Леди Флюгер. Он их накажет.

Сэр Поль (*Сбруингсу*).
 Эй, пригласите-ка сюда констебля
 И нескольких почтенных горожан
 В свидетели. Я выполняю свой долг
 По совести и по закону.

Меерплут. Так, сэр..
 Пришлите и жену его сюда.

Драчлифф. И этих колдунов сюда доставьте.
 Сбруингс уходит.

Леди Веерхвост. Я думала, она и вправду дама,
 Чтоб не сойти мне с места! Правда, Флюгер?

Леди Флюгер. Чтоб мне ослепнуть! Правда, Веерхвост.

Леди Веерхвост. А друг его учтивым кавалером
 Казался мне.

Драчлифф. Припомните, мадам,
 Что я вам говорил.

Леди Веерхвост. Теперь я вижу.
 А я в их честь хотела дать обед,
 Закончив разговоры с этим малым,
 Да Чьорте.

Меерплут. Этот малый оказался
 Воришкой. Да, мадам, украл костюм
 У Сбруингса.

Леди Веерхвост. Как?

Меерплут. Я вам расскажу
 Попозже.

Фицдупель. Чесноку мне, чесноку!
 (*Изображает припадок.*)

Меерплут. Бедняга! Видите, как он страдает?

Фицдупель. Жена моя — шлюха; я дам ей в ухо: не плачь!
 Узнаем в свой час, который из нас рогач.
 Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Сэр Поль. То бес хохочет, что в него вселился.

Меерплут. Вы полагаете?

Сэр Поль. Я полагаю.

Фицдупель. *А чем, скажите, бес вам нехорош?*

Меерплут. И голос не его!

Фицдупель. *Ведь бес похож*

На рога носца, — кто их разберет,

Когда он рожки выставит вперед?

Ха-ха-ха-ха!

Меерплут. И пена изо рта!

Драчлифф. Как его пучит!

Леди Веерхвост. Гляньте, что такое

Ему живот раздуло?

Леди Флюгер. Вниз давите!

Шлейфус и Ловли.

Не получается!

Сэр Поль. Да, случай явный:

Его околдовали.

Фицдупель. *Смелтон, Смелтон!*

Входят Смелтон, Гудмэн и Франсис.

Смелтон. Гляди, да здесь разыгрывают пьесу.

Гудмэн. Какую пьесу?

Смелтон. «Шут под одеялом».

Меерплут. Осмелились сюда явиться? Сами?

На место преступления?!

Драчлифф. Не стесняясь

Присутствием судьи!

Сэр Поль. Спокойно, сударь.

Меерплут. Сэр, вы заметили, он крикнул: Смелтон,

Когда они вошли?

Драчлифф. Еще не видя!

Сэр Поль. Я все заметил. Поглядим, что дальше.

Фицдупель. Цып-цып-цып-цып!

Леди Веерхвост. Ах, бедный джентльмен!

Он так страдает!

Франсис. Сударь, как не стыдно!

Зачем вы притворяетесь? *(Подходит к мужу.)*

Фицдупель. О! О!

Втыкает иголку: как больно, как больно!

Втыкает булавку: довольно, довольно!

Исколот повсюду, по всем я местам,

И колется здесь, и колется там! Ой-ой!

Сэр Поль. Мадам, вам не к лицу.

Смелтон. Что не к лицу?

Сэр Поль. Столь мерзкое занятие.

Смелтон. Неужели

Вы им поверили?

Гудмэн. Взаправду, сэр?

Сэр Поль. Сужу по совести и по закону.

Здесь, как могу я видеть, явный сговор
И колдовство.

Смелтон. Убогий вы судья!
Гудмэн. Сэр, это же нелепо!
Сэр Поль. Не дерзите.
Я здесь судья, и я постановляю...

Возвращается Сбруннгс с Кувалдой и Подпилоком.
Вот и констебль, а с ним — мой друг Подпилок.
Будьте свидетелями, господа.
Я здесь по совести и по закону
Определяю и постановляю:
Чудовишно, неслы́ханно, ужасно!

Драчлифф *(шепотом Фицдупелю)*.
Стоните громче.

Меерплут *(так же)*. Лязгайте зубами.
Леди Веерхвост.
Как его корчит бедного!

Сэр Поль. Еще бы!
Драчлифф *(тихо Меерплуту)*.
Добавьте мыла: мало пузырей.

Меерплут *(шепотом Фицдупелю)*.
Теперь изобразите что-нибудь.
Леди Веерхвост.
Что это он?

Сэр Поль. Больной воображает,
Что нюхает табак. Ведь черт — охотник
До табаку.

Фицдупель. Пиф-пиф!
Сэр Поль. И просит пива.
Учтите, пьяницы и табакуры.

Фицдупель. Желток, желток, желток!
Сэр Поль. Он в желтый цвет
Велит крахмалить. Черти любят желтых.
Вот, хлопает в ладоши от восторга.
Все доказательства!

Подпилок. Ну это ж надо...
Сэр Поль. Как черт умеет сцены представлять!
Он любит лицедеев и поэтов.
Заметили, он в рифму говорил?
Вот то-то же!

Леди Веерхвост. Он изрыгает пламя!
Сэр Поль. Нет, это он играет на волынке, —
Ведь сатана волынку изобрел.

Гудмэн. Скажите же ему...
Смелтон. Зачем, приятель?
Нет смысла говорить с таким болваном,
Каким он выставляется.

- Фицдупель. *Ура!*
Еще десяток чертей полосатых
Стучат у дверей: открой поскорей!
- Леди Веерхвост.
Ах, бедный, бедный!
- Сэр Поль. Разведите их.
Поставьте порознь.
- Гудмэн. Вы в своем уме?
Ведь это все подстроено, поймите.
Мы не боимся правосудья. Пусть
Рассмотрит суд, чего мы добивались,
Какими средствами и почему, —
Но не решают, прежде чем услышат.
- Сэр Поль. Не надобно и слушать. Дело ясно
Из обстоятельств.
- Гудмэн. Так ли ясно, сэр?
- Сэр Поль. Все очевидно.
- Гудмэн. Очевидна здесь
Лишь ваша глупость.
- Сэр Поль. Я решаю дело
По совести своей и по закону.
- Подпилук. Вы — справедливейший судья на свете.
- Фицдупель. *Я голоден — беда, несите мне сюда
Все лучшие куски; судейские мозги...*
- Сэр Поль. Черт не выносит судей, как известно.
- Фицдупель. *... И потаскухи-женки вареные печенки,
А Подпилока я съем с потрохами и со всем!*
- Сэр Поль. Не бойтесь, это дьявол в нем играет.
- Фицдупель. Да, рыцарь, пыцарь, поль, король, флюгарка,
припарка!
- Сэр Поль. А это — крамбо⁶³, тоже у чертей —
Любимая игра.
- Меерплут (*шепотом Фицдупелю*). Заговорите
Теперь как бы по-гречески. Судья —
Невежа и болван надутый.
- Драчлифф. Тише...
- Фицдупель. Ой, мой какодаймон, кай трикалкадаймон, кай
тетракис, кай пертакис, кай додекакис, кай му-
риакис⁶⁴.
- Сэр Поль. Наверно, это греческая брань.
- Драчлифф (*шепотом Фицдупелю*).
Сэр, по-испански, как я вас учил.
- Фицдупель. *Quebremos el ojo de burlas**.
- Драчлифф. Вот ведь как!
Свернемте ему шею, просит дьявол.

* Выбьем-ка в шутку глаз (*исп.*).

Фицдупель. Di gratia, signor mio, se havete denari fatamene parte*.

Меерплут. Как, дьявол просит денег?

Фицдупель. Oui, oui,
Monsieur, un pauvre diable, diabletin**.

Сэр Поль. Вот дьявольщины явная примета —
Он говорит на разных языках!

Входит Засов с имуществом повешенного воришки.

Засов. Не здесь ли сэр Поль Флюгер?

Сэр Поль. Здесь. В чем дело?

Засов. В Ньюгейте — небывалый случай, сэр.
Обрушился кусок стены тюремной.
Черт побывал там. Он вселился в тело
Карманника, повешенного утром,
Лишь приделся заново. При нем
Мы обнаружили вот эти вещи.

Сбруингс. Мои вещички!

Засов. Он был осужден
По заявлению вашему о краже.

Сбруингс. Да.

Засов. Он исчез, оставив это тело,
Да смрад ужасный, да такой дымище,
Что, как в тумане, разглядеть нельзя
И колокольни ближней, а зловонье
На десять миль в округе разнеслось.

Фицдупель. А ты не врешь, дружище?

Засов. Сэр, сходите
И убедитесь.

Фицдупель. (отбрасывая притворство).
Это мне урок.
И знак, чтобы отбросить прочь притворство.
Сэр, я не околдован, и в меня
Черт не вселился. Эти джентльмены
(указывает на Меерплута и Драчлиффа)
Меня подговорили, научив
Всем этим трюкам. Я скажу вам правду
И дьявола тем самым посрамлю.
Вот, сэр, фальшивый мой живот⁶⁵, вот мышка⁶⁶
И все, что должен был пустить я в ход,
Но не успел...

Гудмэн (сэру Полю). Сэр, вам сейчас не стыдно
За вашу спесь и глупое упрямство?

Сэр Поль. Я был не прав, но правде я воздам.

Фицдупель. И все ж они обманом овладели

* Если у вас есть деньги, пожалуйста, синьор, поделитесь со мной (ит.).

** Да, да, сударь, бедный дьявол, чертенок (фр.).

Моей землею и моей женой,
Которая, хотя и не колдунья,
Но хуже — шлюха!

Гудмэн.

Сэр, не клеветайте.

Она невинна, да и мы честны.
А блажью похваляться не пристало.
И провиденье вам не помогло
Умнее стать. Сперва услышьте правду,
В суть вникните, — а уж потом судите!
Вы сами захотите искупить
Свои слова, узнав, как мы старались
Избавить вас от разоренья, герцог
Утопии.

Фицдупель.

Действительно, утопла

Моя земля...

Сэр Поль.

Молчите!

Гудмэн.

Как страдала

Правдивая и скромная супруга
От ваших безрассудств! Вам будет стыдно
За опрометчивость своих поступков.
(*Всем.*)

Его земля останется за ним,
Мы ничего иного не хотели,
Как лишь помочь супруге, у которой
На эту землю тоже есть права.
А если кто имел другие планы
(Они меня сейчас, конечно, слышат),
Пускай расскаются, а называть
Я их не стану. Было б недостойно
Злорадствовать из-за чужих ошибок.
Мы все порою поступаем дурно;
Иное дело — кто коснеет в зле
И злом живет. А впавших в заблужденье,
Чтоб им дорогу к правде указать,
Полезней пристыдить, чем наказать.

Все уходят.

ЭПИЛОГ

Итак, мы посрамили прожекторов.
Но есть прожектик свой и у актеров.
Пусть нынче вечером никто у нас
Не отбивает автора на ужин, —
Коль пьеса вам понравилась сейчас;
А коли нет — так он и нам не нужен.

Джеймс Шерли

ВЕТРЕНИЦА

Комедия
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лорд.
Сэр Томас Добруэлл
Сэр Вильям Блудли
Мистер Александр Бреллок
Мистер Джон Меллок } светские
Мистер Стриггинс, парикмахер. } шеголи.
Мистер Фредерик, племянник леди Добруэлл.
Дворецкий в доме леди Аретины.
Дворецкий в доме леди Селестины.
Секретарь лорда.
Слуги и т. д.
Аретина, супруга сэра Томаса Добруэлла.
Селестина, молодая вдова.
Изабелла } родственницы Селестины
Мариана }
Мадам Капкаун, сводница.
Камеристка¹.

Место действия — Лондон, Стрэнд².

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА I . Комната в доме сэра Томаса Добруэлла.
Входят Аретина и дворецкий.

Дворецкий. Миледи, успокойтесь! Вашу волю
Исполню я...

Аретина. Вот именно, на волю
Я из деревни вырвалась! Теперь
Меня уж не заманишь в захолустье,
Хоть дюжину мне посулите графств!
Что там за жизнь! Кругом одни мужланы,
Тупые от рожденья — на уме
Всегда одно: земля! Да их мозги,
Как пустоши, перепахать бы впору...
А их досуги?! Оскорбляют слух
Какой-то допотопной плясовою,
По праздникам вышагивают в церковь
И с постным видом жертвуют на свечи...
А накануне троицына дня

Дворецкий. На луг сойдутся, ряженных обступят —
И ну скакать, покуда семь потов
С Прекрасной Марианы не сойдет,
А Робин Гуд не потечет, как студень!³
Мадам, неужто этого довольно,
Чтоб показалось вам таким мученьем
В поместье жить, где наслаждались вы
Спокойствием и властью безраздельной,
Где все капризы ваши исполнялись
С восторгом, где влюбленный ваш супруг
Ни сил, ни денег не жалел на то,
Чтоб угодить вам. Жили вы в достатке,
Без горя и забот, и все кругом
Превозносили вашу доброту,
Гостеприимство... Все за вас молились!
И даже зависть не касалась вас.

А ныне... О, подумайте, мадам,
Куда ведут все эти перемены!
а. Вы, сударь, верно, кажетесь себе
Красноречивым? Думаете вы
Сравнением принизить Лондон? Что же —
Мы можем вас в деревню отослать
И поручить там управлять именем!

Дворецкий. Как так, мадам?!

Аретина. Вот так.

Дворецкий. Хоть я, мадам,
У вас на службе ныне состою —
Я дворянин!

Аретина.

Да, сельский дворянин:

Вы говорите колкости, в которых
Есть что-то... от соломы. Впрочем, там,
На воздухе, на пудингах крестьянских
Толстеют даже тонкие остроты!

Дворецкий. Куражьтесь на здоровье. Спорить с вами
Я не могу.

Аретина.

Пожалуйста Церере!

Дворецкий. Вам не под силу нрав свой обуздать,
И мне вас жаль.

Входит сэр Томас Добруэлл.

Добруэлл. В чем дело? Что случилось?

Дворецкий. Ничего сэр.

Уходит.

Добруэлл. Ты сердишься, голубка?

Аретина.

На себя.

Как стыдно, что приходится во всем
Себя мне ограничивать. Ведь это —
Пятно на чести мужа моего!

Добруэлл. Ответ, жена, в чем провинился я?!
Ведь я исполнил все твои желанья:
Я не хотел усадьбу покидать,
А все ж уехал. К возвращенью путь
Себе отрезал сам, продав поместье,
Где жили мы безбедно... Променял
Покой на шум, достаток — на расходы!

Аретина.

Расходы!? Я расходую не больше,
Чем подобает даме моего
Происхождения и воспитанья!

Добруэлл. О, я прекрасно знаю, что за кровь
Течет в вас... Вашу знатную родню
Я чту, как должно! Но и вы, миледи,
Не забывайте: вы моя жена!

Я вашей родовитости бесценной
Намерен дать достойную оправу
В пределах состоянья моего.
Но так мирволить вашему тщеславию,
Чтоб по миру пустить себя и вас
И сделаться посмешищем?! Ну нет!

Аретина.

Так вот что я для вас! — статья расхода!
Во сколько ж оценили вы меня?

Добруэлл.

Хоть вы меня не цените нисколько,
Я все же должен вас предостеречь
От тех советчиков и доброхотов,
Что разжигают в вас пристрастие к блеску
И к расточительству толкают вас.
Вся эта раззолоченная мебель,

Картины итальянцев и голландцев⁴,
Невиданных размеров зеркала,
Которые подвозят на колесах,
Как пушки! А серебряные кубки
Старинные, а шляпки! а обеды
В честь именитой тетушки и прочих...
Заморские духи! Орава слуг!
А выезд ваш? Разряженная свита
Вокруг кареты? То-то кутерьма!
Болван форейтор прет по переулкам,
Торговцы жмутся к стенам, их лотки
Шатаются; и громко люд простой
Поносит вашу милость!

Аретина.

Это все?

Добруэлл.

Могу сказать о вашем гардеробе:
О вышивках столь пышных, что под ними
Не видно шелка, или о брильянтах,
Что ослепляют блеском... А меж тем
Вы благородны от рожденья! Блеск
Излишний может только повредить вам,
Затмив богатства истинного свет,
Что льется из души... Еще два слова...

Аретина.

Прекрасно, продолжайте! Я в восторге
От этой проповеди скупердяйства!

Добруэлл.

Я вас просил бы воздержаться впредь
От игр азартных.

Аретина.

А! Так я к тому же

Добруэлл.

Игрок?

Увы, — хоть вам и нет нужды
Играть для денег. Мастерством игры
Вы не владеете и не стремитесь
Все тонкости постигнуть и секреты
Карт и костей. Вас проигрыш не злит,
А выигрыша вряд ли бы хватило
На юбки и чулки. И слава богу!
По крайней мере, ни один из слуг
Не скажет нам, что стол его и платье
Оплачены с подобного дохода!
Игра — не безобидная забава,
Коль на нее транжируются бездумно
И ваше время, и моя казна.

Аретина.

Отлично! Дальше!

Добруэлл.

Предаетесь вы

Еще одной забаве, что вредит
Не кошельку, но вашей доброй славе.
Я о балах, о сборищах ночных,
Куда слетаются все ваши дамы
И шеголи — как если бы Венера
И Купидон их вызвали повесткой:

Ни дать ни взять — диковинная секта,
Поборники греха! Как раз о том
Я видел пьесу: жаль, во всей красе
Не показали вашего ломанья;
Подмаслили поэта, а не то
Уж выплыли бы темные делишки,
И кой-кому пришлось бы покраснеть,
На представленье глядя... Дорогая!
Я верю в вашу честность, но ведь мало
Невинным быть — не надо подавать
И повода к молве и подозреньям!
Что, лекция окончена?

Аретина.
Добруэлл.

Я кончил.

Вас речь моя обидела? Поверьте,
Что я далек от мысли вас лишить
Невинных развлечений. Я, напротив,
О вашем удовольствии радеть
Готов и день и ночь.

Аретина.

Отвечу вам

Не так пространно и без церемоний:
Я остаюсь при мнении своем!
Под маской бережливости похвальной
Вы скопидомство прячете. Свободу,
Которой наделил меня создатель,
Отнять хотите... Будь мои желанья
Неслыханным каким-то сумасбродством,
Капризом, не имеющим подобья!
Отнюдь, пример любой достойной дамы —
Свидетельство тому, что я, как все.
Так ограничивать меня во всем —
И упрекать к тому же! Вот нелепость!
А кстати, слишком строгие мужья
Наносят сами вред своей карьере:
О них не слышно в свете, а известность
Среди дворян приводит к полученью
Высоких должностей!

Добруэлл.

Такой ценой

Я возвышаться не желаю.

Аретина.

Я же

Бесчестием считаю для себя
Нужду и крохоборство. Я иначе
Воспитана, сэр Томас, и никто
Меня к подобной жизни не принудит!
Остановитесь! Вы себя ведете...
Как я себя веду?

Добруэлл.

Аретина.

Добруэлл.

Сказать по чести,

Аретина.

Как человек... еще не искушенный.
Смотрите, как бы ваши рассужденья

Дворецкий.

Не память у меня,
А решето! Да тот, что все танцует
На улицах, тот самый, в шляпе с лентой,
Во всех карманах носит леденцы,
Чтоб речь казалась слаше, дамам льстит,
Угрюмых книгочеев презирует
И чрезвычайно строго судит пьесы,
В которых мало непристойных мест.
Ах, да! Джон Меллок — так его зовут.

Аретина.

Я их приму охотно. Вы куда
Займите их: я не совсем готова.

Добруэлл.

Они ведь спрашивали не меня?

Дворецкий.

Нет, сэр, не вас.

Добруэлл.

Все ж надобно принять их.

Аретина.

Моя прическа в страшном беспорядке.
Фу! Локон выбился... Пойду к себе.

Уходит.

Добруэлл.

Просите их. Миледи скоро выйдет.

Дворецкий уходит.

Я в бешенство привел ее... Сейчас
Опасно с нею спорить. Этих франтов
Принять я должен — или грянет буря,
И дом мой содрогнется от имен
И титулов ее родни. Прикинусь
Безропотным и кротким — до поры.

Входят Бреллок и Меллок.

Бреллок и Меллок.

Сэр Томас — с добрым утром!

Добруэлл.

С добрым утром!

Бреллок.

Я рад вас видеть!

Добруэлл.

Как погода нынче?

Меллок.

Тут все решает взгляд супруги вашей:
Он ясен — значит, будет ясный день.

Добруэлл.

Она сейчас к нам спустится сама,
И вы разочаруетесь в приметах.

Бреллок.

А впрочем, в вас учтивость говорит.
А в вас, как видно, скромность. Не желать
Похвал своей же собственной супруге!

Добруэлл.

Оставим это. В Лондоне теперь
Какие развлечения входят в моду?
Вы всюду поспеваετε.

Бреллок.

Последний

Крик моды — петушинные бои.
Иной раз я и сам по сто монет
На фаворита ставлю. Чудо-птицы!
Избранники воинственного Марса!

Меллок. А не Венеры?
Бреллок. У нее свои
Излюбленные пташки: голубки,
Что впряжены попарно в колесницу
И на лету целуются.

Меллок. Вот эти
Сражения — по мне.

Добруэлл. Когда же вновь
На Бэнстеде волынки зазвучат,
Откроются ларьки и балаганы?
Что скачки — скоро ль? А, идет жена.

Входит Аретина.

Аретина. Привет вам, господа! Вы нынче рано.
Вчера, должно быть, засветло легли?
Я польщена.

Бреллок. Наш первый долг — служить вам.
Аретина. Что нового успели разузнать?
Меллок. Все говорят о ваших совершенствах
И больше ни о чем. На сплетни даже
Нет времени! Конфетку не хотите?

Добруэлл. Во сколько оценил ваш ювелир
Те жемчуга, что одолжили вы
У леди Аретины?

Бреллок. Ожерелье
Ценнейшее.

Добруэлл. Есть у нее другие
Безделки, что пришлось бы вам по вкусу.
Хотите что-нибудь у ней купить
Из украшений женских?

Бреллок. Что вы, судары!..
Добруэлл. Возможно, вы бы предпочли продать.
А впрочем, пустяки. Надеюсь, вы
Обедаете с нами?

Бреллок. Непременно.
Аретина. А где вчера вы были?
Бреллок. О! Вчера?

Я ночь не спал: грех было покидать
Обитель красоты и благородства,
Где я блаженствовал... Мадам! Есть леди,
Что будет вашей милости под стать.
Прекраснейшая, тонкая душа
В роскошной, несравненной оболочке!
А как умна! Какой изящный вкус!
Танцует, по-французски говорит,
Поет и музицирует на лютне.
Румян, белил — не знает! Знает толк
В салонных играх. А в беседе светской
Находчива, как истинный Меркурий!⁵

Меллок. Вот как! А замужем она?
Бреллок. О нет!
Меллок. Девица, значит?
Бреллок. Тоже нет.
Меллок. Вдова!

Бреллок. Я так и знал; среди этих всех достоинств
Немыслимых уж должен быть изъян!
Скорей возьми свои слова назад!
Ей нет еще шестнадцати: сей возраст
Обычно не находят неприятным.
В течение положенного года
Она носила траур по супругу,
Что вовремя скончался, не иначе
Из сострадания к юности жены.
Такие вдовы — редкость! Красотой
И свежестью затмит она любую
Невинную девицу.

Аретина. Кто ж она?
Бреллок. Она зовется леди Селестина,
По мужу — леди Бельамур. Да вот
Ее кольцо с печаткой.

Добруэлл. Одолжили?

Бреллок. Хотите позаимствовать девиз?⁶
Не правда ли, прелестные рубины!
Она дала мне это, чтоб я мог
Такое ж заказать: любезно, правда?
Я так люблю хорошенькие вещи.
Она богата?

Аретина. Ценных украшений
Бреллок. У ней без счета. Я же ослеплен
Богатствами ее ума и сердца,
Хотя и гардероб ее богат.

Аретина. Однако вы щедры на похвалы.
Бреллок. Нет, скуп еще, пожалуй!

Добруэлл. (в сторону). Аретина
Теперь в тревоге, что ее затмят.
Аретина. Недешево мне встанет эта новость...
За этот отзыв следовало б ей
Вас обласкать!

Бреллок. Она ко мне добра.
Аретина. Вы нас должны свести.

Добруэлл. И я о том
Прошу — я жажду повидаться с нею.
Жена! Я передумал: развлекайся,
Как только хочешь, и располагай
Моим карманом, да и мной самим:
Я — всюду за тобой. Я был глупцом
С моею бережливостью. Теперь же

Я искуплю вину и стану тратить:
Ты будешь мной довольна.

Аретина. Вы всерьез?
Добруэлл. Позвольте мне обнять вас, джентльмены,
И наставляйте новичка!

Меллок. И вы
Готовы целовать прекрасных дам?
Добруэлл. Да, и плясать, и петь. Сейчас бы в кости
Спустил я для почину фунтов сто!
(Аретине.)
Вы завтра же получите наряды
На зависть всем!
(Бреллоку и Меллоку.)

А вы сторгуйте мне
Лошадок скаковых... Пошлите слуг
За греческим вином! Бочонки с пивом
Из погреба долой! А вместо них
Заставить все бутылками кларета!⁷
Мы будем пить с утра и дотемна,
Музыку заведем! В пунцовый бархат
Оденем скрипачей и скрипки!.. Да,
Столовую придется нам расширить,
Чтобы давать обеды в честь послов.
А в праздник — даровое угощение
Всему приходу выставим: столы
Накроем за городом, пушкарей
Найдем и апельсинами палить
Заставим по столам: по куропаткам
И каплунам...

Бреллок. Невиданный размах!
Добруэлл. Клянусь во всем супругу улаживать
И свой обет скрепляю поцелуем.
Я обращен! Не спорьте, господа:
Взирайте молча, как вершится чудо.
Аретина. Я рада слышать, сэр, что вы сменили
Мелодию.

Входит дворецкий.

Дворецкий. Художник ждет, миледи.
Аретина. Да, нынче для портрета я должна
Ему позировать.

Добруэлл. А я покуда
Распоряженья новые отдам
Дворецкому.

Бреллок (Аретине). Позвольте вам составить
Компанию. Прескучное занятие —
Позировать, коль не с кем поболтать.
Аретина. Для леди это скучное занятие —
Венец обычных утренних трудов:

Подняться, совершить свой туалет;
Позировать, а там, глядишь, обед.

Меллок (Бреллоку).

Об утренней молитве — ни словечка.

Бреллок (Меллоку).

Молитвы уж не в моде, говорят.

Все, уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Селестины. Входят Селестина и ее дворецкий.

Селестина. Фу! Чем это здесь пахнет?

Дворецкий. Здесь духами

Побрызгано, мадам.

Селестина. Дешевой дрянью!

Вы что, из экономии решились
Мой нос подобной вонью оскорбить?

А может, вашей милости подагра

Записывать расходы не дает?

Иль вы не верите, что я по счету

Сумею заплатить?

Дворецкий. О, госпожа!

Ужель меня вы обвините в лени

Или в презренной скупости, способной

Унизить вашу милость?!

Селестина. Не пытайтесь

Прикрыться красноречьем: Я хочу

Повиновенья полного — и только.

Что это тут свисает?

Дворецкий. Гобелены.

Селестина. Опять дерзите?! Знаю и без вас!

Мне новые нужны, и подороже,

Без нечестивых лиц из допотопных

Еврейских сказок о верблюдах, братьях,

Зерне⁸ и прочем. Дай вам только волю —

Вы мне б еще ирландских дикарей

На стены повешали, чтоб дамы

Шарахались.

Дворецкий. Мадам, надеюсь, вы...

Селестина. Я говорю вам, господин дворецкий,

Что мне нужны другие гобелены:

Расшитые по шелку серебром,

Конечно, если только ваша милость

Не возражает... К каждому сезону —

Особые картины, чтоб менять их,

Когда мне вздумается!

Дворецкий. Да, мадам.

- Селестина. Прелестно! Я уж было испугалась,
Что вы откажете... Мою карету
Доставили?
- Дворецкий. Сегодня привезут.
- Селестина. Обивка — алый бархат, так ведь?
- Дворецкий. Алый
Ворсистый плюш.
- Селестина. Пусть моль его поест!
Неужто мне пристало разъезжать
По улицам в какой-то власянице,
Как кающейся грешнице?! Продать
Ее кому угодно! Пусть торговка
По праздникам в деревню ездит в ней
И возвращается назад с поклажей
Ватрушек, слив и яблок. Ни за что
В нее не сяду!
- Дворецкий. Гвоздики на дверцах
Идут узором — так замысловато!
И шляпки золоченые, мадам.
- Селестина. На гвоздиках — двойная позолота?
- Дворецкий. Нет, ваша милость.
- Селестина. Тьфу! Опять обман!
Нет! этот человек меня в могилу
Сведет! Уж лучше вовсе не молиться,
Чем ездить в церковь в этой колымаге.
Продать ее на рынке! Пусть кряхтит
С тяжелым грузом по дороге в Майл-энд;
Пусть шлюх катает в Излингтон⁹ глазеть
На сливки общества.
- Дворецкий. Мадам! Внемлите...
- Селестина. Да лучше этот жуткий катафалк,
Что мне прислала тетушка-графиня...
И жеребцу на скачках — фавориту —
Подковы золотые набивают,
А у меня — благодарю вас! — гвозди
Почти без позолоты! Ну и ну!
- Дворецкий. Миледи, удостоите...
- Селестина. Мой портшез¹⁰
- Дворецкий. Готов? И для носильщиков — ливреи?
Готов, миледи, только без султанов
По четырем углам. И пурпур ярок,
Как вы просили, но без галунов.
- Селестина. Да вам что за нужда, хотя бы даже
Мне вздумалось парчой обить карету,
Украстить сбрую золотым шитьем,
А на портшезе вышить жемчугами
О блудном сыне притчу!
- Дворецкий. О мадам!
Конечно, дело ваше: вы хозяйка,

А я слуга, но вот что я скажу:
 Стараясь управлять именем вашим
 Со всей расчетливостью, я блюду
 Не выгоду свою, но вашу честь.
 Селестина. При чем тут честь моя?!

Дворецкий. Вам невдомек,
 Как в свете отзываются о вас
 С тех пор, как эта роскошь, этот блеск
 Вас окружают. Вы ведь дорожите
 Своею доброй славой?

Селестина. Мне бы вас
 Своим опекуном назначить. Дерзкий
 Лакей с неугомонным языком!
 Мне не нужны дурацкие советы.
 Извольте слушаться без рассуждений,
 Пока я вас еще терплю на службе.
 Как! Я должна отказывать себе
 Из-за невежественных пересудов?
 Ну нет, клянусь, никто мне не указ!
 Мои причуды будут все роскошней,
 Затем и поселилась я на Стрэнде,
 Чтоб на шуметь! Чтоб принимать гостей
 Без счета! Чтобы всюду шла молва
 О щедрости моей и о богатстве,
 Чтоб даже двор померк — и переехал
 Подальше от меня! Я соберу
 Созвездье умников и острословов —
 И пусть являют свой изящный дар¹¹,
 Моей красе слагая мадригалы
 И воспевая блеск моих пиров!
 Пусть лошади столичной высшей знати
 Сворачивают к дому моему,
 Хотя бы кучер гнал их к Черинг-кроссу!¹²
 Пусть каждый всадник, голову задрав,
 Мне машет шляпой, проезжая мимо;
 Пускай ведьможи проглядят глаза
 На мой балкон, как в "Темпле"¹³ люд простой
 Таращится на судей за барьером!

Дворецкий. Миледи, вы безумны.

Селестина. Вот же вам
 За вашу невоспитанность!
(Дает ему пощечину.)

Дворецкий. Спасибо...
 Вот что такое щедрая рука.

Уходит.

Селестина. Нет, мало для исправного слуги
 Одной лишь честности: их надо школить,
 Чтоб ни единым словом, даже взглядом! —

Не смели бы перечить госпоже.
Я вознамерилась повеселиться
Любой ценой! Расходы сократить
Всегда успею!

Входит дворецкий.

Дворецкий. Некий джентльмен,
Вас спрашивает, ваша милость.
Селестина. Имя?
Дворецкий. Он говорит, вы незнакомы с ним.
Селестина. Он из дворян, мне кажется. Проците.

Входит Стриггинс.

Стриггинс. Сэр, с кем имею честь?
Мадам, не знаю,
Как вы воспримете мой смелый шаг,
Но, о намереньях моих узнав,
Надеюсь, явите мне снисхожденье...
Селестина. О, несомненно, продолжайте.
Стриггинс. Слава
О ваших добродетелях, мадам,
Дошла до всех! За исключением разве
Каких-нибудь отшельников. И я,
Безвестный ваш поклонник, прибыл к вам,
Чтоб к ручке приложиться.

Селестина. И других

Стриггинс. Нет дел у вас ко мне?
Хоть и за этим
Приехать стоило, но все же есть
Кой-что еще.

Селестина. Скажите, не смущаясь.

Стриггинс. Ведь вы, мадам, вдова?

Селестина. Вдова, и что ж?

Стриггинс. Я — холостяк.

Селестина. Так это сватовство!

Хотите показать мне, как мирить

Две эти крайности?

Стриггинс. О да, я был бы

Счастливейшим из смертных.

Селестина. Мне по нраву,

Что прямо к делу, без обиняков,

Вы перешли. На столь прямой вопрос

Вы вправе ждать ответа без задержки.

Но я впервые вижу вас. Ужель

Вы ждете от меня такой охоты

К замужеству? Девицы по незнанью

Страшатся брака — что же говорить

Вдове, чьи страхи зиждятся на знанье?!

Но если я решительным отказом
Отвечу, не придется ль пожалеть?
Быть может, вы — вельможа родовитый,
И вас роскошный экипаж, лакеи
И свита ожидают у дверей?
Откройте титул свой, чтоб мне принять вас,
Как надлежит:

- Стриггинс. Я дворянин, мадам.
Зовусь я Стриггинс.
Селестина. Вы ведь при дворе
Бываете?
Стриггинс. Да.
Селестина. Видно по всему!
Скажу вам прямо, сэр: я не была
В замужестве настолько несчастливой,
Чтоб зарекаться выйти замуж вновь.
Но знайте: только тот меня получит,
Кто мне полюбится!
- Стриггинс. Коль вы любить
Способны — вы не сможете сказать,
Что я любви не стою! Постепенно.
Вы преданность узнаете мою
И, может быть, решитесь удостоить
Меня согласьем.
- Селестина. Ваша речь — как мед.
А какова любовь у вас? Прочна ли?
И постоянна? Или, может быть,
По четным только числам?
- Стриггинс. О, мадам...
Селестина. Как протекает? Жар или озноб?
Ведь у мужчин любовь подобна хвори!
- Стриггинс. О чем вы, не пойму... одно скажу:
Со мной вы не замерзнете...
- Селестина. Но вы
Со мною не согреетесь так скоро.
- Стриггинс. Когда бы вы мне оказали честь,
Позволив навещать вас, — терпеливо
Я ждал бы перемен.
- Селестина. Но только впредь
Не утруждайтесь открывать мне душу:
Ведь я уж знаю, что в ней.
- Стриггинс. Я счастливец!

Входит дворецкий.

Дворецкий. Мадам, к вам родственницы: леди Новис
С сестрой. Сейчас выходят из кареты.

Селестина. Просите их ко мне!

Дворецкий уходит.

(Стриггину.) Я им даю
Уроки обхожденья.
Стриггинс. Не хочу
Вам слишком докучать и удаляюсь.
У вас свои дела, и у меня
Селестина. Есть при дворе занятие... Честь имею!
Блюда же ее получше, сэр!

Стриггинс уходит.

Кузины ждут. Они получают в срок
Придворной философии урок.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА I Комната в доме сэра Томаса Добруэлла. Входит сэр То-
мас Добруэлл.

Добруэлл. Диковинная, право же, затея:
Плясать, играть, транжирить... Но ее
Все это напугает и заставит
Быть бережливой. Я к тому же дам
Ей повод к ревности: коль не поможет —
Тогда она не женщина! Тогда
Ее способно усмирить лишь чудо!

Входит дворецкий.

Дворецкий. Там мистер Фредерик, племянник леди.
Добруэлл. Откуда он?
Дворецкий. Из университета.
Добруэлл. Зачем?
Дворецкий. Должно быть, вызвала мадам.
Добруэлл. Я потолкую с ним, пока он с теткой
Не повидался.

Дворецкий уходит.

Что-то здесь не так.

Входят дворецкий и Фредерик; последний в. костюме
студента.

(Фредерику.)

Добро пожаловать! Я вас не ждал
Так скоро. Что случилось?

Фредерик.

В этих письмах
Наставник мой¹⁴ причину изложил.
(Дает Добруэллу письма.)

Дворецкий. Вот вы и дома, мистер Фредерик!

Фредерик. Где тетушка?

Дворецкий. Художник иностранный
Ее срисовывает на портрет.

Фредерик. Она позирует?

Дворецкий. Ее повесят
В столовой, где французский кардинал.
Но стоит ей услышать, ваша милость,
Что вы уж здесь, — забросит иностранца
И примется за вас.

Фредерик. Вы научились
Остричь? Вам здешний воздух, видно, впрок.

Добруэлл. Наставник отзывается о вас
Похвально, сожалеет, что придется
По воле тетушки вам от наук
Отвлечься, но забросить их совсем
Вы не должны... Ученость — высший титул,
А без ученья знатность — ложный блеск,
Скрывающий невежество, и только!

Фредерик. Я проводил счастливейшие дни
За книгами и лекциями, сияясь
Основы философии постичь:
Чудесная гармония природы
Меня заморозила, я бы мог
Всю жизнь учиться!

Добруэлл (*в сторону*). Жаль: такой талант
Загублен будет прихотью бездушной!
Она идет: посмотрим, что-то будет?

Входят Аретина, Бреллок, Меллок.

Фредерик. Ах, дорогая тетушка!

Аретина. Мне дурно!

Меллок. Что с вами?

Аретина. Этот, в черном — Фредерик?!

Бреллок. Зато камзол атласный.

Аретина. Погубили!

Фредерик. Чем вы огорчены?

Аретина. На мне забота
О воспитании твоём. А ты
Ко мне явился, как сухарь ученый!

Бреллок. Не знаю, что там в университете
С ним делали, но это чересчур:
Вернуть его родным в подобном виде!

Фредерик. Вам черное, как видно, режет глаз.
Но, сударь, что дурного в этом цвете?
На многих благороднейших гербах
Чернеет траур.

Бреллок. Если б вы доньне
Носили траур по отцу... иль вдруг

Скончайся ваша тетушка родная —
 Наряд ваш был бы к месту. А студенту
 Так мрачно одеваться не к лицу.
 Ну что бы мне послать его учиться
 Во Францию! Там можно получить
 Весьма широкое образование.
 Там вник бы он в премудрости нарядов,
 Причесок и поклонов, модных па
 И научился делать комплименты,
 А не бурчать смущенно «да» и «нет»
 И не краснеть при этом, как послушник.
 Он смог бы изучить чужой страны
 Обычай и нравы, и, быть может,
 Сумел бы сам придумывать фасоны,
 И много пользы родине принес:
 Тогда б не приходилось королевству
 Ввозить образчики из-за границы
 К ущербу государственной казны...
 Ну полюбуйтесь, как он держит шляпу!
 Мадам, простите, но когда меня
 На воспитанье взяли вы — в то время
 Другим вы говорили языком.
 С тех пор у вас наречье изменилось:
 Латынь и греческий мне разбирать
 Намного проще! Логику осилить
 Я смог скорей, чем вас уразуметь.
 Я падаю! Глоток вина, скорее!
 Вот сладкое, вас это подкрепит.
(Протягивает ей коробочку.)
 Боюсь, он безнадежно развращен!
 Он говорит о Логике какой-то:
 И дело, видно, далеко зашло.
 Я так и знала, что его испортят.
(Фредерику.)
 Из греческих пословиц не сошьешь
 Камзола, и латынь не пригодится
 Для болтовни любовной... милый Бреллок,
 Вы так добры! Не откажите взять
 Его в опеку... Только прежде лекарь
 Пускай ему слабительного даст,
 Чтоб голову очистить от науки
 И освежить сей гадкий цвет лица.
 Коль вы мне доверяете...
 Вы, Меллок,
 Должны здесь также руку приложить.
 Я научу его изящным позам,
 И прочей азбуке.
 Но этот вид
 Невыносим! Мне делается дурно.

Он ваш, как только сменит переплет.
Мне долг велит воспитывать сиротку;
На это я употреблю доходы
С его имения, покамест он —
Мой подопечный.

Фредерик (Фредерику.) Подойди поближе.
(дворецкому).

Как тетушка со мною поступить
Намерена?

Дворецкий. Перевести вас, сударь,
С наречий ваших древних на язык
Теперешних вандалов — на французский.

Добруэлл (в сторону).
К какому злу ведут на этот раз
Ее причуды? Он пропал, бедняга!
Хоть выждать мужчине не к лицу,
Но с ней нужна стратегия: прямые
Пути меня от цели уведут.

Дворецкий (Аретине).
Все будет выполнено, ваша милость.

Выходят все, кроме Фредерика и дворецкого.

Фредерик. Она ли? Я как будто вижу сон!
Скажите, сударь, тетушка ли это?!

Дворецкий. Она, конечно! И, как прежде, в вас
Души не чает. Надобно вам справить
Костюм получше: этот нехорош.

Фредерик. Да он почти что новый.

Дворецкий. Не для новых

Порядков, сэр... У нас теперь постов
Не соблюдают; госпожа велела
Ни в чем вам не отказывать, хотя бы
Вы этого просили, а науки
Забудьте поскорей, как долг велит
Потомку благородного семейства.
Тут не поместье: жизнь теперь не та!
Давно уж мы не кормим бедняков
Обедами, не пахнет ни жарким
На кухне, и ни солодом, ни хмелем
Из погребка: у нас любой сапожник
Лакает вина, что твой дворянин.
... По праздникам, бывало, скрипачи
Придут, волынки тут же — вот и танцы.
Весь пол распашут, чтоб повеселить
Хозяйку... Нынче — подымайте выше:
Придворных принимаем! Можно ль вам
В таком-то платье — с герцогами знаться?!

Фредерик. Так тетушка уж завела свой двор?
А что сэр Томас, рад платить за это?

Дворецкий. Сперва не радовался, но теперь
В их веру обращен. И вам бы, сударь,
Чем сеять ересь — взять да разгуляться
На радость тетушке и всем друзьям.
Вас обеспечат всем. Транжируйте деньги
Во славу госпожи. Вот сто монет
На платье новое. Я подберу вам
Лошадку из своих; улыбка леди —
Награда мне за этот скромный дар.
Еще я должен подыскать вам слуг,
Лакея и жокея.

Фредерик. Покоряюсь,
Раз это воля тетушки... Кошель —
Вот лучший довод, веский и наглядный.
Я должен тратить?

Дворецкий. Непременно, сэр!

Фредерик. Тогда начнем! Чтоб вы меня и впредь
Так опекали — вот вам пять монет,
Не за лошадку вашу, за заботу.

Дворецкий. Да уж, надеюсь, не за мой подарок.

Фредерик. Купите шляпу, чтоб была по моде
И по болванке. Кто у вас вином
Распоряжается?

Дворецкий. Кто, как не вы, сэр?

Фредерик. Пожалуй, пропущу глоток-другой
За тетушку... Коль это предисловье
Меня не пошатнет, то перейду
К наукам лондонским.

Дворецкий. А если кровь
В вас от вина взиграет и подвигнет
На подвиги по женской части, сэр —
То тетушка для ваших упражнений
Не пожалеет горничной любой,
Уж так она вас любит.

Фредерик. Мне в новинку

Такие упражненья... Аристотель,
Прощай! Я завещаю свой скелет
Вестминстерской библиотеке: черви
Ученые пусть пользуются им.
Я наверстать упущенное время
Теперь хочу — идемте в погребок!

Уходят.

СЦЕНА 2 Комната в доме Селестины. Входят Селестина, Мариана
и Изабелла.

Мариана. Но разве не осудят нас, мадам,
За эту независимость?

Селестина.

Осудит

Нас только тот, кто судит по себе.
Что ж, отказаться нам от удовольствий
Из страха перед злыми языками
И подлыми душонками мужчин?
Мы, слава богу, не бедны, кузина,
Чтоб в них нуждаться; а посмеет кто
О нас злословить — дерзкая насмешка
Оружьем будет против клеветы.

Изабелла.

Селестина.

Мне ваша стойкость по душе.

Судьба

Ко мне благоволит, сказать по чести:
Я нынче ни в кого не влюблена,
И впредь меня мужчина не заставит
От горестей сердечных изнывать
И портить зренье жгучими слезами...
Нет! Я — хозяйка собственному сердцу.
«Играй, но не люби!» — вот мой девиз.
Ни о молитвах я, ни о нарядах
Не забываю и сама плачу
Своим портным. Такая жизнь по мне.

Мариана.

И все ж о вас — простите! — говорят,
Что роскошью стремитесь вы привлечь
К себе вниманье, чтобы выйти замуж.

Селестина.

Да разве дама в возрасте моем,
С моею красотой, с моим богатством,
Вдова, уже не в трауре притом, —
В столице может жить, не привлекая
К себе вниманья?.. Толпы ухажеров
Тотчас же явятся без приглашенья.
Чем хуже я какой-нибудь вдовы
Богатого купца: она и траур
Еще не снимет, как за ней уж граф
Примчится в раззолоченной карете,
И вмиг — она графиня! Наша знать
Не прочь, когда не греет их именье,
Погреться у мужицкого костра.

Изабелла.

Селестина.

Вы говорите истинную правду.
Пусть у жены не голубая кровь, —
Получит граф наследство от вельможи,
Что был купцом покойным разорен...
Итак, хотя бы даже я стремилась
Себя поклонниками окружить,
Чтобы достойнейшего выбрать, — можно ль
Меня за это осуждать?

Мариана.

О нет!

Вы поступили бы весьма разумно.

Селестина.

Но мне противна даже мысль о том,
Чтоб милую свободу променять

На цепи брака. О, я изучила
Мужские нравы, хитрости, уловки —
И мне они смешны!

Мариана.

Вы все, мадам,
Прекрасно разъяснили.

Селестина.

Поясню
Еще кой-что на собственном примере:
Вы видите меня веселой, резвой,
В забавах, в танцах первой; но никто
Не видел, чтобы слишком расточала
Я милости кому-то... Чтобы я,
В свой будуар заторопясь внезапно,
Знак подала кому-то из гостей;
Мольбы и вздохи светских селадонов
Я слушаю на людях; губ моих
Коснуться можно только в знак приветия;
Кто руку поцелует мне, уж должен
Считать себя счастливецем и покорно
Ждать снова благосклонности моей!
Иные дамы милости и ласки —
Все разбазаривают в одночасье,
И вскоре только грех, лишь он один,
У них в запасе есть для кавалера...
Нет! Только та красотка, что скупа
На ласки, побуждает к постоянству:
И чести не уронит, и надолго
Поклонника удержит при себе.
Воистину достойное искусство!
Оно свободе вашей не грозит,
Напротив, вам покажутся забавы
Приятней, коли совесть в вас чиста.
Я честь свою блюду, а развлечениям
Без меры и без страха предаюсь
И говорю об этом откровенно
И не стыдись.

Изабелла.

Селестина.

Изабелла.

Мы польщены, мадам,
Доверьем вашим.

Входит камеристка Селестины.

Камеристка.

К вам сэр Вильям Блудли
С визитом.

Селестина.

Пусть немного подождет.

Камеристка уходит.

(Изабелле и Мариане.)

Вот частый гость.

Мариана.

Селестина.

Надеется жениться?
Он с виду франт, но для таких надежд
Мало его именье родовое.

Он у вельмож бывает на пирах.
По слухам, он им нужен как посредник,
Как егерь, что в Венериных лесах
Выслеживает дичь для джентльменов
И не гнушается в подарок взять
Уже подстреленную куропатку...

Мариана. Да, и при лорде есть такие люди,
Что отбирают фрукты для стола
И с каждой ягодки взимают плату
За то, что съест ее аристократ.

Селестина. До них мне дела нет.

Входит камеристка.

Камеристка. К вам мистер Стриггинс,
Он хочет засвидетельствовать...

Селестина. Пусть

Мариана. Сэр Вильям развлечет его покамест.
Кто этот Стриггинс? Он всегда наряден,
И знатные дворяне угодить
Стараются ему.

Селестина. Не знаю, кто он.

Одет прекрасно, весел... при дворе,
Должно быть, занимает пост изрядный:
Он держится уверенно. Просил
Моей руки, и, я должна признаться,
Он нравится мне больше остальных.

Изабелла. Что вам в нем нравится?

Селестина. Хотя бы пудра.

Сиди он вечно в комнате моей,
Так не пришлось бы прыскать в ней духами.

(Камеристке.)

Просите.

Камеристка уходит.

Входят сэр Вильям Блудли и мистер Стриггинс.

Блудли. Ваш покорнейший слуга

Явился и с благоговеньем ждет
Сиятельной улыбки.

Стриггинс. Ваша милость

Простит мой неожиданный визит:
Я всякий день, когда не вижу вас,
Потерянным считаю безвозвратно.

Селестина. Вы, как всегда, любезны, господа.

Блудли. Здесь мудрено решить, кому скорей

Любезность выказать. Кто эта дама?
Мы родственницы с нею.

Селестина. Мы родственницы с нею.

Блудли. Тем охотней

Я ей готов служить.

Селестина (Стриггинсу). Вы при дворе
Уже сегодня были?

Стриггинс. Я бываю
Там постоянно, и свою судьбу
Благодарю за высшее блаженство,
Которым утешаться мне дано
В те горькие часы, что я не с вами.
Но лишь тогда, поверьте, я бы мог
Считать себя избранником Фортуны,
Когда б вы удостоили меня
Великой чести, разрешив представить
Вас ко двору.

Селестина. В какой же это роли?
Кем я вам довожусь?

Стриггинс. Не понимаю.

Селестина. Вы захотите, может быть, назвать
Меня сестрой — я буду польщена.
А может как возлюбленную вашу
Представите? Довольно ль я богата
И хороша для этого?

Стриггинс. Надеюсь...

Селестина. До этого покамест не дошло,
Не правда ль? Не сердитесь, это шутка!

Стриггинс. Вы прелесть!

Селестина. Можно вам задать вопрос
Нескромный? Что за должность при дворе
Вы занимаете? Ведь вы простите
Мне любопытство женское?

Стриггинс. Мадам,
Мое теперешнее положенье
Мне доставляет прибыль и почет,
Но будущий мой пост еще почетней.
Примите этот мой ответ как вексель:
Вы по нему получите сполна,
Узнав все то, что вам открыть до срока
Я не могу из скромности

Селестина. Ответ
Прекрасный! Вы пришлись бы мне по вкусу
В какой угодно должности высокой,
За исключением разве что посла.
...А где сэр Вильям?

Стриггинс. Вышел на охоту:
Видать, поблизости учуял дичь.
Не будем же сбивать его со следа.

Селестина. Вы знаете его?

Стриггинс. Да как не знать!
Вам каждый паж все выложит о Блудли,
Служанки и подавно... Говорят,
Он приторговывает шпанской мушкой.

Селестина. Чем, чем?
 Стриггинс. Спросите горничных и прачек.
 Короче, он поклонник Эпикура,
 Неглупый, по рождению дворянин,
 Но он не джентльмен, скажу вам прямо.
 Вам эти сведения, может быть,
 Придутся кстати: применяйте их,
 Не называя автора.

Блудли (*Мариане*). Позвольте
 Поцеловать прекраснейшую ручку.
 Мариана. А что ж другая — менее прекрасна?
 Блудли. Я не хотел обидеть вас.
 Селестина (*Мариане*). Сэр Вильям
 Любезен неизменно и учтив.
 Блудли. Я вашей похвалы великодушной
 Не заслужил, мадам... Весьма польщен!
 Селестина. Могли бы вы мне рассказать подробнее
 Об этом джентльмене?
 (*Показывает на Стриггинса.*)
 Блудли. Разве вы
 Не знаете его?
 Селестина. Кто он такой?
 Блудли. Припарка с камфарою! Помазок!
 Со временем узнаете точнее,
 Он сам вам скажет; я ж остерегусь:
 Уж больно он обидчив.

Селестина. В вас обоих
 Я нахожу редчайшую черту
 Для двух соперников: вы остаетесь
 Друзьями! Благородный ваш союз
 Неколебим. вы не таите злобы
 И черной зависти на дне сердец
 При мысли об успехе конкурента...
 Не каждый смог бы низменную страсть
 Так укротить в себе.

Блудли. Ничто на свете
 Не разлучит нас... Стриггинс! Добрый друг,
 Вернейший и достойнейший!

Стриггинс. Мой Блудли!

Селестина (*в сторону*).
 Все это в точности игра в волап.
 Входит камеристка.

Камеристка. Мадам, вас спрашивает джентльмен,
 По имени сэр Томас Добруэлл.

Селестина. Как вы сказали?
 Камеристка. Говорит, что вы
 Его не знаете.

- Блудли. Я с ним знаком..
- Стриггинс. Он ваш сосед.
- Блудли. Супруг той самой леди,
О чьих пирушках говорит весь Стрэнд.
- Стриггинс. Он человек порядочный, я слышал;
Жена влияет дурно на него.
- Селестина. О них обоих ходит много толков.
(*Камеристке.*)
Просите.
- Камеристка выходит.
- Стриггинс (*в сторону*). Что за цель его визита?
- Входит сэр Томас Добруэлл.
- Добруэлл. Сударыня, простите: я решил
Явиться к вам, не будучи знаком..
(*Приветствует Селестину поцелуем.*)
- Селестина. Вас добрая молва опередила.
- Добруэлл. Растигите, сударь, вы — желанный гость!
Растроган и польщен!..
(*Изабелле.*) И вас, мадам,
Пусть вдохновит пример хозяйки дома:
Я ваш слуга.
(*Пытается поцеловать Изабеллу, она отворачивается от него.*)
(*В сторону.*) Не помню, чтобы дама
Подставила мне щеку вместо губ, —
Вот разве у нее гнилые зубы
И пахнет изо рта?
(*Блудли и Стриггинсу.*) Мое почтение
Вам, господа. Вилль Блудли! Как дела?
- Селестина. Прости, кузина, этак ведь недолго
Гордячкой невоспитанной прослыть,
Коль дружеское, чистое лобзанье
Столь грубо отвергать! Нехорошо,
Не подобает это знатной даме,
Не то еще решат, что у нее
Зловонное дыханье.
- Добруэлл (*Селестине*). К вам, миледи,
Есть дело у меня.
- Блудли (*в сторону*). Он оживлен!
- Селестина. Так вы со мной иметь хотите дело?
- Добруэлл. Мне слух мой говорит, что вы умны,
А зрение твердит, что вы прекрасны!
- Селестина. Ну, что до слуха — это только слухи,
А зрение вас может обмануть:
Ведь человеку свойственны ошибки.
- Стриггинс (*в сторону*).
Он держится игриво!

Добруэлл. Да, я женат.
Селестина. И в этом положение
Уж ничего нельзя изменить.

Добруэлл. Вы правы. Ах! Стрела попала в цель.
Я истекаю кровью.

Селестина. О, поверьте,
Я не искала уязвимых мест.
Вы вправе защищаться! Отражайте
Мои удары, если вам под силу.
Сказать еще, на что вы неспособны?
Быть добродетельным!

Добруэлл. Клянусь, мадам,
Я докажу обратное! Простите:
Нескромными речами я смушал
Невинность вашу; пусть же устыдится,
Кто сомневался в ней! И все вокруг
Пускай на вас дивятся, как на чудо!

Стриггинс (*Изабелле*).
Что там у них за тайный разговор?
Не помешать ли им?

Изабелла. Нет-нет, не надо.
Блудли (*Мариане*).
Сэр Томас прежде не был никогда
Любезником.

Мариана. Для вас он не соперник.
Но не приписывайте это вашим
Достоинствам высоким: он женат.

Добруэлл. Еще одно: вы держите оркестр,
Я ехал к вам с намереньем проверить,
Как вы танцуете.

Селестина. Ах вот как, сэр?
(*В сторону.*)
Сейчас проверю я, как вы пыхтите.
(*Добруэллу.*) Я, сударь, не танцую при дворе
В балетах¹⁵, но уж, если вам угодно
Свое искусство показать, — я вам
Компанию составлю.

Добруэлл. Этой чести
Не стою я...
(*Остальным.*) Танцуйте с нами вместе!

Все танцуют.

Добруэлл. Мадам! Еще раз я прошу простить
Меня за дерзость; от души надеюсь,
Что вы мне предоставите возможность
За доброту вас отблагодарить
И дом мой удостоите визитом;
Супруга же моя сочтет за честь
Быть вам представленной... Не откажите!

Селестина. Ведь я затем и ехал: вас просить
 Быть в нашем доме дорогою гостьей.
 Хотя я обыкновенно не схожусь
 Так скоро с незнакомцами, но все же
 Я не подам вам повода считать
 Меня гордячкой.

Добруэлл. Я безмерно счастлив.
 Сэр Вильям, честь имею.

Стриггинс. Мне пора.
 Придворный этикет...

Селестина. О да, конечно!

Добруэлл (*Изабелле и Мариане*).
 Надеюсь, вы окажете мне честь
 И приглашенье примете?

Изабелла. Охотно.
 Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА I В доме лорда. В глубине сцены лорд, полуодетый. На сцене туалетный столик и зеркало. Стриггинс оправляет парик лорда.

Лорд (*из глубины сцены*).
 Который час?

Стриггинс. Уж три часа, милорд.

Лорд. Пора вставать.

Стриггинс. Должно быть, поздно лечь
 Изволили?

Лорд. Скорее рано — утром.

Секретарь (*за сценой*).
 Прошу вас обождать, хозяин занят.

Лорд. В чем дело?
 Входит секретарь.

Секретарь. Дама спрашивает вас
 По делу; говорит, что это будет
 Вам интересно.

Лорд. Как ее зовут?

Секретарь. Мадам Капкаун.

Лорд. Вот как? Пусть войдет.
 Входит мадам Капкаун.
 Скажите мне, мадам, какое дело
 У вас ко мне?

Мадам Капкаун. Такое, что для вас
 Не будет неприятно, ваша светлость!

Лорд. Я слушаю.

Мадам Капкаун. Наедине бы лучше...

Лорд. (Стриггину, указывая на соседнюю комнату).

Вы подождите там; я позову.

(Мадам Капкаун.)

Прошу вас, говорите.

Мадам Капкаун. Ваша светлость!

Хоть вы меня не знаете, однако
Представился мне случай доказать,
Как я вам предана, и предложить
Свои услуги.

Лорд. В чем же? Объясните.

Хочу я знать, за что благодарить
Вас надобно и чем я заслужил
Подобную заботу.

Мадам Капкаун. Я осмелюсь

Ответить прямо: дорогой милорд,
Помимо множества других достоинств,
Вы славитесь как истинный ценитель
Прекраснейшего пола.

Лорд. Вы о чем?

Мадам Капкаун.

О том, как ваша милость снисходили
До некоторых дам... я их имен
Не назову! А ваше постоянство
И преданность сердечная — повсюду
Снискали вам любовь!.. Как представитель
От женского сословья, я нашла
Возможность услужить вам.

Лорд. В самом деле?

Мадам Капкаун.

Не будьте столь суровы, ваша светлость,
Я знала ту, кого вы так любили.
Прелестное создание! Вместе с ней
Все радости ушли из вашей жизни,
И скорби вы глубокой предались.

Лорд. Зачем вы мне все это говорите?!

Мадам Капкаун.

А вот зачем: когда бы вы, милорд,
Решились излечиться от печали,
Так я б вам подсказала, где найти
Отличное лекарство!

Лорд. Вы, как видно,

Товаром промышляете живым?

Мадам Капкаун.

Для знатных джентльменов, вроде вас;
Я кое с кем и при дворе знакома...
Само собой, что я сюда явилась
Не писаря вам предлагать, милорд!

Эй, там!

Входят Стриггинс и секретарь.

Стриггинс. Что эта дама, не бранилась?
Молчала, но весьма красноречиво,
И прежняя приветливость ее
Пропала.

Лорд. А взглянуть на эту леди —
Не сразу и поймешь, что пред тобой
Бесстыдница и сводня.

Стриггинс. Эта дама
Честь делает профессии своей.
Со временем, глядишь, у нас и шлюхи
Свои гнилые зубы и носы
И волосы нечесанные скроют
За дверцами роскошных экипажей.

Лорд. Я передумал: воротить ее!
Воспользуюсь возможностью... Скажите,
Чтоб не боялась.

Секретарь уходит.

Стриггинс. За ее труды
Я щедро заплачу: Что это нынче
Не видно Блудли?
Он мне говорил,
Что едет к вашей светлости... Вернулась!

Входят секретарь и мадам Капкаун.

Секретарь. Смелей, сударыня, мой господин
Не гневается больше.

Лорд. Да, я жду вас.
Надеюсь, вы, мадам, не новичок
В таких делах, чтоб испугаться гнева
Мужчины! Потерпите: я сполна
Вам заплачу за добрую услугу.

Мадам Капкаун. Сказать по правде, мне в новинку, сударь,
Чтобы вельможа так разбушевался
Из-за приятной вести. Джентльмен
Всегда учтив с людьми любого звания.
И пусть я не дворянка...

Лорд. Вы письмо
Передадите леди Аретине.
Теперь прошу немного подождать
В соседней комнате.

Мадам Капкаун. Как вам угодно.

Мадам Капкаун и Стриггинс уходят.
Секретарь садится за стол.

Лорд. Пишите: «Мадам, мое искреннее к Вам расположение заставляет меня предупредить, что вашей чести грозит опасность».

Входят сэр Вильям Блудли и Бреллок.

Бреллок.
Лорд.

А, Блудли! Бреллок! Милости прошу.
Вы, заняты как будто, ваша светлость?
Пишу письмо, но это, господа,
Для дружеской беседы не помеха.

Далее лорд рассказывает по сцене, подходя поочередно то к секретарю, то к Блудли и Бреллоку.

Секретарь. «...опасность».

Лорд. «Хоть я и не врач, но, может быть, мне удастся воспрепятствовать развитию у Вас некоей горячки».

(Блудли.) А где вы были утром?

Блудли.

Где я был?

За то, чтоб побывать там — я уверен —
Вы отдали бы лучшего коня
Из ваших берберийцев¹⁶.

Лорд.

Снова дама?

Очередное чудо?

Блудли.

Волшебство!

Лорд.

Как жаль, что я не верю в чудеса.

Секретарь. «... некоей горячки».

Лорд. «Если Вы по-прежнему добродетельны, то храните незапятнанным Ваше доброе имя и остерегайтесь угодить в ловушку к этой Капкаун, в чем Вам впоследствии пришлось бы горько раскаиваться».

(Блудли.) А кто она?

Блудли.

Спросите Александра.

Он с ней знаком.

Бреллок.

С кем?

Блудли.

С леди Селестиной.

Лорд.

Да, у него весьма широкий круг
Знакомых дам. Бедняга Александр!
Когда ж ты отдохнешь?

Бреллок.

Когда дождусь

От юбок милосердья — или, может,
Паломничать пойду к святым местам,
Чтоб прохладиться.

Лорд.

Было бы прохладней

Блудли.

Пройти по всей Испании пешком.

Лорд.

По Эфиопии!

В Перу наняться

Рыть золото¹⁷ семь лет без передышки
В жару и в дождь!

Секретарь. «...горько раскаиваться».

Лорд. «Короче говоря, если только Вы поколеблетесь в Вашей добродетели, эта старая куртизанка не постыдится выступить как сводня».

Секретарь. «...куртизанка...».

Блудли (*Бреллоку*).

Вот дьявольски почтенное занятие,
Которым вы прославились.

Бреллок.

Ах, так?

Позвольте ж вас спросить, мой гордый рыцарь:
Что менее зазорно: подавать
Другим на стол иль самому обедать?
Что скажете?

Блудли.

Молчу! А ты остер,

Не будь я...

Секретарь. «...сводня».

Блудли.

Это что такое!!

Бреллок.

Как — что? Весьма почтенное занятие,
Которым вы прославились давно.

Лорд. «Будьте благоразумны и вовремя остерегитесь; Вы вознаградите меня за заботу тем, что не заставите пожалеть о нашем родстве. Остаюсь Ваш любящий родственник, всегда готовый служить Вам».

Бреллок.

Скажите, эта леди Селестина
Действительно такой уж редкий перл?
О да, милорд! Коль вам безразлично
Мое сужденье, — никогда, нигде

Лорд.

Я не встречал творения прекрасней.
Я покажу вам ту, что всех превыше,
И посрамлю ваш вкус...

(*Протягивает Бреллоку портрет-миниатюру.*)

Взгляните, вот!

(*Секретарю.*) Так, подпись...

(*Подписывается под письмом.*)

Запечатайте письмо;

Бреллок.

Нет, адреса не надо, вы свободны.

Белла Мария! Да, она была

Красавица.

Блудли.

Но все же не сравнить...

Лорд.

Я вас оставлю на одну минуту.

Уходит.

Бреллок.

Что, его светлость вышел по делам?

Секретарь.

К той даме он пошел, что дожидалась
В соседней комнате.

Блудли.

А что за дама?

Секретарь.

Простите, я всего лишь секретарь.

Блудли (*в сторону*).

Как! Новый секретарь, а мне ни слова?

А прежде совещался он со мной

По всем вопросам... Расшибусь в лепешку,
Но докажу ему, что Селестина
Всех краше! И тогда он снова мой.

Входит лорд.

Лорд (*показывая на миниатюру*).

Признайтесь же, вас вывел сей предмет
Из заблужденья?

Бреллок.

Эта безделушка?

Лорд.

О, если б вы, как я, могли ее
Себе представить! Тотчас бы признали,
Что женщины прекрасней и милей
Нет, не было и никогда не будет!

Блудли.

Она была, бесспорно, хороша.
Но стоит лишь попристальцей взглядеться,
Не вашими влюбленными глазами,
А взором беспристрастным...

Бреллок.

Я, милорд,

Страсть не люблю разглядывать портреты
Умерших: я потом прескверно сплю.
Нет, мне подай любовницу живую,
И пусть она хотя бы вполовину
Так будет хороша, как Селестина!
(*Возвращает лорду портрет.*)

Нельзя же вам всю плоть свою и кровь
На призрак извести? Обидно, право!
Оставьте и живым хоть что-нибудь.

Блудли.

Иль вы в язычество хотите впасть
И поклоняться идолу? Постройте
Себе гробницу там, где милый прах
Покоится, и червяков могильных
Молите не губить прелестных черт,
Что в землю унесла она с собою...
Как будто все на свете губки, щечки
И глазки спят в могиле вместе с ней!¹⁸

Лорд.

А что, себя вы мните знатоками?

Ценителями женской красоты?

Блудли и Бреллок (*вместе*).

Еще бы, сэр!

Бреллок.

Я их перевидал

Немало, перепробовал не меньше.

Лорд.

Но вожделенье и к поживе страсть
Вам, господа, туманят вздор и разум:
Вы судите пристрастно!

Бреллок.

Вам, милорд,

Конечно, легче, с вашим ясным зреньем,
Судить: во все проникнуть, все постичь.

Лорд.

Конечно! По достоинству ценю я
Все линии, и точки, и штрихи,

И красоту от тысячи прикрас
Я отличу! Вам это недоступно:
Испорчены глаза у вас...

Блудли.

Тогда

Вы сами этот спор и рассудите:
Коль вы отважитесь хотя бы раз
Взглянуть на эту леди — я уверен,
Ей первенство присудите над всеми
Красотками, что жили и живут
На свете.

Бреллок.

Ставлю весь свой гардероб,

Лорд.

Что вы не устоите, ваша светлость!
Вы твердости не знаете моей.

Блудли.

А может, слабости? Да вы боитесь
Поддаться искушенью!

Лорд.

Вовсе нет!

Я встречусь с ней. Я докажу, что вы
Не правы, и она не стоит той,
Чью память свято чту я. Непременно
Увижусь с нею и поговорю:
Мне нечего бояться! Кто из вас
Меня представит ей?

Блудли.

Я все устрою.

Бреллок.

Она радушно принимает всех.

Лорд.

Я фору вам даю; скажите ей:

Пусть предо мной предстанет в полном блеске,
В доспехах драгоценных, что тщеславье
Сработало для дерзкой красоты;
Пусть будет каждый взгляд ее и вздох
Прельстительней, чем у самой Венеры;
Пусть воплотятся в ней каким-то чудом
Все Грации и Музы! Встреча с ней
Не ранит сердца мне: на нем броня,
А в нем — один лишь незабвенный образ...
Над вашими же бреднями я буду
Смеяться!

Блудли.

Я вам сообщу, милорд,

Когда она вас примет.

Лорд.

Непременно.

Прошу прощенья, ждут меня дела.

Уходит.

Блудли.

Отлично! Он почти что обращен.

Бреллок.

Что до меня, я еду к Аретине.

Блудли.

О нашем деле никому ни слова!

Бреллок.

А вы поторопитесь к Селестине!

Пора упряма нашего свернуть

С благой стези — на старый добрый путь!

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме сэра Томаса Добруэлла. Входят Аретина с письмом в руке и мадам Капкаун.

Мадам Капкаун.

Он — украшение вашего семейства,
Сей благородный лорд! Ему я многим
Обязана.

Аретина.

И он о вас в письме

Прекрасно отзывается.

Мадам Капкаун.

Как мило.

Аретина *(в сторону)*.

Мой родич очень кстати мне открыл,
Кто эта женщина: как раз такое
Орудье мне и нужно. На нее,
По-видимому, можно положиться.
(К мадам Капкаун.)

О его светлости, прошу, ни слова:
Я позже вам причины объясню;
Пока, чтоб доказать свое доверье,
Открою душу вам: я влюблена!
Избранник мой, похоже; не из тех,
С кем трудно столковаться... подойдите! *(Шепчет ей на ухо.)*

Мадам Капкаун.

Я понимаю вас и от души
Служить вам рада. Жаль, мадам, что прежде
Не знали вы меня! Таких услуг
Немало я оказывала знати!
Кто только подвигов не совершал
В моем уютном и укромном доме,
Где есть опочивальни потайные,
А в них — картинки, чтобы подхлестнуть
Воображенье...

Входит Меллок.

Меллок *(Аретине)*.

Свет очей моих!

Аретина.

Прошу прощенья, сэр, еще минутку
Побудьте в темноте.

Отходит в сторону с мадам Капкаун.

Меллок.

Я ждать готов

Смиренно и безропотно хоть вечность.

Аретина *(мадам Капкаун)*.

Так не забудьте: он не должен знать,
Кто я такая...

Мадам Капкаун.

О, не беспокойтесь!

Мне столько раз случалось помогать
Замужним дамам, что по этой части
Есть опыт у меня.

Меллок (*в сторону*). Неужто впрямь
Она верна супругу; и старанья
Мой напрасны? Экий гордый вид!
Попробую схитрить: пускай полюбит
Меня из мести.

Мадам Капкаун (*Аретине*).
Значит, нынче ночью?
Я все устрою.

Аретина. Я у вас в долгу.

Мадам Капкаун.
Сперва услуга, а награда после.

Уходит.

Аретина (*Меллоку*).

Как там застолье? Весело ль гостям?

Меллок. О да, мадам! Их веселит сэр Томас
С возлюбленной своею.

Аретина. Что за чушь?!

Меллок. Да-да, сэр Томас с леди Селестиной:
Глаза в глаза — ну точно голубки!

Аретина. Не может быть!

Меллок. Да он уж вдел в петлицу
Ее подарок...

Аретина. Он — ее подарок?

Меллок. От веера он выпросил перо
У ней, любезничал напропалую.
Она его как будто поощряет.

Аретина. Тем лучше.

Меллок. Он слагает ей стихи
Хвалебные!

Аретина. Он так умен? Я рада.

Меллок (*в сторону*).

Нисколько не ревнует, вот так штука!

Аретина (*в сторону*).

Мне повезло... Другая бы жена
От ревности давно позеленела,
Мне ж эта новость лишь развяжет руки:
Теперь он не посмеет обвинять
Меня ни в чем. А все-таки обидно,
Что я не так красива, как она!
Хотя б за это впору отомстить.

Входит Бреллок.

Бреллок (*Аретине*).

Владычица всех помыслов моих!

Аретина (*в сторону*).

Придумала!

(*Бреллоку и Меллоку.*) Вы оба оказали

Мне множество услуг. Что, если вновь
Понадобятся ваше хитроумье
И верность?

Бреллок и Меллок (вместе).

Мы почтем за честь, мадам...

Аретина. Вы, помнится, с восторгом отзывались
О леди Селестине?

Бреллок. Да, мадам.

Аретина. Что, кто-нибудь из вас в нее влюблен?

Бреллок. Ну, нет, во всяком случае не я.

Меллок. А мне ее не надо и задаром!

Аретина. Она сегодня у меня в гостях:

Супруг мой пригласил ее нарочно,
Он хочет осрамить меня... Так вот —
Вы, джентльмены, в Лондоне слывете
Мудрейшими из мудрецов; для нас
Вы вроде как сенаторы для римлян:
Над чем смеетесь вы — то и смешно,
В какой трактир зайдете — тот и в моде.
Привычкам вашим, даже и дурным,
Все подражают, точно школяры
Наставникам своим. Одним кивком
Вы уничтожить можете театр,
Оратора, поэта... Узаконить
Любое непотребство и в печать
Отправить непечатное...

Бреллок. Оставьте.

О нас довольно.

Меллок. Что должны мы сделать?

Аретина. Вы всю изобретательность свою
Должны направить против этой дамы:
Вышучивать ее, заставить злиться
Иль унижаться, это все равно.
Мое расположение вам послужит
Наградой. Но ни слова обо мне!
Как будто это ваш почин.

Бреллок. И только?!

Мой друг ее и шлюхой назовет
Без риска быть убитым на дуэли.
Как так?

Аретина.

Бреллок. Ему дубинка нипочем:
Отколотив его, любой противник
Угмонится и простит обиду.

Аретина. Короче, предоставьте дело нам.
Идут! Я вам шепну, когда начать.

Входят сэр Томас Добруэлл, Селестина, Мариана
и Изабелла.

Аретина. Je vous pris, madame, d'excuser l'importunité de mes affaires, qui m'ont fait offenser, par mon absence, une dame de laquelle j'ai reçu tant d'obligations*.

Селестина. Pardonnez moi, madame; vous me faite trop d'honneur**.

Аретина. C'est bien de la douceur de votre naturel, que vous tenez cette langage; mais j'espère que mon mari n'a pas manqué de vous entretenir en mon absence***.

Селестина. En vérité, monsieur nous a fort obligé****.

Аретина. Il eût trop failli, s'il n'eut taché de tout son pouvoir à vous rendre toutes sortes de services*****.

Селестина. C'est de sa bonté qu'il nous a tant favorisé*****.

Аретина. De la vôtre plutôt, madame, que vous fait donner d'interprétation si bénigne à ses efforts*****.

Селестина. Je vois bien que la victoire sera toujours à madame, et de langage et de la courtesie*****.

Аретина. Vraiment, madame, que jamais personne a plus désiré l'honneur de votre compagnie que moi*****.

Селестина. Laissons-en, je vous supplie, des compliments, et permettez à votre servante de vous baiser les mains*****.

Аретина. Vous m'obligez trop*****.

Добруэлл. С меня довольно! Будем веселиться

На языке родном, иль я засну.

А вот и наш племянник!

Входят пьяный Фредерик и дворецкий.

Аретина.

Мальчик мой!

Фредерик. Мое почтение, господа, мое почтение, прекрасные дамы!

Аретина (в сторону): Какой позор!

* Прошу, мадам, извинить меня за то, что докучливые домашние дела принудили меня обидеть своим отсутствием благороднейшую из дам, которой я стольким обязана (фр.).

** Прошу прощения, мадам, вы мне оказываете слишком большую честь (фр.).

*** Это вы по доброте своей так говорите; а впрочем, я надеюсь, что супруг мой не преминул занять вас в мое отсутствие (фр.).

**** Действительно, месье был весьма любезен (фр.).

***** Он бы слишком много потерял, если бы не прилагал все усилия к тому, чтобы оказывать вам всевозможные услуги (фр.).

***** То, что он был к нам столь благосклонен, свидетельствует о его доброте (фр.).

***** Скорее о вашей доброте, мадам, ежели вы приписываете ему такие похвальные намерения (фр.).

***** Я вижу, мадам, победа останется за вами: вы превосходите меня и знанием языка, и учтивостью (фр.).

***** Право, мадам, никто и никогда так не жаждал высокой чести оказаться в вашем обществе, как я (фр.).

***** Умоляю вас, оставьте комплименты, и позвольте мне покорнейше поцеловать ваши руки (фр.).

***** Вы слишком любезны (фр.).

Фредерик. Нужно приветствовать дам; с какого краю начать? А, не все ли равно! (*Целует Селестину.*)

Аретина (*в сторону*).

Вот это да!

Селестина. Так это ваш племянник?

Аретина. Je vous prie, madame, d'excuser les habits et le rude comportement de mon cousin. Il est tout fraîchement venu de l'université, où on l'a tout gâté*.

Селестина. Excusez-moi, madame, il est bien accompli**.

Фредерик. Судя по вашим улыбкам и движениям головы — это вы, должно быть, говорите по-французски.

Аретина (*в сторону*). Позор, позор...

Фредерик. Это самый удобный язык для дам, чтобы зубки показывать; только я предпочел бы поболтать по-латыни, а не то по-гречески. Мой французский еще не доставили от портного. Mille basia, basia mille¹⁹.

Селестина. Je ne vous entends pas, monsieur***.

Я вас не понимаю.

Фредерик.

Не беда:

Я вас не понимаю, вы — меня,
Вот весело-то!.. Чур, не сквернословить!..
Где ж тетушка? Я музыку слышал
И тотчас поспешил на этот звук.
Мои мозги настроены кларетом,
Готовы заиграть, как никогда,
И я возжаждал дружеской беседы!

Меллок (*Селестине*).

Вот, не угодно ль скушать леденец
(*протягивает ей коробочку*),
Вас это подкрепит и успокоит.

Дворецкий. Увы, мадам! Что было делать с ним?
Чтоб он гостям не вздумал показаться,
Его я постарался напоить,
Но он, как видно, легкость в голове
Почувствовал и воспарил, сердечный,
Прямехонько сюда, а я — за ним.

Бреллок. Он даму оскорбил, заговорив
С ней по-латыни.

Аретина. Что за беспардонность!

Убрать его подальше, да тихонько!
Не то я...

* Мадам, прошу вас извинить неучливое обхождение моего родственника и его костюм. Он только что прибыл из университета, где его совершенно испортили (*фр.*).

** Прошу прощения, мадам, но он превосходно образован (*фр.*).

*** Я вас не понимаю, сударь (*фр.*).

Дворецкий. Невозможно, госпожа,
Он говорит, что я нелепый дурень,
Свихнувшийся от трезвости; грозит
Любого, кто посмеет спорить с ним,
Проткнуть насквозь своею новой шпагой,
Когда ее доставят...

Аретина. Как же быть?

Меллок. Любезный Меллок, попытайтесь вы!

Меллок. Пока он не при шпаге...

(Фредерику.)

Юный друг мой!..

Добруэлл (Селестине).

Пропал парнишка, жаль его. Но вам

Расстраиваться, право же, не стоит.

Селестина. Расстраиваться? Я, наоборот,

Настроена прекрасно!

Добруэлл.

Где ваш веер?

Я перышко еще возьму на память.

Вы что-то загрустили, джентльмены?

И ты, жена? Смотрите веселей!

Тра-ля-ля-ля!

Фредерик (Меллоку). А вы, наставник, сами

В ладах с науками?

Меллок.

Я, слава богу,

Не так воспитан! Дружбу я вожу

И с умниками, но другого сорта:

С такими, чьи остроты, точно стрелы,

Разят не в бровь, а в глаз! Науки — чушь!

Ведь дамы нынче подымают на смех

Любого, в ком хотя бы по одежке

Ученость заподозрят... Я займусь

Попозже вами, а пока ступайте

Бай-бай в кроватку. Вот вам леденец.

Фредерик.

Позвольте! Но куда же я попал?

Мне нужно к тете, в особняк на Стрэнде.

Кто вы такие и чему смеетесь?

Ступайте прочь, а я останусь тут!

Пущу здесь корни, стану рассуждать

О логике, риторике, латыни —

Я все постиг! Не верите? А ну!..

А впрочем, я науки презираю.

Я сделаюсь невеждой, как вон тот

Иль тот... Как всякий шелковый, атласный,

Парчовый или бархатный кривляка.

(Селестине.) Вы надо мной смеялись?

Селестина.

Я? О нет!

Но если даже я и улыбнулась,

Что ж — вы меня побьете, мальчуган?

Фредерик.

Вы б не посмели обратиться так

К нарядному камзолу с новой шпагой!

Аретина. Племянник!
Фредерик. Вздор... я ей не мальчуган!

Пускай я молод, род мой не моложе
Любой высокороднейшей семьи;
Мой плащ убог, но на гербе моем
И золота, и серебра довольно...
Да это оскорбленье — «мальчуган»!
Добруэлл. Терпение, племянник! Эта дама
Тебя не помышляла оскорбить.
Она ведь женщина; не забывай
О вежливости.

Фредерик. Женщина? Вот славно!
Вы слышали? Мне дядюшка открыл,
Кто вы такая!

Селестина. Совершенно верно.
Фредерик. Ведь вы меня называли «мальчуган»?
Селестина. Вот именно.

Фредерик. Как остроносый ялик
Порой дырявит парусную шхуну,
Как вороненок, мал, но быстrokрыл,
Бросается бесстрашно на слониxу,
Щенок тигрицу может укротить, —
Так, может статься, и у мальчугана
Достанет твердости и остроты
Схватиться с вашей милостью... Что, дядя,
Не захотите ли со мной распить
Еще бутылку и потолковать
О философии?

Добруэлл. Идем, племянник.
(Селестине.) Я вас оставлю только на минуту.
(Дворецкому.) Вы будьте виночерпием у нас.

Дворецкий. Да, сэр.

Аретина (уходя, Бреллоку и Меллоку).

Ну, начинайте, господа.

Уходят все, кроме Селестины, Бреллока и Меллока.

Бреллок. Прошу простить меня за прямоту,
Но больше я, мадам, молчать не в силах;
Я поражен! Кто б ожидал, что вы,
Чья стать и благородные манеры
Всеобщее снискали одобренье,
Так дурно станете себя вести!

Селестина. Как вы сказали, сэр?

Меллок. И вам не стыдно

Еще и переспрашивать?

Селестина. Не стыд

Испытываю я, но изумленье:
Вы говорите так со мной, как будто
Сегодня я икала за столом.

Что это значит?!

Меллок.

По всему видать:
Забывчивость сопутствует гордыне.

Селестина.

Да вы о чем?

Бреллок.

Тот юный джентльмен,
Над кем вы так бездарно пошутили, —
Племянник дамы, чьим гостеприимством
Вы пользуетесь нынче. Пусть она
Из вежливости вам не возражала,
Все ж это — оскорбленье!

Меллок.

Стыд и срам!
Где благородное происхождение?
Где воспитанье ваше? Фу! Медведя,
Должно быть, легче высколотить, чем вас.

Селестина.

Я полагаю, сэр, вы воспитатель.

Бреллок.

Я воспитатель?

Селестина.

Да, в медвежьей школе!
Опомнитесь, в своем ли вы уме?
Что это, заговор против меня?
Ведь мы едва знакомы!

Незаметно входит сэр Томас Добруэлл.

Добруэлл (*тихо*).

Что такое?

Бреллок.

Едва знакомы? Вздор! Мы знаем вас
До кончиков ногтей.

Меллок.

Да, нам известно,
Что вы за птица!

Селестина.

То-то вы меня
Пытаетесь обляять по-собачьи.

(*В сторону.*)

Они свихнулись.

(*Бреллоку и Меллоку.*) Полно, господа,
Вам вредно волноваться... За другую
Вы приняли меня: взгляните — ну?
Кто я такая?

Меллок.

Крашенная кукла,
Ходячий манекен! Да та девочка,
Которая Сюзанну представляла
На ярмарке²⁰, и то красивей вас!
Селестина. Тот балаган вы часто посещали,
И так бедняжкой Сузи увлеклись,
Что вздумали из-за нее подраться
С комедиантами...

Бреллок.

Неостроумно!

Селестина.

Вы...
В самом деле, кто же я такая?
Изобразите, не жалея соли
И перца. Я охотно посмеюсь.

Бреллок.

Вы — женщина...

- Селестина. Попали прямо в точку!
- Бреллок. ...которую сочли бы недурной
В базарный день, в провинции. Вы душу
Сменяли бы на модный туалет —
Чтоб выбросить его спустя неделю!
- Селестина. О да! Ведь за неделю б он успел
Из моды выйти. Но ужель гордыня —
Единственный мой грех?
- Бреллок. Такой порок
Всем добродетелям не перевесить.
- Селестина. Вы восхищались им еще вчера!
- Бреллок. А вы моим гордились восхищением.
- Селестина. Опять гордыня?
- Бреллок. Да куда уж больше!
Скажу вам в завершение этой оды:
Я ведьм встречал, что были краше вас.
- Селестина. Наверное, тогда, когда вы спяну
Портьеры порывались обнимать?
- Бреллок. Позвольте мне спросить вас: сколько денег
Растратить вы успели в ожиданье,
Что я вас полюблю?
- Селестина. Не больше, верно,
Чем вы долгов вернули кредиторам
В последние семь лет... На вашу дерзость
Я не сержусь: вы безразличны мне.
- Меллок. Да есть ли, право, хоть один мужчина,
Который к ней бы страстью воспылал?
- Бреллок. Вы в пении писклявите, а в танцах
Цепляетесь за собственный подол,
И с такта все сбиваетесь, и гнетесь
Вбок, на манер кацатных плясунов,
Французский ваш убог, а реверанс —
Ни дать ни взять, как делают крестьянки.
(В сторону.)
Не злится!
- Меллок (в сторону). Разве мы не больно жалим?
- Добруэлл (про себя). Тут заговор.
- Бреллок. И ваше состоянье
Не так уж велико, как говорят,
Лишь стоит уплатить по векселям —
И вашим, и покойного супруга.
А впрочем, будь вы даже и богаты,
Никто вас больше замуж не возьмет.
- Селестина. Скажите, почему? Я знать хочу
Свои изъяны.
- Бреллок. Говорят, что вы
Не слишком добродетельны.

Селестина.

Все это

Мне попросту смешно; а вас мне жаль:
Ведь как-никак вы все-таки дворяне,
Хотя бы с виду. Я б могла позвать
Своих друзей, чтоб задали вам трепку
За эту дерзость; впрочем, для чего
Калечить вас, ведь вы и так убоги!
На вас, червей ничтожных, даже жалко
Хорошего проклятья... Уж теперь
Я не приму мартышку за мужчину.

Добруэлл (*выходя из укрытия*).

О, что за благородная душа!
Я слышал эти варварские речи,
Вы слишком снисходительны, мадам,
К пиявкам этим! Назовите кару...

Селестина.

Мне не к чему и говорить о них:
Их имена язык запачкать могут,
Грехов же их не сможет искупить
И виселица.

Меллок.

Мы уже в петле!

Селестина.

Но все же кое-что я им скажу.
Эй, головастики! Двадцатой доли
Бессмертной человеческой души
У вас двоих и то не наберется!
Тупые грубошерстные бараны
Из самых никудышных! Толк от вас
Один: служить болванами портному
И выставлять везде его товар:
Ведь вы еще и ходите! У клячи
Изяществу учиться надо б вам.
Вам лошади в одном лишь уступают:
Они не пляшут, их ведь не учили,
Как вас, ломаться на французский лад!
Взгляните в зеркало: две ваши рожи,
Одну худую, как великий пост,
Другую сытую, как рождество,
Сложить бы вместе! Этот жуткий Янус
В два счета мог бы исцелить хромых:
Они бегом пустились бы от страха!
Но женщина — пусть даже и карга
Беззубая — на вас не поглядит!
Ну, не смешны ли жалкие намеки,
Что я могла искать расположенья
Подобного красавца! Но не стану
Зря тратить пыл и осквернять уста
Беседую с такими слизняками.
Ступайте по домам и языки
В отваре ячменя прополощите.
Суд — не для вас! Предоставляю вам

Повеситься на собственных подвязках.
(Добруэллу.)

Добруэлл.

Сэр, я прошу вас, не карайте их,
Они и гнева вашего не стоят!
Но где, скажите, леди Аретина?
Увы, мадам! Похоже, что с нее
Спросить придется...

Селестина.

Это дело ваше.

Добруэлл.

Позвольте мне доставить вас домой.

Селестина.

Вы так добры.

(Бреллоку и Меллоку.)

Прощайте, мухоморы!

Уходит в сопровождении сэра Томаса Добруэлла. Входит Аретина.

Аретина.

Она ушла?

Меллок.

Мы задали ей перцу!

Бреллок.

Как хорошо, что это позади!

А впрочем, мы для вас на все готовы.

Входит слуга и дает Бреллоку письмо и драгоценный камень.

Письмо? С таким приятным предисловьем?

Но от кого? (Читает, улыбается.)

Аретина.

Любовное письмо?

Меллок.

Любовниц у него не меньше сотни,

А у меня, бедняги — ни одной.

Миледи, сжальтесь! Он всю ночь в трудах,

А у меня болят наутро почки.

Бреллок (в сторону).

Пойду, и непременно. Видно, дама

Заметила меня и утолить

Свой голод захотела.

Аретина.

Мистер Бреллок,

Бреллок.

Вы вдруг повеселели — отчего?

Так, пустяки. Мне встреча предстоит

С хорошим другом.

Аретина.

Кто же этот друг?

Меллок.

По камню судя, я ее не знаю.

Аретина.

Так этот друг — «она»? Что ж, господа,

Сыграем в сент²¹, пока вы не ушли.

Ступайте, я последую за вами.

Бреллок.

Чтоб вам служить, хоть в воду.

Меллок.

Хоть в огонь!

Бреллок и Меллок уходят.

Аретина.

От мыслей собственных бросает в жар!

Но жребий брошен, от судьбы не скрыться.

Увы! Когда запретный плод манит,

Не остановит нас ни страх, ни стыд.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА I

Комната в доме мадам Капкаун. Двое мужчин вводят под руки Бреллока, у которого завязаны глаза, и тотчас же уходят.

Бреллок.

Я цел и невредим, а ведь могли
И глотку перерезать! Это счастье,
Что я не упирался... Но куда
Они меня доставили?
(Снимает повязку с глаз.) Вот темень!
Стократ темней, чем ночью без луны
На дне колодца! Фу ты! Налетели,
Схватили — и повязку на глаза...
А может, это духи преисподней
Сюда перенесли меня? Увы,
Скорей уж это приставы, а сам я
В тюрьме: мои злосчастные долги
Так в нос-то и шибают! Кости ноют
От страха, что наделяют из них
Костей игральных... Все же для тюрьмы
Здесь слишком тихо. Может, это воры,
И я ограблен? Но они-меня
Как будто не обшаривали! Что там?
Неужто музыка?

Из-за сцены доносится музыка. Входит мадам Капкаун; она одета старухой и держит в руке зажженную свечку.

А вот и свет!

На помощь! Это что еще за ведьма?!

Кто ты такая? Отвечай!

Мадам Капкаун.

Ваш друг.

Не бойтесь, я не призрак.

Бреллок.

Прочь, карга!

Мадам Капкаун.

Не презирайте возраст мой! Оделась
Я в рубище совсем не из нужды.
Вы сами убедитесь, что попали
Не к нищему в лачугу, не в подвал
Иль в дикую пещеру: вам глаза
Откроет золото... Вот — для почина!
(Дает ему кошелек.)

Еще получишь, жила не иссякнет,
Коль будешь умницей.

Бреллок.

Не сатана ль

Чеканил их? На это он мастак.

Нет — настоящие!

Мадам Капкаун.

Еще не веришь?

Дом этот мой! Богатство, что откроет
Тебе источник радостей, — мое!

Ведь это я тебя облюбовала,
Письмо и камень были от меня.
Я не могла открыться в этом раньше
И честь свою доверить незнакомцу,
Не убедившись в скромности его.

Бреллок (*в сторону*).

Честь! Скромность! Ну и времена! Чтоб дьявол
Радел о репутации своей!
Однако улаживать ее — увольте,
Я с ведьмами не знаюсь.

Мадам Капкаун.

Ну, скорей!

Приди же, наконец, в мои объятия!
Мы станем целоваться, и часы
Промчатся в наслажденье: даже время
Замедлит ход, чтоб любоваться нами
И нашей страстью!

Бреллок (*в сторону*).

«Страстью»! Да у ней

Зубов как не бывало и язык-то
Сгнил на корню и выпадет вот-вот,
При первом кашле! На нее чихнешь —
И зад у ней отвалится, пожалуй,
А стукнешь — вся рассыплется в труху...
Так холодна она, что и в аду
Ей не согреться; а мокроты, слизи
В ней столько, что хватило б затушить
Любой пожар... Бр-р! От ее дыханья
И пуля, пущенная из мушкета,
Отворотится!

Мадам Капкаун.

Что ж, решились вы?

Бреллок. На что?

Мадам Капкаун. Да на любовь же!

Бреллок.

Полюбить

Я мог бы... да смотря кого. А вы,
Вы просто позабавиться хотите.

Мадам Капкаун.

Я вижу, ты, дружок, не так уж прост.
Смышленный малый!

Бреллок (*в сторону*).

Вот пошла хитрить!

Так, помню, бабка у меня хитрила.
(*Мадам Капкаун.*)

Да, полюбить я мог бы!

Мадам Капкаун.

А меня?

Бреллок,

Хоть столь достопочтенную матрону
Скорее подобает уважать,
Но если вы уж так великодушны,
Дерзну ответить — да, я вас люблю!

Мадам Капкаун.

Тогда ты мой...

Бреллок (*в сторону*).

А как у ней с ногами?

Копыта есть?
Мадам Капкаун. Ты мой, а я твоя!
Бери ж меня и все, чем я владею!
Со мной ты будешь счастлив; я давно
Горюю, что такому кавалеру
Приходится на торжище нести
Свою красу... Ты в роскоши купаться
Со мною будешь; и еще скажу:
Сейчас тебя страшит моя наружность,
Но позже, в спальне, где не будет света
(Так в доме у меня заведено!),
В объятых тесных, — я уже не буду
Ни старой, ни противной: эта кожа
Нежна, как бархат, и тонка, как шелк,
А пылом я сравниться бы могла
С Венерой, искушавшей Адониса!²²

Бреллок (*в сторону*). Да, это точно дьявольские козни,
И, стало быть, я в лапах у него!
Нет, лучше все свершить беспрекословно:
Начнешь перечить — в клочья разорвет,
На то она чертовка!

Мадам Капкаун. Мы теряем
Минуты драгоценные! Идем,
Я спальню покажу тебе и тотчас
Задую свечку.

Бреллок. А глоток вина
Найдется в доме, чтобы не идти мне
В атаку безоружным?

Мадам Капкаун. Вздор! Пошли.

Бреллок. Еще вопросик, матушка! Скажите,
Вам кошкою бывать не доводилось²³,
Хотя бы в юности?

Мадам Капкаун. Я рада, сэр,
Что вам так весело.
(*Открывает дверь в комнату.*) Вон там, взгляните,
Вон, видите — кровать?

Бреллок. Еще какая!

Мадам Капкаун.
Ее нетрудно будет отыскать
И в темноте. Разденьтесь и ступайте
Прямехонько туда. Я буду следом.
Смелей! Не пожалеете потом.

Уходит.

Бреллок. Вот это случай! Главное — молчать
И слушаться. У ней не хватит духу
Сгубить меня, хоть будь она Геката!²⁴
...Воображу, что я иду к подружке
И, может статься, не вернусь назад...

А уцелею — мне сам черт не брат!

Уходит.

СЦЕНА 2

Комната в доме сэра Томаса Добруэлла. Входят Фредерик в ярком, нарядном костюме, Меллок и дворецкий.

Фредерик. Как я вам нравлюсь в этом новом платье?
Дворецкий. Поистине великолепный вид!
Фредерик. А вы что скажете?
Меллок.

Француз-портной

Вас сделал настоящим джентльменом!
Теперь и мне не стыдно с вами знаться.
Не чувствуете ль вы в себе самом
Решительных и важных изменений?

Фредерик. Да нет, во мне как будто все на месте.
Меллок. Вот это плохо. Значит, модой вы
Не до конца прониклись. Вместе с платьем
Меняются походка, и осанка,
И жесты... В платье важен не покрой,
Не матерьял, но способы ношенья
С позиций геометрии.

Дворецкий. Вот-вот.

Меллок. Вы шляпу нахлобучили, как кучер.
Как повитуха! Сдвиньте чуть назад
И набок, чтобы локоны виднелись.
Перо общипанное — не годится!
Перо должно свисать, как балдахин,
И спину овевать, как опахало:
Так носит ваш жокей, а он француз!
Теперь камзол... Его мы расстегнем,
Тогда не заподозрят, что у вас
Сорочка нечиста. Камзол и бриджи
Встречаться в этом месте не должны;
Плащ длинноват: он достает до зада
И сильно отдает испанской спесью.
У нас теперь короткие в ходу
Накидки: их набрасывают франты
Лишь на одно плечо, а кое-кто,
Опережая моду, нынче ходит,
Как я, *in quegro**.

Дворецкий (в сторону). Твой-то модный плащ

Известно где: висит себе в ломбарде!

Фредерик. А если дождь?
Меллок. Накинете на плечи
Ваш пояс — и тростинкою машите

* Без верхнего платья (лат.).

- Копыта есть?
- Мадам Капкаун. Ты мой, а я твоя!
 Бери ж меня и все, чем я владею!
 Со мной ты будешь счастлив; я давно
 Горюю, что такому кавалеру
 Приходится на торжище нести
 Свою красу... Ты в роскоши купаться
 Со мною будешь; и еще скажу:
 Сейчас тебя страшит моя наружность,
 Но позже, в спальне, где не будет света
 (Так в доме у меня заведено!),
 В объятьях тесных, — я уже не буду
 Ни старой, ни противной: эта кожа
 Нежна, как бархат, и тонка, как шелк,
 А пылом я сравниться бы могла
 С Венерой, искушавшей Адониса!²²
- Бреллок (в сторону). Да, это точно дьявольские козни,
 И, стало быть, я в лапах у него!
 Нет, лучше все свершить беспрекословно:
 Начнешь перечить — в ключья разорвет,
 На то она чертовка!
- Мадам Капкаун. Мы теряем
 Минуты драгоценные! Идем,
 Я спальню покажу тебе и тотчас
 Задую свечку.
- Бреллок. А глоток вина
 Найдется в доме, чтобы не идти мне
 В атаку безоружным?
- Мадам Капкаун. Вздор! Пошли.
- Бреллок. Еще вопросик, матушка! Скажите,
 Вам кошкою бывать не доводилось²³,
 Хотя бы в юности?
- Мадам Капкаун. Я рада, сэр,
 Что вам так весело.
 (Открывает дверь в комнату.) Вон там, взгляните,
 Вон, видите — кровать?
- Бреллок. Еще какая!
- Мадам Капкаун.
 Ее нетрудно будет отыскать
 И в темноте. Разденьтесь и ступайте
 Прямохонько туда. Я буду следом.
 Смелей! Не пожалеете потом.
- Уходит.
- Бреллок. Вот это случай! Главное — молчать
 И слушаться. У ней не хватит духу
 Сгубить меня, хоть будь она Геката!²⁴
 ...Вообразу, что я иду к подружке
 И, может статься, не вернусь назад...

А уцелею — мне сам черт не брат!

Уходит.

СЦЕНА 2

Комната в доме сэра Томаса Добруэлла. Входят Фредерик в ярком, нарядном костюме, Меллок и дворецкий.

Фредерик. Как я вам нравлюсь в этом новом платье?

Дворецкий. Поистине великолепный вид!

Фредерик. А вы что скажете?

Меллок.

Француз-портной

Вас сделал настоящим джентльменом!

Теперь и мне не стыдно с вами знаться.

Не чувствуете ль вы в себе самом

Решительных и важных изменений?

Фредерик. Да нет, во мне как будто все на месте.

Меллок. Вот это плохо. Значит, модой вы

Не до конца прониклись. Вместе с платьем

Меняются походка, и осанка,

И жесты... В платье важен не покрой,

Не матерьял, но способы ношенья

С позиций геометрии.

Дворецкий.

Вот-вот.

Меллок.

Вы шляпу нахлобучили, как кучер.

Как повитуха! Сдвиньте чуть назад

И набок, чтобы локоны виднелись.

Перо общипанное — не годится!

Перо должно свисать, как балдахин,

И спину оевать, как опахало:

Так носит ваш жокей, а он француз!

Теперь камзол... Его мы расстегнем,

Тогда не заподозрят, что у вас

Сорочка нечиста. Камзол и бриджи

Встречаться в этом месте не должны;

Плащ длинноват: он достает до зада

И сильно отдает испанской спесью.

У нас теперь короткие в ходу

Накидки: их набрасывают франты

Лишь на одно плечо, а кое-кто,

Опережая моду, нынче ходит,

Как я, *in quegro**.

Дворецкий

(в сторону). Твой-то модный плащ

Известно где: висит себе в ломбарде!

Фредерик. А если дождь?

Меллок.

Накинете на плечи

Ваш пояс — и тростинкою машите

* Без верхнего платья (лат.).

- Над головой, чтоб всасывала дождь:
Тростник ведь пористый. Я так спасался
От ливня и грозы: другие мокли
В своих плащах, а я себе спокойно
Шагал сухой из кабака в кабак.
- Дворецкий *(в сторону)*.
Еще бы не сухой; коль нету денег
На выпивку!
- Фредерик. Вас охраняли чары?
Вы шли, случайно, не от чаровниц?
А впрочем, ладно. Лучше расскажите,
Каких мне слуг положено иметь.
- Меллок. Как! Разве до сих пор никто об этом
Не позаботился?
- Дворецкий. Нет, почему ж?
Подыскиваем.
- Меллок. Слуг везде полно!
- Дворецкий. Да мудрено сыскать таких, как нужно.
- Фредерик. Каким же нужно? И в каком шле?
- Меллок. Ну, кроме приходящих педагогов
По пению, по танцам, фехтованью,
Французскому и верховой езде, —
Потребны два, что состоять при вас
Возьмутся безотлучно: шут и сводник.
- Дворецкий. Об этих двух я справки наводил,
И мне уже сыскали претендента
На оба места — и в одном лице!
Конечно, можно было б сэкономить,
Договорясь с молочницей, что носит
Записки в пудингах, или с торговкой
Куплетами²⁵: она-то вмиг подыщет
Девчонку на любой мотив и вкус...
Но я задумал, сэр, к нему приставить
Плута из плутов: он читал всего
Плутархуса! Он знает заклинанья
И в полночь вызовет любую шлюху.
Из Лондона и близлежащих сел,
Советами поможет, если нужно —
И лекаря доставит...
- Фредерик. Молодчина!
Я буду дважды в год ему дарить
По новому костюму!
- Дворецкий. Это слишком.
Сойдет и ваш поношенный камзол,
А уж на плащ он соберет с девчонок,
Которых к вам доставит вечером.
- Фредерик. А как мне называть его: «помощник»?
- Меллок. Не стоит! Просто Гарри или Джек —
Лишь думали бы все, что он крещеный.

- Фредерик. А разве нету у таких людей
Своих особых титулов и рангов?
- Меллок. Различья есть, согласно рангам тех,
Кого они при этом ублажают:
К примеру, императору любезность
Оказывает герцог, а король
Наместника попросит об услуге;
У герцога в посредниках — виконт,
У лорда — баронет, у баронета —
Помельче дворянин, а уж дворяне
Все друг у дружки и промеж себя!
- Фредерик. Вот это по-товарищески! Сударь,
Теперь раскройте сущность дурака,
Что должен забавлять меня своими
Остротами.
- Меллок. Дурак необходим.
- Дворецкий. Вот именно.
- Фредерик. Но кто из них нужнее:
Дурак иль сводник?
- Меллок. На такой вопрос
Ответить лишь геральдике под силу.
Я лично полагаю, что дурак.
Свой собственный дурак — вот верный признак
Влиятельной особы.
- Дворецкий. А зато
У сводника работа и потоньше,
И чище: он доверьем облечен,
Он ловок и сметлив, собой приятен;
По службе продвигается легко,
В чем дураки как раз и невезучи.
- Меллок. Не все! Обратных множество примеров:
Иные принцы были не умней,
Чем им положено, — и преуспели!
Богач, что разорился в пух и прах,
Найти пытаюсь философский камень,
Чтоб стать богаче, — это ль не дурак?
А рыцари, что строят богадельни, —
Не дураки? Владельцы крупных вотчин,
Что ссорятся из-за клочка земли, —
Не дураки?! Семейство дураков
Огромно и разбросано по свету:
Везде их любят, всюду им почет,
Они пребудут вечно!
- Дворецкий. Все же сводник,
По-моему, нужнее дурака!
- Фредерик. Вы оба правы... Тетушка идет!
- Входит Аретина.
- Меллок. Ну, как теперь вам нравится племянник?

Аретина. О-о! Повернись-ка... Вот теперь отлично!
Фредерик. Не правда ли, как я похорошел!
Что делает одежда с человеком!
Теперь дорогу я не уступлю;
Хоть попадись навстречу мне сам Цезарь
Со всем сенатом! Я исполнен спеси,
Точь-в-точь как ваше сердце: я надел
Характер новый вместе с новым платьем.
Нахальным стану, как мальчишка-паж
Или актер... Все светские науки
Пройду у Джона Меллока; клянусь,
Он сможет мной гордиться! Ваш дворецкий
Имеет также ценные познания
По части нравов.

Аретина (Меллоку). Я у вас в долгу!

На этот раз, как никогда доселе,
Достойны вы награды и похвал.
Меллок. Я счастлив тем, что вы меня сочли
Достойным вам служить; за эту честь
На край земли пополз бы на коленях!
Я целый год готов платить налог
За каждую минуту рядом с вами!

Аретина. На комплименты вы изрядный мастер.
Меллок (в сторону).

Вот так всегда: отделается шуткой,
Как будто ей намек мой невдомек!
Ведь если о коленях речь зашла,
Казалось бы, пора и догадаться?
Ох, эти дамы!

Входит Бреллок.

Бреллок. Джек, здравствуй! О мадам, храни вас небо
Для радостей земных! Что наш дичок,
Не принялся еще?

Аретина. Ба! Кто явился!

Бреллок. Ваш Александр!

Аретина. Какой победный вид!

Меллок. Наш Александр Великий!

Бреллок. Буцефала

Оставил я за дверью.

Аретина. Видно, ваши

Дела пошли на лад?

Бреллок. Я ни при чем:

Так пожелали Парки! Это жатва
С чужих полей...

Меллок. Но все же плуг был твой!

Аретина (в сторону).

Как он хорош в своем наряде новом!

Фредерик. Привет тебе, отважный македонец!

Бреллок. Вы отдали племянника, мадам,
 Ко мне в ученье: а давать уроки
 Привык в тавернах я. Идемте все
 К «Медведю под мостом», я угощаю!
 Буфетчик тамошний — мой Ганимед,
 Нектаром он наполнит наши кубки;
 Велим зажарить дюжину цыплят,
 Потом пойдут фазаны, куропатки
 (Шеренгой, как гвардейцы на параде!),
 Потом пирог огромный с осетриной
 Мы атакуем, как мятежный форт...

Аретина. Довольно, сэр! Вы этак перебьете
 Себе весь аппетит. Сейчас я, право,
 Не голодна, но в следующий раз
 Приму охотно ваше приглашенье.

Бреллок. У дам сейчас не в моде аппетит.
 Что ж, я всегда готов. Идемте, Меллок.
 Вы с нами, Фредерик?

Фредерик. Найдем оркестр!
 Да пошумней, чтоб Темзу заглушал,
 Чтоб трясся мост!

Меллок. Мадам, целую ручки.
 Прошу вас, вспоминайте обо мне
 Хоть изредка... Как тяжело бремя плоти,
 Когда нам не на кого возложить
 Хотя бы часть его!

Аретина. Так возложите
 Его в карету: лошади свезут!
 Иль на корабль — и пусть вода несет!
 Вода? Я весь в огне!

Меллок. Река потушит.
 Но потушить во мне сердечный жар
 Одна лишь может ваша благосклонность.

Аретина. Коль так, я сохраню ее для вас
 В сыром, холодном месте.

Меллок. О надежда!
 Теперь пойду на радостях напьюсь.
 Уходят.

Аретина. Он не узнал меня, теперь я в этом
 Убеждена; и было бы безумьем
 Самой себя мне выдать... Вот мой муж.

Входит сэр Томас Добруэлл.

Добруэлл. Как! Ты одна? В чем дело, Аретина?
 В одну минуту опустел весь дом!
 Картежники куда-то подевались...
 Что за чума! И музыка молчит.
 Неужто простудились инструменты?

- Так надо снова жару им задать!
 Да что с тобой? Открой причину грусти!
 Вам весело... Признайтесь, что сейчас
 Вы целовались с вашей Селестиной!
 Мои уста еще хранят тепло
 Ее нежнейших уст... А собеседник
 Она отменный: прежде я не знал,
 Что женский пол так может быть приятен.
 По счастью, ты открыла мне глаза
 И скучного супруга превратила
 В мужчину пылкого! С такою дамой
 Я б не расстался до скончания дней;
 Года текли бы, как песок в часах,
 А я по-прежнему все был бы молод...
 Ее глаза обуздывают Время
 И высекают искры из камней!
- В подобном роде мог бы воспевать
 Невзрачную и глупую служанку
 Ее поклонник. Пышные сравненья
 Лишь обесценить могут красоту,
 Которая прекрасней всех прикрас
 И выше всех сравнений! Если б только
 Мы разумом почувствовать могли
 Очарование лица и тела —
 Все то, чего касается лишь зренье,
 И прелесть, что исходит из души,
 Душою ощутить... Я признаю
 И взглядом, и душой, что Селестина —
 Прекрасна! Несравненна! И достойна
 Любви и поклоненья.
- Ты всерьез
 Ее расхваливаешь, Аретина?
 Или решила подразнить меня?
- Пусть мне во вред моя же справедливость —
 Я вижу в ней все лучшие черты,
 Которыми наш пол себя прославил.
 Будь я мужчиной...
- Ну и что тогда?
- На все пошла бы, чтоб завоевать
 Ее любовь! Она — небесный ангел:
 Желать ее не так уж и грешно,
 Да с ней и грех — почти что добродетель.
- Уходит.
- Ни тени ревности! Что это значит?
 Ужель она почуяла обман?
 Но что со мной? Я, кажется, не прочь
 Дать настоящий повод ей, когда бы
 На это согласилась Селестина.

Да, плоть слаба... Невелика и честь
Прослыть безгрешным, избегая женщин.
Нет! Я того бы праведником звал,
Кто, встретившись с соблазном, — устоял!

Уходит.

СЦЕНА 3 . . . Комната в доме Селестины. Входят Селестина, Мариана и Изабелла.

Селестина. ... Вот все, что мне известно. Раз уж он
Сам напросился, я его приму.
Вы будете присутствовать при этом.

Мариана. А с кем придет он?

Селестина. Сэр Вильям Блудли,
Тот самый, что меня предупредил
Об этом неожиданном и лестном
Визите, — привезет его, ко мне.
Онн вот-вот подъедут.

Входит сэр Вильям Блудли.

Блудли. Его светлость!

Селестина. Для нас большая честь его принять.

Входят лорд и Стриггинс.

Блудли (*лорду*).

Милорд, у вас парик перекосялся.

Лорд (*Стриггинсу*).

Поправьте, сэр!

Пока Стриггинс занимается прической лорда, Блудли подходит к Селестине.

Блудли. Вы поняли, мадам,

Кто рядом с ним стоит? Его цирюльник!

Он вам не предлагал своих услуг?

Стриггинс (*лорду*).

Вот и она, сэр!

(*В сторону.*) Я разоблачен.

Твоя работа, Блудли! погоди же,

При случае с тобою разочтусь!

Уходит.

Блудли. Она — посередине.

Лорд. Да, красива.

Но отчего стоит так далеко?

Селестина. Чтоб высказать, милорд, какую честь

Вы оказали мне своим визитом,

Язык мой слишком беден, — но зато

Души моей богаче нет отныне!

Готова я навеки затвориться
В стенах, которые высокий гость
Почтил хотя бы кратким посещеньем,
И день и ночь смиренно возносить
Молитвы благодарственные...

Лорд.

В храм

Вы обращаете любое место
Одним своим присутствием. Не след
Таковую красоту скрывать от света,
Уж лучше благочестье умалить.
Вам подобает трон скорей, чем келья,
Чтоб вами любоваться мы могли
И подставлять сердца под ваши взоры.

Блудли (*в сторону*).

Ну, кажется, пошло.

Лорд.

А мне, мадам,

Вы подали пример великолепный,
Как надобно приветствовать гостей.

Селестина.

Я возблагодарю свои уста
За их красноречивое молчанье,
Коль ваша светлость в нем смогли прочесть,
Что вы — желанный гость.

Лорд.

Ответ забавный,

Невольню улыбнешься!

Селестина.

Здесь, милорд,

Грустить вам не придется. Я была бы
В отчаянье, случайно огорчив
Вас чем-то скучным или неприятным.

Лорд.

Мадам, от ваших уст и глаз бегут
Печаль и скука.;

Селестина.

Я бы огорчилась,

Когда бы вам, милорд, моя свобода
Пришлась не по душе. Явись ко мне
Хоть герцог — льстить ему и лицемерить,
Под приторной улыбкой пряча ложь,
Не стану! У меня такой обычай.
Простите мне и мой веселый нрав:
Отец мой, вероятно, улыбнулся,
Когда меня зачал.

Лорд (*в сторону*).

У ней и впрямь

Веселый нрав.

(*Селестине.*) Мадам, прошу прощенья,
Что вторгся к вам незванным: ведь со мной
Вы незнакомы.

Селестина.

Нет, почти знакома!

Хоть видела вас лишь издалека,
Зато наслышана о вас, и столько,
Что хватит на подробнейший рассказ.

Лорд.

Который мы послушаем охотно!

Селестина. Тогда вам нужно запастись терпением.
Лорд. Да... и смиренъем, чтобы признавать
Свои ошибки.

Селестина. Кроме тех, какие
Вы не признаете... Итак, милорд,
Позвольте передать вам мнение света.
Лорд. Я весь вниманье.

Селестина. Вы аристократ,
Чьей родовитости с избытком хватит
На дюжину дворян, а благородства
Души и сердца — дюжины на две.
Вы образованны, что нынче редкость
Средь нашего дворянства; ваш язык
Чарует слух и проникает в сердце;
Ваш ум — блестящий, острый, но не злой
(Невиданное в свете сочетанье!) —
Давно стяжал вам славу мудреца;
У вас к тому ж и память превосходна,
Не правда ль — целый перечень чудес?
За честь не раз стояли вы отважно
И шпагою умеете владеть,
Хотя не любите носить оружие.
Вы так щедры, как щедр весенний дождь,
Что поит и питает все живое, —
Поскольку рождены вы господином,
А не слугой богатства своего.
Принявши чью-то сторону, — идете
С ним до конца; вас многие боятся
И залучить стараются в друзья.

Лорд. И это все известно вам из слухов?

Селестина. Известно мне и кое-что еще.

Лорд. Прошу вас, продолжайте!

Селестина. Есть у вас
Еще достоинство... (не забывайте,
Я только пересказываю слухи!),
Но все единодушно говорят,
Что вы любили женщину.

Лорд. Одну?!

Селестина. Нет, многих; уточнять я не хочу,
Но дамы утверждают (извините
Невольную улыбку), что за вашу
К их полу благородную любовь
Вам надобно воздвигнуть монумент
Из мрамора... Я скромно умолкаю,
Чтоб зря вас не смущать.

Лорд. К чему смущаться?

Селестина. Любовью мы обязаны природе!

Селестина. Обязанности должно выполнять,
Как каждый знает.

Лорд. Но не каждый может.
 Селестина. Вы с вашими возможностями, сэр,
 Могли бы пробудить бездушный камень!
 Но женщины вас больше не влекут.
 Лорд. Куда уж больше? Что-то не пойму!
 Не вы ли мне поведали сейчас,
 Что по природе я любитель женщин!
 Селестина. Прошу прощения, сэр, я лишь сказала,
 Что вам приписывает это свет!
 В последнее же время ходят слухи,
 Что вы, презрев законы естества,
 Свое перебороли полнокровье:
 Как будто вся любовь и красота
 Ушли из мира вместе с вашей милой!
 Вы этим унижаете всех нас,
 Весь женский пол, не меньше, чем когда-то
 Возвысили одну из нас, милорд!
 Ведь вам любовь протягивает щедро
 Свой урожай: колосья тяжелы,
 Плоды сочатся сладостным нектаром —
 Вкусите их!
 Лорд. Так вот что обо мне
 Толкуют... Что ж вы, верите ли в это?
 Селестина. Я этому дивлюсь. Поверить трудно,
 Что вы, столь именитый дворянин,
 Изваянный праматерью Природой
 Из лучших матерьялов; холостой,
 Богатый, независимый, ученый
 И принятый с любовью при дворе,
 Где пышно зреют красота и роскошь,
 Как яблоки в саду у Гесперид
 Под неусыпной стражею дракона²⁶;
 Где столько игр, утех и новых лиц,
 И где всегда так много развлечений, —
 Что до сих пор скорбите вы о той,
 Которая давно смешалась с прахом!
 Одно я только вижу объясненье,
 Но мне неловко и предположить...
 Лорд. Что именно?
 Селестина. Что сами над собой
 Вы хирургическую процедуру
 Произвели...
 Лорд. И сделался скопцом?!
 Селестина. Как это ни прискорбно.
 Лорд. Успокойтесь!
 Я мог бы, если нужно, предъявить
 Все признаки нормального мужчины.
 Я не монах, но я до встречи с вами
 Не видел настоящей красоты!

- Что королевский двор! Вы — королева
 Любви, вы — божество: у вас в глазах
 Сияет нежный пламень Афродиты,
 Стреле Амура озаряя путь!
 Селестина. И хорошо бы в цель она попала:
 Для вашего же блага.
 Лорд. И тогда
 Вы полюбить меня в ответ готовы?
 Селестина. ...Конечно, если б я нашла мужчину,
 Поистине достойного любви
 И постоянного...
 Лорд. Мужчина этот —
 Селестина. Пред вами!
 Сэр, давно ли ваше сердце
 Оттаяло? Не разучились вы
 Вести себя как истинный влюбленный?
 Прими немедля жертву, Купидон!
 Сама я буду жрицей...
 Лорд. Вашу руку!
 И губки тоже! (Целует ее.)
 И отныне мне
 Не страшно никакое искушенье.
 Селестина. Что это значит?
 Лорд. Это значит, леди:
 Я, устоявший против ваших чар,
 Теперь могу не опасаться женщин.
 Я памяти твоей не осквернил,
 Белла Мария! Колдовство бессильно,
 И кровь моя, как прежде, холодна.
 Прощайте! Будь вы столько же безгрешны,
 Сколь хороши — вам не было б цены.
 Селестина. Надеюсь, ваша светлость пошутили!
 Прошу вас, отобедайте у нас.
 Лорд. Простите, не могу. Идемте, Блудли,
 Уж нынче я над вами посмеюсь!
 Селестина. Оставайтесь! Заклинаю вас, во имя
 Той самой, незабвенной...
 Лорд. Остаюсь.
 Селестина. Пусть будет добродетель мне порукой,
 Поверьте: я испытывала вас,
 И вы проверку выдержали с честью.
 Простите этот маленький обман...
 Но не пойдете вы первым в наступленье —
 Признайтесь, я бы выиграла бой!
 А после пристыдила б вас — и только.
 Теперь я вижу: ваша добродетель —
 Не от тоски по той, кого уж нет,
 Но от великой чистоты душевной,
 Пример которой всем нам подают

Два царственных светила²⁷, что сияют
Для подданных созвездьем путеводным.
...Теперь, милорд, судите обо мне.

Лорд уходит.

(Мариане и Изабелле.)

Я, кажется, устала. Что ж, пойдем,
Подышим свежим воздухом втроем.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА I Комната в доме сэра Томаса Добруэлла. Входит Аретина в сопровождении слуги.

Аретина. Неужто это правда, что сэр Томас
Уже пять сотен фунтов проиграл?
Слуга: И тут же одолжил еще пятьсот!
Уж эти кости! Прорва, да и только:
Жрут золотые, точно леденцы,
Горстями, грудями... А игроки-то!
Один как крикнет: «Ставлю двести сверху!»
Другой: «Я с вами в доле!» Третий: «Пас!»,
А тут все враз: «Покрыто!» Стол завален
Монетами — ну долго ль до греха!
Иной бедняга, точно впал в столбняк:
Глядит, как мученик на палача,
На двойку, слова вымолвить не может,
Потом отдышится, закурит трубку,
Глядишь — уже рассеялся... Другой
Тряс, тряс над головой стакан с костями —
Свернул плечо, за костоправом шлет.
Тот клянчит в долг еще хоть пару сотен,
Спускает их — и тоже за табак...
Но вот вмешается игрок бывалый:
И мечет и сгребает куш за кушем,
Подбрасывая изредка монетки
По мелочи играющим «грачам»,
И сетует еще на невезенье...
Но мне пора идти. Хозяин ждет,
Небось уж просадил и те пять сотен!

Уходит.

Аретина. Нельзя же нам обоим столько тратить,
Ведь так и все недолго промотать!
Не знаю, что и думать: он так странно

Себя ведет!

Входит сэр Томас Добруэлл в сопровождении слуг, один из которых несет кошелек.

Добруэлл.

Живее, черепахи!

В игорный дом и заплатите долг
Хозяину, а игрокам скажите,
Что к ночи я еще зайду спустить
Ненужных пару тысяч. Все понятно?
Да, ваша милость.

Слуги.

Добруэлл.

Ну, улитки, марш!

Слуги уходят.

Аретина.

Добруэлл.

Аретина.

Добруэлл.

Тра-ля, ля-ля!.. А, это ты, жена!
Вы, кажется, в отличном настроенье?
А ты бы предпочла, чтоб я грустил?
Вы проиграли...

Аретина.

Добруэлл.

Небольшую сумму;
Уж тратить — так не все ль равно, на что!
Неужто вам несколько не досадно?
Да лучше втрое больше проиграть,
Чем хоть на миг почувствовать досаду
Из-за безделки! Деньги, что иным
Отдать так трудно, точно сердце вынуть, —
Мы, игроки, транжирим так легко
И радостно, как пьем или целуем...
Что нам богатство? Деньги — это прах!
Я игроков сравнил бы с королями
По широте натуры: на двоих
Дай им весь мир — делить его не станут,
А бросят кости, лишних слов не тратя,
И проигравший даже не вздохнет,
Невозмутим, как истинный философ!
Что ж вы, как проиграете именье,
Снесете философию в заклад?
Ко всем чертям мороку с закладными!
Все разом распродам!

Аретина.

Добруэлл.

Аретина.

Добруэлл.

Ах вот вы как?
Я завтра же куплю еще карету!
Роскошней, чем у принца!

Я забыл
Послать слугу узнать у ювелира,
Готово ли алмазное кольцо,
Что давеча я заказал в подарок
Прекрасной Селестине.

Аретина.

Это платье
Мне надоело: я уж пятый день
Его ношу, пора отдать служанке.
Теперь я закажу себе наряд

- Из золотой парчи, расшитой шелком,
И туфельки такие же к нему!
- Добруэлл. А я две дюжины прелестных дам
И столько же веселых джентльменов
Поужинать на завтра пригласил
В таверну, где хозяин итальянец.
Нас ждут напитки, яства и оркестр,
И танцы, и игривые куплеты,
И я плачу за все!
- Аретина. А я весь двор
К себе на завтра позвала на ужин!
Для нас актеры будут представлять...
Как жаль, что вы уходите!
- Добруэлл. В то время,
Как будете вы слушать эпиллог,
Мы дружески простимся с итальянцем
И к немцам все покатым, прямо в Стил-ярд²⁸.
А там пускай рейнвейн течет рекой
И затопляет окорок вестфальский,
Анчоусы, колбасы, языки,
Весь этот маленький съедобный город...
И тех из нас, кто одолеет Рейн,
На Темзе будут ждать гребные лодки:
Кареты все отправятся домой
По берегу, а мы по водной глади
Помчим навстречу новым приключениям!
- Аретина. Но если больше вас нигде не ждут,
Прошу вас, бросьте якорь в этом доме:
Я приглашаю ваших дам на бал
С оркестром и богатым угощением.
Мы будем танцевать, пока заря
От зависти не покраснеет в себе.
- Добруэлл. А с кем бы мне сейчас потанцевать?
Что там в гостиной — ни одной красотишки?
Вот скука! Не сидеть же мне с женой!
Ах, да! Я счел: у нас осталось денег
На целый месяц райского житья.
- Аретина. Как так — на месяц?!
- Добруэлл. Я предпочитаю
Хотя бы месяц предаваться власти
Восторгам и блаженству, чем в унылом
Благоразумье годы проводить,
Богатство потребляя понемногу...
Безвестность не по мне: я буду жить
На зависть и на диво всем потомкам!
- Аретина. На месяц, вы сказали?! А потом
Что с нами будет?
- Добруэлл. Сам-то я подамся
В заморские края, наймусь в солдаты:

Невелика премудрость топтать в ногу,
В траншее мерзнуть, на часах стоять,
Да выстрелить иной раз из мушкета.
Зато в неделю буду загребать
Четыре шиллинга! А копь в бою
Мне что-нибудь ненужное отхватят, —
Тем лучше: стародавние друзья
Уж выхлопочут пенсию герою!
А что до вас, мадам — у вас полно
Богатых и влиятельных знакомых,
А если станет ваша нищета
Препятствием для дружбы — не печальтесь:
Есть способ заработать вам на жизнь,
И связи пригодятся... Ну, резвитесь,
А мне пора. Забудусь в наслажденьях!
Уж падать — так с небес, как Фазтон!

Уходит.

Аретина. Звучит красиво, но...

Входит мадам Капкаун.

Мадам Капкаун!

Мадам Капкаун.

Что означает этот грустный вид?
Ведь вы так славно потрудились ночью!
Отменно все сошло! Уж я знаток
В таких делах...

Аретина.

Как истинная леди!

Мадам Капкаун.

О-о, этот комплимент возвысил сразу
Мое занятье и меня саму.
Вы с ним еще не виделись сегодня?
Что скажет, любопытно...

Аретина.

Вот и он!

Входят Бреллок и Фредерик.

Бреллок.

Держись, держись, мой верный мирмидонец...²⁹
А что, Джон Меллок следует за мной?

Фредерик.

Какое — следует! Свалился в Темзу,
Когда из экипажа вылезал.

Бреллок.

Пусть чёрт-за ним ныряет! Я не стану
Задаром портить шелковых чулок.
Пусть моряки его багром подцепят,
Иль вынесет его морской прилив,
Как огурец в рассоле, — вот забавно!

Фредерик.

Да он и не подумает тонуть:
Его башка — как поплавок из пробки.

Бреллок.

Утонет он иль кончит жизнь в петле —
Мне все равно, а было б справедливо,

Когда бы смерть он принял от воды
 За то, что пить досель не научился.
 Не тетушка ли это?
 Да, и с ней
 Другая дама, с виду недурная.
 Пойду представляюсь...
(Подходит к мадам Капкаун).

Фредерик. Кровь моя горит!
 За кем бы приударить? Да хотя бы
 За тетушкой!

Аретина. Мой мальчик, где ты был?
 Фредерик. Я затравил «Медведя под мостом»
 Во славу несравненной Аретины!
 Нам всем недоставало вас, мадам;
 Мы не сумели раздобыть девчонок,
 Такая незадача! А глазеть
 На слуг в трактире — скука! Нам хотелось
 Всласть позабавиться и почудить...
 Ах, тетушка! Случалось вам напиться?
 Что?!

Аретина. Разве дамы никогда не пьют,
 Фредерик. Хотя бы за компанию? Без женщин
 Веселья нет! А у меня как раз
 Возникли презабавные идеи...
 Профессор Бреллок, доктор острословья,
 Нам лекцию прочел: «Как поступать
 Со слабым полом». Я представлю в лицах...
(Подходит к Аретине.)

Аретина. Ты что, на мне решил поупражняться?
 Фредерик. Сначала — ручку... Дайте-ка, вот так...
 Какая мягкая! Вы вся такая?
 Аретина. Племянник!
 Фредерик. Нет, вам следует молчать
 И улыбаться. Так, теперь целуем
 В уста... Перчатку стягиваем прочь...
 Какая белизна! Ее коснуться
 Губам отрада... Повернем ладонь,
 Вот так, тихонько... Так, теперь — гаданье.
 На это дамы поддаются все:
 Они ведь любопытны. Первым делом
 Поищем полукружие Венеры,
 А в нем — Сатурна малый бугорок
 И шишечку Юпитера... Коль сыщем
 Все это — стало быть, ошибки нет:
 Красотка создана для дел любовных!
 Но что я вижу?! Торжествуй, Амур!
 На вашей ручке есть все эти знаки!
 Мальчишка спятил!

Аретина. Где у нас диван?

Фредерик.

Аретина. Я дверь запру... Кому-то строить глазки,
Когда родной племянник жаждет ласки!
Фредерик. Довольно!

Фредерик. Не смущайтесь: плоть и кровь.
У нас и так одна, ведь мы родные.

Бреллок (Аретине). Вот вам подружка ваша, забирайте!
Я ей о развлеченьях, а она
Толкует о женитьбе!

Фредерик. Вот и Меллок.

Входит Меллок, весь мокрый.

Откуда вы, наставник?!

Меллок. С рыбной ловли.

Фредерик. На что же вы удили?

Меллок. На себя.

Бреллок. Ха, ха! А шпага где твоя?

Меллок. Утопла.

Меня ж как тряханули вверх ногами,
Так хлынула вода, и с ней — вино.
Теперь мне полегчало.

Бреллок. Хмель прошел.

Меллок. Да уж, с водички-то не захмелеешь.

Аретина. Зато, наверно, ваш сердечный жар

Теперь погас!

Фредерик. Теперь не то, что прежде,

Когда наш Джек «из кабака в кабак
Шагал сухой» под проливным дождем.

Бреллок. Что, Джек, поел ты рыбки там, на дне?

Меллок. Я сам в селедку чуть не превратился!

Фредерик. Была бы снасть, так мы бы из него
Повыудили парочку сардинок.

Меллок. Давно подошедших... Сжальтесь, о мадам,
Мне нужно лечь в постель!

Бреллок. Нет, отведите

Его на воздух: пусть, как мокрый пес,
По травке покатается, встряхнется
На солнышке, — глядишь, уже сухой,
Хоть печку им топи!

Фредерик. Пошли, бедняга,

Я уступлю тебе мою кровать.

Мадам Капкаун.

Да-да, пойдем, красавчик!

Меллок (в сторону). Неудачи

Преследуют меня: сперва мытье,
Теперь вот катанье...

(Мадам Капкаун.)

Ну что, милашка?

Мадам Капкаун.

К услугам вашим.

Меллок.

Ладно, так и быть,

Смотрите только не сдерите шкуру
С промокшею рубахой заодно.
Поосторожней.

Мадам Капкаун.

Я вас не обижу.

Уходят все, кроме Бреллока и Аретины.

Аретина (*в сторону*).

Он под хмельком... Быть может, я узнаю,
Как принял он вчерашний маскарад.

Бреллок.

Надеюсь, ваша милость в добром здравье?

Лицо у вас, как пасмурный денек.

Аретина.

У вас, напротив, вид такой веселый —

Под стать наряду.

Бреллок.

Деньги могут все!

Аретина.

Кто ваш портной? Мне помнится, что раньше
Камзолы ваши были победней:

Бреллок.

Нет, этот сшили мне уже давно.

Я надевал его всего два раза:

Приберегал его до лучших дней.

Теперь вот поношу до послезавтра —

И новый закажу... Теперь не то!

Я стану шить в неделю по костюму

И столь же часто обновлять запас

Платков, и шляп, и шелковых чулок;

А сапоги — носить до первой чистки.

Белье мне станут доставлять с утра

Из лавки, а вчерашняя сорочка —

Пойдет лакею!

Аретина.

Ишь, как вы щедры!

Бреллок.

Я буду иногда у вас обедать,

А также при дворе — не для еды,

Для дружеской беседы; мой же повар

Искусен и на выдумки горазд:

Сто раз на дню готов слетать на рынок,

Чтоб угодить мне... Словом, молодец!

Говядину я больше есть не стану,

А крылышками дикой куропатки.

Кормить начну прислугу, чтоб была

Проворней...

етина.

Да, но это стоит денег!

реллок.

И хорошо, что стоит... Я напал

На золотую жилу!

Аретина.

В самом деле,

Откуда вдруг такие чудеса?

Мне помнится, доходы от поместья

У вас невелики?

Бреллок.

Ко всем чертям

Поместье и несчастные гроши,
Землей измазанные! Есть почище
Доходы у меня, и их источник —
Шедрей, чем вся британская казна!³⁰

Аретина.

Но как внезапно вы разбогатели!
Ни в карты вы, ни в кости не могли
Так много выиграть за день вчерашний.
Есть и другие игры.

Бреллок.

Аретина.

Хоть любви

Достойны вы вполне, но столь богатых
Любовниц нет! Кто мог бы оплатить
Подобные роскошества? Принцесса,
Наследница престола, — распродав
Все украшенья, а потом и земли, —
Останется ни с чем!

Бреллок.

Уж коли речь

Зашла об украшениях — вот вещица
Занятная: что скажете, мадам?

(Показывает Аретине одно из своих украшений.)

Аретина.

Бреллок.

Да, дорогая вещь!

Не откажите

Принять ее в подарок от меня!

А эту безделушку и цепочку

Я брал у вас на время: нате, вот.

(Протягивает ей драгоценность и цепочку.)

Я просто отдавал их на хранение

Приятелю... И если вам, мадам,

Понадобятся деньги — не стесняйтесь,

Ведь мы друзья!

Аретина.

Вы верите мне в долг?

И не боитесь?

Бреллок.

Я не обеднею:

Мне золотом заплатят завтра вновь.

Аретина.

Невероятно! Кто же этот Крез?

Бреллок.

Есть у меня надежная подруга...

Мы скоро с ней увидимся опять!

Аретина.

Подробностей выспрашивать не стану,

Поздравлю вас с удачей, вот и все.

Но я с ума схожу от любопытства!

Бреллок.

Нет, это тайна...

Аретина.

Я скорей умру,

Чем выдам вас!

Бреллок.

Хоть вы мне добрый друг,

Все ж поклянитесь: никому ни звука!

Аретина.

Чтоб мне навек лишиться языка!

Бреллок.

Так слушайте, но только не пугайтесь.

Вообразите: старая карга,

Ужасная, уродливая ведьма,

Меня к себе сумела залучить,
Чтоб я провел с ней ночь... и вот за это
Она богатым сделала меня.

Аретина.
Бреллок.

Она — ох, нет! Боюсь произнести!
Как вы сказали? Ведьма?

Я не стал бы
Вас так пугать... Но ведьмы — все равно
Что духи... Словом... Как вы побледнели!
Раз так, молчу!

Аретина.
Бреллок.

Нет, говорите все!
Тогда, прошу вас, соберитесь с духом
И слушайте всю правду: эта тварь —
Не что иное... словом, это — дьявол!

Аретина.
Бреллок.

Я вся дрожу!
Мужайтесь! И не дьявол,

А хуже: дьяволица! Как страшна!
А уж бесстыдна! Удержу не знает!
А за спиной у ней длинющий хвост.

Аретина.
Бреллок.

О небеса! Вы разглядели хвост?
Нет, это было в темноте крошечной
А перед тем она явилась мне
В обличье старой ведьмы: принеслась
Неясно как, неведомо откуда,
В сопровожденье пары домовых!

Аретина.
Бреллок.

Но как же вы рискнули с ней спознаться?
Чем не рискнешь для выгоды, мадам!

Аретина (в сторону).

Какая низость!
(Бреллоку.) Нет ли здесь ошибки?
Быть может, ночь вы все же провели
Не с дьяволицей?

Бреллок.

Говорю вам, точно!
Не я ли ублажал ее всю ночь?
Она — чертовка и исчадь ада.

Аретина.
Бреллок.

И вам совсем нестрашно?
А с утра
Я очутился в комнате той самой,
Куда меня доставили вчера.

Входит слуга.

Слуга.
Бреллок.

Миледи, к вам с визитом его светлость!
Молчите, чтоб меня не погубить!
Коль выплывет вдруг эта чертовщина —
Я потеряю все!.. Пора идти:
Я обещал с ней встретиться сегодня,
А вам, когда вернусь, перескажу
Все чудеса. Но помните: ни слова!

Уходит.

Аретина (*смотрится в зеркальце*).

Я чувствую себя такой дурной:
Не может быть, чтоб я не изменилась...
Несчастливая, что натворила ты!

Входит лорд.

Лорд.

Я вам послал письмо.

Аретина.

Я получила

И за заботу вас благодарю.

Входит сэр Томас Добруэлл с Селестиной.

Добруэлл.

Милорд, для нас с женой большая честь
Вас принимать...

Лорд (*Селестине*).

Мадам, я рад вас видеть.

Я нынче собирался ко двору
И думал к вам заехать по дороге.

Селестина.

Меня как раз сэр Томас упросил
Приехать с ним сюда.

Лорд.

Вы так любезны...

Добруэлл (*Аретине*).

Вот на! Никак, вы плакать собрались?
И вид у вас какой-то похоронный!
Да что случилось?

Аретина.

Ради всех святых,

Уйдите! Дайте мне одной остаться
На несколько минут.

Добруэлл.

Ну что ж, пожалуй!

Я вас не тороплю.

(*В сторону.*) Она святых
Упоминает, это добрый знак.

(*Аретине.*) Куда нам удалиться?

Аретина.

Нет, я выйду.

А вы потом разыщете меня.

Уходит.

Добруэлл.

Согласен, и сейчас отправлюсь следом.

Лорд (*в сторону*).

Как быть! Еще вчера я устоял
Пред голосом ее и нежным взглядом.
Гордился я суровостью своей.
А что же ныне — сдача всех редутов?
Нет, все-таки я был несправедлив
И нелюбезен! На ее старанья
Не отвечал, как должен бы мужчина,
Свободный и уверенный в себе.

Селестина

(*Добруэллу*).

Я подожду вас здесь, коль вам угодно,

Добруэлл

(*лорду*).

Я тотчас же вернусь к вам, ваша светлость.

Лорд (в сторону).

Коль с женщиною холодны, то ей
Нетрудно добродетельной казаться.
Попробую иначе...

(Селестине.) Вы, мадам,
Как и вчера, в веселом настроенье.

Селестина. Вы действуете на меня, милорд,
Как заклинанье от печальных мыслей.

Лорд. Ах нет, напротив: это вы, мадам,
Задорным взглядом, сладостной улыбкой
Вселяете в меня такой восторг,
Что я зарекся бы скорей на звезды
Глядеть, чем хоть один ваш пылкий взор
Оставил без ответа... Ну, признайтесь:
Я показался мрачным чудаком,
Когда так дурно с вами обошелся?

Селестина. Так «дурно»?

Лорд. Да, надеюсь, никому
Не жаловались вы? Иначе дамы
Меня осудят дружно!

Селестина. Но за что?

Лорд. За то, что угощеньем пренебрег,
И прочим также... За неблагодарность.

Селестина. О нет, я не могу вас упрекнуть
В неблагодарности. Вы проявили
Похвальнейшую твердость.

Лорд. Проявил
Я глупое упрямство. Но поверьте:
Раскаянье мое чистосердечно.
Вы так великодушны! Не разрушьте
Того, что сами создали, мадам!

Селестина. О чем вы, сэр?

Лорд. Я объясню вам, только
Скажите, что способны вы любить!

Селестина. В ком есть душа, тот на любовь способен.

Лорд. О, вы сама гармония!

Селестина. Скажите,
Вы о какой любви ведете речь?

Лорд. О той, что нас украсит и возвысит.
Мне постоянство ведомо в любви.
Вы в этом сердце будете хозяйкой
Единовластной, коль решитесь стать
Моей возлюбленною!

Селестина. Как, милорд?!
Возлюбленною вашей?

Лорд. Что ж, миледи,
Для дамы нынче не зазорно стать
Возлюбленною знатного вельможи
На новый, платонический манер.

Примите во внимание мой титул,
Богатство, положение при дворе, —
Хоть это все лишь тени по сравненью
С моей любовью к вам! Любовь вернет
Мне юность, вам — девичества цветенье;
Любовь нам путь укажет в райский сад,
Где стану я подобен Адонису
(Не хладностью своей, но красотой),
Где будешь ты сперва пугливой Дафной³¹,
Закованной в древесную броню;
И, лишь моими пылкими речами
Обвороженная, предстанешь вдруг
В пленительном обличе Афродиты
И увенчаешь миртовым венком
Мои власы...

Селестина.
Лорд.

Что это значит, сударь?!

О, стань моею нимфой! И весна
Для нас с тобою будет вечно длиться,
В полях и рощах станет ветерок
Нам песни петь и веять ароматом,
Фиалки будут под ноги стелиться,
И будут розы алые бледнеть
От зависти к твоим румяным щечкам,
А белые — краснеть пред белизной
Неомраченного чела. Мы сядем
С тобою где-нибудь на бережку,
И тут со всех сторон слетятся птицы,
Сокроются в листве и запоют,
И будет нам казаться, что над нами —
Поющие деревья и кусты,
И с каждой ветки музыка струится...
Мы будем целоваться на траве
И говорить, и снова целоваться —
О, райское блаженство!

Селестина.

А когда

Наскучит нам все это, через рощу
Сосновую мы спустимся в долину,
Прекрасную, как сказка или сон!
Там, на зеленой бархатной траве,
Нам Грации станцуют дивный танец
Под звуки серебристого ручья,
Журчащего по россыпи жемчужин;
Там нимфа Эхо³² за горой живет,
Она проснется, чтоб внимать рассказам
О нас, о нашей жизни и любви,
Пока не разрыдается, бедняжка,
От зависти... Мы углубимся в лес
И выйдем к бурной, полноводной речке,
Где лебедь умирает на воде,

А рыбки пузырьки со дна пускают,
Оплакивая бедного певца...
А далее — все то же, в том же духе,
И целый воз любовной чепухи.
Лорд. У вас, мадам, на все готов ответ!
Посмотрим, что вы скажете на это...
(Обнимает ее.)

Селестина. Прошу вас, ваша светлость...
Лорд. Будет вам
Разыгрывать пугливую невинность!
Уж эти вдовушки! Сплошной каприз!
Пока я тут любезничаю с вами,
Я б мог объездить дюжину девиц
Нетронутых и даже обучить их
Переходить на рысь иль на галоп
По воле всадника...

Селестина. Должна признаться,
Я в вас разочарована, милорд.
Вы слишком забываетесь!

Лорд. Простите!

Селестина. Вы сердитесь?
Позвольте вам задать
Один вопрос, достаточно невинный:
Есть у меня знакомый; он богат,
Но не дворянского происхождения.
Ему хотелось бы приобрести
Дворянский титул...

Лорд. Что ж, благое дело.
Пусть купит землю, намалюет герб
На дверцах экипажа — и покатит
Помещиком в деревню!

Селестина. Разве герб,
Который младше своего владельца,
Хоть каплю знатности придаст ему?
Ваш род, милорд, древней, чем слово «честь»,
А гордый герб ваш — украшение рода!
Вот если согласитесь вы продать
Свой древний герб и родовое имя,
То я вам покупателя доставлю,
Который за ценой не постоит!

Селестина. Продать мой герб?! Нет, это невозможно...
Быть может, разрешение получить
Не так уж трудно... Дайте лишь согласие,
А после в Геральдической палате
Уладим это дело как-нибудь.

Лорд. Да я скорее голову на плаху
Сам положу и сердце из груди
Исторгну, чем продам хотя б крупицу
Высокой чести рода моего!

Селестина. Вот вы и подсказали мне ответ
На ваше предложенье! Вы хотели,
Милорд, чтоб я для вас пренебрегла
Моею честью: не цветной картинкой,
Что украшает знамя или щит,
Но чистотой души моей и тела,
Моею сутью! Вдумайтесь, милорд,
Какой удел вы мне предназначали!
Ведь сами вы на золото променять
Не пожелали даже символ чести,
Бездушный разрисованный щиток!
Я кончила.

Лорд. О, этого довольно,
Чтоб вразумить и буйного сатира!
Мадам, я пристыжен!

Входит сэр Вильям Блудли, за ним по пятам идет
Стриггинс.

Стриггинс (Блудли). Нет, защищайтесь!
Пусть я служу милорду, все равно —
Я джентльмен не хуже вас и прочих
Пустоголовых светских шаркунов!

Блудли. По крайней мере ничего дурного
В моих услугах нет, тогда как вы...
Довольно! Покоряюсь: не из страха,
А только чтоб не нарушать запрет
На поединки.

Стриггинс. Ну-ка, сударь, живо —
Парик долой!

Сэр Вильям Блудли снимает парик.

Лорд (Селестине). Я больше никогда
Не оскорблю нескромным предложеньем
Чистейшую из чистых... Преклоняюсь
Пред вашей добродетелью, мадам!

Селестина. Я приложу отныне все старанья,
Чтоб быть достойной этой похвалы.

Лорд. Послушай, Блудли, у тебя под шляпой
Ведь что-то было, вроде?

Блудли. Мы пари
Со Стриггинсом сегодня заключили,
Что я за полчаса без парика
Не простужусь.

Стриггинс. А вы, мадам, простите
Мне дерзкие мечты, но я не лгал:
Я дворянин, и службу у милорда
Бесчестьем не считаю.

Селестина. О, ничуть!

Стриггинс. Я ваш слуга покорнейший, как прежде.
А этот плут пред вами осрамить
Меня хотел, за это и наказан!

Блудли. А может, я ввести желаю в моду
Новейший стиль: прическу без волос!

Селестина. У вас, наверно, голова потеет?

Блудли. Нет, я ее сверх меры не тружу.

Входят Аретина и Добруэлл.

Аретина. С глаз спала пелена, и наважденье
Прошло, — благодаренье небесам!
О, будьте милосердны и примите
Мое раскаяние. Я во всем
Отныне покоряюсь вашей воле!
Отправьте снова в университет
Племянника... Меня же отошлите,
Куда сочтете нужным.

Добруэлл. Нет, приди
В мои объятия! Ты теперь мне стала
Дороже прежнего, и я ни в чем
Стеснять твоей свободы не намерен.
Я мота напоказ изображал:
Богатство цело, только нужно тратить
Его с умом... Милорд, и вы, мадам!
Вы нынче — наши гости.

Аретина (*Селестине*). Да, прошу вас,
Останьтесь, и не надо помнить зла.

Добруэлл. Кто знает, вдруг захочется жене
В деревню завтра ехать.

Селестина. Нет, сначала
Вдвоем вы нанесёте мне визит!
Скажите «да», тогда и я останусь.

Добруэлл. Вы нам окажете большую честь.

Аретина (*в сторону*).

Моей душе уже немного легче.
Клянусь, я искуплю свои грехи...
Простите, небеса, мое паденье
И скройте мой позор от глаз людских!

Входит мадам Капкаун.

дам Капкаун.

ретина. Мое почтение, милая мадам!
Скорее уходите! Мы пропали!
Я к вам зайду сама.
(*В сторону*.) Но не за тем,
Что прежде: я склоню ее, быть может,
Подумать о спасении души!

Входит Бреллок.

Бреллок. Мадам, вы мне не одолжите денег?
Злой дух меня оставил в дураках.
Увы мне! Прозерпина³³ не явилась.

Аретина. Вы ждали верности от сатаны?

Бреллок. Потнище, нас услышат!

Аретина. Всем на свете
Я расскажу про ваш ужасный грех,
Коль вы мне тотчас не дадите клятву
Раскаяться и плоть свою смирить.

Бреллок. Ну, видно, я пропал!

Аретина. Не пропадете:
Я буду ободрять вас как могу,
И даже постараюсь приискать вам
Порядочную должность при дворе.

Бреллок. Тогда я брошу дьявола, пожалуй,
И вождельня плоти укрошу.
Вы будете наставницей моею...
(Лорду.) Милорд, я ваш слуга!

Лорд. Вы молодец!

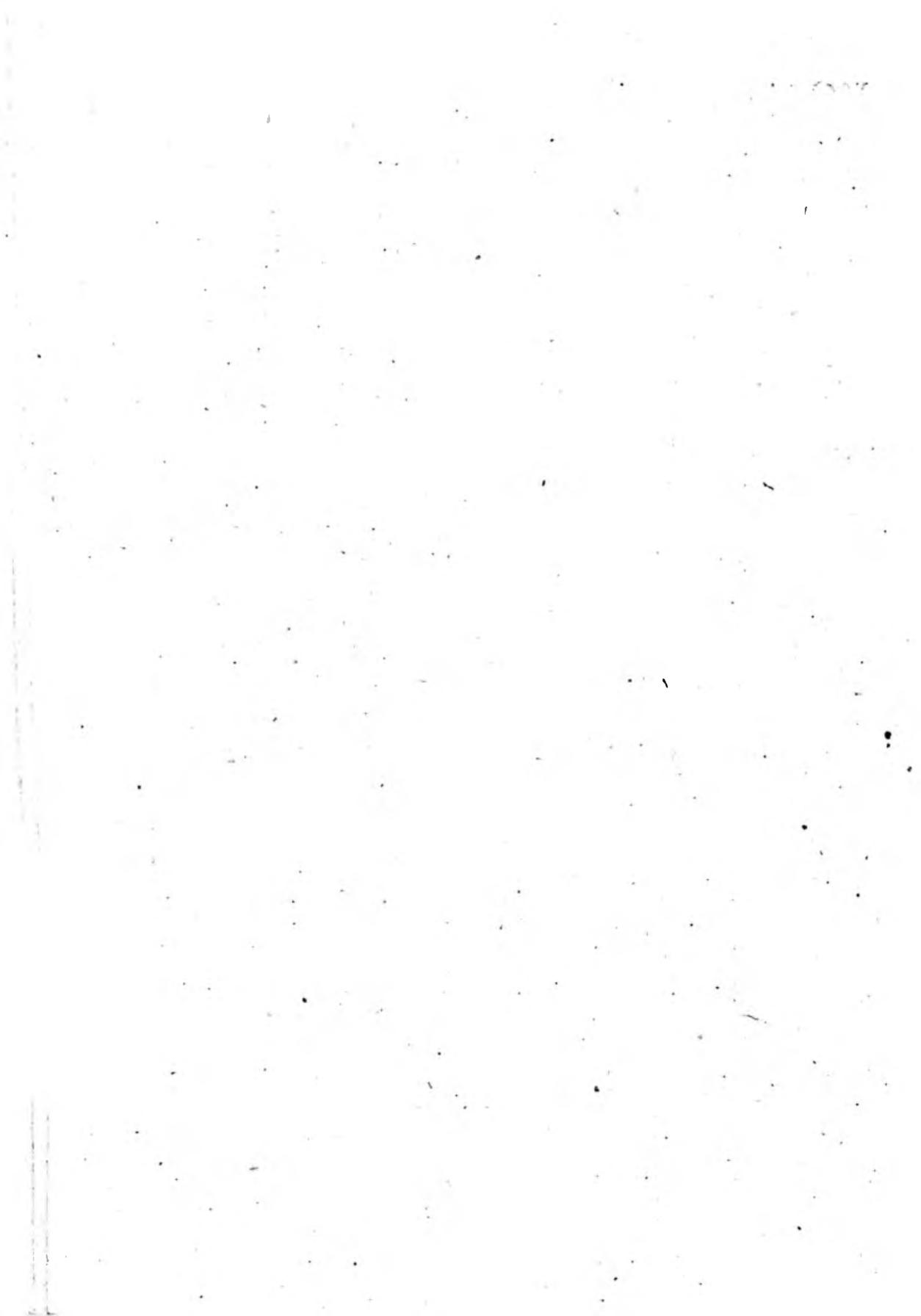
Бреллок (Селестине). Я должен попросить у вас прощенья.

Добруэлл. Осознаете ль вы свою вину?
Вы оскорбили даму!

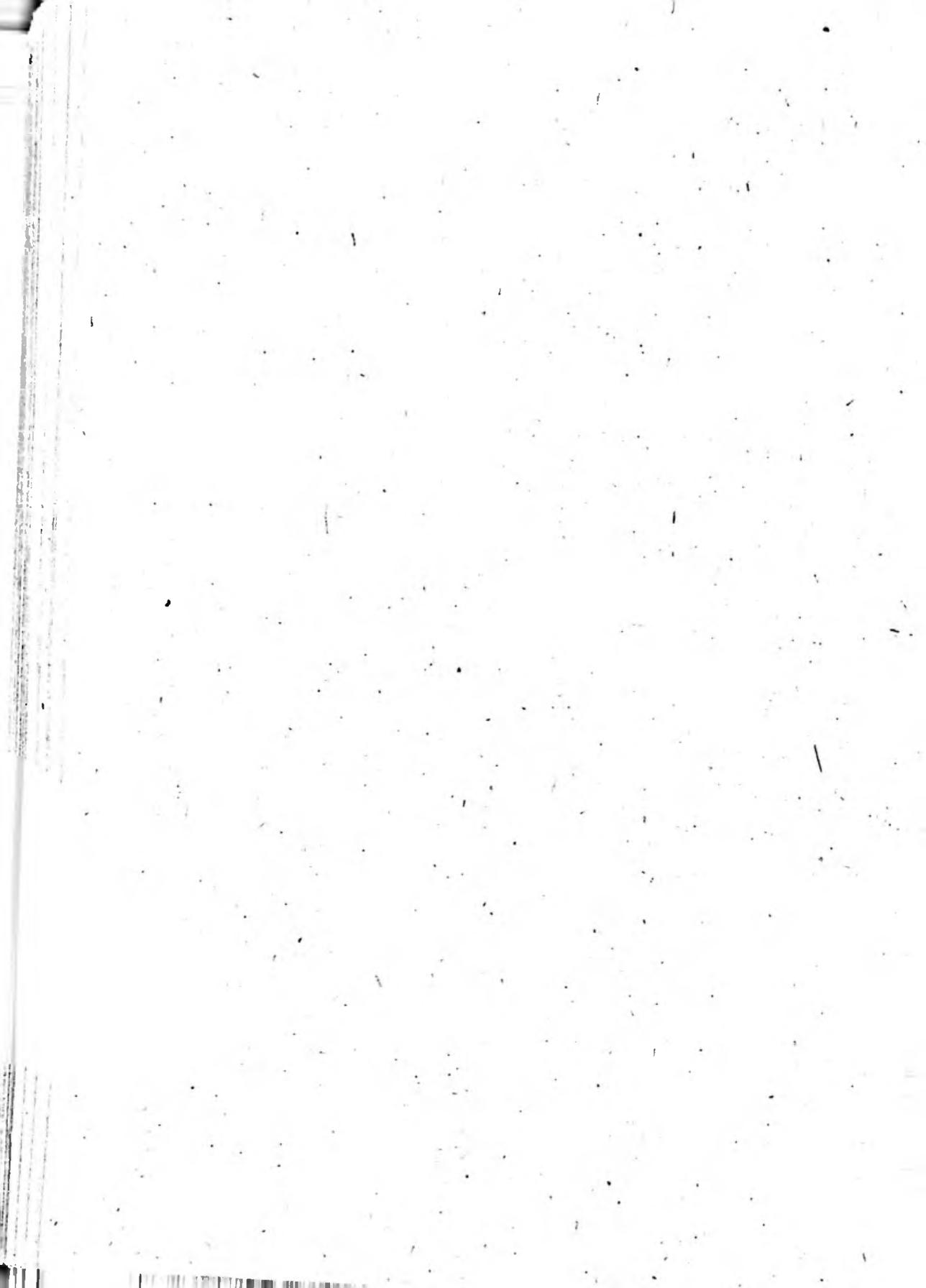
Бреллок. Каюсь, каюсь!
И в знак раскаянья и сожаленья
Останусь нынче ужинать у вас.

Добруэлл. Друзья мои! Вы что-то заскучили?
Эй, музыку! Устроим танцы в зале,
Чтоб было нынче весело у нас,
Чтоб тело и душа пустились в пляс!

Все уходят.

КОММЕНТАРИИ

С. ТЕРНЕР. «ТРАГЕДИЯ МСТИТЕЛЯ»*

На титульном листе наиболее раннего сохранившегося издания (1607) не стоит имя автора, указано лишь, что пьеса несколько раз была представлена Труппой Слуг Его Величества. Авторство Тернера, о личности которого у нас очень мало сведений, оспаривалось. Многие исследователи все же полагают, что «Трагедия мстителя» и подписанная именем Тернера «Трагедия атеиста» (русский перевод И. А. Аксенова см. в кн.: Елизаветинцы, вып. 1. М., 1916) принадлежат одному лицу.

Источник фабулы не установлен. Ряд эпизодов перекликается с популярными в шекспировской Англии новеллами итальянских писателей.

Перевод сделан С. Э. Таском по изд.: *Three Jacobean Tragedies*, ed. by G. Salgado. Harmondsworth, 1978, p. 41—136.

¹ Действующие лица «Трагедии мстителя» в основном наделены говорящими именами, образованными из английских корней и итальянских окончаний. Говорящие имена здесь скорее указывают на связь с традицией моралите, нежели на влияние утверждающейся в европейском искусстве поэтики классицизма.

Луссуриозо — от англ. *luxury* «роскошь», а также от *lust* «похоть».

Спурио — от англ. *spurious* «незаконнорожденный».

Амбициозо — от англ. *ambitious* «возгордившийся».

Супервако — от англ. *super + vacuum* «сверхпустота».

Виндиче — от англ. *vindictive* «мстительный».

Сордидо — от англ. *sordid* «нечистый», «неблагородный».

Грациана — от англ. *gracious* (зд.) «уступчивый».

Кастичца — от англ. *chaste* «целомудренный».

По старой традиции женские персонажи отнесены в конец списка; в какой-то мере это связано с тем, что женские роли исполнялись мальчиками (актрис в английском театре эпохи Шекспира не было).

² Местом действия выбрана Италия. Об итальянском колорите см. вступительную статью. Интересно, что здесь в отличие от большинства пьес эпохи не названо какое-либо конкретное, тем более реально существующее государство. Обобщающие наименования (герцог, а не, предположим, герцог Калабрии и т. д.) подчеркивают типичный характер происходящего, тем самым усиливается и общая сатирическая направленность.

³ В трагедиях елизаветинского периода функции пролога обычно выполнял персонаж, не принимающий участия в дальнейшем действии. Здесь же пролог и

* Комментарии составлены А. Г. Шумаковым.

выходной монолог главного героя представляют единое целое. Использование пантомимы в качестве фона дает возможность дополнить словесные характеристики персонажей не менее выразительными визуальными характеристиками (заметим, что театральный костюм в отличие от декораций использовался на шекспировской сцене очень широко).

⁴ *Череп* — традиционный атрибут меланхолика. В драматургии эпохи Шекспира (особенно яковитского периода), как правило, ампула основных героев соответствовали натурфилософским «гуморам» (см. вступительную статью о теории «гуморов»). Ампула мстителя соответствовал меланхолический «гумор».

⁵ ... *бессмертна — лишь хула*. Ср.: Шекспир У. Юлий Цезарь, III, 2 (речь Антония).

⁶ Образ Юния генетически связан с образом Ювентуса (юности) — персонифицированной абстракции из интерлюдий моралите. Характерной чертой этого персонажа считалась похотливость.

⁷ ... *мне эту месть внушает сам всевышний*. — Очевидна непоследовательность Спурно. То, что сейчас кажется ему внушением свыше, минутой раньше ассоциировалось с вратами ада. Подобные колебания характерны для «слабых» героев яковитской драмы. Не имея твердых ориентиров, они блуждают по жизни, как слепцы, ведомые минутными импульсами или случаем (орудием рока). На их фоне тем явственнее внутренняя определенность «сильного» героя, способного бросить вызов судьбе.

⁸ *Развязность, Невинность* — оба эти слова не случайно написаны с прописной буквы, скорее всего они должны были не только пониматься как обозначение человеческих качеств, но и напоминать о популярных персонажах моралите — персонифицированных абстракциях.

⁹ *Яд выпив [...] и душа отстать не захотела*. — Свойственная этим словам Антонио несколько «замысловатая» образность характерна для английской лирики начала XVII в., в особенности для поэтов-метафизиков.

¹⁰ «Лучше в добродетели умереть, чем бесчестно жить» (*лат.*) — высказывание в духе популярного стоицизма.

¹¹ «Легкие невзгоды речисты, тяжелые немые» (*лат.*) — цитата из «Ипполита» (I, 607) Луция Аннея Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), римского политического деятеля, философа и драматурга, чье наследие оказало глубокое воздействие на литературу и театр эпохи Шекспира. Идейная основа многих яковитских трагедий — синтез христианства и стоицизма. Из драматургов шекспировской эпохи наиболее часто цитирует Сенеку Д. Марстон, чье влияние исследователи усматривают в «Трагедии мстителя».

¹² Реплики Дондоло представляют собой пародию на так называемый эвфунстический стиль, распространенный в некоторых аристократических салонах в конце 80-х годов XVI в. В елизаветинской драматургии эвфунстический стиль использовал Д. Лилли. В яковитский период эвфуизм окончательно устарел и применялся исключительно в комических целях.

¹³ *Ангел* (или нобль) — английская золотая монета стоимостью приблизительно в полфунта стерлингов, названная по вычеканенному на ней изображению архангела Михаила, поражающего дракона.

¹⁴ *Невинность — сад за мощною оградой...* — Здесь явственна образная ассоциация с Эдемом — садом, где, по библейскому преданию, Адам и Ева потеряли невинность, вкусив плод с древа познания добра и зла. Первоначально это предание так не связывалось с потерей Евой девственности — такая трактовка содержится в достаточно поздних (конец XVI—XVII в.) источниках.

в графы выходить. — В этих словах Виндиче отразилось критическое мнение англичан к социальным переменам начала XVII в., когда значительной родовой аристократии потеряла состояние и начались дробление и торговля титулами.

— прозвище, ставшее нарицательным для слуги в Италии. Из-за очевидной разнице этот эпизод все-таки в некоторой степени подобен II акту шекспировского «Гамлета». И там, как в «Трагедии мстителя», престол с обнаженной шпагой застает монарха врасплох. Не исключено, что Виндиче вполне сознательно слегка пародирует ситуацию шекспировской пьесы, которая тогда была известна большинству зрителей.

¹⁸ *Лукавый Дунс...* — Имеется в виду Дунс Скотт (ум. в 1308 г.) — английский философ; его учение в эпоху Возрождения считалось образцом средневековой схоластики.

¹⁹ *... грешить пропала бы охота...* — Контрастное сопоставление образов, утверждающих плотское начало, с образами гниения и тлена — характерная особенность искусства Контрреформации, влияние которого в английской литературе начала XVII в. несомненно.

²⁰ *... как у голландца пьяного.* — Об этой реплике Виндиче стоит сказать особо. На рубеже XVI—XVII вв. Англия принимала участие в военных действиях на территории Нидерландов. Помимо этого, в XVI в. начался приток в Лондон иммигрантов из Голландии. Голландский квартал в Лондоне считался районом дурной репутации. В драмах эпохи Шекспира Голландия часто упоминается как страна достатка и изобилия; голландец же — как человек, погрязший в чувственных наслаждениях.

²¹ Слово *incest* (инцеста) обычно употребляется в значении «кровосмешение», здесь оно имеет более широкий смысл: нарушение полового табу внутри семьи. В английской литературе конца XVI — начала XVII в. прилагательное *incestuous* могло иметь значение «чудовищный», «вопиющий».

²² Характеристика, которую дает Ипполито своему брату, предполагает меланхолический темперамент, а он в свою очередь соответствует в определенной мере ампула *fool-villain* (злодея-исполнителя), разочарованного и нуждающегося человека, услугами которого пользуются в осуществлении своих планов знатные злодеи. О соотношении темперамента и театрального ампула см. также комм. 4 к настоящей пьесе.

²³ «В сорок втором году» (*лат.*), «в шестьдесят третьем году» (*лат.*). — Латынь используется здесь автором как признак речевой манеры школяра-книжника.

²⁴ *Пожалуй, ты и ведьмой назовешь.* — Формально правда на стороне «мстителей», но их обращение с матерью этически не допустимо. Данный эпизод следует за диалогом сыновей герцогини, из которого явствует, что и для них не существует барьера стыдливости по отношению к матери. Таким образом, создается атмосфера всеобщего пренебрежения как сыновними, так и родительскими обязанностями, соответствующая общей картине искаженного миропорядка.

²⁵ *... фортуна [...] лицом повернется [...] оно будет размалевано по всем пирамидам искусства.* — Размалеванное лицо было характерно для внешности проституток. Здесь обыгрывается распространенная в литературе яковитского периода параллель: судьба — продажная девка.

²⁶ *Он столько выпил, что зальет огонь...* — Образ кошунствующего грешника, который способен «досадить» даже аду, восходит к фольклорной традиции.

²⁷ *... хотя во время пира устроить небольшое представление.* — В Англии существовал обычай в ходе всякого рода празднеств и пиров устраивать театрализованные представления, так называемые «маски», в которых наряду со специально обученными актерами могли участвовать знатные лица.

²⁸ *... пять сотен храбрецов придут на помощь.* — Мотив дворцового заговора здесь, возможно, почерпнут Тернером из популярных в начале XVII в. пьес Д. Марстона «Недовольный» и «Месть Антонио».

²⁹ *Смотрите, в небе вспыхнула звезда!* — Здесь вспыхнувшая звезда воспринимается как дурное предзнаменование. Как правило, в театре эпохи Шекспира в такой зловещей роли выступали метеор, комета (см. далее, комм. 56 к трагедии «Оборотень»).

³⁰ «Маска» о мстителях, которую разыгрывают сами мстители, вероятно, повторяет на языке танца и жеста основные события пьесы. Аналогичное использование приема «театр в театре» встречается в «Гамлете» Шекспира в сцене «мышеловки», где пьеска «Убийство Гонзага» воспроизводит убийство Клавдием отца Гамлета.

Т. МИДЛТОН и У. РОУЛИ, «ОБОРОТЕНЬ»

Самое раннее из дошедших до нас изданий пьесы относится к 1653 г. Большинство исследователей считают, что «Оборотень» был написан в первой половине 20-х годов XVII в., вскоре после опубликования произведений, послуживших основными литера-

турными источниками трагедии: сборника назидательных «мрачных» повелл Д. Рейнолдса с характерным названием — «Торжество Божественного отмщения за вопиющий и богомерзкий грех коварного и преднамеренного убийства» (1621), а также переведенной с испанского Л. Диггсом анонимной повести «Герардо, несчастный испанец» (1622). Есть основания считать, что все сцены, относящиеся к главной интриге, принадлежат перу Т. Мидлтона, а те сцены, которые составляют побочную линию, написал известный комический актер и комедиограф У. Роули.

Перевод сделан Г. М. Кружковым по изд.: Three Jacobean Tragedies, ed. by G. Salgãdo. Harmondsworth, 1978, p. 259—344.

¹ В трагедиях эпохи Шекспира говорящие имена используются в целом непоследовательно (в этом смысле нарочито условная «Трагедия мстителя» представляет исключение). В «Обороте» говорящими именами названы два персонажа, участвующие в шутовской побочной интриге. Это *Алибиус* «отсутствующий» (от лат. *alibi* «в другом месте»; с ироническим намеком: пока Алибиус отсутствует, его жена привлекает внимание кавалеров) и *Лоллио* — его имя происходит от англ. *lolli* «высовывать язык» (признак шута).

Исследователи творчества Мидлтона высказывают догадку о том, что двойное имя главной героини символизирует ее двуличие: один ее лик как будто обращен к Альсемеро, другой — к Де Флоресу. *Де Флорес* тоже значащее имя: от англ. *to deflower* «сворачивать, растлевать».

² ... *святость места — залог того, что он туда вернется...* — Альсемеро подразумевает возвращение в храм для венчания. Смысл же сравнения в целом следующий: подобно тому, как падший Адам соединяется во Христе с творцом и возвращается в рай, влюбленный, соединяясь со своим божеством — доной, обретает земной рай. Последующие события опровергнут упования Альсемеро, и, таким образом, обнаружится несостоятельность традиционной петраркистской параллели: дона — божество. Это не случайно, ибо в интересующий нас период влияние петраркизма шло на убыль и самый смысл его пересматривался.

³ *У ведьмы не сторуешь ветерка...* — По народным поверьям, ведьмы обладали способностью вызывать и укрощать ветер.

⁴ *Я той же самой веры, той же церкви.* — Подобная реплика звучала весьма симптоматично в эпоху дробления реформированной церкви на многочисленные конфессии. В XVI—XVII вв. значительная часть англичан меняла — и иногда неоднократно — свое вероисповедание.

⁵ ... и *Венера под знаком Водолея.* — Вряд ли слова Джасперино стоит расценивать как серьезный для человека начала XVII в. астрологический довод в пользу безотлагательного выхода в море. Скорее всего это каламбур: богиня любви должна уступить зову водной стихии.

⁶ *Альсемеро [...] целует Беатрису.* — В шекспировской Англии поцелуй был обычной формой вежливого приветствия.

⁷ *К какой она относится науке? [...] к музыке.* — Музыка была одной из дисциплин квадриумча — образовательной основы в эпоху среднепековья и Возрождения.

⁸ *Но ум, идущий следом за глазами, проверит их — и назовет слепцами.* — В этих словах исследователи усматривают влияние неоплатонизма, согласно которому сущность явления можно постигнуть лишь духовным взором.

⁹ *Когда вопрос рассмотрен в двух палатах, необходимо только одобренье монарха.* — Подразумеваются две палаты английского парламента. Заметим, что до той войны 1640—1649 гг. король пользовался практически неограниченной властью над парламентом.

¹⁰ *И законный приз, и топселя — долой!* — Эта реплика Джасперино аконенную английской короной (еще во времена Елизаветы I) практику захвата иностранных судов. При этом капитан и команда корабля захватили «приз» — долю от поступавшей в казну добычи.

¹¹ *илиск* — фантастическое животное, которому приписывалось внешнее сходство со змеей, драконом и птицей одновременно. По поверьям, от дыхания василиска сохла трава, а один его взгляд убивал все живое.

¹² ... *святым Иаковом клянусь...* — Имеется в виду апостол Иаков Старший, который считался у католиков покровителем Испании.

¹³ ... мне помешала мирным договором. — Подразумевается Гаагский мир, заключенный 9 октября 1609 г. Испанией и Нидерландами на девятилетний срок.

¹⁴ ... я бы хотел носить свое кольцо на собственном мизинце... — Символ обручального кольца и связанные с ним образы многократно используются в драматургии эпохи Шекспира. Чаще всего кольцо — это эротический символ; нередко обыгрывались особые «магические» качества кольца.

¹⁵ ... выходит просто Тони. — Интересно заметить, что во второй половине XVII в. имя Тони стало нарицательным для недалекого человека. Некоторые исследователи видят источник этого факта как раз в популярности «Оборотня».

¹⁶ ... он умеет смеяться [...] он есть не скот, а человек. — Данный аргумент восходит к Аристотелю, считавшему способность смеяться отличительной чертой человека.

¹⁷ Я взвинчу его ум до уровня констебля! — Констебль (см. далее, комм. I к комедии Т. Мидлтона «Безумный мир, господа!») на сцене тогдашнего театра — олицетворение тупости.

¹⁸ *Бедлам* — сокращенное название Вифлеемской королевской больницы для душевнобольных, основанной в Лондоне в 1247 г.

¹⁹ Этот сумасшедший валлиец [...] тронулся из-за мышей, которые обгрызли его сыр. — В английской литературе эпохи Шекспира часто осмеивалось пристрастие валлийцев к сыру.

²⁰ Я вам приготовлю водичку, от которой все пройдет в полмесяца. — Уже вступая на путь нравственного падения, Беатриса все же сохраняет традиционный в тогдашнем представлении атрибут прекрасной дамы — дар врачевания.

²¹ К лицу мужчине грубая суровость. — Беатриса стремится во что бы то ни стало польстить Де Флоресу. Заметим, что подобная внешность («грубая суровость») не соответствует бытовавшим в шекспировскую эпоху представлениям об идеале благородного возлюбленного.

²² В перерыве между актами Де Флорес прячет под одеждой обнаженную рапиру. — Эта сценическая ремарка требует оговорки. Обычно спектакли шли без антрактов. Деления на акты тоже не существовало. Скорее всего Де Флорес появлялся на просцениуме один, прятал рапиру, уходил, а затем уже возвращался в сопровождении Алонсо.

²³ ... я взял гондолу. — Налицо ошибочное отнесение реалии из венецианского обихода к быту испанского приморского города. Впрочем, подобные детали важны не сами по себе — они предназначались для того, чтобы создать впечатление диковинного, необычного. Напомним, что согласно современной Мидлтону театральная поэтика в трагедии должно было изображаться нечто исключительное, из ряда вон выходящее.

²⁴ Одна морщинка у нее на лбу глубокомысленнее, чем все философии. — Слова Франциска, по авторскому замыслу, должны звучать как пародия на так называемый «аристократический гедонизм», характерный для части английского дворянства в 20-е годы XVII в. Чувственные радости гедонисты ставили выше духовной деятельности.

²⁵ Паук в твоей чаше! Нет, не бойся, певец, — это только виноградная косточка. — В этой реплике Франциска очевиден оттенок горькой иронии. Хотя в чаше нет паука (зловещего предвестника несчастья), риторический призыв к воображаемому Анакреону не страшиться виноградной косточки нужно воспринимать, памятуя, что древнегреческий поэт Анакреон, согласно преданию, умер, подавившись виноградной косточкой на пиру.

²⁶ Королева фей Титания и король эльфов Оберон — сказочные персонажи, действующие в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»; *дриада* (гамадриада) — нимфа дерева или леса.

²⁷ Диомед — легендарный царь Аргоса, один из греческих вождей при осаде Трои. Здесь и далее использование имен, относящихся к миру античной легенды, способствует прежде всего усилению комического эффекта, так как эти имена мало совместимы с комически сниженной линией трагедии.

²⁸ Буцефал — любимый конь Александра Македонского.

²⁹ Тиресий — прорицатель в мифах фиванского цикла, превращенный богами в женщину, а затем возвращенный в первоначальное состояние; ослеплен Юноной за разглашение тайны, что любовное соние доставляет большее наслаждение женщине, нежели мужчине.

³⁰ *Ликантроп* — душевнобольной, воображающий себя волком. Ликантропия часто упоминается в пьесах яковитского периода, особенно при описании роковой страсти: считалось, что несчастные, влюбленные могут заболеть ликантропией. Внимание к этому редкому недугу отчасти объясняется обострением интереса ко всему периферийному в человеческой природе в связи с крушением ренессансного антропоцентризма.

³¹ ... *любовь, как мышшь, к ней прокрадется в щелку.* — Метафоры любви, содержащие нарочитое снижение (например, блоха), — характерная черта поэзии Д. Донна и его школы (сопоставление традиционно несопоставимого).

³² ... *я им сейчас покажу неистового Роланда...* — Образ «безумного» Роланда был известен зрителям тогдашнего театра благодаря популярной в елизаветинский период сценической переработке поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд», сделанной драматургом Р. Грином.

³³ ... *по Млечному пути — к моей звезде!* — К 20-м годам XVII в. подобная образность уже устарела и использовалась в основном в пародийных целях.

³⁴ Сумасшедшие забавляются игрой в так называемый «ячменный снап»; участники этой игры, разбившись на пары, стараются с противоположных сторон пробежать по центральному полю, по «аду», где водящая пара пытается их поймать.

³⁵ Согласно античному мифу, в Атласских горах находился сад, в котором жили *Геспериды* — дочери Ночи (по другим вариантам мифа — дочери Атланта и Гесперии), охранявшие с помощью никогда не засыпавшего дракона золотые яблоки. Похищение этих яблок стало двенадцатым подвигом Геракла.

³⁶ *Уж не читал ли ты Губкиуса?* — Речь идет о некоем Липсиусе — ученом-правоведе и философе XVI в. Имя Липсиус созвучно с англ. lips «губы».

³⁷ *Овидия он проходил...* — Многие произведения древнеримского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) посвящены любви.

³⁸ ... *чтоб наше сборище умалишенных венчало [...] увеселенья...* — В эпоху Шекспира считалось вполне допустимым посещать психиатрические лечебницы и приглашать душевнобольных на дом в целях увеселения.

³⁹ ... *дикий и безумный танец...* — В литературе Возрождения метафора танца часто используется для характеристики миропорядка. Так, в поэме Д. Девиса «Оркестр» (1592) создается развернутый образ гармоничного вселенского танца, охватывающего все стороны мироздания: от космоса до частной жизни. В английской литературе начала XVII в., отмеченной крушением идеалов Высокого Ренессанса, нередко встречается образ «безумного танца» — как выражение «расшатавшегося века».

⁴⁰ *Как с мертвого оленя — леснику [...] пожива...* — В средневековой и ренессансной Англии законы, защищавшие частную собственность на охотничьи угодья, отличались особой строгостью. Если леснику удавалось задержать охотника, незаконно убившего оленя, последнему грозило тяжелое наказание (простолюдина, например, могли присудить к отсечению ушей), и единственный выход состоял в том, чтобы замять дело посредством взятки.

⁴¹ *Что это за проклятье надо мной? Ведь я же не покрыта чешуей!* — В этих словах Беатрисы слышится ассоциация с проклятием, тяготеющим, согласно библейскому преданию, над искусившим Еву змием.

⁴² «*Книга сокровенных тайн, рекома я Питание природы.*» — Имеется в виду сочинение французского натурфилософа Антуана Мизо.

⁴³ *Антоний Мизальдус* — латинизированная форма имени Антуана Мизо.

⁴⁴ ... *она меня обшарит, как узницу несчастную в тюрьме?* — В тогдашней Англии женщин, которые, будучи осуждены на смерть, сказывались беременными, подвергали специальному осмотру для определения их истинного состояния.

⁴⁵ *В крови врагов искать я буду правду.* — Некоторые исследователи относят «Оборотень» к жанру «трагедии мести». Заметим, что стремление Томазо отомстить за смерть Алонсо — фактически единственное основание для такого жанрового определения.

⁴⁶ Послание Франциска представляет собой пародию на эвфуистический стиль. *Андромеда*, дочь Кефея и Кассиопей, была освобождена из плена, согласно мифу, героем Персеом. *Рыцарь Солнца* — персонаж эпигонского рыцарского романа. *Созвездие Скорпиона* тогдашняя астрология приписывала особое влияние на события любовно-интимного характера. Кроме того, скорпионом назывался специальный бич (возможный намек на плетку Лоллино). *Эол* — в античной мифологии — бог, повели-

тель ветров; *кузнечный мастер Эола* — тот, кто чинит кузнечные мехи, в которых запрятаны подвластные Эолу ветры, — на эвфунстическом языке так может «титуловаться» постоянный, «чуждый ветренности» обожатель.

⁴⁷ ... это и есть ваша честь... — Реплика Антонио — каламбур, построенный на том, что словом «честь» обозначался тогда особого рода поклон в танце.

⁴⁸ *Икар* — персонаж античной мифологии; взлетев на крыльях, созданных его отцом Дедалом, он вознамерился приблизиться к солнцу, но воск, скреплявший перья на крыльях, растаял от солнечных лучей, и Икар низринулся в море.

⁴⁹ *Войдем с тобою в этот лабиринт, чего бояться с путеводной нитью?* — Подразумевается «нить Ариадны». Согласно античному мифу, дочь критского царя Миноса Ариадна помогла герою Тезею расправиться с чудовищем Минотавром, снабдив Тезея клубком ниток, с помощью которого ему удалось найти выход из лабиринта, где обитал Минотавр.

⁵⁰ *Эндимион* — прекрасный юноша, любимец Селены (Луны), которая погрузила его в вечный сон. Под *бейными волнами* подразумеваются приливы, вызываемые притяжением Луны.

⁵¹ *Входит призрак Алонсо*. — В елизаветинских «трагедиях мести» призрак убитого, как правило, появлялся на сцене для того, чтобы призвать мстителя к решительным действиям. В яковитских трагедиях, в том числе и в «Оборотне», призрак чаще всего — воплощение кошмара убийцы, терзаемого угрызениями совести или страшшего возмездия.

⁵² ... и первого, кто попадетс я мне, считать убийцей брата. — Эти слова со всей ясностью отражают веру во всемогущий рок, пронизывающую сознание основных героев пьесы. «Оборотень», по сути дела, пьеса без положительных героев: ни один из персонажей не способен реально противостоять силам зла. И тем более примечательно, что единственный, кто ищет истины и правосудия — Томазо, находясь на распутье, решает довериться судьбе.

⁵³ *Его лицо во мне рождает дрожь и отвращение*. — Безотчетная неприязнь, которую испытывают к Де Флоресу сначала Беатриса и теперь Томазо, скорее всего расценивалась яковитской театральной публикой как предостережение свыше.

⁵⁴ *Это храм воззвал к отщепенцу — святое место...* — См. выше, комм. 2 к настоящей пьесе.

⁵⁵ *Лига* — мера длины, приблизительно три мили. Точное значение колебалось в зависимости от эпохи и местности.

⁵⁶ *Нет, мне не звезды путь предначертали, а этот падающий метеор*. — Согласно распространенной тогда в Англии популярной космологии, звезды вечны, чисты и неизменны; а метеоры и кометы — мимолетны и «нечисты». Отсюда соответственная символика: звезда — символ вечной красоты, метеор — предвестник опасности.

⁵⁷ *Как мутен [...] лик полнолуныя!* — Луна в античной мифологии ассоциировалась с Дианой-Цинтией, покровительницей девственности. В ренессансной литературе луна — метафора непорочной красоты.

⁵⁸ В елизаветинских пьесах текст эпилога, так же как и пролога, обычно вкладывался в уста какого-либо персонажа, не участвующего в основном действии. Вкладывая обращение к зрителям в уста одного из главных героев пьесы, Мидлтон тем самым превосхищает использование аналогичного приема в драматургии эпохи Реставрации.

Д. ФОРД. «РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ»

Трагедия «Разбитое сердце» впервые была поставлена Труппой Слуг Его Величества в 1633 г., вскоре последовала и первая публикация. Экземпляр этого издания сохранился до наших дней. Следует отметить, что Форд, писавший уже в Каролингский период, более последователен, нежели драматурги елизаветинского и яковитского периодов, в создании античного колорита.

Перевод сделан С. Э. Таском по изд.: Ford J. The broken heart. London, 1968.

¹ Уильям, лорд Крэвен (1606—1697) при Карле I возведен в рыцари, затем в баронеты; пережив Гражданскую войну и Протекторат Кромвеля, в 1664 г. (после Реставрации) получил титул виконта от Карла II.

² Многие нации [...] полюбили их. — Скорее всего Форд имеет в виду участие Крэвена в Тридцатилетней войне на стороне электора Пфальцского.

³ В «Разбитом сердце», как и в «Трагедии мстителя» (и частично в «Оборотне»), действующие лица наделены говорящими именами. Исключение составляют имена, почерпнутые из античных источников: Амикл — легендарный царь Спарты в «Истории» Павсания (III, 1); Итеокл. — вариант имени Этеокла — сына мифического царя Эдипа. Говорящие имена прочитываются следующим образом:

Оргил (греч.) orgylos «вспыльчивый».

Бассаний (греч.) bassanos «испытание».

Армост (греч.) armostes «устроитель», «правитель».

Кротолон (греч.) krotolon «треск», «грохот».

Профил (греч.) prophilos «прежний друг».

Неарх (греч.) nearchos «новый правитель».

Текникус (греч.) technikos «умелый», «мастерский».

Хемофил (греч.) haimophilos «чревоугодник».

Фулла (греч.) phyllax «сторож».

Каланта (греч.) kallon anthos «прекрасный цветок».

Пентея (греч.) penteō «оплакиваю».

Эфрания (греч.) euphrainō «радуюсь».

Кристалла (греч.) chrystallos «лед», «хрусталь».

Филема (греч.) philema «поцелуй».

Граусиа (греч.) graus «старуха».

Фраз (греч.) phrasos «дерзкий», «смелый».

Аплот (греч.) arlotos «бесхитрый».

⁴ К стоикам примкнуть? Стать киником? [...] Войти в Ареопаг, чтобы вершить делами государства? — Распространение стоицизма и философии киников относится к IV в. до н. э.; в это время Ареопаг уже перестал определять политику и образ жизни афинского государства.

⁵ ... восхищаясь этим храмом, все прославляют красоту его... — Храм — распространенная ренессансная метафора человеческого тела — вместилища души.

⁶ Веста — латинский аналог греческой богини Гестии. Гестия-Веста — дочь Сатурна, покровительница домашнего очага. Жрицы Весты — весталки — обязаны были хранить обет безбрачия.

⁷ Мессена, Мессения — государство, граничившее со Спартой; в VIII—V вв. до н. э. Спарта трижды воевала с Мессеной.

⁸ Лифон (или Пэфн) — спартанский город на границе с Мессеной.

⁹ Архонт — высшая государственная должность в Афинах после отмены царской власти; в данном контексте: старейшина.

¹⁰ Ум отдаст приказы, но без рук кто их исполнит? — Образное уподобление государства человеческому телу, возможно, заимствовано из шекспировского «Кориола» (I, I, речь Менения Агриппы).

¹¹ Здесь подразумевается один из сюжетов античной мифологии. Марс (греч.) упомянут как возлюбленный богини Венеры (греч. Афродиты), а Вулкан (греч. Гефест) — как ревнивый муж богини, сумевший, согласно легенде, отомстить жене и Марсу, поймав их в искусно устроенную сеть в тот момент, когда предавались любви.

¹² Мойры — в античной мифологии богини, властвующие над человеческими судьбами; Клото прядет нить судьбы, Лахезис эту нить тянет, а Атропос перерезает ее.

¹³ Гимнасий — первоначально, в Древней Греции место, где молодежь занималась физическими упражнениями; затем место собраний и бесед философов и их учеников.

¹⁴ Смотрящий с вожделием — грешит... — перифраза евангельского изречения: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделием, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем».

¹⁵ Обол — мелкая греческая монета (1/8 драхмы).

¹⁶ ... от радости рычат все время львы, медведи пляшут... — Это, скорее всего, трагическая ирония, так как в разнообразных античных источниках подобные слухи о необычном поведении животных трактуются как предвестие надвигающихся бед.

¹⁷ *Фурии* (греч. Эринии) — божества возмездия; изображались с факелом и бичом из змеящих тел в руках.

¹⁸ ... так змееныш у гадюки, на свет рождаясь, разрывает мать. — В «Естественной истории» Плиния Старшего (X, 82) говорится о том, что приплод живородящей гадюки появляется на свет, разрывая чрево матери.

¹⁹ *Так голубка, чьи глаза закрыл шутник [...] падает на землю.* — В тогдaшней Англии было популярное следующее развлечение: ослепленных птиц пускали в небо, где они парили до изнеможения.

²⁰ *Элизиум* — в греческой мифологии обитель блаженных в царстве мертвых.

²¹ *И капюшон надень. Тогда рискну тебе ответить.* — В глазах театральных зрителей эпохи Шекспира капюшон должен был придавать его обладателю качества того, чьим постоянным атрибутом он был (отшельника, монаха, т. е. человека, «умершего» для мира). Надев капюшон, Оргил как бы теряет для Пентен своей мирской облик. В противном случае разговор с прежним возлюбленным граничил бы с нарушением супружеской верности.

²² ... умел любить достойной... — Своеобразное противопоставление «достойной» и «недостойной» любви, возникшее в искусстве позднего средневековья, сохраняло свой принципиальный характер в европейской литературе вплоть до XVIII в.

²³ *Долой французский этот маскарад!* — Допустимый по канонам драмы шекспировской эпохи анахронизм в словоупотреблении. В Англии конца XVI — первой половины XVII в. отличительными чертами собирательного образа француза были: с одной стороны, притворство, а с другой — искусство владеть собой.

²⁴ *Дельфы* — в древности один из центров культа Аполлона. В Дельфах находился храм Аполлона, в котором жрицы — пифии — изрекали так называемый оракул — загадочные фразы, содержавшие ответ бога вопрошающим.

²⁵ По мыслям, настроению, а также и по форме эта песня почти повторяет знаменитую «Песню» Д. Донна (*Go and catch a falling star*).

²⁶ *Открывается часть сцены...* — Основное действие в спектаклях эпохи Шекспира проходило в глубоком просцениуме; иногда использовалось дополнительное пространство, скрытое за занавесом.

²⁷ ... и белых горлиц [...] будут в жертву приносить тебе. — Горлицы использовались для жертвоприношений в ряде культов. Здесь, горлица — символ верности в любви.

²⁸ ... к Стигийским берегам... — Стикс — в античной мифологии река в царстве мертвых.

²⁹ В античной мифологии *Пандора* — созданная Гефестом первая женщина. Зевс подарил Пандоре сосуд со всеми людскими пороками. Движимая любопытством, Пандора открыла его и тем положила начало страданиям человечества.

³⁰ *Юнона* (греч. Гера) — в античной мифологии супруга Юпитера, почиталась как покровительница брачных уз.

³¹ *Иксион* — легендарный царь фессалийских лапифов. Когда Иксион пожелал овладеть Герой, то Зевс подменил ее облаком, из которого появились на свет первые кентавры. Иксион был обречен вечно вращаться на огненном колесе в Тартаре.

³² ... не Эдип я, чтобы решать загадки. — Согласно мифу. Эдип сумел решить загадку угрожавшего Фивам сфинкса и тем самым избавил город от этого чудовища.

³³ ... можно дымом питаться или запахом. — Исследователи видят здесь отголосок современной Форду анонимной баллады о женщине, в течение шестнадцати лет питавшейся исключительно запахами.

³⁴ *Воссяду я с богами...* — В этом эпизоде гордый Итеокл сопоставим с мифическим Танталом, пировавшим с богами, но впоследствии осужденным вечно мучиться от жажды и голода в царстве мертвых.

³⁵ *Угодил в капкан!* — Небезынтересно отметить, что реквизит театров эпохи Шекспира включал целый ряд приспособлений для воспроизведения «жестокостей» (например, «машина» для отсеечения головы, котел, в котором «варились заживо»).

³⁶ В античной мифологии *Фаэтон* — сын бога солнца Гелиоса. Исполняя опротивительно данное обещание, Гелиос доверил Фаэтону свою огненную колесницу, но тот, будучи не в силах справиться с ней, опалил прекраснейшие области земли — Геи. Тогда Гея умолила Зевса ударом молнии низвергнуть Фаэтона. Образ Фаэтона (как и Иксиона, см. выше) в искусстве позднего Ренессанса, барокко и маньеризма обычно символизирует бессилие человека, тщетно пытающегося преодолеть свою ограниченность.

³⁷ *Аполлон пошлет мне чудо-травку...* — Аполлон упомянут здесь как мифический отец патрона врачей — Асклепия.

³⁸ *... не более опасны, чем молния для лавра...* — В старину было широко распространено мнение, что молния безопасна для лавра.

³⁹ *Вены отворить.* — Таким образом кончали жизнь — добровольно или по приказу императора — многие римские стоики.

Д. УЭБСТЕР. «ВСЕМ ТЯЖБАМ ТЯЖБА...»

На титульном листе дошедшего до нас первого издания стоит: «Новая трагедия. Лондон, 1623». Есть все основания полагать, что пьеса была написана и поставлена Труппой Слуг Ее Величества незадолго до этого издания. Непосредственный источник «Тяжбы» не установлен. Скорее всего фабулу сочинил сам драматург, позаимствовав при этом у других авторов лишь ряд частных деталей. Так, эпизод исцеления Контарино вопреки намерениям Ромелио, вероятно, почерпнут из «Удивительных и примечательных историй» С. Гуляра (английский перевод вышел в 1607 г.); эпизод с иском Леоноры о признании Ромелио незаконнорожденным восходит к аналогичному эпизоду либо в «Происхождении города Венеции и деяниях венецианцев» Б. Джустиниани, либо в сочинении И. Магнуса «О всех королях готов и свебов». Исследователи творчества Уэбстера выдвигают предположение о том, что образ Уинфрид имеет исторический прототип: некая Сара Суортон на нашумевшем процессе, слушавшемся в 1618—1619 гг., дала ложные показания в пользу своей госпожи леди Лейк. Акцент на социальной проблематике отличает «Тяжбу» от большинства яковитских трагикомедий и сближает с так называемыми темными комедиями Шекспира, в особенности с «Мерой за меру».

Перевод сделан С. Э. Таском по изд.: Webster J. Three Plays. Harmondsworth, 1977, p. 293—414.

¹ *Томас Финч* (ум. в 1639 г.) — член парламента в 1621—1622 и в 1628—1629 гг., с 1633 г. — граф Уинченский.

² «*Маска*» — эта трагедия Д. Уэбстера не сохранилась.

³ *... величайшего из Цезарей...* — Подразумевается Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), римский император, время правления которого ознаменовалось расцветом литературы («золотой век»).

⁴ *Искусственному читателю.* — О личности Уэбстера известно очень мало; тем не менее (исходя из предисловия к «Белому дьяволу», дошедшей до нас эпиграммы современника и т. п.) можно заключить, что драматург подолгу работал над своими пьесами и предназначал их прежде всего для знатоков. Этим-то объясняется настоящее предисловие с латинскими цитатами, доступными лишь просвещенным читателям.

⁵ «Начало мудрости — избегать глупости» (лат.). Гораций. Послания, I.1.41.

⁶ «Хватит места и неприглашенным» (лат.). Гораций. Послания, I.5.28.

⁷ «... кифара больным ушам, залепленным грязью» (лат.). Гораций. Послания, I.2.53.

⁸ *... не дал ходу [...] хвалебным стихам моих друзей.* — Известны хвалебные оэтические отзывы на «Герцогиню Мальфи» Уэбстера, написанные Мидлтоном и Фордом.

⁹ «Я не ишу одобрения ветреной толпы» (лат.). Гораций. Послания, I.19.37.

¹⁰ *Баптиста* — персонаж, выполняющий функции статиста в пьесе.

¹¹ *Уинфрид* — единственное английское имя в пьесе; прочие персонажи наделены итальянскими именами. Следует отметить, что в драматургии эпохи Шекспира слуги и шуты — фигуры, относящиеся к низовому фону, — как правило, отличались обыденностью. Этим персонажам чаще «дозволялось» обращаться непосредственно к зрителям; они носили обычно английские имена даже в тех случаях, когда действие происходило вне пределов Англии; речь их изобиловала чисто разговорными и даже простонародными оборотами.

¹² *... платить [...] я королю испанскому мозгу.* — В XVII в. Неаполь принадлежал испанской короне.

¹³ *Что мне голландцы!* — О «голландском» элементе см. выше, комм. 20 к «Трагедии мстителя». Здесь подразумевается популярная репутация голландцев как людей преуспевающих, богачей.

¹⁴ Следует отметить, что в настоящей пьесе герои часто путают понятия Ост-Индия и Вест-Индия.

¹⁵ ... *стоит Альпы пересечь, как добродетелям конец.* — Интересно, что аристократ Контарино осуждает путешествие — одну из традиционных «статей» в кодексе воспитания знати. В данном диалоге аристократ и купец-буржуа как бы меняются местами.

¹⁶ ... *мы за стол садимся слишком поздно: ведь мы живем по биржевым часам.* — «Утренние часы», время деловой активности на лондонской бирже, — с 11 до 12 часов; «день» в купеческих домах начинался обычно после полудня.

¹⁷ *Мне б вашу копию...* — Под «копией» Контарино подразумевает дочь Леоноры Иоленту. Светская привычка говорить тропами подводит его: Леонора понимает его слова буквально, полагая, что Контарино просит подарить ему ее портрет.

¹⁸ ... *не ровен час, румяна вдруг растут...* — Женская парфюмерия — излюбленная мишень сатирических нападок драматургов яковитского периода.

¹⁹ ... *тяжесть моего проклятья обрушится на голову твою!* — Тема родительского проклятья, обладающего магической силой, повторяется во всех пьесах Уэбстера.

²⁰ *Толкните-ка ослицу!* — В словах Ромелино возможен ассоциативный намек на Буриданова осла, погибающего от голода меж двух охапок сена; ему, по мнению Ромелино, подобна Иолента, колеблющаяся в выборе партии.

²¹ ... *прежде чем епархию принять, отказываться дважды надо.* — Согласно традиции, посвящаемый в епископы должен был дважды отказываться от сана, изъясняя тем самым свое смирение.

²² *Ключ от этой двери вам вручен, как исстари вручался феодалам.* — Ключ в средние века служил знаком вассальной верности сюзерену.

²³ ... *на свадьбе немотствует язык колоколов.* — Ромелино имеет в виду сплетников, которые вынуждены будут прикусить язык, когда брачные торжества станут непреложным фактом.

²⁴ ... *почище огораживаний...* — Огораживания общих пастбищ фактически превращали их в собственность богатых скотоводов, что приводило к обнищанию мелких фермеров.

²⁵ *Юбилей* — в католических странах год празднеств, в течение которого верующие могли получить полное отпущение грехов. Впервые «юбилей» был объявлен папой Бонифацием VIII в 1300 г. с целью пополнения казны. Тогда же было решено проводить юбилей раз в 100 лет. Впоследствии их периодичность менялась: ко времени Уэбстера юбилей объявлялись раз в 25 лет. Последний юбилей, как раз и упоминаемый Санитонеллой, был провозглашен в 1600 г.

²⁶ *Триктрак* — старинная французская игра с использованием шашек и игральных костей.

²⁷ *От итальянца можно ждать всего.* — Об интерпретации итальянского характера в английской драматургии см. вступительную статью.

²⁸ Ариосто скорее всего имеет в виду тот факт, что в старое время коновалы использовали в своем деле пряности.

²⁹ ... *так трезвонит под окнами?* — Речь идет о звонярах, которые, обходя горожан, оповещали их звоном колокольчиков о серьезных происшествиях, опасности и пр.

³⁰ ... *помяните тех, кто от церкви будет отлучен...* — В большинстве европейских стран в начале XVII в. дуэли были строго запрещены, в отдельных случаях официальные запреты сопровождались угрозой отлучения от церкви.

³¹ Слова Ромелино — прямой намек на пуритан, которые не останавливались перед попытками использовать закон для освобождения мест захоронения ради достижения каких-либо сугубо практических целей.

³² Император Карл V и король Франции Франциск I дважды должны были драться друг с другом на дуэли, но ни один из этих поединков не состоялся. Инициатором дуэли в нейтральных водах был не Франциск, а Карл; можно предположить, что Уэбстер по ошибке смешивает два эпизода, трансформируя их в один.

³³ ... *чем не еврей мальтийский?* — Подразумевается Варрава, персонаж драмы К. Марло «Мальтийский еврей». Пьеса Марло пользовалась широкой популяр-

ностью в елизаветинский период, но ко времени создания «Тяжбы» воспринималась уже со снисходительной иронией.

³⁴ *Я словно царедворца съел живьем...* — Подразумевается (с явным оттенком иронии) трактат Н. Макиавелли «Принц», в котором рисуется тип царедворца, не чуждающегося никаких средств в достижении своих целей.

³⁵ *Такими на Бермудах испокон свиной валили...* — Некоторые исследователи понимают это высказывание в прямом смысле: считают, что речь идет о диких свиньях, обитавших на Бермудских островах; другие видят здесь отраженную характеристику преступной жизни в одном из кварталов тогдашнего Лондона (см. далее, комм. 32 к пьесе «Черт выставлен ослом»).

³⁶ *Великий Цезарь [...] душу выпустил...* — Здесь или идет речь об убийстве Гая Юлия Цезаря заговорщиками в сенате в 44 г. до н. э., или имя «Цезарь», ставшее нарицательным для любого выдающегося властителя, употреблено применительно к французскому королю Генриху IV, павшему от ножа католика-фанатика Равальяка 14 мая 1610 г.

³⁷ *... не уголишь ли жажду расплавленным свинцом?* — Подразумевается мучительная казнь, когда расплавленный свинец заливали в рот осужденного.

³⁸ *Единорог* — фантастическое существо, которому приписывались магические способности.

³⁹ *... когда бы внешний блеск спасал и душу, в раю б жил Люцифер.* — Реплика Ромелио нужно понимать, памятуя, что Люцифер — буквально «светоносный» (лат.) — ангел, согласно христианской традиции восставший против бога и низвергнутый в преисподнюю.

⁴⁰ *Сент-Клер* — орден св. Клары Ассизской; основан в 1215 г. Устав ордена требовал от монахинь отказа от собственности.

⁴¹ *... найду священника... имей он хоть три прихода...* — Согласно церковным законам, священник не имел права на доходы-бенефиции более чем от одного прихода. Тем не менее этот закон очень часто нарушался.

⁴² *... монахи-францисканцы, поодиночке не заходят в дом.* — Согласно уставу, члены францисканского ордена обычно странствовали по двое.

⁴³ *Грудь правую [...] отсеку, как амазонка, чтоб застрелить тебя верней.* — В ряде античных источников содержатся сведения о том, что амазонки — обитавшее на Кавказе племя воинственных женщин — отрезали себе правую грудь, мешавшую им стрелять из лука.

⁴⁴ *А? Что вы говорите? Нет, померещилось...* — Характерный для некоторых яковитских драматургов прием: у героя в состоянии шока возникают видения, ему слышатся голоса. В трагедиях в такие моменты часто на сцену выводился призрак.

⁴⁵ *Дай смерть мне, как той царственной особе [...] когда б посредница не слоховала...* — Вполне допустимый в яковитский период намек на отношения покойной королевы Елизаветы и ее фаворита лорда Эссекса. Осужденный на казнь за попытку мятежа, Эссекс, согласно не подтвержденной документами версии, послал королеве с графиней Ноттингемской перстень. Этот перстень — подарок Елизаветы — должен был напомнить ей о данном некогда Эссексу обещании простить его, какой бы проступок он ни совершил. Но графиня опрометчиво показала перстень своему мужу, врагу Эссекса. В результате королева перстня не получила, и Эссекс был казнен. Перед смертью графиня якобы призналась в роковой неосторожности, после чего убитая горем королева заболела и вскоре скончалась.

⁴⁶ *Резюме* — заявление в суд, согласно тогдашней юридической практике, составлял не адвокат истца, а судебный клерк.

⁴⁷ «Более чем удовлетворяющий» (лат.). — Смысл этого термина, употребленного явно с комической целью, остается неясным. Исследователями высказывалась догадка о том, что это шуточный перевертыш латинского термина *piuquam satis* («Никоним образом не удовлетворяющий»); последний нередко фигурировал в бракоразводных процессах в тех случаях, когда основанием к разводу служила неспособность одного из супругов исполнять супружеские обязанности.

⁴⁸ *... голландцы вовсю развернулись [...] наши им еще насыплют перцу на хвост.* — Речь идет об англо-нидерландских торговых противоречиях. Упоминание о них может служить аргументом для хронологической атрибуции пьесы: резкое охлаждение в отношениях между двумя странами приходится на 1619—1620 гг.

⁴⁹ Ариосто подразумевает широко распространенный в старину способ лечения душевных болезней — одиночеством и темнотой.

⁵⁰ ... причислить к пуританам, которые кричат, что, дескать, может ребенка окрестить родной отец. — Пуритане действительно отстаивали это мнение в противовес Высокой англиканской церкви, запрещавшей родителям быть восприемниками при крещении ребенка.

⁵¹ *Вдовья часть* — оговоренная в брачном контракте часть приданого, которая возвращалась женщине, ставшей вдовой, независимо от того, кому завещалось все имущество в целом.

⁵² ... *Гая Фокса, готовившего бунт пороховой...* — «Пороховой заговор» был организован католиками с целью убийства Иакова I. Король должен был прибыть на заседание парламента 5 ноября 1605 г. Под здание парламента были подложены бочки с порохом. Когда один из главарей заговора Гай Фокс уже готовился зажечь фитиль, его схватили. Впоследствии Гай Фокс и другие заговорщики были казнены.

⁵³ *Хуан Австрийский* — выдающийся полководец и флотоводец, возглавлявший, в частности, объединенный христианский флот в битве при Лепанто в 1571 г.; побочный сын императора Карла V.

⁵⁴ *Дорогу саквояжу...* — Холщовый саквояж — неизменный атрибут стряпчего в Лондоне в век Шекспира.

⁵⁵ ... *в мягких теннисных тапочках...* — В шекспировскую эпоху теннис был популярной игрой аристократии. В литературе тех лет можно встретить немало примеров, когда обыгрываются аксессуары теннисной игры: ракетка и волан (а не мяч, как теперь) и пр.

⁵⁶ *Проктор* — в тогдашнем английском суде стряпчий, занимавшийся гражданскими делами.

⁵⁷ Уинфрид выворачивается, пытаясь доказать, что она старше того возраста, какой был назван ею самой. Но упомянутые ею события складываются в бессмысленный калейдоскоп, а ее возраст приобретает характер фантастический. Речь идет о морозах 1564 г. и 1607—1608 гг., эпидемиях чумы 1563, 1592 и 1603 гг., падении Кале в 1558 г. и, наконец, даже о XV в. (когда в моде были штаны с гульфиком).

⁵⁸ *Павана* — популярный в эпоху Возрождения танец, во время которого танцующие то застывали на месте, то поспешно меняли позицию. Публике общедоступного театра такая последовательность движений, вероятно, напоминала наказание хлыстом преступника, привязанного длинной веревкой к телеге, на которой помещался палач.

⁵⁹ ... *чтобы потом в Кале или в Марселе [...] возить вот эту шпагу.* — В Англии в эпоху Шекспира дуэли были запрещены, и дуэлянты часто во избежание преследования со стороны властей отправлялись для совершения поединка через Ламанш.

⁶⁰ *Суд постановил, что спор их [...] решится [...] в честном поединке.* — Речь идет о практической апелляции к «божьему суду», о поединке, к которому, согласно установлению, восходящему к глубокому средневековью, могли прибегнуть тяжущиеся стороны в отдельных случаях, не поддающихся разрешению обычным путем.

⁶¹ ... *оба в монашеских одеяниях.* — Назначенный судом поединок, «божий суд», должен явить торжество высшей воли, поэтому он «угоден» церкви; в связи с этим одеяния участников символизируют временное отречение от мира. Ср. дуэль Контарино и Эрколе — она была следствием личной распри и потому подлежала осуждению закона и церкви.

⁶² Об интерпретации характера валлийца см. выше, комм. 19 к «Оборотню».

⁶³ *Эскулап* (Эскулапий, греч. — Асклепий) — фессалийский царь и врач; в поздних античных источниках — бог врачевания. Служить Эскулапу — (эд) значит уподобляться врачу.

⁶⁴ «Да начнется бой, и да будет победа на стороне того, кто прав» (фр.). — По традиции при ведении поединка команды подавались на французском языке.

⁶⁵ ... *если я осатанею, сыграет мне «Orlando Furioso».* — Здесь скорее всего обыгрывается название одного из музыкальных отрывков, сочиненных к одноименной драме Р. Грина, написанной, в свою очередь, по мотивам знаменитой поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

На титульном листе самого раннего издания пьесы (1608) указано, что она была поставлена Труппой мальчиков Школы святого Павла.

Перевод сделан С. Э. Таском по изд.: *Four Jacobean City Comedies*, ed. by G. Salgado. Harmondsworth, 1975, p. 111—187.

¹ *Констебль* — в шекспировской Англии выборная должность в городском и сельском самоуправлении.

² Выходная речь Глупли построена по принципу шутовской риторики гуманистов Возрождения. Классические фигуры речи накладываются на низкую лексику.

³ ... *флаг приспущен*... — Подразумевается обычай — спускать флаги на зданиях театров во время великого поста, когда представления были запрещены. Надо добавить, что выражение «спустить флаг» широко употребляется в английском языке (заемим, как и в русском) со значением «потерпеть поражение», «сдаться».

⁴ В отличие от «романтических» любовных комедий, написанных по преимуществу стихами, в «городских» пьесах превалирует проза. Точных правил, разграничивающих сферы стихотворной и прозаической речи, в тогдашнем английском театре не существовало; переход от стихов к прозе и наоборот мог использоваться при изменении стиля, а также для обозначения нового композиционного раздела. В данном конкретном случае стиховой монолог Кайуса Грешена знаменует переход от экспозиции главной интриги к экспозиции интриги побочной.

⁵ ... *помогут ангелы... не те, а эти*. — Речь идет о деньгах (см. выше, комм. 13 к «Трагедии мстителя»).

⁶ «*Геро и Леандр*», «*Венера и Адонис*» — поэмы о любви. Первая начата К. Марло в 1593 г. и закончена Д. Чэпменом в 1598 г., вторая написана Шекспиром в 1593 г.: «*Необоримость духа*» (1582) — религиозно-аскетический трактат Р. Парсонса.

⁷ ... из «*Братства любви*». — По мнению исследователей, здесь подразумевается религиозно-эротическая секта, члены которой видели в свободной любви путь к первоначальному безгрешному состоянию. Таким образом, надежда Остолоупа на то, что Бесс Хитроу поможет ему укрепить супружеские узы, иронически дискредитируется. Скорее всего, не зная сути дела, Остолоуп перетолковывает название секты в пуританском духе.

⁸ ... *бастарду полную чашу!* [...] *у него нет ни одного бастарда*. — Игра слов с использованием двух значений слова *бастард*: 1) «внебрачный ребенок», 2) «сладкое испанское вино».

⁹ ... *в голубых ливреях*... — Голубой цвет был принят для одежды слуг.

¹⁰ *Ганимед* — в античной мифологии — прекрасный отрок, которого Зевс похитил, обратившись орлом, и сделал своим виночерпием.

¹¹ ... *валлонец играет, а валлиец раздувает мехи*. — Скорее всего в этих словах содержится иносказательная характеристика манеры исполнения. Валлонны (в настоящее время народ, проживающий в Бельгии, говорящий на французском языке) в драме эпохи Шекспира — воплощение запальчивости; валлийцы (жители Уэльса) — хвастуны и ввали, способные «раздуть» что угодно. Таким образом, речь, идя, идет об энергичном, решительном исполнении.

¹² В притче о *блудном сыне* рассказывается, что он, растратив полученные от отца деньги, сделался свинопасом.

¹³ ... «одно вместо другого» (лат.). — Употребляется в качестве формулы недоумения или обмана.

¹⁴ ... *вы из Бедфордшира* [...] *не даете людям спать спокойно в кровати*. — Игра слов. Первый слог слова *Бедфордшир* совпадает с английским словом *bed* «кровать».

¹⁵ ... *рыцарь Виндзора* — это выражение в данном контексте означает «обедневший, несостоятельный».

¹⁶ *Есть, сударь, одна мыслишка, трюк*... — Трюкачество — особенность типажей Бесс Хитроу и Глупли. Для них озорство, игра не менее важны, чем практическая польза, выгода.

¹⁷ *Маргарит* — (зд.) раствор жемчуга.

¹⁸ ... нотариус скрепляет отношения умирающего с живыми, врач же расторгает их. — Следует заметить, что вышучивание врачей, широко распространенное в век Разума, имело место уже в литературе позднего Возрождения.

¹⁹ Что, старина Гарри, занедужила твою Розамунда? — Здесь явственна ассоциация с фавориткой английского короля Генриха II (Гарри — уменьшительное от Генри — Генрих) Розамундой Клиффорд; последняя была принуждена королевой покончить с собой, приняв яд.

²⁰ «Зуд бывает разного рода» (лат.). Плиний Старший. Естественная история, XXVI, гл. 14.

²¹ Геркулесовы столпы — два мыса по обе стороны Гибралтарского пролива, предел известного в древности мира; в широком смысле — обозначение чего-то бесконечно далекого, труднодоступного.

²² Ваше дело амурное, а мое — дежурное. — Данный эпизод представляет собой комический перевытыш распространенной в куртуазной литературе сцены любовного свидания, при котором оруженосец или камерник стоят на страже.

²³ Кланяйтесь также [...] в монастыре святого Иоанна. — Монастырь св. Иоанна некогда стоял в Клеркенуэлле, в центральной части нынешнего Лондона. В начале XVII в. Клеркенуэлл считался районом с дурной репутацией. Добавим, что, по мнению исследователей, обилие родственников — традиционная черта для типажа потаскухи в современной Мидлтоуну литературе.

²⁴ Экипажей-то вон сколько, и кто только в них нынче не ездит! — В начале XVII в. в Лондоне ошутимо возросло количество экипажей, тогда как незадолго до этого, в век Елизаветы, ими пользовалась лишь высшая знать.

²⁵ Пусть только кто попробует [...] по судам затаскает! — Речь идет о часто применявшемся тогдашними сутенерами способе вымогательства, который заключался в том, чтобы спровоцировать оскорбление проститутки, а затем требовать компенсации, грозя судом.

²⁶ За спиной Кайуса Грешена вырастает Суккуб — дьявол, принявший обличье мадам Остолоуп... — Немыслимое в комедии классицизма появление потустороннего существа (подобное возможно лишь в классицистической трагедии) в «городской» пьесе вполне оправдано.

²⁷ Тра-ля-ля [...] пим-пам. — Следует заметить, что тарабарщина звучала в народном театре именно в речи бесов — персонажей дьяблерий.

²⁸ ... как королеву сватали у нас... — Подразумевается неудачное сватовство герцога Анжуйского, брата французского короля Генриха III, к Елизавете в 1581 г.

²⁹ И провизия вся проходит через мои руки. — Эти слова могут быть истолкованы как своеобразный намек, искушение. В XVI—XVII вв. кавалер мог выразить свою привязанность даме, посплав к ее столу изысканное кушанье.

³⁰ ...«оникс с производными веществами и кремний» (лат.). — Глупли цитирует выражение для запоминания правил синтаксиса из популярной в начале XVII в. латинской грамматики.

³¹ ... чудовище со зловонным дыханием... — Зловонное дыхание — один из атрибутов нечистой силы. Весь эпизод комически дублирует сцену Кайуса Грешена с Суккубом и его последующий разговор со служгой.

³² Варфоломеева ярмарка — популярная ярмарка в Лондоне; проводилась ежегодно 25 августа (в день св. Варфоломея) на рынке Смитфильд.

³³ ... кто тут у вас главный маккиавеллист? — Маккиавеллист — в английской драме интересующего нас периода — ампула ловкого интригана-аморалиста. Нараспашкью имеет в виду и то, что личные качества актера, играющего маккиавеллиста, скорее всего должны быть под стать ампуле: такой человек — хитрец по натуре и умеет лучше других организовать дела труппы.

³⁴ ... у нас появляется Время... — Персонифицированные абстракции, персонажи моралите, иногда использовались в елизаветинских комедиях, но ко времени Мидлтона безнадежно устарели.

³⁵ ... смелы, как Бичем. — Подразумевается Томас Бошан (простонародный вариант — Бичем), первый граф Уорвикский, известный своей смелостью.

³⁶ Раус — наружный балкон в балагане. С рауса зывали публику на представление. Позднее на раус стали выходить артисты труппы. Известно выражение «раусный актер».

³⁷ ... на сцене и то посвободней будет, хотя там вся знать сидит. — В тогдашнем театре существовал обычай ставить стулья на сцене для благородной публики,

не попавшей в ложи и не желавшей стоять на партере. Многие яковитские драматурги и актеры критиковали этот обычай непосредственно со сцены.

³⁸ ... *правосудие, закрывающее глаза!* — Здесь обыгрывается изображение богини правосудия Фемиды с завязанными глазами.

³⁹ Прием «театр в театре» используется здесь намеренно: путаница разыгрываемого и доподлинного должна еще более убедить зрителей в справедливости тезиса, служащего заглавием пьесы.

⁴⁰ ... *вскочив в седло, как Смаг на своего белого скакуна...* — Подразумевается эпизод из популярной анонимной комедии «Веселый черт из Эдмонтона».

⁴¹ *Опустимся на одно колено, как актеры после представления для знатного вельможи...* — Следует заметить, что в век Елизаветы спектакли обычно кончались молитвой с коленопреклонением о здравии королевы.

⁴² ... *ты что, взаправду женился на этой?* — Подобный поворот сюжета — женитьба героя-плута на шлюхе — встречается в шутовских романах (например, «Лосарильо из Тормеса»), жанре, родственном городской комедии.

⁴³ *Потешив слух, потешим и желудки.* — В отличие от произведений высоких жанров комедия (жанр, соотносящийся с «низкой», материальной природой человека) по традиции заканчивается утверждением здорового плотского начала.

Б. ДЖОНСОН. «ЧЕРТ ВЫСТАВЛЕН ОСЛОМ»

На титульном листе наиболее раннего дошедшего до нас издания (1631) указано, что пьеса игралась Труппой Слуг Его Величества в 1616 г. В верхней части титульного листа сохранившегося экземпляра — рукописная надпись на греческом языке: «Обо всем — истину». Ниже имени автора значатся слова Горация: «Вымышленные мотивы страсти да будут подобны истинным».

Перевод сделан Г. М. Кружковым по изд.: Four Jacobean City Comedies, ed. by G. Salgado. Harmondsworth, 1975, p. 189—310.

¹ Перечень действующих лиц пародирует обычный порядок в *dramatis personae* трагедий и трагикомедий: *Сатана* занимает место верховного властителя.

² *Порок* — персонаж, традиционно сопровождавший сатану в дьяблериях.

³ *Фицдупель.* — Приставка *фиц* указывает на ирландское происхождение (ирландцы постоянно вышучивались на лондонской сцене в конце XVI — начале XVII в.).

⁴ ... *втиснется Порок?* — Порок — воплощение невоздержанности, — как правило, выводился в облике огромного толстяка.

⁵ См. выше, комм. 37 к пьесе «Безумный мир, господа!»

⁶ ... *на «Эдмонтонском черте».* — Речь идет о комедии «Веселый черт из Эдмонтона», см. выше, комм. 40 к пьесе «Безумный мир, господа!»

⁷ ... *так дьявол тут замешим, без сомненья!* — Перифраза названия пьесы Т. Деккера «Когда дело не кончится добром, сам дьявол здесь замешан».

⁸ В целом начальная сцена первого действия напоминает обычные для мистерий-дьяблерий вступления, в которых раскрываются «метафизические» первопричины действия (ср. Пролог на небесах в «Фаусте» Гёте).

⁹ ... *под виселицу подвести как ведьму...* — В годы правления Иакова I (1603—1625) усилилось инспирированное самим королем преследование «ведьм». Для борьбы с колдовством Иаков I даже написал псевдонаучную «Демонологию».

¹⁰ ... *кому нужен Порок?* — Выходной монолог Беспутства написан амфибрахией. Редкое в драме эпохи Шекспира использование неямбических размеров, вероятно, дань Джонсону античной поэтике. Вместе с тем ритм и особенности рифмовки напоминают догерар (раешник) — стиховую форму народного театра.

¹¹ *Сент-Пол* — собор св. Павла; *Большой акведук* (так называемый Стэндрд на Чипсайде) построен в 1430 г. в северной части Лондона; в прошлом здесь находился один из основных городских рынков.

¹² *Уайтчепель* — район бедняков в Ист-энде; *св. Катерина* (по названию упраздненного аббатства) — район, известный своими питейными заведениями; *голландский квартал* — см. выше, комм. 20 к пьесе «Трагедия мстителя».

- ¹³ *Биллингсгейт* — большой рынок в лондонском Сити.
- ¹⁴ *Стрэнд* — фешенебельная лондонская улица.
- ¹⁵ *Где Веннор вхож...* — Это имя стало нарицательным для крупного мошенника после того, как некий Веннор объявил аттракцион «Веселье Англии» и, собрав деньги с желающих участвовать в нем, бежал, не осуществив обещанного.
- ¹⁶ Претенциозную моду на белье желтого цвета ввела некая миссис Тернер (впоследствии казненная за убийство).
- ¹⁷ *Фбарни* — алкогольный напиток, приготовленный из меда, разбавленного водой.
- ¹⁸ *Тайберн* — место публичных казней вплоть до 1783 г.
- ¹⁹ ... *одежку [...] приобретешь у палача...* — По обычаю, одежда казненного становилась собственностью палача.
- ²⁰ Речь идет о знаменитостях с сомнительной репутацией (по преимуществу астрологах), а также об участниках нашумевшего преступления — убийства лорда Овербери (Савори и Франклин).
- ²¹ Выходной монолог Фицдупеля представляет собой пародирование вступительной сцены «Трагической истории доктора Фауста» К. Марло.
- ²² ... *младший сын о семействе...* — Эти слова Пага немаловажны. По английским законам, младший сын не имел права наследовать недвижимость.
- ²³ *Соверен* — золотая монета достоинством в один фунт.
- ²⁴ Марк Фабий *Квинтиллиан* (ок. 35—95) — автор «Наставления об ораторском искусстве», классического труда по красноречию.
- ²⁵ ... *его пороки — это совершенства в своем нелепом роде.* — В соответствии с «теорией гуморов» Б. Джонсона (см. вступительную статью) комический персонаж является носителем какой-либо гипертрофированной страсти.
- ²⁶ ... *на представленье к «Доминиканцам»...* — Подразумевается театр «Блек-фрайерс», построенный на месте упраздненного доминиканского монастыря.
- ²⁷ *Инн* — нечто вроде общежития для студентов, изучающих юриспруденцию; также здание адвокатских корпораций. *Линкольнз-инн* — здесь имеется в виду одна из таких корпораций.
- ²⁸ *Гайд-парк* — самый обширный лондонский парк; в начале XVII в. стал приобретать популярность как место прогулок привилегированной публики. *Доминиканцы* (зд.) — квартал, облюбованный лондонскими художниками.
- ²⁹ ... *все составители календарей...* — Под календарями здесь подразумеваются своеобразные альманахи, в которых предсказывались события на грядущий год. Составлением альманахов занимались, как правило, астрологи.
- ³⁰ *Via, resupia!* — В восприятии данной реплики нужно учитывать два значения латинского слова *resupia*: «деньги», «скот»; так что фразу можно перевести: «Живей, денежный мешок!» и «Живей, скотина!»
- ³¹ ... *герцогов Британия не может рождать.* — Имеется в виду, что после казни герцога Норфолькского в 1572 г. в Англии долгое время не было герцогов. Только в 1623 г. Иаков I сделал своего фаворита Джорджа Вилльерса герцогом Бекингемским.
- ³² *Бермуды* — район в Лондоне XVII в., находившийся на месте нынешней Трафальгарской площади и пользовавшийся крайне дурной репутацией. Название объясняется тем, что в прежние времена Бермудские острова именовались «Островами дьявола».
- ³³ ... *не выйдет смело на простор морей?* — Уподобление человеческой жизни плаванию среди бурного моря часто встречается в средневековой литературе. Однако если там эта метафора подчеркивала бессилие человека, то у Джонсона она приобретает иной смысл, звучит как призыв к активной и бесстрашной деятельности.
- ³⁴ ... *как кончил Ричард III!* — Ричард III был убит в битве при Босворте в 1485 г.
- ³⁵ ... *я историй этих поднабрался из пьес: источник верный.* — Здесь скорее всего таится авторская ирония. Известно, что Джонсон критиковал авторов исторических хроник (в том числе и Шекспира) за вольное обращение с фактами.
- ³⁶ *С «Утопией» созвучно...* — Знаменитая «Утопия», как и личность ее автора Т. Мора, прочно вошла в сознание не только образованных лондонцев, но и городских низов, несмотря на преступную с официальной точки зрения преданность Т. Мора католической церкви.

³⁷ ... сцена играетя возле двух окон почти соприкасающихся домов. — Напомним, что декораций в театрах эпохи Шекспира практически не было. Скорей всего Смелтон и леди Франсис просто выходили на специальный балкон над сценой.

³⁸ ... как *Формену* ... — Речь идет об известном астрологе и составителе альманахов. См. также комм. 20 к настоящей пьесе.

³⁹ ... *смышленного мальчишку и натаскать на роль*. — Слова Меерплута должны пониматься исходя из того, что в театре эпохи Шекспира не было актрис и все женские роли исполнялись юношами.

⁴⁰ *Дик Робинсон* — актер Труппы Слуг Его Величества, исполнитель женских ролей.

⁴¹ «Природа вещей», «миропорядок» (лат.) — это выражение, послужившее в Древнем Риме названием философской поэмы Лукреция Кара, было широко распространено в эпоху Ренессанса.

⁴² *Чипсайд* — улица в северной части Лондона.

⁴³ *Когда бы вы довольствовались [...] голландской шлюхой или маркитанткой...* — О голландском «колорите» см. выше, комм. 20 к «Трагедии мстителя». Интересно отметить, что Джонсон сам участвовал в военных действиях на территории Нидерландов.

⁴⁴ *Картель* — письменный вызов на дуэль.

⁴⁵ Стоит заметить, что в 1614 г. в Англии были официально запрещены дуэли, см. также комм. 30 к трагикомедии «Всемирным тяжбам тяжба».

⁴⁶ *Пимлико* — район в центре Лондона, местонахождение увеселительного сада.

⁴⁷ *Бристольская слюда, корнуэльская обманка* — камни, только напоминающие по виду алмаз.

⁴⁸ ... *осел делил добычу мудро?* — Подразумевается басня Эзопа «О льве, осле и лисице».

⁴⁹ ... *вписать туда опекунов* ... — Речь идет об опекунах имущества на случай неблагоприятного исхода дуэли.

⁵⁰ Здесь и далее иностранные слова в основном употреблены для комического эффекта. Некоторые из них обозначают средства, действительно употребляемые в парфюмерии (*grasso di serpe* (ит.) «зменный жир»), другие в данном контексте нарочито неуместны (*zuccarino* (ит.) «конфета из сахара»).

⁵¹ ... *вдовьей части*. — См. выше, комм. 51 к трагикомедии «Всемирным тяжбам тяжба».

⁵² *Шоредич* — местность на окраине Лондона. Согласно преданию, Генрих VIII сделал герцогом Шоредичским некоего уроженца этой местности, отличившегося в стрельбе из лука.

⁵³ *Не будь я Фабиан Фицдупель...* — Имя *Фабиан* имеет в данном контексте иронический смысл, ведь в английском языке существует прилагательное *fabian* «медлительный» (от имени римского полководца Фабия Кунктатора, сторонника выжидательной тактики).

⁵⁴ ... *возле приемной залы у лорд-мэра...* — Эти слова нужно понимать, памятуя, что выражение «приглашение на прием к лорд-мэру» служило эвфемизмом смертной казни.

⁵⁵ *Дэррел* — пуританский проповедник, слывший экзорцистом (специалист по изгнанию бесов) и изобличенный в мошенничестве.

⁵⁶ ... *Соммерс из Ноттинггема* — пациент Дэррела; по делу Соммерса Дэррел и был заключен в тюрьму.

⁵⁷ Речь идет о двух весьма нашумевших в свое время событиях, связанных с обвинениями в колдовстве. В 1597 г. в Ланкашире был казнен некий Эдмунд Дартли, обвиненный в том, что он околдовал семерых детей. *Мальчик из Бертона* — некий Томас Дарлинг, ставший, по общему убеждению, жертвой злых чар Алисы Гудрид, которая была заточена в тюрьму и скончалась там в 1596 г.

⁵⁸ «В здоровом уме» (лат.) — специальный юридический и медицинский термин.

⁵⁹ ... «потенциально»... (лат.). — Меерплут скорее всего хочет сказать, что Фицдупель уже начинает вести себя так, как подобает герцогу, то есть действует решительно.

⁶⁰ *Фелония* — от англ. felony «тяжелое преступление»; здесь звучит с некоторым комическим оттенком.

⁶¹ *Ньюгейтская тюрьма* — известная лондонская тюрьма, перед которой вплоть до середины XIX в. публично вешали осужденных.

⁶² ... нечистый пороки уносит... — В мистериях-дьяблериях порок обычно выезжал верхом на черте.

⁶³ *Крамбо* — игра, в которой один из участников предлагает слово, а другие должны подбирать к этому слову рифмы.

⁶⁴ Набор греческих слов: «злой демон, и трижды, и четырежды, и пятью демон, и двенадцать, и десять тысяч раз».

⁶⁵ *Фальшивый живот* — обычный аксессуар плутов-экскурсионистов.

⁶⁶ *Мышка*... — Томас Дарлинг (см. выше, комм. 57 к настоящей пьесе) утверждал, что у него изо рта выскочила мышь; подобные заверения содержатся в протоколах допросов «околдованных» и «одержимых».

ДЖ. ШЕРЛИ. «ВЕТРЕНИЦА».

Комедия «Ветреница» была допущена к постановке в октябре 1635 г. и вскоре сыграна в частном помещении на Друри-лейн — улице, впоследствии ставшей театральным центром Лондона, Труппой Слуг Ее Величества. В 1637 г. «Ветреница» была впервые опубликована.

Перевод сделан М. Я. Бородицкой по изд.: *Typical Elizabethan Plays. New York—London, 1931, p. 953—997.*

¹ Многие действующие лица пьесы наделены говорящими именами, среди которых нуждаются в расшифровке: *Аретина* (греч.) «добродетельная»; *Селестина* (фр.) «небесная».

² *Странд* — см. выше, комм. 14 к пьесе Б. Джонсона «Черт выставлен ослом»; у Шерли в «Ветренице» выступает как символ великосветского образа жизни.

³ Речь идет о широко распространенном в старой Англии народном танце с элементами пантомимы, который исполнялся в костюмах фольклорных героев — Робин Гуда и его возлюбленной Марианы. Обычай танцевать в канун троицы восходит к традиционным танцам у «майского дерева», непосредственно связанным с языческими празднествами по случаю наступления весны.

⁴ ... картины итальянцев и голландцев... — В так называемый каролингский век мода на итальянскую и голландскую живопись оттеснила на второй план произведения национальной школы.

⁵ ... находчива, как истинный Меркурий! — В античной мифологии *Меркурий* (греч. Гермес) считался покровителем красноречия.

⁶ *Девиз* — (зд.) надпись на кольце.

⁷ *Кларет* — вино, изготавливаемое во французском городе Бордо.

⁸ Производство гобеленов было одной из ведущих отраслей мануфактуры в XVI—XVII вв. Часто на гобеленах изображались библейские сюжеты; в данном случае речь идет о гобелене (или серии гобеленов), на котором вытканы эпизоды из истории Иосифа Прекрасного. Книга Бытия повествует о том, что Иосиф был продан своими братьями купцам, ехавшим на верблюдах в Египет; спустя много лет Иосиф встретил братьев в Египте, куда они приехали за зерном.

⁹ *Излингтон* — в начале XVII в. место отдыха под Лондоном.

¹⁰ *Портшез* — распространенное средство передвижения привилегированных лондонцев в XVII в.

¹¹ *Я соберу созвездье умников [...] и пусть являют свой изящный дар...* — Намек на появление в модных салонах так называемых академий остроумия, литературных кружков, культивировавших искусственный стиль.

¹² *Черинг-кросс* — перекресток, принятый за центр Лондона при отсчете расстояний; известна также гостиница с названием «Черинг-кросс».

¹³ *Темпль* — общее название для двух из четырех лондонских «иннов» (см. выше, комм. 27 к комедии «Черт выставлен ослом»). Здания этих «иннов» — Внутреннего темпля и Среднего темпля — были построены на том месте, где в XII—XIV вв. жили рыцари-темплиеры и находился их храм.

¹⁴ ... наставник мой... — Речь идет о руководителе (tutor) группы студентов в Кембридже и Оксфорде.

¹⁵ ... не танцую при дворе в балетах... — Селестина хочет сказать, что не участвует в придворных празднествах, «масках».

¹⁶ Речь идет о знаменитых берберийских скакунах.

¹⁷ В Перу наняться рыть золото... — В XVI—XVII вв. в завоеванном и разграбленном испанцами Перу велись поиски легендарной «золотой» страны Эльдорадо.

¹⁸ Образность, опирающаяся на столкновение мотивов живой красоты с мотивами смерти и тления, характерна для поэзии Д. Донна и его школы.

¹⁹ «Тысяча поцелуев, поцелуев тысяча» (лат.) — неточная цитата из знаменитого стихотворения Катулла «Vivamus, mea Lesbia», очень популярного в шекспировской Англии.

²⁰ ... Сюзанну представляла на ярмарке ... — Возможно, имеется в виду представление на тему известного библейского сюжета о Сусанне и старцах.

²¹ Сент — то же, что пикет: карточная игра, известная с XVI в.

²² Адонис — в античной мифологии прекрасный юноша, сын кипрского царя Кинира и его дочери Мирры, возлюбленный богини Венеры. Рассказ об обольщении Адониса приводится в поэме Шекспира «Венера и Адонис».

²³ ... вам кошкой бывать не доводилось..? — По поверьям разных народов, кошка — традиционный оборотень ведьмы.

²⁴ Геката — в античной мифологии богиня охоты, рыболовства, дорог и колдовства, выступавшая в трех образах: Селены (Луны) — на небе, Дианы — на земле и богини подземного мира, часто отождествлявшейся древними с Персефоной (Прозерпиной), — в преисподней. С именем Гекаты в мифологии связывалось все таинственное.

²⁵ ... куплетами ... — Речь идет об издававшихся отдельными книжками лубочных балладах на злобу дня, которые чаще всего писались «куплетами» (рифмованными двустихьями).

²⁶ См. выше, комм. 35 к трагедии «Оборотень».

²⁷ ... два царственных светила ... — Подразумеваются английский король Карл I (1625—1649) и королева Генриетта-Мария.

²⁸ Стил-ярд — квартал в Лондоне, известный своими лавками, хозяевами которых, как правило, были немцы.

²⁹ Мирмидоняне — ахейское племя; согласно преданию, в числе других греческих племен участвовали в Троянской войне.

³⁰ ... щедрей, чем вся британская казна! — Не исключено, что в этих словах содержится скрытая критика в адрес короля, чья чрезмерная расточительность привела в 30-е годы XVII в. к истощению казны.

³¹ Дафна — в античной мифологии нимфа, дочь речного бога Пенея. Спасая Дафну от посягательств прельщенного ее красотой Аполлона, отец превратил ее в лавр.

³² Согласно мифу, нимфа Эхо зачала и превратилась в камень из-за неразделенной любви к прекрасному юноше Нарциссу; сохранился только ее голос.

³³ Прозерпина — дочь Цереры и Юпитера; согласно мифу, была похищена Плутоном и стала богиней подземного царства, но раз в год Прозерпина возвращается на землю, чтобы затем снова спуститься в подземный мир.

СОДЕРЖАНИЕ

Драматургия младших современников Шекспира	5
С. Тернер. Трагедия мстителя. <i>Перевод С. Э. Таска</i>	45
Т. Мидлтон, У. Роули. Оборотень. <i>Перевод Г. М. Кружкова</i>	119
Д. Форд. Разбитое сердце. <i>Перевод С. Э. Таска</i>	189
Д. Узбстер. Всем тяжбам тяжба, или Когда судится женщина, сам черт ей не брат. <i>Перевод С. Э. Таска</i>	259
Т. Мидлтон. Безумный мир, господи! <i>Перевод С. Э. Таска</i>	337
Б. Джонсон. Черт выставлен ослом. <i>Перевод Г. М. Кружкова</i>	397
Д. Шерли. Ветреница. <i>Перевод М. Я. Бародицкой</i>	489
Комментарии	569

**МЛАДШИЕ
СОВРЕМЕННОКИ
ШЕКСПИРА**

Под редакцией А. А. Аникста

Заведующая редакцией *М. Д. Погапова*

Редакторы *И. И. Лебедева, М. У. Шлаик*

Художник *И. С. Клейнгард*

Художественный редактор *Л. В. Мухина*

Переплет художника *Ю. А. Боярского*

Технические редакторы *Е. Д. Захарова, К. С. Чистякова*

Корректоры: *Л. А. Айдарбекова, Н. П. Стерина,*

Н. В. Рыбкова

ИБ № 2075

Сдано в набор 02.04.84.

Подписано в печать 10.11.85.

Л-62238. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 3.

Гарнитура литературная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 37,0. Уч.-изд. л. 36,33.

Тираж 100 000 (1-й з-д 1—50 000) экз. Заказ № 51914.

Цена 3 руб. Изд. № 2491.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано с диапозитивов 12ЦТМО в полиграфкомбинате Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 35.

